

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 500. Март

• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
И ПОЛИТОЛОГИЯ	AND POLITICAL SCIENCE
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 500. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Дутчак Е.Е., Болдовская Т.Е. Историк в пространстве междисциплинарности: взгляд студентов	5
Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Международная миграция и формирование албанской диаспоры: от крушения коммунистического режима до Европейского миграционного кризиса	15
Головинов А.В., Должиков В.А. Камско-Волжская газета и сибирское областничество: ключевое идеологическое и практическое значение (на эпистолярных источниках 1873–1874 гг.)	22
Жиров А.А. Между дегерманизацией и славянизацией: концепции интеграции Возвращенных польских земель после Второй мировой войны	30
Сапанжа О.С. Всемирная история искусств в контексте развития советской исторической науки 1930-х гг.: к вопросу создания учебника «История западно-европейского искусства» 1940 г.	36
Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А. Разводы по неспособности к брачному сожительству в провинциальных губерниях Российской империи	47
Уваров С.Н. Рождаемость и смертность населения Удмуртии в 1930-е гг.	58

ФИЛОЛОГИЯ

Буров Э.Е. Особенности сочетаемости местоимения <i>что-то</i> с постпозитивными прилагательными в текстах разных стилей	68
Влавацкая М.В., Родина Д.Г. Концептуальные доминанты спортивных неологизмов английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе	76
Иванова-Жданова Е.Ю. Особенности реализации таксисной семантики последовательности в конструкциях с деепричастиями от глаголов движения	88
Мясникова М.А., Новоселов А.А. Российская профессиональная и «любительская» театральная критика в зеркале дискуссий	96
Федорова Н.Ю., Ярмухамедова Ф.М. Фразеологизмы с компонентом «денежная единица» в русском и английском языках	107
Цуканова Е.В., Мишанкина Н.А. Механизмы моделирования семантики метафорического термина (на материале юридической терминологии)	116

ФИЛОСОФИЯ

Пильошенко А.В. «Dasein» или «поток переживаний»: онтологические основания человека через призму феноменологического и психоаналитического подходов	130
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Брызгина Д.Е., Сметанин Ф.А., Волошин А.А., Самарин А.С. Внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения Сибири: сравнительный анализ Иркутской, Томской областей и Красноярского края	137
Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Бурмакина А.Л., Донов И.В. Региональное социально-политическое взаимодействие онлайн и офлайн: возможности сравнения и измерения на примере экологической повестки	150

CONTENTS

HISTORY

Dutchak E.E., Boldovskaya T.E. A historian in the space of interdisciplinarity: Students' perspective	5
Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. International migration and the formation of the Albanian diaspora: From the collapse of the communist regime to the European migrant crisis	15
Golovinov A.V., Dolzhikov V.A. Kamsko-Volzhsкая gazeta and Siberian regionalism: Key ideological and practical significance (based on epistolary sources of 1873–1874)	22
Zhirov A.A. Between de-Germanisation and Slavianisation: Integration concepts of Polish “recovered territories” after World War II	30
Sapanzha O.S. The world history of arts and the development of Soviet historical science of the 1930s: On publishing the <i>History of Western European Art</i> textbook (1940)	36
Spichak A.V., Vanyushina O.V., Krivosheeva Yu.A. Divorces based on inability to cohabit in marriage in the provincial governorates of the Russian Empire	47
Uvarov S.N. Fertility and mortality of the population of Udmurtia in the 1930s	58

PHILOLOGY

Burov E.E. The features of the co-occurrence of the Russian pronoun <i>что-то</i> and postpositive adjectives in texts of different styles	68
Vlavatskaya M.V., Rodina D.G. Conceptual dominants of English, German and Russian sports neologisms in media discourse	76
Ivanova-Zhdanova E.Yu. The peculiarities of expressing the taxis semantics of consecution in constructions with adverbial participles formed from verbs of motion	88
Myasnikova M.A., Novoselov A.A. Russian professional and “amateur” theater criticism in the mirror of discussions	96
Fedorova N.Yu., Yarmuhamedova F.M. Phraseological units with the “monetary unit” component in the Russian and English languages	107
Tsukanova E.V., Mishankina N.A. Mechanisms of modeling the semantics of metaphorical term (based on the legal terminology)	116

PHILOSOPHY

Pilyushenko A.V. “Dasein” or “stream of experiences”: Ontological foundations of a human through the prism of phenomenological and psychoanalytic approaches	130
--	-----

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bryazgina D.E., Smetanin F.A., Voloshin A.A., Samarina A.S. Intraregional and interregional migration of Siberian population: Comparison of Irkutsk Oblast, Tomsk Oblast, and Krasnoyarsk Krai	137
Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Burmakina A.L., Donova I.V. Regional socio-political interaction online and offline: Possibilities for comparison and measurement using the example of the environmental agenda	150

ПЕДАГОГИКА

Глумова Е.П., Морозова М.А. Принципы непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе	159
Касаткин П.И., Гулов А.П. Феномен «московского олимпиадного чуда»: благо или зло для отечественного образования?	167
Макеева В.С., Шайкина О.Е., Широкова Е.А. Взаимосвязь психических процессов с технической подготовленностью у баскетболисток 14–15 лет	177
Нестерова Н.Г., Хамшовски С.А. Проектный метод как технология создания языковой образовательной среды для овладения русским языком как иностранным: опыт российско-венгерского учебного проекта	185
Поздеева С.И., Смышляева Л.Г., Никитин А.А. Образовательные технологии: осознанная или навязанная необходимость?	197

ПРАВО

Злоказов К.В., Енгальчев В.Ф. Когнитивная технология допроса: основания, возможности и ограничения	203
Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г. Искусственный интеллект: игнорировать или регулировать?	211
Рааб Р.С. От «правовой рамки» – к <i>Nomos</i> 'у: эволюция правовых идей Фридриха Хайека	218
Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве	231
Шеслер А.В. Специальные виды хищения	238

PEDAGOGICS

Glumova E.P., Morozova M.A. Principles of continuous foreign language training for future engineers at the university	159
Kasatkin P.I., Gulov A.P. The phenomenon of the “Moscow Olympiad miracle”: Good or evil for domestic education?	167
Makeeva V.S., Shaykina O.E., Shirokova E.A. The interrelation of mental processes with technical preparedness of basketball players aged 14–15	177
Nesterova N.G., Hamsovszki S.A. The project method as a technology for creating an environment for mastering Russian as a foreign language: The experience of a Russian-Hungarian education project	185
Pozdeeva S.I., Smyshlyeva L.G., Nikitin A.A. Educational technologies: A conscious or imposed necessity?	197

LAW

Zlokazov K.V., Engalychev V.F. Cognitive technology of interrogation: Rationale, capabilities and limitations	203
Masufanova E.A., Dubrovsky N.S., Balashov K.G. Artificial intelligence: Ignore or regulate?	211
Raab R.S. From “rational framework” to <i>Nomos</i> : The evolution of Friedrich Hayek’s legal thought	218
Shatalov A.S. The role, essence and significance of digital (electronic) evidence in criminal proceedings	231
Shesler A.V. Special types of theft	238

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 93:001.3+378.4-057.875(571.1/.5)
doi: 10.17223/15617793/500/1

Историк в пространстве междисциплинарности: взгляд студентов

Елена Ерофеевна Дутчак¹, Татьяна Ерофеевна Болдовская^{2, 3}

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ dee010@mail.ru

^{2, 3} teb73@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты пилотного исследования научных и профессиональных приоритетов студентов исторического бакалавриата трех сибирских классических университетов. В качестве аналитической рамки для их изучения выбраны процессы реформирования социогуманитарного знания. Материал соби-
рался методом анкетирования и показывает отношение студентов к истории как к области профессиональной
деятельности, полученным и ожидаемым от участия в междисциплинарном проекте исследовательским и со-
циальным компетенциям.

Ключевые слова: Сибирь, университет, историческая наука, бакалавриат, образ науки, профессии и карьеры

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения проекта РНФ № 23-78-10119.

Для цитирования: Дутчак Е.Е., Болдовская Т.Е. Историк в пространстве междисциплинарности: взгляд сту-
дентов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 5–14. doi:
10.17223/15617793/500/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/1

A historian in the space of interdisciplinarity: Students' perspective

Elena E. Dutchak¹, Tatyana E. Boldovskaya^{2, 3}

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

¹ dee010@mail.ru

^{2, 3} teb73@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a pilot study of research priorities and professional preferences of under-
graduate history students at three Siberian classical universities (Tomsk, Novosibirsk and Omsk). As an analytical
framework for the study, we chose (a) the processes of reformatting socio-humanitarian knowledge and expanding
areas of cooperation between historians and representatives of different disciplines; (b) the generational approach as a
new direction for historical science in studying the mechanisms of intergenerational transmission of corporate cultures
and identities. The data were collected by a questionnaire. To analyze the data from 165 respondents, a specialized
application package IBM SPSS StatisticsBase and methods of mathematical statistics were used (descriptive statistics,
parametric and non-parametric tests, one-way analysis of variance, correlation and factor analysis). The results of the
study are described in two sections. The first section shows that the growing interest in the research activities of histo-
rians of the zoomer generation is not accompanied by an expansion of partner disciplines and, for example, interaction
with IT is on the periphery of their preferences. The data analysis revealed differences between junior and senior stu-
dents in their image of a “collective project” due to the distance learning format widespread during the COVID-19
pandemic, and gave the assumption on the continuing influence of the “Soviet scientific component” in the university
socialization of historians. The second section presents students' understanding of the connection between “society”
and a “historian”, which is characterized by the majority of respondents as limiting their personal employment oppor-
tunities in the Siberian region and beyond. This allows us to state the high interest of students in acquiring research and
social competencies through participation in interdisciplinary projects and explain the reasons for the discrepancies
between their expectations and the actual practices of implementing such scientific interactions. In conclusion, the
prospects for the participation of history students in projects to create online resources of a humanitarian nature are
characterized, and a typology of groups focused on experimental, programmatic and situational interdisciplinary coop-
eration is presented.

Keywords: Siberia, university, historical science, bachelor's degree, image of science, profession and career

Financial support: This research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-10119.

For citation: Dutchak, E.E. & Boldovskaya, T.E. (2024) A historian in the space of interdisciplinarity: Students' perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/1

Введение

Прозрачность дисциплинарных границ сегодня называют признаком начавшегося переформатирования социогуманитарного знания. С позиции философии науки обмен понятиями и методами расценивается как движение к зонтичной дисциплине «гуманистика» и исследованиям, сопоставимым по сложности с воздействующими на человека природными, техническими и социальными факторами [1]. С точки зрения методологии истории преобразование «старых» и возникновение «новых» предметных полей характеризуется как этап «историографической революции» и преодоление «предельной фрагментации исторического знания» [2; 3. С. 5]. Ревизия опытов междисциплинарности и растущее разнообразие их презентаций [4–6] приводят к складыванию диаметрально противоположных оценок «открытости»: от признания за ней способности фундировать поиски «цивилизационной идентичности» [7] до сомнений считать ее универсальным рецептом в силу частого игнорирования природы исторического познания и неглубокой, поверхностной рецепции заимствованных теоретических построений [8, 9].

Университетские студенты-историки обучаются в противоречиво развивающемся пространстве академических дискуссий, которое само испытывает влияние усложняющейся исследовательской инфраструктуры. Единственными, но всегда надежными ориентирами в этом информационном море остаются для них традиции вузовских научных школ и интеллектуальные предпочтения преподавателей. Причем, в отличие от учителей, уже определившихся с научными приоритетами, сегодняшние студенты осознают, что от выбора темы и концепции может зависеть их профессиональное будущее. Неслучайно они признают полезность «своей» рефлексии о средствах и инструментах мышления [10] и формулируют коллективный запрос на «чужой» опыт. Приведем вопросы, на которые в 2023 г. томские студенты-историки предлагали ответить преподавателям: «Расскажите о своём опыте научной деятельности в студенческие годы (возможно, Вы посещали какие-то кружки, были членом научного сообщества)», «Что помогло вам сформировать круг интересов?», «Как получилось найти “ту самую тему” для исследования?», «Для Вас наука – это...?», «Как Вы считаете, зачем молодому человеку идти в науку?», «Дайте несколько советов для тех, кто только начинает свой путь в научной деятельности» [11].

У медали есть и обратная сторона – обоюдный интерес преподавателей-исследователей к подготовке тех, кто продолжит начатые междисциплинарные инициативы. Обычно они задумываются как долгосрочные и требуют серьезных трудозатрат, но без молодых

кадров их развитие проблематично, что со всей очевидностью показывают проекты, осуществленные вместе с IT-специалистами, – по окончании финансирования они имеют все шансы стать невостребованными ссылками.

Сумма этих соображений определила задачи пилотного исследования научных приоритетов и профессиональных предпочтений сибирских студентов-историков, их способностей как представителей поколения зумеров адаптироваться к реалиям междисциплинарной науки и современного рынка труда, также нуждающегося в специалистах с метадисциплинарным мышлением.

Теоретико-методическая и информационная база исследования

Поколенческая терминология прочно вошла в повседневный обиход и исследовательскую литературу, вместе с тем вопрос о научной состоятельности самого поколенческого подхода не снят [12]. Отсутствие конвенциональной теории и аналитического инструментария приводит к тому, что попытки преодолеть житейские представления о различиях возрастных групп с помощью маркетинговых и социологических моделей изучения ценностей и мотиваций дают лишь усредненные портреты, а выводы, например, в отношении зумеров вынужденно становятся такими – «молодежь гетерогенна по своим трудовым установкам; среди студентов вузов нет единого подхода к работе, предпочтительных стратегий по развитию будущей карьеры и организации труда» [13].

Вряд ли методологические вопросы будут решены в рамках одной научной дисциплины. Переход исследований интеллектуальных и поведенческих стратегий поколений в сферу исторического анализа и конкретизация фоновых факторов «времени» и «места» [14] показывают пути преодоления накопившихся противоречий, как минимум в той части, где объектом исследования выступает вузовская среда [15]. Эти наработки позволяют рассматривать университет как институт социализации, формирующий схожие ценностные иерархии, типы коммуникации и коллективной памяти [16, 17], и в известной мере игнорировать дискуссию о том, какой временной рубеж следует считать границей между миллениалами и зумерами (поколениями Y и Z) – 1997, 2000 или 2003 г. [18. С. 42–50] Правомочность такого подхода косвенно подтверждают результаты международного проекта «Предвестники» (Harbingers; 2016–2019 гг.), в ходе которого анализировались публикационные стратегии начинающих исследователей: оказалось, что национальные различия институтов науки оказываются более значимыми, чем возрастные градации молодых ученых [19]. Это

наблюдение вводит в состав конституирующих факторов пространственные характеристики университетов: их расположение относительно научных центров общенационального масштаба и место в системе межрегиональных вузовских взаимодействий.

Последнее обстоятельство определило выбор респондентов – ими стали студенты исторических бакалавриатов трех сибирских университетов: Томского, Новосибирского и Омского. Хотя вузы руководствуются разной научной и образовательной политикой, их студенческие сообщества не только по формальным признакам входят в возрастную группу 18–25-летних [20], но и в действительности связаны участием в чередующихся на университетских площадках конференциях и школах, предметных олимпиадах и спортивных соревнованиях.

Отметим еще один фоновый фактор, который делает проверяемым высказанный критиками поколенческого подхода тезис о *вероятностном* характере средового влияния [12. С. 142]. Студенты 3–4-го курсов начинали обучение в условиях пандемии COVID-19, и именно их ответы важны для понимания степени устойчивости университетской социализации при смене формы коммуникаций.

Материал для исследования собирался методом анкетирования. Мы старались минимизировать привлечение административного ресурса, обращаясь к руководству факультетов лишь с просьбой проинформировать студентов об опросе, поэтому количество респондентов различается по вузам: Томский университет – 82 чел., Омский – 63 чел. и Новосибирский – 20 чел. В то же время такой способ сбора данных мы сочли отвечающим задаче исследования, поскольку он позволял обратиться к рефлексивной части студенческой аудитории и задействовать ресурсы ее добровольной помощи (результатом последнего стало появление в составе респондентов кемеровских и московских студентов, ответы которых мы не учитывали).

Анкета разработана на основе опыта преподавания, руководства выпускными работами и вовлечения студентов в научные и образовательные проекты авторов статьи. Респондентам предлагались закрытые и альтернативные вопросы: первые использовались для выяснения их оценок истории как области профессиональной деятельности; вторые – в отношении полученных и ожидаемых от участия в междисциплинарном проекте исследовательских компетенций и связанных с ними карьерных перспектив. Сведения о социальном и семейном бэкграунде привлекались для установления различий в мотивах и характеристики этих ресурсов как объяснительных переменных. Для анализа эмпирических данных использовался специализированный пакет прикладных программ (IBM SPSS StatisticsBase) и методы математической статистики, в том числе применение показателей первичной описательной статистики, параметрических и непараметрических критериев, однофакторного дисперсионного анализа, корреляционного и факторного анализа. В обработке данных принимали участие бакалавры-социологи Омского университета.

Результаты исследования

73,5% наших респондентов определили свой выбор специальности как самостоятельный и осознанный, 26,5% назвали его случайным или вынужденным. На первый взгляд, по сравнению с 2002 г. ситуация изменилась незначительно: тогда четверть томских студентов-историков тоже отметили влияние на их решение друзей, родственников и обстоятельств [21]. Вместе с тем заслуживает внимания следующее: как и два десятилетия назад, диплом историка воспринимается стартовой позицией для карьеры в бизнесе, правоохранительной, военной структурах и спортивной индустрии¹, но при этом замечен рост численности тех, кто связывает свое будущее с наукой и высшим образованием (2002 г. – 20%; 2023 г. – 54,2%).

О смене тренда свидетельствует названный респондентами ассоциативный ряд к понятию «самостоятельно проведенное исследование», в котором узнается веберовское описание «ученого по призванию» [22], – его составляют «самореализация», «креативность», «свобода» и «эрудиция», а «заработок» и «карьера» рассматриваются как их производные. Возрастание интереса к исследовательской деятельности, видимо, связано не только с поколенческими чертами зумеров (важность самопознания, духовной стороны жизни), но и со средовыми факторами – доступностью обучения в магистратуре и аспирантуре, активном вхождении в региональное пространство музеев, архивов и библиотек. Неслучайно сегодня высока доля тех, кого привлекают эти сопряженные с «большой наукой» и одновременно социально ориентированные сферы (28,9%) (табл. 1).

Таблица 1
Матрица компонентов факторного анализа

Компонент	1	2	3
Наука и высшее образование	0,711	–0,211	–0,281
Музеи, архивы, библиотеки	0,693	–0,106	0,453
Среднеспециальное и школьное образование	0,632	0,039	0,533
Сфера IT	–0,620	0,185	–0,167
Правоохранительная и военная сфера	–0,026	0,748	0,016
Бизнес	–0,050	0,599	0,203
Государственное управление и политика	0,497	0,589	–0,248
СМИ, журналистика	0,375	0,383	–0,285
Спорт	–0,435	0,168	0,721

Влияют ли интеллектуальные форматы исторической науки и университетские институты на профессиональную социализацию студентов? Например, как о глобальной тенденции специалисты говорят о провале проекта сциентизации истории [23, 24]. Дисциплина продолжает балансировать между социальным и гуманитарным знанием, что на уровне вузов, участвующих в «борьбе за рейтинги и абитуриентов», открывает путь для административного решения эпистемологических проблем – слияния факультетов и кафедр. В теории такие союзы, учитывающие сложившиеся взаимодействия, должны обеспечить генерирование

научных идей и расширение профессиональных компетенций выпускников. В текущем состоянии искусственно созданная негерметичность дисциплины – отметим, что новосибирцы, омичи и томичи получают историческое образование в составе объединенных факультетов, – дает следующую картину.

1. *Между призванием и меняющейся рамкой профессии.* Открытость современных студентов к сотрудничеству сосуществует со стремлением сохранить дисциплинарную идентичность. Респондентам было предложено оценить внутренне противоречивые суждения. В результате 134 человека из 165 (80,7%) с разной степенью уверенности согласились с тем, что «участие в междисциплинарных проектах – это самый быстрый способ освоения разных исследовательских практик и развития креативного мышления». При этом 99 из тех же 165 (59,6%) считают, что «история – одна из старейших наук, поэтому она должна сохранять автономию, ориентироваться на классические образцы и работать с фактами». В таком отношении к партнерству прагматизма и традиционализма больше, чем рассогласованности. Например, археологи как самые изобретательные в предложении его вариантов (названы физики, химики, биологи, почвоведы, геологи, палинологи и др.) свой выбор обычно сопровождали фразой «мне как археологу важно...».

Подвижность системы «старых» и «новых» авторитетов сделала понятие «классики» условным [25], тем не менее апелляция в ходе обучения к определенным именам и текстам остается частью корпоративной культуры [26. С. 285–300] и облегчает реализацию тех междисциплинарных треков, в которых легче воспроизводятся апробированные в отечественной историографии теоретические подходы к презентации исторического материала [9]. Поэтому из перечня дисциплин, с представителями которых, по мнению респондентов, сотрудничество наиболее продуктивно, предсказуемо выбираются социология, политология (26% ответов), культурология, искусствоведение (25,5%), лингвистика, литературоведение (21,4%).

Наличие в этом ряду экономистов и географов (18,4%) является, на наш взгляд, обнадеживающим признаком, свидетельством возвращения интереса к материальным аспектам изучения прошлого. О подвижках и в отношении собственно научной деятельности свидетельствует отказ от стратегий, которые «взрослым» историкам на протяжении последних лет казались непреодолимыми. Молодые историки не хотят оценивать успешность научных коммуникаций по формальным наукометрическим показателям. Лишь 10 респондентов внесли в перечень их критериев увеличение числа публикаций и цитирований, для остальных более значимыми представляются перспективы разработки общего предметного поля, расширения источниковой базы и знакомство с методами работы коллег.

На этом фоне примечательна оценка зумерами, живущими, как считается, в режиме интернет-серфинга, сотрудничества с IT-специалистами. Сравнение готовности к нему с помощью непараметрических тестов не

выявило статистически значимых отличий между студентами разных курсов. В целом 80% респондентов согласились с тем, что оно повышает узнаваемость исследований, однако лишь 6,7% считают научное взаимодействие с ними продуктивным. Особо отметим ответы 7,8% респондентов, которые хотели бы после окончания университета работать с «цифрой»: именно они в качестве значимого результата партнерства чаще указывают на возможность увидеть нестыковки и лакуны в собственных данных и интерпретациях. Для большинства же сфера IT возглавляет тройку антилидеров по трудности построения карьеры (148 ответов), опережая спорт и бизнес (139 и 121 ответов).

Весь комплекс причин осторожного отношения к IT, несмотря на популяризацию искусственного интеллекта и учебные курсы по информационным технологиям, предстоит выяснить. Видимо, свою роль играет отсутствие достаточного числа «цифровых площадок» для реализации привычных для историка исследований разных эпох, регионов и сообществ и нерешенность многих вопросов digital history и digital humanities. Поэтому студенческая аудитория за редким исключением оказывается далека от их дискуссий [27–29], однако потенциальный запрос на включение в это предметное поле есть. При определении наиболее нуждающихся в междисциплинарности предметных полей они называют «этнос, религии и культуры» (63,3%) и «экономику, демографию, миграции» (57,2%), т.е. области, изучение которых сегодня предполагает обращение к ГИС-технологиям и методам математической статистики.

Безотносительно к избираемому варианту сотрудничества, очевидно, что любой коллективный проект подчиняет исследователя своим задачам. Если для ученых поколения беби-бумеров профессиональная взаимозависимость осознавалась научной и социальной ценностью [30], что Б. Латур как один из его ярких представителей назвал «превращением самого слабого в самого сильного» [31], то отношение историков-зумеров к работе в команде имеет более сложный рисунок.

Респондентам было предложено составить из заданного ряда понятий образ такого проекта. Выбираемые чаще прочих позитивно и негативно окрашенные дефиниции показывают участие в его конструировании возрастных оптик. Например, от 1-го к 4-му курсу с 18,2 до 5,5% сокращается число тех, кто готов считать «креативность» маркером коллективных исследований. Аналогично выглядит ситуация с «пользой обществу»: ее признают видимым результатом 15,8% первокурсников и только 4,2% студентов 4-го курса. Снижение оптимизма отражает уже имеющийся у выпускного курса опыт наблюдения за ходом реализации таких проектов, поэтому в оценке их научных и практических итогов они, возможно, более строги, чем эксперты из академической среды.

Данные по негативно окрашенному «конфликту» показывают обратную динамику. Его неизбежность в групповой работе признали 4% старшекурсников и 9% учащихся младших курсов, что соответствует описаниям траектории университетского обучения: движе-

ние к «принятию неопределенности, парадоксов и требований большей сложности» обычно начинается «с упрощенных форм, с интерпретаций своего мира в полярных категориях добра и зла, правоты и неправоты» [32. С. 75–76].

Идеальную картину поступательной социализации корректирует отношение к «ответственности»: считать ее атрибутом коллективного проекта готовы 31,1% первокурсников, 18,3 и 20,1% студентов второго и третьего года обучения и только 8,6% четверокурсников, начавших студенческую жизнь в условиях дистанционного обучения. Эти цифры доказывают непродуктивность усредненных моделей в объяснении поколенческих стратегий: обучение с технической возможностью скрыться за «черным квадратиком», отретушированной фотографией или забавным мемом упрощает коммуникацию и формирует почву для обезличенной, рассеянной ответственности [33].

Пожалуй, с уверенностью можно утверждать, что поколение зумеров сейчас находится в хрупком равновесии личного/общественного. Один из вопросов анкеты содержал квазичетверные суждения об исторических основаниях российского коллективизма и индивидуализма, которые им как будущим специалистам следовало оценить в категориях «миф» или «правда». Итог таков: поровну разделились мнения по вопросу о том, что являлось доминантой социальной жизни на огромной территории – распоряжения властей или самостоятельность индивидов, при этом 44% респондентов согласились с тем, что «главные научные и культурные достижения России – это результат личной инициативы и талантов отдельных людей».

Особо упомянем распределение суждений, касающихся отечественной истории XX в.: 61,4% респондентов отнесли понятие «советский народ» к идеологическим и искусственным, но высока доля считающих общество этого периода сплоченным (38,7%). Отсутствие видимой полярности во взглядах показывает, что паттерны восприятия советского прошлого дистанцируются, но не изолируются, чему в немалой степени способствует вузовская социализация. Она протекает в пространствах, сохраняющих советскую визуальную символику, предполагает знакомство с «домашними» юбилейными изданиями и современной академической мемуаристикой, в которой все явственнее звучит ностальгия по доперестроечной эпохе [26. С. 61–95, 358–384]. В сущности, студентам предлагается определиться с профессиональными стратегиями, балансируя между наукой прошлого и наукой будущего, следовательно, возникает вопрос о сегодняшнем состоянии их системы целей и приоритетов.

2. *Социальные перспективы профессии, или чему хотят учиться студенты.* Мы предложили респондентам высказать отношение к суждениям «Общество не ценит работу историка, поэтому у выпускников трудности с последующей карьерой и трудоустройством» и «Историки ограничены в выборе места работы, потому что не умеют и не хотят учиться использовать свои знания о людях и событиях на практике» (табл. 2). Кросс-табуляция этих заданных переменных

показала наличие статистически значимой связи: значение критерия хи-квадрат равно 27,6 при уровне значимости 0,05.

Таблица 2

Комбинационная таблица оценки связи «общество – историк»

Показатель	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Общество не ценит работу историка, поэтому у выпускников трудности с последующей карьерой и трудоустройством	61	58	21	16	9
Историки ограничены в выборе места работы, потому что не умеют и не хотят учиться использовать свои знания о людях и событиях на практике	15	25	43	69	13

Это позволяет говорить, во-первых, о четко выраженных установках «нас не ценят, хотя мы умны и трудолюбивы» (большинство, 61%) и «нас не ценят потому, что мы не меняемся» (меньшинство, 15%); во-вторых, о зависимости обеих от доминирующего в обществе отношения к «продукции» историка как бесполезной и избыточной.

В ряду социогуманитарных наук корпорация, занятая воспроизводством исторического знания, является самой уязвимой, поскольку ассоциируется не только с реинтерпретацией «ненужного», но и политической ангажированностью. Воздействуют ли массовые представления о близости истории и идеологии на понимание студентами *общих* перспектив профессии, мы попытались выяснить с помощью суждения «К историческим исследованиям понятия “истина” и “объективность” не применимы, потому что история – это всегда политика, обращенная в прошлое». С разной степенью уверенности с ним согласилось 37,4% респондентов, однако нет оснований считать это осознанием собственных рисков. В частности, так может проявлять себя знакомство с направлениями public history и memory history, в которых изучаются национально и политически заданные элементы ретроспективных реконструкций.

Большую определенность дает сравнение позиций «да, полностью согласен» и «нет, полностью не согласен» с мнением их «взрослых» коллег [25. С. 19–23.]: доли тех, кто разделяет свои исследования и политизированный дискурс, выглядят сопоставимыми: российские историки – 19,2%, и сибирские студенты – 26%. Группа М.Н. Соколова использовала полученные данные для дифференциации историков на «модернистов» и «постмодернистов». В нашем случае они показывают, какую часть в составе 54,2% респондентов, ориентированных на карьеру в научно-образовательной сфере, составляют готовые к ней: именно они более вовлечены в обсуждение принципов историописания, чем в общественные дискуссии об использовании исторического знания.

Сегодня понятно, что даже участие университетов в подготовке кадров для социальных проектов и культурного мессианства не решает проблему его практического применения. Сибирский «гуманитарный рынок труда» имеет объективные пределы, в то время как университеты могут предложить студентам полноценные образовательные и исследовательские площадки преимущественно в области региональной истории, этнографии и археологии.

Исходя из этого, мы проанализировали связи между научной специализацией и *личными* планами наших респондентов, 56% которых хотели бы остаться в регионе. Их мнения по вопросу «Специализация по истории Сибири подходит лишь тем, кто планирует здесь жить и работать?» распределились следующим образом: ответили «да» и «скорее да» 70 студентов (43%); «нет» и «скорее нет» – 89 (53%); затруднились оценить преимущества работы с региональным материалом – 6 (4%).

Дисперсионный анализ не выявил в ответах значимых различий между новосибирскими, омскими и томскими студентами (значения критерия Ливиня – 0,173 при $p > 0,05$ и критерия Фишера $F = 0,873$ при $p \leq 0,05$). Из этого следует, что географическое положение вуза как минимум в трех сибирских университетах не воспринимается как ограничение для мобильности и карьеры.

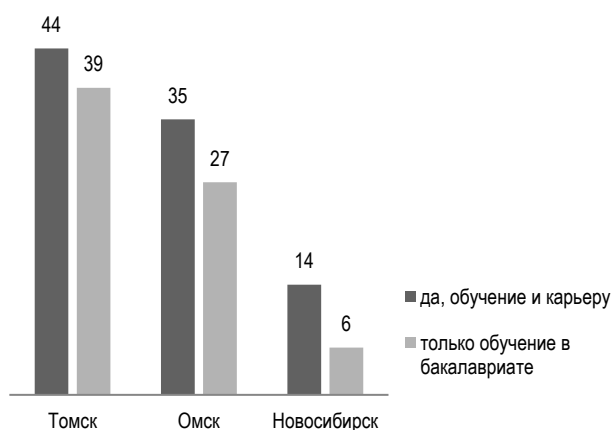

Рис. 1. Распределение ответов по городам

Однако лишь 25 из 70 человек, назвавших специализацию по Сибири нужной всем, кто остается в регионе, намереваются здесь же продолжить историческое образование. Остальные либо уже приняли решение ограничить его сибирским бакалавриатом, либо вернуться в магистратуру *alma mater* только в случае, если поиски работы или нового места учебы будут безуспешными (см. рис. 1).

В условиях общего высокого оттока молодежи из региона [34] студенческое «голосование ногами» свидетельствует о том, что ситуация близка к критической, причем для обеих сторон. В университетах, заинтересованных в закреплении «сильных» выпускников, оно ставит под угрозу развитие научных школ, задействованных в изучении источниковых корпусов сибирского происхождения или локализации. Но и истори-

кам-бакалаврам, усвоившим азы школьного преподавания и работы в музее, архиве и библиотеке, сложно конвертировать свои «запасы знаний о прошлом» в другие области.

Проблема носит не локальный, а глобальный характер, что было озвучено почти десятилетие назад. Так, Э. Дельбанко отметил разрывы между потребностями цифрового рынка труда и подготовкой гуманитариев в американских колледжах, сравнив ее с выпуском ненужных звуковому кинематографу таперов [32. С. 18]. М.Н. Эпштейн описал дисбаланс между накоплением гуманитарного знания и растущим дефицитом смыслов и целей в сфере высоких технологий [1. С. 8, 19]. Поскольку в настоящее время междисциплинарное сотрудничество рассматривается как эффективный способ перевода в конструктивное измерение деятельности гуманитария, мы попытались выяснить, какие возможности для профессионального старта видят в нем молодые историки.

Как показал опрос, 31 респондент имеют опыт участия в коллективных проектах, 98 человек хотели бы его получить, неинтересным это представляется 29 студентам и 7 студентов выбрали позицию «приглашение в команду от меня не зависит».

Ответы первой из названных групп доказывают реальные преимущества междисциплинарности и командной работы.

Таблица 3
Реальные и ожидаемые результаты участия в научном проекте, %

№ п/п	Результаты	Реальность	Ожидания
1	Отличное портфолио, повышенная стипендия, призовое место в конкурсе и пр.	14	57
2	Способность мыслить как исследователь	40	50
3	Знакомство с иностранной научной литературой	13	25
4	Надежные профессиональные контакты	31	66
5	Понимание, как организовывать командную работу	53	49
6	Понимание, как НЕ следует проводить рабочие встречи (для «опытных»)	31	–
7	Интересно быть в команде, неформально общаться (для «желающих»)	–	17
8	Понимание, как проходит внешняя экспертиза научных результатов	20	39
9	Авторитет среди сокурсников	10	9
10	Больше уверенности в своих способностях	46	57

Студенты действительно получают представление о «кухне» коллективных действий; они быстрее обучаются аналитическим приемам, и приобретаемая способность видеть связность явлений, не обладающих явными признаками «причины» и «следствия», придает им уверенность в силах. 25 студентов отнесли к личным результатам улучшение технических навыков (планирование времени, быстрое чтение и набор текста, прогресс в иностранном языке).

Вместе с тем сопоставление ответов «опытных» и «желающих» высвечивает болевые точки университетских проектов: нерегулярность рабочих встреч и ситуативное обращение к зарубежной научной периодике вследствие высокой учебной нагрузки преподавателей и низкой степени интернационализации исторической науки. По данным М.Н. Соколова, 33,8% «русистов» и 12% «всеобщников» не читают ее совсем [25. С. 12], в то время как наши респонденты считают владение иностранными языками вторым по значимости после участия в конференциях фактором, обеспечивающим профессиональный успех молодого исследователя.

Кроме того, оно показывает линии расхождения студенческих ожиданий с реальностью. 14 человек разочарованы, работа в проекте не дала им «ничего, кроме увеличения нагрузки и учебных долгов». Лежащее на поверхности объяснение «эксплуатацией» может быть возможным, но не единственным. Наряду с этим анкета была призвана выяснить, умеют ли наши респонденты находить баланс между работой и личной жизнью, оказалось – не очень. Хобби и здоровый образ жизни занимают нижнюю позицию в их рейтинге факторов успеха, и лишь 8% из них затруднились охарактеризовать психологические последствия перфекционизма – остальные их испытали или наблюдали. Поэтому включение студентов в проекты не исключает того, что адекватному отношению к своим ресурсам тоже предстоит учесть.

Известно, что кооперация возникает там, где люди планируют долгосрочные взаимодействия и имеют общие цели. Единичная запись в поле «свой вариант» ответа – «добиться совместных высоких показателей по завершении проекта» – в этом контексте выглядит эталонной. Для 25 респондентов (17% из тех, кто хотел бы стать участником) ценен эмоциональный фон – принадлежность к команде и неформальное общение, что, несомненно, будет реализовано. Несовпадение ожиданий и реальности острее всего проявляется в параметре «надежные профессиональные контакты»: 66% «желающих» полагают, что проект обеспечит такую возможность, и только 31% «опытных» считают, что смогли их получить. Вряд ли наши респонденты знакомы с исследованиями, характеризующими российский академический мир как «законченно сетевой» [35. С. 519–528], но интуитивно это ощущают. 133 студента из 165 заполнивших анкету уверены в том, что «российское общество строится на личных связях, поэтому включенность в любую профессиональную корпорацию значит для карьеры больше, чем красный диплом». Показательно и то, что в их рейтинге факторов успеха «протекция и авторитет научного руководителя» и «чтение “сложных” и “больших” текстов» делят третье место.

Участие в проекте не только снижает уровень необоснованных притязаний. Оно способно наглядно показать принципы формирования института научных репутаций, для которого занявшие четвертое место студенческого рейтинга «использование социальных сетей для сообщений о своих достижениях» и «быстрый переход от магистерской к докторской» могут во-

обще не иметь значения. При этом коллеги по междисциплинарной команде, безусловно, оценят готовность молодого сотрудника рассматривать общие результаты исследования с разных точек зрения, стремление овладеть компетенциями, позволяющими работать с поливидовой информацией текстовых, визуальных и вещественных исторических источников.

Заключение

Переформатирование социогуманитарного знания – это длительный процесс, роль классических университетов в котором оказывается противоречивой в силу фундаментальной разницы решаемых учебных и исследовательских задач: первые требуют придерживаться монодисциплинарности, вторые – выходить за ее пределы. Возрастание доли междисциплинарных проектов в дорожных картах вузов не означает ответного аутсайдерства исследований, проведенных в рамках своих дисциплин, и полученные нами данные подтверждают высокую значимость для историков-бакалавров личных научных достижений. По этому параметру не было выявлено статистически значимых отличий между юношами и девушками, бюджетниками и платниками, горожанами и селянами и выбравшими факультет осознанно или случайно.

Вместе с тем интерес поколения зумеров к коллективным действиям и отношение к ним как средству по обогащению индивидуального мыслительного горизонта повышает их шансы встроиться в рынок новых профессий [36] и, как ни парадоксально, его расширить. В частности, цифровизация науки и сопряженных с ней социальных областей делает востребованными именно профессиональные знания и компетенции историка, а не прилагающиеся к ним умения гуманитария работать с массивами текстовой информации, вести устную и письменную коммуникацию, предусмотреть этнический или религиозный конфликт. Дипломированный историк способен поддерживать в актуальном состоянии комментарии к цифровым коллекциям документов и изображений, выступать разметчиком данных в проектах по картографированию и визуализации исторических материалов, объяснив техническим специалистам, например, как пространственно соотносятся упоминаемые в источниках виды административного деления территорий и категории населения, чем отличаются печатная и старопечатная книги, хлебный и хлебозапасный магазины и т.д.

Междисциплинарные взаимодействия историков могут иметь тематически несхожее наполнение, но поскольку они обычно реализуются в двух базовых вариантах – уточнение «известного» или разработка «нового» предметного поля, – встает вопрос о кадровом обеспечении каждого из них. Исходя из этих соображений, мы выделили в составе респондентов группы, ориентированные на разные по задачам и «срокам жизни» типы сотрудничества. Для их условных обозначений мы использовали предложения студентов-социологов, участвовавших в обработке данных, полагая, что в своих дифференциациях они будут руковод-

ствоваться общими со студентами-историками поколенческими чертами зумеров – важностью интереса-эмоции, неприятием ситуации доминирования и ожиданием от старших коллег гибких и партнерских отношений.

1. Экспериментальное сотрудничество и *социально ориентированные новаторы* (67 респондентов из 165 наблюдений, преимущественно юноши) – их отличает целенаправленное движение к междисциплинарности, в которой им видится ресурс «открытия нового»; они готовы включаться в любые профессиональные сети, дающие в среднесрочной перспективе ощущение самореализации и причастности к большому проекту вне зависимости от того, где и как в дальнейшем будут применены результаты исследования, будь то наука, политика, управление, бизнес, журналистика или творчество.

2. Программное сотрудничество и *золотая середина* (34 респондента из 165 наблюдений, преимущественно девушки) – с «новаторами» их объединяет оценка замыкания в одной дисциплине как непродуктивного, но сами они менее инициативны в поиске внешних контактов; к числу их приоритетов относится стремление быть образованным и востребованным специалистом, поэтому длительное, прилежное и добросовестное овладение навыками работы с эмпирикой

воспринимается ими как страховка от рисков в будущей научной, музейно-архивной или преподавательской деятельности.

3. Ситуативное сотрудничество и *разочарованные консерваторы* (64 респондента из 165 наблюдений, преимущественно юноши) – им понятна идея сохранения автономии исторической науки, хотя они не считают ее «объективной»; их выбор между моно- и междисциплинарностью полностью определяет профессиональные интересы и коммуникации их научных руководителей, сами же они склонны считать краткосрочное сотрудничество одним из полезных бонусов для расширения студенческого портфолио сегодня и карьеры в правоохранительной, военной или спортивной сферах завтра.

Результаты пилотного исследования носят предварительный характер, и экстраполяция выводов на всех, получающих историческое образование в университетах Сибири, имеет естественные ограничения. Однако даже имея такой массив данных, можно констатировать исследовательское и практическое значение обращения к поколенческому подходу – оно дает возможность преподавателям и студентам лучше понимать друг друга и существенно дополняет научные представления о механизмах трансляции университетской корпоративной культуры и идентичности.

Примечание

¹ Факторный анализ предпочтений в выборе будущего места работы был призван установить соотношение численности планирующих и не планирующих работать по специальности «историк». С учетом небольшой статистической выборки правомерность применения факторного анализа была проверена с помощью критерия адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (удовлетворительную адекватность применимости показывает значение, равное 0,61) и критерия сферичности Бартлетта (значение $p \leq 0,001$). Выделенные с использованием критерия Кайзера, критерия отсеивания Кеттелла и метода вращения varimax три фактора с собственными значениями больше единицы позволяют объяснить 57,6% от общей дисперсии и сделать вывод о тенденции к увеличению доли тех, кто *не связывает* будущую карьеру с дипломом «историка». Они составили 31,48% от общей дисперсии (бизнес, правоохранительная и военная сфера – 17,02%, спорт – 14,46%); при этом на долю ориентированных на трудоустройство в соответствии с дипломом (наука, музеи, архивы, библиотеки и образование разных уровней) приходится 26,12% от общей дисперсии.

Список источников

1. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. : СПб., 2016.
2. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация истории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 408 с.
3. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М. : Аквилон, 2017. 560 с.
4. Трубникова Н.В. В поисках новой перспективы: «кризис истории» сквозь призму современных междисциплинарных контекстов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 164–169. doi: 10.17223/15617793/451/22
5. Рябова Л.К., Петров Е.В., Рябов А.А. Междисциплинарность в структуре современной методологии истории // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 2. С. 244–250.
6. Стены и мосты : материалы междунар. науч. конф. М., 2012–2023.
7. Соколов А.С., Степанов Н.А. Междисциплинарность исторических исследований как условие поиска цивилизационной идентичности // Вопросы социальной теории. 2020. Т. 12. С. 276–284.
8. Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // Стены и мосты – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности : материалы междунар. науч. конф. М., 2015. С. 41–53.
9. Савельева И.М. Социологическая классика в современных исторических исследованиях // «Стены и мосты» –V: междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками : материалы междунар. науч. конф. М., 2017. С. 38–53.
10. Журавлев В.В. О средствах и инструментах мышления: Извлечения из рефлексивной переписки второго семестра 2022–2023 учебного года. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023. 54 с.
11. Траектория познания // Научное студенческое общество (НСО) ФИПН ТГУ : сообщество ВКонтакте. 2023. URL: https://vk.com/wall-219100239?q=%23Траектория_познания&w=wall-219100239_373 (дата обращения: 17.01.2024)
12. Поколенческий подход в гуманитарных науках (круглый стол) // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 4 (6). С. 139–150.
13. Поплавская А.А. Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе // Мир России. 2023. Т. 32, № 1. С. 61–86.
14. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
15. Чуркин М.К. Потенциал поколенческого подхода в конструировании исторической реальности эпохи позднего социализма в СССР (по материалам глубинного полуструктурированного интервью) // Историческая наука и образование в XXI веке : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2023. С. 330–341.

16. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова, 2005. 500 с.
17. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010–2011.
18. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 296 с.
19. Nicholas D., Herman E., Watkinson A., Xu J., Abrizah A., Rodriguez-Bravo B., Boukacem-Zeghmouri C., Polezhaeva T., Swigon M. Early Career Researchers between Predatory Publishing and Academic Excellence: The Views and Behaviours of the Millennials // Foresight and STI Governance. 2021. Vol. 15, № 1. P. 56–65.
20. Карьера российской молодежи: перспективы и трудности // ВЦИОМ Новости. 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karera-rossijskoj-molodezhi-perspektivy-i-trudnosti> (дата обращения: 17.01.2024).
21. Дутчак Е.Е. «У каждого портного свой взгляд на искусство», или Отечественная история глазами студента-провинциала // Вестник РУДН. Серия: Отечественная история. 2002. № 1. С. 79–85.
22. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самопознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 130–153.
23. Герген К.Дж. Социальная конструкция в контексте. Харьков : Гуманитарный центр, 2016. С. 114–141.
24. Савельева И.М. Историческая наука в XXI в.: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24.
25. Соколов М. Российские историки. Портрет академической профессии. СПб. : ЦИАНО ЕУСПб, 2023. 31 с.
26. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 385 с.
27. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.
28. Бородин Л.И., Владимиров В.Н. Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 1–5.
29. Гарскова И.М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57–75.
30. Политическая и социокультурная идентичность научно-педагогического сообщества поколения советских беби-бумеров (по материалам воспоминаний преподавателей ОмГПУ) / М.К. Чуркин, Е.Ю. Навойчик, Е.В. Черненко, Н.И. Чуркина. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2022. 258 с.
31. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242.
32. Дельбанко Э. Колледж. Каким он был, стал и должен быть. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 256 с.
33. Макаров А.И. Массовое дистанционное обучение как глобальный социальный эксперимент по разобщению людей // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 31–35.
34. Болдовская Т.Е., Фролова Ю.Ю. Детерминанты миграционного оттока населения Омской области // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 83–95. doi: 10.17223/15617793/494/9
35. Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 832 с.
36. Атлас новых профессий. URL: <https://atlas100.ru/catalog/> (дата обращения: 17.01.2024).

References

1. Epshteyn, M.N. (2016) *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From Knowledge to Creativity. How the humanities can change the world], Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
2. Nikolaeva, I.Yu. (2010) *Polidistsiplinarnyy sintez i verifikatsiya istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification of history]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Repina, L.P. (ed.) (2017) *Rekonstruktsii mirovoy i regional'noy istorii: ot universalizma k modelyam mezhdul'turnogo dialoga* [Reconstructions of World and Regional History: From universalism to models of intercultural dialogue]. Moscow: Akvilon.
4. Trubnikova, N.V. (2020) In Search of a New Perspective: The “Crisis of History” Through the Prism of Contemporary Interdisciplinary Contexts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 164–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/451/22
5. Ryabova, L.K., Petrov, E.V. & Ryabov, A.A. (2022) *Mezhdistsiplinarnost' v strukture sovremennoy metodologii istorii* [Interdisciplinarity in the structure of modern methodology of history]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 2 (21). pp. 244–250.
6. Ershova, G.G. (ed.) (2012–2023) *Steny i mosty* [Walls and Bridges]. Moscow: Akademicheskii proekt.
7. Sokolov, A.S. & Stepanov, N.A. (2020) *Mezhdistsiplinarnost' istoricheskikh issledovaniy kak uslovie poiska tsivilizatsionnoy identichnosti* [Interdisciplinarity of historical research as a condition for the search for civilizational identity]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 12. pp. 276–284.
8. Krom, M.M. (2015) [Interdisciplinarity and the crisis of causality in modern historical science]. *Steny i mosty – III: istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti* [Walls and Bridges – III: The history of the emergence and development of the idea of interdisciplinarity]. Proceedings of the 3rd International Conference. Moscow. 25–26 April 2014. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus. pp. 41–53. (In Russian).
9. Savel'eva, I.M. (2017) [Sociological classics in modern historical research]. *Steny i mosty – V: mezhdistsiplinarnoe vzaimodeystvie istoricheskogo znaniya s estestvennymi i sotsial'no-gumanitarnymi naukami* [Walls and Bridges – V: Interdisciplinary interaction of historical knowledge with the natural and social sciences]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow. 27 May 2016. Moscow: Akademicheskii proekt. pp. 38–53. (In Russian).
10. Zhuravlev, V.V. (2023) *O sredstvakh i instrumentakh myshleniya: Izvlecheniya iz refleksivnoy perepiski vtorogo semestra 2022–2023 uchebnogo goda* [About the Means and Tools of Thinking: Extracts from reflective correspondence of the second semester of the 2022–2023 academic year]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
11. Nauchnoe studentcheskoe obshchestvo (NSO) FIPN TGU [Academic Student Society (NSO) Faculty of History and Political Studies of Tomsk State University]. (2023) *Traektoriya_poznaniya* [Trajectory_of_cognition]. [Online] Available from: https://vk.com/wall-219100239?q=%23Traektoriya_poznaniya&w=wall-219100239_373 (Accessed: 17.01.2024).
12. Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie. (2016) *Pokolencheskiy podkhod v gumanitarnykh naukakh (kruglyy stol)* [Generational approach in the humanities (round table)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 4 (6). pp. 139–150.
13. Poplavskaya, A.A. (2023) *Budushchaya rabota glazami studentov rossiyskikh vuzov: differentsiatsiya obraza raboty v mezhhregional'noy perspektive* [Future work through the eyes of Russian university students: differentiation of the image of work in an interregional perspective]. *Mir Rossii*. 1 (32). pp. 61–86.
14. Shanin, T. (2005) *Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya Rossii* [History of generations and generational history of Russia]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 3. pp. 6–25.
15. Churkin, M.K. (2023) [The potential of the generational approach in constructing the historical reality of the era of late socialism in the USSR (based on materials from an in-depth semi-structured interview)]. *Istoricheskaya nauka i obrazovanie v XXI veke* [Historical Science and Education in the 21st Century]. Proceedings of the 2nd International Conference. Novosibirsk. 22–25 March 2023. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 330–341. (In Russian).

16. Vishlenkova, E.A., Malysheva, S.Yu. & Sal'nikova, A.A. (2005) *Terra Universitatis: Dva veka universitetskoy kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan: Kazan State University.
17. Nekrylov, S.A. (2010–2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – The First Scientific Center in the Asian Part of Russia (Mid-1870s – 1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Radaev, V.V. (2023) *Millenialy: Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: HSE.
19. Nicholas, D. et al. (2021) Early Career Researchers between Predatory Publishing and Academic Excellence: The Views and Behaviours of the Millennials. *Foresight and STI Governance*. 1 (15). pp. 56–65.
20. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (2019) *Kar'era rossiyskoy molodezhi: perspektivy i trudnosti* [Career of Russian youth: prospects and difficulties]. *Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)*. 17 September. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karera-rossijskoj-molodezhi-perspektivy-i-trudnosti> (Accessed: 17.01.2024).
21. Dutchak, E.E. (2002) “U kazhdogo portnogo svoj vzglyad na iskusstvo”, ili Otechestvennaya istoriya glazami studenta-provintsiala [“Every tailor has his own view of art,” or National history through the eyes of a provincial student]. *Vestnik RUDN. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 79–85.
22. Veber, M. (1991) *Nauka kak prizvanie i professiya* [Science as a calling and profession]. In: Galtseva, R.A. (ed.) *Samopoznanie evropeyskoy kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremenom obshchestve* [Self-Knowledge of European Culture of the 20th Century: Thinkers and writers of the West on the place of culture in modern society]. Moscow: Politizdat. pp. 130–153.
23. Gergen, K.Dzh. (2016) *Sotsial'naya konstruktivnaya v kontekste* [Social Construction in Context]. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr. pp. 114–141.
24. Savel'eva, I.M. (2017) *Istoricheskaya nauka v XXI v.: klyuchevye slova* [Historical science in the 21st century: key words]. *Dialog so vremenem*. 58. pp. 5–24.
25. Sokolov, M. (2023) *Rossiyskie istoriki. Portret akademicheskoy professii* [Russian Historians. Portrait of the academic profession]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Center for Institutional Analysis of Science & Education.
26. Vishlenkova, E.A. & Savel'eva, I.M. (eds) (2013) *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [Class of Russian Professors. Creators of statuses and meanings]. Moscow: HSE.
27. Taller, M. (2012) *Diskussii vokrug Digital Humanities* [Discussions around Digital Humanities]. *Istoricheskaya informatika*. 1. pp. 5–13.
28. Borodkin, L.I. & Vladimirov, V.N. (2019) *Istoricheskie issledovaniya v usloviyakh “tsifrovogo povorota”*: novye vyzovy, novye otvety [Historical research in the context of the “digital turn”: new challenges, new answers]. *Istoricheskaya informatika*. 3. pp. 1–5.
29. Garskova, I.M. (2019) “Tsifrovoy povorot” v istoricheskikh issledovaniyakh: dolgoveremennye trendy [“Digital turn” in historical research: long-term trends]. *Istoricheskaya informatika*. 3. pp. 57–75.
30. Churkin, M.K. et al. (2022) *Politicheskaya i sotsiokul'turnaya identichnost' nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva pokoleniya sovetских bebi-bumerov (po materialam vospominaniy prepodavateley OmGPU)* [Political and Sociocultural Identity of the Scientific and Pedagogical Community of the Generation of Soviet Baby Boomers (Based on the memoirs of teachers of Omsk State Pedagogical University)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
31. Latour, B. (2002) *Daye mne laboratoriyu, i ya perevernu mir* [Give me a laboratory, and I will raise the world]. Translated from English. *Logos*. 5–6 (35). pp. 211–242.
32. Del'banko, E. (2015) *Kolledzh. Kakim on byl, stal i dolzhen byt'* [College. What it was, became and should be]. Moscow: HSE.
33. Makarov, A.I. (2021) *Massovoe distantsionnoe obucheniye kak global'nyy sotsial'nyy eksperiment po razobshcheniyu lyudey* [Mass distance learning as a global social experiment to separate people]. *Logos et Praxis*. 1 (20). pp. 31–35.
34. Boldovskaya, T.E. & Frolova, Yu.Yu. (2023) *Determinants of migration outflow of Omsk Oblast population*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 83–95. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/9
35. Sokolov, M. et al. (2015) *Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranakh* [How to Become Professors: Academic careers, markets and power in five countries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Atlas novykh professiy [Atlas of Emerging Jobs]. (n.d.) [Online] Available from: <https://atlas100.ru/catalog/> (Accessed: 17.01.2024).

Информация об авторах:

Дутчак Е.Е. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dee010@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5284-6054

Болдовская Т.Е. – канд. техн. наук, доцент кафедры прикладной математики и фундаментальной информатики Омского государственного технического университета (Омск, Россия); старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: teb73@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8659-4449

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.E. Dutchak, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dee010@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5284-6054

T.E. Boldovskaya, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: teb73@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8659-4449

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024;
одобрена после рецензирования 23.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024;
approved after reviewing 23.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 325(496.5)
doi: 10.17223/15617793/500/2

Международная миграция и формирование албанской диаспоры: от крушения коммунистического режима до Европейского миграционного кризиса

Станислав Анатольевич Горохов¹, Руслан Васильевич Дмитриев²

^{1, 2} Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия

¹ stgorohov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9984-6054

² dmitrievrv@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4018-9832

Аннотация. Рассматривается роль миграции в формировании национальной диаспоры за пределами традиционного ареала проживания албанского этноса. Источниковую базу исследования составляют материалы переписей и текущего учета населения, документы международных организаций, албанские планы развития диаспоры. Делается вывод о том, что без помощи Албании диаспора может раствориться в принимающем обществе; государство, не предпринимая действий по усилению связей с диаспорой, лишится содействия соотечественников.

Ключевые слова: Албания, Косово, Европейский союз, миграция, диаспора, миграционная политика, миграционный кризис, денежные переводы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Для цитирования: Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Международная миграция и формирование албанской диаспоры: от крушения коммунистического режима до Европейского миграционного кризиса // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 15–21. doi: 10.17223/15617793/500/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/2

International migration and the formation of the Albanian diaspora: From the collapse of the communist regime to the European migrant crisis

Stanislav A. Gorokhov¹, Ruslan V. Dmitriev²

^{1, 2} Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

¹ stgorohov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9984-6054

² dmitrievrv@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4018-9832

Abstract. The article examines the role of migration in the formation of the national diaspora outside the traditional area of residence of the Albanian ethnos. The authors conducted a content analysis of documents of international organizations that monitor and regulate population migration, the European Union, as well as Albanian plans for the development of the diaspora. Two periods of Albanian migration were identified: within the first period, which lasted until the fall of the communist regime in the early 1990s, an “old” diaspora was formed in Europe based on the population of Albania proper; the second period, which continues to the present, is characterized by the formation of a “new” diaspora of Albanians – immigrants from Kosovo, Montenegro and Macedonia. In the 1990s, the migration of Albanians was predominantly spontaneous. In the 2000s, as a result of the liberalization of the visa regime with the EU countries, migration from Albania gradually became more organized and in line with European requirements: one of the results of this was the increase in the scale of return migration of Albanians. In the 2010s and early 2020s, there was an increase in the power of migration flows from Asian countries to the European Union, which led to a migrant crisis – Albania has become a country of transit non-Albanian migration for the first time. The geographical structure of migration from Albania over the past 30 years has undergone a significant transformation due to a change in the priorities of the Albanians, who choose for their resettlement not territorially close (Greece and Italy), but economically more developed (USA; Canada; Belgium; UK – especially after Brexit; Germany – the main destination of migration flows from Albania at the moment) countries. This trend has become especially noticeable since the mid-2000s, which is explained by the growing share of migrants with higher education leaving the country legally. The leadership of Albania uses the influential diaspora in negotiations with Brussels regarding the country’s accession to the EU and remittances from Albanian migrants form – according to various estimates – up to 25% of its GDP. The final part of the article draws conclusions that without the help of Albania the diaspora can gradually dissolve in the accepting society, while the state, without taking steps to strengthen ties with the diaspora, will lose the assistance of millions of compatriots, many of whom have unique knowledge, financial and technological capabilities.

Keywords: Albania, Kosovo, European Union, migration, diaspora, migration policy, migrant crisis, remittances

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00123, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

For citation: Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2024) International migration and the formation of the Albanian diaspora: From the collapse of the communist regime to the European migrant crisis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 15–21. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/2

Введение

Миграция играла и продолжает играть выдающуюся роль в развитии Албании как государства и формировании албанского этноса. В этом отношении страна выделяется на фоне своих соседей по Балканскому полуострову: в результате массовой эмиграции многочисленные диаспоры албанцев сформировались далеко за пределами их этнической территории.

Первый этап миграции албанцев охватывает более пяти столетий – начиная с завоевания албанских земель Османской империей и заканчивая крушением коммунистического режима, провозглашением независимости Косово и началом Косовской войны в 1990-х гг. На этом этапе сформировалась «старая» албанская диаспора [1], в то время как миграционные волны рубежа XX–XXI в. привели к возникновению «новой» диаспоры – не только из собственно Албании в ее современных границах, но и из самопровозглашенной Республики Косово (автономный край Косово и Метохия в Сербии) [2], северо-западных муниципалитетов Северной Македонии [3] и юго-восточных – Черногории [4]. Такой подход в представленном исследовании обусловлен единой самоидентификацией мигрантов албанского происхождения из балканских стран, а также соответствием принятой в Албании в 2020 г. Национальной стратегии албанской диаспоры [5].

Эмиграция стала неотъемлемой частью истории Албании еще в XV в., когда в результате вторжения в страну турок-османов в Италию прибыли первые албанские беженцы. Первоначально они концентрировались на юге Апеннинского полуострова и в Сицилии, входивших в Неаполитанское королевство; затем они расселились по всей стране. Потомки этих мигрантов, многие из которых происходили из семей, принадлежавших к высшим слоям албанского общества, до настоящего времени составляют этнографическую группу арберов (итало-албанцев), которые сумели сохранить свой язык и культурные традиции [6]. В отличие от большинства современных албанцев, исповедующих преимущественно ислам, арберы – адепты итало-албанской католической церкви, принадлежащей к византийской духовной традиции, доминировавшей на их родине в XV в. В настоящее время в Италии насчитывается от 100 до 260 тыс. арберов, образующих одно из крупнейших исторических этнолингвистических меньшинств страны [7]. Всего во второй половине XV – начале XVI в. около 200 тыс. албанцев (четверть населения страны) перебрались в Италию, а также на Далматинское побережье Адриатики и Пелопоннесский полуостров на юге Греции [8].

Позднее, начиная с XVI в., когда албанские земли окончательно вошли в состав Османской империи, а сами албанцы в своем большинстве приняли ислам, многие из них широко расселились по территории империи. В результате сформировались албанские диаспоры в Турции, а также балканских странах (Греции, Болгарии, Румынии, Боснии и Герцеговине, Хорватии) и на Ближнем Востоке (в Египте, Сирии, Ираке, Ливане). Причиной миграции албанцев были тяжелые социально-экономические и политические условия жизни на их родине – частые военные конфликты между феодалами, недостаток земли для пастбищ и земледелия: «...горькая нужда заставляла горцев заниматься разбоем, гнала их на чужбину» [9. С. 66].

Сами албанцы часто становились правителями в далеких турецких провинциях: албанское происхождение имела династия османских наместников, а затем королей Египта, правившая страной в 1805–1953 гг., основатель которой – Мухаммед Али – был командиром отряда албанских наемных солдат, посланных султаном на берега Нила в составе турецких войск [10]. Позднее, уже в конце XIX – начале XX в. из Османской империи албанцы стали мигрировать в Новый Свет – особенно в США, а также в Канаду и Аргентину. В 1912 г. в Бостоне была создана старейшая из ныне существующих ассоциаций американцев албанского происхождения – «Ватра» (алб. «очаг»), ставящая своей целью защиту прав албанцев в США, а также лоббирование албанских национальных интересов во всем мире через Конгресс Соединенных Штатов [11].

Тем не менее албанская миграция в Турцию не прекратилась, а, наоборот, активно продолжалась на протяжении всего XX в. Ее основу составляла косовско-албанская миграция, которая активизировалась после окончания Балканских войн в 1912–1913 гг., когда территория Косова и Северной Македонии перешла под контроль Сербии. Пики косовско-албанской миграции пришлось на 1926–1938 и 1953–1966 гг.; всего за эти периоды родину покинули около 1 млн албанцев [5]. В настоящее время в Турции проживают 5–6 млн человек, имеющих албанское происхождение, что больше численности всех албанцев на Балканском полуострове; около 500 тыс. сохранили свою этническую идентичность, язык и культуру [12, 13].

Материалы и методы исследования

Источниковую базу исследования составляют материалы переписей и текущего учета населения [14–16]. Авторы провели контент-анализ документов международных организаций, отслеживающих и регулирующих

ющих миграцию населения [17, 18], Европейского союза [19, 20], а также албанских планов развития диаспоры [5, 21–23].

Результаты и их обсуждение

Второй этап албанской миграции, приведшей к формированию «новой» диаспоры, был вызван глубоким политическим и социально-экономическим кризисом, в котором в конце XX в. оказались албанское государство и албанский этнос.

Демонтаж коммунистического режима в Албании произошел после отстранения от власти Албанской партии труда в результате массовых протестов в 1990–1991 гг. и окончания политики самоизоляции, проводимой в стране на протяжении почти 50 лет. В 1990-х гг. миграция албанцев носила преимущественно спонтанный характер; в ней можно выделить несколько пиков: в 1991–1993, 1997 и 1999 гг. В возрастно-половой структуре мигрантов преобладали молодые мужчины, ищущие работу и спасавшиеся от политического и экономического хаоса, который переживала страна в годы, последовавшие за крушением коммунистического строя. Основным направлением миграционных потоков были Италия и Греция. В первую из них албанские граждане отправлялись на различных плавсредствах, пересекая довольно узкий пролив Отранто; во вторую – массово переходя общую границу, которая фактически перестала охраняться албанскими пограничниками. Известна история сухогруза «Влора», захваченного в порту Дурреса двадцатью тысячами нелегальных мигрантов, которые заставили капитана корабля отвезти их к итальянским берегам. Беженцы были полны уверенности, что в Италии их ожидает радужный прием, однако большинство из них впоследствии были высланы обратно на родину [24, 25]. Всего к концу 1992 г. Албанию покинули 250–300 тыс. граждан [16], однако эти данные не учитывают сезонных мигрантов, работавших в Греции.

Чтобы предотвратить дальнейший несанкционированный въезд нелегальных мигрантов в Италию, итальянские военно-морские силы в 1994 г. получили право патрулировать территориальные воды Албании, а в 1997 г. был заключен итало-албанский договор, согласно которому итальянские корабли пограничной охраны стали базироваться в порту Дурреса [26]. Тем не менее противостоять натиску албанских мигрантов итальянским и греческим пограничным службам в 1990-х гг. становилось все сложнее – особенно, когда место самоорганизованных групп беженцев заняли организованные, направляемые албанскими криминальными организациями. Именно с этого времени тема албанской мафии в сознании европейцев прочно срослась с проблематикой миграции из Албании, что наносит значительный ущерб репутации албанцев во всем мире. Среди коренного населения европейских стран стали распространяться представления о вине албанских мигрантов в ухудшении криминогенной обстановки в Италии и Греции, проводились аналогии между миграцией албанцев и османским вторжением

на юг Апеннинского полуострова, выражалась обеспокоенность по поводу предполагаемой «исламской опасности», которую несла миграция из Албании. В 1993–1996 гг. масштабы миграции из Албании сократились, причиной чего стали не усилия соседей по охране общих границ, а стабилизация политической и экономической ситуации в стране.

В 1997 г. Албания пережила новый социально-экономический кризис, обусловленный крушением финансовых пирамид, которые на пике своего развития привлекли средства, равные половине ВВП Албании [27]: кризис этих финансовых структур вызвал второй пик миграции из Албании. Основной поток мигрантов снова направился в Грецию и Италию, которые менее чем за 5 месяцев (с конца декабря 1996 г. по апрель 1997 г.) приняли 40 и 30 тыс. албанцев соответственно [17]. Столкновения между албанцами и военно-морскими силами Италии иногда приводили к трагической гибели мигрантов. Так, 29 марта 1997 г. в результате столкновения судна итальянской береговой охраны с лодкой с албанскими мигрантами погибли 87 человек, в том числе женщины и дети. Пролив Отранто получил в этой связи название «пролива смерти», «пролива слез» [15].

Третий пик миграции – в 1999 г. – стал результатом косовского кризиса, в результате которого косовские албанцы, искавшие спасения от военных действий у себя на родине, направились в Албанию. Всего за год в страну прибыли около 500 тыс. беженцев, подавляющее большинство которых после краткого пребывания в Албании нашли убежище в странах ЕС, США, Канаде и Австралии. В этот поток беженцев из Косова также вошли многочисленные граждане Албании, которые выдавали себя за косоваров, что облегчало для них возможность быть принятыми за границей. Такая миграция получила название «невидимой» [28], поскольку албанские власти фактически не предпринимали попыток отслеживать ее масштабы, стараясь быстрее переправить желающих уехать из Албании в третьи страны. Таким образом, в 1999 г. Албания впервые в своей современной истории превратилась в важный центр транзитной миграции [29].

В XXI в. эмиграция албанцев продолжалась, но ее темпы замедлились вследствие демографического «истощения» Албании в 1990-е гг. В 2000-х гг. в результате либерализации визового режима со странами ЕС миграция из Албании постепенно становилась более организованной и соответствующей европейским ожиданиям: почти 40% мигрантов из страны составляли люди с высшим образованием, что значительно выше среднего уровня по всему населению страны [20].

Одним из результатов перехода албанской миграции от стихийной формы к организованной стал рост масштабов возвратной миграции албанцев. С одной стороны, появилось больше албанцев, которые, накопив средства за рубежом, решали вернуться на родину и перенести свой бизнес в Албанию, с другой – стало легче возвращаться на родину и тем албанцам, которые не смогли найти себя за границей. Так, в 2015 г. около 66 тыс. албанцев получили вид на жительство в странах ЕС, в 2017 г. – 31 тыс., в 2018 – 11 тыс. [30]. В 2015–

2019 гг. в страну вернулось рекордное количество албанцев (147 тыс.) – в основном из Германии, что связано с усилением конкуренции на рынке труда в этой стране, принявшей в данный период рекордное число беженцев, а также негативным влиянием на миграционные процессы пандемии COVID-19 [31]. Учитывая, что численность населения Албании в результате эмиграции в последние десятилетия снижается, реадмиссия потенциально может сыграть ключевую роль в росте экономики Албании.

Третье десятилетие современной албанской миграции характеризовалось нарастанием мощности миграционных потоков, приведшем к Европейскому миграционному кризису [32], затронувшему и Албанию. Если в 2010–2012 гг. о своем желании мигрировать высказали 36% взрослого населения Албании [33], а в 2013–2016 гг. – 56%, то в 2018 г. – уже около 60% [34]. По этому показателю, согласно данным Института Гэллапа, страна делит с Гаити третье–четвертое места в мире [35]. Среди основных причин эмиграции граждан Албании на первом месте стоит возможность работать за границей (83,7%), далее идут воссоединение семьи (9%), получение образования (3,5%) и другие причины (3,8%) [5].

Оценки масштабов албанской миграции второго этапа существенно варьируются в различных источниках в зависимости от методики расчета. Согласно данным Всемирного банка, к 2010 г. страна потеряла 1438,3 тыс. человек, что составляло около половины ее населения, абсолютная численность которого за 1989–2011 гг. сократилась более чем на 350 тыс. [18]. По оценке албанского Института статистики, эмиграция из страны за 1990–2001 гг. составила 600 тыс. человек; за 2001–2011 гг. – 481 тыс.: таким образом, всего за два десятилетия страну покинули почти 1,1 млн человек [14]. Различия в статистических данных объясняются, прежде всего, разницей в учете нелегальной миграции из Албании; особенно это касается последнего десятилетия XX в. За период 2012–2020 гг. из страны выехали 347 тыс. человек, а численность албанских граждан, проживающих за границей, продолжает расти и достигла уже 1684,1 тыс. человек: это означает, что 37% обладателей паспортов Албании находятся за ее пределами [21].

Кроме граждан Албании в состав албанской диаспоры входят выходцы албанского этнического происхождения из непризнанной Республики Косово, Северной Македонии, Черногории и Прешевской долины (Сербия), о численности которых нет точных данных. Официальные власти самопровозглашенной Республики Косово (между властями Албании и Косово существуют договоренности о сотрудничестве, в том числе и в области миграционной политики) оценивают численность косовской диаспоры в пределах от 800 тыс. до 1 млн человек, более 40% которой – в Германии и Швейцарии [36]. Таким образом, общая численность албанской диаспоры в мире, по предварительным оценкам может составлять более 2,8 млн человек [37].

Географическая структура миграции из Албании за последние 25 лет претерпела трансформацию вследствие смены приоритетов албанцев, выбирающих для своего

переселения уже не территориально близкие, а экономически более развитые страны мира (таблица). Этот тренд стал особенно заметным с середины 2000-х гг., что объясняется ростом доли мигрантов с высшим образованием, уезжающих из страны легально.

Динамика численности граждан Албании, проживающих в других странах, тыс. человек

Страна	1999 г.	2005 г.	2019 г.
Италия	200,0	250,0	467,7
Греция	500,0	600,0	354,5
США	12,0	150,0	250,0
Великобритания	25,0	50,0	70,0
Германия	12,0	15,0	48,5
Канада	5,0	11,5	28,3
Австралия	2,0	2,0	25,0
Турция	1,0	5,0	6,0
Франция	2,0	2,0	5,8
Бельгия	2,5	5,0	5,0

Составлено авторами по: [21, 22, 38].

В 2019 г. Греция и Италия привлекали около 75% всех мигрантов из Албании – немногим меньше, чем в 1995 г. (почти 78%). При этом Греция, начиная с 2000 г., стала сдавать свои позиции, а после 2010 г. уступила лидерство Италии. То же касается и численности албанской диаспоры в Греции, которая сократилась за период с 2005 по 2019 г. почти вдвое: численность носителей албанского гражданства в этой стране сократилась прежде всего за счет принятия ими греческого, но отмечаются и значительные масштабы отъезда албанцев в другие страны с более благоприятной экономической конъюнктурой. Однако популярность Италии среди албанских мигрантов с 2015 г. также начинает снижаться в пользу США, Канады, Бельгии и особенно Германии и Великобритании. Начиная с 2015 г., численность албанских иммигрантов в Германия начала расти самыми высокими темпами – более чем на 35% ежегодно, превратив эту страну в основное место назначения миграционных потоков из Албании; та же тенденция имеет место для косоваров.

После «Брексита» растет нелегальная миграция албанцев в Великобританию, куда они переправляются на небольших резиновых лодках с мотором. В результате этого «лодочного кризиса» за 2022 г. в Великобританию нелегально въехали около 12 тыс. албанцев, значительную часть которых Лондон хочет возвратить на родину [39]. В организации транспортировки нелегалов британские власти обвиняют албанские криминальные кланы [40], которые пытаются установить контроль над рынком наркотиков в Великобритании [41].

Заключение

Роль миграции в социально-экономическом развитии Албании оценивается неоднозначно. С одной стороны, она истощает демографический и экономический потенциал государства, а с другой – образовавшаяся в ее результате многочисленная албанская диаспора может стать залогом будущего успешного развития страны.

Многие албанские мигранты в странах ЕС и Северной Америки хорошо интегрированы в социальную и

экономическую жизнь принимающих стран: за прошедшие годы они урегулировали свой правовой статус, большинству из них было предоставлено гражданство или постоянный вид на жительство. Албанская диаспора становится все более организованной, образованной и готовой поддерживать контакты со страной своего происхождения [42]. Уже сейчас влиятельная диаспора используется руководством страны в переговорах с Брюсселем относительно вступления Албании в ЕС, а денежные переводы албанских мигрантов давно являются значимой статьёй формирования валового продукта. Точные масштабы финансовых вложений диаспоры в экономику Албании установить сложно, поскольку значительная часть средств идет по неофициальным каналам – прежде всего через родственников и друзей. Лишь 4% объема денежных переводов от албанской диаспоры идут через банк, 39% направляются по нерегулируемым каналам, 57% – через небанковские финансовые учреждения. В 2008–

2018 гг. денежные переводы мигрантов составляли в среднем 9–15% (по другим оценкам – до 25%) ВВП Албании и около 15% дохода албанских домохозяйств [23]. Денежные переводы в Албанию в 2021 г. достигли 1,14 млрд евро, увеличившись на 10% по сравнению с предыдущим годом. Больше всего денежных средств поступили в страну из Италии (24,5%), Великобритании (18,1%), Германии (15,2%) и Греции (15,0%) [19]. Таким образом, Албания может быть отнесена к числу стран мира, экономика которых в наибольшей степени зависит от денежных переводов соотечественников, проживающих за рубежом.

Очевидно, что диаспора и Албания нуждаются друг в друге: без помощи родины диаспора может постепенно раствориться в принимающем обществе, государство же лишится содействия миллионов соотечественников, многие из которых обладают уникальными знаниями, опытом, финансовыми и технологическими возможностями.

Список источников

1. Barjaba J. Albanian Diaspora across the World // Athens Journal of Mediterranean Studies. 2019. Vol. 5, Is. 3. P. 173–184. doi: 10.30958/ajms.5-3-3
2. Курбацкий В.А. Место Косово во внешней политике Албании // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 112–120.
3. Стамова М.Н. Албанский фактор в Республике Македония в последнее десятилетие XX в. – первое десятилетие XXI в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14, № 1–2. С. 92–109. doi: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.6
4. Клименко З.В. Албанский вопрос в Черногории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4 (58). С. 309–334. doi: 10.18503/1992-0431-2017-4-58-309-334
5. Albanian National Diaspora Strategy 2021–2025. URL: <https://diaspora.gov.al/wp-content/uploads/2020/12/STRATEGJIA-KOMBETARE-E-DIASPORES-2021-2025-ENG.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).
6. Брук С.И. Население мира: этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986. 832 с.
7. Arbëreshë: Cultura e Civiltà di un Popolo / ed. by P. Bruni. Roma: Istituto poligrafico e Zecca dello Stato, Libreria dello Stato, 2004. 456 p.
8. Dragoti E., Ismaili E. Albanian Internal and International Migration // UBT International Conference. 411. October 27, 2018. doi: 10.33107/ubtic.2018.411
9. Краткая история Албании / отв. ред. Г.Л. Арш. М.: Наука, 1992. 512 с.
10. Богомолов С.А. Основатель современного Египта Мухаммед Али в восприятии европейцев – великий паша или паук в логове? // История и историческая память. 2019. № 19. С. 66–80.
11. Gurragezi R. Xh. Historia e Federatës “Vatra”. Tiranë: Globus R., 2006. 165 f.
12. Albanians in Turkey Celebrate Their Cultural Heritage // Today's Zaman. 21.08.2011. URL: http://web.archive.org/web/20151031102644/http://www.todayszaman.com/national_albanians-in-turkey-celebrate-their-cultural-heritage_254383.html (дата обращения: 07.05.2023).
13. Yenigun C. GCC Model: Conflict Management for the “Greater Albania” // Journal of Social Sciences. 2012. Special Is. P. 175–186.
14. Albania Population and Housing Census 2011. URL: https://www.instat.gov.al/media/3058/main_results_population_and_housing_census_2011.pdf (дата обращения: 04.05.2023).
15. Albanian Human Development Report 2000. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/hlm/prgm/cph/experts/albania/materials/undp_hdr.pdf (дата обращения: 05.05.2023).
16. Migracioni në Shqipëri në vitin 2001. Tiranë: Instituti I Statistikës. INSTAT, 2004.
17. Migration and Albania. IOM UN Migration. URL: <https://albania.iom.int/migration-and-albania> (дата обращения: 07.05.2023).
18. Migration and Remittances Factbook 2011. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/630421468163744010/pdf/578690PUB0Migr11public10BOX353782B0.pdf> (дата обращения: 08.05.2023).
19. Eurostat, dërgesat personale drejt Shqipërisë në vitin 2021 arritën në 1.14 miliardë euro. URL: <http://akd.gov.al/eurostat-dergesat-personale-drejt-shqipërisë-ne-vitin-2021-arriten-ne-1-14-miliarde-euro/> (дата обращения: 09.05.2023).
20. How Migration, Human Capital and the Labour Market Interact in Albania. URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2021-09/migration_albania.pdf (дата обращения: 05.05.2023).
21. Diaspora e Shqipërisë në Shifra 2020. URL: <https://www.instat.gov.al/media/7848/diaspora-ne-shifra-2020.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).
22. National Strategy on Migration and National Action Plan on Migration. 2005. URL: <https://www.refworld.org/docid/5aaa807b4.html> (дата обращения: 05.05.2023).
23. Strategjia Kombetare e Diaspores 2018–2024: Dhe Plani I Veprimit. URL: <https://diaspora.gov.al/wp-content/uploads/2018/05/STRATEGJIA-KOMBETARE-E-DIASPORES-2018-2024-DHE-PLANI-I-VEPRIMIT.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).
24. «Сладкий корабль». Распала за развал соцлагеря // Военное обозрение. 07.08.2018. URL: <https://topwar.ru/145264-sladkiy-korabl-mest-za-razval-soclagerya.html> (дата обращения: 04.05.2023).
25. Haberman C. Italy Moves to Stem Wave of Albanians // The New York Times. 09.08.1991. URL: <https://www.nytimes.com/1991/08/09/world/italy-moves-to-stem-wave-of-albanians.html> (дата обращения: 05.05.2023).
26. Mapping and Profiling of Albanian Diaspora: An Economic and Social Survey in 5 Italian Regions. Overview of the Situation in France and Belgium. URL: https://www.cespi.it/sites/default/files/documenti/mapping_and_profiling_of_albanian_diaspora_research.pdf (дата обращения: 05.05.2023).
27. Korovilas J.P. The Albanian Economy in Transition: The Role of Remittances and Pyramid Investment Schemes // Post-Communist Economies. 1999. Vol. 11, Is. 3. P. 399–415. doi: 10.1080/14631379995940
28. Vullnetari J. Albanian Migration and Development: State of the Art Review. 2007. URL: https://eprints.soton.ac.uk/377326/1/Vullnetari%2520%25282007%2529%2520Albanian%2520Migr%2526Development_IMISCOE%2520SOAR.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

29. Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 10–17.
30. Gëdeshi I., King R. Research Study into Brain Gain: Reversing Brain Drain with the Albanian Scientific Diaspora. Tirana : UNDP, 2018. 64 p.
31. Gëdeshi I., King R. New Trends in Potential Migration from Albania. Tirana : Friedrich–Ebert–Stiftung, 2018. 86 p.
32. Агафощин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68, № 1. С. 29–43. doi: 10.21638/spbu07.2023.102
33. Esipova N., Ray J., Pugliese A. Number of Potential Migrants Worldwide Tops 700 Million // Gallup News. 08.06.2017. URL: <http://news.gallup.com/poll/211883/number-potential-migrants-worldwide-tops-700-million.aspx> (дата обращения: 05.05.2023).
34. Кандель П.Е. Албанский вопрос сегодня // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 3. С. 77–83. doi: 10.15211/vestnikieran320217783
35. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Основные тенденции пространственного развития современной Албании // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151, № 2. С. 19–34. doi: 10.31857/s0869-6071151219-34
36. Krasniqi L. Vota e Diasporës si Infuzion i Demokracisë // Kallxo. 08.11.2018. URL: <https://kallxo.com/gjate/mendime/vota-e-diaspores-si-infuzion-i-demokracise/> (дата обращения: 02.05.2023).
37. International Migrants Day – Albanian Diaspora Day 2021 // Germin. 18.12.2021. URL: <https://germin.org/international-migrants-day-albanian-diaspora-day-2021/> (дата обращения: 05.05.2023).
38. Barjaba K. Contemporary Patterns in Albanian Emigration // South-East Europe Review. 2000. Vol. 3, № 2. P. 57–64.
39. Домущий С. Нелегальная миграция в Британию стала национальным бизнесом для Албании // Ридус. 28.10.2022. URL: <https://www.ridus.ru/nelegalnaya-migraciya-v-britaniyu-stala-nacionalnym-biznesom-dlya-albanii-393110.html> (дата обращения: 12.05.2023).
40. Weaver M. Albanian Gangs Have Significant Control Over UK Cocaine Market, Says Crime Agency // The Guardian. 29.06.2017. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jun/29/albanian-gangs-control-uk-cocaine-market-says-agency> (дата обращения: 07.05.2023).
41. Дегтерев Д.А., Ковалева Д.В. Роль Албании и албанской организованной преступности в транзите наркотиков по «балканскому маршруту»: сетевой анализ // Национальная безопасность / Nota Bene. 2016. № 4. С. 509–518. doi: 10.7256/2073-8560.2016.4.19364
42. Абрамова И.О. Мусульманские диаспоры Евросоюза в гендерном, поколенческом и пространственном измерениях. От демографии к социальной антропологии // Ученые записки Института Африки РАН. 2016. № 1. С. 25–32.

References

1. Barjaba, J. (2019) Albanian Diaspora across the World. *Athens Journal of Mediterranean Studies*. 3 (5). pp. 173–184. doi: 10.30958/ajms.5-3-3
2. Kurbatskiy, V.A. (2016) Mesto Kosovo vo vneshney politike Albanii [The place of Kosovo in the foreign policy of Albania]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 112–120.
3. Stamova, M.N. (2019) Albanskiy faktor v Respublike Makedoniya v poslednee desyatiletie XX v. – pervoe desyatiletie XXI v. [The Albanian factor in the Republic of Macedonia in the last decade of the 20th century – first decade of the 21st century]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*. 1–2 (14). pp. 92–109. doi: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.6
4. Klimenko, Z.V. (2017) Albanskiy vopros v Chernogorii [The Albanian question in Montenegro]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 4 (58). pp. 309–334. doi: 10.18503/1992-0431-2017-4-58-309-334
5. Këshilli Koordinues i Diasporës Shqiptare. (n.d.) *Albanian National Diaspora Strategy 2021–2025*. [Online] Available from: <https://diaspora.gov.al/wp-content/uploads/2020/12/STRATEGJIA-KOMBETARE-E-DIASPORES-2021-2025-ENG.pdf> (Accessed: 05.05.2023).
6. Bruk, S.I. (1986) *Naselenie mira: etnodemograficheskiy spravochnik* [World Population: An ethnodemographic directory]. Moscow: Nauka.
7. Bruni, P. (ed.) (2004) *Arbëreshë: Cultura e Civiltà di un Popolo*. Roma: Istituto poligrafico e Zecca dello Stato, Libreria dello Stato.
8. Dragoti, E. & Ismaili, E. (2018) Albanian Internal and International Migration. *UBT International Conference*. 411. 27 October. doi: 10.33107/ubtic.2018.411
9. Arsh, G.L. (ed.) (1992) *Kratkaya istoriya Albanii* [Brief History of Albania]. Moscow: Nauka.
10. Bogomolov, S.A. (2019) Osnovatel' sovremennogo Egipta Mukhammed Ali v vospriyatii evropeytssev – velikiy pasha ili pauk v logove? [Is the founder of modern Egypt, Muhammad Ali, in the perception of Europeans, a great pasha or a spider in his lair?]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 19. pp. 66–80.
11. Gurrazezi, R.Xh. (2006) *Historia e Federatës “Vatra”*. Tiranë: Globus R.
12. Today's Zaman. (2011) Albanians in Turkey Celebrate Their Cultural Heritage. *Today's Zaman*. 21 August. [Online] Available from: http://web.archive.org/web/20151031102644/http://www.todayzaman.com/national_albanians-in-turkey-celebrate-their-cultural-heritage_254383.html (Accessed: 07.05.2023).
13. Yenigun, C. (2012) GCC Model: Conflict Management for the “Greater Albania”. *Journal of Social Sciences*. Special Issue. pp. 175–186.
14. Instat. (2011) *Albania Population and Housing Census 2011*. [Online] Available from: https://www.instat.gov.al/media/3058/main_results_population_and_housing_census_2011.pdf (Accessed: 04.05.2023).
15. Çabiri, Y. et al. (2000) *Albanian Human Development Report 2000*. Tirana: UNDP. [Online] Available from: https://unece.org/fileadmin/DAM/hlm/prgm/cph/experts/albania/materials/undp_hdr.pdf (Accessed: 05.05.2023).
16. Instat. (2004) *Migracioni në Shqipëri në vitin 2001*. Tiranë: Instituti i Statistikës.
17. IOM UN Migration. (n.d.) *Migration and Albania*. [Online] Available from: <https://albania.iom.int/migration-and-albania> (Accessed: 07.05.2023).
18. Ratha, D., Mohapatra, S. & Silwal, A. (2011) Migration and Remittances Factbook 2011. [Online] Available from: https://documents1.worldbank.org/curated/en/630421468163744010/pdf/578690PUB0Migr11_public10BOX353782B0.pdf (Accessed: 08.05.2023).
19. Agjencia Kombëtare e Diasporës. (2021) *Eurostat, dërgesat personale drejt Shqipërisë në vitin 2021 arritën në 1.14 miliardë euro*. [Online] Available from: <http://akd.gov.al/eurostat-dergesat-personale-drejt-shqiperise-ne-vitin-2021-arriten-ne-1-14-miliarde-euro/> (Accessed: 09.05.2023).
20. Gëdeshi, I. (2021) *How Migration, Human Capital and the Labour Market Interact in Albania*. European Training Foundation. [Online] Available from: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2021-09/migration_albania.pdf (Accessed: 05.05.2023).
21. Instat. (2020) *Diaspora e Shqipërisë në Shifra 2020*. [Online] Available from: <https://www.instat.gov.al/media/7848/diaspora-ne-shifra-2020.pdf> (Accessed: 03.05.2023).
22. UNHCR. (2005) *National Strategy on Migration and National Action Plan on Migration, 2005*. [Online] Available from: <https://www.refworld.org/docid/5aaa807b4.html> (Accessed: 05.05.2023).
23. Këshilli Koordinues i Diasporës Shqiptare. (n.d.) *Strategjia Kombetare e Diasporës 2018–2024: Dhe Plani I Veprimit*. [Online] Available from: <https://diaspora.gov.al/wp-content/uploads/2018/05/STRATEGJIA-KOMBETARE-E-DIASPORES-2018-2024-DHE-PLANI-I-VEPRIMIT.pdf> (Accessed: 05.05.2023).
24. Voennoe obozrenie. (2018) “Sladkiy korabl’”. Rasplata za razval sotslagerya [“Sweet Ship.” Retribution for the collapse of the socialist camp]. *Voennoe obozrenie*. 07 August. [Online] Available from: <https://topwar.ru/145264-sladkiy-korabl-mest-za-razval-soclageriya.html> (Accessed: 04.05.2023).

25. Haberman, C. (1991) Italy Moves to Stem Wave of Albanians. *The New York Times*. 09 August. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/1991/08/09/world/italy-moves-to-stem-wave-of-albanians.html> (Accessed: 05.05.2023).
26. Coletti, R. et al. (2021) *Mapping and Profiling of Albanian Diaspora: An Economic and Social Survey in 5 Italian Regions. Overview of the Situation in France and Belgium*. Tirana: IOM, UN Migration. [Online] Available from: https://www.cespi.it/sites/default/files/documenti/mapping_and_profiling_of_albanian_diaspora_research.pdf (Accessed: 05.05.2023).
27. Korovilas, J.P. (1999) The Albanian Economy in Transition: The Role of Remittances and Pyramid Investment Schemes. *Post-Communist Economies*. 3 (11). pp. 399–415. doi: 10.1080/14631379995940
28. Vullnetari, J. (2007) Albanian Migration and Development: State of the Art Review. *IMISCOE Working Paper*. [Online] Available from: https://eprints.soton.ac.uk/377326/1/Vullnetari%2520%25282007%2529%2520Albanian%2520Migr%2526Development_IMISCOE%2520SOA.R.pdf (Accessed: 07.05.2023).
29. Abramova, I.O. & Bessonov, S.A. (2012) “Arabskaya vesna” i transgranichnaya migratsiya [“Arab Spring” and cross-border migration]. *Aziya i Afrika segodnya*. 6. pp. 10–17.
30. Gëdeshi, I., & King, R. (2018) *Research Study into Brain Gain: Reversing Brain Drain with the Albanian Scientific Diaspora*. Tirana: UNDP.
31. Gëdeshi, I. & King, R. (2018) *New Trends in Potential Migration from Albania*. Tirana: Friedrich-Ebert-Stiftung.
32. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2023) Prostranstvennaya transformatsiya migratsionnoy sistemy v period krizisa [Spatial transformation of the migration system during the crisis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. 1 (68). pp. 29–43. doi: 10.21638/spbu07.2023.102
33. Esipova, N., Ray, J. & Pugliese, A. (2017) Number of Potential Migrants Worldwide Tops 700 Million. *Gallup News*. 08 June. [Online] Available from: <http://news.gallup.com/poll/211883/number-potential-migrants-worldwide-tops-700-million.aspx> (Accessed: 05.05.2023).
34. Kandel', P.E. (2021) Albanskiy vopros segodnya [The Albanian question today]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*. 3. pp. 77–83. doi: 10.15211/vestnikieran320217783
35. Martynov, V.L. & Sazonova, I.E. (2019) Osnovnye tendentsii prostranstvennogo razvitiya sovremennoy Albanii [Main trends in the spatial development of modern Albania]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2 (151). pp. 19–34. doi: 10.31857/s0869-6071151219-34
36. Krasniqi, L. (2018) Vota e Diasporës si Infuzion i Demokracisë. *Kallxo*. 08 November. [Online] Available from: <https://kallxo.com/gjate/mendime/vota-e-diaspores-si-infuzion-i-demokracise/> (Accessed: 02.05.2023).
37. Germin. (2021) International Migrants Day – Albanian Diaspora Day 2021. *Germin*. 18 December. [Online] Available from: <https://germin.org/international-migrants-day-albanian-diaspora-day-2021/> (Accessed: 05.05.2023).
38. Barjaba, K. (2000) Contemporary Patterns in Albanian Emigration. *South-East Europe Review*. 2 (3). pp. 57–64.
39. Domushchii, S. (2022) Nelegal'naya migratsiya v Britaniyu stala natsional'nyy biznesom dlya Albanii [Illegal migration to Britain has become a national business for Albania]. *Ridus*. 28 October. [Online] Available from: <https://www.ridus.ru/nelegalnaya-migraciya-v-britaniyu-stala-natsionalnym-biznesom-dlya-albanii-393110.html> (Accessed: 12.05.2023).
40. Weaver, M. (2017) Albanian Gangs Have Significant Control Over UK Cocaine Market, Says Crime Agency. *The Guardian*. 29 June. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jun/29/albanian-gangs-control-uk-cocaine-market-says-agency> (Accessed: 07.05.2023).
41. Degterev, D.A. & Kovaleva, D.V. (2016) Rol' Albanii i albanskoy organizovannoy prestupnosti v tranzite narkotikov po “balkanskomu marshrutu”: setevoy analiz [The role of Albania and Albanian organized crime in the transit of drugs along the “Balkan route”: network analysis]. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene*. 4. pp. 509–518. doi: 10.7256/2073-8560.2016.4.19364
42. Abramova, I.O. (2016) Musul'manskie diaspory Evrosoyuza v gendernom, generatsionnom i prostranstvennom izmereniyakh. Ot demografii k sotsial'noy antropologii [Muslim diasporas of the European Union in gender, generational and spatial dimensions. From demography to social anthropology]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. 1. pp. 25–32.

Информация об авторах:

Горохов С.А. – д-р геогр. наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: stgorohov@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9984-6054

Дмитриев Р.В. – д-р геогр. наук, заместитель директора Института Африки Российской академии наук по научной работе (Москва, Россия). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4018-9832

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.A. Gorokhov, Dr. Sci. (Geography), leading researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stgorohov@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9984-6054

R.V. Dmitriev, Dr. Sci. (Geography), deputy director, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4018-9832

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 31.10.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 32(091)
doi: 10.17223/15617793/500/3

Камско-Волжская газета и сибирское областничество: ключевое идеологическое и практическое значение (на эпистолярных источниках 1873–1874 гг.)

Александр Викторович Головинов¹, Вячеслав Александрович Должилов²

^{1, 2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ alex-golovinov@mail.ru

² dolshikov@yandex.ru

Аннотация. На основе выявленных эпистолярных источников определено значение актуальной публицистики Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина периода их сотрудничества с редакцией «Камско-Волжской газеты» в 1873–1874 гг. для формирования основных парадигм сибирского областничества как идеологии. Исходя из контекста содержания писем идеологов областничества того времени, как опубликованных, так и хранящихся в архивных фондах, акцентируется ключевая роль казанского печатного органа в процессе идеологического оформления во второй половине XIX столетия политической и социокультурной программы областников.

Ключевые слова: Камско-Волжская газета, провинциализм, Г.Н. Потанин, сибирское областничество, Н.М. Ядринцев, идеология

Для цитирования: Головинов А.В., Должилов В.А. Камско-Волжская газета и сибирское областничество: ключевое идеологическое и практическое значение (на эпистолярных источниках 1873–1874 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 22–29. doi: 10.17223/15617793/500/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/3

Kamsko-Volzhskaya gazeta and Siberian regionalism: Key ideological and practical significance (based on epistolary sources of 1873–1874)

Aleksandr V. Golovinov¹, Vyacheslav A. Dolzhikov²

^{1, 2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ alex-golovinov@mail.ru

² dolshikov@yandex.ru

Abstract. The aim of this study is to attempt to identify and show the importance of the *Kamsko-Volzhskaya gazeta* [Kama-Volga Newspaper] (1873–1874) for the formation of the ideology of Siberian regionalism. The authors emphasize that the first socio-political ideals of the leaders of the movement of regionalists Grigory Potanin and Nikolai Yadrintsev were most vividly and comprehensively presented in the Kazan newspaper. The basic concept of provincialism in the ideology of Siberian democratic regionalism was broadly discussed in *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. In general, it is not so much the works of the founders of regionalism that are analyzed, but rather their epistolary heritage. Accordingly, several groups of sources were used for this study and the achievement of its aim: letters, ego-documents, such as autobiographies and memoirs, actual tests of materials prepared by Yadrintsev and Potanin for *Kamsko-Volzhskaya gazeta*, as well as unpublished archival materials found in Yadrintsev's archive stored in the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University. The work done is based on the methodology of the "new cultural and intellectual history", the principle of historicism and objectivity, and the use of textual content analysis of the sources of this study. Chronologically, the study covers the period 1873–1874 – the time of the regionalism leaders' active cooperation with the Kazan newspaper. The authors first conducted a small historiographic review of domestic and foreign studies in this area. They showed that the study is relevant because, despite the numerous studies of Yadrintsev's and Potanin's ideological heritage, the plot with *Kamsko-Volzhskaya gazeta* has not been studied enough. In general, the authors note that Potanin's article "Unification of Regions" and Yadrintsev's material "The Fate of the Province and the Provincial Question in France", both published in *Kamsko-Volzhskaya gazeta*, were of a programmatic nature for Siberian regionalism as an ideology. These works clearly show the federalist and integrative nature of Siberian democratic regionalism. The authors establish that the ideological formulation of the regional program, its conceptualization and even popularization became really possible in *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. Later texts by Yadrintsev and Potanin were also published in other periodicals. However, the purely regionalist discourse was mainly broadcast in the Kazan newspaper. Due to this, the ideology of Siberian regionalism continued to form and even advance.

Keywords: Kamsko-Volzhskaya gazeta, provincialism, Grigory Potanin, Siberian regionalism, Nikolai Yadrintsev, ideology

For citation: Golovinov, A.V. & Dolzhikov, V.A. (2024) *Kamsko-Volzhskaya gazeta and Siberian regionalism: Key ideological and practical significance (based on epistolary sources of 1873–1874)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/3

Введение

Многогранность публицистического наследия сибирского областничества вызывает стабильный интерес научного сообщества: историков, политологов, филологов, философов, социологов и др. Непреходящая актуальность результатов интеллектуальной деятельности идеологов областничества закономерно обусловлена широким спектром тем, поднимаемых сибирскими патриотами. Потому их литературно-публицистическая деятельность не теряет своей эвристичности в современных гуманитарных науках.

Хотя история движения сибирских регионалистов изучена в целом обстоятельно, все-таки в ней, с учетом достижений современной историографии, можно выделять, конкретизировать и концептуализировать некоторые отдельные сюжеты. Таковым, в частности, является заметный всплеск публикационной активности сибирских общественных деятелей, который хронологически совпадает с последними годами пребывания их в ссылке и плодотворным сотрудничеством с издателями Камско-Волжской газеты в 1873–1874 гг.

Обращение к историографии исследуемого вопроса свидетельствует о том, что первые попытки определить значимость публикаций Камско-Волжской газеты для разработки программы областников приходится на дореволюционный период отечественной истории. Впервые краткий обзор статей основоположников областничества, подготовленных для этого провинциального издания, проводился Н.Н. Козьминым [1] и В.М. Крутовским [2]. Авторы, являвшиеся, по сути, поздними областниками, отмечали в своих работах, что статьи Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева того времени посвящались злободневным для Сибири проблемам административной реформы, колонизации, ссылки, университетскому вопросу и др. Это была первая пробная попытка выделить место и роль публицистики лидеров движения областников периода сотрудничества с казанским печатным органом. Однако в этом отношении дореволюционная историография носила по преимуществу описательный характер. Роль и значение самих публикаций Камско-Волжской газеты в процессе оформления сибирского областничества как идеологии на тот момент особо пока не выделялись.

В советское время публицистическая деятельность Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина 1870-х гг. в русле изучения общей проблематики областничества рассматривалась частично М.Г. Сесюниной [3] и др. Специального исследования ранней публицистики теоретиков сибирского демократического регионализма, в том числе периода их сотрудничества с редакцией казанской газеты, тогда еще не проводилось. Полагаем, что это вполне можно объяснить доминированием в

советской историографии марксистско-ленинских стереотипов, согласно которым областники были маргинальными либо вовсе «нежелательными» представителями освободительного движения, действовавшими на дальней периферии страны.

Современные авторы намного более часто обращаются к анализу литературно-публицистической деятельности идеологов областничества. В последние годы здесь заметно выделяются два обособленных блока: историко-филологические исследования и конкретно-исторические работы. Традиционно в рамках второго направления уже несколько десятилетий изучают литературное наследие областников В.П. Зиновьев [4], Л.М. Дамешек [5], М.В. Шиловский [6], С.А. Некрылов [7] и др. Эта группа авторитетных сибирских исследователей последовательно анализирует в своих работах ключевые положения идеологии областников. Несмотря на то, что хронологический отрезок, связанный с сотрудничеством основоположников областничества с редакторами Камско-Волжской газеты, данная группа современных авторов не рассматривает, однако для настоящего исследования они имеют важное теоретико-методологическое значение. Историографическую ценность в рамках нашего исследования представляет работа В.П. Зиновьева в соавторстве с И.Д. Филоновым. Томские ученые на основе анализа многообразных источников анализируют дискуссию в рамках известных газет: истинно областного издания «Восточное обозрение» и антиобластного издания «Сибирский вестник». Как видим, все чаще и чаще идеологическое наследие теоретиков сибирского демократического регионализма исследуется в фокусе их публицистической деятельности на страницах дореволюционной периодики.

Особый интерес для нашего исследования представляют историко-филологические труды Н.В. Серебренникова [8], Н.В. Жиликовой [9], Ю.Б. Костяковой [10], А.Ш. Бик-Булатова [11] и др. В данном сегменте отечественной историографии по обозначенной теме осуществляется попытка выявить факторы, обусловившие подъем публицистической активности Н.М. Ядринцева в начале 1870-х гг., а также условия подготовки статей для прессы анализируется его система. Так, в работе «Опыт формирования областнической литературы» Н.В. Серебренников обстоятельно рассматривает публикации областников на столбцах Камско-Волжской газеты и высказывает мысль о пропедевтике регионализма. Выводы, полученные указанными выше исследователями, носят системный характер. Проработанность и хронологическая точность делают их незаменимыми для нашего анализа.

В среде зарубежных исследователей также заметно растет интерес к идеологии сибирского демократического регионализма (областничества). Например, в недавней своей работе проблематику областничества в революционное время рассматривает американский

ученый Э. Джонсон. Исследователь защитил в 2016 г. диссертацию по теме «Представляя Сибирь: сибирский регионализм через эволюцию и революцию». Автор пришел к выводу о том, что областники активно сотрудничали с политическими партиями во время революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г. [12].

Другой англоязычный исследователь из Университета Торонто Э. Фризен опубликовал в 2020 г. книгу по результатам своего диссертационного исследования под заглавием «Колонизация земли обетованной России: Православие и община на Сибирской степи». Примечательно, что в этой работе канадский автор ссылается на материалы фундаментальной монографии Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» [13].

Также в исторических исследованиях Н. Перейры [14] и Э. Питт [15] содержится нарратив общественно-политических размышлений о феномене идеологии областничества.

Как показывает проведенный историографический обзор отечественной и зарубежной историографии специальных исследований, в которых бы раскрывалась роль и значимость публикаций Камско-Волжской газеты для генезиса областнической общественно-политической мысли, на данный момент явно недостаточно. Цель нашего анализа как раз и состоит в том, чтобы попытаться выявить ключевое значение казанского периодического издания для формирования основных концептов и базовых парадигм раннего сибирского областничества как идеологии.

Главным образом исследование базируется на материалах писем лидеров сибирского областничества за период 1873–1874 гг. Хронологические рамки определены не случайно и обуславливаются областнической полемикой вокруг онтологии Камско-Волжской газеты.

Обращение к эпистолярному наследию Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина 1873–1874 гг. может иллюстрировать значение казанского периодического издания для формирования мировоззренческих ориентиров идеологов областничества. Ценность для нашего исследования представляет как переписка между двумя основоположниками движения областников (Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин), так и содержание писем к различным адресатам – редакторам Камско-Волжской газеты К.В. Лаврскому и Н.Я. Агафонову, публицисту А.С. Гацискому и др. Отметим, что львиная доля данных писем была в свое время опубликована.

Тем не менее в настоящей статье привлекаются к анализу кроме них и неопубликованные архивные материалы эпистолярного наследия Н.М. Ядринцева, содержащиеся в специальном фонде Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.

Текстологический контент-анализ был также использован при оценке содержания размещенных на страницах казанского периодического издания статьи Г.Н. Потанина «Объединение областей» и очерка Н.М. Ядринцева «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции». Обоим этим публикациям присущ ярко выраженный программный характер, а поэтому они имели важное

значение для манифестации основ идеологии сибирского демократического регионализма.

Эпистолярное возрождение

Эпистолярный жанр стал доступен близким товарищам Н.М. Ядринцеву и Г.Н. Потанину в 1872 г. Именно в этом году завершились каторжные работы Григория Николаевича Потанина. Сибирский патриот был отправлен в ссылку г. Никольск и получил долгожданную возможность коммуницировать. «У нас началась оживленная переписка, – вспоминал Николай Михайлович, – хотя она была под контролем и велась через исправника, но мы не стеснялись обмениваться мыслями, предлагать темы статей и пр. <...> Я писал огромные письма, он отвечал мне» [16. С. 162].

Однако судить о содержании, смысле и значении этого эпистолярного наследия можно преимущественно по идеологическому контексту писем Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Известно, что Николай Михайлович по обыкновению выбрасывал, сжигал или просто не хранил все письма. Вместе с тем в своей автобиографии сам он сообщает, что письма сохранил. Однако его частые переезды, по-видимому, привели к утрате данного фрагмента эпистолярного наследия публициста. К сожалению, до наших дней вся эта переписка не дожила. Сохранились и были опубликованы только те материалы, которые бережно хранил Григорий Николаевич Потанин.

Эту бурную переписку можно оценивать как принципиально значимую в биографическом и идеологическом отношении. Издатели рукописей характеризуют данное эпистолярное наследие так: «Письма Ядринцева вводят нас в тот период, когда складывались окончательно основания областничества и юношеские мечты и увлечения превращались в законченное общественное мирозерцание. Ядринцеву тогда было 30 лет, Потанину – 37» [17. С. 2]. Почти все дошедшие до наших дней письма идеологов сибирского областничества в буквальном смысле слова изобилуют фундаментальными и программными положениями. На страницах эпистолярного наследия этого периода обсуждаются труды Ж.-Ж. Руссо, Д. Дрейпера, Н.К. Михайловского, А. Бокля, Д. Кери, А. Смита и других выдающихся мыслителей. Активна обсуждается «редакторская кухня» Камско-Волжской газеты, идут размышления о судьбе провинциальной журналистики.

Первый опыт сотрудничества с Камо-Волгой

Взаимодействие областников с казанской газетой началось с Г.Н. Потанина. Находясь в ссылке в Никольске, он познакомился с фактическим редактором Камско-Волжской газеты Константином Викторовичем Лаврским. Вероятно, между ними сразу же обнаружилась близость взглядов. Встреча двух ссыльных, как отмечает Н.В. Серебренников, стала событием в истории регионального самосознания [8. С. 70]. Действительно результатом этой судьбоносной встречи можно считать как минимум рождение яркого явления в истории региональной прессы.

Недавно учрежденная газета, что очевидно, нуждалась в расширении круга авторов. Издание появилось на свет в 1872 г. в Казани. Концепция периодического издания предполагала освещение реальных провинциальных нужд. Потому объяснимо, что в связи с начавшейся разработкой провинциального вопроса редактор сделал предложение известному областнику освещать на страницах казанской газеты жизнь «Сибирской окраины». Григорий Николаевич Потанин в целом и общем идее сотрудничества поддерживал и сразу же сообщил ближайшему другу о возможности публиковаться в Камско-Волге. Но Николай Михайлович Ядринцев поначалу скептически отнесся к качеству материала, который входил в газету, и, надо сказать, иронизировал на эту тему неоднократно. «Камско-Волжскую газету мы получили, – писал лидер областничества, – не знаю, кто ее презентует. Конечно, худощавый и бледный отпрыск провинциальной журналистики, – продолжал он в феврале 1873 г., – но так как мои симпатии лежат ко всему чаду провинциальной жизни, то я угадал, что надо делать и накидал уже для газеты новости нашего Востока» [18. С. 168].

Вместе с тем, несмотря на скепсис ссыльного сибиряка, предложение сотрудничать с казанским изданием было принято с большим энтузиазмом.

Самые первые публикации областнической направленности в казанской газете пришлось на 1873 г. Н.М. Ядринцев так вспоминал о сотрудничестве с региональным изданием: «Потанин, я и Лаврский были солидарны, статьи в Камско-Волжской газете были полны оригинальности. <...> Скоро газета выдвинулась, она обратила внимание на себя в столичной прессе» [16. С. 162].

Плодотворный характер сотрудничества с Камско-Волгой вполне объясним и идеологической близостью мировоззренческих установок К.В. Лаврского с сибирскими просветителями. Известно, что в июле 1863 г. будущий редактор казанского издания был арестован по делу о затеянном польскими эмиссарами казанском заговоре. Обвинялся он в том, что якобы распространял прокламации к крестьянам с призывом восстать против властей и помещиков. Понятно, что такая похожесть биографий вызывала исключительно взаимные симпатии и усиливала общее доверие.

Идейные импульсы и родство мировоззрения на фоне с практически безграничной авторской свободой создавала тем самым позитивную синергию концептов, идеалов и убеждений либерально-демократического толка. Эти идеологические постулаты в духе регионализма полностью пронизывали содержание газеты. Выигрышным становилось и положение самого издания – число подписчиков неизбежно росло. Сибирский читатель также стал подписываться на казанскую газету. В письме от декабря 1873 г. Г.Н. Потанин сообщал близкому другу Н.М. Ядринцеву: «Вот Вам сведения о подписке на КВГ в Сибири: в Тюмени – 6, в Тобольске – 1, в Ишиме – 1, в Омске – 2, в Усть-Каменогорске – 1, в Томске – 1, в Енисейске – 2, в Чите – 1, в Иркутске – 4, всего – 19. В Тюмени клуб приказчиков сам выписывает газету...» [19. С. 69]. Сведения эти не были исключительно статистическим, они демонстрировали обратную связь публициста с читателем.

Факт того, что казанскую газету выписывают в Восточной окраине, явно вдохновлял лидеров областнического движения.

О качестве, актуальности и теоретической проработанности подаваемых областниками в казанскую газету материалов можно судить на примере статьи Н.М. Ядринцева «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции».

Нарратив регионализма становится центральным вопросом данной публикации. В рамках статьи в духе народнической историософии сибирский патриот констатирует: «Прежняя историческая наука никогда не проверяла, как та или иная система отражалась на жизни масс. Новая историческая точка зрения все более охватила человеческую историю, наука захотела узнать внутреннюю жизнь народа, законы ее развития, глухую и тайную борьбу народной жизни в ее глубоких недрах» [20. С. 4].

Отмечая, что «прежняя» историография ничтожно мало обращала внимания на жизнь «невежественных» провинциальных масс, сибирский областник солидаризируется здесь с положениями исторической концепции А.П. Щапова. Н.М. Ядринцеву на столбцах Камско-Волги, пожалуй, впервые в своей публицистической деятельности так объемно и всесторонне удалось довести региональный дискурс чуть ли не до уровня философских обобщений.

Упомянутая публикация, размещенная на страницах казанской газеты, выделяется явной теоретической значимостью. Можно предположить, что в силу романтизма натуры Николай Михайлович намеренно поместил свой материал достойный ведущих центральных изданий в местечковой газете, чтобы лишний раз подчеркнуть – провинциальные вопросы размещаются в провинциальной же прессе. Интересно, что далеко не все свои наработки ссыльный сибиряк был готов предоставлять местным газетам. Примечательно в этом смысле он пишет в одном из писем Г.Н. Потанину: «Мой философско-исторический трактат о слиянии с инородцами и азиатскими народами является слишком серьезным и научным, а потому я посмотрю, еще уместно ли его поместить в Камско-Волжскую газету» [21. С. 205].

Провинциальная газета обладала весомым преимуществом для областников. Редакторы совершенно не ограничивали творческие порывы сибирских публицистов. Такой редакторский подход был вызван стремлением сопутствовать активности авторов и расширению их числа за счет предоставляемой идейной свободы. «Мы писали с жаром, – вспоминал Н.М. Ядринцев, – свободно, не стесняясь редакции. Это был орган, где мы были равноправны с редакторами» [16. С. 162]. Тем самым благоприятные обстоятельства сопутствовали формированию парадигм областнической идеологии.

Нарратив провинционализма

Многообразие материалов Н.М. Ядринцева, размещенных на столбцах Камско-Волжской газеты в 1873–1874 гг., прежде всего таких как «Провинциальные

красоты», «Литература и провинция», «Крестовый поход науки на Восток», «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции» и других, по существу представляли собой попытку комплексной рефлексии о судьбах русской глубинки.

Материалы увлекали читателя регионалистским содержанием, причем с привлечением теоретических рассуждений, а не тривиальным описанием местных проблем, что было редким явлением в публицистике 60–70-х гг. XIX в. Это вызывало положительный эффект, так как вокруг издания стал формироваться целый круг писателей-сибиряков, самоотверженно защищавших сибирскую глубинку и интересы русской провинции. Об этом Н.М. Ядринцев упоминал в собственной автобиографии, замечая, что газета приобрела тогда много сибирских сотрудников, таких как Г.Н. Потанин, А.П. Нестеров, Г.Е. Катанаев и др. [22. С. 252].

На публицистическом поприще в рамках сотрудничества с Камо-Волгой серьезно преуспевал и другой лидер движения областников – Г.Н. Потанин. Из-под пера этого выдающегося ученого-областника вышел целый комплекс материалов. «Патриарх свободной Сибири» основательно рефлексировал о насущных проблемах отчего края в фокусе провинциализма. Регионалистский нарратив широко представлен такими его литературно-публицистическими произведениями, как «О необходимости умственных центров в провинции», «Проект отмены ссылки в Сибирь», «Земство и общество», «В чем еще нуждается Сибирь: (Автору “Ожидания реформы в Сибири”）」», «Объединение областей», и др.

Особо важным, по нашему мнению, в программном значении для манифестации и идеологического оформления сибирского демократического регионализма имела публикация Г.Н. Потанина «Объединение областей» 1874 г.

Мыслитель-сибиряк здесь выражал федералистскую природу областнического учения. В духе народнической философии идеолог сибирского регионализма считал, что первоочередным источником развития целого государства выступает развитие его частей-провинций. В ракурсе парадигмы «единство в многообразии» он отмечал: «Закон дифференциации общ как физическому, так и общественному организму; трудно ожидать от общественного тела, что оно в течение всей своей исторической жизни будет однородно...» [23. С. 4]. Представляя концепт объединения отечественных областей, просветитель пришел к выводу о том, что «неравномерное распределение общественных отправлений есть остаток прожитой жизни, и теперь оно, с пробуждением провинции, надеемся, закончится. <...> Члены одной области, как и всякой другой, должны быть одинаково развиты умственно и нравственно...» [23. С. 5].

Сама концептуальная основа редакторской политики казанского издания способствовала росту регионального самосознания. Григорий Николаевич Потанин по этому поводу констатировал: «Нужно помнить, что главная цель существования газеты – это сплочение сил области. Эта цель, прежде всего имевшаяся в

виду основателем газеты, Константином Викторовичем (имеется ввиду К.В. Лаврским. – А.Г., В.Д.), достигнута в некоторой степени» [24. С. 81].

Таким образом, переписка лидеров сибирского регионализма – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева – отчетливо иллюстрирует, что увлечение провинциальной проблематикой двух близких друзей было общим делом. Эпистолярное наследие известных сибирских интеллектуалов времен 1873–1874 гг. вполне можно считать дискуссионной площадкой, на идейных пространствах которой областничество формировалось как идеология.

Письма в идейном значении были неким спасательным кругом для впечатлительного и эмоционального Н.М. Ядринцева. В физическом плане он чувствовал себя одиноко. Потому одиночество тогда еще находящегося в ссылке Н.М. Ядринцева только усиливало свое негативное влияние на его чувствительную натуру. «Товарищи переезжали или переводились, – вспоминал Николай Михайлович, – Стронин уехал, Христофоров тоже, Шашков был переведен на юг, Натансон тоже, как и Пургавин. Я остался один с Ушаровым» [16. С. 163]. Н.В. Ушаров, как известно, был неисправимым пьяницей, умершим от воспаления легких буквально на руках у Н.М. Ядринцева. После смерти которого, как писал ссыльный сибиряк, положение его стало еще тягостней. «Время слишком изгрызло меня, – признавался опечаленный Н.М. Ядринцев в феврале 1873 г., – а нервы, порой натянутые как струны под влиянием страстных порывов вдруг иногда изнемогают в какой-то изнывающей безнадежной тоске. И иногда я боюсь за себя...» [16. С. 168]. Выход хандра находила в написании (и, между прочим, это параллельно с интеллектуальной работой) фельетонов и стихотворений. «Я, – признавался Н.М. Ядринцев, – в это время имел слабость отдаваться в стихах лирическому излиянию» [16. С. 162].

Увы, большим поэтом сибирского патриота у нас все же назвать не получится. Точности ради отметим, что Н.М. Ядринцев был увлечен поэзией еще с детства, например, рифмовал строчки, обучаясь в гимназии. В 1873 г. в Камо-Волге будет опубликовано несколько его стихотворений. Некоторые поэтические этюды приведем в пример:

Смотря на прежнюю тюрьму
Не в силах вновь негодовать я,
Любовь и мир в душе моей
Любовь и мир, но нет проклятья!

Начав с альбомной лирики по случаю, Н.М. Ядринцев становится мастером стихотворного фельетона и актуальной публицистики. Ему не нужна была сложная метафорика и поэтические тропы. Его стихи носят характер прямого действия. Известный русский философ и социолог Н.К. Михайловский высказывался по этому поводу так: «Николай Михайлович испробовал, кажется, все роды писания, грешил, между прочим, и стихами. Я говорю “грешил”, потому, что он далеко не обладал мастерством этой формы и стихи его хороши только искренностью и горячностью чувства...» [25. С. 60].

Не вдаваясь в литературоведческие тонкости, с очевидностью можно констатировать, что оптимистические и одухотворённые характеристики личности выдающегося сибиряка отчетливо проявлялись на протяжении всей его незаурядной жизни. Перу Николая Михайловича были подвластны, пожалуй, все жанры писательского дела. Сам он настойчиво отстаивал идею развития литературы, публицистики и всяческих проявлений художественной жизни на провинциальном уровне. Полагаем, что окончательное формирование подобных концептов нашло отражение на страницах казанского издания.

В целом идеологи сибирского областничества придавали колоссальное значение литературе и прессы в деле трансформаций мировоззрения народных масс. Очень точно в статье «Памяти Н.М. Ядринцева» высказался на этот счет С.Н. Южаков, авторитетный ученый и общественный деятель: «Поскольку вообще литература в то время служила орудием обновления и возрождения, постольку и Ядринцев должен почитаться орудием общественного обновления Сибири» [26. С. 67].

Работа по подготовке многочисленных острополитических материалов для казанской газеты только разжигала журналистский аппетит основоположника областничества.

Однако Николай Михайлович, как бы спохватившись, что увлекся бесцензурными возможностями разбирать самые актуальные темы, остерегался от противодействия со стороны цензоров своего ближайшего соратника – Г.Н. Потанина. «Прировняйте статьи к цензуре, – обращался он к дорожному другу, – и не слишком явно о теории Пьер Жака (т.е. об анархизме П.-Ж. Прудона. – А.Г., В.Д.)» [27. С. 214]. Опасения Николая Михайловича оказались пророческими. Цензура, в конечном счете, как, собственно, и принято было в Российской империи, стала причиной закрытия газеты.

Яркая жизнь провинциального печатного органа оказалась недолгой. В 1874 г. ее издание прекратилось. «Кое-как я доехал до Петербурга в 1874. Я писал в Дело и Неделю, в этом году, – сетовал сибирский патриот, – к нашему горю любимая Камско-Волжская газета прекратила существование: цензура ее была перенесена в Москву» [16. С. 163].

Обращаясь к архивным источникам, можно найти письмо Н. Агафонова, который с глубоким сожалением сообщал Н.М. Ядринцеву о проблемах с газетой. «Завтра, мой дорогой Николай Михайлович, я отъезжаю в Петербург хлопотать о восстановлении Камско-Волжской газеты. Она приостановлена в виду перевода цензуры в Москву <...> Унывать не следует...», – все-таки с некоторой надеждой высказывался редактор [28]. Надежды и чаяния оказались напрасными, даже в прошении перенести в столицу редакцию газеты цензоры наотрез отказали Н.Я. Агафонову. «На одиннадцатом номере 1874 года газета прекратилась навсегда...» [29. С. 88].

Неоднократные попытки возродить издание успехом не увенчались. «Мы употребляли усилия воскресить

Камско-Волжскую газету, заменить ее сборником и тому подобное, но это не удалось...», – глубоко сожалел Н.М. Ядринцев [22. С. 252]. Однако надежда на развитие провинциальной прессы, поселившаяся в мировоззрении Николая Михайловича, в результате позитивного опыта с Камо-Волгой рождала новые устремления в пропаганде провинциального вопроса. «Начались попытки, – вспомнил сибирский областник, – провести в Петербурге статьи в защиту провинциальной печати» [22. С. 252]. Рьяно защищал и отстаивал право на существование провинциальной периодики Н.М. Ядринцев в статьях «Один из русских централистов» и «Будущность провинциальной печати» в петербургском издании народнической направленности «Неделя». Публикации эти есть не что иное, как проповедь децентрализации умственной жизни и констатация чуть ли не рабского положения отечественных окраин в условиях имперского государства.

Заключение

Таким образом, взаимодействие лидеров областнического движения с редакцией казанского печатного органа позволило им хотя бы отчасти реализовать просветительские замыслы, которые хронологически относятся еще к периоду создания петербургского земляческого кружка в конце 1850-х – начале 1860-х гг. К тому же сотрудничество с Камско-Волжской газетой совпало с процессом кристаллизации программы действий на близкое будущее и тем самым сыграло для областников важную роль своеобразного полигона, где апробировались ключевые идеи просветительства и демократического регионализма.

Значение этого периода в целом определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, в данный момент происходило структурно-идеологическое оформление областнической программы. Ведь именно на страницах Камо-Волги действительно стали возможны ее концептуальная проработка и даже частичная популяризация. Заметим, правда, что ближе к концу периода ссылки Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин стали публиковаться и в других изданиях. Однако будущий просветительский регионально-федералистский дискурс в сибирском областничестве как самостоятельной идеологии получил распространение по преимуществу именно благодаря казанскому печатному органу.

Во-вторых, опыт сотрудничества с издателями Камско-Волжской газеты наглядно и, так сказать, практически демонстрировал Н.М. Ядринцеву и Г.Н. Потанину положительный эффект от распространения областнических идей посредством тематически сориентированных публикаций. По большому счету весь этот продуктивный опыт активного участия в деятельности органа местной периодической печати впоследствии пригодился в учреждении Н.М. Ядринцевым бесцензурной газеты «Восточное Обозрение». Таким образом, результаты литературного сотрудничества в Камско-Волжской газете идеологов движения сибирских регионалистов приобрели для них важное идеологическое и практическое значение.

Список источников

1. Козьмин Н.Н. (Ландарма) Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев в «Камско-Волжской газете» 1873 г. // Сибирь. 1915. № 71. С. 35–39.
2. Крутовский В.М. Областные очерки // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 152–159.
3. Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества. (К вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. 138 с.
4. Филонов И.Д., Зиновьев В.П. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 131–135. doi: 10.17223/15617793/484/15
5. Дамешек Л.М. Н.М. Ядринцев о взаимном влиянии русского и коренных народов Сибири // Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока : тезисы докл. регион. науч. конф. (Иркутск, 14–16 мая 1981 г.). Иркутск, 1981. С. 76–81.
6. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
7. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Лидеры сибирского областничества и первый университет в азиатской части России // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 9–13.
8. Серебренников Н.В. Опыт формирования областной литературы. Томск : Издательство Томского университета, 2004. 308 с.
9. Жиликова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск : Издательство Томского университета, 2014. 288 с.
10. Костякова Ю.Б. Публикаторская деятельность Н.М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г.Н. Потанину за 1872–1873 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 45–53.
11. Бик-Булатов А.Ш. Концепция провинциальной газеты как центра общественной и умственной жизни региона (по материалам писем Г.Н. Потанина 1874 года по поводу «Камско-Волжской газеты») // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2019. С. 181–187.
12. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution : Dissertation. Georgia State University, 2016. 299 p.
13. Friesen A. Colonizing Russia's promised land: Orthodoxy and community on the Siberian Steppe. University of Toronto Press, 2020. 279 p.
14. Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30, Is. 1. P. 112–133.
15. Peet E. The Rise of Siberian Nationalism // The Wilson Quarterly. 2015. 1 July. P. 35–40.
16. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Русская мысль. 1904. Кн. 6. С. 140–170.
17. От издателей // Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск : Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1918. С. 2–4.
18. Ядринцев Н.М. Письмо Г.Н. Потанину от 7 февраля 1873 г. // Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск : Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1918. С. 168–173.
19. Потанин Г.Н. Письмо Н.М. Ядринцеву от декабря 1873 г. // Письма Г.Н. Потанина. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. С. 69–70.
20. Ядринцев Н.М. Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции // Камско-Волжская газета. 1873. № 71. С. 2–3.
21. Ядринцев Н.М. Письмо Г.Н. Потанину от 14 марта 1873 г. // Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск : Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1918. С. 202–208.
22. Ядринцев Н.М. Хронология событий моей жизни (к автобиографии) // На сибирские темы: сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905. С. 248–261.
23. Потанин Г.Н. Объединение областей // Камско-Волжская газета. 1874. № 8. 18 января. С. 3–7.
24. Потанин Г.Н. Письмо А.С. Гацискому от 25 февраля 1874 г. // Письма Г.Н. Потанина. Иркутск : Изда-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. С. 80–82.
25. Михайловский Н.К. К характеристике Н.М. Ядринцева // На сибирские темы: сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905. С. 57–61.
26. Южаков С.Н. Памяти Н.М. Ядринцева // На сибирские темы : сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905. С. 66–67.
27. Ядринцев Н.М. Письмо Г.Н. Потанину от 4 апреля 1873 г. // Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск : Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1918. С. 219–228.
28. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Архив Н.М. Ядринцева. Ф. 3. Оп. 1. Д. 120. Л. 1146.
29. Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк. К 10-летию со дня кончины (7.VI.1894–7.VI.1904). СПб., 1904. 219 с.

References

1. Koz'min, N.N. (Landarma) (1915) G.N. Potanin i N.M. Yadrintsev v "Kamsko-Volzhskey gazete" 1873 g. [G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev in the Kama-Volzhskaia Gazeta, 1873]. *Sibir'*. 71. pp. 35–39.
2. Krutovskiy, V.M. (1916) Oblastnye ocherki [Regional essays]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 152–159.
3. Sesyunina, M.G. (1974) G.N. Potanin i N.M. Yadrintsev – ideologi sibirskogo oblastnichestva. (K voprosu o klassovoy sushchnosti sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny XIX v.) [G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev are the ideologists of Siberian regionalism. (On the question of the class essence of Siberian regionalism in the second half of the 19th century)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Filonov, I.D. & Zinov'ev, V.P. (2022) Sibirskiy vestnik and Siberian regionalism: The evolution of relations in 1885–1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 131–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/15
5. Dameshek, L.M. (1981) [N.M. Yadrintsev on the mutual influence of the Russian and indigenous peoples of Siberia]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya stran Vostoka* [Problems of Socio-Economic and Political Development of the Countries of the East]. Abstracts of the Regional Conference. Irkutsk. 14–16 May 1981. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 76–81. (In Russian).
6. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region in the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Centuries]. Novosibirsk: Sova.
7. Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2011) Leaders of the Siberian Oblastnichestvo and the first university in the Asian part of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 9–13. (In Russian).
8. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the Pre-Revolutionary Tomsk Province: The idea of regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Kostyakova, Yu.B. (2019) Publication activities of N.M. Yadrintsev's work in exile: causes and results (on the letters to G.N. Potanin for 1872–1873). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 62. pp. 45–53. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/62/6

11. Bik-Bulatov, A.Sh. (2019) [The concept of a provincial newspaper as a center of social and intellectual life in the region (based on G.N. Potanin's letters in 1874 regarding the Kama-Volzhskaya Gazeta newspaper)]. *Aktual'nye problemy regional'noy istorii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istoricheskoy dinamike* [Current Problems of Regional History: Relationships between the center and regions in historical dynamics]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Izhevsk. 07–08 November 2019. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 181–187. (In Russian).
12. Johnson, A. (2016) *Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution: Dissertation*. Georgia State University.
13. Friesen, A. (2020) *Colonizing Russia's promised land: Orthodoxy and community on the Siberian Steppe*. University of Toronto Press.
14. Pereira, N.G.O. (1988) Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers*. 1 (30). pp. 112–133.
15. Peet, E. (2015) The Rise of Siberian Nationalism. *The Wilson Quarterly*. 1 July. pp. 35–40.
16. Yadrintsev, N.M. (1904) K moyey avtobiografii [To my autobiography]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 140–170.
17. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G. N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G. N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo soyuza kooperativov. pp. 2–4.
18. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G. N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G. N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo soyuza kooperativov. pp. 168–173.
19. Potanin, G.N. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 69–70.
20. Yadrintsev, N.M. (1873) Sud'ba provintsii i provintsial'nyy vopros vo Frantsii [The fate of the province and the provincial question in France]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 71. pp. 2–3.
21. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G. N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G. N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo soyuza kooperativov. pp. 202–208.
22. Yadrintsev, N.M. (1905) Khronologiya sobyitiy moyey zhizni (k avtobiografii) [Chronology of events in my life (for an autobiography)]. In: Sobolev, M.N. (ed.) *Na sibirskie temy: sbornik v pol'zu tomskikh voskresnykh shkol i Gogolevskogo narodnogo doma* [On Siberian Themes: A collection in favor of Tomsk Sunday schools and the Gogol People's House]. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". pp. 248–261.
23. Potanin, G.N. (1874) Ob'edinenie oblastey [Unification of regions]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 8. 18 January. pp. 3–7.
24. Potanin, G.N. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 80–82.
25. Mikhaylovskiy, N.K. (1905) K kharakteristike N.M. Yadrintseva [To the characteristics of N.M. Yadrintsev]. In: Sobolev, M.N. (ed.) *Na sibirskie temy: sbornik v pol'zu tomskikh voskresnykh shkol i Gogolevskogo narodnogo doma* [On Siberian Topics: A collection in favour of Tomsk Sunday schools and the Gogol People's House]. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". pp. 57–61.
26. Yuzhakov, S.N. (1905) Pamyati N.M. Yadrintseva [In memory of N.M. Yadrintsev]. In: Sobolev, M.N. (ed.) *Na sibirskie temy: sbornik v pol'zu tomskikh voskresnykh shkol i Gogolevskogo narodnogo doma* [On Siberian Themes: A collection in favor of Tomsk Sunday schools and the Gogol People's House]. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". pp. 66–67.
27. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G. N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G. N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo soyuza kooperativov. pp. 219–228.
28. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University. N.M. Yadrintsev Archive. Fund 3. List 1. File 120. Page 1146. (In Russian).
29. Lemke, M.K. (1904) *Nikolay Mikhaylovich Yadrintsev: biograficheskiy ocherk. K 10-letiyu so dnya konchiny (7.VI.1894–7.VI.1904)* [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: Biographical sketch. To the 10th anniversary of his death (07.06.1894–07.06.1904)]. Saint Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Vostochnoe obozrenie".

Информация об авторах:

Головинов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Должигов В.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dolzhikov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Golovinov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

V.A. Dolzhikov, Dr. Sci. (History), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dolzhikov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 26.05.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 94(438)
doi: 10.17223/15617793/500/4

Между дегерманизацией и славянизацией: концепции интеграции Возвращенных польских земель после Второй мировой войны

Антон Анатольевич Жиров¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, ananzhirov@gmail.com

Аннотация. Анализируются концепции интеграции так называемых Возвращенных (бывших германских) земель в составе Польши после войны, разработанные различными польскими политическими силами, планы депортации немцев и замещения их соотечественниками, способы верификации и реполонизации германизированных местных поляков, а также смены культурного ландшафта и национальной символики. Делается вывод, что представители «лондонского лагеря» отдавали приоритет национально-культурным аспектам интеграции, а левые силы были убеждены, что преобразования социалистического типа станут универсальным средством интеграции всех групп польского общества.

Ключевые слова: Польша, Возвращенные земли, дегерманизация, славянизация, интеграция

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90034 «Реполонизация Воссоединенных земель в Польской Народной Республике в 1945–1956 годах».

Для цитирования: Жиров А.А. Между дегерманизацией и славянизацией: концепции интеграции Возвращенных польских земель после Второй мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 30–35. doi: 10.17223/15617793/500/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/4

Between de-Germanisation and Slavianisation: Integration concepts of Polish “recovered territories” after World War II

Anton A. Zhirov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ananzhirov@gmail.com

Abstract. The article examines the integration concepts of “recovered territories” (former German lands) as part of the post-war Poland, proposed by various political forces represented in the Polish Resistance Movement during World War II, in order to determine their influence on the subsequent development of the state, whose borders in 1945 changed radically. This study is based on acts and memoranda of the Polish government in exile, documents of new authorities created by the Communists and their allies in the liberated territory, programs of political and public organizations, press materials, and memoirs. The author pays special attention to the terms “de-Germanisation” and “Slavianisation”, which the program settings of the government in exile in London and its supporters, as well as the plans of the Polish communists, contain. The article traces the gradual transition to a common understanding of the mechanism of future integration processes as “re-Polonisation”. First of all, it was a radical change of population in the newly annexed territories and at the same time the forced deportation of German citizens to Germany and the settlement of the vacated spaces by Poles from the central voivodships of the country and repatriates from the USSR. On the other hand, the local Poles (former German citizens) were not deported. According to the Polish authorities, this autochthonous Polish population was subjected to forced Germanisation for many centuries, they needed to return their native language and Polish appearance in full. As a result, various groups of inhabitants of Polish origin with diverse cultural backgrounds had to transform into a homogeneous ethnocultural community, which was to become part of a single Polish nation. Re-Polonisation also implied a whole range of measures aimed at changing the cultural landscape and national symbols, restoring the former Slavic toponyms, and identifying and consolidating historical and cultural evidence of the Polish past of the new territories in the public consciousness. However, the analysis of the integration concepts of the opposing Polish political movements shows serious differences in the understanding of the term “re-Polonisation”, in the development and application of specific mechanisms for its implementation in the new Polish territories. Polish emigrant circles in London gave priority to the national-cultural aspects of integration, while the left-wing forces finally came to the conclusion that socialist-type transformations would become a universal means of integration for all groups of Polish society. With the victory of the Communists, the latter approach prevailed, which led to the underestimation of many factors and errors in the sphere of the national-cultural policy in the newly annexed lands in the first post-war years.

Keywords: Poland, recovered territories, de-Germanisation, Slavianisation, integration

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-39-90034.

For citation: Zhiron, A.A. (2024) Between de-Germanisation and Slavianisation: Integration concepts of Polish “recovered territories” after World War II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 30–35. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/4

Введение

Территориальные трансформации в Восточной Европе, вызванные Второй мировой войной, более всего затронули Польшу, которая утратила свои «восточные кресы», получив значительные приращения на севере и западе (около 101 тыс. км², или 1/3 всей площади страны). Эти бывшие немецкие провинции стали именоваться Возвращенными (или Воссоединенными) землями (польск. Ziemie Odzyskane, Ziemie Powrascające, Ziemie Zachodnie i Północne). Их вхождение в состав польского государства поставило перед властями ряд сложных политических, экономических и этнокультурных проблем, связанных с их освоением. И хотя о полной интеграции новоприобретенных территорий было объявлено уже в 1949 г. и одновременно упразднено Министерство Возвращенных земель [1. S. 118], однако их отличия от «старых» земель в течение десятилетий оставались важным фактором внутреннего развития. В какой-то степени они сохранились до наших дней, сказываясь на экономическом потенциале, культурном ландшафте и уровне жизни населения, отражаясь в политических предпочтениях на общенациональных выборах, что наглядно видно на электоральной карте современной Польши [2].

Политика освоения Воссоединенных земель достаточно подробно освещалась в новейшей польской историографии [3–5], однако меньше внимания уделялось изучению ее теоретических предпосылок. Цель настоящей статьи состоит в исследовании концепций интеграции, которые разрабатывались различными польскими политическими силами в годы Второй мировой войны и сразу после ее окончания вплоть до начала массовой депортации немцев в Германию в 1946 г. Основными источниками стали официальные документы как правительства в эмиграции, так и органов власти, созданных левыми силами, программы и декларации политических партий и общественных организаций, а также материалы прессы и мемуарная литература.

Интеграционные концепции «лондонского лагеря» в польском движении Сопротивления

В годы войны долгое время невозможно было понять, как будут выглядеть после ее окончания новые границы Польши. Вот почему польское правительство в изгнании одновременно заявляло о своих претензиях на сохранение «восточных кресов» и приобретение новых земель за счет Германии. Военные успехи Советского Союза в 1942–1943 гг. и рост его влияния в Антигитлеровской коалиции заставили польскую политическую элиту всё больше склоняться к мысли, что гра-

ницы Польши будут перенесены в западном направлении, а значит, ключевой задачей для поляков станет вопрос о разработке механизмов интеграции бывших немецких земель, и прежде всего определения судьбы немецких граждан. Однако в самом правительстве не было единой позиции по последней проблеме, разногласия касались как масштаба депортации немцев (всех или только их части) и его темпов и сроков (немедленно или поэтапно, несколько месяцев или несколько лет) и т.д.

Начиная с 1942 г. в правительстве в изгнании разрабатывались и обсуждались различные концепции «дегерманизации» будущих территориальных приобретений. Многие здесь зависело от позиции лидеров Запада, которые видели угрозу немецкого реваншизма и надеялись добиться прочного мира в Центральной и Восточной Европе путем перемещения немецких меньшинств в Германию. С ними был солидарен польский премьер-министр С. Миколайчик, заявивший, что в границах будущей Польши «не может быть места ни одному немцу» [6. S. 228].

Однако Бюро Новых Земель, созданное как раз для разработки интеграционных планов, предлагало оставить часть немцев с целью использования в качестве рабочей силы, так как из-за невозможности быстрого заселения новых территорий польскими гражданами ускоренная депортация немцев могла бы закончиться экономической катастрофой. В Бюро считали необходимым депортировать в Германию в течение двух лет только «непригодных для колонизации» немцев, т.е. лиц, активно сотрудничавших с нацистским режимом, а заодно и всех нетрудоспособных: инвалидов, стариков, женщин и детей (около 60% местных немцев); оставшиеся немцы (40%) по окончании восстановительного периода подлежали расселению по всей территории Польши с целью их скорейшей ассимиляции [6. S. 229].

В отношении коренного населения лидеры польской диаспоры в Лондоне были настроены на борьбу за каждого автохтона с польскими этническими корнями, пусть и сильно германизированного, считая этих людей залогом успешного освоения новых территорий. О трудностях на этом пути очень образно написал в 1942 г. польский историк Владислав Павецкий: «Это будет реставрация – огромная и сложная работа, похожая на труд шахтера, потому что мы должны высвободить тысячи славян непосредственно из германской толщи» (цит. по: [7. S. 112]).

Правительство в изгнании было готово пойти далеко навстречу своим соотечественникам из Германии, рассматривались даже проекты создания «автономных образований» на Мазурах и в Опольской Силезии. Например, южную часть Восточной Пруссии предлагалось преобразовать в автономную область с сохране-

нием мазурского языка во всех сферах жизни и придании евангелической церкви статуса главенствующей. Согласно другому меморандуму, автономия Опольской Силезии должна была обеспечить постепенное приобщение местных жителей к польской культуре и устранение засилья немецкого языка. При этом не планировалось массово переселять в Силезию поляков из Центральной Польши, так как, по мнению авторов документа, такие переселенцы считались бы «чужаками» [8. S. 409]. Напротив, важная роль отводилась полякам-реэмигрантам из западных стран, которые, с одной стороны, хорошо знали польскую культуру, а с другой – имели представление о западном образе жизни. Внедрение польского языка и культуры предполагалось осуществлять через систему образования, сферу массовой культуры (кино, театр, туризм и пр.), особенно подчеркивалась роль печатных СМИ и набиравшего популярность радио [6. S. 235].

Планы левых сил по интеграции западных и северных земель

Позиция левых сил по будущим границам Польши была неразрывно связана с установками советского руководства, которое твердо заявляло о нежелании идти ни на какие уступки в отношении принадлежности Западной Украины и Западной Белоруссии, но активно поддерживало территориальные претензии поляков в западном направлении.

В июне 1943 г. в Москве состоялся Первый съезд Союза польских патриотов (СПП), на котором была принята декларация, провозгласившая необходимость восстановления «польского облика» вновь присоединяемых западных земель, что подразумевало их дегерманизацию и реполонизацию [9. S. 454]. Председатель СПП В. Василевская в своем выступлении ясно дала понять, что одним из механизмов реполонизации новых территорий станет репатриация поляков из Советского Союза, которые «примут участие в строительстве такой Польши, о которой мы только мечтали» [10. С. 26]. Помимо этого, Союз польских патриотов продвигал идею единства славянских народов и славянизации будущих польских территорий. Один из организаторов и идеологов СПП А. Лямпе писал в те дни, что нельзя оставлять Силезию в качестве «арсенала германского империализма». Он призывал «реставрировать польскость» в Поморье и Восточной Пруссии – «бастионе немецкой военщины на Востоке, построенном на костях славянских и литовских племен» [11. S. 133–135]. В программной декларации Польской рабочей партии «За что мы боремся?» в ноябре 1943 г. было записано требование «возвратить этнографические польские земли на западе и на Балтике, насильственно германизированные немцами» [12].

Усиление международных позиций СССР на ключевом этапе войны делало советский сценарий урегулирования польских границ все более близким к реализации. Основанием для этого послужило подписанное 26 июля 1944 г. правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения

(ПКНО) соглашение, по которому под контроль польской гражданской администрации переходили освобожденные территории сразу после прекращения боевых действий [13. С. 153]. По словам военного министра ПКНО М. Роля-Жимерского, И.В. Сталин заявил: «Будьте спокойны, мы заберем всех немцев, до последнего человека» (цит. по: [14. S. 389]). Из опубликованного Манифеста ПКНО от 22 июля 1944 г. стало ясно, что депортация немцев – единственный выход, а инструментом для реполонизации новых территорий должна стать репатриация на родину поляков из-за границы, исключая «нацистских агентов и тех, кто предал Польшу в сентябре 1939 г.» [15].

Благодаря этим заявлениям в политических и общественных кругах польской левицы началось активное обсуждение концепций реполонизации будущих Возвращенных земель. В ноябре 1944 г. группа мазурских активистов подготовила меморандум «Восточная Пруссия», представленный председателю Крайовой Рады Народовой Б. Беруту. Его основные предложения сводились к депортации немцев, дегерманизации остального населения, полной ликвидации германской системы образования и учреждений культуры [16. S. 154].

23 февраля 1945 г. Б. Берут на заседании правительства проинформировал о разработке плана «репрессивной политики» в отношении немецкого населения и об использовании его на восстановительных работах [16. S. 156]. Одновременно запускалась в ход пропагандистская машина, которая должна была обосновать права и продемонстрировать как своим согражданам, так и мировому сообществу вековые связи Польши с новыми территориями. Генсек ЦК ППР В. Гомулка в связи с этим заявил: «Быстрая ассимиляция жителей польских земель на западе также имеет большое политическое значение, для того чтобы поставить всех противников расширения границ польского государства на р. Одре и р. Нысе перед свершившимся фактом» [17. S. 27].

Важную роль в продвижении идеи славянизации среди польских левых сил сыграл созданный в 1941 г. Всеславянский комитет, который проводил агитационную работу по пропаганде героической борьбы славянских народов с германским фашизмом. Члены и активисты Всеславянского комитета готовили и передавали в польские СМИ разнообразные материалы по данной тематике, на которые существовал большой спрос [18. С. 182–183]. Благодаря такому сотрудничеству в арсенале государственной пропаганды польских коммунистов появились специальные термины и понятия, которые стали активно применяться в печати и устной агитации. Для описания нескольких веков немецкой оккупации использовался термин «тевтонское иго». Аппелируя к традициям победы над крестоносцами под Грюнвальдом в 1410 г., поляки выдвигали идею боевого польско-русского союза. Вновь присоединенные территории стали все чаще называть «западными землями Пястов», и тиражировался знаменитый призыв о польских правах на них: «Мы здесь были! Мы есть! Мы будем!» [19].

Начало деятельности польской администрации на Возвращенных землях

В феврале 1945 г. специально для осуществления программы дегерманизации новых территорий было создано Министерство Возвращенных земель (МВЗ) во главе с лидером ППР В. Гомулкой, что подтверждало статус нового правительственного органа как ключевого звена в системе государственной власти. Этот курс проводился польскими радами народowymi и частями Войска Польского при поддержке советских войск. В мае 1945 г. по линии рек Одера и Нейсы был организован кордон из частей Войска Польского, чтобы преградить немецкому населению, ушедшему на запад вместе с отступающими войсками вермахта, путь назад [16. S. 156].

В целом левый лагерь хорошо сознавал, что наряду с выселением немцев следовало приложить все силы, чтобы максимально сохранить коренных польскоязычных жителей (их стали называть «автохтонами»), которых можно было реполонизировать, т.е. вернуть им польский облик. Исходя из этой задачи, в ПКНО и подконтрольных ему различных общественных организациях стали разрабатывать планы интеграции автохтонов в польское общество, а главным центром этой работы стал Польский Западный Союз (ПЗС), действовавший в оккупированной Польше с 1942 г. и активно сотрудничавший с ПКНО. В Меморандуме ПЗС о польском населении в Силезии, Западной Померании и Восточной Пруссии предлагалось провести его верификацию и были представлены критерии для включения автохтонов в польскую нацию. На основе этих положений в марте 1945 г. Министерство государственного управления разработало указ «О реславянизации Возвращенных земель», целью которого являлось «восполнение ущерба, нанесенного нашим предкам и нации кровавой германизацией» [20. S. 114].

Указ разделял население с немецким гражданством на три категории. К первой относились люди польской национальности, полностью сохранявшие свой национальный облик и говорящие по-польски или на другом славянском языке. Вторая категория состояла из «людей славянского происхождения», но без знания языка, которые «захотят добровольно пройти процесс дегерманизации, чтобы полностью восстановить свою принадлежность к славянской общности»; третья категория включала полностью онемеченных жителей, которые подвергались принудительному перемещению в Германию или отправке в трудовые лагеря. Учитывая организационные трудности будущей акции, в пояснительной записке к проекту указа отмечалось, что «наилучшим решением было бы создание таких условий, которые вызвали бы спонтанную эмиграцию этого нежелательного элемента» [20. S. 115]. По сути, проект ПЗС стал основой для проведения в последующие годы верификации автохтонов на Возвращенных землях.

В мае 1945 г. министр государственного управления Э. Охав предложил использовать третью группу автохтонов «для работы в провинции до тех пор, пока не сложится ситуация, когда их можно будет переместить

за реку Одру» [21. S. 65–66]. В свою очередь председатель СПП В. Василевская поддерживала идею сохранения как можно большего числа автохтонов на территории Возвращенных земель с последующей их реполонизацией. Только таким путем, по ее мнению, «может возродиться зачахшая польская жизнь в Вармии, на Мазурах и Кашубах, освобожденных сегодня от страшного пресса германизации» (цит. по: [22. S. 201]).

Потсдамская конференция юридически закрепила новые границы Польши и санкционировала последующую депортацию немцев. Польские газеты приветствовали выселение «пятой колонны», от которой необходимо избавиться в кратчайшие сроки [23].

В практической работе Министерство Возвращенных земель столкнулось, однако, с нехваткой ресурсов для исполнения многоуровневых интеграционных планов. Реполонизация автохтонов сплошь и рядом приобретала характер административных действий, иногда сводилась к использованию процедуры верификации для удаления неблагонадежных элементов [24. С. 120]. Показательной оказалась акция по смене германизированных имен и фамилий автохтонов в соответствии с польской традицией и без учета мнения заинтересованных лиц, а также введение обязательных курсов польского языка [25]. В итоге реполонизация Возвращенных земель для польских коммунистов свелась к действиям, легитимирующим их власть на новых территориях, без должного учета демографической, национальной и культурной специфики этих регионов.

Заключение

Концепции реполонизации Возвращенных земель, предложенные как сторонниками правительства в эмиграции, так и польской левицей, имели одну цель – скорейшую интеграцию новых территорий в состав Польши. Концептуальные отличия у двух течений скрывались в содержании и механизмах осуществления инкорпорации. Правительство в Лондоне и его сторонники представляли освоение западных и северных земель как многоступенчатый и долгосрочный процесс, в котором, помимо колонизации новых территорий, одновременно будет решаться проблема депортации немецкого населения и сохранения как можно большего числа автохтонов-поляков. Созданию нового польского общества на Воссоединенных землях должна была предшествовать долгосрочная и всесторонняя подготовка политического, экономического и культурно-просветительского характера. Однако все эти проекты оказались невостребованными, так как, несмотря на создание в июне 1945 г. правительства национального единства, фактический контроль над ситуацией в Польше осуществляли коммунисты при поддержке Красной армии.

Левые силы с подачи СССР продвигали более агрессивную концепцию освоения Возвращенных земель, исключавшую любую возможность сохранения немецкой диаспоры в Польше. Дегерманизация присоединенных областей мыслилась не только как выселение немцев, но и как устранение немецкого историко-культурного наследия, а освободившееся место надлежало заполнить славянскими и польскими элементами.

По мере перехода новых польских властей к практическим шагам первоначальный лозунг «славянизации» был заменен на более конкретное понятие «реполонизация». Последняя в первую очередь означала курс на возвращение в лоно польской нации местных жителей с польскими этническими корнями, а также реэмигрантов и репатриантов с Запада и Востока.

У пришедших к власти коммунистов и их сторонников вскоре возобладал доктринерский подход в отношении деликатных и часто болезненных национальных вопросов, а

именно мнение, что масштабные социалистические преобразования, общие для всей страны, попутно решат и все прочие проблемы, в том числе и на Воссоединенных землях. В результате уже к концу 1940-х гг. происходит постепенный отход от комплексного подхода к реполонизации новоприобретенных территорий в пользу стандартного набора идей и лозунгов коммунистической доктрины. Этот отход и стал одной из причин сохраняющихся до наших дней социально-экономических и политических различий «старых» и «новых» польских областей.

Список источников

1. Strauchold G. Okoliczności likwidacji Ministerstwa Ziem Odzyskanych // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2015. № 1. S. 111–120.
2. Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН, 2015. 258 с.
3. Eberhardt P. *Political migrations on Polish territories (1939–1950)*. Warszawa: IGiPZ PAN, 2011. 225 s.
4. Mordawski H. *Ziemie Odzyskane 1945–1956*. Brzeźnia Łąka: Poligraf, 2015. 623 s.
5. «Ziemie Odzyskane» po drugiej wojnie światowej / red. Cz. Osękowski, G. Strauchold. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2015. 185 s.
6. Orzechowski M. Koncepcja granic zachodnich w programie i działalności Polskiej Partii Robotniczej i lewicy rewolucyjnej na emigracji // *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka»*. 1962. № 17. S. 225–239.
7. Błoński A. *Wracamy nad Odrę. Historyczne, geograficzne i etnograficzne podstawy granic Polski*. Londyn: Mildner, 1942. 127 s.
8. Sakson A. Niemcy w świadomości społecznej Polaków // *Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945–1948*. Poznań: Instytut Zachodni, 1993. S. 408–429.
9. Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942–1945: Wybór dokumentów. Warszawa: Książka i Wiedza, 1958. 590 s.
10. Василевская В. Деятельность Союза польских патриотов в СССР // *Славяне*. 1943. № 11. С. 26–27.
11. Lampe A. *Myśli o nowej Polsce*. Warszawa: Książka, 1948. 165 s.
12. Gomułka, W. O co walczyliśmy? Deklaracja Programowa Polskiej Partii Robotniczej. URL: <https://fbc.pionier.net.pl/details/nnlnszT> (дата обращения: 10.11.2019).
13. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: Документы / ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. 687 с.
14. Brandes D. *Der Weg zur Vertreibung 1938–1945: Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und aus Polen*. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2005. 574 s.
15. Manifest Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Manifest_Polskiego_Komitetu_Wyzwolenia_Narodowego (дата обращения: 10.11.2019).
16. Romanow Z. Ludność niemiecka a problemy osadnictwa polskiego na Ziemiach Zachodnich i Północnych w latach 1945–1949 // *Śląskie Studia Historyczne*. 1993. № 3. S. 153–163.
17. Referat Władysława Gomułki wygłoszony na plenarnym posiedzeniu Komitetu Centralnego PPR w Warszawie 20 maja 1945 r. // *Archiwum Ruchu Robotniczego*. 1982. T. 7. S. 9–47.
18. Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // *Славянский альманах*. М.: Индрик, 2000. С. 175–188.
19. *Dziennik Zachodni*. 1945. 18 lutego.
20. Osękowski C. Polski Związek Zachodni w latach 1945–1950 // *Studia Zachodnie*. 1996. T. 2. S. 107–125.
21. Przemówienie E. Ochaba na ogólnokrajowej naradzie PPR 27–28 maja 1945 r. // *Archiwum Ruchu Robotniczego*. 1982. T. 7. S. 65–66.
22. Eberhardt P. Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej. Lublin: Wydaw. Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 2004. 302 s.
23. *Dziennik Polski*. 1945. 14 czerwca.
24. Костяшов Ю.В., Сергеев В.В. Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша) // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10, № 4. С. 118–131.
25. Dekret o zmianie i ustalaniu imion i nazwisk z dnia 10 listopada 1945 r. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19450560310> (дата обращения: 10.11.2019).

References

1. Strauchold, G. (2015) Okoliczności likwidacji Ministerstwa Ziem Odzyskanych. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1. pp. 111–120.
2. Lykoshina, L.S. (2015) «Pol'sko-pol'skaya vojna»: politicheskaya zhizn' sovremennoy Pol'shi ["Polish-Polish War": The political life of modern Poland]. Moscow: INION RAS.
3. Eberhardt, P. (2011) *Political migrations on Polish territories (1939–1950)*. Warszawa: IGiPZ PAN.
4. Mordawski, H. (2015) *Ziemie Odzyskane 1945–1956*. Brzeźnia Łąka: Poligraf.
5. Osękowski, Cz. & Strauchold, G. (eds) (2015) «Ziemie Odzyskane» po drugiej wojnie światowej. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski.
6. Orzechowski, M. (1962) Koncepcja granic zachodnich w programie i działalności Polskiej Partii Robotniczej i lewicy rewolucyjnej na emigracji. *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka»*. 17. pp. 225–239.
7. Błoński, A. (1942) *Wracamy nad Odrę. Historyczne, geograficzne i etnograficzne podstawy granic Polski*. Londyn: Mildner.
8. Sakson, A. (1993) Niemcy w świadomości społecznej Polaków. In: Wolff-Powęskiej, A. (ed.) *Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945–1948*. Poznań: Instytut Zachodni. pp. 408–429.
9. Góra, W. (ed.) (1958) *Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942–1945: Wybór dokumentów*. Warszawa: Książka i Wiedza.
10. Vasilevskaya, V. (1943) Deyatel'nost' Soyuza pol'skikh patriotov v SSSR [Activities of the Union of Polish Patriots in the USSR]. *Slavyane*. 11. pp. 26–27.
11. Lampe, A. (1948) *Myśli o nowej Polsce*. Warszawa: Książka.
12. Gomułka, W. (1943) *O co walczyliśmy? Deklaracja Programowa Polskiej Partii Robotniczej*. [Online] Available from: <https://fbc.pionier.net.pl/details/nnlnszT> (Accessed: 10.11.2019).
13. Volokitina, T.V. (ed.) (1999) *Sovetskiy faktor v Vostochnoy Evrope. 1944–1953 gg.: Dokumenty* [The Soviet Factor in Eastern Europe. 1944–1953: Documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
14. Brandes, D. (2005) *Der Weg zur Vertreibung 1938–1945: Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und aus Polen*. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
15. Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego. (1944) *Manifest Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego*. [Online] Available from:

- https://pl.wikisource.org/wiki/Manifest_Polskiego_Komitetu_Wyzwolenia_Narodowego (Accessed: 10.11.2019).
16. Romanow, Z. (1993) Ludność niemiecka a problemy osadnictwa polskiego na Ziemiach Zachodnich i Północnych w latach 1945–1949. *Ślupskie Studia Historyczne*. 3. pp. 153–163.
 17. Gomułka, W. (1982) Referat Władysława Gomułki wygłoszony na plenarnym posiedzeniu Komitetu Centralnego PPR w Warszawie 20 maja 1945 r. *Archiwum Ruchu Robotniczego*. 7. pp. 9–47.
 18. Dostal', M.Yu. (2000) "Novoe slavyanskoe dvizhenie" v SSSR i Vseslavyanskiy komitet v Moskve v gody voyny [New Slavic movement" in the USSR and the All-Slavic Committee in Moscow during the war years]. In: Robinson, M.A. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac]. Moscow: Indrik. pp. 175–188.
 19. *Dziennik Zachodni*. (1945) 18 February.
 20. Osękowski, C. (1996) Polski Związek Zachodni w latach 1945–1950. *Studia Zachodnie*. 2. pp. 107–125.
 21. Przemówienie, E. (1982) Ochaba na ogólnokrajowej naradzie PPR 27–28 maja 1945 r. *Archiwum Ruchu Robotniczego*. 7. pp. 65–66.
 22. Eberhardt, R. (2004) *Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej*. Lublin: Wydaw. Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej.
 23. *Dziennik Polski*. (1945) 14 June.
 24. Kostyashov, Yu.V. & Sergeev, V.V. (2018) Regional'naya politika pamyati v Varmii i Mazurakh (Pol'sha) [Regional politics of memory in Warmia and Mazury (Poland)]. *Baltiyskiy region*. 4 (10). pp. 118–131.
 25. Sejm. (1945) *Dekret o zmianie i ustalaniu imion i nazwisk z dnia 10 listopada 1945 r.* [Online] Available from: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19450560310> (Accessed: 10.11.2019).

Информация об авторе:

Жиров А.А. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: ananzhirov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Zhirov, Cand. Sci. (History), teaching assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: ananzhirov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.02.2020;
одобрена после рецензирования 16.07.2021; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 26.02.2020;
approved after reviewing 16.07.2021; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 7.03+930
doi: 10.17223/15617793/500/5

Всемирная история искусств в контексте развития советской исторической науки 1930-х гг.: к вопросу создания учебника «История западно-европейского искусства» 1940 г.

Ольга Сергеевна Сапанжа^{1, 2}

¹ Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2} sapanzha@mail.ru

Аннотация. Рассматривается история создания первого советского учебника по истории западно-европейского искусства для студентов высших учебных заведений, разработанного коллективом авторов Всероссийской академии художеств. Основные этапы создания учебника представлены в контексте развития исторической науки в 1930-е гг. и формирования новой концепции исторического искусствознания.

Ключевые слова: всемирная история, история искусства, Всероссийская академия художеств, искусствоведческий факультет ВАХ, учебник по истории искусств, история западно-европейского искусства

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

Для цитирования: Сапанжа О.С. Всемирная история искусств в контексте развития советской исторической науки 1930-х гг.: к вопросу создания учебника «История западно-европейского искусства» 1940 г. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 36–46. doi: 10.17223/15617793/500/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/5

The world history of arts and the development of Soviet historical science of the 1930s: On publishing the *History of Western European Art* textbook (1940)

Olga S. Sapanzha^{1, 2}

¹ Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1, 2} sapanzha@mail.ru

Abstract. The article describes how the first study guide in the Soviet art science – *History of Western European Art* (3rd – 20th centuries): *A Brief Course* – was created. Its team of authors included the leading scientists – professors of the Department of the Art History of the Middle Ages and the Modern Period of the All-Russian Academy of Arts – Nikolay Punin, Aleksandr Gushchin, Mikhail Dobroklonskiy, Vera Belyavskaya, and Valentin Brodskiy. The study guide was published by the Iskustvo editorial house in 1940, and for some years it became the main textbook for students at art faculties. In the 1930s, the Soviet art science was forming actively, strengthened by the processes of institutionalization: emergence of independent departments and faculties of art theory and history. In 1935, the All-Russian Academy of Arts established the Department of the History of Arts and in 1937 the Faculty of Art History (later the Faculty of Art Theory and History). In this context, the study of the history of forming the educational space (including the first independent study literature) is of a scientific interest. The history of the writing of this study book also reflects general processes, which occurred in the historical science in the Soviet Union in the 1930s and influenced all fields related to the historical knowledge. After the Politbureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks issued an order about history in 1934, organizations held a number of events to discuss its provisions and arrange the historical block of the science in compliance with the new course. Discussions about the new courses of historical art science were conducted in the All-Russian Academy of Arts. The study guide of 1940 appeared, to some degree, to be a result of these discussions and showed new principles of understanding the historical development of the art of painting. The article for the first time shows the materials of the discussions on the problems of art history in relation to the order on history and discussions of the structure and tasks of the study guide for the history of art in Western Europe. The materials are stored in the Research Archives under the Russian Academy of Arts. Most of them are first introduced into scientific discourse and allow distinguishing three stages in the development of the Soviet historical art science of the 1930s. The first stage was a wide discussion of new principles in studying the history of arts (1935–1936). The main result of the second stage was the institutionalization of training for art scientists

(1936–1937). The third stage is related to the creation of a number of study literature materials (1938–1940) that reflected the new course in understanding the laws of art history development and aimed at training art historians who would be responsible in the future for educational work with the population.

Keywords: world history, history of art, All-Russian Academy of Arts, Faculty of Art History of All-Russian Academy of Arts, textbook on art history, history of Western European art

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00367.

For citation: Sapanzha, O.S. (2024) The world history of arts and the development of Soviet historical science of the 1930s: On publishing the *History of Western European Art* textbook (1940). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 36–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/5

Проблемы развития советского искусствознания и формирования системы высшего образования в области теории и истории искусства сегодня являются важной частью исторических исследований. Именно в 1920–1930-е гг. происходят процессы, во многом определившие облик советской научной и образовательной школы. Среди них – институциональная «миграция» ученых, связанная с формированием в 1920-е гг. научных центров изучения проблем истории искусств в контексте всемирной истории (таких, например, как Зубовский институт в Ленинграде, который являлся не только исследовательским, но и образовательным центром, ориентированным на изучение вопросов истории искусства и эстетического воспитания [1. С. 9]), последовавший затем разгром исторической школы М.Н. Покровского, критика «враждебных» идей близких концепций М.Н. Покровского историков искусства (В.Ф. Фриче, И.Л. Маца, И.И. Иоффе) и формирование новых исследовательских и образовательных центров. Ряд ученых, покинувших научные центры, сформировали основу профессорско-преподавательских коллективов высших учебных заведений и разработали систему подготовки искусствоведов в рамках специализированных кафедр и факультетов. Эта система, основные контуры которой были намечены в 1930-е гг., стала своеобразной матрицей советского высшего искусствоведческого образования, отчасти сохранившейся сегодня, что определяет актуальность изучения процессов становления подготовки специалистов в области исторического искусствознания.

Наиболее изученными стоит признать вопросы истории подготовки искусствоведов в крупнейших классических университетах – Московском государственном университете [2. С. 550–581] и Ленинградском государственном университете [3. С. 223–231]. В работах, посвященных становлению и развитию специализированных кафедр истории искусств, значительное внимание уделяется ключевым фигурам ученых (А.И. Некрасов, В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, Н.И. Брунов, Б.П. Денике в МГУ и Ф.И. Шмит, И.И. Иоффе в ЛГУ), проектам по созданию системы искусствоведческого образования и изданным работам по истории искусств. Эти работы, например, «Очерки по истории Древнего Египта» В.В. Павлова (1936), «Архитектура античного мира» В.Д. Блаватского (1939), «Искусство Древнего Рима» М.М. Кобылиной (1939), служили «учебными руководствами для студентов» [2. С. 564], однако учебными публикациями в полной мере не являлись. В этой связи появление первого учебника по истории искусств стоит признать важнейшей вехой развития советского и в целом отечественного

исторического искусствознания, а изучение обстоятельств и контекста его появления – серьезной научной проблемой. Немаловажно, что созданное в стенах Всероссийской академии художеств пособие, было результатом работы крупнейших ученых, чья творческая и научная судьба ярко демонстрировала основные этапы советского исторического искусствознания.

Итак, учебное пособие «История западно-европейского искусства (III–XX вв.)» [4], созданное коллективом Всероссийской академии художеств и выпущенное издательством «Искусство» в 1940 г., стало первым обобщающим трудом по всемирной истории искусств в советском искусствознании. Студенты и преподаватели факультета теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина неизменно отмечали значение этого учебного пособия как важнейшего этапа в развитии не только искусствоведческого образования, но и самой искусствоведческой науки. Так, высоко оценивала этот учебник Цецилия Генриховна Нессельштраус (1919–2010), которая пришла учиться в Академию осенью 1938 г. из Ленинградского института инженеров коммунального строительства (ЛИИКС), где она закончила два курса архитектурного факультета [5. С. 208]. В дальнейшем, став одним из ведущих преподавателей факультета теории и истории искусства, автором и редактором учебника по истории искусства Средних веков и Возрождения, Ц.Г. Нессельштраус рассматривала появление первого учебного пособия в 1940 г. как одно из важнейших событий в жизни факультета предвоенного периода, как «первый труд подобного рода, предназначенный для художественных вузов, необходимость в котором остро ощущалась». Учебником, по свидетельству Нессельштраус, пользовались в течение многих лет, а отдельные его главы сохраняют ценность и в наши дни [6. С. 14].

Созданию этого труда, который выдержал лишь одно издание и уступил место другим учебникам¹, став библиографической редкостью, предшествовали дискуссии по поводу задач исторического искусствознания в контексте развития исторической науки в целом, в связи с чем история создания этого учебника представляет определенный интерес и отражает вехи развития исторической науки 1930-х гг.

В авторский коллектив пособия, вышедшего под редакцией Николая Николаевича Пунина (1888–1953) [10], вошли преподаватели кафедры истории искусства Средних веков и Нового времени Всероссийской академии художеств – Александр Сергеевич Гушин (1902–1950) [11, 12], Михаил Васильевич Доброклонский (1886–1964) [13], Вера Фотиевна Белявская (1900–?), Валентин Яковлевич Бродский (1905–1981).

Учебное пособие вышло в конце 1940 г., предисловие к нему датировано декабрем. В нем обращается внимание на полное отсутствие учебной литературы по истории зарубежного искусства: «...у нас до сих пор нет необходимых учебных пособий, которые могли бы облегчить изучение общего курса истории изобразительного искусства. Книги, изданные в этой области за последние годы, могут быть только частично использованы для данной цели, ибо они ограничены рассмотрением отдельных периодов или отдельных проблем истории искусств. Для прохождения же общего курса советская художественная школа располагает пока только устаревшими, чаще всего переводными “всеобщими историями искусств”, не удовлетворяющими современным требованиями науки и ни в какой мере не приспособленными к условиям учебного изучения предмета» [4. С. 3]. Предлагаемое учебное пособие, заполняло, таким образом, существенный *пробел исторического искусствознания*.

Однако не менее важен и *исторический контекст* его создания, связанный с периодом перестройки исторической науки и приведением в соответствие с новым курсом всех областей научного знания. В этом смысле, история советского искусствознания [14]² естественным образом связана с историей развития советской исторической науки. Важнейшие положения о закономерностях развития и смене общественно-экономических формаций и их особенностях неизменно находили отражение в общей концепции всемирной истории искусств, подкреплялись соответствующими примерами, доказывающими убедительность марксистского подхода и ленинской концепции «двух культур».

В этой связи важно, что именно 1930-е гг. стали важным этапом развития советского искусствознания. Внедрение нового понимания задач и принципов исторической науки и истории искусств происходило поэтапно, что, в целом, отражало общую логику приведения корпуса наук в соответствие с новым пониманием закономерностей всемирной истории. С 1930-х гг. одним из центров изучения проблем истории искусства становится Всероссийская академия художеств (ВАХ) в Ленинграде. Перестройка исторического искусствознания, которая развернулась в стенах ВАХ, наглядно демонстрирует особенности этого процесса и его результаты.

Первым этапом перестройки системы исторического искусствознания стало развернутое обсуждение задач истории искусств в свете Постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) об истории³. Весной 1936 г. во Всероссийской академии художеств прошла серия докладов и дискуссий, которая стала реакцией на перестройку исторической науки.

В течение двух дней (16 и 25 апреля) были представлены доклады и прошла дискуссия по вопросам задач истории искусства «в свете опубликованных документов и постановлений ЦК партии об истории»⁴ [15, 16].

Центральным докладом заседаний стал доклад А.С. Гущина «Задачи истории искусств в свете постановлений ЦК партии об истории». В рамках доклада и в

дискуссиях критике были подвергнуты концепции историка М.Н. Покровского, а также «своих Покровских» [17. Л. 7] – В.Ф. Фриче⁵, И.Л. Маца⁶, И.И. Иоффе⁷. Докладчик и выступающие осуждали «враждебный сумбур» И.Л. Маца [18. Л. 35–36], «болезненные взгляды» В.Ф. Фриче [15. Л. 9], «недостаточное внимание к конкретным людям» И.И. Иоффе [15. Л. 11].

Кроме того, участники дискуссий постоянно обращали внимание на *отсутствие учебников, которые представили бы полную картину развития искусства с древнейших времен*. А.С. Гущин неоднократно возвращается к необходимости разработки учебника. На заседании 16 апреля он отмечает: «...у нас нет учебников по истории искусств, нам приходится студентам и аспирантам рекомендовать литературу, которая нас с методической точки зрения устроить никак не может. Это в основном переводные работы западно-европейских ученых или просто работы буржуазных историков искусства, очень ценные подчас по своим материалам, а подчас и по отдельным выводам, ибо эмпирический материал приводит иногда буржуазных ученых к таким выводам, которые оказываются актуальными и для нас, но по существу это работы, которые не могут заменить той марксистской истории искусств, которой мы на сегодняшний день не имеем» [15. Л. 14 об.]. Очевидно, что эта идея «перекочевала» затем в текст вступительной статьи к учебному пособию.

На заседании 25 апреля А.С. Гущин уже определяет конкретные задачи и отмечает, что задача работы кабинета теории и истории искусства сводятся к тому, чтобы попытаться поставить основные проблемы, которые встают перед нами на этом новом этапе советского искусствознания: «Задачи эти очень большие. По существу, нам надо строить заново весь мир истории искусств. У нас нет обобщающих работ ни по древнему искусству, ни по искусству Среднего и Нового времени на Западе, ни по русскому искусству... Надо составить генеральный план истории искусств, так как нет ни одной работы, которую мы могли бы рассматривать даже не как учебник, а как учебное пособие по истории искусств для вузов» [19. Л. 3].

На этих же заседаниях впервые были поставлены вопросы о периодизации (вопрос о соотношении всеобщей исторической периодизации и периодизации истории искусств задает Н.Н. Пунин [15. Л. 25]). А.С. Гущин, отвечая на вопрос, указывает, что у историков сложно найти однозначные ответы на вопрос о периодизации. Он отмечает, что деление на древнюю историю, Средние века и новую историю не учитывают в той степени вопросы Ренессанса, которые имеют первостепенное значение для искусствоведов, так как вопросы о том, куда «вложить» Ренессанс – в Средние века или барокко, играют колоссальную роль [15. Л. 26–27]. В связи с этим, председатель собрания С.К. Исаков [20]⁸ обращает внимание на необходимость разработки программ и пересмотра вопросов периодизации. Учебник как раз и представил то понимание периодизации, которое сформировалось в том числе и в результате дискуссий. В рамках Постановлений Президиума ЦК ВКП(б) в основу периодизации был положен формационный подход. Но участники собрания об-

ращают внимание на невозможность изучения Ренессанса без учета специфики развития искусства. А.С. Гущин отвечает, что, исходя из политической ситуации, началом Ренессанса можно считать 1295 г., с появления первой буржуазной конституции, когда феодальному миру пришлось, по его словам «на редкость плохо». Правда, отмечает А.С. Гущин, конституция продолжалась недолго и в ближайшее время получила ряд правок, но, тем не менее, «это очень серьезный этап» [16. Л. 9].

Дискуссии о периодизации, принципах и подходах к историческому искусствознанию, начатые в 1936 г., продолжались в 1937 и 1938 гг.

В 1937 г. новое развитие получило обсуждение вопросов, касающихся критики буржуазного искусствознания. Показательно в этом смысле собрание, посвященное обсуждению «враждебных марксизму искусствознательских теорий И. Маца» [21]. Формальным поводом для заседания стала статья в «Архитектурной газете» под названием «Против реакционной теорийки Маца». Открывая заседание, председатель Андрей Николаевич Дальский⁹ (1894–?) обращает внимание, что обсуждаемый вопрос «входит в план реагирования кабинетом теории и истории искусств на те общественные явления, которые мы имеем в нашей художественной действительности» [21. Л. 2]. После обсуждений собственно «враждебной теории» участники переходят к вопросам, которые касаются принципов преподавания искусства и включения в программы и учебники тех произведений, которые не соответствуют генеральной линии. На заседание были приглашены специалисты из музеев. В частности, неожиданно смелую для 1937 г. оценку дает Антонина Николаевна Изергина (1906–1969). Она обращает внимание на то, что музейные работники должны выставлять левое искусство независимо от того, какое оно. Музей не пропагандирует искусство, отмечает она, а выставляет «так, как оно есть». Далее следует удивительной смелости суждение. А.Н. Изергина говорит о том, что в кругах Академии художеств существуют такие радикальные взгляды, что левое искусство нельзя изучать и нельзя к нему обращаться. Мне кажется, утверждает А.Н. Изергина, что нужно было бы поставить этот вопрос, тем более, что за последнее время выявлены новые факты у новых художников. Дело в том, что они создали все свои течения сугубо формалистические, но в их творчестве был очень силен элемент бунтарства и мятежа против убожества буржуазной реальности. И вполне закономерно, что такой художник, как Пикассо, очень активно включался в антифашистский фронт. Его вещи определенным образом направлены против фашизма, и он совершенно определенно борется, правда, своим очень субъективным методом за дело антифашистского фронта [21. Л. 38 об.]¹⁰. Подобные выступления, однако, были единичны, хотя в целом тон дискуссий, проходящих во Всероссийской академии художеств в 1936–1938 гг., необычайно свободен для середины 1930-х гг.

В 1938 г. значительное внимание уделялось вопросам периодизации древней истории. Например, в ноябре 1938 г. состоялось два заседания кафедры истории искусств факультета теории и истории искусств ВАХ. Обсуждение этих вопросов связывалось с составлением учебных программ по искусству Древнего мира и созданию учебника.

4 ноября 1938 г. были заслушаны рецензии Бориса Леонидовича Богаевского (1882–1942) на программы «История древнего Востока», составленной Николаем Александровичем Шолпо (1903–1941), и «Искусство древнего Востока», составленной Натальей Давидовной Флиттнер (1879–1957). Сам Б.Л. Богаевский в выступлении подчеркивает значение вопросов периодизации всеобщей истории в ее связи с периодизацией истории искусства. Вопросы периодизации, отмечает он, выходят за пределы, которые могут интересовать только историков Древнего Востока или историков античного мира. Правильно построенная периодизация имеет огромное значение именно на факультете теории и истории искусств, потому что от нее будет зависеть не только исторический курс, но и изложение курса по истории искусств [22. Л. 2 об.].

Такое широкое обсуждение концепций, признаваемых изжитыми, и определение принципов новой периодизации и системного изучения истории искусств стало *первым этапом* перестройки исторического искусствознания в 1930-е гг. в системе ВАХ. После того как на общих заседаниях неоднократно было зафиксировано отсутствие учебной литературы обобщающего характера, которую можно было бы использовать в образовательном процессе и которая отражала бы новое понимание истории искусств, *издание учебников стало ключевой задачей для профессорско-преподавательского состава*. На заседаниях кабинета истории и теории ВАХ по вопросу о разработке учебника по западно-европейскому искусству А.С. Гущин отмечал, что «установка на первоочередность работ над учебниками исходит от ЦК Партии» [23. Л. 6]. Таким образом, *процессы создания учебника и перестройки исторического искусствознания были тесно взаимосвязаны*.

Практическая необходимость наличия учебной литературы усилилась и в связи с открытием новой кафедры, а затем – факультета, и началом подготовки искусствоведов в стенах Всероссийской академии художеств. *Институционализация исторического искусствознания стала вторым этапом* включения истории искусств в новую концепцию всемирной истории и места в ней истории советской.

В 1935 г. в Академии была открыта кафедра истории искусств, а в 1937 г. был создан новый факультет [24].

Подготовка специалистов начинается на вновь созданном искусствознательском факультете в соответствии с приказом № 552 по Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК СССР от 4 октября 1936 г., согласно которому прием на факультет можно было осуществлять с января 1937 г.¹¹ [25. Л. 1]. Открытие кафедры и факультета в Академии можно рассматривать как часть общего процесса формирования науки и его обязательного компонента – специализированной подготовки специалистов в области истории искусства. Начало этому процессу было положено в 1863 г. (введение университетского устава), а его важным результатом стало появление специализированных кафедр, с которых и начинается процесс разработки систематической художественно-исторической науки в России [26. С. 270].

Первый курс приступил к занятиям осенью 1937 г. Именно тогда стал активно обсуждаться вопрос о принципах построения учебника по истории искусств. 5 октября 1937 г. (т.е. с началом набора на первый курс) состоялось совещание комиссии под председательством А.С. Гущина по выработке программы краткого учебника по искусству Древнего мира, в котором приняли участие Борис Леонидович Богаевский, Александр Сергеевич Гушин, Андрей Николаевич Дальский, Михаил Борисович Каплан (1885–1949), Наталья Давидовна Флиттнер, Павел Николаевич Шульц (1900–1983). А.С. Гушин на заседании делал доклад о принципах построения учебника. Итогом стало постановление о том, что учебник на конкретном материале должен выявить специфический характер искусства и особенности реалистических тенденций каждого из перечисленных этапов исторического развития. Историко-художественный процесс должен быть раскрыт в увязке развития идеологии с производственными отношениями материальной базы каждого конкретного общества, а каждому разделу необходимо предпослать историческую характеристику эпохи [27. Л. 1].

Вопросы обеспечения учебных заведений литературой обсуждались и ранее. Так, эти вопросы отражены в программе работы секции теории и истории искусства Всесоюзного методического совещания по художественному образованию, которое проходило с 15 по 21 октября 1936 г. Помимо вопросов места искусствovedческого компонента в общей структуре художественного образования на обсуждение были вынесены вопросы программ по истории искусств для вузов и училищ, а также обсуждался план издания учебников по истории искусств [28. Л. 177].

Разрабатываемый учебник предназначался, прежде всего, для студентов художественных вузов. Однако в 1930-е гг. в ВАХ действует и аспирантура, в рамках которой также изучалась всеобщая история искусств. Так, в отчете на запрос декана художественного факультета Московского текстильного института Алексея Александровича Федорова-Давыдова (1900–1969) о содержании программы подготовки аспирантов и.о. декана П.Н. Шульц (который исполнял эти обязанности в период болезни А.С. Гущина) отвечает, что факультет теории и истории искусства Всероссийской академии художеств имеет кадры аспирантов по истории изобразительного искусства (в ответе на запрос отмечается, что кадров по отраслям производственного искусства нет, что, вероятно, интересовало А.А. Федорова-Давыдова) и каждый аспирант углубленно изучает всеобщую историю искусств [29. Л. 1]. Таким образом, учебник мог быть полезен и аспирантам Всероссийской академии художеств.

Процесс создания учебника был активизирован в 1938–1939 гг. В 1938 г. необходимость его создания подкрепились прямыми указаниями свыше, и в отчете о научно-исследовательской работе Института за 1939 г. это особо отмечается. Так, авторы отчета обращают внимание на то, что заметный перелом в тематике научно-исследовательских работ происходит с момента выступления товарища Молотова на I Всесоюзном совещании работников высшей школы, состоявшемся 15 мая 1938 г.

В Москве. На этом совещании, касаясь главного недостатка нашей Высшей школы – нехватка хороших учебников, товарищ Молотов сказал, что нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он также должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготовить учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи. Высшая школа должна иметь и будет иметь хороший советский учебник [30. Л. 2 об.]. В отчете отмечается, что указанное выступление побудило кафедры ИЖС и А (Института живописи, скульптуры и архитектуры и Академии) перестроить тематику своих научно-исследовательских работ в сторону приближения ее к конкретным запросам школы. От обсуждения Постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) об истории коллектив перешло к созданию учебника, который бы отразил новые партийные установки: в 1938 г. научные планы уже отводят главное место методической разработке программ и подготовке материалов для учебных пособий и учебников: «...быстрый разворот привел к тому, что на сегодня мы уже имеем ряд выполненных работ по учебникам и учебным пособиям» [30. Л. 2 об.].

Будущий учебник, выпущенный в 1940 г., отмечен в отчете как полностью подготовленный: «...бригадой профессоров и научных работников ИЖС и А в составе проф. Н.Н. Пунина, проф. М.Н. Доброклонского, проф. А.С. Гущина, науч. сотр. В.Я. Бродского, В.Ф. Беляевской и др. в исключительно короткий срок, выполнен учебник для средн. худ. школы по “Истории западно-европейского искусства”. Учебник этот выпускается в ближайшее время издательством “Искусство”» [30. Л. 2 об.–3].

Свидетели событий вспоминают, что фактически учебник был создан за три месяца. Более того, обсуждения проходили не только на официальных заседаниях, но и в домашней обстановке. И.Н. Пунина отмечает: «Работа велась Н.Н. Пуниным с необыкновенным подъемом, с большим интересом и истинным энтузиазмом. Учебник был написан в три месяца, но все дополнения и изменения обсуждались на заседаниях кафедры, которые часто происходили в старинной, уютной квартире М.В. Доброклонского» [10. С. 41].

Об этом же пишет и А.В. Степанов, привлекая свидетельства самого Н.Н. Пунина и материалы его переписки с В.Н. Лазаревым [31. С. 51].

Такие темпы были бы, тем не менее, невозможны без предварительной работы, в том числе формальной: написанию собственно текста учебника предшествовала серьезная работа по составлению программ учебных дисциплин и курсов, их обсуждению и утверждению. Учебник стал итогом значительной работы, проводимой, начиная фактически с 1936 г.

Учебник по западно-европейскому искусству был не единственной работой, которую выполнял научный коллектив Академии. Так же как обсуждению подвергалось искусство и Древнего мира, и Средних веков, и Нового времени, вопросы разработки учебника касались всех

этапов исторического искусствознания. В отчете о научно-исследовательской работе института за 1939 г. отмечается: «... в работе в настоящее время учебник “История искусств древнего мира” для средней художественной школы, выполняемый бригадой в составе проф. Б. Богаевского, проф. Н. Флитнер, доц. Н. Шульц, доц. А. Прокопе-Вальтер и др. по договору с изд. “Искусство”» [32. Л. 3 об.]. Создавались и учебные пособия по отдельным периодам и странам (например, П.Н. Шульцем было выполнено краткое учебное пособие по искусству Греции и Рима [33], обсуждалась глава «Архитектура и строительное дело античных колоний Северного Причерноморья» для пособия по истории архитектуры [34. Л. 2]).

В отчете института отмечается, что учебник по западно-европейскому искусству предназначен для художественных школ, однако, на титуле учебника представлен гриф высшей школы: «Утверждено Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия по курсу истории искусств в высших учебных заведениях». В предварительных комментариях к учебнику это находит объяснение: «... курс был задуман в размерах школьного пособия, в дальнейшем он разросся почти до объема вузовского учебника» [4. С. 4].

Учебник охватывал целый ряд учебных курсов. В плане искусствоведческого факультета ВАХ обозначены основные дисциплины по истории и теории искусства, которые складываются из самостоятельных курсов. Всего программа включала пять дисциплин: «Искусство Древнего мира», «Западно-европейское искусство», «История искусства народов СССР», «Советское искусство», «Искусство стран зарубежного Востока» [35. Л. 4 об.–5]. Дисциплина «Западно-европейское искусство» включала следующие курсы: «Средневековое искусство», «Искусство итальянского Ренессанса», «Искусство северного Ренессанса (Германия, Нидерланды, Франция, Англия)», «Барокко в Италии», «Испанское искусство», «Голландское и фламандское искусство», «Английское и немецкое искусство XVII–XVIII вв.», «Французское искусство эпохи абсолютизма», «Французское искусство XIX века», «Английское и немецкое искусство XIX в.», «Западно-европейское искусство эпохи империализма» [35. Л. 4 об.].

Согласно учебному плану, дисциплина «Западно-европейское искусство» читалась со второго семестра 1-го курса в течение трех семестров (134 часа общего курса и 46 часов практических занятий во втором семестре, 90 часов общего курса и 54 часа практических занятий в третьем семестре, 90 часов общего курса и 44 часа практических занятий в четвертом семестре). С шестого семестра 3-го курса начинаются занятия (курсы и семинары) по западно-европейскому искусству для студентов, специализирующихся в этом направлении [35. Л. 11].

Итак, вышедшее в 1940 г. пособие решало проблему учебно-методического обеспечения дисциплины, занимающей важное место в учебном плане. Основные разделы учебника соответствуют курсам учебного плана подготовки искусствоведов. Первый отдел «История раннего Средневековья» (составитель А.С. Гуцин) включает главы, посвященные краткой характеристике феодальной Европы в период раннего Средневековья, христианской

религии и церкви, их роли в развитии культуры и искусства Средних веков, раннему христианскому искусству, византийскому искусству, прероманскому искусству в Западной Европе, романскому искусству и готическому искусству. Второй отдел пособия «Искусство эпохи Возрождения (Ренессанс)» (составитель Н.Н. Пунин) включает главы по истокам итальянского Ренессанса (проторенессанс и треченто), характеристику итальянского кваттроченто, кваттроченто в Тоскане и конце флорентийского кваттроченто, итальянскому искусству XV в. за пределами Тосканы, Высокому Ренессансу и концу Ренессанса в Италии, Ренессансу в северной части Европы, маньеризму. Третий отдел «Искусство эпохи барокко» (авторы М.В. Доброклонский, Н.Н. Пунин, В.Ф. Белявская, В.Я. Бродский) включает главы, посвященные итальянскому, фламандскому, испанскому, голландскому искусству, искусству периода развитого абсолютизма во Франции XVII в. и искусству Франции XVIII в., искусству Германии XVIII в. Четвертый отдел «Искусство нового и новейшего времени» (авторы Н.Н. Пунин и В.Я. Бродский) включает историю испанской живописи второй половины XVIII – начала XIX в., английское искусство XVIII и XIX вв., классицизм и романтизм начала XIX в., реалистические течения в искусстве первой половины XIX в., академическую живопись, искусство эпохи империализма. Отдельный раздел составляет приложение «Современное искусство Западной Европы (общий обзор)». И в предварительных конспектах учебника, и в опубликованном варианте история искусств продолжается до творчества А. Матисса и П. Пикассо. В учебнике рассматриваются вопросы развития фовизма, неоклассицизма, кубизма, сюрреализма.

Учебник был снабжен как черно-белыми иллюстрациями (размещенными в тексте), так и цветными вклейками. Сам вопрос о качестве репродукций, на основе которых происходил процесс обучения, неоднократно поднимался на заседаниях ВАХ. Так, например, в рамках обсуждения доклада А.С. Гуцина о задачах исторического искусствознания в свете Постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) об истории в 1936 г. Вера Николаевна Аникеева (1893–1942) отметила, что вопрос использования репродукций для полноценного анализа художественного произведения представляет определенные сложности. Ряд искусствоведов, отмечает В.Н. Аникеева, строят определенные концепции о целом художественном процессе, пользуясь репродукциями. Однако искусствовед не может строить свою работу на основе такого материала. В качестве неудачного примера опоры на репродукции она приводит этюд М.В. Алтапова, посвященный «Автопортрету» Пуссена [16. Л. 29–30], однако одобрения он не находит. А.С. Гуцин возражает В.Н. Аникеевой, указывая на значение труда М.В. Алтапова. Доклад Алтапова, по мнению А.С. Гуцина, «может быть, и недостаточно вскрывает моментов, но это доклад, который поднял целый ряд больших в исследовательском плане и очень интересных и актуальных проблем, и доказательством этого служит то, что он опубликован не только у нас, но и переведен в Испании. Это достижение. И вот перед этой установкой, очень опасной установкой, мне хотелось предостеречь. И дело не в том, чтобы видеть

памятник обязательно в оригинале, а в том, чтобы на него настоящими глазами смотреть... Ведь если вы художнику дадите хорошую фотографию картины, то он по хорошей фотографии расскажет, каковы цвета и краски на этой картине» [16. Л. 44–45].

В целом, анализ содержания и итогов дискуссий в ВАХ позволяет выделить *три ключевых и взаимосвязанных направления*, над которыми предстояло работать: *вопросы периодизации, терминологии, разработки программ и учебников* [16. Л. 33].

Подчеркнем, что создание учебников определялось авторами и руководством ВАХ не как задача учебно-методическая, а как научно-исследовательская, что, как уже отмечалось, было связано с отсутствием учебной литературы и необходимостью разработки тем, которые потом найдут отражение в учебниках. В отчетах отмечается, что основными темами научно-исследовательской работы на ближайший период должны стать учебники, учебные пособия и руководства по всем дисциплинам изобразительного искусства средней и высшей художественных школ, а также по линии детской художественной школы и самодеятельности [33. Л. 6]. Эта же мысль повторяется в предисловии к учебнику: «...учитывая недочеты выпускаемого нами в свет краткого курса истории западноевропейского искусства, кафедра истории искусства средних веков и нового времени включила в план своей научно-исследовательской работы углубленную разработку всех тех вопросов, которые встали перед авторами в процессе составления курса и не могли быть полностью разрешены» [4. С. 4].

Стоит отметить, что разработка общих схем и концепций истории искусств, проблема ее унификации и составления актуальных программ и учебников, в целом, была одной из важнейших в системе высшего и среднего специального образования. Так, например, в 1938 г. в Академии активно обсуждали присланную Комитетом по делам искусств на отзыв программу курса истории искусств для художественных училищ СССР [34]¹². Рецензии на программу составляли ведущие преподаватели, а сама программа насыщена пометами рецензентов.

Итоговая резолюция по рецензируемой программе носит предельно жесткий характер. В ней отмечается: посланная Комитетом по делам искусств на отзыв «Программа курса истории искусства для художественных училищ СССР» должна быть целиком и полностью отвергнута, как политически вредная, искажающая марксистско-ленинское понимание искусства, а в научном отношении представляющая настоящую халтуру. Программа полностью игнорирует руководящие решения партии и правительства о высшей школе и повышении качества преподавания, и извращает замечательные указания т. Сталина о борьбе за передовую науку, защищая устарелые и негодные традиции. Программа с редким цинизмом предлагает молодой аудитории все самое отсталое, самое устарелое в науке об искусстве, представляя собою редкое собрание грубейших фактических ошибок» [34. Л. 77]. В своей рецензии А.С. Гущин указывает на то, что вводное теоретическое введение к курсу истории мирового искусства слишком сложно для учащихся художественных училищ и составлено без всякого учета

того, что слушатели такого курса будут впервые знакомиться с самими фактами истории искусства [34. Л. 64]. Оценивая разделы, посвященные западноевропейскому искусству (от Ренессанса до наших дней), В.Я. Бродский указывает на ряд недостатков. Во-первых, это проблемы периодизации, которая находится в полном противоречии с историей и самим расположением материала искусства [34. Л. 74]. Во-вторых, это расположение материала внутри разделов, перегруженность второстепенными именами. В-третьих, это некачественные историческое оценки изучаемых явлений [34. Л. 76]¹³. Раздел по истории средневекового искусства также был подвергнут критике, прежде всего, потому, что развитие византийского и романского искусства рассматривается составителем программы как развитие исключительно церковно-религиозного искусства при полном якобы исчезновении в эти эпохи светской и бытовой живописи и скульптуры [34. Л. 78]¹⁴.

Столь негативный отклик имел как прямые основания (рецензенты отмечают значительное количество неудачных оборотов и формулировок, подчеркивая при этом, естественно, и политическую незрелость авторов программы), так и косвенные, продиктованные определенной борьбой за право стать первым авторским коллективом, который представит единую концепцию развития мирового искусства как части общего процесса всемирной истории. Этим коллективом стал коллектив ВАХ, создавший первый в истории советского искусствознания учебник по истории западно-европейского искусства. Как уже отмечалось, в 1930-е гг. происходит институционализация академического искусствознания: в крупнейших центрах Москвы и Ленинграда, прежде всего в классических университетах (МГУ, ЛГУ), восстанавливаются или формируются профильные кафедры в рамках исторических факультетов или гуманитарных институтов. Так, в 1931 г. происходит восстановление кафедры теории и истории искусства в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) в Московском университете [2. С. 563], которая активно включилась в научную и образовательную деятельность. С 1 сентября 1939 г. на филологическом факультете ЛГУ образуется новое структурное подразделение – кафедра искусствоведения [36. С. 214], но и до ее появления в Ленинградском университете разрабатывались проекты нового искусствоведческого образования [3. С. 229–230]. Очевидно, что перед новой системой институтов стояла задача развития нового советского исторического искусствознания. Можно предположить, что в соответствии с концепцией «полей науки», в которой важнейшей функцией является борьба за символический капитал, а научный авторитет представляет собой особого рода социальный капитал, который может накапливаться, передаваться и даже преобразовываться в другие виды капитала [37], в рассматриваемый период шла определенная борьба за получение статуса «ядра» науки, ее мейнстрима, которое противостоит «периферийной» истории [38. С. 5–7]. «Ядро» (центр, мейнстрим) и «периферия» (окраина) не совпадают с географическим фактором и не ограничиваются им, но зависят от внешних и внутренних факторов, среди которых есть и публикационный [38. С. 11]. В этом смысле издание учебного пособия было *одним из способов укрепления*

позиций нового факультета теории и истории искусства в системе советского искусствознания.

С другой стороны, помимо демонстрации усилий в битве за «символический капитал», история создания пособия отразила и основные формальные этапы сложения школы исторического искусствознания в 1930-е гг.: от обсуждения проблем развития искусства в свете Поста-

новлений Политбюро ЦК ВКП(б) к институционализации подготовки специалистов-искусствоведов и необходимости учебно-методического обеспечения образовательных программ. Определенным итогом этого процесса, завершающим историю советского искусствознания 1930-х гг., и стало вышедшее в 1940 г. учебное пособие «История западно-европейского искусства».

Примечания

¹ Наибольшую популярность приобрело трехтомное издание «История искусства зарубежных стран» под общей редакцией М.В. Доброклонского, которое было рекомендовано научно-методическим советом Академии художеств СССР как учебник для студентов творческих факультетов художественных вузов [7–9].

² Как отмечает А.В. Шило «позиции искусствоведения и искусствознания остаются неразличенными» [14. С. 111]. В ряде справочных изданий понятия «искусствоведение» и «искусствознание» представлены как синонимические, ряд исследователей настаивают на их принципиальном отличии. В данной статье под искусствознанием понимается *корпус знаний и представлений об исторической эволюции искусства*, основных этапах развития искусства (прежде всего, пространственных искусств – изобразительного искусства, декоративного искусства и архитектуры). Это определяет, в свою очередь, тесные связи всеобщей истории искусств и всеобщей истории, зависимость искусствознания от специфики развития исторической науки в целом. Подробнее о границах понятий см. в [14].

³ Среди ключевых документов, определивших новое понимание истории необходимо назвать Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), датированные мартом–июнем 1934 г.: «О постановке преподавания гражданской истории в школах» (5.03.1935), «О постановке в школах преподавания гражданской истории и географии» (20.03.1934), «О восстановлении исторических факультетов в составе университетов» (29.03.1934), «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), 15.05.1934), «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» (9.06.1934). В 1936 г. было принято постановление «Об учебниках по истории» (26.01.1936).

⁴ На обложках архивных дел даты не совпадают с датами, указанными в стенограмме. На обложке первого заседания даты идентичны – это 16 апреля 1936 г. На обложке второго дела указана (от руки, вписанная чернилами) дата 17 апреля, однако в самом стенографическом отчете (отпечатанном на машинке) стоит дата 25 апреля. Вероятно, датой первого собрания (представление докладов) было 16 апреля, а их обсуждение (дискуссия) – 25 апреля 1936 г.

⁵ Владимир Максимович Фриче (1870–1929) – директор Института языка и литературы АН (1922 г.). Член Комиссии НКП РСФСР («Комиссия Ротштейна») по пересмотру преподавания общественных наук в высших школах республики (1920 г.), заведующий литературным отделением Института красной профессуры, зав. секцией литературы в Комакадемии. Автор «Очерков социальной истории искусства» (1923 г.), «Социологии искусства» (1929 г.).

⁶ Иван Людвигович Маца (1893–1974) – учредитель и председатель ВОПРА (Всесоюзного объединения пролетарских архитекторов), доктор искусствоведения (1936 г.), профессор (1950 г.), автор работ «Очерки по теоретическому искусствознанию» (1930 г.), «Советское искусство за 15 лет» (1933 г.), «Теоретические вопросы советского искусства» (1933 г.).

⁷ Иеремия Исаевич Иоффе (1891–1947) – искусствовед, теоретик синтеза искусств, автор работ «Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления» (Л., 1933) и «Синтетическое изучение искусства и звуковое кино» (Л., 1937).

⁸ Исаков Сергей Константинович (1875–1953) с лета 1934 г. занимал посты директора музея Всероссийской академии художеств и директора Научно-исследовательского института живописи, скульптуры и графики Всероссийской академии художеств. См. очерк о С.К. Исакове в юбилейном сборнике к 75-летию факультета теории и истории искусства СПбГИЖСА им. И.Е. Репина [20]. В статье датой смерти указан 1959 г., в то время как в большинстве источников называется 1953 г.

⁹ Андрей Николаевич Дальский в 1937 г. возглавил факультет. Поскольку предыдущим местом его работы был театральный институт, то сфера его научных интересов была связана с историей театрального искусства (Дальский А.Н. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во II тысячелетии до нашей эры. Академия наук СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1937). По этой теме в 1935 г. он защитил кандидатскую диссертацию. Ряд исследователей, однако, высказывают сомнения в авторстве книги (предисловие к книге было написано Б.Л. Богаевским).

¹⁰ Далее следует чрезвычайно интересный диалог. А.С. Гушин спрашивает, видела ли А.Н. Изергина работу П. Пикассо «Разгром Герники». Гушин: Вы видели работу Пикассо «Разгром Герники»?

Изергина: Видела....

Гушин: Как вы считаете это произведение, как произведение искусства, способствует разоблачению фашизма или смазывает?

Изергина: Я просто откажусь дать свой исчерпывающий ответ. Я считаю, что этот вопрос чрезвычайно сложный. Но нельзя эти вопросы также обходить. Во всяком случае, карикатура Пикассо на Франко есть его обличение, но обходить эти вопросы и считать, раз искусство Пикассо далеко от реализма, оно не может являться революционным искусством, будет неправильно. Творчество Пикассо имеет определенную направленность, тем более, что наша реакция на Франко может быть одной, а реакция демократически настроенной интеллигенции на западе будет другой.

Далее в дискуссию вступает С.В. Коровкевич.

Коровкевич: Меня затронула тов. Изергина своим выступлением, так как моя диссертация написана на тему формализма. Когда мы имеем дело с так называемым бунтом в кавычках, то мы имеем явления, характерные для развития буржуазной идеологии в эпоху империализма. И потому этот «бунт» был бунтом эстетическим, оторванным от этой действительности [21. Л. 40–41].

Отметим, что характеристику А.Н. Изергиной как абсолютно независимого человека можно обнаружить в мемуарах и воспоминаниях ее коллег.

¹¹ В резолюции, принятой на объединённом заседании научных институтов архитектуры и живописи, скульптуры и графики ВАХ по вопросу о перенесении в Ленинград искусствоведческого отделения философско-политического факультета МГУ отмечалось: «Признать целесообразным и крайне желательным включение названного отделения в систему Института живописи, скульптуры и архитектуры ВАХ в качестве искусствоведческого факультета».

Основания этому следующие:

1. В основу построения искусствоведческих, научно-исследовательских Институтов должен быть положен принцип тесной увязки теории и практики.

2. Существующий вредный разрыв между теоретическим и практическим фронтом ИЗО-искусства имеет исходным пунктом именно отсутствие последовательности в проведении этого принципа.

3. В создании новых кадров художников и искусствоведов принцип этот должен быть применён с особой твёрдостью.

4. Войдя в состав Художественного ВУЗа, имеющегося в системе ВАХ, новая искусствоведческая ячейка вступит в тесный, повседневный контакт с художественной практикой и художественной средой. Воспитанные в таких условиях новые кадры историков искусства и критиков не будут страдать болезнью наших дней – отрывом теории от практики.

5. Результатом включения искусствоведческого факультета в систему ВАХ явится значительное укрепление общественно-экономических и философских дисциплин во всей системе ВАХ.

Исходя из изложенного, Собрание просит Дирекцию ВАХ ходатайствовать перед Комитетом Искусств о скорейшем решении вопроса перевода искусствоведческого отделения философско-политического факультета МГУ в Ленинград и включения его в систему ВАХ» [25. Л. 13 об.].

¹² Дело озаглавлено «Протоколы совещаний авторских групп, посвященных обсуждениям I-го тома учебника «История искусств», пособия по истории архитектуры, проекта программы по истории искусств древней Греции и Рима и др.». Перечисленные документы составляют первые несколько страниц дела, включающего 102 страницы. Основной объем дела составляет программа курса истории искусства для художественных училищ СССР и рецензии к ней.

¹³ Рецензенты выделяют (подчеркиванием и знаком вопроса на полях) в программе и ряд некорректных формулировок (например: «вертикализм готической архитектуры, скульптуры и живописи», при описании готических соборов («сочетание идеализированных наджизненных форм с натурализмом деталей» [34. Л. 17]). Таких помет в программе немало.

¹⁴ Рецензент делает ссылку на с. 11 программы, в которой дана общая характеристика византийского искусства IV–XII вв. («Характеристика византийского государства. Его общественное устройство и эволюция. Преемственность византийского государства от Римской империи. Связь с Востоком... Романское искусство (Европа, IX–XII вв.). Характеристика западно-европейского феодализма. Процесс становления его культуры. Значение греко-римских образцов, с одной стороны, и орнамента эпохи переселения народов – с другой, в создании романского искусства. Религиозно-церковный характер романского искусства») [34. Л. 15].

Список источников

- Ananiev V.G. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // *Muzeologia a kulturne dedicsvo*. 2016. № 2. Р. 9–20.
- Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. К 70-летию исторического факультета МГУ и 250-летию Московского университета / под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004. 640 с.
- Сыченко Л.А. Первые эксперименты в сфере искусствоведческого образования: незаполненный пробел в истории науки об искусстве // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 223–231.
- История западно-европейского искусства, (III–XX вв.): краткий курс / под ред. проф. Н.Н. Пунина; сост. коллективом преподавателей кафедры истории искусства средних веков и нового времени Всероссийской академии художеств проф. А.С. Гушиным, проф. М.В. Доброклонским, проф. Н.Н. Пуниным [и др.]; утв. ВКВШ при СНК СССР в качестве учеб. пособия по курсу истории искусств в высших учеб. заведениях. Л.: М.: Искусство, 1940. 498 с., 9 вкл. л. ил.
- Раздольская В.И. Целилия Генриховна Нессельштраус (1919–2010) // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 207–213.
- Нессельштраус Ц.Г. Из истории факультета // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 8–16.
- История искусства зарубежных стран. Т. 1: Искусство Древнего мира / общ. ред. М.В. Доброклонского; ред. I тома А.П. Чубова. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1961. 400 с.
- История искусства зарубежных стран. Т. 2: Искусство средних веков. Искусство Возрождения / общ. ред. М.В. Доброклонского; ред. II тома Ц.Г. Нессельштраус. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1963. 612 с.
- История искусства зарубежных стран. Т. 3: Искусство XVII–XX вв. / общ. ред. М.В. Доброклонского; ред. III тома В.И. Раздольская. М.: Издательство Академии Художеств СССР, 1964. 670 с.
- Пунина И.Н. Николай Николаевич Пунин // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 38–46.
- Нессельштраус Ц.Г. Александр Сергеевич Гушин (1902–1950) // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 26–29.
- Гушин К.А. Александр Сергеевич Гушин (1902–1950). Краткий очерк жизни и деятельности // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет. Сборник научных трудов. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 30–37.
- Раздольская В.И. Михаил Васильевич Доброклонский // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 71–77.
- Шило А.В. Искусствоведение – искусствознание – искусствовидение // *Критика и семиотика*. 2013. № 2 (19). С. 104–122.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 751.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 682.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 751. Пленарное заседание Научно-исследовательского института живописи, скульптуры и графики. 16 апреля 1936 года. Стенограмма.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 807. Расширенное заседание кабинета теории и истории искусств. 16 декабря 1937 года. Обсуждение враждебных марксизму искусствоведческих теорий И. Маца (доклад Н.Н. Пунина). Стенограмма.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 682. Пленарное заседание Научно-исследовательского института живописи, скульптуры и графики. 25 апреля 1936 года. Стенограмма.
- Сазонова К.К., Пименова Э.А. Сергей Константинович Исаков (1875–1959) // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЖСА, 2012. С. 64–70.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 807.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1230. Заседание кафедры истории искусств факультета теории и истории искусств ВАХ. 4 ноября 1938 года. Стенограмма.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 804. Протоколы заседаний и отчет о работе кабинета теории и истории искусства. Протокол № 1 совещания от 5.10.1937.
- Арутюнян Ю.И. Классическое искусство Запада в педагогической и исследовательской практике ФТИИ 1930-х годов // *Современные проблемы академического искусствоведческого образования: материалы междунар. науч. конф., 9–11 октября 2012 г.*: сб. статей / науч. ред. Н.С. Кутейникова, С.М. Грачёва; сост. Н.С. Кутейникова, С.М. Грачёва. СПб.: Ин-т им. И.Е. Репина, 2018. С. 69–87.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 910. Начало сентября 1936 года. Окончено 22 марта 1937 года. Дело об организации искусствоведческого факультета.
- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 года // *Вопросы образования*. 2018. № 3. С. 268–284.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ч. 1. Д. 804.
- Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 573. Тезисы докладов, проекты программ, рецензии, переписка и другие материалы по подготовке к проведению Всесоюзного методического совещания по художественному образованию (24.04.1936–09.11.1936).

29. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1125. Программа по истории искусств для поступающих в НИИ ВАХ искусствоведов.
30. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1335. Отчет о научно-исследовательской работе института за 1939 год (Институт им. И.Е. Репина. Ученый совет и научная часть).
31. Степанов А.В. Академия художеств в биографии Н.Н. Пунина // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет : сб. науч. тр. СПб. : СПбГИЖСА, 2012. С. 46–55.
32. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1116. Протоколы совещаний авторских групп, посвященных обсуждениям I-го тома учебника «История искусств», пособия по истории архитектуры, проект программы по истории искусств древней Греции и Рима и др. Лист 1. Протокол совещания группы по I тому учебника в составе Богаевского, Гервиц, Флитнер, Дальского и Пиотровского. 9 января 1938 года.
33. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1335.
34. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1116.
35. Научный архив РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 910.
36. Сохор Т.Е. Парадоксы истории: к вопросу о воссоздании отделения истории искусств на историческом факультете Ленинградского университета // Пунинские чтения–2000 : материалы Междунар. науч. конф. : докл. и сообщ. СПб., 7–8 апреля 2000 г. СПб. : Бельведер, 2000. С. 213–221.
37. Бурдые П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. : Праксис. Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 15–56.
38. Крих С.Б. Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 320 с.

References

1. Ananiev, V.G. (2016) The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century. *Muzeologia a kulturne dedicsrvo*. 2. pp. 9–20.
2. Karpova, S.P. (ed.) (2004) *Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete. 1755–2004. K 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta MGU i 250-letiyu Moskovskogo universiteta* [Historical Science at Moscow University. 1755–2004. To the 70th anniversary of the Faculty of History of Moscow State University and the 250th anniversary of Moscow University]. Moscow: Moscow State University.
3. Sychenkova, L.A. (2014) Pervye eksperimenty v sfere iskusstvovedcheskogo obrazovaniya: nezapolnennyy probel v istorii nauki ob iskusstve [First experiments in the field of art history education: an unfilled gap in the history of the science of art]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3 (156). pp. 223–231.
4. Punin, N.N. (ed.) (1940) *Istoriya zapadno-evropeyskogo iskusstva, (III–XX vv.): kratkiy kurs* [History of Western European Art (3rd – 20th centuries): A Brief Course]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.
5. Razdol'skaya, V.I. (2012) Tsetsiliya Genrikhovna Nessel'shtraus (1919–2010) [Cecilia Genrikhovna Nesselstrauss (1919–2010)]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 207–213.
6. Nessel'shtraus, Ts.G. (2012) Iz istorii fakul'teta [From the history of the faculty]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 8–16.
7. Chubova, A.P. (ed.) (1961) *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Art of Foreign Countries]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR.
8. Nessel'shtraus, Ts.G. (ed.) (1963) *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Art of Foreign Countries]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR.
9. Razdol'skaya, V.I. (ed.) (1964) *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Art of Foreign Countries]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Khudozhestv SSSR.
10. Punina, I.N. (2012) Nikolay Nikolaevich Punin [Nikolai Nikolaevich Punin]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 38–46.
11. Nessel'shtraus, Ts.G. (2012) Aleksandr Sergeevich Gushchin (1902–1950) [Alexander Sergeevich Gushchin (1902–1950)]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 26–29.
12. Gushchin, K.A. (2012) Aleksandr Sergeevich Gushchin (1902–1950). Kratkiy ocherk zhizni i deyatel'nosti [Alexander Sergeevich Gushchin (1902–1950). A brief sketch of life and work]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 30–37.
13. Razdol'skaya, V.I. (2012) Mikhail Vasil'evich Dobroklonskiy [Mikhail Vasilyevich Dobroklonsky]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 71–77.
14. Shilo, A.V. (2013) Iskusstvovedenie – iskusstvovoznanie – iskusstvovidenie [Art Criticism – Art History – Art Vision]. *Kritika i semiotika*. 2 (19). pp. 104–122.
15. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. Item 751. (In Russian).
16. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. Item 682. (In Russian).
17. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. Item 751. *Plenarnoe zasedanie Nauchno-issledovatel'skogo instituta zhivopisi, skul'ptury i grafiki. 16 aprelya 1936 goda. Stenogramma* [Plenary meeting of the Research Institute of Painting, Sculpture and Graphics. April 16, 1936. Transcript].
18. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. Item 807. *Rasshirennoe zasedanie kabineta teorii i istorii iskusstv. 16 dekabrya 1937 goda. Obsuzhdenie vrazhdebnykh marksizmu iskusstvovedcheskikh teorii I. Matsa (doklad N.N. Punina). Stenogramma* [Extended meeting of the cabinet of theory and art history. December 16, 1937. Discussion of the art theories of I. Mats hostile to Marxism (report by N.N. Punin). Transcript].
19. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 682. *Plenarnoe zasedanie Nauchno-issledovatel'skogo instituta zhivopisi, skul'ptury i grafiki. 25 aprelya 1936 goda. Stenogramma* [Plenary meeting of the Research Institute of Painting, Sculpture and Graphics. April 25, 1936. Transcript].
20. Sazonova, K.K. & Pimenova, E.A. (2012) Sergey Konstantinovich Isakov (1875–1959) [Sergei Konstantinovich Isakov (1875–1959)]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture

- and Architecture named after I.E. Repin. pp. 64–70.
21. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. Item 807. (In Russian).
 22. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 1230. *Zasedanie kafedry istorii iskusstv fakul'teta teorii i istorii iskusstv VAKh. 4 noyabrya 1938 goda. Stenogramma* [Meeting of the Department of Art History of the Faculty of Theory and History of Arts of the CVC. November 4, 1938. Transcript].
 23. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. Item 804. *Protokoly zasedaniy i otchet o rabote kabineta teorii i istorii iskusstva. Protokol № 1 soveshchaniya ot 5.10.1937* [Minutes of meetings and a report on the work of the office of theory and history of art. Minutes No. 1 of the meeting of October 5, 1937].
 24. Arutyunyan, Yu.I. (2018) [Classical art of the West in the pedagogical and research practice of the Physicotechnical Institute of the 1930s]. *Sovremennye problemy akademicheskogo iskusstvovedcheskogo obrazovaniya* [Modern Problems of Academic Art Education]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 9–11 October 2012. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 69–87. (In Russian).
 25. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 910. *Nachato sentyabr' 1936 goda. Okoncheno 22 marta 1937 goda. Delo ob organizatsii iskusstvovedcheskogo fakul'teta* [Started September 1936. Completed March 22, 1937. The case about the organization of the art history faculty].
 26. Anan'ev, V.G. & Bukharin, M.D. (2018) *Istoriya iskusstva i arheologiya v obrazovatel'nom prostranstve revolyutsionnoy Rossii: dva neizvestnykh proekta 1917 goda* [History of art and archeology in the educational space of revolutionary Russia: two unknown projects of 1917]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 268–284.
 27. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Part 1. File 804. (In Russian).
 28. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 573. *Tezisy dokladov, proekty programm, retsenzii, perepiska i drugie materialy po podgotovke k provedeniyu Vsesoyuznogo metodicheskogo soveshchaniya po khudozhestvennomu obrazovaniyu (24.04.1936–09.11.1936)* [Abstracts of reports, draft programs, reviews, correspondence and other materials on preparation for the All-Union Methodological Conference on Art Education (24.04.1936–09.11.1936)].
 29. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 1125. *Programma po istorii iskusstv dlya postupayushchikh v NII VAKh iskusstvovedov* [Art history program for art historians entering the Research Institute of Higher Art of the Russian Academy of Arts].
 30. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 1335. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote instituta za 1939 god (Institut im. I.E. Repina. Uchenyy soviet i nauchnaya chast')* [Report on the research work of the institute for 1939 (Institute named after I.E. Repin. Academic council and scientific part)].
 31. Stepanov, A.V. (2012) *Akademiya khudozhestv v biografii N.N. Punina* [Academy of Arts in the biography of N.N. Punin]. In: Gracheva, S.M. et al. (eds) *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the Anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Institute Named After I.E. Repin. 75 years]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. pp. 46–55.
 32. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 1116. *Protokoly soveshchaniy avtorskikh grupp, posvyashchennykh obsuzhdeniyam I-go toma uchebnika "Istoriya iskusstv", posobiya po istorii arkhitektury, proekt programmy po istorii iskusstv drevney Gretsii i Rima i dr. List 1. Protokol soveshchaniya gruppy po I tomu uchebnika v sostave Bogaevskogo, Gervits, Flitner, Dal'skogo i Piotrovskogo. 9 yanvarya 1938 goda* [Minutes of meetings of groups of authors dedicated to discussions of the first volume of the History of Art textbook, manuals on the history of architecture, a draft program on the history of the arts of ancient Greece and Rome, etc. Sheet 1. Minutes of the meeting of the group consisting of Bogaevsky, Gervits, Flitner, Dalsky and Piotrovsky on volume I of the textbook. January 9, 1938].
 33. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 1335. (In Russian).
 34. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 1116. (In Russian).
 35. Research Archives under the Russian Academy of Arts (NA RAKh). Fund 7. List 2. Item 910. (In Russian).
 36. Sokhor, T.E. (2000) [Paradoxes of history: on the issue of re-establishing the department of art history at the Faculty of History of Leningrad University]. *Puninskie chteniya–2000* [Punin Readings–2000]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 7–8 April 2000. Saint Petersburg: Bel' veder. pp. 213–221. (In Russian).
 37. Bourdieu, P. (2005) *Pole nauki* [The field of science]. Translated from French. In: Shmatko, N.A. (ed.) *Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskoy perspektive: al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk* [Sociology in Question. Social sciences in a post-structuralist perspective: almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Praksis. Institut eksperimental'noy sotsiologii. pp. 15–56.
 38. Krikh, S.B. (2020) *Drugaya istoriya: "periferiyaya" sovetskaya nauka o drevnosti* [Another Story: "Peripheral" Soviet science of antiquity]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

Информация об авторе:

Сапанжа О.С. – д-р культурологии, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва, Россия); профессор кафедры художественного образования и декоративного искусства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sapanzha@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.S. Sapanzha, Dr. Sci. (Culturology), research fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sapanzha@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2020;
одобрена после рецензирования 18.11.2020; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 13.03.2020;
approved after reviewing 18.11.2020; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 348.01/930.253
doi: 10.17223/15617793/500/6

Разводы по неспособности к брачному сожителю в провинциальных губерниях Российской империи

Александра Владимировна Спичак¹, Олеся Викторовна Ванюшина², Юлия Александровна Кривошеева³

¹ Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

² Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний, Тверь, Россия, vanyushina_olesy@mail.ru

³ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Аннотация. На основе анализа церковных и светских законов, мнений юристов конца XIX – начала XX в. выяснено, что подразумевалось под неспособностью к брачному сожитию, чем обосновывалось включение этой проблемы в список причин расторжения брака. Источниками исследования явились дела фондов Тобольской, Тверской и Ярославской духовных консисторий, сохранившиеся в региональных архивах, а также фонда Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода. Выявлены общие и отличительные черты бракоразводных процессов в центре Российской империи и на периферии.

Ключевые слова: Российская империя, законодательство, расторжение брака, развод, неспособность к брачному сожителю, духовные консистории, законодательство, этапы решения дел, делопроизводство, прошения

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10103, <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>

Для цитирования: Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А. Разводы по неспособности к брачному сожителю в провинциальных губерниях Российской империи // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 47–57. doi: 10.17223/15617793/500/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/6

Divorces based on inability to cohabit in marriage in the provincial governorates of the Russian Empire

Aleksandra V. Spichak¹, Olesya V. Vanyushina², Yuliya A. Krivosheeva³

¹ Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, spichak-89@mail.ru

² Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver, Russian Federation, vanyushina_olesy@mail.ru

³ P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the process of divorce due to the inability to cohabit in marriage in the second half of the 19th – early 20th centuries. Based on an analysis of church and secular laws, as well as the opinions of lawyers of the late 19th – early 20th centuries, we established what was meant by “inability to cohabit in marriage” and justified the inclusion of this problem in the list of permitted reasons for divorce. The main source of the research was the files of the funds of the Tobolsk, Tver and Yaroslavl spiritual consistories preserved in regional archives, as well as the fund of the Office of the Holy Governing Synod. Such a parallel study of one problem in different territories remote from each other made it possible to most thoroughly and fully study the questions posed, to identify common and distinctive features of the divorce process in the center of the Russian Empire and on its periphery. Since spiritual consistories were state institutions, the stages of paperwork in them were identical, and members of the panels strictly followed the law. The time frame for completing cases also turned out to be equally long, it took years to resolve cases positively; a period of up to a year was rather an exception. The time for processing rejected cases depended on the reasons for the refusal and ranged from several days if the documents were incorrectly completed to several months if the illness was not proven. A minority of those who applied, who were mostly women, were able to obtain a divorce. Refusal in half of the cases occurred due to the discovery of the ability to cohabit in marriage. According to archival documents and the statements of contemporary lawyers, it was much easier to get a divorce for this reason than for the most common one – adultery because the only evidence was the results of a medical examination, the testimony of witnesses was not required, there was no court settlement, admonition took place without unnecessary pressure. However, it cannot be argued that it was easy to get a divorce because, firstly, persons conducting the examination and employees of the consistories and the Synod were quite subjective in assessing the ability to cohabit

in marriage; secondly, shortcomings in the legislation limited applicants in the types and manifestations of the inability itself; thirdly, there were errors when submitting documents and paying fees due to the illiteracy of the population. In Tobolsk Governorate, the eparchy authorities practically deprived poor people of the opportunity to get a divorce for this reason, prohibiting examination by district doctors.

Keywords: Russian Empire, legislation, divorce, inability to cohabit in marriage, spiritual consistories, legislation, stages of resolving cases, paperwork, petitions

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10103, <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>

For citation: Spichak, A.V., Vanyushina, O.V. & Krivosheeva, Yu.A. (2024) Divorces based on inability to cohabit in marriage in the provincial governorates of the Russian Empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 47–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/6

В последние два десятилетия отмечен нарастающий интерес к теме расторжения брака, в частности к истории данного процесса. В нескольких работах встречаем упоминание такой причины поиска развода, как «неспособность к брачному сожитию» [1–4], в одной из них О.Ю. Яненко представила условия расторжения брака по данному мотиву согласно «Уставу духовных консисторий» [5. С. 193].

Что же понималось под неспособностью к супружескому сожитию? Как указывал С.П. Григоровский, в самих нормах закона отсутствовало определение понятия «неспособность», при этом автор делал вывод из практики Синода, что под «неспособностью к супружескому сожитию» понималась исключительно «физическая неспособность к отправлению полового акта». Никакие иные физические или нравственные дефекты, например, «сумасшествие, безумство, страдание венерической и другими заразительными неизлечимыми болезнями», делавшие супружеское сожительство или совершенно невозможным, или безусловно опасным для физического и нравственного здоровья другого супруга, не входили в это понятие (данный тезис подтверждается анализом региональных архивных документов), в отличие от законов о брачном разводе других исповеданий. Таким образом, такой узкий взгляд на неспособность к брачной жизни отличал православие от других религий [6. С. 76, 80].

В дореволюционный период неспособность к брачному сожительству, как одна из законодательно разрешенных причин расторжения брака, была рассмотрена в конце XIX в. в работе С.П. Григоровского, призванной осветить существенные недостатки организации бракоразводного процесса того времени [6], в начале XX в. – в сборниках нормативной базы развода В.Я. Максимова [7] и В.В. Быховского [8], ставших практическим руководством для канцеляристов духовных консисторий и других служащих, составлявших прошения, подробно описывавших особенности и этапы решения в том числе и данной категории дел.

Л.Б. Бертенсон посвятил «судебно-медицинскому и правовому исследованию» данной причины расторжения брака отдельную работу, которая была опубликована в 1916 г. [9]. Необходимость в ней была продиктована внесением ясности в условия решения подобных дел перед предстоящим рассмотрением «Проекта Министра юстиции о расторжении браков лиц православного исповедания».

Решение дел по неспособности к брачному сожительству приводило к разногласиям самих органов власти, поэтому данная причина разводов вызывала наибольшее количество споров. Все начиналось с отсутствия единого толкования термина «неспособности». Так, «по медицинской науке (физиологии и судебной медицине) понятие о нормальной способности к половому сожитию» вмещало «как способность к половым сношениям», так и способность к деторождению. Синод признавал неспособностью к супружеской жизни только неспособность к совокуплению, с чем был не согласен Медицинский совет, придерживавшийся научной точки зрения о недостаточности учета только одного из двух названных условий [9. С. 2]. Однако министр юстиции объяснял включение неспособности в ряд разрешенных причин расторжения брака в первую очередь в силу возможного в будущем прелюбодения здорового супруга, считая голословной идею измены из желания иметь потомство [9. С. 25]; мнение Медицинского совета учитывалось далеко не в первую очередь, его трактовки, составленные для проекта, подвергались значительному изменению. Л.Б. Бертенсон представил диаметрально противоположные точки зрения на данный вопрос и их обоснования, в качестве примеров приводя выдержки из журнала Медицинского совета по бракоразводным делам с результатами освидетельствований врачебных отделений различных губерний и мнение Медицинского совета по каждому из них, и завершил свой труд, прилагая новые трактовки статей закона о расторжении браков, в качестве основных новшеств стал отказ от ожидания трех лет с момента бракосочетания и признание неспособности, наступившей после венчания. Беспокойство Л.Б. Бертенсона вызывало невключение «психической» неспособности представителями Церкви, несмотря на убеждения Медицинского совета, подкрепленные многочисленной практикой [9. С. 41].

Следует отметить, что литература по лечению мужской неспособности выходила в свет с 1840 г. (из обнародованной) [10]. Насколько она была доступна и применялась на практике, остается неизученным. Как свидетельствуют архивные документы, основной сложностью было признание недуга самим болеющим. Если предполагался вариант прохождения лечения, но при этом развода и обречения себя на дальнейшее безбрачие, то выбор большинства был очевиден, ведь основным стимулом сохранения брака (согласно текстам прошений о разводе) являлась помощь в хозяйстве.

О.Ю. Ельчанинова [11. С. 33] и А.А. Дорская [12. С. 36] в качестве проявления неспособности к брачному сожителству указывали отсутствие детей в браке в течение трех лет, вызванное болезнью одного из супругов, что на самом деле являлось лишь следствием. Невозможность зачатия не могла стать сама по себе причиной развода, если на освидетельствовании у обвиняемого супруга не обнаруживались недуги, препятствующие вступлению в половой акт, о чем ранее неоднократно писали исследователи [13. С. 38] и что подтверждает анализ архивной документации духовных консисторий.

В последние годы начали выходить в свет работы по истории расторжения брака с использованием региональных архивных документов – дел духовных консисторий. Так, В.В. Белослудцева посчитала количество произведенных в Пермской губернии разводов по неспособности к супружеской жизни по Всеподданнейшим отчетам обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синод) по ведомству православного исповедания за 1886–1916 гг. (далее – Всеподданнейшие отчеты), их оказалось всего 3 из 536 – общего количества разводов по всем причинам. Автор указывает, что анализ данных отчетов позволил выявить количество заведенных в Пермской епархии бракоразводных дел [14. С. 119], однако отчеты констатировали только число дел, по которым было принято положительное решение, не учитывая отказные дела, поэтому число заведенных бракоразводных дел в духовных консисториях значительно превышало количество, показанное в отчетах обер-прокурора.

Указанный мотив к расторжению брака изучается и на основе правил других вероисповеданий, например, Р.Н. Сулейманова и Ш.Н. Исянгулов рассмотрели формы и причины разводов у мусульман по женской инициативе на примере башкир во второй половине XIX – начале XX в., используя документы Национального архива Республики Башкортостан. Отличием закрепления бракоразводных норм шариата от православия являлась возможность обвинения в неспособности только лиц мужского пола [15. С. 137].

Неспособность к брачной жизни в России впервые была закреплена как законная причина расторжения брака в Кормчей книге (44-я и 48-я главы), куда попала через греческий церковный Номоканон из византийского законодательства VI в. В 534 г. император Юстиниан в 117-й новелле приравнял физическую неспособность к браку к смерти [6. С. 10–11], разрешив односторонний развод по данному мотиву.

В церковном законодательстве Российской империи условия и процедура расторжения брака «по неспособности одного из супругов к брачному сожитию» содержалась в статьях 241 и 245–247 «Устава духовных консисторий» 1841 г., согласно которым подать иск можно было только спустя три года после совершения брака, при этом неспособность должна была быть природной и появиться до брака [16. С. 250–251] (последнее условие являлось отличительной чертой православного от евангелическо-лютеранского и реформатского исповеданий, учитывавших также и по-

слебачную неспособность, наступившую по собственной вине неспособного супруга [6. С. 74]). Доказательством служили результаты освидетельствования в присутствии губернской Врачебной управы, которая извещала о них консисторию [16. С. 250–251]. В новой редакции «Устава духовных консисторий» 1883 г. номера указанных статей поменялись на 238-й и 242–244-й, а также было изменено место прохождения медицинской экспертизы на Врачебное отделение Губернского правления [17. С. 90–91].

Данная причина расторжения брака обосновывалась, во-первых, словами апостола Павла: «...во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (I Коринф. VII, 2), мотивом являлось ограждение супруга от искушений, постоянной опасности греха прелюбодеяния; во-вторых, тем, что физическая неспособность к брачной жизни представляла собой непреодолимое препятствие к осуществлению всей полноты идеи брака, природа которого складывается из двух элементов, этического и естественного [6. С. 83–84].

Важно понять причину установления трехлетнего срока. В «Василиках», византийском законодательном своде конца IX в., физическая неспособность мужа к сожителству с женой в течение трех лет после вступления в брак указывалась в качестве повода к разводу «без вины». За три года можно было отделить неспособность, обусловленную юным возрастом (браки нередко заключались между очень молодыми людьми, 14–15-летними юношами и 12-летними девушками) от реальной проблемой со здоровьем [18. С. 1569]. Каноническое право сохранило минимальный возраст вступления в брак, принятый в римском праве, – 14 лет для мужчины и 12 лет для женщины. В Византии в «Эклоге» (VIII в.) для вступающих в брак возраст был увеличен на один год: 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин. Однако в «Прохионе» (IX в.) этот возраст был снижен на год – соответственно 14 и 12 лет, т.е. произошел возврат к нормам римского права [19]; данное условие было перенесено в православие. Юристы XIX – начала XX в., не говоря прямо, подводили мысль к бессмысленности данного условия, однако у церковного правительства, всячески старавшегося препятствовать разводам, было свое мнение на этот счет.

Расторжение брака в имперской России регулировалось не только церковными, но и светскими нормами, которые лишь дублировали первые. В «Своде законов гражданских» (1-я часть X тома Свода Законов Российской империи издания 1857 г.) возможность расторгнуть брак по неспособности одного из супругов была зафиксирована в 45-й статье III части 4-го отделения 1-й главы 1-й книги, 48–49-я статьи содержали условия развода [20. С. 8–9], перенесенные в последующие издания «Свода законов» и действовавшие на протяжении всего рассматриваемого периода.

В настоящее время мы можем иметь представление о количестве разводов в каждой губернии по всем разрешенным законодательством причинам из Всеподданнейших отчетов за 1884–1914 гг. (табл. 1). При сравнении с числом разводов по остальным мотивам

можно заключить, что в результате неспособности их было менее всего.

Таблица 1
Количество разводов по неспособности к супружеской жизни
в Тверской, Тобольской и Ярославской губерниях
в 1884–1914 гг. [21]

Год	Губерния		
	Тверская	Тобольская	Ярославская
1884			
1885			
1886	1		1
1887			
1888			1
1889	1		
1890	1		
1891			1
1892			
1893	4		
1894			
1895	2		
1896			2
1897	3		
1898	1		1
1899	1		3
1900	1		
1901			
1902	1		
1903	1		
1904			3
1905			1
1906	2		
1907	1	1	2
1908	1	1	
1909	2		
1910	1		
1911	1		
1912	4		
1913	4		1
1914	4	1	3
Итого	37	3	19

Как видно из представленной таблицы, наибольшее количество дел, закончившихся разводом по изучаемой причине, было в Тверской епархии, а в Тобольской всего три дела закончились положительно. Следует отметить, что за рассматриваемый период почти не прослеживалась положительная динамика, однако небольшие сдвиги все же имелись – в центре Российской империи 0–1 до 1890-х гг. и 0–4 разводов в 1910-х гг., на периферии появление единичных разводов тоже свидетельствует о некотором «сдвиге с мертвой точки».

Желающих получить разрешение на развод было намного больше, чем реальных случаев его выдачи. Узнать в процессах расторжения брака можно из дел консисторий, которые в настоящее время хранятся в региональных архивах, а также из дел Канцелярии Синода в Российском государственном историческом архиве. К сожалению, бракоразводные дела дошли до наших дней далеко не в полном объеме, степень сохранности материалов отличается в различных консисториях, наибольшая – в Тобольской, наименьшая – в Тверской. Были обнаружены дела, инициированные прошениями о расторжении браков по причине неспособности к брачному сожительству в объеме, указан-

ном в табл. 2, в которой также указано количество положительных решений и разделение по сословиям обратившихся лиц.

Ввиду низкой сохранности документов, можно установить процент случаев, закончившихся разводом по рассматриваемой причине только для обнаруженных дел, в Тверской и Тобольской губерниях по 17%, в Ярославской – 48%.

Таблица 2
Распределение дел по прошениям о расторжении брака
с неспособным к супружескому сожительству лицом
в Тверской, Ярославской и Тобольской духовных консисториях
во второй половине XIX – начале XX в. [22–54]

Сословия	Епархия					
	Тверская		Тобольская		Ярославская	
	Кол-во рассмотренных дел	Из них закончились разводом	Кол-во рассмотренных дел	Из них закончились разводом	Кол-во рассмотренных дел	Из них закончились разводом
Всего	6	1	6	1	21	10
Крестьяне	6	1	6	1	20	9
Мещане	0	0	0	0	1	1

Авторами большинства рассмотренных прошений являлись по сословному признаку крестьяне (кроме одного дела), по половой принадлежности – женщины, в частности, Тверской губернии – 100%, в Тобольской – 83%, в Ярославской – 86%. Полные дела по «женской неспособности» к супружеской жизни обнаружены исключительно в фонде Ярославской духовной консистории (дело по Тобольской губернии содержит только документы Канцелярии Синода), поэтому основные выводы сделаны на основе изучения бракоразводных процессов вследствие женских прошений из-за неспособности их мужей в трех указанных епархиях.

Основными этапами решения подобных дел были следующие: 1) подача прошения, сбор необходимых документов и пошлин при их отсутствии; 2) первоначальное рассмотрение дела духовными консисториями и перенесение записи их настольных журналов в протоколы; 3) пастырское увещание супругов; 4) медицинское освидетельствование; 5) получение мнения Медицинского Совета Министерства внутренних дел (до 1904 г. в указе Синода); 6) составление и подпись сторонами записки по делу. Остальные этапы добавлялись в зависимости от ситуации: при несогласии одной из сторон – подача апелляции, при положительном решении дела – выдача свидетельства о разводе истцам, проставление отметок в метрических книгах и паспорте ответчика. Следует отметить, что перечислены этапы именно решения дела, делопроизводственных этапов зафиксировано значительно больше, пропорционально усилению сложности дела.

Первым этапом производства по делу являлось **получение духовной консисторией прошения** и первоначальное рассмотрение дела.

Примерные образцы прошений по неспособности к брачному сожительству для истцов обоих полов, приведенные В.Я. Максимовым, помогают понять как необ-

ходимый состав сведений для текста, так и общие аспекты. В результате сравнения примера текста женского прошения с архивными документами сделан вывод о существовании набора основных показаний: ФИО мужа, дата и место венчания, проявление неспособности с начала брака, раздельное проживание [7. С. 421]. В текстах четырех прошений из всех трех губерний было обнаружено указание на прохождение лечения. В Тверской губернии в данном деле также находим: признание мужиной наличия проблемы («с женщиной никогда половых сношений не имел, а также и с женой»), наличие психических проблем, приложение свидетельства о добрачной и неизлечимой неспособности от врача, лечившего супруга, однако при этом несогласие с расторжением брака) [23. Л. 70].

Необходимым было указание адреса обеих сторон, причем адрес истца, как правило, записывали в реквизите «адресат», в ряде дел – под текстом по нижнему полю документа. Местонахождение ответчика, если не указывалось вместе с адресатом, могло содержаться и в тексте прошения. Духовные консистории обязательно должны были знать, где найти супруга, подозреваемого в неспособности, иначе дело не могло иметь ход. Если проситель сразу не указывал адрес обвиняемого, то мог сделать это позже в отдельном документе, например, при предоставлении других недостающих сведений и денег на уплату гербового сбора. При ненахождении ответчика дело закрывалось, а истцу оставалось искать его либо ждать пять лет для подачи прошения по причине безвестного отсутствия. Одно из рассмотренных дел было закрыто из-за неполучения от истицы сведений об адресе мужа в течение года [33. Л. 8–8 об.].

Требовалось оплатить исковый сбор (приложить квитанцию Казначейства) и гербовые марки, копию с прошения для ответчика или марки на ее написание, метрическую выписку о бракосочетании. При отсутствии вышеперечисленного духовные консистории делали запрос. Желательно было указать и духовного отца для увещевания, в некоторых случаях духовные консистории испрашивали и эти данные. В делах не были обнаружены отказы по причине отсутствия метрических выписок о бракосочетании, при необходимости духовные консистории производили поиск данных по консисторскому экземпляру метрических книг и составляли справку. Никаких дополнительных документов не требовалось, что отличало первый этап делопроизводства по данному мотиву от аналогичного по остальным причинам. Выходит, получение разрешения на развод в данном случае было легче, чем по причине прелюбодеяния, так как не нужно было представлять письменные доказательства, искать свидетелей.

Женщины приводили дополнительные аргументы, например, что «осталась ни девица ни замужняя жена», «дабы мои цветущие года напрасно не проходили» [51. Л. 1а–1а об.], «терпеливо ждала, пока муж вылечится» [39. Л. 51–51 об.], «не ручаюсь за девство по молодости» и «люди насмеваются» [40. Л. 1–2]. Мужчины (в двух делах) указывали на то, что живут с престарелыми родственниками и в хозяйстве им нужна работающая жена [42. Л. 50; 44. Л. 1–2].

Количество прошений истцов по неспособности жен к супружеской жизни оказалось незначительным, причем только один иск был удовлетворен. В отличие от женских прошений, претензии мужчин не всегда были понятны. В одном из дел ответчица оказалась способной к семейной жизни, но от жестокого обращения мужа пребывала в таком «истерическом состоянии», что от последнего была истребована бумага, где он обязывался «беречь жену от потрясений».

Копии прошений под расписку выдавались ответчикам.

Как правило, до подачи прошения супруги уже некоторое время жили врозь. Довольно часто неспособность к брачной жизни сопровождалась прохладными или даже негативными отношениями между ними. Зачастую женщины уходили от таких мужей, не дожидаясь решения епархиального начальства, которое было им необходимо для заключения следующего брака.

Большинство прошений было подано через 3 года после вступления в брак, вероятно, эти просители знали о необходимости соблюдения данного срока. Однако обнаруживаются дела (два в Тобольской губернии и одно – в Ярославской), в которых женщины подавали на развод спустя 2–6 месяцев после венчания. Наибольший разрыв между моментом венчания и подачей прошения составил 16 лет и был зафиксирован Ярославской духовной консисторией. Женщины, следуя традициям верности и терпения, несмотря на достаточно скорое обнаружение мужской неспособности к брачной жизни, вели «брачную жизнь, достойную верной супруги», а на крайнюю меру их побуждали негативные поступки мужа, после которых было невозможно продолжать совместную с ним жизнь, например, уход из дома, отказ от финансовой помощи и поддержки.

В части рассмотренных дел присутствует повторное прошение, поданное после первого отказа из-за не истечения 3 лет со дня венчания. В повторном прошении женщины указывали прошлое обращение и тяжелую жизнь без мужского плеча. Однако в силу юридической безграмотности сельского населения бывали случаи, что и второе прошение подавалось ранее положенного срока, например, в Ярославской губернии в одном из дел по женской неспособности истец дважды заявил, что жена оказалась гермафродитом, оба раза не уложившись в трехлетний срок, что дало духовной консистории право отказать ему в производстве дела [45. Л. 9].

Некоторые женщины, получая после первого обращения отказ из-за неистечения 3 лет брака, второй раз готовились более тщательно, ссылаясь в прошении на нормативную базу, что оставляло более серьезное впечатление, а также прикладывали дополнительные документы, добавлявшие вес их аргументам; например, истицы Тверской [22. Л. 2], Тобольской [50. Л. 2] и Ярославской [38. Л. 2] губерний представляли свидетельство местных врачей о своем девственном состоянии, вероятно, для того, чтобы заранее ответить на вопросы врачебного отделения и сократить срок рассмотрения дела.

По всей видимости, истцы могли прибегать к уловкам и пытались использовать возможность развода по

данной причине с неугодным мужем, выдвигая ложное обвинение. В Ярославскую духовную консисторию попадали просьбы женщин, которые, не будучи девицами, обвиняли мужа в бессилии, при этом отказывались проходить осмотр, что уже наталкивало на мысль об обмане [28. Л. 22; 31. Л. 27].

Вторым этапом можно считать *первоначальное рассмотрение дела* духовными консисториями, составление записи в их настольных журналах, производство выписок для сохранения в делах в форме протокола, который был схож по структуре с современным одноименным видом документов и включал две части: содержание выясненных обстоятельств с указанием использованных законов и собственно приказ. Консистории ссылались одновременно на нормы «Устава духовных консисторий» и «Свода законов Российской империи», дублирующих друг друга. В Ярославской губернии в ряде документов такие записи пропущены.

Третьим этапом производства по делу было длившееся 2 месяца *увещание* супругов приходскими священниками, заключавшееся в наставлении примириться и оставаться в браке [7. С. 86].

В ответ на пастырские увещания истицы во всех рассмотренных делах отказывались примириться, а большинство ответчиков, наоборот, соглашались. Священник в рапорте после увещания мог указать следующее: «единственным разрешением их супружеского недоразумения может быть только врачебный осмотр» [51. Л. 22].

При отказе от примирения хотя бы одного из супругов, духовные консистории переходили к следующему этапу – вызову на *медицинское освидетельствование* на предмет неспособности к брачной жизни в присутствии Врачебного отделения при Губернском правлении согласно 244 ст. «Устава духовных консисторий». Причем при подозрении в добрачной неспособности мужа освидетельствованию должна была подвергаться и жена. В зависимости от обстоятельств дела суд мог потребовать освидетельствования обоих супругов вне зависимости от пола истца. В некоторых случаях для выяснения дела консистории кроме медицинской экспертизы имели право произвести расследование по вопросу о том, жили ли после вступления в брак супруги совместно, как долго, имели ли «супружеское сожитие» (Сепаратное определение Синода от 24 августа (5 сентября) 1851 г. № 31, 29 июля (18 сентября) 1853 г. № 196, 14 марта (6 апреля) 1855 г. № 11 и др.). Анализируя законодательство, В.Я. Максимов пришел к выводу, что при обоюдной неспособности брак не мог быть расторгнут [7. С. 86, 90]. В фондах консисторий не было обнаружено дел о неспособности обоих супругов, однако в ряде дел всех трех губерний встречался единовременный вызов обоих супругов либо требование проверить истца после проведения экспертизы ответчика.

Имея задокументированные доказательства о неспособности супруга, истец мог представить их вместе с прошением (консистория отправляла их во врачебное отделение) либо непосредственно при освидетельствовании [7. С. 86].

В законодательстве не было обнаружено как право, так и запрет на проведение освидетельствования по месту жительства. В Тверской и Ярославской губерниях освидетельствование производилось как во Врачебных отделениях губернских правлений, так и городскими и уездными врачами (в Рыбинском уезде Ярославской губернии – городским врачом и заведующим Земской больницей, в Кашинском уезде Тверской губернии – городским и уездным врачами в присутствии помощника исправника [24. Л. 44]; в Новоторжском уезде Тверской губернии – уездным врачом в присутствии помощника исправника [23. Л. 22–23]), после чего совещательное присутствие врачебного отделения подтверждало поставленный диагноз. В Ярославской губернии в 1860-х гг. экспертиза осуществлялась во врачебной управе, в спорных случаях ответчика препровождали в больницу Приказа общественного призрения. В некоторых делах встречаются сведения о присутствии депутата с духовной стороны. Если ответчик работал за пределами губернии, освидетельствование проводилось по месту работы (например, в Новгороде и Петербурге при депутатах от полиции). В Ярославской и Тобольской губерниях применялась практика вызова повестками вначале в духовную консисторию, откуда супруги направлялись во Врачебное отделение [51. Л. 38–39 об.].

Обнаружена еще одна особенность периферии в данном вопросе – обвиняемых не освидетельствовали в местных врачебных учреждениях, им предлагалось два варианта на выбор: приехать в г. Тобольск и пройти осмотр во Врачебном отделении Тобольского губернского управления либо оплатить проезд и суточные помощнику врачебного инспектора до места проживания ответчика, что было одинаково недоступно для жителей отдаленных от губернского центра населенных пунктов. К примеру, в 1904 г. проезд от г. Тобольска до г. Ишима стоил 96 р. 90 коп., суточные помощника врачебного инспектора – 1р. 20 коп. Одно из рассмотренных дел было прекращено спустя почти 1,5 года по причине отсутствия средств на дорогу («к доставлению мужа в г. Тобольск никаких мер принять не могу по бедному своему состоянию» [52. Л. 14]), несмотря на то что неспособность к брачной жизни была зафиксирована в свидетельстве о явке к исполнению воинской повинности, однако данный документ не принимался в качестве доказательства согласно 59-й статье 10-го тома 1-й части «Свода законов Российской империи» издания 1887 г.

Текст документа об освидетельствовании мужчин на предмет неспособности их к брачной жизни включал следующие составные части: 1) вследствие какого документа произведено (отношения духовной консистории), дата и номер; 2) место проведения экспертизы – учреждение и структурное подразделение (например, «во Врачебном отделении Тобольского губернского управления, в совещательном его присутствии»); 3) что сделано – «произведено освидетельствование... в состоянии его здоровья на предмет определения способности к брачному сожитию» (вторая часть предложения располагалась после четвертого пункта), 4) кого – сословие, состояние и ФИО, например, «уволненного в запас армии Феофана Ивано-

вича Захарова»; 5) результат – рост, телосложение, возраст, наличие жалоб, считает ли себя здоровым физически и психически («По свидетельству оказалось...»); 6) Результаты «физического метода исследования тела перкуссией, пальпацией и аускультацией» («По осмотру тела...»).

Второй абзац содержал вывод, например: «На основании результатов настоящего освидетельствования и принимая во внимание заявление освидетельствуемого о полной его способности к супружескому сожитию, названное Врачебное отделение заключило, что крестьянин... обладает физиологически правильной способностью к половому сношению и, стало быть, у него нет неспособности к брачному сожителству в форме неспособности к совершению полового акта». После текста свидетельства указывали место составления документа (город) и дату [52. Л. 16–16 об.]. Свидетельства, оформленные в губернском управлении, подписывались в Тобольском Врачебном отделении двумя помощниками врачебного инспектора, в Тверском Врачебном отделении – врачебным инспектором и помощником врачебного инспектора и скреплялись печатью врачебного отделения. Свидетельства трех губерний имели похожую структуру, полнота и объем текста этих документов зависели от составлявшего их лица.

При уклонении ответчика от освидетельствования закон разрешал применять к нему принудительные меры. Как консистории, так и истцы имели право просить об этом полицейские органы. В протоколах духовных консисторий обнаружены приказания о предупреждении истцов о том, что именно они должны были принимать меры побуждения к явке ответчиков на освидетельствование и могли просить о привлечении полицейских управлений в случае возникновения сложностей в процессе выполнения этой задачи.

В крайнем случае уклоняющуюся сторону можно было привлечь к ответственности по ст. 29 Устава и наказаниях как за неисполнение законного требования правительственной власти. В.Я. Максимов утверждал, что уклонение ответчика лишает исковую сторону доказать справедливость своего иска, что равносильно отказу в правосудии [7. С. 90]. На деле же неявка ответчика по причине отсутствия средств у обеих сторон на проезд до врачебного отделения не считалась уклонением, дело в таких случаях закрывалось.

Пятый этап – направление акта освидетельствования и/или отказа от него в **Медицинский совет Министерства внутренних дел** для окончательного подтверждения/опровержения диагноза. Согласно рассмотренным делам Канцелярии Синода, данная процедура включала следующие этапы: 1) отправка рапорта архиерея и протокола духовной консистории в Канцелярию Синода; 2) отношение Канцелярии Синода с просьбой предоставить более полную информацию (дослать остальные документы дела); 3) получение «подлинного производства консистории»; 4) отправка Канцелярии обер-прокурору Синода дела консистории «для надлежащего сношения с министром внутренних дел о доставлении заключения Медицинского совета»; 5) получение Канцелярией ответа от Министерства и

составление на его основе «предложения»; 6) составление протокола Синода; 7) отправка в консисторию указа Синода и возвращение ее дела [54. Л. 1–7].

Интересно, что Синод мог не обращаться в Медицинский совет, если его взгляда на дело было достаточно, чтобы опровергнуть решение консистории. Тогда в деле Канцелярии находим только рапорт преосвященного и протокол Синода, содержащий отказ в расторжении брака [53. Л. 1–6].

Собранием узаконений и распоряжений правительства от 21 февраля 1904 г. № 30 был изменен порядок заключительного этапа рассмотрения дела, из цепочки шагов выбыла одна из инстанций – Синод, который ранее отправлял в Медицинский совет при Министерстве внутренних дел заключение врачебного отделения для отзыва, который полагался в основание для решения последнего. Теперь же право вынесения решений было делегировано епархиальному начальству, которое должно было руководствоваться заключением не врачебного отделения, а Медицинского совета [7. С. 91].

После выяснения всех обстоятельств дела **заключительным этапом** было **составление из него записки** и представление к ознакомлению на подпись обеим сторонам. Записку подписывали все члены консистории стола, секретарь и столоначальник [7. С. 90].

Приведем пример структуры данного вида документов по абзацам: 1) ФИО сторон и дата получения прошения; 2) возраст вступления в брак, номер и дата записи в метрике, содержание заявления на увещании (например: «истица быть в браке не желает, а ответчик, что имеет непреклонное желание жить вместе с женой»); 3) заключение совещательного присутствия врачебного отделения (к примеру: «заключило, что Захаров обладает физиологически правильной способностью к половому сношению и стало быть у него нет неспособности к брачному сожителству в форме неспособности к совершению полового акта»); 4) мнение Медицинского совета (например, «Медицинский совет, рассмотрев дело Захаровых, нашел, что в нем нет данных для признания Захарова неспособным к супружескому сожителству») [52. Л. 1а–1а об.].

Наименьший **срок** рассмотрения изученных дел, оконченных разводом, составил 9 месяцев, наибольший – 8 лет и 2 месяца (дело начато в 1885 г., переписка завершилась в 1887 г., однако последние документы датированы 1893 г., когда ответчику была выдана копия решения консистории). В целом, подобные процессы обычно длились около 2 лет. Срок производства отказных дел варьировался от недели или месяца в случае истечения 3 лет супружества либо неверного оформления пакета документов до полугода при признании способности супруга к брачной жизни, дольше – при возникновении различных сложностей. Самым долгим из отказных, скорее исключением, явилось дело Ярославской духовной консистории, в котором истец за 2,5 года так и не получил желаемое разрешение на развод.

Причины отказа в прошениях разнообразны. В большей части дел у мужчин не был обнаружен недуг, при этом часто присутствовали дополнительные аспекты, свидетельствовавшие не в пользу женщин,

например, отказ последних от их медицинской проверки либо отрицательные результаты последней (оказывались прелюбодейками), в меньшей части – отсутствовали у сторон средства на проезд до места освидетельствования либо имелись ошибки в подаче документов (два дела в Тобольской губернии, одно – в Ярославской губернии), а также обращения поступали ранее 3 лет после бракосочетания (в части дел прошение было подано повторно). Прочие причины отказа обнаружены в документах Ярославской духовной консистории: «самоотвод» истицы (вероятно, основной причиной явилось отсутствие средств), неспособность, наступившая после венчания.

В одном из случаев развод истице был дан решением архиерея, отказавшегося утверждать решение консистории, ссылавшейся на отсутствие точного определения наличия полового бессилия ответчика. Следовательно, преосвященный мог иметь собственное, отличное от духовной консистории мнение и принимать единоличное решение.

Все апелляции сторон на положительные либо отрицательные решения оставались епархиальным начальством и Синодом без последствий.

По мнению С.П. Григоровского, судопроизводство по делам о неспособности к брачной жизни было «просто и несложно» (что после повторяли В.Я. Максимов [7. С. 86] и В.В. Быховский [8. С. 77]), так как в них отсутствовало судоговорение и не было необходимости в показаниях свидетелей, «оно почти исключительно состоит из освидетельствования», при этом автор отмечал, «что заключение Врачебного Отделения о неспособности данного супруга отнюдь не может быть почитаемо обязательным для решения духовного суда о разводе; принимая это заключение как ответ на известный вопрос компетентной власти, как акт законной экспертизы, духовный суд решает дело о разводе не на основании одного только заключения Врачебного Отделения, но и по соображении и оценке всех других обстоятельств дела» [6. С. 91–92]. Однако, как свидетельствуют материалы региональных архивов, для духовных консисторий результаты освидетельствования являлись ключевым аргументом, облегчающим ход дела при подтверждении неспособности и осложняющим в случае ее необнаружения, ведь у ответчика могли иметься проблемы психического характера, при этом не связанные с сумасшествием, при котором брак объявлялся недействительным.

Итак, неспособность к брачному сожитию во второй половине XIX – начале XX в. подразумевалась как церковной, так и светской властью как физическая неспособность к осуществлению полового акта. Так как духовные консистории являлись государственными учреждениями, этапы делопроизводства в них были идентичными, члены коллегий в точности следовали букве закона. Сроки исполнения дел также оказались одинаково долгими, на положительное решение дел

уходили годы, период до года был скорее исключением, время производства отказных дел зависело от причин отказа и составляло от нескольких дней при неверно оформленных документах до нескольких месяцев при недоказанности недуга. Развод удалось получить меньшей части обратившихся лиц, которыми в основном были женщины. Отказ в половине случаев происходил из-за обнаружения способности к брачному сожительству. Расторгнуть брак по данной причине было легче, чем по самой распространенной причине – прелюбодеянию; юристы отмечали несложность бракоразводного процесса в силу отсутствия в нем поиска свидетелей и судоговорения, единственным доказательством признавались результаты медицинского освидетельствования, не требовались показания свидетелей, не производилось судоговорение, увещевание происходило без лишнего напора. Однако нельзя утверждать, что развестись было легко, ведь, во-первых, проводившие экспертизу лица и служащие консисторий и Синода были достаточно субъективны в оценке способности к брачному сожитию; во-вторых, недоработки в законодательстве ограничивали просителей в видах и проявлениях самой неспособности, и, в-третьих, имели место ошибки при подаче документов и уплате сборов ввиду неграмотности населения. В Тобольской губернии епархиальное начальство практически лишало небогатых людей возможности развестись по указанной причине, запретив освидетельствование уездными врачами.

Как свидетельствуют архивные документы, возможность получения развода зависела и от региона, в котором производилось дело. Наибольшее количество дел, закончившихся разводом, принадлежало Ярославской духовной консистории – порядка 48%, в остальных двух значительно меньше – по 17 %. При этом в центральных губерниях наблюдалась практика прохождения медицинского освидетельствования по месту жительства сторон дела, в Тобольской губернии – исключительно во Врачебном отделении губернского управления, возможно, из-за дороговизны проезда. Одна из обратившихся в Тобольскую духовную консисторию женщин имела шансы на получение развода, однако у нее не было средств на проезд мужа до Врачебного отделения или приезд врача из Тобольска. Предполагается, это дело не являлось исключением, и данная позиция тобольского епархиального начальства значительно осложняла процесс расторжения брака, а для некоторых делала его совсем невозможным. В целом делопроизводство было излишне бюрократизировано, особенно за счет мнения Медицинского совета через Синод. После 1904 г. последняя инстанция была снята, в конце XIX – начале XX в. количество разводов возросло, однако указанная причина расторжения брака оставалась одной из самых немногочисленных по количеству разводов в год.

Список источников

1. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб. : Типография «Наука» РАН, 2006. 270 с.
2. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. URL: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/9_1 (дата обращения: 12.03.2023).

3. Гарцева Ю.Ю. Правовые ограничения в семейных отношениях по Своду законов Российской империи // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 689–691.
4. Сильвестрова Е.В. Прекращение брака при жизни супругов в церковном праве // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 2. С. 284–298.
5. Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13, № 1. С. 192–194.
6. Григоровский С.П. Причины и последствия развода и бракоразводный процесс на суде духовном. СПб. : Паровая скоропеч. Я.И. Либерамана, 1898. 92 с.
7. Максимов В.Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразвод. дел. М. : Юрист, 1909. 428 с.
8. Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. М. : В.М. Саблин, 1912. 277 с.
9. Бертенсон Л.Б. Неспособность к брачному сожитию как повод к прекращению супружеского союза: (гл. из приготавливаемого к печати судебного медицинского и правового исследования под заглавием «Физические поводы к прекращению брачного союза»). Петроград : тип. Э.Ф. Мекс, 1916. 66 с.
10. Риттер Х. Лечение водою для расслабленных или ключевая вода и купанье как целительное и укрепляющее лекарство при мужском бессилии и происходящих от него болезнях : пер. с нем. М. : Тип. Августа Семена, при Мед.-хирург. акад., 1840. 59 с.
11. Ельчанинова О.Ю. К вопросу о регулировании порядка расторжения брака с ссылками в дореволюционном праве // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 5 (36). С. 31–37.
12. Дорская А.А. Влияние церковного права на развитие семейного права Российской Империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 11. С. 20–40.
13. Суворов Н.С. Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало (ППП Тип. Наука), 2004. 477 с.
14. Белослудцева В.В. «Как же я могу жениться на тебе, когда я женат?»: о расторжении брака в Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского ун-та. История. 2020. Вып. 4 (51). С. 117–126.
15. Сулейманова Р.Н., Исянгулов Ш.Н. «Прошу разрешить расторгнуть брак с мужем...»: о разводах у башкир по инициативе жены (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 135–143.
16. Высочайше утвержденный Устав духовных консисторий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е.е. императ. величества канцелярии, 1830–1885. Т. XVI. Отд. 1. 14409. С. 240–254.
17. Устав духовных консисторий: [Утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб. : Синод. тип., 1883. 200 с.
18. Соколов И.И. О поводах к разводу в Византии IX–XV века // Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1565–1580.
19. Шишкин А. Канонические нормы и законы расторжения брака в Византии // Старообрядческий сайт «Русская вера». URL: https://ruvera.ru/rastorzenie_braka_vizantia (дата обращения: 12.03.2023).
20. Россия. Законы и постановления. Свод законов гражданских: (1 часть X тома Свода законов Российской империи по изданию 1857 года), дополненный всеми позднейшими узаконениями и ссылками на статьи других томов свода, с алфавитным указателем. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд. Жиркевича и Зубарева, 1867. 631 с.
21. Всеподданейшие отчеты обер-прокурора святейшаго Синода по ведомству православнаго исповедания за 1884–1914 гг. Петроград, 1886–1916.
22. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 1-37. Д. 12174.
23. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1-51. Д. 13248.
24. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1-53. Д. 13456.
25. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1-225. Д. 68035.
26. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1-225. Д. 68083.
27. ГАТО. Ф. 466. Оп. 1-226. Д. 68231.
28. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 4. Д. 1512.
29. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1514.
30. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1547.
31. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1552.
32. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1609.
33. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1771.
34. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 287.
35. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 289.
36. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 417.
37. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 475.
38. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 507.
39. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 540.
40. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 719.
41. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 739.
42. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 757.
43. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 763.
44. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 764.
45. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 805.
46. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 808.
47. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 834.
48. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-156. Оп. 11. Д. 724.
49. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 906.
50. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1318.
51. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 98.
52. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 358.
53. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 151. Д. 500.
54. РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 1341.

References

1. Nizhnik, N.S. (2006) *Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii* [Legal regulation of family and marriage relations in Russian history]. Saint Petersburg: Print. Nauka RAN.
2. Belyakova, E.V., Belyakova, N.A. & Emchenko, E.B. (2011) *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaya praktika* [Woman in Orthodoxy: church law and Russian practice]. Moscow. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshchina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/9_1 (Accessed: 12.03.2023).

3. Gartseva, Yu.Yu. (2018) Pravovye ogranicheniya v semeynykh otnosheniyakh po Svodu zakonov Rossiiskoi imperii [Legal restrictions in family relationships according to the Code of Laws of the Russian Empire]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 12. pp. 689–691.
4. Sil'vestrova, E.V. (2022) Prekrashchenie braka pri zhizni suprugov v tserkovnom prave [Termination of marriage during the life of the spouses in church law]. *Voprosy teologii*. 4 (2). pp. 284–298.
5. Yanenko, O.Yu. (2013) Rastorzhenie braka v Rossiiskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Divorce in the Russian Empire at the turn of the 20th century]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. 13 (1). pp. 192–194.
6. Grigorovskiy, S.P. (1898) *Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnyy protsess na sude dukhovnom* [Causes and consequences of divorce and divorce proceedings at the spiritual court]. Saint Petersburg: Parovaya skoropech. Ia.I. Libermana.
7. Maksimov, V.Ya. (1909) *Zakony o razvode pravoslavnogo i nepravoslavnogo ispovedanii i o razdel'nom zhitel'stve suprugov, s raz'iasnieniami Pravitel'stviushchego senata i tsirkuliarnymi i separatnymi ukazami Sviatishchego sinoda: Rukovodstvo k vedeniiu brakorazvodnykh del* [Laws on divorce of Orthodox and non-Orthodox confessions and on the separation of spouses, with explanations of the Governing Senate and circular and separate decrees of the Holy Synod: Guidelines for conducting divorce cases]. Moscow: Yurist.
8. Bykhovskiy, V.V. (1912) *Brak, razdel'noe zhitel'stvo suprugov i razvod* [Marriage, separation and divorce]. Moscow: V.M. Sablin.
9. Bertenson, L.B. (1916) *Nesposobnost' k brachnomu sozhitiyu kak povod k prekrashcheniyu supruzheskogo soyuza: (gl. iz prigotovlyаемого k печати sudeb. med. i pravovogo issled. pod zagl. "Fizicheskie povody k prekrashcheniyu brachnogo soyuza")* [Incapacity for marital cohabitation as a reason for terminating a marital union: (chapter from a forensic medical and legal study being prepared for publication under the title "Physical reasons for terminating a marital union")]. Petrograd: E.F. Mekhs.
10. Ritter, H. (1840) *Lechenie vodoyu dlya rasslablennykh ili klyuchevaya voda i kupan'e kak tselitel'noe i ukreplyayushchee lekarstvo pri muzhskom bessilii i proiskhodyashchikh ot nego boleznykh* [Treatment with water for the paralytic or spring water and bathing as a healing and strengthening medicine for male impotence and diseases resulting from it]. Translated from German. Moscow: Tip. Avgusta Semena, pri Med.-khirurg. akad.
11. El'chaninova, O.Yu. (2019) K voprosu o regulirovani poryadka rastorzheniya braka s ssyl'nymi v dorevolutsionnom prave [On the issue of regulating the procedure for dissolving marriages with exiles in pre-revolutionary law]. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo ins-ta*. 5 (36). pp. 31–37.
12. Dorskaya, A.A. (2015) Vliianie tserkovnogo prava na razvitie semeynogo prava Rossiyskoy Imperii [The influence of church law on the development of family law in the Russian Empire]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. 11. pp. 20–40.
13. Suvorov, N.S. (2004) *Uchebnik tserkovnogo prava* [Textbook of Church Law]. Moscow: Zertsalo (Tip. Nauka).
14. Belosludtseva, V.V. (2020) "Kak zhe ia mogu zhenit'sya na tebe, kogda ya zhenata?": o rastorzhenii braka v Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka ["How can I marry you when I'm married?": about the dissolution of marriage in Perm Province at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Permskogo un-ta. Istorika*. 4 (51). pp. 117–126.
15. Suleimanova, R.N. & Isyngulov, Sh.N. (2021) "Proshu razreshit' rastorgnut' brak s muzhem...": o razvodakh u bashkir po initsiative zheny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). ["I ask for permission to divorce my husband...": about divorces among Bashkirs on the initiative of the wife (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 3. pp. 135–143.
16. Russian Empire. (1830–1885) *Vysochayshe utverzhdenyy Ustav dukhovnykh konsistoriy* [The highly approved Charter of Spiritual Consistories]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XVI. Part 1. 14409. Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii. pp. 240–254.
17. Anon. (1883) *Ustav dukhovnykh konsistoriy 9 apr. 1883 g.* [Charter of spiritual consistories. April 9, 1883]. Saint Petersburg: Sinod. tip.
18. Sokolov, I.I. (1909) O povodakh k razvodu v Vizantii IX–XV veka [On the reasons for divorce in Byzantium in the 9th–15th centuries]. *Khristianskoe chtenie*. 12. p. 1565–1580.
19. Shishkin, A. (2023) *Kanonicheskie normy i zakony rastorzheniya braka v Vizantii* [Canonical norms and laws of divorce in Byzantium] Russkaya vera. [Online] Available from: https://ruvera.ru/rastorzhenie_braka_vizantia (Accessed: 12.03.2023).
20. Russian Empire. (1867) *Rossiya. Zakony i postanovleniya. Svod zakonov grazhdanskikh: (1 chast' X toma Svoda zakonov Rossiiskoi imperii po izdaniyu 1857 goda), dopolnennyy vsemi pozdneishimi uzakoneniymi i ssylkami na stat'i drugikh tomov svoda, s alfavitnym ukazatelem* [Russia. Laws and regulations. Code of Civil Laws: (Part 1 of Volume X of the Code of Laws of the Russian Empire according to the 1857 edition), supplemented by all later legalizations and links to articles in other volumes of the Code, with an alphabetical index]. 2nd ed. Saint Petersburg: izd. Zhirkevicha i Zubareva.
21. Anon. (1886–1916) *Vsepodaneishie otchety ober-prokurora sviatishchago Sinoda po vedomstvu pravoslavnago ispovedaniya za 1884–1914 gg.* [Most humble reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1884–1914]. Saint Petersburg/Petrograd: Sinod. tip.
22. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 160. List 1-37. File 12174.
23. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 160. List 1-51. File 13248.
24. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 160. List 1-53. File 13456.
25. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 466. List 1-225. File 68035.
26. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 466. List 1-225. File 68083.
27. State Archive of Tver Oblast (GATO). Fund 466. List 1-226. File 68231.
28. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 1512.
29. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 1514.
30. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 1547.
31. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 1552.
32. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 1609.
33. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 1771.
34. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 287.
35. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 289.
36. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 417.
37. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 475.
38. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 507.
39. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 540.
40. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 719.
41. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 739.
42. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 757.
43. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 763.
44. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 764.
45. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 6. File 805.
46. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 808.
47. State Archive of Yaroslavl Oblast (GNAO). Fund 230. List 4. File 834.
48. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 156. List 11. File 724.
49. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 156. List 11. File 906.

- 50. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 156. List 11. File 1318.
- 51. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 156. List 18. File 98.
- 52. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 156. List 18. File 358.
- 53. Russian State Historical Archive. (RGIA). Fund 796. List 151. File 500.
- 54. Russian State Historical Archive. (RGIA). Fund 796. List 160. File 1341.

Информация об авторах:

Спичак А.В. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия). E-mail: spichak-89@mail.ru

Ванюшина О.В. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний (Тверь, Россия). E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

Кривошеева Ю.А. – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Spichak, Cand. Sci. (History), senior lecturer, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

O.V. Vanyushina, Cand. Sci. (History), leading research fellow, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tver, Russian Federation). E-mail: vanyushina_olesy@mail.ru

Yu.A. Krivosheeva, senior lecturer, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 07.11.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 94(470.51)''1930/1940'':314.12/14
doi: 10.17223/15617793/500/7

Рождаемость и смертность населения Удмуртии в 1930-е гг.

Сергей Николаевич Уваров¹

¹ Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия, sergey.uvarov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена малоисследованная тема рождаемости и смертности в Удмуртии в 1930-е гг. Представлена динамика воспроизводства населения региона, определены факторы, от которых она зависела. Показаны отличия естественного движения населения региона на фоне общероссийских/общесоюзных показателей и названы их причины. Обозначено влияние национальной специфики на протекавшие региональные демографические процессы. Рассмотрено значение голода 1932/1933 гг. и 1936 г., сделаны выводы о том, что оба были масштабными.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественный прирост, население, Удмуртия, 1930-е гг.

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/> и в УдГАУ.

Для цитирования: Уваров С.Н. Рождаемость и смертность населения Удмуртии в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 58–67. doi: 10.17223/15617793/500/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/7

Fertility and mortality of the population of Udmurtia in the 1930s

Sergey N. Uvarov¹

¹ Udmurt State Agricultural University, Izhevsk, Russian Federation, sergey.uvarov@mail.ru

Abstract. The aim of the study was to examine the birth rate and mortality in Udmurtia in the 1930s. To date, almost no one has studied this topic. The objectives of the study include studying the reproduction rates of the population of Udmurtia and identifying factors influencing the dynamics of changes, as well as comparing the birth rate and mortality of the population of Udmurtia and the RSFSR/USSR. The scientific novelty lies in the fact that a large volume of previously unpublished materials is introduced into scientific discourse, a significant gap in Russian history is filled. The sources were mainly unpublished materials of the natural movement of the Statistical Office and office records of the health authorities of Udmurtia. The results of the study showed that the birth rate in Udmurtia was much higher than in the European part of the Soviet Union, especially in the first half of the 1930s. The main reasons for this are the national specifics of the region (a significant part of the population is Udmurts with increased birth rates), lower educational level of women, and a higher proportion of villagers. In turn, in the village of Udmurtia, the birth rate was higher than in cities (except 1937). In the second half of the decade, the birth rate in the republic decreased, approaching the all-Union indicator. It fell due to higher rates of urbanization, the spread of abortion, the famine of 1936 due to large-scale crop failure, which was as significant as in 1932/33. The mortality rate in Udmurtia was also much higher (except for 1933) than the all-Union one. The high mortality rate of the entire population was mainly due to significant morbidity, among the main causes of death exogenous. Mortality increased sharply during the hunger years. The then-current level of medical care was unsatisfactory. The shortage of medical workers was acute; their qualifications often raised questions. The allocated funds were not enough for the purchase of medicines and the necessary equipment. In the second half of the 1930s, the difference in mortality rates in the USSR and Udmurtia slightly decreased. Total mortality was greatly influenced by infant mortality. Its share was extremely high and it decreased very slowly throughout the 1930s. In the first place among the causes of infant mortality were gastrointestinal diseases due to poor nutrition. In the second place were congenital weakness and premature birth. They, in turn, were explained by the difficult working conditions of women in the workplace, as well as by the high percentage of mothers with syphilis, which was almost never detected or treated during pregnancy. In the third place were lung diseases caused by crowding and the spread of rickets due to a lack of vitamins. With a few exceptions, the natural population growth in Udmurtia was more significant than in the European part of the USSR. In addition, it was positive all these years, even in 1933.

Keywords: birth rate, mortality, natural increase, population, Udmurtia, 1930s

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No 23-28-01604, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01604/> and carried out at the Udmurt State Agrarian University.

For citation: Uvarov, S.N. (2024) Fertility and mortality of the population of Udmurtia in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 58–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/7

Одним из самых трагичных периодов в отечественной демографической истории являются 1930-е гг. Форсированная индустриализация, коллективизация, раскулачивание, голод, массовые репрессии привели к резкому падению рождаемости и повышению смертности населения. Результаты переписи 1937 г., зафиксировавшие катастрофические результаты воспроизводственных процессов, даже побудили сталинское руководство признать ее дефектной, а данные – засекретить.

К настоящему времени сложилась достаточно обширная историография демографического развития России в 1930-е гг. Труды В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, С.А. Нефедова и других ученых [1–8] дают о нем относительно полное представление. На региональном уровне рождаемость и смертность населения плодотворно изучали В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов, В.А. Журавлева и др. [9–15]. Они показывают значительное разнообразие воспроизводственных процессов, происходивших на разных территориях. Однако не во всех регионах исследования в данном направлении велись так же продуктивно, и в качестве примера можно указать Удмуртскую Республику, где подобные труды практически отсутствуют. Можно отметить лишь несколько работ, но едва ли справедливо их называть научными из-за отсутствия ссылок [16] или неправильного их оформления [17]. В обобщающей работе по истории демографического развития Урала информации о воспроизводстве населения Удмуртии в 1930-е гг. крайне недостаточно [18]. Между тем Удмуртская АССР являлась относительно крупным регионом, в котором, по данным переписи 1939 г., проживало 1,1% населения РСФСР. Кроме того, республика была образована по национальному признаку, что также должно было накладывать свою специфику на демографические процессы.

Целью данной статьи является рассмотрение рождаемости и смертности населения Удмуртии (до 1932 г. – Вотская автономная область, в 1932–1934 гг. – Удмуртская автономная область, с 1934 г. – Удмуртская АССР) в 1930-е гг. К задачам исследования относятся изучение показателей воспроизводства населения области/республики и выявление влияющих на динамику изменений факторов, а также сравнительный анализ рождаемости и смертности населения Удмуртии и РСФСР/СССР. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в научный оборот вводится большой объем ранее неопубликованных материалов по заявленной теме, восполняется значительная лакуна в отечественной истории. Источниками послужили отложившиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики неопубликованные материалы естественного движения Статистического управления УАССР и делопроизводственная документация регионального Наркомздрава, обнаруженная в фонде Совета министров УАССР. Для сравнения привлекались извлеченные из РГАЭ данные ЦСУ СССР о

естественном движении населения Союза. Кроме того, использовались материалы переписей 1926, 1937 и 1939 гг., которые в основном опубликованы.

Относительно достоверности показателей естественного движения населения 1930-х гг. Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова отмечают, что оно фиксировалось с большими погрешностями. По их мнению, в 1930–1933 гг. из-за неполного охвата учетом в СССР не было зафиксировано 28,8% рождений и 29,1% смертей, в 1934–1936 гг. – 8,0 и 9,5% соответственно [19. С. 37, 38, 44]. В 1933 г. текущим учетом было охвачено 78,2% населения СССР, в 1934 г. – 86,8%, а в 1935 г. – 95,9% [20. С. 285]. В РСФСР охват был шире: за 1935 г. подано сведения 99,1% органов ЗАГС, за 1937 г. – 99,7%, за 1938 г. – 97,9%. Одновременно существовал неполный учет: в 1930–1933 гг. в СССР не было зафиксировано 9,9% рождений и 49,9% смертей, в 1934–1936 гг. – 7,8 и 12,8% соответственно [20. С. 44]. С такими оценками Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой не согласен С.А. Нефедов, который сделал вывод, что те не являются достаточно обоснованными. По мнению С.А. Нефедова, для европейской части СССР второй половины 1920-х и второй половины 1930-х гг. (без республик Северного Кавказа) официальная статистика давала достаточно точные сведения. При этом он признает, что в первой половине 1930-х гг. надежной регистрации движения населения не было [8. С. 33–39, 46, 55].

Касательно Удмуртии можно сказать, что охват территории области/республики учетом был практически полным. Так, за 1935–1937 гг. все 100% органов ЗАГС Удмуртской АССР такие сведения подавали, за 1938 г. охват составил 99,9% [21. Л. 23–26]. Относительно неполного учета информации нет, поэтому в статье будут использоваться сведения статистического ведомства Удмуртии безо всяких поправок. Что касается переписных данных, то, как показали многочисленные исследования, итогам переписей 1926 и 1937 гг. можно вполне доверять. Итоги же переписи 1939 г. были сфальсифицированы, ее результаты завышены. Приписки должны были скрыть число жертв голода, реальные масштабы репрессий и другие последствия сталинской политики. Приписка численности городского населения Удмуртской АССР составила 2%, сельского – 2,9%, всего населения – 2,6% [7. С. 362]. В данном случае в статье будут использоваться сведения без учета приписок.

Методологической основой исследования послужила популярная ныне в исторической демографии концепция демографического перехода. Из методов использовались историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный. Для работы с материалами статистики применялись статистические методы, в частности, составлялись динамические ряды в виде таблиц. Для расчетов относительных показателей младенческой смертности использовалась формула Ратса, позволяющая точнее установить коэффициент (при этом принималась гипотеза о

том, что вес умерших в данном году равен 2/3, а в предыдущем – 1/3).

Сложность в исследовании демографического развития Удмуртии 1930-х гг. добавляет неоднократное изменение территории. Если в 1926 г. площадь области равнялась 30 355 км², то в 1934 г. – 32 952 км², а в 1939 г. – 41 075 км² (табл. 1). Самое существенное увеличение пришлось на конец 1937 г. Среди архивных документов удалось обнаружить пересчеты численности населения применительно к новым границам, что позволяет проводить сравнительный анализ на сопоставимой территории. Такие расчеты были выполнены как в 1937 г., так и в 1939 г. Они показывают, что за период между переписями 1926 и 1937 гг. численность населения Удмуртии в границах начала 1937 г. выросла на 144 311 чел. (ежегодный прирост составил

14 431 чел., или 1,8%). Между переписями 1926 и 1939 гг. количество жителей Удмуртии на территории в границах 1939 г. увеличилось на 168 201 чел. (ежегодный прирост – 14 017 чел.).

Как показывают данные табл. 2 и рис. 1, рождаемость в Удмуртии в первой половине 1930-х гг. шла на спад (кроме 1932 г.). Особенно сильно упало число новорожденных в 1931 г. – на 11,2%. При этом в сельской местности сокращение было большим – 12,8%, в то время как в городах даже произошел рост. Очевидно, главной причиной такой ситуации явилась начавшаяся сплошная коллективизация, сопровождаемая раскулачиванием. Зимой и весной 1930 г. было раскулачено 5138 хозяйств, затем началось выселение кулацких семей за пределы области [27. С. 68].

Таблица 1

Численность населения Вотской АО/Удмуртской АССР по данным переписей 1926, 1937 и 1939 гг.

Дата проведения переписи	Площадь, км ²	Все население	Городское		Сельское	
			чел.	%	чел.	%
17 декабря 1926 г.	30 355	756 264	77 112	10,2	679 152	89,8
17 декабря 1926 г. (в границах на начало 1937 г.)	32 952*	791 694	74 184	9,4	717 510	90,6
17 декабря 1926 г. (в границах на 01.03.1939)	41 075	1 020 038	127 808	12,5	892 230	87,5
6 января 1937 г.	32 952*	936 005	200 995	21,5	735 010	78,5
17 января 1939 г. (официальные данные)	41 075	1 219 350	320 504	26,3	898 846	73,7
17 января 1939 г. (без учета приписок)	41 075	1 188 239	314 304	26,5	873 935	73,5

Источник: [7. С. 362; 20. С. 43; 22. С. 13; 23. Л. 47; 24. Л. 108; 25. Л. 20; 26. Л. 2].

* На 1 января 1934 г.

Таблица 2

Естественное движение населения ВАО/УАО/УАССР в 1930–1940 гг.
(в границах на момент учета) в 1930–1940 гг., чел.

Год	Число родившихся (без мертворожденных)			Число умерших			В том числе детей до 1 года			Естественный прирост		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
1930	48 104	5 575	42 529	28 503	3 525	24 978	11 907	1 389	10 518	19 601	2 050	17 551
1931	42 739	5 640	37 099	28 175	3 600	24 575	10 908	1 402	9 506	14 564	2 040	12 524
1932	43 752	5 907	37 845	22 342	4 195	18 147	8 413	1 549	6 864	21 410	1 712	19 698
1933	37 283	4 866	32 417	30 685	4 829	25 856	10 055	1 511	8 544	6 598	37	6 561
1934	38 091	5 022	33 069	27 357	3 483	23 874	8 954	994	7 960	10 734	1 539	9 195
1935	39 779	5 734	34 045	23 474	3 226	20 248	8 678	1 166	7 512	16 305	2 508	13 797
1936	44 526	6 625	37 901	32 760	4 256	28 504	13 147	1 644	11 503	11 766	2 369	9 397
1937	50 551	12 581	37 970	37 139	7 966	29 173	14 019	3 313	10 706	13 412	4 615	8 797
1938	51 330	12 785	38 545	34 256	8 169	26 087	12 216	3 325	8 891	17 074	4 616	12 458
1939	57 506	13 666	43 840	34 766	8 419	26 347	14 205	3 688	10 517	22 740	5 247	17 493
1940	49 765	12 660	37 105	38 460	8 857	29 603	14 481	3 663	10 818	11 305	3 803	7 502

Источник: [28. Л. 13 об.; 29. Л. 5 об.; 30. Л. 7, 7 об.; 37, 37 об.; 45, 45 об.; 46, 46 об.; 31. Л. 6; 32. Л. 77–79 об.; 33. Л. 191–193 об.; 34. Л. 16, 24, 31; 35. Л. 9, 9 об.; 16, 16 об.; 23, 23 об.; 36. Д. 1. Л. 24, 24 об.; 44, 44 об.; 54, 54 об.; 37. Л. 13–15 об.].

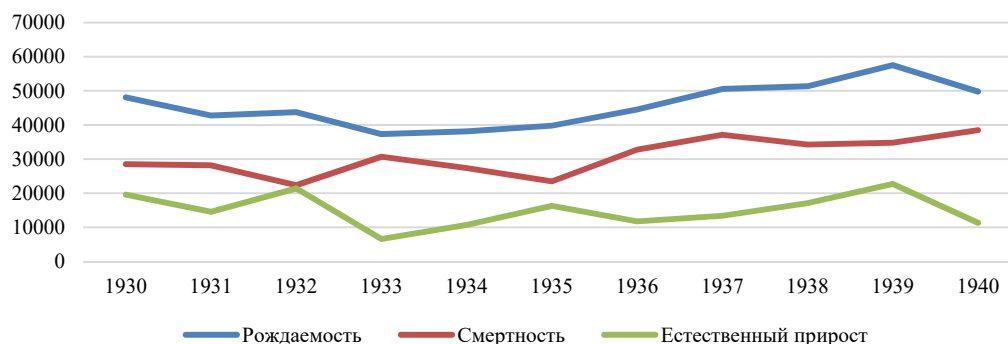

Рис. 1. Естественное движение населения ВАО/УАО/УАССР в 1930–1940 гг.
(в границах на момент учета) в 1930–1940 гг., чел.

В 1933 г. рождаемость снова сократилась, теперь – на 14,8%. Падение было как среди горожан, так и селян, причем у первых больше (на 17,6%), у вторых меньше (на 14,3%). Столь значительное сокращение было вызвано голодом 1932/1933 гг. Исследования О.Н. Леконцева показали, что погодные условия в начале 1930-х гг. в регионе затрудняли ситуацию, но в целом не подрывали экономику. Урожайность и валовые сборы в эти годы постоянно росли. Если в 1928 г. в Вятской губернии урожайность зерновых составила 7,6 ц/га, то в 1932 г. – 8 ц, а в 1933 г. – 8,7 ц/га. Валовый сбор зерновых по губернии составил в 1928 г. 12 млн ц, в 1932 г. – 15 млн ц, в 1933 г. – 16 млн ц. Неурожай в Удмуртии имел локальный характер: так, в 1933 г. в Удмуртии засуха охватила 12 северных районов (количество осадков составило лишь 60% от среднего выпадения за 10 лет). Урожайность в них была на 8–10 ц ниже, чем в южных районах. Неблагополучными по урожайности оказались 12 из 18 районов.

Голод возник вследствие сверхизъятия зерна. В 1930 г. по Нижегородскому краю, куда тогда входила Удмуртия, план хлебозаготовок составил 132 тыс. т, а в 1932 г. – уже 700 тыс. т. В 1931 г. только по Вотской автономной области план составил 120 тыс. т, что очень близко соответствовало тому, сколько требовалось заготовить по всему Нижегородскому краю в 1930 г. В результате в колхозах 12 северных районов Удмуртии распределение зерна осенью 1933 г. было небольшим: в 7 районах колхозники получили менее 2 кг на каждый трудодень, а в 5 районах – от 2 до 2,5 кг [38. С. 170–172].

С 1934 г. начался подъем рождаемости, длившийся до конца десятилетия. В 1940 г. мы вновь видим падение, причем существенное – на 13,5% по сравнению с предыдущим годом. В итоге в предвоенном году число рождений едва превысило уровень 1930 г. Здесь, очевидно, сказались как продовольственные трудности, так и снижение призывного возраста после принятия 1 сентября 1939 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности», из-за которого в армии оказалась значительно большая часть мужчин. Если на 1 сентября 1939 г. численность Красной армии составляла 1,9 млн чел., то на 22 июня 1941 г. – 5,7 млн чел. [5. С. 134]. О неблагополучии с продовольственным снабжением говорит резкий рост числа желудочно-кишечных заболеваний. Если в 1939 г. в Удмуртии дизентерией заболело 4 833 чел., а детскими поносами 31 358 чел., то в 1940 г. соответствующие цифры равнялись 7 900 и 43 607 случаям [39. Л. 80 об., 82]. Кроме того, в конце 1930-х гг. в возраст самой высокой рождаемости стали вступать малочисленные поколения женщин, родившиеся в военные годы.

Поскольку границы Удмуртии менялись, необходимо проанализировать и относительные показатели. Это позволит также сравнить их с рождаемостью и смертностью населения на других территориях. Как свидетельствуют данные табл. 3, к началу рассматриваемого периода Удмуртия еще была далека от демографического перехода. Рождаемость находилась на

очень высоком уровне, в 1930 г. ее коэффициент составлял 56,9‰. В первой половине 1930-х гг. в Удмуртии коэффициент рождаемости в основном уменьшался. Самые заметные падения были в 1931 и 1933 гг.: оба раза рождаемость снизилась по отношению к предыдущему году почти на 7‰. В 1932 и 1934 гг. рождаемость оставалась практически на уровне предшествующих им лет. Во второй половине 1930-х гг. рождаемость в Удмуртской АССР колебалась в пределах 43–47‰ и лишь в 1940 г. упала ниже 40‰.

В сравнении с европейской частью СССР рождаемость в Удмуртии была намного выше, хотя разница постепенно сокращалась. В 1930 г. превышение составило 19,5‰, 1931 г. – 15,4‰, 1932 г. – 19,9‰, 1933 г. – 20,2‰, 1934 г. – 19,7‰, 1935 г. – 12,0‰, 1936 г. – 12,4‰, 1937 г. – 4,7‰, 1938 г. – 6,0‰, 1939 г. – 10,1‰, 1940 г. – 8,5‰ [40. С. 12; 41]. Повышенная рождаемость в Удмуртии объяснялась рядом причин. Во-первых, играла свою роль этническая специфика. Значительную долю населения составляли удмурты (52,3% по переписи 1926 г. и 39,4% – 1939 г.), а у них отмечалась очень высокая рождаемость. Во-вторых, у женщин Удмуртии был более низкий образовательный уровень. Даже в 1939 г., несмотря на успехи в просвещении, на 1 000 населения в Удмуртской АССР со средним образованием приходилось 47,1 женщин, с высшим – 2,7. В СССР на 1000 населения в этот момент приходилось со средним образованием 67,8 женщин, с высшим – 4,0 [42. С. 81–82; 43. С. 50]. Получение женщинами среднего и (или) высшего образования сдвигало у них сроки рождения детей, сокращало репродуктивный период, меняло демографическое поведение.

Кроме того, Удмуртия была менее урбанизирована (в 1926 г. доля горожан в СССР составляла 17,9%, в БАО – 10,2%), а у горожан рождаемость была ниже. Начавшаяся форсированная индустриализация требовала притока новых рабочих, поэтому сопровождалась наплывом мигрантов, в основном из деревни, в растущую промышленность. Смена обстановки, бытовая неустроенность, прежде всего – недостаток жилья, не способствовали росту рождаемости в городах. Если в 1927/1928 г. численность рабочих в важнейших отраслях крупной промышленности Удмуртии составляла 17,6 тыс. чел., то в 1933 г. – 36,0 тыс. чел., в 1935 г. – 40,9 тыс. чел., а в 1936 г. – уже 49,0 тыс. чел. [46. Л. 3 об.].

Также горожанки шире прибегали к абортам. Если в городах Удмуртии доля абортотворения была близка к общесоюзному показателю, то в сельской местности она была ниже. В расчете на 1 000 населения в городах Удмуртии в 1936 г. было сделано 9,3 аборта, в 1937 г. – 10,4; в 1938 г. – 9,9; в 1939 г. – 9,0. В городах СССР доля абортотворения составляла: 1937 г. – 8,3 на 1 000 чел., 1938 г. – 9,6; 1939 г. – 10,8. Удельный вес абортотворения в сельской местности Удмуртской АССР был следующим: 1936 г. – 0,6 на 1 000 чел., 1937 г. – 0,4; 1938 г. – 0,6; 1939 г. – 0,9. На селе в СССР в 1938 и 1939 гг. приходилось 1,3 прерываний беременности на 1 000 чел. [47. Л. 22 об.; 48. С. 30].

Таблица 3

**Естественное движение населения БАО/УАО/УАССР в 1930–1940 гг.
(в границах на момент учета), на 1000 чел. населения**

Год	Число родившихся			Число умерших			В том числе детей до 1 года*			Естественный прирост		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
1930	56,9	49,9	58,1	33,7	31,6	34,1	247,5	248,0	247,5	23,2	18,3	24,0
1931	50,0	43,2	51,2	33,0	27,6	33,9	253,4	248,5	256,2	17,0	15,6	17,3
1932	50,9	40,5	53,0	26,0	28,8	25,4	192,3	262,5	181,3	24,9	11,7	27,6
1933	44,1	33,3	46,4	36,1	32,6	36,8	263,5	297,7	258,4	8,0	0,7	9,6
1934	44,6	32,7	47,2	32,0	22,7	34,0	235,0	247,1	240,7	12,6	10,0	13,2
1935	43,6	32,9	46,9	26,3	19,2	28,3	221,3	212,1	222,8	17,3	13,7	18,6
1936	46,7	35,6	49,9	34,7	24,6	37,6	306,1	259,8	314,2	12,0	11,0	12,3
1937	43,4	44,9	43,0	32,0	28,4	33,2	288,8	312,7	282,1	11,4	16,5	9,8
1938	43,5	41,4	44,3	29,2	26,5	30,1	239,2	261,5	231,8	14,3	14,9	14,2
1939	46,6	41,4	48,5	28,2	25,5	29,1	256,2	275,8	250,0	18,4	15,9	19,4
1940	39,7	37,2	40,6	30,6	26,1	32,3	276,6	281,9	274,9	9,1	11,1	8,3

Источник: [44. Л. 11; 45. Л. 73 об.].

* Расчеты младенческой смертности произведены автором по формуле Ратса.

Неслучайно, некоторое выравнивание доли горожан в СССР и Удмуртии к концу десятилетия (в 1939 г. доли городского населения равнялись уже, по официальным данным, 32,9 и 26,3% соответственно [43. С. 23, 25]) привело к сближению коэффициентов рождаемости. Если в 1930–1934 гг. разница в коэффициентах рождаемости в СССР и Удмуртии была очень большой (15,4–20,2‰), то с 1935 г. равнялась не более 12,4‰.

Самой минимальной разница оказалась в 1937 г., когда рождаемость в Удмуртии всего на 4,7‰ превысила аналогичный показатель в европейской части СССР. Виной тому была сильнейшая засуха 1936 г. и последовавший за ней голод в республике. В 1936 г. в Удмуртии средний урожай составил: зерновых – 3,1 ц/га, картофеля – 80 ц, льна – 0,7–0,8 ц [49. С. 22]. При этом планы поставок сельхозпродукции должны были выполняться в полном объеме.

В свою очередь, в 1930-е гг. в городах Удмуртии рождаемость была ниже, чем в сельской местности (исключением стал лишь 1937 г. как следствие голода 1936 г.). Это также объяснялось тем, что в сельском населении преобладали удмурты. Велики были различия в образовательном уровне городских и сельских женщин. По официальным данным переписи 1939 г., на 1 000 населения в Удмуртской АССР со средним образованием в городах приходилось 126,5 женщин, а в сельской местности – 18,9; с высшим – 5,2 и 0,3 соответственно [42. С. 81–82]. Миграция трудоспособных селян в города лишала сельскую местность огромного количества женихов и невест. Намного меньше в сельской местности прерывали беременность. Например, если в 1936 г. количество аборт в УАССР равнялось 3 168, то 2 674 (84,4%) из них было сделано в городах. В 1937 г., несмотря на введенный в предыдущем году запрет, число аборт в республике увеличилось до 3 437, из которых 3074 (89,4%) пришлось на городское население. В 1938 г. в городах республики было произведено 3 075 из 3 647 аборт (84,3%), в 1939 г. – 2 979 из 3 846 (77,5%), в 1940 г. – 3 263 из 3 965 (82,3%) [37. Л. 56 об.; 47. Л. 22 об.].

Также на рождаемость сельского населения сильное влияние оказывал голод. Самый масштабный голод в стране разразился в 1932–1933 гг. В европейской

части СССР коэффициент снизился с 31,0‰ в 1932 г. до 23,9‰ в 1933 г., а в сельской местности – с 32,2 до 25,6‰ [41. Л. 42]. В Удмуртии за эти годы сокращение составило с 50,9 до 44,1‰, а в сельской местности – с 53,0 до 46,4‰. Снижение в республике было почти зеркальным. Голод 1936 г. привел к уменьшению рождаемости у селян республики в следующем году на 6,9‰. Такое масштабное сокращение, которое невозможно отследить по абсолютным данным, было сопоставимо с падением 1933 г. Однако своеобразный антирекорд поставил 1940 г., когда рождаемость на селе сократилась на 7,9‰.

Во второй половине 1930-х гг. важным фактором, влиявшим на рождаемость населения, была репрессивная политика государства, но определить масштабы этого влияния не представилось возможным из-за недостатка источников. Всего по политическим статьям на территории республики было репрессировано как минимум 8 296 чел., подавляющее большинство – в 1930–1940-е гг. Из этого количества 903 чел. были расстреляны, а остальные либо приговорены к лишению свободы, либо высылке. Пик репрессий пришелся на 1937 г. Например, если в 1933 г. было репрессировано 529 чел., 1934 г. – 214, 1936 г. – 332 чел., то в 1937 г. – 1 777 чел. Далее число жертв пошло на убыль: 1938 г. – 694 чел., 1939 г. – 333 чел. [50. С. 5–6].

Роды большей частью происходили в домашних условиях, при помощи знахарок и повивальных бабок. В 1930 г. на территории Удмуртии существовало всего 3 дома матери и ребенка, 3 акушерских пункта, работало 183 врача, 137 фельдшеров, 80 акушеров, 191 медсестра. С выходом Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г., запретившего аборты, началось строительство родильных домов, прежде всего колхозных. К концу 1940 г. сеть учреждений по охране материнства и младенчества в республике заметно расширилась и состояла из 11 родильных домов и отделений, 45 женских и 30 детских консультаций, 10 молочных кухонь, 3 домов ребенка, детской поликлиники в Ижевске, 135 детских коек. Однако этого было явно недостаточно. Слишком мало еще было узких специалистов данного профиля: всего 54 педиатра и 48 акушеров-гинекологов [51. С. 128–131].

Смертность в самом начале 1930-х гг. снижалась: абсолютное число смертей уменьшалось в целом по области и в сельской местности. В городах количество умерших в это время ежегодно увеличивалось, но связано это было с урбанизационными процессами: рост смертности происходил из-за того, что становилось больше жителей городов. В 1933 г. произошел резкий скачок: смертность выросла более чем на треть, на 37,3%. При этом в деревнях и селах рост был намного заметнее и составил 42,5%. Столь огромная цифра показывает, насколько серьезным был голод. В течение двух последующих лет количество умерших шло на убыль, пока очередной голод не вызвал новый виток смертности. В 1936 г. смертность увеличилась на 39,6%. И вновь на селе смертность была выше – 40,8%. Как уже говорилось выше, в 1936 г. в Удмуртии возник голод. Существовал он и в ряде других областей Урала [52. С. 78–84]. Показательно, что в 1937 г. рост смертности продолжился, причем в городах – очень заметно, но в последнем случае вызвано это было присоединением новых территорий и резким увеличением численности городского населения.

Если сравнивать относительные показатели смертности, то в Удмуртии в 1930-е гг. они также были выше, чем в стране. Так, в 1930 г. коэффициент смертности в европейской части СССР составил 19,6‰, в 1931 г. – 19,2‰, 1932 г. – 19,8‰. Затем наблюдалось резкое повышение до 37,8‰ в 1933 г., вызванное голодом. В 1934 г. показатель смертности опустился до 19,7‰ [41. Л. 42]. В Удмуртии общесоюзный показатель был превышен в 1930 г. на 14,1‰, в 1931 г. – 13,8‰, в 1932 г. – 6,4‰, в 1934 г. – 12,3‰. Только в 1933 г. в европейской части СССР смертность оказалась выше чем в Удмуртии на 1,7‰. Это говорит о том, что в данном году последствия голода для села Удмуртии были менее трагичными, чем для Украины, Северного Кавказа, Нижней Волги и ряда других областей страны. В 1933 г. в сельской местности области смертность выросла до 36,8‰, что на 11,4‰ было больше, чем в предыдущем году. На селе в СССР увеличение было более заметным, до 40,5‰, что являлось на 21,3‰ больше показателя предыдущего года.

Во второй половине 1930-х гг. смертность в Удмуртии продолжала оставаться высокой: 1935 г. – 26,3‰, 1936 г. – 34,7‰, 1937 г. – 32,0‰, 1938 г. – 29,2‰, 1939 г. – 28,2‰, 1940 г. – 30,6‰. Обращает на себя внимание резкий подъем смертности в 1936 г. (на 8,4‰), особенно в сравнении с РСФСР, где даже рассчитанные с поправками на недоучет Андреевым, Дарским и Харьковской цифры показали рост в 1936 г. лишь на 2,6‰. В результате в Удмуртии смертность в этом году превысила средний по РСФСР показатель на 8,5‰ [1. С. 164]. Наибольший «вклад» в повышенную смертность внесла сельская местность республики, где уровень смертности повысился на 9,3‰.

На картину общей смертности очень сильно влияла младенческая смертность, поскольку ее доля была крайне высока и на протяжении 1930-х гг. снижалась весьма медленно. Если в 1930 г. в общем числе умерших в Удмуртии удельный вес детей в возрасте до 1 года составил 41,8%, то в 1940 г. – 37,7%. Лишь в

1933 и 1934 гг. доля была менее трети, в остальные годы она находилась в диапазоне 37–38%. Что касается территориального распределения, то в начале 1930-х гг. в сельской местности удельный вес младенческой смертности был выше, чем в городах. Начиная с 1937 г., он был выше уже в городских поселениях. При этом в городах за десятилетие доля младенческой смертности увеличилась, а в 1939 г. она составила целых 43,8% (табл. 2).

Увеличилась за 1930-е гг. младенческая смертность и по отношению к родившимся. Если в 1930 г. коэффициент равнялся 247,5‰, то в 1940 г. – 276,6‰. В европейской части СССР в первой половине 1930-х гг. он был намного ниже: 1930 г. – 172,6‰; 1931 г. – 171,8‰; 1932 г. – 177,3‰; 1933 г. – 216,8‰, 1934 г. – 160,8‰ [41. Л. 42]. Конечно, в Удмуртии кривая относительной смертности не была линейно восходящей, но за десятилетие она опускалась всего четыре раза ниже уровня 1930 г. (1932, 1934, 1935, 1938 гг.). В остальное время коэффициент был выше, а в 1936 г. достиг максимального значения за этот период – 305,7‰. В сельской местности в том году младенческая смертность была еще значительно выше (314,2‰, что тоже являлось максимумом), хотя в большинстве случаев она была выше в городах. Это также говорит о масштабах голода 1936 г.

Проведенный местными органами здравоохранения анализ младенческой смертности в Ижевске за 1930–1931 гг. показал, что на первом месте среди причин младенческой смертности находились желудочно-кишечные заболевания. На втором месте – врожденная слабость и преждевременное рождение. Они объяснялись тяжелыми условиями работы женщин на производстве, а также большим процентом заболеваемости матерей сифилисом, который во время беременности почти никем не выявлялся и не лечился. В 1930 г. в области насчитывалось 6 615 случаев сифилиса, в 1931 г. – 6 248. На третьем месте находились заболевания легких, вызванные скученностью проживания и распространением рахита вследствие отсутствия витаминов [53. Л. 7 об., 21 об., 22, 22 об.]. Очевидно, что эти же причины вели к высокой младенческой смертности и в последующие годы.

Если же говорить о причинах смертности всего населения, то и о них мы можем судить на примере ижевчан. По переписи 1937 г., например, доля жителей Ижевска в городском населении республики составила 74%, поэтому полученные сведения можно считать репрезентативными для всех горожан Удмуртии [20. С. 43, 74]. Как показывают данные табл. 4, причины смертности были в основном экзогенными. Больше всего погибало от воспаления легких (в отчетах фигурировали также такие болезни, как бронхит, пневмония). В 1930 г. на долю этой причины пришлось 21,0% смертей, в 1931 г. – 15,9%, в 1934 г. – 16,1%, в 1936 г. – 16,0%, в 1938 г. – 17,9%.

Следующей по массовости причиной являлись желудочно-кишечные заболевания. В 1930 г. от энтерита, диареи умерло 8,2% ижевчан, в 1931 г. – 9,4%, в 1934 г. – 9,8%, в 1936 г. – 18,0%, в 1938 г. – 13,1%. Эти цифры показывают неуклонное повышение удельного веса желудочно-кишечных заболеваний в общей смертности, 1936 г. выбивается из этой тенденции, потому что был голодным.

Таблица 4

Смертность населения г. Ижевска по их причинам

Причина смерти	1930 г.	1931 г.	1934 г.	1936 г.	1938 г.
Всего умерло, в том числе:	2 941	3 011	2 864	3 472	4 429
Брюшной тиф и паратиф	14	125	31	17	21
Корь	77	46	114	184	556
Скарлатина	310	87	70	155	169
Дизентерия	16	20	59	128	143
Туберкулез легких	218	193	362	305	309
Болезни сердца	164	170	230	236	189
Воспаление легких (бронхит, пневмония)	619	480	461	555	792
Диарея и энтерит (поносы в возрасте до 2 лет)	242	282	282	625*	582
Врожденная слабость и преждевременное рождение	240	194	139	152	237

Источник: [28. Л. 36; 29. Л. 79, 79 об.; 30. Л. 65, 65 об.; 35. Л. 56, 56 об.; 54. Л. 65, 65 об.].

* В источнике указано «Энтерит, диарея, колит».

Третье место поочередно принадлежало то туберкулезу, от которого больше умирало в середине десятилетия, то врожденной слабости и преждевременному рождению, от которых больше умирали в начале и конце 1930-х гг. К числу болезней с массовым количеством жертв также относились корь (особенно в конце десятилетия), скарлатина, дизентерия, болезни сердца. Отметим, что в 1940 г. в Ижевске от кори, скарлатины, дифтерии, гемоколита детей на втором году жизни умерло гораздо больше, чем на первом [37. Л. 57 об.].

Причины смертности свидетельствовали о неудовлетворительной медицинской помощи в республике. В Удмуртии существовал острый дефицит квалифицированных врачей, несмотря на открытие в 1933 г. медицинского института в Ижевске. В 1939 г. на 10 тыс. населения приходилось в среднем 3,54 врача, тогда как по РСФСР – 5,64; в сельской местности УАССР – 0,71, по РСФСР – 1,04. На 1 ноября 1940 г. в Удмуртской АССР вместо предусмотренных штатным расписанием 863 врачей работал 521 (включая зубных), из них на селе – только 101 [47. Л. 32–33].

Недостаток врачей восполнялся медсестрами и фельдшерами. Довольно часто в случаях серьезных заболеваний медицинские работники с низкой квалификацией не умели их правильно диагностировать, и поэтому не вводили карантин. Больные продолжали работать, разнося опасные инфекции, например тиф, корь и др. Так, в своей докладной записке от 26 августа 1940 г. нарком внутренних дел УАССР фиксировал, что в Зуринском районе участковый фельдшер Я.М. Лекомцев не сообщил в райздравотдел об эпидемии тифа на своем участке и продолжал лечить тифозных больных от гриппа. Когда в д. Сепож Зуринского района корью заболел один мальчик, его родители продолжали работать в колхозе, в результате от кори в этом колхозе умерло восемь детей. Такое же положение было отмечено в с. Чума и д. Н.-Деревня. В Дебесском районе больные корью и скарлатиной дети продолжали ходить в школу [55. Л. 34, 35]. Недостаточно проводилась профилактическая, противоэпидемическая, массово-разъяснительная работа среди населения в большинстве районов УАССР.

Серьезной проблемой был вызванный недостаточным финансированием дефицит лекарственных средств и необходимого оборудования. Выступавшая 26 февраля 1939 г. на 17-й Удмуртской областной партконференции нарком здравоохранения Ф.А. Растегаева

жаловалась на ежегодное недофинансирование здравоохранения республики на миллион рублей. Больше всего недофинансирование касалось больничного оборудования. Она приводила пример, как в 1938 г. в больницах республики было заменено 800 соломенных подушек [56. Л. 79]. Тем не менее из-за того, что в городах медицинское обслуживание было поставлено лучше, среди горожан Удмуртии смертность была ниже, чем среди селян (исключением явился лишь 1932 г.).

Если рассматривать период 1930-х гг. в абсолютных показателях, то самый высокий естественный прирост наблюдался в 1932 и 1939 гг. – более 20 тыс. чел. Минимальный прирост отмечен в 1933, 1934, 1936, 1940 гг. – менее 12 тыс. чел. Особенно выделялся 1933 г., когда родилось всего на 6,6 тыс. чел. больше, чем умерло. В городах в этом году естественный прирост снизился почти до нуля (всего 37 чел.). Отметим также, что наибольший вклад в увеличение численности населения естественным путем вносили жители сел и деревень. В целом за 1930–1940 гг. естественный прирост населения Удмуртии составил 165,5 тыс. чел.

В 1930 г. естественный прирост населения Удмуртии был очень высоким и равнялся 23,2‰. Эта цифра была превышена в 1932 г. (24,9‰). Однако в дальнейшем естественный прирост значительно сократился, что объяснялось как снижением рождаемости, так и повышением смертности. Уже в 1933 г. он составил всего 8,0‰, что стало своеобразным антирекордом, поскольку ниже в 1930-е гг. прирост не опускался. При этом он все же был выше, чем в европейской части СССР, где естественный прирост оказался в 1933 г. даже отрицательным. Почти все рассматриваемое время разница между рождаемостью и смертностью населения в сельской местности Удмуртии была больше, чем в городских поселениях. Исключениями явились лишь 1937, 1938 и 1940 гг. Особенно большой разрыв был в 1932 и 1933 гг.

Подводя итог, следует отметить, что уровни рождаемости и смертности в Удмуртии в целом были значительно выше, чем в СССР. Главные причины заключались в этнической специфике региона, более низких уровнях урбанизированности и образованности населения.

Несмотря на чрезвычайные условия (например, голод, репрессии), негативно влиявшие на рождаемость

и смертность, можно утверждать, что на протяжении 1930-х гг. частота рождений и смертей снижалась. Таким образом, если к началу рассматриваемого времени

население Удмуртии еще не вступило в полосу демографического перехода, то на рубеже 1930–1940-х гг. его тенденции уже стали просматриваться.

Список источников

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. М. : Информатика, 1998. 187 с.
2. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М. : РОССПЭН, 2001. 280 с.
3. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, 2012. 320 с.
4. Жиромская В.Б. Проблемы истории населения Российской Федерации в 1930-е годы // Труды Института российской истории РАН. 2002. № 3. С. 258–289.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 242 с.
6. Кондрашин В.В. С.В. Косиор и голод 1932–1933 годов на Украине: к 85-летию общей трагедии народов СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 625–639.
7. Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. 1900–1939 гг. / Отв. ред. В.Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2000. 459 с.
8. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с.
9. Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2012. 219 с.
10. Исупов В.А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 138–150.
11. Корнилов Г.Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 65–69.
12. Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 60–66.
13. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.
14. Корноухова Г.Г. Заболеваемость, смертность и медицинское обслуживание в советской провинции 1920–1930-х гг. (по материалам Астараханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 2. С. 51–64.
15. Тараканов М.Ю. Смертность в Нижнем Тагиле в первой половине 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 91–97.
16. Эволюция смертности населения Удмуртии: социально-гигиенические и исторические аспекты / [Н.Н. Ежова и др.]. Ижевск : ИГМА, 2014. 213 с.
17. Попова Н.М., Хабибуллин А.А., Русских Ю.С. Рождаемость и смертность населения Удмуртской АССР в 1938–1939 годы // Синергия Наук. 2018. № 30. С. 1674–1680.
18. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург : Екатеринбург, 1996. 209 с.
19. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Население Советского Союза. 1922–1991 гг. М. : Наука, 1993. 143 с.
20. Всесоюзная перепись населения СССР 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М. : РОССПЭН, 2007. 320 с.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562 (фонд Центрального статистического управления при Совете министров СССР). Оп. 329. Д. 256.
22. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. В 10 т. Вып. 3: Население СССР. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927. 63 с.
23. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-35 (фонд Управления народно-хозяйственного учета при Областной плановой комиссии Удмуртской автономной области). Оп. 1. Д. 1001.
24. ЦГА УР. Ф. Р-35 (фонд Управления народно-хозяйственного учета при Областной плановой комиссии Удмуртской автономной области). Оп. 1. Д. 1082.
25. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 1. Д. 113.
26. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 5. Д. 186.
27. Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов: исследования, документы. Ижевск : Удмуртский краеведческий музей; М. : Радио и связь, 1993. 82 с.
28. ЦГА УР. Ф. Р-35 (фонд Управления народно-хозяйственного учета при Областной плановой комиссии Удмуртской автономной области). Оп. 1. Д. 1069.
29. ЦГА УР. Ф. Р-35 (фонд Управления народно-хозяйственного учета при Областной плановой комиссии Удмуртской автономной области). Оп. 1. Д. 1081.
30. ЦГА УР. Ф. Р-35 (фонд Управления народно-хозяйственного учета при Областной плановой комиссии Удмуртской автономной области). Оп. 1. Д. 1167.
31. ЦГА УР. Ф. Р-568 (фонд Народного комиссариата здравоохранения Удмуртской АССР). Оп. 3. Д. 24.
32. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 1. Д. 91.
33. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 3. Д. 101.
34. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 3. Д. 108.
35. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 3. Д. 109.
36. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 7. Д. 1.
37. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 7. Д. 2.
38. Леконцев О.Н. Причины и последствия голода 1932–1933 гг. (на материалах Кировской области и Удмуртской Республики) // Вестник Самарского университета. Естественнонаучная серия. 2010. № 7. С. 170–173.
39. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16 (фонд Удмуртского обкома ВКП(б)). Оп. 1. Д. 3377.
40. Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР : сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 8–28.
41. РГАЭ. Ф. 1562 (фонд Центрального статистического управления при Совете министров СССР). Оп. 20. Д. 42.
42. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 369 с.
43. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М. : Наука, 1992. 256 с.
44. ЦГА УР. Ф. Р-568 (фонд Народного комиссариата здравоохранения Удмуртской АССР). Оп. 3. Д. 11.
45. ЦГА УР. Ф. Р-568 (фонд Народного комиссариата здравоохранения Удмуртской АССР). Оп. 3. Д. 24.
46. ЦГА УР. Ф. Р-845 (фонд Статистического управления Удмуртской АССР). Оп. 17. Д. 1.
47. ЦГА УР. Ф. Р-551 (фонд Совета народных комиссаров Удмуртской АССР). Оп. 2. Д. 323.
48. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М. : Медицина, 1969. 192 с.
49. Леконцев О.Н. Голод 1936 г. в Кировской области и Удмуртской АССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 21–27.
50. Книга памяти жертв политических репрессий. Ижевск : Удмуртия, 2001. 386 с.
51. Христюбова Л.С. Женщина в удмуртском обществе. XVIII – начало XXI века: монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 328 с.

52. Корнилов Г.Е. Демографические последствия голода 1936–1937 годов в Свердловской области // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием : сб. ст. Т. 1. Екатеринбург, 2016. С. 78–84.
53. Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (ЦДНИ УР). Ф. 16 (фонд Удмуртского обкома ВКП(б)). Оп. 1. Д. 1403.
54. ЦГА УР. Ф. Р-35 (фонд Управления народно-хозяйственного учета при Областной плановой комиссии Удмуртской автономной области). Оп. 1. Д. 1166.
55. ЦГА УР. Ф. Р-551 (фонд Совета народных комиссаров Удмуртской АССР). Оп. 1. Д. 36.
56. ЦДНИ УР. Ф. 16 (фонд Удмуртского обкома ВКП(б)). Оп. 1. Д. 2757.

References

1. Andreev, E.M., Darskiy, L.E. & Khar'kova, T.L. (1998) *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1957* [Demographic History of Russia: 1927–1957]. Moscow: Informatika.
2. Zhiromskaya, V.B. (2001) *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic History of Russia in the 1930s. A look into the unknown]. Moscow: ROSSPEN.
3. Zhiromskaya, V.B. (2012) *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow: Kuchkovo pole.
4. Zhiromskaya, V.B. (2002) Problemy istorii naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 1930-e gody [Problems of the history of the population of the Russian Federation in the 1930s]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. 3. pp. 258–289.
5. Isupov, V.A. (2000) *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
6. Kondrashin, V.V. (2018) S.V. Kosior i golod 1932–1933 godov na Ukraine: k 85-letiyu obshchey tragedii narodov SSSR [S.V. Kosior and the famine of 1932–1933 in Ukraine: on the 85th anniversary of the common tragedy of the peoples of the USSR]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 3 (8). pp. 625–639.
7. Zhiromskaya, V.B. (ed.) (2000) *Naselenie Rossii v XX veke* [Population of Russia in the 20th Century]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
8. Nefedov, S.A. (2013) *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoy kollektivizatsii* [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization]. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin.
9. Zhuravleva, V.A. (2012) *Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg.* [Urban Population of the Urals in the 1920s – 1930s]. Chelyabinsk: South Ural State University.
10. Isupov, V.A. (2018) Sotsial'nye i prirodnye faktory demograficheskoy katastrofy v Zapadnoy Sibiri (nachalo 1930-kh gg.) [Social and natural factors of the demographic catastrophe in Western Siberia (early 1930s)]. *Istoricheskiy kur'er*. 1. pp. 138–150.
11. Kornilov, G.E. (2010) Golod 1932–1933 gg. na Urale: faktory i masshtaby [Famine 1932–1933 in the Urals: factors and scales]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 65–69.
12. Kornilov, G.E. (2016) Demograficheskaya situatsiya na Urale v seredine 1930-kh gg. [Demographic situation in the Urals in the mid-1930s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4 (23). pp. 60–66.
13. Kornilov, G.E. (2014) Evolyutsiya mladencheskoy smertnosti na Urale v pervoy polovine XX v. [Evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the 20th century]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3. pp. 80–89.
14. Kornoukhova, G.G. (2008) Zabolevaemost', smertnost' i meditsinskoe obsluzhivanie v sovetskoy provintsii 1920–1930-kh gg. (po materialam Astrakhanskoy oblasti) [Morbidity, mortality and medical care in the Soviet province of the 1920–1930s (based on materials from the Astrakhan region)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2. pp. 51–64.
15. Tarakanov, M.Yu. (2017) Smertnost' v Nizhnem Tagile v pervoy polovine 1930-kh gg. [Mortality in Nizhny Tagil in the first half of the 1930s]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 91–97.
16. Ezhova, N.N. et al. (eds) (2014) *Evolyutsiya smertnosti naseleniya Udmurtii: sotsial'no-gigienicheskie i istoricheskie aspekty* [Evolution of Mortality of the Population of Udmurtia: Social, hygienic and historical aspects]. Izhevsk: Izhevsk State Medical Academy.
17. Popova, N.M., Khabibullin, A.A. & Russkikh, Yu.S. (2018) Rozhdaemost' i smertnost' naseleniya Udmurtskoy ASSR v 1938–1939 gody [Fertility and mortality of the population of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1938–1939]. *Sinergiya Nauk*. 30. pp. 1674–1680.
18. Alekseev, V.V. (ed.) (1996) *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [Population of the Urals. 20th century. History of demographic development]. Yekaterinburg: Ekaterinburg.
19. Andreev, E.M., Darskiy, L.E. & Khar'kova, T.L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuza. 1922–1991 gg.* [Population of the Soviet Union. 1922–1991]. Moscow: Nauka.
20. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2007) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov* [All-Union Population Census of the USSR 1937: General results. Collection of documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
21. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 1562 (fond Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya pri Sovete ministrov SSSR) [(fund of the Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR)]. List 329. File 256.
22. Central Statistical Administration of the USSR. (1927) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki* [All-Union Population Census of December 17, 1926: brief summaries]. Vol. 3. Moscow: Izd. TsSU Soyuza SSR.
23. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-35 (fond Upravleniya narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Oblastnoy planovoy komissii Udmurtskoy avtonomnoy oblasti) [(fund of the Department of National Economic Accounting under the Regional Planning Commission of the Udmurt Autonomous Region)]. List 1. File 1001.
24. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-35 (fond Upravleniya narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Oblastnoy planovoy komissii Udmurtskoy avtonomnoy oblasti) [(fund of the Department of National Economic Accounting under the Regional Planning Commission of the Udmurt Autonomous Region)]. List 1. File 1082.
25. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 1. File 113.
26. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 5. File 186.
27. Martynova, R.F. (ed.) (1993) *Udmurtiya: massovye repressii 1930–1950 godov: issledovaniya, dokumenty* [Udmurtia: Mass repressions of 1930–1950: research, documents]. Izhevsk: Udmurtskiy kraevedcheskiy muzey; Moscow: Radio i svyaz'.
28. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-35 (fond Upravleniya narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Oblastnoy planovoy komissii Udmurtskoy avtonomnoy oblasti) [(fund of the Department of National Economic Accounting under the Regional Planning Commission of the Udmurt Autonomous Region)]. List 1. File 1069.
29. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-35 (fond Upravleniya narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Oblastnoy planovoy komissii Udmurtskoy avtonomnoy oblasti) [(fund of the Department of National Economic Accounting under the Regional Planning Commission of the Udmurt Autonomous Region)]. List 1. File 1081.
30. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-35 (fond Upravleniya narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Oblastnoy planovoy komissii Udmurtskoy avtonomnoy oblasti) [(fund of the Department of National Economic Accounting under the Regional Planning Commission of the Udmurt Autonomous Region)]. List 1. File 1167.
31. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-568 (fond Narodnogo komissariata zdravookhraneniya Udmurtskoy ASSR)

- [(fund of the People's Commissariat of Health of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 3. File 24.
32. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 1. File 91.
 33. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 3. File 101.
 34. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 3. File 108.
 35. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 3. File 109.
 36. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 7. File 1.
 37. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 7. File 2.
 38. Lekontsev, O.N. (2010) Prichiny i posledstviya goloda 1932–1933 gg. (na materialakh Kirovskoy oblasti i Udmurtskoy Respubliki) [Causes and consequences of the famine of 1932–1933 (based on materials from the Kirov region and the Udmurt Republic)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Estestvennonauchnaya seriya*. 7. pp. 170–173.
 39. Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic (TsDNI UR). Fund 16 (fond Udmurtskogo obkoma VKP(b)) [(fund of the Udmurt Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks)]. List 1. File 3377.
 40. Uralnis, B.Ts. (1977) Dinamika urovnya rozhdaemosti v SSSR za gody sovetской vlasti [Dynamics of the birth rate in the USSR during the years of Soviet power]. In: Vishnevskiy, A.G. (ed.) *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR* [Marriage, Fertility, Mortality in Russia and the USSR]. Moscow: Statistika. pp. 8–28.
 41. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 1562 (fond Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya pri Sovete ministrov SSSR) [(fund of the Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR)]. List 20. File 42.
 42. Motrevich, V.P. (ed.) (2002) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region* [All-Union Population Census of the USSR 1939: Ural region]. Yekaterinburg: Liberal Arts University.
 43. Polyakova, Yu.A. (ed.) (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnye itogi* [All-Union Population Census of 1939: Main results]. Moscow: Nauka.
 44. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-568 (fond Narodnogo komissariata zdravookhraneniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the People's Commissariat of Health of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 3. File 11.
 45. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-568 (fond Narodnogo komissariata zdravookhraneniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the People's Commissariat of Health of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 3. File 24.
 46. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845 (fond Statisticheskogo upravleniya Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Statistical Department of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 17. File 1.
 47. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-551 (fond Soveta narodnykh komissarov Udmurtskoy ASSR) [(fund of the Council of People's Commissars of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 2. File 323.
 48. Sadvokasova, E.A. (1969) *Sotsial'no-gigienicheskie aspekty regulirovaniya razmerov sem'i* [Social and Hygienic Aspects of Regulating Family Size]. Moscow: Meditsina.
 49. Lekontsev, O.N. (2012) Golod 1936 g. v Kirovskoy oblasti i Udmurtskoy ASSR [Famine of 1936 in the Kirov region and the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 21–27.
 50. Shudegov, V.E. et al. (2001) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy* [Book of Memory of Victims of Political Repression]. Izhevsk: Udmurtiya.
 51. Khristolyubova, L.S. (2006) *Zhenshchina v udmurtskom obshchestve. XVIII – nachalo XXI veka* [Woman in Udmurt Society. 18th – early 21st Century]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS.
 52. Kornilov, G.E. (2016) [Demographic consequences of the famine of 1936–1937 in the Sverdlovsk region]. *Dinamika i inertsionnost' vosпроизводства населения i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG* [Dynamics and Inertia of Population Reproduction and Generation Replacement in Russia and the CIS]. Proceedings of the 7th Ural Demographic Forum with international participation. Vol. 1. Yekaterinburg. 02–03 June 2016. Yekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. pp. 78–84. (In Russian).
 53. Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic (TsDNI UR). Fund 16 (fond Udmurtskogo obkoma VKP(b)) [(fund of the Udmurt Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks)]. List 1. File 1403.
 54. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-35 (fond Upravleniya narodno-khozyaystvennogo ucheta pri Oblastnoy planovoy komissii Udmurtskoy avtonomnoy oblasti) [(Fund of the Department of National Economic Accounting under the Regional Planning Commission of the Udmurt Autonomous Region)]. List 1. File 1166.
 55. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-551 (fond Soveta narodnykh komissarov Udmurtskoy ASSR) [(Fund of the Council of People's Commissars of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. List 1. File 36.
 56. Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic (TsDNI UR). Fund 16 (fond Udmurtskogo obkoma VKP(b)) [(Fund of the Udmurt Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks)]. List 1. File 2757.

Информация об авторе:

Уваров С.Н. – канд. ист. наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета (Ижевск, Россия). E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.N. Uvarov, Cand. Sci. (History), head of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 25.03.2023;
approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 29.03.2024.

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81-114
doi: 10.17223/15617793/500/8

Особенности сочетаемости местоимения *что-то* с постпозитивными прилагательными в текстах разных стилей

Эдуард Евгеньевич Буров¹

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, zhenyabur@mail.ru

Аннотация. Выявляются некоторые сочетаемостные свойства местоимения «что-то». Выясняется, какова сила синтагматической связи местоимения «что-то» с постпозитивными прилагательными, и определяется, варьируется ли эта сила в зависимости от жанрово-стилевого регистра. Устанавливается, что местоимение «что-то» сочетается с постпозитивными прилагательными статистически устойчиво, причем степень устойчивости зависит от жанрово-стилевого регистра. Последний факт получает лингвистическую интерпретацию.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, коллокация, мера ассоциации, сочетаемость, местоимение «что-то», постпозитивные прилагательные

Для цитирования: Буров Э.Е. Особенности сочетаемости местоимения *что-то* с постпозитивными прилагательными в текстах разных стилей // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/500/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/8

The features of the co-occurrence of the Russian pronoun *что-то* and postpositive adjectives in texts of different styles

Eduard E. Burov¹

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, zhenyabur@mail.ru

Abstract. The article considers some syntagmatic properties of the Russian indefinite pronoun *что-то* [something]. The aim of the work is to identify the features of combining *что-то* with full postpositive adjectives in texts of different styles. The problem is solved on the basis of corpus data. These involve materials from various stylistically marked corpora (subcorpora of academic, official, fiction, theological texts in the main corpus of the Russian National Corpus; a subcorpus of the national media in the media corpus of the Russian National Corpus; poetry and spoken corpora of the Russian National Corpus; subcorpora of Internet news, LiveJournal, VKontakte and the Magazine Hall of the General Internet-Corpus of Russian). The methodology of the work includes the method of extracting collocations (statistically stable phrases) from the corpus and the method of the accuracy of the syntagmatic connection between the components of collocations. The study found that the combination “*что-то* + a full adjective” is statistically stable. The calculation of the strength of the syntagmatic connection between its components in different stylistically marked corpora shows that there is a significant variation between the corpora. The method of the automatic extraction of collocations reveals 19 adjectives that have the highest indexes of the strength of the syntagmatic connection with *что-то*. The strength of the syntagmatic connection with each of these adjectives is studied in different stylistically marked corpora. In each of the 19 cases, an intercorporate variation is detected. The obtained statistical data are interpreted linguistically. The fact that the strength of the connection between the components of the combination “*что-то* + a full adjective” varies depending on the genre-style register is explained by the varying degree of accuracy and objectivity of texts of different registers. Combinations like “*что-то* + a full adjective” mark inaccuracy and subjectivity, and therefore they are the least stable in texts of styles that are characterized by accuracy and objectivity (official-business, educational-scientific texts), and the most stable in texts of inaccurate and subjective styles (blog texts, colloquial speech, prose fiction texts). The variation in the strength of the syntagmatic connection of the pronoun *что-то* with a specific adjective in texts of different styles is often determined by the semantics of this adjective. The semantics of an adjective may prevent its connection with the pronoun *что-то* in texts of a certain style, and may contribute to such a connection: for example, the semantics of the adjective *новенький* [(diminutive) new] prevents its connection with the pronoun *что-то* in theological texts, but contributes to its connection with the pronoun *что-то* in newspaper texts.

Keywords: corpus linguistics, collocation, measure of association, co-occurrence, pronoun *что-то* [something], postpositive adjectives

For citation: Burov, E.E. (2024) The features of the co-occurrence of the Russian pronoun *что-то* and postpositive adjectives in texts of different styles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/8

Введение

При работе с современными корпусными менеджерами можно получить ответ на вопрос о силе синтагматической связи между компонентами некоторого словосочетания. Ответ дается в виде меры ассоциации – высчитываемого по особой формуле числового показателя. Если словосочетание имеет достаточно высокую меру ассоциации, оно признается коллокацией, или статистически устойчивым словосочетанием. Под коллокацией понимается сочетание слов, встречающееся чаще, чем оно встречалось бы при случайном соединении его компонентов (см. подробнее [1. С. 137]). Коллокация всегда состоит из основного (стержневого) слова, или ключа, и его коллоката – лексической единицы, которая употребляется совместно с ключом нетривиально часто.

Одной из наиболее популярных мер ассоциации является мера $\logDice$ [2]. Формула, по которой высчитывается эта метрика, представлена ниже:

$$\logDice = 14 + \log_2 \frac{2 \times f(n,c)}{f(n) + f(c)},$$

где $f(n,c)$ – частота сочетания лексической единицы n с лексической единицей c ; $f(n), f(c)$ – независимые (абсолютные) частоты лексических единиц n и c . Если некоторое словосочетание характеризуется показателем $\logDice$, превышающим 0, оно считается коллокацией.

Пользуясь метрикой $\logDice$, лингвист может получить объективную информацию о сочетаемостных свойствах слова, а именно о том, с какими из своих синтагматических партнеров оно формирует статистически устойчивые сочетания и какие из его коллокатов связаны с ним наиболее сильно. Кроме того, поскольку показатель $\logDice$ нечувствителен к размеру анализируемого корпуса (см. формулу выше), его применение позволяет сравнивать силу синтагматической связи между компонентами одного и того же словосочетания в корпусах, различных с точки зрения жанра, стиля, темы, времени создания текстов и т.д.

Настоящая статья посвящена корпусному исследованию межстилевого варьирования силы синтагматической связи между местоимением *что-то* и сочетающимися с этим местоимением постпозитивными прилагательными.

Выбор темы обусловлен ее актуальностью. Во-первых, в последние десятилетия в мировой лингвистике активно исследуются русские неопределенные местоимения. В работах М. Хаспельмата [3], Е.В. Падучевой [4. С. 209–220; 5], А.Д. Шмелёва [6. С. 108–111, 127–132], Анны А. Зализняк [5] и других исследователей рассматриваются референциальные, дискурсивные, стилистические свойства этих слов. Во-вторых, большую роль в развитии языкознания сегодня играют корпусные исследования: они «являются одним из важнейших направлений современной лингвистики, которое позволяет получать объективные данные о языке, не прибегая к интроспекции...» [7]. В частности, актуально корпусное изучение жанрово-стилевой специфики языковых единиц¹.

Несмотря на высокую степень разработанности темы русских неопределенных местоимений в научной литературе, эти слова, как представляется, до сих пор не получили исчерпывающего и непротиворечивого описания. Новизна статьи состоит в том, что в ней впервые предложен корпусный анализ сочетаний типа «*что-то* + полное прилагательное». Компьютерно-статистических исследований таких сочетаний до сих пор не проводилось, в то время как местоимение *что-то* часто употребляется совместно с постпозитивными прилагательными [9] (*что-то большое, что-то странное, что-то белое*)².

Цель работы – выяснить, какова сила синтагматической связи местоимения *что-то* с постпозитивными прилагательными, и определить, варьируется ли эта сила в зависимости от жанрово-стилевого регистра.

Исследование обладает несомненной теоретической и практической значимостью. Теоретическая значимость состоит в корпусной проверке известного тезиса о том, что для каждого функционального стиля характерен свой набор языковых средств, ср.: «Они [стили] обладают спецификой на всех языковых уровнях, в области комбинирования отобранных языковых средств (речевой), а также в области композиционно-речевой (текстовой)» [11. С. 11]. Кроме того, ценным с теоретической точки зрения оказывается выявление формально-содержательной специфики текстов разных жанров и стилей.

Что касается практической значимости исследования, то необходимо отметить, что его результаты могут быть использованы в педагогической деятельности, в частности при преподавании русского языка как иностранного, а также при разработке спецкурсов по функциональной стилистике и корпусной лингвистике. Возможно создание рекомендаций по употреблению/неупотреблению тех или иных сочетаний типа «*что-то* + полное прилагательное» в текстах разных жанров и стилей.

Материал и методы

При исследовании сочетаний «*что-то* + полное прилагательное» используется метрика $\logDice$. Значения высчитываются с помощью указанной выше формулы или заимствуются в готовом виде из таблиц, автоматически составляемых корпусными менеджерами. В качестве материала для анализа привлекаются тексты основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru/search>), веб-корпусов «I-RU» и «Taiga», а также следующих стилистически маркированных корпусов:

- 1) подкорпуса учебно-научных текстов основного корпуса НКРЯ;
- 2) подкорпуса официально-деловых текстов основного корпуса НКРЯ;
- 3) подкорпуса центральных СМИ газетного корпуса НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html>);
- 4) подкорпуса интернет-новостей Генерального интернет-корпуса русского языка версии 1.0 (<https://int.webcorpora.ru/drake/>) (далее – ГИКРЯ);

- 5) подкорпуса «Живого журнала» ГИКРЯ;
 6) подкорпуса материалов соцсети «ВКонтакте» ГИКРЯ;
 7) подкорпуса художественных текстов основного корпуса НКРЯ;
 8) поэтического корпуса НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>);
 9) подкорпуса «Журнального зала» ГИКРЯ;
 10) подкорпуса церковно-богословских текстов основного корпуса НКРЯ;
 11) устного корпуса НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html>).

Ход исследования и результаты

Согласно данным основного корпуса НКРЯ, компоненты сочетания «*что-то* + полное прилагательное» связаны друг с другом с силой 5,31. Сочетание «*что-*

то + полное прилагательное», таким образом, следует признать коллокацией³.

Дальнейший анализ показывает, что сила связи между компонентами сочетания «*что-то* + полное прилагательное» зависит от стилистического регистра (табл. 1). Так, в официально-деловых текстах это сочетание вообще не является статистически устойчивым (показатель logDice составляет -0,66, т.е. *что-то* встречается совместно с полным прилагательным реже, чем они встречались бы при случайном соединении).

В других стилях коллокация между *что-то* и постпозитивным прилагательным образуется, но варьирование фиксируемых значений крайне велико: в текстах средств массовой информации (особенно новостях) и учебно-научных текстах коллокация оказывается очень слабой, зато в блогах, прозаических художественных текстах и разговорной речи она в высшей степени устойчива.

Таблица 1

Сила синтагматической связи между компонентами сочетания «*что-то* + полное прилагательное» в разных с жанрово-стилистической точки зрения корпусах

Корпус	Сила связи между <i>что-то</i> и постпозитивным прилагательным
Подкорпус учебно-научных текстов основного корпуса НКРЯ	3,56
Подкорпус официально-деловых текстов основного корпуса НКРЯ	-0,66
Подкорпус центральных СМИ газетного корпуса НКРЯ	3,55
Интернет-новости (ГИКРЯ)	2,06
Живой журнал (ГИКРЯ)	5,85
Записи «ВКонтакте» (ГИКРЯ)	5,44
Подкорпус художественных текстов основного корпуса НКРЯ	6,18
Поэтический корпус НКРЯ	4,08
Журнальный зал (ГИКРЯ)	5,41
Подкорпус церковно-богословских текстов основного корпуса НКРЯ	4,63
Устный корпус НКРЯ	5,55

Объяснить наблюдаемое варьирование можно так. Сочетание «*что-то* + полное прилагательное» обычно выступает в качестве неточного и эгоцентрического (в смысле [13]) обозначения некоторого объекта. Оно употребляется тогда, когда говорящий испытывает трудности с идентификацией денотата из-за недостаточности признаков, по которым его можно было бы опознать. Ср.: «Местоимения *кто-то*, *что-то* <...> соотносятся с фиксированным объектом, но с таким, который говорящий не в состоянии идентифицировать» [9]. Например, номинация *что-то красное* несет информацию о том, что единственный воспринимаемый говорящим признак обозначаемого предмета – «красный», причем говорящему недостаточно этого признака для того, чтобы точно определить предмет. Таким образом, номинация носит эгоцентрический характер: в ее семантике существенную роль играет фигура говорящего. Кроме того, ее нельзя назвать точной, поскольку ее потенциальным денотатом являются все предметы красного цвета.

Соответственно, чем меньше для текстов того или иного стилистического регистра характерны точность, не допускающая иного толкования, и безлично-объективная тональность, тем более устойчивым в этом регистре должно оказываться сочетание «*что-то* + полное прилагательное» (и наоборот). Как известно, точность, не допускающая иного толкования, и безлично-объективная тональность – черты официально-делового и научного стилей, ср.: «Весьма типичными для научной речи являются

смысловая точность (и ясность), объективность изложения» [14. С. 291], «Речевому воплощению основных функций права способствует такая стилистическая черта, как точность, не допускающая интолкувания. <...> Выделяется еще одна специфическая для деловой речи стилистическая черта – ее неличный характер» [14. С. 320].

Следовательно, тот факт, что в официально-деловых текстах сочетание «*что-то* + полное прилагательное» встречается реже, чем оно встречалось бы в них при случайном соединении его компонентов, объясняется высокой точностью и безличностью официально-деловых текстов. В блогах, прозаических художественных текстах и разговорной речи рассматриваемое сочетание нетривиально частотно потому, что тексты указанной жанрово-стилевой принадлежности характеризуются «нестрогой» речевой организацией, т.е. к ним не предъявляются требования точности и безлично-объективной тональности.

Интересно рассмотреть те немногочисленные случаи употребления сочетания «*что-то* + полное прилагательное», которые всё же обнаруживаются в подкорпусе официально-деловых текстов основного корпуса НКРЯ. Их можно разделить на три группы:

1. Контексты, принадлежность которых к официально-деловому регистру спорна. Ср. следующий пример: (1) Вся жизнь Епархиального Училища имела небольшой отпечаток *чего-то церковного*, много понятий, господствовавших среди учащихся, навязаны были

средой, из которой они вышли, т.е. средой духовенства, много понятий отзывались *чем-то семинарским, бур-сацким* (Н.А. Губенская. Мое жизнеописание).

По-видимому, мы имеем здесь дело с публицистикой.

2. Контекст, в котором в рамках официально-деловой речи представлен свидетельский дискурс, носящий выраженный эгоцентрический характер.

(2) По словам Голоушева, ему набросили на голову какой-то мешок, чтобы не было слышно его крика, и затем *чем-то мягким* били по голове и по спине до того, что он потерял сознание (Э.Я. Фукс. Его сиятельству, господину министру юстиции прокурора С.-Петербургской судебной палаты представление).

3. Контекст, в котором местоимение *что-то* не обладает типичной для него семантикой незнания, неизвестности.

(3) Ответ: Во-первых, участие в подобном международном договоре не является *чем-то новым* для России (Ответы официального представителя МИД России на вопросы РИА «Новости» в связи с ратификацией Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Факультативного протокола к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (2004) // Дипломатический вестник. 27.07.2004).

Местоимение *что-то* здесь семантически опустошено, ср. возможность его элиминации: ...участие в подобном международном договоре не является новым для России.

Целью дальнейшего анализа является ответ на вопрос о тех постпозитивных адъективных коллокатах местоимения *что-то*, которые образуют с ним наиболее устойчивые сочетания, и о варьировании силы связи местоимения *что-то* с каждым из этих коллокатов в разных с жанрово-стилистической точки зрения текстах.

Обработка с помощью корпусного менеджера «CoCoCo» (<https://cococo.cosyco.ru/>) материалов веб-корпусов «I-RU» (объем 140 млн слов) и «Taiga» (объем около 6 млрд слов) позволяет получить список 19 наиболее сильных постпозитивных адъективных коллокатов местоимения *что-то*: *похожий, подобный, новый, особенный, важный, странный, непонятный, больший, новенький, необычный, неладный, ужасный, полезный, интересный, плохой, хороший, страшный, невнятный, средний*. Силу синтагматической связи каждого из этих прилагательных с местоимением *что-то* см. в табл. 2 (дополнительно высчитан показатель logDice для текстов основного корпуса НКРЯ).

Таблица 2

Сила связи местоимения *что-то* с постпозитивными полными прилагательными, которые образуют с ним наиболее устойчивые со статистической точки зрения сочетания (по данным веб-корпусов «I-RU» и «Taiga» и основного корпуса НКРЯ)

Прилагательное	Корпус «I-RU» (менеджер «CoCoCo»)	Корпус «Taiga» (менеджер «CoCoCo»)	Основной корпус НКРЯ
Похожий	6,75	6,52	7,45
Подобный	5,55	7,36	5,98
Новый	6,21	6,83	6,53
Особенный	5,73	5,94	6,56
Важный	5,71	6,73	6,67
Странный	5,85	6,08	6,36
Непонятный	5,54	4,68	6,25
Больший	5,28	6,85	4,94
Новенький	5,37	5,68	4,52
Необычный	5,69	4,86	5,20
Неладный	5,93	4,27	6,41
Ужасный	5,18	5,49	5,90
Полезный	5,27	5,49	4,13
Интересный	5,39	5,38	4,89
Плохой	5,18	5,60	4,38
Хороший	5,06	5,73	5,49
Страшный	2,98	4,84	6,04
Невнятный	5,02	4,22	5,21
Средний	4,79	4,60	4,95

Нельзя не заметить, что показатели для каждого сочетания варьируются в зависимости от того, какой корпус анализируется. Это неудивительно: в разных корпусах представлены разные тексты. Характерно, однако, что варьирование невелико. Гораздо более существенное расхождение между показателями logDice наблюдается, если рассматривать различающиеся по жанрово-стилистической принадлежности корпуса (см. табл. 3).

Многие из 19 анализируемых постпозитивных адъективных коллокатов демонстрируют поведение, идентичное поведению среднестатистического постпозитивного полного прилагательного: в стиливых регистрах, предъявляющих к речи требования точности

формулировок и безлично-объективной тональности, они менее охотно присоединяются к местоимению *что-то*, чем в регистрах «нестрогих».

Ср., например, прилагательное *новый*. Как видно из табл. 2, в немаркированных с жанрово-стилевой точки зрения корпусах оно связано с местоимением *что-то* в среднем с силой 6,52. При этом в подкорпусе официально-деловых текстов основного корпуса НКРЯ сочетание *что-то новое* характеризуется относительно низкой мерой ассоциации (3,02), в то время как в текстах блогов оно демонстрирует крайне высокую степень устойчивости (7,79 в материалах соцсети «ВКонтакте», ГИКРЯ; 7,92 в материалах «Живого журнала», ГИКРЯ).

Впрочем, иногда постпозитивное полное прилагательное ведет себя вопреки общей закономерности.

Среди таких прилагательных слово *новенький*. Согласно табл. 2, среднее значение показателя logDice для сочетания *что-то новенькое* составляет 5,19. Поведение прилагательного *новенький* в стилистически маркированных корпусах неоднозначно. С одной стороны, это прилагательное подчиняется правилам, действующим для среднестатистического постпозитивного адъективного коллоката: в официально-деловых текстах не встречается ни одного сочетания *что-то новенькое*, в учебной и научной литературе его компоненты связаны друг с другом относительно слабо (2,39), зато в материалах «Живого журнала» рассматриваемое сочетание демонстрирует высокую степень устойчивости – 6,13. С другой стороны, наблюдаются показатели, явно не вписывающиеся в общую закономерность. Так, коллокация *что-то новенькое* оказывается крайне сильной в газетных текстах (показатель logDice для подкорпуса центральных СМИ газетного корпуса НКРЯ – 6,26), в то время как в поэтических и церковно-богословских текстах она не встречается вообще. Вероятно, это связано с наличием суффикса субъективной оценки *-еньк-*, придающего всему сочетанию разговорную окраску: поэтические и церковно-богословские тексты элементам разговорности сопротивляются, а журналистские охотно вбирают в себя такие элементы.

В ряду коллокатов, нарушающих общую закономерность, присутствует также прилагательное *большой* (средняя сила связи с местоимением *что-то* в стилистически немаркированных корпусах – 5,69). Это прилагательное (точнее, особая форма сравнительной степени) демонстрирует нетривиально высокий показатель связи с местоимением *что-то* в церковно-богословских текстах (7,60). При внимательном рассмотрении тех примеров из церковно-богословского подкорпуса основного корпуса НКРЯ, в которых встречается сочетание *что-то большее*, оказывается, что примерно 2/3 из них принадлежат одному автору – митрополиту Антонию (Блуму). Таким образом, нетривиально устойчивая связь между местоимением *что-то* и прилагательным *большой* – это особенность не церковно-религиозного регистра в целом, а лишь речи одного митрополита.

Не вписывающиеся в общую закономерность показатели обнаруживаются и у прилагательного *похожий*. Это наиболее сильный постпозитивный адъективный коллокат местоимения *что-то* (среднее значение метрики logDice по трем стилистически немаркированным корпусам – 6,91): сталкиваясь с неизвестным, неопределенным объектом и обозначая его как *что-то*, говорящий, чтобы его познать, как правило, стремится сравнить его с уже известным объектом⁴, и использует при этом прилагательное *похожий*.

Согласно полученным данным, единица *похожий* относительно неохотно присоединяется к местоимению *что-то* в поэтических (5,9) и церковно-богословских текстах (5,32), зато очень охотно – в учебно-научных (7,25). Согласно же общему правилу, сила связи между *что-то* и постпозитивным прилагательным в учебно-научных текстах должна быть меньше, чем в поэтических

и церковно-богословских. Объяснить обнаруженное противоречие можно следующим образом.

Поэтический корпус НКРЯ и подкорпус церковно-богословских текстов основного корпуса НКРЯ охватывают большой временной диапазон – от XVIII в. до современности. Однако если посмотреть на график распределения употреблений сочетания *что-то похожее* по годам, можно заметить, что в поэтическом корпусе 89% всех употреблений, а в подкорпусе церковно-богословских текстов основного корпуса НКРЯ 100% всех употреблений относятся к XX в. Такая неравномерность в распределении связана, вероятно, с тем, что второй компонент анализируемого сочетания – прилагательное *похожий* – почти не употреблялся в XVIII и XIX вв. в текстах указанных стилей. Действительно, как показывают графики распределения употреблений прилагательного *похожий* по годам, в поэтических и церковно-богословских текстах это прилагательное стало относительно активно использоваться только в XX в. По-видимому, до XX в. оно, в отличие от прилагательного *подобный*, плохо вписывалось в «высокие» контексты (ср. глагол *походить*, который и сегодня неупотребителен в таких контекстах).

Итак, возможность широкого употребления сочетания *что-то похожее* в поэтических и церковно-богословских текстах появилась лишь в XX в. А поскольку соответствующие этим текстам корпуса охватывают не только XX в., но и XVIII–XIX вв., показатель силы синтагматической связи между *что-то* и *похожий* оказывается в них относительно низким.

Что касается нетривиально высокой степени устойчивости рассматриваемого сочетания в учебно-научных текстах, то она, как представляется, обусловливается содержательной спецификой этих текстов: в учебной и научной литературе обычно что-то объясняется, а объяснение – это путь от известного к неизвестному, т.е. как раз тот путь, который позволяет пройти сочетание *что-то похожее*. Ср. конкретные примеры:

(4) Смысл эстафеты – быстро выполнить какое-нибудь задание (например, пробежать 100 метров) и передать палочку (или что-то еще) партнеру по команде. Таким образом, вы передали эстафету и можете отдыхать. **Что-то похожее** есть и у побегов растения (Владимир Чуб. Что изучает наука ботаника?).

(5) В Бирме листья чая используют как салат, а тибетцы пьют зеленый чай (кокчай), добавляя в него соль, молоко яков, сливочное масло и даже поджаренную овсяную муку – дзамбу. Получается уже не напиток, а **что-то похожее** на суп, который варят в котлах (Г.П. Скарлато. Удивительная планета Земля. География: тайны и открытия).

(6) В языке есть нечто, подобное определенным цифрам, определенным величинам. Например, наши слова. Но в языке есть и **что-то похожее** на алгебраические или геометрические законы (Л.В. Успенский. Слово о словах).

Кстати сказать, сочетание *что-то подобное*, также позволяющее пройти путь от известного к неизвестному, тоже довольно устойчиво в учебно-научных текстах: при среднем по трем стилистически немаркированным корпусам показателе 6,30 оно демонстрирует в учебно-научных текстах показатель 4,95, что выше показателя для поэтических (4,06), официально-

деловых текстов (4,11) и почти равняется показателю для церковно-богословских текстов (5,04). Если же говорить только о сочетании *что-то* с прилагательным *подобный*, имеющим при себе дополнение в дательном падеже, то для такого сочетания показатель logDice в

учебно-научных текстах выше, чем даже в разговорной речи, прозаических художественных текстах и газетах, при том что в поэтических и церковно-богословских текстах сочетание *что-то подобное* + *дат. п.* не встречается вовсе.

Таблица 3

Варьирование показателей logDice в разных по жанрово-стилистической принадлежности корпусах для каждого из 19 наиболее устойчивых сочетаний типа «*что-то* + полное прилагательное» (пропуск в ячейке означает, что соответствующих сочетаний в указанном корпусе нет)

Сочетание типа « <i>что-то</i> + полное прилагательное»	Учебно-научные тексты (НКРЯ)	Официально-деловые тексты (НКРЯ)	Газетные тексты (НКРЯ)	Интернет-новости (ГИКРЯ)	«Живой журнал» (ГИКРЯ)	«ВКонтакте» (ГИКРЯ)	Художественные тексты (НКРЯ)	Поэтические тексты (НКРЯ)	Журнальный зал (ГИКРЯ)	Церковно-богословские тексты (НКРЯ)	Устная речь (НКРЯ)
<i>Что-то похожее</i>	7,25		7,11	7,1	7,38	6,17	7,51	5,9	7,58	5,32	6,51
<i>Что-то подобное</i>	4,95	4,11	7,17	6,82	7,86	6,36	6,03	4,06	7,1	5,04	6,16
<i>Что-то новое</i>	5,66	3,02	6,18	5,42	7,92	7,79	6,72	5,7	6,52	6,24	7,32
<i>Что-то особенное</i>	6,47		6,9	6,97	6,48	7,03	6,69		5,86	7,4	5,47
<i>Что-то важное</i>	5,41		5,86	4,87	6,89	8,1	7,01	6,62	7,19	4,84	4,09
<i>Что-то странное</i>	6,1		5,55	5,05	6	5,4	6,63	6,26	6,02	5,07	4,49
<i>Что-то непонятное</i>	4,5		5,27	5,09	5,63	4,43	6,45	5,37	5,53	5,25	4,69
<i>Что-то большее</i>	4,96		5,69	5,7	5,73	8	4,58	4,21	6,21	7,6	4,88
<i>Что-то новенькое</i>	2,39		6,26	5,11	6,13	5,72	4,41		4,65		4,69
<i>Что-то необычное</i>	5,7		6,6	6,33	5,72	5,92	4,87		5,26	5,32	3,43
<i>Что-то неладное</i>	6,71		6,07	5,13	4,43	4,08	6,46	4,96	5,63	5,38	3,94
<i>Что-то ужасное</i>	5,79	7,86	5,24	4,82	4,74	4,89	5,96	4,13	5,57	5,19	4,98
<i>Что-то полезное</i>	4,07		5,93	5,89	6,25	6,09	3,31	2,87	4,31	5,16	3,41
<i>Что-то интересное</i>	4,86		6,23	6,1	6,82	5,76	4,72		5,07		4,92
<i>Что-то плохое</i>	5,63		5,95	5,5	6,04	6,61	4,21		4,87	5,25	5,03
<i>Что-то хорошее</i>	3,62		5,97	5,47	6,82	7,59	5,41	3,64	5,85	5,9	5,91
<i>Что-то страшное</i>	5,93		5,34	4,96	5,14	4,12	6,27	6,66	5,6	5,73	5,3
<i>Что-то невнятное</i>			4,4	3,77	4,3	2,88	5,49	2,89	5,39		
<i>Что-то среднее</i>	5,09		4,64	4,06	5,73	5,44	4,6	2,87	5,3		2,93

В некоторых случаях объяснить, почему прилагательное демонстрирует поведение, противоречащее общей закономерности, не удастся. Так, неясно, с чем связана высокая степень устойчивости сочетания *что-то неладное* в учебно-научных текстах (6,71) и низкая степень устойчивости этого сочетания в устной речи (3,94). Любопытно, что прилагательное *неладный* характеризуется в толковых словарях русского языка, например в [16, 17], пометой «разговорное». Корпусные данные ставят эту помету под сомнение.

Заключение

Сочетание «*что-то* + полное прилагательное» в стилистически немаркированных корпусах ведет себя как статистически устойчивое сочетание (коллокация). В стилистически маркированных корпусах оно, как правило, тоже является коллокацией, но сила связи между его компонентами варьируется в зависимости от выбранного жанрово-стилевого регистра. Наименьшие возможности использования наблюдаются у этого сочетания в официально-деловых, учебно-научных текстах и текстах средств массовой информации (особенно новостях), наибольшие – в текстах блогов, художественной прозы и в разговорной речи.

С одними прилагательными местоимение *что-то* образует более сильные коллокации, с другими – более слабые. Сила синтагматической связи с конкретным прилагательным зависит от жанрово-стилевого регистра, в пределах которого эта связь устанавливается. Например, сочетание *что-то новенькое* обладает особо широкими возможностями использования в журналистских текстах.

Исследование показывает большой эвристический потенциал корпусных методов в современной лингвистике.

Компьютерные технологии позволяют эффективно осуществлять количественно-статистический анализ языкового материала, в том числе разностилевого. Автоматическая обработка огромных массивов текстовых данных дает возможность фиксировать закономерности, скрытые в этих данных, а выявленные закономерности, в свою очередь, могут быть подвергнуты лингвистической интерпретации.

Так, сделанные нами наблюдения можно интерпретировать, во-первых, как подтверждение хорошо известного в лингвистике тезиса о том, что для каждого стиля характерен свой набор языковых средств; а во-вторых, как свидетельство в пользу наличия у разных стилей той или иной формально-содержательной спе-

цифики. Конкретные формально-содержательные особенности стилей выводятся из данных, полученных в результате корпусно-статистического анализа:

1) низкие показатели силы синтагматической связи между *что-то* и постпозитивным прилагательным в официально-деловых, учебно-научных текстах, а также в текстах средств массовой информации (особенно новостях) говорят о безлично-объективной тональности этих текстов и точности формулировок в них;

2) высокие показатели силы синтагматической связи между *что-то* и постпозитивным прилагательным в текстах блогов, художественной прозы и в разговорной речи свидетельствуют о том, что для этих текстов нехарактерны точность и безлично-объективная тональность;

3) нетривиально высокая устойчивость сочетания *что-то новенькое* в журналистских текстах говорит об их близости к разговорным; отсутствие сочетания *что-*

то новенькое в поэтических и церковно-богословских текстах указывает на то, что им элементы разговорности несвойственны;

4) в нетривиально высокой устойчивости сочетаний *что-то похожее* и *что-то подобное* + *дат. п.* в учебно-научных текстах проявляется «объяснительность» этих текстов, их направленность на раскрытие неизвестного через известное.

Исследование, таким образом, показывает, как в функциональной стилистике могут успешно применяться различные корпусные подходы: с одной стороны, связанные с проверкой имеющихся лингвистических предположений с помощью корпусного материала, а с другой – нацеленные на получение новых сведений о языке на основе анализа корпусных данных (см. подробнее о противопоставлении этих двух типов подходов, так называемых *corpus-based approaches* и *corpus-driven approaches*, в [18]).

Примечания

¹ Ср. [8. С. 106], где функциональные стили названы областью, «предрасположенной к корпусным исследованиям».

² Можно указать лишь на экспериментальное психолингвистическое исследование [10].

³ Следует отметить, что некоторые исследователи вместо термина «коллокация» используют для обозначения статистически устойчивых сочетаний типа «*что-то* + полное прилагательное», где второй компонент не представлен конкретным словом, термин «коллигация», см. [12. С. 302].

⁴ Человеческое мышление работает по принципу «неизвестное через известное», ср.: «Человек понимает новое, неосвоенное через данное, освоенное и известное, моделирует новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, “подводя” под освоенные модели новые элементы опыта» [15. С. 23].

Список источников

- Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). М., 2010. С. 137–143.
- Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // Proceedings of the Second Workshop on Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing RASLAN 2008. Brno : Masaryk University, 2008. P. 6–9.
- Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford, 1997. 306 p.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985. 272 с.
- Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Русское «что-то» как дискурсивное слово. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/4639/zaliziakannaapluspaduchevaev-038.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).
- Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Пиперски А.Ч. Генеральный интернет-корпус русского языка и понятие репрезентативности в корпусной лингвистике // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/111-9895> (дата обращения: 09.01.2023).
- Ольховская А.И., Парамонова М.К. Корпус в преподавании русского языка и литературы // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 93–123.
- Падучева Е.В. Местоимения неизвестности. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
- Кужарова И.В. Доминирующие прилагательные, частично снимающие неопределенность «что-то» (к проблеме русской языковой картины мира) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-1 (40). С. 124–128.
- Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка : учеб. для бакалавров. М. : Юрайт, 2013. 415 с.
- Кочеткова Н.А. Статистические языковые методы. Коллокации и коллигации // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2013. № 16. С. 301–305.
- Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М. : Издательский Дом ЯСК, 2019. 440 с.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
- Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «А ТЕМП», 2013. 874 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русс. яз., 1981–1984. 2966 с.
- Tognini-Bonelli E. Corpus Linguistics at Work. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2001. 224 p.

References

- Zakharov, V.P. & Khokhlova, M.V. (2010) Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsiy v tekstakh na russkom yazyke [Analysis of the effectiveness of statistical methods for identifying collocations in texts in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 9 (16). pp. 137–143.
- Rychlý, P. (2008) [A lexicographer-friendly association score]. *Proceedings of the Second Workshop on Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing RASLAN 2008*. Karlova Studánka. 5–7 December 2008. Brno: Masaryk University. pp. 6–9.
- Haspelmath, M. (1997) *Indefinite Pronouns*. New York: Oxford University Press.
- Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [The statement and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka.
- Zaliziak, A.A. & Paducheva, E.V. (2019) [Russian *что-то* as a discourse marker]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference Dialog 2019. Moscow. 29 May – 1 June 2019. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/media/4639/zaliziakannaapluspaduchevaev-038.pdf> (Accessed: 09.01.2023). (In Russian).

6. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian Language and Extra-Linguistic Reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Piperski, A.Ch. (2013) General'nyy internet-korpus russkogo yazyka i ponyatie reprezentativnosti v korpusnoy lingvistike [General Internet corpus of the Russian language and the concept of representativeness in corpus linguistics]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. [Online] Available from: <https://www.science-education.ru/111-9895> (Accessed: 09.01.2023).
8. Ol'khovskaya, A.I. & Paramonova, M.K. (2019) Korpus v prepodavanii russkogo yazyka i literatury [Corpus in teaching Russian language and literature]. *Rhema – Rema*. 1. pp. 93–123.
9. Paducheva, E.V. (2016) *Mestoimeniya neizvestnosti. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Pronouns of the Unknown. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Moscow: [s.n.]. Manuscript.
10. Kuzharova, I.V. (2014) Dominiruyushchie prilagatel'nye, chastichno snimayushchie neopredelennost' "chto-to" (k probleme russkoy yazykovoy kartiny mira) [Dominant adjectives, partially removing the uncertainty of "something" (to the problem of the Russian language picture of the world)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10–1 (40). pp. 124–128.
11. Kupina, N.A. & Matveeva, T.V. (2013) *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of the Modern Russian Language]. Moscow: Yurayt.
12. Kochetkova, N.A. (2013) Statisticheskie yazykovye metody. Kollokatsii i kolligatsii [Statistical language methods. Collocations and colligations]. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*. 16. pp. 301–305.
13. Paducheva, E.V. (2019) *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Units of Language]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
14. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2008) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
15. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derived Meanings and Language Extension Mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
16. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2013) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: A TEMP.
17. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at Work*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Информация об авторе:

Буров Э.Е. – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: zhenyabur@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Burov, postgraduate student, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: zhenyabur@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 02.01.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 12.01.2023;
approved after reviewing 02.01.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 81'373.43
doi: 10.17223/15617793/500/9

Концептуальные доминанты спортивных неологизмов английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе

Марина Витальевна Влавацкая¹, Дарья Геннадьевна Родина²

^{1, 2} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

¹ vlavatskaya@list.ru, ORCID: 0000-0001-5619-9416

² daryyarodina@gmail.com, ORCID: 0009-0006-3731-4830

Аннотация. Исследуются неологизмы английского, немецкого и русского языков, функционирующих в спортивном медиадискурсе. Проводится их концептуализация и категоризация: определяются концепты в концептосфере «Спорт». По принципу частотности лексических инноваций выявляются концептуальные доминанты и выделяются когнитивные признаки, далее вычисляются индексы яркости когнитивных признаков, на основе которых строится поле каждого выделенного концепта – ядро и периферийные зоны отдельно для всех языков. Завершает исследование контрастивный анализ.

Ключевые слова: СМИ, лексические инновации, когнитивная неология, концептуализация; категоризация, контрастивный анализ

Для цитирования: Влавацкая М.В., Родина Д.Г. Концептуальные доминанты спортивных неологизмов английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 76–87. doi: 10.17223/15617793/500/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/9

Conceptual dominants of English, German and Russian sports neologisms in media discourse

Marina V. Vlavatskaya¹, Darya G. Rodina²

^{1, 2} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ vlavatskaya@list.ru, ORCID: 0000-0001-5619-9416

² daryyarodina@gmail.com, ORCID: 0009-0006-3731-4830

Abstract. The study presents a complex analysis of neologisms in English, German, and Russian that represent sports activities and are reflected in media discourse. It is conducted at the intersection of the linguistics areas of neology, cognitive and contrastive linguistics. The research is due to the emergence of new sports lexical units in different languages as a result of a complex interaction of mechanisms of categorization and conceptualization of events reflected in the sports media discourse. The aim of the study is to identify and compare the conceptual dominants of English, German, and Russian sports neologisms functioning in media discourse. The scientific novelty of the research lies in the identification of the conceptual dominants of sports neologisms of the media discourse and the identification of universal and nationally specific features of these units through the method of complex conceptual and contrastive analysis. At the first stage of the study, we describe neologisms as new lexical units that have emerged in the field of sports activities, which are divided into customary, i.e. showing a tendency to reproducibility and reflection in lexicographic reference books, and occasional, i.e. individual authorial neologisms created intentionally and used only once in a given context as a lexical means of expressiveness. Further, we define the sports media discourse. At the second stage, we consider the theoretical foundations of the study of the concept as a unique mental unit, introduce the concept of the conceptual domain “Sport”, and conceptualize and categorize sports neologisms. According to the principle of frequency of neologisms, we identify conceptual dominants and their constituent cognitive features, then calculate the brightness indices of the latter and adjust the semantic field of the manifested conceptual dominants “Athletes”, “Actions”, and “Events”, and their constituent features. The obtained results allowed us to draw conclusions about the structure and content of the conceptual dominants of sports neologisms. Finally, we conduct a contrastive analysis of the conceptual dominants and their cognitive characteristics in order to establish similarities and differences between them. The conducted study has shown that the conceptual dominants of the neologisms of the sports media discourse constitute a semantic field in each language in accordance with the current changes taking place in the world of sports. The most pronounced similarity is characteristic of the concept “Events”, since changes occur at the international level. The differences are characteristic of the concepts “Athletes” and “Actions”, since the perception and associations of each ethnic group are of a national-specific nature.

Keywords: media, lexical innovations, cognitive neology, conceptualization, categorization, contrastive analysis

For citation: Vlavatskaya, M.V. & Rodina, D.G. (2024) Conceptual dominants of English, German and Russian sports neologisms in media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 76–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/9

Введение

Данное исследование посвящено комплексному анализу неологизмов английского, немецкого и русского языков, репрезентирующих спортивную деятельность в современном медиадискурсе, и проводится на пересечении неологии, а также когнитивной и контрастивной лингвистики.

Актуальность проведенного исследования обусловлена появлением новых спортивных лексических единиц в разных языках, процесс возникновения которых является результатом сложного взаимодействия механизмов категоризации и концептуализации событий, отраженных в спортивном медиадискурсе, а также языковых и экстралингвистических знаний. Выявленные в разных языках неологизмы также требуют проведения контрастивного анализа и выделения универсальных и специфических признаков.

Цель исследования – выделить и сопоставить концептуальные доминанты спортивных неологизмов английского, немецкого и русского языков, функционирующих в медийном дискурсе.

Для достижения поставленной цели были решены такие исследовательские задачи, как выделение и описание неологизмов; определение спортивного медиадискурса; рассмотрение теоретических основ изучения концепта; построение концептосферы «Спорт» и концептуализация спортивных неологизмов; выявление когнитивных признаков и расчет индексов яркости концептуальных доминант; построение семантического поля концептуальных доминант «Спортсмены», «Действия» и «События» и проведение контрастивного – анализа.

Научная новизна исследования заключается в выделении концептуальных доминант спортивных неологизмов медиадискурса и выявлении универсальных и национально-специфических признаков данных единиц посредством метода комплексного – концептуального и контрастивного анализа.

Методами исследования послужили дефиниционный, контрастивный и дискурс-анализ, концептуализация и категоризация, построение семантического поля, а также прием сплошной выборки.

Теоретическую базу исследования составили труды:

1) по неологии и неологизмам – И.В. Арнольд, Е.А. Земской, Н.А. Каменевой, О.В. Косович, Е.А. Кольцовой, D. Herberg, J. Peprník; по когнитивной неологии – В.И. Заботкиной и Э.И. Бархатовой; по психолингвистической неологии – С.И. Тогоевой и Е.Н. Гришкиной; по аксиологии неологизмов – В.В. Катерминой и Н.С. Соловьевой;

2) по когнитивной лингвистике – Н.Н. Болдырева, Е.Г. Малышевой, В.В. Левицкого, З.Д. Поповой и И.А. Стернина;

3) по спортивному медиадискурсу – К.В. Сняtkова, D. Caldwell, J. Walsh, J. Jureidini и др.;

4) по контрастивной лингвистике – И.А. Стернина и А.В. Рудаковой.

Практическая значимость заключается в использовании материалов и результатов исследования при проведении лекционных курсов и практических занятий по когнитивной и контрастивной лингвистике, дискурс-анализу, а также при составлении двуязычных словарей и при написании курсовых и выпускных квалификационных работ студентов-лингвистов.

Материалом исследования стали:

– российские СМИ за 2021–2022 гг.: «СПОРТ-ЭКСПРЕСС», «Советский спорт», «Газета.ru», «Российская газета»;

– зарубежные СМИ за 2021–2022 гг.: «BBC Sport», «The New York Times», «The Guardian», «Sunday Sport», «The Independent», «Kicker», «Die Welt», «Die Zeit», «SportEcho»;

– телевизионные спортивные программы: «EUROSPORT», «Sky Sports», «ESPN», «Euronews», «Sport TV», «Матч ТВ».

Методология исследования

На рубеже XX и XXI вв. в рамках антропоцентрической парадигмы стала стремительно развиваться когнитивная теория о языке как системе оперирования знанием о мире, в которой язык рассматривается в аспектах концептуализации, категоризации и репрезентации знаний в языке [1]. Когнитивный подход к изучению новой лексики в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы впервые был заявлен Е.С. Кубряковой [2] и разрабатывался далее как новая область *когнитивной неологии* [3], в рамках которой проводится анализ динамики концептуальной картины мира и выводятся когнитивные основания появления новых слов [4. С. 20]. В процессе возникновения новой лексической единицы на передний план выходят именно когнитивные факторы: перед тем как назвать что-либо, нужно произвести ряд когнитивных операций, связанных с концептуализацией и категоризацией [5].

Психолингвистический подход к изучению неологизмов разрабатывается в работах С.И. Тогоевой [6], Е.Н. Гришкиной [7] и других исследователей, в которых описываются проблемы неологии с позиций теории речевой деятельности. Исследования в рамках *психолингвистической неологии* выявляют конкретные механизмы речемыслительной деятельности человека, которые способствуют созданию новых слов и смыслов.

В последнее время наблюдается интерес к аксиологическому аспекту изучения неологизмов, который способствует развитию *аксиологической неологии*, вызванной активным использованием новых единиц в современных отечественных и зарубежных СМИ. В лексических инновациях медийного дискурса заложен аксиологический потенциал как «следствие субъективной оценочной картины мира – собственно челове-

ской категории, сопровождающей деятельность человека и соотносимой с определенной ценностной картиной мира» [8. С. 103].

Существует немалое количество определений понятия «неологизм»: 1) лексическая единица, которая «создана по существующим в языке словообразовательным моделям или заимствованная для обозначения нового предмета или значения у уже существующего слова, вновь появившегося в языке на определенном этапе его развития» [9. С. 325]; 2) лексическая единица, которая отражает изменение или перенос значения уже существующего слова [10. Р. 56]; 3) лексическая единица, которая возникает в определенный период развития языкового сообщества, соответствует языковой норме и в течение какого-то времени воспринимается носителями языка как новая [11. Р. 226] и т.д. Можно заметить, что авторы данных дефиниций считают неологизм лексической единицей, созданной для обозначения нового денотата в определенный период языкового развития; некоторые исследователи указывают в качестве важных критериев соответствие неологизма языковой норме и восприятие его языковым сообществом как обладающих новым значением.

Критериями выделения неологизма являются следующие: *хронологический* – предполагает возникновение неологизма на определенном этапе развития языка [12]; *функциональный* – характеризует обозначение ранее неизвестных общественных явлений; *статический* – учитывает частоту употребления нового слова [13. С. 20]; *психолингвистический* – направлен на восприятие новизны лексической единицы носителями языка [12. С. 185]; *лексикографический* – указывает на фиксацию неологизмов в справочных источниках [14. С. 602].

Исходя из вышесказанного, неологизмы обладают временной коннотацией новизны, связаны с номинацией нового общественного явления или предмета, восприятием его новизны окружающими и временным отсутствием в лексикографических справочниках.

В настоящее время наблюдается резкое увеличение неологизмов в спортивной сфере, что вызвано значимостью спорта в жизни современного общества разных стран. Е.Г. Малышева выделяет две концепции определения понятия «спортивный дискурс»: 1) система текстов, которая возникает под воздействием экстралингвистических и социокультурных факторов; 2) коммуникативное явление, интегративная совокупность самостоятельных коммуникативных актов в сфере спорта [15. С. 83–84]. Исследуемые нами статьи и комментарии из российских и зарубежных средств массовой информации рассматриваются как «спортивный медиадискурс, или вариант национального языка, используемый в социокультурной сфере спорта, и речь как воспроизведение спортивной ментальности, отраженные в СМИ» [16. С. 22]. Цели спортивного медиадискурса заключаются в освещении событий спортивной жизни общества, информировании о статусе спорта, формировании определенного отношения к занятиям спортом, исследовании направлений дальнейшего развития спорта и т.д. [17. Р. 34].

В рамках данной работы исследуются спортивные неологизмы в когнитивном аспекте. Следовательно, на

первый план выходит категория концептосферы человека, т.е. область знаний, состоящая из концептов как ее отдельных единиц, где концепт рассматривается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой «квант структурированного знания» [18. С. 25].

Как утверждает Е.Г. Малышева, при отборе концептов необходимо ориентироваться на языковой, дискурсивный и понятийный критерии. *Языковой критерий* основывается на актуализации исследуемых единиц посредством частотности и разнообразия их языкового отражения в текстах; *дискурсивный* – включает прагматический потенциал соответствующей концептуальной единицы в рамках дискурса, обусловленность дискурсивными факторами экстралингвистического порядка; *понятийный* – соотносится с когнитивной спецификой заданного типа дискурса [19. С. 115–116]. По мнению лингвистов-когнитологов, концепт репрезентируется в языке лексемами, фразеосочетаниями, словосочетаниями, предложениями, текстами [15, 18].

Описание концептов включает анализ содержания и структуры. Содержание концепта отражает родовые понятия, отвечающие представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления [20. С. 98]. Структура концепта образована когнитивными признаками разного ранга, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку (ядро – периферия) [21. С. 15].

Как отмечает В.И. Заботкина, в процессе лексикологических исследований активно взаимодействуют друг с другом когнитивные и прагматические аспекты [22. С. 90]. Изучение трансформаций концептуальных структур в лингвистические знаки и вербального проявления концептов – важная часть в описании взаимодействия когнитивных и прагматических факторов в процессе реализации и отражения новой лексемы. Автор подчеркивает, что прагматика нового слова кодирует первоначальное и уникальное психологическое намерение говорящего и фиксирует компонент интенсивности. Действия по категоризации совершаются человеком, принадлежащим к одной из профессиональных, социальных, этнических и родовых групп, и выбор подходящего имени будет зависеть от одного из этих прагматически релевантных параметров [22].

В рамках данного исследования необходимо разграничение лексических инноваций на единицы: 1) *узуальные*, возникшие как ответ на потребность общества, какое-то время обладающие новизной, являющиеся фактом языка как вследствие их многократного использования, затем ставшие системными, или полнотенными, номинативными единицами, например, *knee-plop* (область на фехтовальной дорожке, на которой спортсмен должен очутиться после выпада вперед для завершения задуманной комбинации), *der Abziehenstepp* (шаг вперед с наклоном и резким переключением корпуса назад в баскетболе), *альм* (человек из семьи выдающегося спортсмена, который следует по стопам родственника и добивается новых высот); 2) *неузуальные*, или *окказиональные*, являющиеся фактом речи, т.е. одноразовые, или контекстные, лексические

единицы, образованные «по случаю» и конкретным автором исключительно для целей определенного контекста и сохраняющие статус новизны независимо от времени их создания [23. С. 239], например, *airdog* (сноубордист, проводящий в воздухе как можно больше времени с последующим сильным падением после приземления), *der Flieger* (спортсмен, который первый падает на землю после забитого гола), *кряква* (спортсмен без достижений, который открыто заявляет о своей предстоящей победе). Так, отличие неузуальных (окказиональных) неологизмов от узуальных проявляется в сфере их функционирования, которая чаще всего социально ограничена и отражает лингвокреативный аспект современного медиадискурса, поэтому они характеризуются необычностью, экспрессивностью и часто ироничностью в рамках описываемой ситуации и заданного автором контекста.

Обсуждение и результаты

Сплошная выборка языкового материала из англоязычных, немецких и российских СМИ способствовала выявлению 96 английских, 93 немецких и 90 русских неологизмов. В ходе проведения концептуального анализа, цель которого – проследить путь позна-

ния смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке, было установлено, что данные лексические единицы образуют десять концептов: судья, болельщики, спортсмены, тренеры, инвентарь, правила, действия, места, события и виды спорта. На первый план выходит категория концептосферы человека, т.е. область знаний, составленная из концептов как ее единиц [24]. Представим концептосферу «Спорт», которая реализуется спортивными неологизмами в англоязычных, немецких и русских СМИ (табл. 1).

В ходе анализа спортивных неологизмов были определены концептуальные доминанты, т.е. базовые, опорные, системообразующие концептуальные универсалии, определяющие специфику данного типа дискурса и задающие семантическое и коммуникативно-прагматическое своеобразие текстов, в которых происходит реализация названных концептуальных феноменов [19. С. 115]. Главным критерием выявления концептуальных доминант является частотность репрезентации лексических единиц, входящих в выделенные нами концепты. Учитывая данный критерий, остановимся на трех концептах – «Спортсмены», «Действия» и «События». Изучение семантики лексических единиц, объективирующих данные концепты, способствовало раскрытию содержания концептов как ментальных единиц.

Таблица 1

Концептосфера «Спорт», реализуемая неологизмами английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе

№ концепта	Концепт	Спортивные неологизмы		
		Английский язык (96 единиц)	Немецкий язык (93 единицы)	Русский язык (90 единиц)
1	Спортсмены	22	19	17
2	Действия	19	17	15
3	События	17	15	14
4	Инвентарь	9	9	10
5	Виды спорта	8	7	8
6	Болельщики	6	6	8
7	Тренеры	4	7	7
8	Правила	4	6	3
9	Судья	3	4	6
10	Места	4	3	2

Первую доминирующую позицию занял концепт «Спортсмены», репрезентируемый 22 единицами в английском языке (*legmurder* – спортсмен, который умышленно ставит всем подножки во время игры; *fauer* – игрок команды, который по итогам соревнований показал наихудший результат; *cocktail* – спортсмен, у которого хорошо развиты все физические качества и хорошая техника выполнения; *facer* – спортсмен, который усложняет задуманную комбинацию в игре; *ballhog* – игрок, который не дает другим членам команды возможность играть с мячом, и др.), 19 единицами в немецком языке (*der Oi* – спортсмен, у которого всегда перед соревнованиями форс-мажорные ситуации; *der Wau* – спортсмен, который всегда вступает в спор с судьями и другими игроками; *der Schweinolympiadesimulator* – спортсмен, который постоянно утверждает, что станет олимпийским чемпионом, не прилагая особых усилий; *die Erde* – спортсмен в пятиборье, который преимущественно силен в наземных видах спорта; *der Zephir* – спортсмен, который всем нравится за его внешний вид; *der Doppelfußballer* – футболист, который легко взаимодействует со всеми членами команды в

парной игре с мячом; *der Vasejumper* – прыгун с высотки, который физически не подготовлен и может сильно травмироваться, и др.) и 17 единицами в русском языке (*восьмиборец* – спортсмен в десятиборье, которому удалось пройти успешно 8 из 10 видов препятствий в легкой атлетике; *бриллиантовая рука* – игрок, у которого стопроцентный показатель по броскам с трехочковой линии (баскетбол); *альм* – человек из семьи выдающегося спортсмена, который следует по стопам родственника и добивается новых высот; *блкер* – человек, который ставит как можно больше блоков для облегчения выполнения упражнения (баскетбол); *сферогонщик* – человек, который тренируется в беге на определенную дистанцию в водном шаре; *пампер* – человек, который занимается одним типом тренировок для достижения результата; *тушер* – спортсмен, который постоянно падает на спину после изнурительной тренировки, и др.) (табл. 2).

Вторым по частотности является концепт «Действия», репрезентируемый 19 единицами в английском языке (*to paprika* – устраивать скандалы по причине

ненависти к ранее привлекавшемуся игроку за употребление допинга; *to rejosh* – обыграть игрока с партнером так, чтобы соперник выбыл из строя; *to zam* – одержать чистую победу; *to pillow* – упасть, не получив при этом травму; *to flag* – гордиться демонстрацией флага родной страны и др.), 17 единицами в немецком языке (*bumerangtreten* – ударить по мячу с последующим возвращением к тому же игроку; *gassen* – загнать команду в игровую ситуацию, в которой она никогда не оказывалась; *zusammendirigiren* – задавать ход игре так, чтобы другие игроки ощущали свою значимость; *stößfallen* – проиграть в подгруппе с перспективой выйти в финал;

lochspielen – неудачно сыграть несколько игр подряд, что сказывается на репутации команды, и др.) и 15 единицами в русском языке (*клюшевать* – взять под контроль соперника (хоккей); *пулеметировать* – сильно оттолкнуться от бортика бассейна, что позволяет проплыть максимальное расстояние под водой за отведенный промежуток времени; *табанить* – специально проигрывать, чтобы попасть в более выгодное для себя положение в следующем турнире; *сфериться* – бежать в водном шаре на время; *кольцевать* – проводить тренировки с обручем на протяжении нескольких дней подряд (художественная гимнастика) и др.) (табл. 3).

Таблица 2

Концепт «Спортсмены», репрезентируемый спортивными неологизмами английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе

Английский язык (22 единицы)	Немецкий язык (19 единиц)	Русский язык (17 единиц)
<i>cocktail, dopeliar, legmurder, fayer, facer, banger, ballhog, bencher, subswimmer, multi-stepper, fisherman, tracker, airdog, cargeek, comparrator, franchise, jack-potter, medaler, resultcounter, smash-mouth, spacompetitor, snow bunny</i>	<i>der falscher Bauer, der Linker, das Gewitter, der Anchorman, der Flieger, die Treppe, der Oi, der Erstesorteinventarier, die Krume, der Doppelfußballer, die Verschiedenseite, der Sportlador, der Sandkuchen, der Wau, der Politikeinsiedler, die Erde, der Hundzahn, das rotes Schwert, der Zephir</i>	<i>красная точка, дирижер желтых, поддон, мэнаут, блокер, дрыгер, восьмиборец, альм, бриллиантовая рука, звезда Лады, сферогонщик, пампер, тушер, кряква, корень, фрезрик, дюбель</i>

Таблица 3

Концепт «Действия», репрезентируемый спортивными неологизмами английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе

Английский язык (19 единиц)	Немецкий язык (17 единиц)	Русский язык (15 единиц)
<i>to paprika, to rejosh, to zam, to duck, to peanut, to snake, to thunderstone, to wheel, to ko, to dodo, to pillow, to zam, to flag, to strengthbinocular, to reftoo, to sai, to skicrutch, to sportarrest, to yogatize</i>	<i>wellen, ein Schwergewicht dribbeln, enten, hechten, ein Eibreichen, kreistoßenkicken, auf den Wolf zeigen, eine Banane ausschlagen, kriechen, gassen, um jemandem die Luft nehmen, auf die Schulter dribbeln, bumerangtreten, zusammendirigiren, stößfallen, lochspielen, kicken</i>	<i>сфериться, кольцевать, перелинеивать, отбивать всмятку, клюшевать, табанить, залить в кроссовок, перепрыгнуть сезон, разрядиться, пулеметировать, кильветировать, отаверинить, трастерить, парковать кювет, запрыгнуть в дуло</i>

Третьей доминантой стал концепт «События», объективируемый 17 единицами в английском языке (*walkoff* – происходящее в конце игры или состязания событие, обычно как решающее действие; *DOL (day of losers)* – соревнования, где не было выявлено лучшего результата; *bang* – отмена игр из-за непредвиденных обстоятельств (COVID-19, поломка оборудования, погода и т.п.); *jockstrap* – привилегия, которая сохраняет за игроком право участвовать в следующем турнире; *pendimantion* – восстановительный период спортсмена после COVID-19 и др.), 15 единицами в немецком языке (*das Neosportloch* – период отсутствия соревновательного сезона в связи с ранее не возникавшими проблемами; *der Sportkaugummi* – спортивный конфликт между странами, который растягивается на неопределенный срок; *das Lochspiel* – неудачная игра, которая сказывается на репутации команды; *die Befreiung* – период, когда спортсмен решает на неопределенное время уйти из спорта, чтобы избежать общественного и политического давления; *die Angriffsso* – период, когда спортсмен вынужден скрыться от прессы и болельщиков в связи с определенным видом обвинений (допинг, жульничество и т.п.); *die F-süssigkeit* – ритуал футбольной команды, который выполняется перед матчем перед зрителями; *FIZ (das Fanisolierungszimmer)* – сбор болельщиков для просмотра соревнований во время изоляции и др.) и 14

единицами в русском языке (*белый свет* – шанс на повторную попытку на соревнованиях, который приводит к победе; *тройной ник* – достижение спортсмена, которое превышает предыдущий результат в три раза; *трас-терные перебои* – смена одного сложного периода другим; *расовая бомба* – действия, направленные на исключение спортсменов определенной расы из международных соревнований, и др.) (табл. 4).

Исходя из полученных данных, были выявлены основные когнитивные признаки, которые образуют структуру концептуальных доминант. Поясним, что *когнитивный признак* – это отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре концепта как особый элемент его содержания [18. С. 128]. Выявление когнитивных признаков происходит на основе классификационных признаков исследуемого концепта. Таким образом, идентифицируются компоненты содержания концепта, которые отражают определенный параметр категоризации соответствующего объекта или явления и объединяют однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта [25. С. 89].

На следующем этапе исследования был установлен индекс яркости (ИЯ) когнитивных признаков, алгоритм которого был разработан В.В. Левицким и И.А. Стерниным и который вычисляется как отношение количества номинаций, входящих в тот или иной

признак, к общему количеству выделенных номинаций определенного концепта [26. С. 32] (табл. 5).

На основе индексов яркости когнитивных признаков спортивных неологизмов было выстроено семантическое поле каждой из трех концептуальных

доминант. Добавим, что *семантическое поле* – это иерархическая организация слов, состоящая из ядра и периферии, которая объединена родовым значением и представлена в виде определенной семантической сферы [27. С. 8].

Таблица 4

Концепт «События», репрезентируемый спортивными неологизмами английского, немецкого и русского языков в медиадискурсе

Английский язык (17 единиц)	Немецкий язык (15 единиц)	Русский язык (14 единиц)
walkoff, DOL, bang, beta, sportboom, startsteam, 19-down, postcovidthon, DAC, Covigate, sucfault, flamepalm, topturn, jockstrap, pendimotion, stashing, WOD	der Sportkaugummi, das Lochspiel, das Auswärtsverbot, der Immigrationbruch, die Coronafreiheit, das S-corona, das Neosportloch, das Süßfallen, die Befreiung, der Stoppknoten, die Angriffssio, die F-süssigkeit, FIZ, die R-abtrennung	белый свет, тройной пик, трастерные перебои, межтроповый зажим, расовая бомба, ковидизация, коронер, побеленная дыра, разбив волны, битва центра, летающий кубок, баранка, черный зигзаг, круговорот мальков

Таблица 5

Когнитивные признаки концептуальных доминант спортивных неологизмов и их индекс яркости (ИЯ)

№ концепта	Концепт	Когнитивный признак	ИЯ		
			Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
1	Спортсмены	Командный игрок	0,09	0,1	0,17
		Вспыльчивый спортсмен	0,27	0,37	0,05
		Слабый спортсмен	0,14	0,15	0,11
		Лидер	0,36	0,21	0,41
		Неопытный игрок	0,18	0,1	0,17
2	Действия	Нарушение правил	0,42	0,23	0,11
		Прогнозирование игры	0,05	0,17	0,2
		Выполнение упражнений	0,36	0,35	0,47
		Игровой момент	0,15	0,11	0,06
		Выведение спортсмена из строя	0,21	0,11	0,26
3	События	Решающий период	0,05	0,06	0,21
		COVID-19	0,29	0,2	0,21
		Международный конфликт	0,4	0,53	0,35
		Удачная игра	0,18	0,13	0,07
		Неудачный сезон	0,05	0,06	0,35

К ядру поля относятся первичные яркие образы, которые могут исчерпывать содержание концепта, если он отражает конкретные чувственные ощущения и представления. В более сложных концептах на базовый образ наслаиваются дополнительные концептуальные признаки. Совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев составляет объем концепта. Периферия состоит из слабоструктурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания [28. С. 49].

На следующем этапе исследования был проведен контрастивный анализ неологизмов, репрезентирующих концепты «Спортсмены», «Действия» и «События» в английском, немецком и русском языках. Целью контрастивного анализа является сопоставительное изучение межъязыковых соответствий как родственных, так и неродственных языков для выявления их различий, сходства же выявляются автоматически [29. С. 16].

Так, контрастивный анализ показал, что полученные результаты по концепту «Спортсмены» свидетельствуют о том, что его ядро содержит когнитивный признак «Лидер» и совпадает в английском (*jackpotter* – человек, который несколько раз подряд выигрывает на спортивных ставках; *franchise* – ценный и важный для команды игрок; *cocktail* – человек, у которого хорошо развиты все физические качества, и др.) и русском

(*бриллиантовая рука* – игрок, у которого стопроцентный показатель по броскам с трехочковой линии (баскетбол); *звезда Лады* – спортсмен, который заступает за своих товарищей в ходе несправедливого судейского решения; *альм* – человек из семьи выдающегося спортсмена, который следует по стопам родственника и добивается новых высот, и др.) языках, их индексы яркости – 0,41 и 0,36 соответственно.

В ядро немецкого одноименного концепта вошел когнитивный признак «Вспыльчивый спортсмен» (*der Falscher Bauer* – спортсмен, который из-за политических разногласий меняет место жительства для участия в соревнованиях; *das Gewitter* – спортсмен, при появлении которого у болельщиков захватывает дыхание из-за его агрессивной игры, и др.), индекс яркости которого составляет 0,37.

Ближняя периферия различается в трех языках: в английском – «Вспыльчивый спортсмен» (*facier* – спортсмен, который усложняет задуманную комбинацию в игре; *banger* – спортсмен, который злится из-за того что не получается упражнение; *ballhog* – игрок, который не дает другим членам команды возможность играть с мячом и показывает свое превосходство, и др.) – индекс яркости 0,27, в немецком – «Лидер» (*der Anchorman* – человек, который руководит всеми организационными моментами на соревнованиях; *der Flieger* – спортсмен, который первый падает на землю

после забитого им гола; *die Treppe* – спортсмен, который постепенно и безостановочно идет к своей цели, и др.) – индекс яркости 0,21, в русском – «Командный игрок» (*красная точка* – игрок команды, от которого осуществляются удачные комбинации во взаимодействии с другими игроками; *дирижер желтых* – игрок команды, который готов выслушать своих товарищей, чтобы избежать последующих нарушений (футбол); *поддон* – спортсмен, который всегда оказывает поддержку товарищам по команде) – индекс яркости 0,17 и «Неопытный игрок» (*тушер* – спортсмен, который постоянно падает на спину после изнурительной тренировки; *кряква* – спортсмен без достижений, который открыто заявляет о своей победе на предстоящем турнире; *корень* – спортсмен, который только начинает свой путь и стремится развиваться дальше) – индекс яркости 0,17.

Дальняя периферия совпадает в трех языках. В данную область входит когнитивный признак «Слабый спортсмен»: в английском языке (*bencher* – игрок, проводящий большую часть времени на скамейке в ожидании возможности поиграть; *fayer* – игрок команды, который по итогам соревнований показал наихудший результат; *subswimmer* – запасной пловец для эстафеты) – индекс яркости 0,14, в немецком языке (*der Oi* – спортсмен, у которого всегда перед соревнованиями возникают форс-мажорные ситуации; *der Erstesorteinventarier* – человек, который использует спортивный инвентарь с наименьшим весом; *die Krume* – спортсмен, который приносит команде наименьшую пользу) – индекс яркости 0,15, в русском языке (*мэнаут* – человек, кото-

рый не подходит ни под одну весовую категорию на соревнованиях по единоборству; *блочер* – человек, который ставит как можно больше блоков для облегчения выполнения упражнения (баскетбол)) – индекс яркости 0,11. В дальнюю периферию английского семантического поля также вошел когнитивный признак «Неопытный игрок» (*throwler* – игрок в крикете, который сдает мяч методом отбрасывания, а не маховым движением руки; *snow bunny* – неопытный молодой игрок) – индекс яркости 0,18.

В крайнюю периферию поля вошел признак «Командный игрок»: в английском языке (*multistepper* – игрок, который учитывает все обстоятельства для прогнозирования игры и взаимодействию с товарищами; *fisherman* – спортсмен, который подходит в команду как по стилю игры, так и по духу) – индекс яркости 0,09, и в немецком языке (*der Doppelfußballer* – футболист, который легко взаимодействует со всеми членами команды в парной игре с мячом; *die Verschiedenseite* – спортсмен, который ставит себя на место других игроков и пытается понять их тактику) – индекс яркости 0,01. Кроме того, в немецком языке выделяется когнитивный признак «Неопытный игрок» (*der Sandkuchen* – только прибывший игрок команды; *der Linker* – игрок, который постоянно играет на левую сторону и не может перестроиться на правую) с индексом яркости 0,01. Крайняя периферия в русском языке характеризуется когнитивным признаком «Вспыльчивый спортсмен» (*дрыгер* – спортсмен, который не дает расслабиться другим и постоянно проявляет агрессию) – индекс яркости 0,05 (табл. 6).

Таблица 6

Концепт «Спортсмены»: результаты контрастивного анализа

№ п/п	Поле концепта «Спортсмены»	Когнитивный признак	ИЯ		
			Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
1	Ядро	Лидер	0,46	–	0,36
		Вспыльчивый спортсмен	–	0,37	–
2	Ближняя периферия	Вспыльчивый спортсмен	0,27	–	–
		Лидер	–	0,21	–
		Командный игрок	–	–	0,17
		Неопытный игрок	–	–	0,17
3	Дальняя периферия	Слабый спортсмен	0,14	0,15	0,11
		Неопытный игрок	0,18	–	–
4	Крайняя периферия	Командный игрок	0,09	0,01	–
		Вспыльчивый спортсмен	–	–	0,05

При анализе концепта «Действия» было выявлено, что его ядро содержит идентичный когнитивный признак «Выполнение упражнений» в немецком языке (*wellen* – выполнять групповой элемент, который в целом создает вид волны (синхронное плавание); *ein Schwergewicht dribbeln* – отбивать штангу несколько раз подряд от пола; *kicken* – с легкостью решать организационные вопросы и планировать дальнейшие действия и др.) – индекс яркости 0,35, и в русском языке (*сфериться* – бежать в водном шаре на время; *кольцевать* – проводить тренировки с обручем на протяжении нескольких дней подряд (художественная гимнастика); *перелинейивать* – незапланированно менять тактику на протяжении всей игры и др.) – индекс яркости 0,47. В английском языке ядро включает когнитивный признак «Нарушение правил» (*to duck* – совершать многочисленные пробежки во время игры; *to paprika* –

устраивать скандалы по причине ненависти к ранее привлекавшемуся игроку за употребление допинга; *to reanrut* – разоблачить игрока, который пытался подкупить судейскую бригаду, и др.) с индексом яркости 0,42.

Ближняя периферия характеризуется разными показателями: в английском языке это когнитивный признак «Выполнение упражнений» (*to snake* – перестроиться на воде для смены фигуры (синхронное плавание); *to thunderstone* – прыгать с вышки в воду, выполняя быстрые вращения вокруг своей оси; *to wheel* – выполнить поддержку, при которой спортсменка при выходе из воды принимает положение «мост» и осуществляет заход в воду в вертикальном положении (синхронное плавание), и др.) – индекс яркости 0,36, в немецком языке – когнитивный признак «Нарушение правил» (*hechten* – столкнуться с другой спортсменкой при выполнении элемента «щука» (синхронное плавание); *ein Eibrechen*

– намеренно нарушить правило; *kreistoßen* – толкать соперника из одной точки в другую и др.) с индексом яркости 0,23, в русском языке – «Выведение спортсмена из строя» (*отбивать всмятку* – ударять сильно по мячу, повреждая его; *клюшевать* – взять контроль над соперником (хоккей) и др.) – индекс яркости 0,26.

Дальнюю периферию в английском языке составляют когнитивные признаки «Выведение спортсмена из строя» (*to ko* – умышленно сбивать с ног сильного игрока команды (гандбол); *to rejoin* – обыграть игрока с партнером так, чтобы соперник выбыл из строя; *to dodo* – манипулировать мячом нечестным способом, наступая на него ногой, и др.) – индекс яркости 0,21, и «Игровой момент» (*to pillow* – упасть, не получив при этом травму; *to zam* – одержать чистую победу; *to flag* – гордиться демонстрацией флага родной страны) – индекс яркости 0,15. В данную зону входит признак «Прогнозирование игры» в немецком языке (*kicken* – с легкостью решать организационные вопросы и планировать дальнейшие действия; *auf den Wolf zeigen* – выявить потенциально сильного соперника; *eine Banane ausschlagen* – выявлять слабых игроков, на которых нужно меньше акцентировать внимание) и в русском языке (*табанить* – специально проиграть, чтобы по-

пасть в более выгодное для себя положение в следующем турнире; *залить в кроссовок* – быть готовым к изменениям тактики в определенный период игры; *перепрыгнуть сезон* – составить расписание потенциальных игр, после которых можно выйти на более высокий уровень) с индексами яркости 0,17 и 0,2 соответственно.

Крайнюю периферию составляет признак «Игровой момент»: в немецком языке (*kriechen* – проявлять мало заметные результаты в определенной игре по сравнению с членами команды; *gassen* – загнать команду в игровую ситуацию, в которой она никогда не оказывалась) – индекс яркости 0,11, и в русском языке (*разрядиться* – показывать результат хуже, чем представлен в разрядной книжке спортсмена) – индекс яркости 0,06. В данную зону включен также признак «Выведение спортсмена из строя» в немецком языке (*um jemandem die Luft nehmen* – окружить игрока так, чтобы тот не смог сделать передачу (баскетбол); *auf die Schulter dribbeln* – манипулировать соперником,водя мяч за спиной) – индекс яркости 0,11. Крайняя периферия содержит признак «Прогнозирование игры» в английском языке (*strengthbinocular* – просчитывать ход игры на несколько таймов вперед) с индексом яркости 0,05 (табл. 7).

Таблица 7

Концепт «Действия»: результаты контрастивного анализа

№ п/п	Поле концепта «Действия»	Когнитивный признак	ИЯ		
			Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
1	Ядро	Выполнение упражнений	–	0,35	0,47
		Нарушение правил	0,42	–	–
2	Ближняя периферия	Выполнение упражнений	0,36	–	–
		Решающий период	–	–	0,28
		Нарушение правил	–	0,23	–
		Выведение спортсмена из строя	–	–	0,26
3	Дальняя периферия	Выведение спортсмена из строя	0,21	–	–
		Игровой момент	0,15	–	–
		Прогнозирование игры	–	0,17	0,2
4	Крайняя периферия	Игровой момент	–	0,11	0,06
		Прогнозирование игры	0,05	–	–

Концепт «События» характеризуется наибольшим числом общих когнитивных признаков в разных зонах поля. Ядро трех языков составляет признак «Международный конфликт» с индексами яркости, равными 0,4, в английском языке (*bang* – отмена игр из-за непредвиденных обстоятельств (COVID-19, поломка оборудования, погода и т.п.); *sportboom* – спортивное событие, которое влияет на изменение регламента дальнейших соревнований; *startsteam* – перепалка между игроками, которая возникает в начале игры, и др.), с индексом яркости 0,53 в немецком языке (*das Auswärtsverbot* – запрет на посещение футбольного матча фанатами из других федеративных земель; *das Sportkaugummi* – спортивный конфликт между странами, который растягивается на неопределенный срок; *der Immigrationbruch* – запрет на участие российских спортсменов от лица другой страны и др.) и с индексом яркости 0,35 в русском языке (*межстроповый зажим* – конфликт между спортсменами из разных стран, который возник под воздействием политических факторов; *расовая бомба* – действия, направленные на исключение спортсменов определенной расы из международных соревнований, и др.).

Когнитивный признак «COVID-19» объединяет ближнюю периферию в английском языке (*19-down* – период, когда спортивная карьера многих людей стояла под вопросом; *postcovidthon* – серия спортивных мероприятий после пандемии коронавируса, которые направлены на укрепление здоровья; *Covigate* – мошенничество, которое заключается в подмене крови для комиссии по тестированию на COVID-19, что грозит отстранением от участия в соревнованиях, и др.), в немецком языке (*die Coronafreiheit* – снятие ограничительных мер на спортивные мероприятия; *das S-corona* – событие, которое повлияло на ход спортивного мероприятия; *das Neosportloch* – период отсутствия соревновательного сезона в связи с ранее не возникавшими проблемами и др.) и в русском языке (*ковидизация* – смягчение постковидных мер на спортивных мероприятиях; *коронер* – нестабильное решение по проведению соревнований; *побеленная дыра* – стабилизация соревновательного периода после долгого перерыва и др.) со значениями индексов яркости 0,29, а также 0,2 и 0,28 соответственно. Кроме того, ближняя периферия в русском языке содержит когнитивный

признак «Решающий период» (*разбив волны* – решающий период для спортсмена, когда он после удачного завершения сезона определяется с выбором клуба для дальнейшей профессии; *битва центра* – спорный момент в игре, решение которого зависит от главных судей; *летающий кубок* – повторное решение о распределении призового места) с индексом яркости 0,28.

Дальняя периферия совпадает в английском (*sucfault* – случай непреднамеренного действия спортсмена, которое привело к победе; *flamepalm* – момент непреднамеренного броска, который выводит к победе; *topturn* – комбинация в игре, которая предоставляет преимущество для выигрыша) и немецком (*das Süßfallen* – проигрыш в подгруппе, который выводит команду на игру с более слабым соперником и в дальнейшем к победе) языках и отражает признак «Удачная игра» с индексами яркости 0,18 и 0,13 соответственно. В русском языке в данную зону входит признак «Неудачный сезон» (*баранка* – удаление

спортсмена из состязания из-за непреодоленных препятствий (бег с препятствиями); *черный зигзаг* – череда неудачных попыток выйти на международный уровень соревнований; *круговорот мальков* – выходы на соревнования, которые не идут в зачет серьезных достижений спортсменов) с индексом яркости 0,21.

Когнитивные признаки «Решающий период» и «Неудачный сезон» отражают крайнюю периферию в английском (*Walkoff* – происходящее в конце игры или состязания событие, обычно как решающее действие; *DOL* (day of losers) – соревнования, где не было выявлено лучшего результата) и немецком (*die Befreiung* – период, когда спортсмен решает на неопределенное время уйти из спорта; *das Lochspiel* – неудачная игра, которая сказывается на репутации команды) языках с индексами яркости 0,05 и 0,06. В русском языке в крайней периферии выделен признак «Удачная игра» (*белый свет*) – индекс яркости 0,07 (табл. 8).

Таблица 8

Концепт «События»: результаты контрастивного анализа

№ п/п	Поле концепта «События»	Когнитивный признак	ИЯ		
			Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
1	Ядро	Международный конфликт	0,4	0,54	0,35
2	Ближняя периферия	COVID-19	0,29	0,2	0,28
3	Дальняя периферия	Удачная игра	0,18	0,13	–
		Неудачный сезон	–	–	0,21
4	Крайняя периферия	Решающий период	0,05	0,06	–
		Неудачный сезон	0,05	0,06	–
		Удачная игра	–	–	0,07

Все представленные спортивные неологизмы были распределены на узуальные и незузуальные (оказиональные). Узуальные неологизмы вызваны социальной потребностью в детерминации новых предметов, явлений, событий и т.д. Они постоянно пополняют лексический состав языка с целью дать название новому понятию или расширить значение старого [30. С. 426]. Например, лексическая единица *19-down* была образована в английском языке в силу сложившейся ситуации после короновирусной инфекции COVID-19 для номинации периода, когда спортивная карьера многих людей стояла под вопросом. В немецком языке слово *die Befreiung* (период, когда спортсмен решает на неопределенное время уйти из спорта) было введено в период международных политических разногласий и закрепило свое значение из-за постоянно повторяющихся действий атлетов. В русском языке единица *дубель* (спортсменка, которая завершает сложную комбинацию в групповых упражнениях) закрепила в художественной гимнастике с целью подчеркнуть значимость завершающей упражнение спортсменки для успеха программы.

Специфика незузуальных неологизмов заключается в том, что они не предназначены для передачи общей информации.

Незузуальный неологизм привязан к контексту по смыслу, усиливает впечатляющее воздействие речи и передает ее неповторимое своеобразие. Основная функция незузуального неологизма – оценка, проявление субъективного отношения к тем или иным фактам

окружающей действительности или действию собеседника [30. С. 427]. Например, в английском языке слово *smash-mouth* было использовано по отношению к футболисту Садио Мане, который разбил губу своему партнеру по команде из-за конфликтной ситуации после матча. Данный незузуальный неологизм отражает оценку действий спортсмена, который был готов прибегнуть к жестоким мерам с целью победить в следующем матче. В немецком языке лексическая единица *der Hundzahn* была использована при номинации девушки-судьи Стефани Фраппер на чемпионате мира в Катаре, которая не засчитала гол Германии и отказывалась пересматривать игровой эпизод. Неологизм отражает субъективную оценку к судье за ее несправедливое решение с точки зрения немецких спортивных комментаторов. В русском языке неологизм *поддон* был использован в адрес российской спортсменки по фигурному катанию Анны Щербаковой после ее победы на Олимпийских играх в Пекине с целью подчеркнуть положительные черты характера девушки и указать на то, что она является поддержкой для спортсменок из ее команды. Таким образом, в ходе анализа мы установили, что количество незузуальных неологизмов преобладает в английском (57%) и немецком (61%) языках. Русский язык характеризуется наибольшим количеством узуальных неологизмов (54%).

Данные неологизмы были категоризированы и концептуализированы, что позволило выявить концептуальные доминанты в исследуемых языках – «Спортсмены», «Действия» и «События». Контрастивный ана-

лиз позволил раскрыть универсалии (структурные соответствия), уникалии (структурные отличия) и фреквенталии (структурные соответствия, характерные для двух языков). В концептуальной доминанте «Спортсмены» в ядре выделяется такая фреквенталия, как «Лидер», для английского и русского языков, и уникалия «Вспыльчивый спортсмен» в немецком языке. Ближняя периферия характеризуется уникалиями в английском, немецком и русском языках. В дальней периферии присутствует универсальный признак «Слабый спортсмен» и уникальный когнитивный признак «Неопытный игрок» в английском языке; в крайней периферии – фреквенталия «Командный игрок» в английском и немецком языках; уникалия «Вспыльчивый спортсмен» в русском языке. Ядро концептуальной доминанты «Действия» содержит фреквентальный признак «Выполнение упражнений» в немецком и русском языках. Ближняя периферия характеризуется уникалиями в трех языках. В дальней периферии выделяются уникальные признаки «Выведение спортсмена из строя» и «Игровой момент» в английском языке. Фреквенталией в дальней периферии является когнитивный признак «Игровой момент» в немецком и русском языках. Универсалии по составу когнитивных признаков спортивных неологизмов в английском, немецком и русском языках наблюдаются в ядре и периферии концепта «События».

Заключение

Исходя из полученных результатов, можно сделать следующие выводы о структуре и содержании концептуальных доминант спортивных неологизмов.

Наибольшее сходство по составу когнитивных признаков спортивных неологизмов в английском, немецком и русском языках выявлено в ядре и периферии концепта «События». В зависимости от зоны периферии различие между индексами яркости когнитивных признаков исследуемых языков незначительное, что свидетельствует о тождестве проводимых мероприятий и происходящих событий в спортивной сфере разных стран.

Концепт «Действия», объективируемый спортивными неологизмами, характеризуется идентичностью ядра, дальней и крайней периферии в немецком и русском языках. В соответствующих лингвокультурах ак-

цент делается на выполнении новых видов упражнений, в то время как в английской лингвокультуре ядро составляет когнитивный признак «Нарушение правил». Это связано с тем, что на данный момент в англоязычных странах активно применяются меры по урегулированию поведения и действий спортсменов в разных видах спорта.

В концепте «Спортсмены» выявлены значительные различия в исследуемых языках. Положительная оценка в высказываниях по отношению к другим спортсменам выявлена в семантическом поле в русском языке. Это подтверждается тем, что когнитивный признак «Вспыльчивый спортсмен» находится в зоне крайней периферии с наименьшим показателем индекса яркости. Наиболее выраженные показатели составляют такие признаки, как «Лидер» и «Командный игрок». Одни из выраженных показателей яркости в английском и немецком языках относятся к признакам «Вспыльчивый игрок» и «Слабый спортсмен». Однако негативная оценка преобладает в семантическом поле немецкого языка. Данный фактор связан с международными конфликтами и высказываниями по отношению к игрокам других стран, что подтверждают показатели концепта «События».

По степени частотности все проанализированные неологизмы делятся на узусальные, которые составляют наименьший процент от всех номинаций, и окказиональные – контекстные, или авторские, неологизмы, составляющие большинство лексических инноваций.

Таким образом, проведенное исследование показало, что концептуальные доминанты неологизмов спортивного медиадискурса составляют семантическое поле в каждом анализируемом языке в соответствии с актуальными изменениями, происходящими в мире спорта. Наиболее выраженное сходство характерно для концепта «События», так как изменения в большинстве случаев происходят на международном уровне. Различия характерны для концептов «Спортсмены» и «Действия», так как восприятие и ассоциации каждого этноса носят национально-специфический характер.

Перспектива исследования видится в разработке метода комплексного анализа неологизмов как семантико-когнитивных единиц в разных языках, включающего структурный, функционально-семантический, когнитивно-прагматический и контрастивно-динамический аспекты изучения данных лексических единиц.

Список источников

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
2. Кубрякова Е.С. Номинативный акт и его когнитивно-прагматические аспекты // Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики. М. : МГЛУ, 1990. С. 9–14.
3. Заботкина В.И. К вопросу об основах английской когнитивной неологии // Пелевинские чтения. РГУ им. Иммануила Канта, 2007. С. 3–13.
4. Бархатова Э.И. Концептуализация событий и их лексическая репрезентация в новой лексике современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 175 с.
5. Кубрякова Е.С. Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний: инференция и сфера ее действия в языке // Интеграция лингвистического и экстралингвистического знания (английский лексикон и текст). М. : МГЛУ, 1996. Вып. 434. С. 11–17.
6. Тогоева С.И. Пространственно-временные ориентиры: новизна слова // Вопросы психолингвистики. 2019. №3 (41). С. 52–63. doi: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-52-63
7. Гришкіна Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 20 с.
8. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 103–111. doi: 10.29025/2079-6021-2019-3-103-111
9. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., перераб. М. : Наука, 2012. 376 с.

10. Peprník J. *English Lexicology*. Olomouc : Univerzita Palackého, 2006. 308 p.
11. Herberg D. Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung // *Deutsch als Fremdsprache*. 2022. № 4. P. 195–200.
12. Косович О.В. К проблеме новизны неологизмов // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2014. № 3. С. 184–189.
13. Каменева Н.А. Образование англоязычных неологизмов в результате лексической и семантической номинаций // *Филология: научные исследования*. 2021. № 3. С. 18–26.
14. Кольцова Е.А. Неологизмы английского языка XXI века // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. № 3. С. 604–610.
15. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 47 с.
16. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 25 с.
17. Caldwell D., Walsh J., Jureidini J. *The discourse of sport: Analyses from social linguistics*. New York : CPS Press : Taylor & Francis group, 2017. 90 p.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
19. Малышева Е.Г. Система концептуальных доминант русского спортивного дискурсивного пространства // *Язык. Текст. Дискурс*. 2011. № 9. С. 114–121.
20. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2009. № 104. С. 96–106.
21. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // *Антология концептов*. М. : Гнозис, 2007.
22. Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 38. С. 208–216.
23. Земская Е.А. *Современный русский язык*. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта ; Наука, 2011. 328 с.
24. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Вопросы языкознания*. 1993. №1. С. 3–9.
25. Попова З.Д., Стернин И.А. *Язык и национальная картина мира*. Directmedia, 2015. 101 с.
26. Левицкий В.В., Стернин И.А. *Экспериментальные методы в семасиологии*. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. 192 с.
27. Диброва Е.И. *Современный русский язык: Теория и анализ языковых единиц : в 3 ч*. Ростов н/Д : Слово, 1997. 313 с.
28. Рудакова А.В., Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание. Lambert, 2011.
29. Стернин И.А. *Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования*. М. : Восток-Запад, 2006. 206 с.
30. Мельник Ю.А., Штехман Е.А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. №. 2. С. 426–429.

References

1. Boldyrev, N.N. (2018) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive theory of language]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
2. Kubryakova, E.S. (1990) Nominativnyy akt i ego kognitivno-pragmaticheskie aspekty [Nominative act and its cognitive-pragmatic aspects]. In: *Kognitivnye i kommunikativnye aspekty angliyskoy leksiki* [Cognitive and Communicative Aspects of English Vocabulary]. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 9–14.
3. Zabolotkina, V.I. (2007) K voprosu ob osnovakh angliyskoy kognitivnoy neologii [On the question of the foundations of English cognitive neology]. In: Ieronova, I.Yu. (ed.) *Pelevinskie chteniya* [Pelevin Readings]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University. pp. 3–13.
4. Barkhatova, E.I. (2020) *Kontseptualizatsiya sobytiy i ikh leksicheskaya reprezentatsiya v novoy leksike sovremennogo angliyskogo yazyka* [Conceptualization of events and their lexical representation in the new vocabulary of modern English]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Kubryakova, E.S. (1996) Integratsiya lingvisticheskikh i nelingvisticheskikh znaniy: inferentsiya i sfera ee deystviya v yazyke [Integration of linguistic and non-linguistic knowledge: inference and the scope of its action in language]. In: Semerikova, Z.V. et al. *Integratsiya lingvisticheskogo i ekstralingvisticheskogo znaniya (angliyskiy leksikon i tekst)* [Integration of Linguistic and Extralinguistic Knowledge (English lexicon and text)]. Vol. 434. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 11–17.
6. Togoeva, S.I. (2019) Prostranstvenno-vremennyye orientiry: novizna slova [Spatio-temporal landmarks: novelty of the word]. *Voprosy psikholingvistiki*. 3 (41). pp. 52–63. doi: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-52-63
7. Grishkina, E.N. (2017) *Novizna leksicheskoy edinitsy kak integrativnyy parametr psikhologicheskoy struktury znacheniya slova (na materiale psikholingvisticheskogo eksperimenta)* [Novelty of a lexical unit as an integrative parameter of the psychological structure of the meaning of a word (based on a psycholinguistic experiment)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
8. Katermina, V.V. & Solov'eva, N.S. (2019) Aksiologiya neologizma Brexit v angloyazychnom massmediynom diskurse [Axiology of the Brexit neologism in language-mass media discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 3. pp. 103–111. doi: 10.29025/2079-6021-2019-3-103-111
9. Arnol'd, I.V. (2012) *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
10. Peprník, J. (2006) *English Lexicology*. Olomouc: Univerzita Palackého.
11. Herberg, D. (2022) Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung. *Deutsch als Fremdsprache*. 4. pp. 195–200.
12. Kosovich, O.V. (2014) K probleme novizny neologizmov [On the problem of the novelty of neologisms]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 3. pp. 184–189.
13. Kameneva, N.A. (2021) Obrazovanie angloyazychnykh neologizmov v rezul'tate leksicheskoy i semanticheskoy nominatsiy [Formation of English neologisms as a result of lexical and semantic nominations]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 3. pp. 18–26.
14. Kol'tsova, E.A. (2017) Neologizmy angliyskogo yazyka XXI veka [Neologisms of the English language of the 21st century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3. pp. 604–610.
15. Malysheva, E.G. (2011) *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya* [Russian sports discourse: theory and methodology of linguocognitive research]. Abstract of Philology Dr. Diss. Omsk.
16. Snyatkov, K.V. (2008) *Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa* [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vologda.
17. Caldwell, D., Walsh, J. & Jureidini, J. (2017) *The Discourse of Sport: Analyses from social linguistics*. New York: CPS Press: Taylor & Francis group.
18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
19. Malysheva, E.G. (2011) Sistema kontseptual'nykh dominant russkogo sportivnogo diskursivnogo prostranstva [System of conceptual dominants of the Russian sports discursive space]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 9. pp. 114–121.
20. Efremov, V.A. (2009) *Teoriya kontsepta i kontseptual'noe prostranstvo* [Concept theory and conceptual space]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 104. pp. 96–106.
21. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [Main features of the semantic-cognitive

- approach to language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis.
22. Zabotkina, V.I. (2019) Kognitivnye osnovy lingvisticheskoy kreativnosti [Cognitive foundations of linguistic creativity]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 38. pp. 208–216.
23. Zemskaya, E.A. (2011) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
24. Likhachev, D.S. (1993) Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Voprosy yazykoznaviya*. 1. pp. 3–9.
25. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2015) *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and National Picture of the World]. Moscow; Berlin: Directmedia.
26. Levitskiy, V.V. & Sternin, I.A. (1989) *Eksperimental'nye metody v semasiologii* [Experimental Methods in Semasiology]. Voronezh: Voronezh State University.
27. Dibrova, E.I. (1997) *Sovremennyy russkiy yazyk: Teoriya i analiz yazykovykh edinit* [Modern Russian Language: Theory and analysis of linguistic units]. Rostov-on-Don: Slovo.
28. Rudakova, A.V. & Sternin, I.A. (2011) *Psikholingvisticheskoe znachenie i ego opisaniye* [Psycholinguistic Meaning and Its Description]. Lambert.
29. Sternin, I.A. (2006) *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive Linguistics. Problems of theory and research methodology]. Moscow: Vostok-Zapad.
30. Mel'nik, Yu.A. & Shtekhman, E.A. (2015) K voprosu o statuse neologizma v sovremennoy lingvistike [On the question of the status of neologism in modern linguistics]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 426–429.

Информация об авторах:

Влавацкая М.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: vlavatskaya@list.ru. ORCID: 0000-0001-5619-9416

Родина Д.Г. – студент факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: daryyarodina@gmail.com. ORCID: 0009-0006-3731-4830

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Vlavatskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vlavatskaya@list.ru. ORCID: 0000-0001-5619-9416

D.G. Rodina, student, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: daryyarodina@gmail.com ORCID: 0009-0006-3731-4830

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2023;
одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 18.04.2023;
approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/500/10

Особенности реализации таксисной семантики последовательности в конструкциях с деепричастиями от глаголов движения

Елена Юрьевна Иванова-Жданова¹

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Аннотация. Исследуются таксисные отношения в конструкциях с деепричастиями от глаголов движения. Характеризуются нестандартные типы аспектуально-таксисных ситуаций последовательности с деепричастиями несовершенного вида, выражающие предшествование целостных нелокализованных во времени действий; предшествование локализованных во времени процессов; имплицитное следование целостных локализованных и нелокализованных во времени действий. Устанавливается роль разноуровневых средств в выражении таксисной семантики.

Ключевые слова: зависимый таксис, аспектуально-таксисные ситуации с семантикой последовательности, деепричастия несовершенного вида, деепричастные конструкции, глаголы движения

Для цитирования: Иванова-Жданова Е.Ю. Особенности реализации таксисной семантики последовательности в конструкциях с деепричастиями от глаголов движения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 88–95. doi: 10.17223/15617793/500/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/10

The peculiarities of expressing the taxis semantics of consecution in constructions with adverbial participles formed from verbs of motion

Elena Yu. Ivanova-Zhdanova¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Abstract. The research examines the taxis semantics of consecution in utterances with adverbial participles formed from verbs of motion, which has not been studied earlier. The aim of the research is to characterize aspectual-taxis situations which include adverbial participles formed from verbs of motion. The study was carried out with the use of the method of functional analysis based on Alexander Bondarko's theory of categorical situations. The material of the study is adverbial participles formed from correlative pairs of non-prefixed autocausive verbs of motion and their prefixed derivatives with spatial semantics (*v-*, *vy-*, *pod-*, *ot-*, *pri-*, *u-*), utterances with these adverbial participles taken from the main subcorpus of the Russian National Corpus. As a result, it was established that a significant role in expressing taxis semantics belongs not only to the aspect forms of adverbial participles in taxis pairs, but also to lexical semantics of adverbial participles and finite verbs, as well as of their expanders. Along with the standard aspectual-taxis situations of consecution with perfective adverbial participles, special types in which imperfective adverbial participles function were identified: (1) precedence of completed actions non-localized in time; (2) precedence of processes localized in time; (3) implicit following of completed actions localized and non-localized in time. In the situation of precedence of completed actions non-localized in time, the adverbial participles of both aspects are synonymous, differing in their interpretive component. In the situation of precedence of processes localized in time, subtypes were described that are distinguished depending on unidirectional/non-unidirectional movement expressed by adverbial participles, as well as semantics of finite verbs. Imperfective adverbial participles with the semantics of unidirectional movement can express both a process that has reached a spatial goal and an interrupted process. Imperfective adverbial participles with the semantics of non-unidirectional movement can express the completion of a process of movement due to uncontrolled moving of the subject to a place. In the situation of implicit following of completed actions, imperfective adverbial participles denote the time limits within which the action of a finite verb is done, and taxis semantics is expressed with the help of lexical meanings of members of a taxis pair, expanders, extralinguistic factors. The conducted research shows that studying utterances with adverbial participles formed from particular lexical groups of verbs enables to expand the idea of aspectual-taxis situations that can be conveyed in adverbial participial constructions.

Keywords: dependent taxis, aspectual-taxis situations with semantics of consecution, imperfective adverbial participles, adverbial participial constructions, verbs of motion

For citation: Ivanova-Zhdanova, E.Yu. (2024) The peculiarities of expressing the taxis semantics of consecution in constructions with adverbial participles formed from verbs of motion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 88–95. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/10

Введение

Начало изучению категории таксиса в русском языке и в других языках мира положила работа Р.О. Якобсона, в которой таксис характеризуется как «сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [1. С. 46]. В этой работе деепричастие в русском языке впервые было обозначено как основное средство выражения зависимого таксиса.

Концепция таксиса, включающего деепричастие в сферу зависимого таксиса, получила развитие в исследованиях А.В. Бондарко [2], В.С. Храковского [3], С.М. Полянского [4], Т.Г. Акимовой, Н.А. Козинцевой [5], И.В. Архиповой [6] и др.

В понимании таксиса мы следуем за А.В. Бондарко, который определяет его как «временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [2. С. 234] и включает в функционально-семантическое поле сферы зависимого и независимого таксиса.

Основной особенностью зависимого таксиса является отсутствие у слова, называющего действие, абсолютной временной ориентации (ориентации на момент речи). Кроме этого, зависимый таксис выражает «временное отношение между действиями, одно из которых является основным, а второе – второстепенным (сопутствующим)» [2. С. 239]. Ядерным средством выражения зависимого таксиса в русском языке, как уже было отмечено, выступают конструкции с деепричастиями. Соотношение между деепричастием и финитным глаголом называется таксисной парой (ТП), в которой передаются отношения «одновременности/неодновременности (предшествования, следования) одной ситуации Р₁ по отношению к другой ситуации Р₂, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи» [3. С. 20].

Русские деепричастия несовершенного вида (НСВ) в основном специализируются на выражении одновременности действий, а деепричастия совершенного вида (СВ) – последовательности, причём данные таксисные значения являются основными, но не единственными для каждого из видов. Общепризнанна роль видовой семантики в выражении таксисных отношений, и соответствующие отношения принято называть аспектуально-таксисными.

Новым аспектом в изучении таксиса является учёт не только видовых характеристик ТП, но и лексического значения деепричастия. Хотя в литературе уже была отмечена возможность выражения одновременности результативного состояния деепричастиями СВ от глаголов с определённой семантикой (В.В. Виноградов [7], Т.Г. Акимова, Н.А. Козинцева [5] и др.), осо-

бенности таксисного поведения деепричастий определённой лексической группы исследованы недостаточно. Можно отметить только работу Н.В. Зорихиной-Нильссон [8], где рассматривались таксисные конструкции с деепричастиями от глаголов положения в пространстве.

В центре нашего исследования находятся конструкции с деепричастиями от глаголов движения (далее – ДДв), обладающие значительной таксисной спецификой, проявляющейся во взаимодействии с другими языковыми средствами. Такой выбор обусловлен несколькими факторами: деепричастие обозначает грамматически и лексически зависимое от основного глагола действие; группа глаголов движения обладает не только высокой употребительностью, но и значительной аспектуальной спецификой, богатым словообразовательным потенциалом, связанным с семантикой локативности, – всё это предопределяет нестандартность аспектуально-таксисных ситуаций, требующих описания.

В настоящей статье рассматриваются особенности выражения только таксисных отношений последовательности как наиболее естественных для семантики движения, основное внимание уделяется нестандартным случаям, которые до сих пор не исследовались.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на материале ДДв, образованных от 1) 12 коррелятивных пар автокаузативных бесприставочных глаголов движения НСВ: *идти – ходить, ехать – ездить, лететь – летать, плыть – плавать, ползти – ползать, брести – бродить, бежать – бегать, лезть – лазить, нестись – носиться, катиться – кататься, тащиться – таскаться, гнаться – гоняться* (перечень был определён с опорой на Русскую грамматику 1980 [9]); 2) их дериватов с приставками, выражающими пространственную семантику¹ приближения/удаления (*в-, вы-, под-, от-, при-, у-*). Выбор пространственных приставок связан с их большой ролью в русском языке, обусловленной экспликацией направления движения.

Анализ материала толковых словарей русского языка [10–12] показал, что дериваты со всеми отобранными приставками имеются у 8 глаголов: *идти, ехать, лететь, плыть, бежать, ползти, катиться, тащиться*. Ограничения на образование дериватов с частью приставок имеются у 3 глаголов: *нестись* (отсутствуют дериваты с приставкой *от-*, выражающие семантику движения), *лезть* (отсутствуют дериваты с приставкой *от-*), *брести* (отсутствуют дериваты с приставкой *в-*). Не образует дериватов с отобранными приставками глагол *гнаться*², выделяющийся в группе парных однонаправленных глаголов движения наличием семы «с целью настичь кого-либо, что-либо», что, по-видимому, ограничивает возможность образования перфективов со значением достижения пространственного предела³.

В то время как бесприставочные глаголы движения включаются в коррелятивные пары НСВ, объединённые по признаку однонаправленности/неоднонаправленности, приставочные глаголы имеют видовые пары, состоящие из СВ и их вторичных имперфективов НСВ (*войти* – *входить*, *выехать* – *выезжать* и т.д.), и не противопоставляются по однонаправленности/неоднонаправленности: ввиду того что приставки задают исходный/конечный пункт движения, приставочные дериваты выражают направленное движение. Всего материал исследования составили 150 глаголов: 24 бесприставочных глагола НСВ, образующих 12 коррелятивных пар, и 126 приставочных глаголов, образующих 63 видовые пары.

Ввиду формальных ограничений на образование деепричастий спектр ДДв оказывается несколько меньше, чем спектр исходных глаголов движения. Так, среди бесприставочных форм отсутствуют ДДв от глаголов *бежать*, *ехать*, *лечь*, и таким образом конструкции зависимого таксиса с ДДв характеризуются определённой асимметрией: преобладают деепричастия НСВ, имеющие значение направленного движения.

Источником языкового материала послужили данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [13] в количестве 600 высказываний. Для их исследования был применён метод функционального анализа, базирующийся на теории категориальных ситуаций А.В. Бондарко [14].

Результаты исследования

В результате исследования языкового материала были выявлены особенности функционирования ДДв в конструкциях с семантикой последовательности, включающей таксисные значения предшествования и следования как целостных, так и процессных действий.

1. Выражение последовательности целостных действий в высказываниях, включающих деепричастия со значением движения. В типичных аспектуально-таксисных ситуациях с семантикой последовательности употребляются деепричастия СВ, обозначающие целостные действия. К нестандартным можно отнести те ситуации, которые выражают последовательность при помощи ДДв НСВ, способных как передавать целостный факт, так и сохранять процессное значение.

1.1. Выражение последовательности целостных действий в ситуациях временной локализованности. Глаголы движения, как и другие глаголы русского языка, в форме деепричастий СВ в ТП с финитными глаголами могут выражать семантику последовательности в ситуациях временной локализованности.

Следует отметить, что в русском языке значительная роль в передаче последовательности в ТП в ситуациях временной локализованности принадлежит СВ, поскольку представление двух действий как последовательных возможно прежде всего тогда, когда одно из них является завершённым к моменту осуществления второго, что выражается при помощи СВ. В связи с этим предшествование в деепричастных конструкциях, как правило, передаётся деепричастиями СВ.

Данным фактом объясняется преобладание в нашем материале ТП с ДДв СВ, выражающих *предшествование* в ситуациях временной локализованности (68% от общего числа высказываний).

В качестве опорных форм в таких ситуациях выступают финитные глаголы разных лексических групп (восприятия, речи, памяти, знания, физического действия и др.), чем определяется разнообразие ТП, наблюдаемое в нашей картотеке: (1) *Я был уверен, что все они сидят в ресторане, но, войдя в кафе, сразу увидел их там* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); (2) *Выехав за город, барон вспомнил, что с его стороны было довольно опрометчиво отправиться под вечер одному далеко за город* (М. Волконский. Тайна герцога); (3) *Подойдя к входной двери, я поднял руку, чтобы нажать на кнопку электронного замка, и тут меня прострелило снова* (Н. Емельянова. Путешественник); (4) *«Ну чего ты, чего?» – подбежав к матери, шепнул Гошка и потянул её за рукав* (А. Мусатов. Зелёный шум); (5) *Едва отплыв, ощутили, что их неостановимо относит от берега* (Г. Шергова. ...Об известных всем); (6) *Прилетев во Владивосток, мы узнали, что теплоход, на котором мы должны были плыть в Японию, ушёл днем раньше* (Г. Васильев. Роли, которые нас выбирают); (7) *Он тихонько пробрался в гостиную, схватил газету и, убежав в спальню, развернул свежий газетный лист* (А. Аверченко. История болезни Иванова).

В данных примерах репрезентированы локализованные во времени конкретные единичные действия. В ТП с ДДв СВ (*войдя*, *выехав*, *подойдя*, *подбежав*, *отплыв*, *прилетев*, *убежав*) выступают финитные глаголы восприятия (*увидел*, *ощутили*), памяти (*вспомнил*), физического действия (*поднял*, *развернул*), речи (*шепнул*), знания (*узнали*).

Для ситуаций следования с ДДв СВ, в отличие от ситуаций предшествования, характерна большая зависимость таксисной семантики от лексического окружения ТП, некоторые ограничения в функционировании лексических групп глаголов, а также закреплённая постпозиция ДДв относительно финитных форм. Ср.: (8) *Думая, что это может случиться неожиданно и не желая попасть в могущую образоваться воронку, я сам бросился в воду, отплыв шагов на сто* (А. Грин. Табу); (9) *«Урал» развернулся и сдал назад, въехав прямо в здание склада* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!); (10) *Заскрежестав зубами, он выхватил длинную трехгранную иглу, с размахом вонзил ее себе в грудь, достав до сердца, и грохнулся, откатившись на несколько шагов от Чеди* (И. Ефремов. Час быка); (11) *Конёк-горбунок... резко подогнул передние ноги. Друзья перелетели у него через голову, подкатившись прямо к ногам атлантов* (Д. Емец. Тая Гроттер и магический контрабас).

В данных примерах ДДв СВ используются с глаголами СВ с семантикой движения (*бросился*, *сдал*, *грохнулся*, *перелетели*). В (8), (9), (11) семантика следования обусловлена лексическим окружением ТП – пространителями (*в воду*; *прямо в здание склада*; *через голову, к ногам атлантов*), в (10) – взаимодействием семантики финитного глагола *грохнулся* и ДДв СВ *откатившись*. Во всех примерах ДДв находятся в постпозиции относительно финитных глаголов.

Ввиду специфики условий выражения следования в нашей картотеке ТП, передающие следование локализованных во времени действий, значительно уступают ТП, передающим предшествование (9% от общего числа высказываний).

Помимо типовых случаев выражения последовательности формами СВ, в нашей картотеке встретились аспектуально-таксисные ситуации предшествования с формами НСВ, которые употребляются как в локализованных, так и нелокализованных во времени ситуациях.

1.2. Выражение предшествования целостных действий в ситуациях временной нелокализованности. Анализ материала показал, что при выражении последовательности действий в ситуациях временной нелокализованности в ТП могут выступать ДДв обоих видов, при этом в картотеке наблюдается небольшое преобладание ТП с ДДв НСВ над ТП с ДДв СВ (7 и 4% от общего числа высказываний соответственно).

Семантика предшествования в ТП с ДДв реализуется при описании перехода какой-либо границы (предела). Она особенно характерна именно для приставочных ДДв с приставкой *при-*, как правило⁴ передающих семантику предшествования целостного действия: (12) *Часто я ходил по выставкам моих ровесников – а у меня много знакомых художников – а потом, **придя** домой, **говорил** Франческе: «Я бы так мог и мог бы лучше»* (Г. Гупало, А. Данилова. Юрий Норштейн: Опять забыли человека); (13) ***Приходя** домой, отец сразу же **включал** телевизор, хотя сосредоточиться на фильме или программе новостей ему редко когда удавалось* (А. Козлова. Выстрел из прошлого); (14) *Каждый раз, **прилетев**, она звонким чириканьем **выражалась** неприятное удивление, что Сергей всё ещё здесь* (Ф. Искандер. Морской скорпион); (15) ***Прилетая**, а иногда и **приезжая** в Челябинск-40, мы **останавливались** в городе почти на берегу озера в коттедже для москвичей на Школьной улице* (Ю. Сивинцев. Несколько незабываемых встреч).

В данных примерах представлены варианты аспектуально-таксисной ситуации повторяющейся последовательности действий. Употребление ДДв СВ и НСВ с приставкой *при-* синонимичны, но имеют разную интерпретационную природу. Для НСВ кратность является одним из основных аспектуальных значений, а для СВ такая семантика нетипична, подобную ситуацию называют наглядно-примерной, она трактуется следующим образом: «...выделяется один из повторяющихся актов и представляется как ограниченный пределом целостный факт, являющийся своего рода примером, который даёт наглядное представление о других подобных актах» [9. С. 607].

Для такого употребления СВ необходима контекстуальная поддержка (в данном случае кванторы *часто, каждый раз*), для НСВ различные кванторы повторяемости (*часто, редко, иногда, по вечерам, каждый вечер* и под.) типичны, но необязательны, так как повторяемость уже содержится в семантике ДДв НСВ (*приходя, прилетая, приезжая*) и финитного глагола НСВ (*включал, останавливались*). Выражение последовательности действий более естественно для СВ,

обозначающего целостный факт, для НСВ это возможно при особом значении ДДв и учёте внеязыковой ситуации.

ДДв СВ и НСВ с другими приставками (*в-, вы-, под-, от-, у-*) в ситуациях временной нелокализованности также могут выражать предшествование целостных действий: (16) *Она и правда поздно вставала, являлась к завтраку около часа, последняя, и, **войдя** в столовую, **говорила**: «Здравствуйте все!»* (В. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург); (17) *Раньше, едва **входя** в отдел кадров, он **раздражался**, нервничал, ощущая на себе взгляд Дубенкова* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); (18) *Было скорее ситуационное привыкание, то есть дома я не курила, а вот **выйдя** из трамвая, например, **ловила** себя на том, что уже иду и курю – даже не заметила, как руки сами сигарету **вытащили** и в рот **вставили*** (Наши дети: Подростки); (19) *Последние дни, каждый раз, **выходя** на улицу, Чонкин **задира**л голову и глядел в небо, не появится ли там медленно растущая точка* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); (20) *Некоторые птицы **выпархивали** у нас из-под ног и, **отлетев** немного, **садились** опять на землю* (В. Арсеньев. По Уссурийскому краю); (21) *...люди, **отлетая** в сторону, **шлёпались** на пол с мягким звуком, точно подушки, и лежали неподвижно; некоторые, отскакивая, вертелись одиноко и парами, но все падали один за другим* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Примеры демонстрируют возможность альтернативного употребления как ДДв СВ, так и НСВ ДДв (*войдя/входя, выйдя/выходя, отлетев/отлетая*) для выражения предшествования повторяющихся действий. Как и в (12) – (15), на повторяемость указывают формы НСВ финитных глаголов (*вставала, являлась, говорила; ловила; садились; шлёпались, падали*), показатели повторяемости (*раньше, каждый раз*), а также локативные показатели (*в столовую, в отдел кадров, из трамвая, на улицу*), указывающие на пересечение границы, новую ситуацию.

ДДв НСВ с приставками *в-, вы-, под-, от-, у-* не всегда передают предшествование целостного факта, они могут сохранять и значение процессности, что позволяет говорить об особой роли лексической семантики ДДв, финитных глаголов, лексического окружения ТП в выражении таксисных отношений, ср.: (22) *...тот... каждый раз, **входя** в гостиную, **отыскивал** его глазами, чтобы вступить с ним в новый спор* (М. Петухова. Славянофильско-западнический спор в воспоминаниях Д. Свербеева); (23) *Рябчики, как мы замечали, **вылетая** из чащи, **пробирались** на те же листовенницы* (А. Черкасов. Култума).

В высказываниях (22) и (23) фиксируются типичные действия, ДДв НСВ сохраняют семантику и процессности, и предшествования благодаря указанию на границу, которую пересекает субъект (мог начать действовать, ещё не перейдя границу, но только в новом пространстве можно совершить начатое действие).

Таким образом, при передаче предшествования повторяющихся целостных действий возможно функционирование обоих видов ДДв, которые различаются

интерпретационным аспектом, в большей или меньшей степени зависят от контекстуальных показателей, лексических особенностей самого деепричастия, характеристики внеязыковой ситуации. Выявленная вариативность употребления видовых форм ДДв, имеющих значение целостного действия, связана с тем, что им не принадлежит ведущая роль в передаче временной нелокализованности.

2. Выражение предшествования процесса в ситуациях временной локализованности. К нестандартным случаям относится и выражение ДДв НСВ процесса, предшествующего другому действию в ситуации временной локализованности. В ходе анализа были выявлены следующие аспектуально-таксисные ситуации этого типа: 1) предшествование процесса движения его завершению; 2) предшествование прерываемого процесса движения. В количественном отношении данные ситуации значительно уступают типичным аспектуально-таксисным ситуациям предшествования локализованных во времени целостных действий (5% от общего числа высказываний).

Предшествование процесса движения его завершению выражается в конструкциях с ТП, включающими бесприставочные ДДв НСВ и финитные глаголы СВ. В зависимости от использования ДДв от одноподнаправленных/неодноподнаправленных глаголов движения реализуются разновидности данной ситуации.

При использовании ДДв от одноподнаправленных глаголов финитный глагол СВ обозначает результат направленного на цель движения (*ползя...*, *вылез;* *летя...*, *приземлился;* *идя...*, *добрался* и т.д.). При этом возможности выражения данной аспектуально-таксисной ситуации несколько ограничены ввиду формальных причин – отсутствия ДДв у таких глаголов, как *бежать*, *лечь*. (24) *Ползя на четвереньках весь день, французы добрались, наконец, перед заходом солнца, до отвесной каменной стены, преградившей им путь* (Н. Чуковский. Водители фрегатов); (25) *Стёпка, то медленно плывя, то барахтаясь, то ползя, выполз, наконец, на что-то вроде берега* (И. Солоневич. Две силы); (26) *Получив кнута, несчастная лошаде́нка, несясь под гору, сумела нас догнать, и её голова попала под пропеллер* (А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова)); (27) *Мы, еле-еле таща́сь, добрались наконец до деревни...* (В. Гурьев. Письма священника с похода 1877–1878 гг.); (28) *Павел пошёл посмотреть, куда же вылился весь этот чузун. Идя вдоль канавы, он добрался до боковой двери цеха, открыл её и очутился на мостике...* (А. Кузнецов. Огонь).

В (24)–(28) ДДв НСВ от одноподнаправленных глаголов движения (*ползя;* *плывя,* *ползя;* *несясь;* *таща́сь;* *идя*) обозначают процесс движения, а финитные глаголы СВ (*добрались,* *выполз,* *сумела догнать,* *добрался*) – достижение его результата. В (24) и (25) актуализирована длительность движения (*весь день,* *медленно*), в (24), (25), (27) – достижение результата благодаря усилиям (*наконец*).

При использовании ДДв от неодноподнаправленных глаголов движения финитный глагол СВ обычно обозначает неконтролируемое завершение процесса дви-

жения – помещение в какое-либо место (*оказался, попал, угодил* и т.п.). Особенность данной ситуации состоит в обозначении результата нецеленаправленного движения – перемещения субъекта в определённую точку. Изолированно неодноподнаправленные глаголы, как известно, не способны выражать подобную семантику (ср: *Он бродил по улицам* – отсутствует результат движения; *Он ходил с места на место* – распространитель абстрагирован от конкретной локализации и выражает хаотичное передвижение субъекта). (29) *Он, бродя по улицам, случайно оказался здесь* (А. Слаповский. Гибель гитариста); (30) *Бесцельно бродя по общежитию, Валера попал как раз в тот изгиб коридора, где жили текстильщицы возрастом сильно постарше* (В. Маканин. Сюр в Пролетарском районе); (31) *Где-то на чердаке Джек нашёл лазейку, через которую выбрался на крышу, и, бегая там, угодил в потолочное окно нашей столовой* (А. Эфрон. Попытка записей о маме); (32) *Однажды я и отец мой Виссарион, ходя по пустыне, пришли к некоторой пещере...* (Епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник).

В (29)–(32) представлена последовательность действий, не зависящая от воли субъекта. ДДв НСВ от неодноподнаправленных глаголов (*бродя, бегая, ходя*) в сочетании с локативными показателями, обозначающими место движения (*по улицам, по общежитию, там, по пустыне*), передают нецеленаправленный процесс движения, финитные глаголы СВ – его неконтролируемое завершение (*оказался, попал, угодил, пришли*). В (30) семантика нецеленаправленности специально актуализирована наречием *бесцельно*. В (29)–(31) неконтролируемое завершение процесса движения актуализировано финитными глаголами (*оказался, попал, угодил*), лексические значения которых включают компонент «неожиданно, внезапно, нечаянно». В (29) неконтролируемость актуализирована также наречием *случайно*.

Прерываемое предшествование процесса движения реализуется в случае, если финитный глагол СВ имеет значение действия, прерывающего процесс одноподнаправленного движения, выраженного ДДв НСВ.

Прерываемое предшествование как одна из разновидностей предшествования специально рассматривалось В.С. Храковским. В качестве иллюстрации исследователем был приведён пример именно с деепричастием от глагола движения: *Перебегая улицу, Петя упал* [3. С. 29].

Такое таксисное значение близко, но несколько отличается от предыдущих, где прерывается ненаправленное движение. В последнем типе движение, называемое деепричастием, является направленным: (33) *Один раз он поскользнулся, выходя из цистерны, упал в воду, потерял сознание и начал тонуть* (П. Талантов. Пионеры психонавтики); (34) *Что будет, если наша подлодка, плывя под водой, врежется в подводную часть айсберга?* (Коллекция анекдотов: иностранные военные); (35) *Он видел, как Бражников упал, выбегая из сарая* (Э. Казакевич. Звезда); (36) *Державин, гонясь за ним, упал, ударился оземь и едва не лишился чувств* (В. Ходасевич. Державин).

В (33) и (34) финитные глаголы (*поскользнулся, врежется*) в ТП выражают действие, прерывающее процесс однонаправленного движения (*выходя, плывя*), причём в (33) также передаётся и последующее изменение пространственного положения субъекта (*упал*). В (35) и (36) финитные глаголы (*упал*) выражают изменение пространственного положения субъекта, которому предшествовало движение (*выбегая, гонясь*).

3. Выражение имплицитного следования в высказываниях, включающих деепричастия со значением движения. Особую аспектуально-таксисную ситуацию представляет собой *имплицитное следование* в конструкциях с ДДв НСВ (7% от общего числа высказываний). В высказываниях подобного типа деепричастия называют движение, которое еще не осуществилось ко времени выполнения действия, обозначаемого финитным глаголом, таких, как: (37) *Уезжая учиться в Москву, Юрий Котельников на вокзале удерживал на своей груди голову Тани Лапишиной* (В. Шапко. Кошка, пущенная через порог); (38) *Недаром раньше, идя в театр, зритель одевался понаряднее, женщины сооружали украшающие их причёски, а мужчины чистили ботинки* (В. Розов. Удивление перед жизнью). Субъект в (37), находясь на вокзале, еще не поехал учиться; в (38) сборы предшествуют походу в театр.

В результате анализа было установлено, такое таксисное значение возможно в том случае, если деепричастия НСВ имеют семантику удаления из какого-либо пункта (употребляются формы с приставкой *у-*) либо движения в какой-либо пункт (используются бесприставочные формы со значением «направляться для достижения чего-л.», обязательен локатив, называющий цель движения). Это значение может быть реализовано и в ситуациях временной локализованности и нелокализованности.

Специфика подобного функционирования ДДв НСВ заключается в том, что с их помощью выражается не процесс движения, а временные рамки действия финитного глагола, охватывающие период до осуществления движения. В таких случаях между деепричастием и финитным глаголом существуют двойные связи: время действия деепричастия определяется с опорой на финитный глагол, но в то же время деепричастие служит ориентиром времени действия финитного глагола.

Важную роль в реализации этого значения играют фоновые знания адресата, экстралингвистические факторы исключают одновременность действий финитных глаголов и движения. Часто деепричастия с приставкой *у-* называют движение на каком-либо виде транспорта (поезде, самолёте, пароходе): (39) *В аэропорту, улетая, встретил сокурсника, довольно шепотного* (А. Ботев. Лимитрофный человек); (40) *Накуну, уезжая из дома, Маша долго собиралась, куксилась, забывала какие-то дорожки ей мелочи, и Валерию не хотелось повторения капризов – они торопились* (О. Покровская. Здравствуй, я). Деепричастные обороты синонимичны предложно-падежным конструкциям *перед отлётом, перед отъездом* и т.п.

Заключение

Проведённое исследование показало, что в русском языке семантика таксиса реализуется благодаря взаимодействию языковых средств разных уровней и средства её выражения не ограничиваются только видовыми формами деепричастий в ТП. Важную роль в реализации таксисных значений выполняют лексико-семантические группы глаголов, в частности с семантикой движения, рассмотренные в данной статье. Анализ показал, что помимо общих правил реализации аспектуально-таксисной семантики существуют особые ситуации, не вписывающиеся в уже описанную систему. На материале ДДв было выявлено, что в конструкциях с семантикой последовательности могут выступать деепричастия НСВ, а не только СВ.

Внимание к взаимодействию лексической и грамматической семантики глагольных форм, а также особенностям их распространителей позволило увидеть новые, до сих пор не описанные аспектуально-таксисные ситуации с ДДв НСВ, в которых передаётся семантический комплекс, включающий временную локализованность/нелокализованность, целостность, процессность, предшествование и следование в пределах выражения таксисной семантики последовательности.

Выделение высказываний с ДДв НСВ, передающих последовательность, осуществляется на фоне нормы (предшествование/следование в ситуации временной локализованности). Охарактеризованы особые случаи:

1) аспектуально-таксисная ситуация предшествования в высказываниях с семантикой временной нелокализованности, где употребление деепричастия НСВ обусловлено необходимостью выразить повторяемость действия, а последовательность обеспечивается их лексической семантикой, особой ролью пространственных приставок;

2) аспектуально-таксисная ситуация в высказываниях с ДДв, выражающими процесс, предшествующий основному действию, в которой выделяются разновидности, характерные для однонаправленных и неоднаправленных глагольных форм, выступающих в конструкции с финитным глаголом СВ, эксплицитно или имплицитно обозначающим завершение движения. При функционировании ДДв с семантикой однонаправленного движения может выражаться как достижение пространственной цели процесса движения, так и прерывание процесса движения. При функционировании ДДв с семантикой неоднаправленного движения без цели выражается его завершение в результате случайного помещения в какое-либо место. Кроме этого, было установлено, что существует особый случай функционирования ДДв НСВ в высказываниях, где они служат для обозначения предшествующего движению временного отрезка, в пределах которого осуществляется действие финитного глагола. Имплицитное следование движения за этим действием выражается за счёт лексического значения глагольных форм в ТП, а также фоновым знаниям адресата, исключаящим одновременность.

Таким образом, в русском языке специального исследования требуют случаи выражения деепричастиями определенных лексико-семантических разрядов

таксисных значений, позволяющих расширить представление об аспектуально-таксисных ситуациях, которые могут реализовываться в конструкциях с деепричастиями.

Примечания

¹ У полисемантических приставок учитывается только пространственное значение.

² Здесь не учитывается страдательное значение формы *гнаться*, которая соотносится с каузативным глаголом *гнать*.

³ Имеющийся дериват *угнаться* с приставкой *у-* не выражает пространственного значения удаления: «следуя сзади, не отстать; поспеть».

⁴ ДДв НСВ с приставкой *при-* могут передавать семантику процесса в ситуациях временной локализованности при употреблении в переносном значении: – *Ты чего тут делаешь?* – *спросил Валерка, медленно приходя в сознание* (М. Трауб. Замочная скважина); в прямом значении у них данная семантика отсутствует: **Медленно приходя домой в тот вечер, она думала о прошедшем дне*.

Список источников

1. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // *Russian and Slavic Grammar Studies 1931–1981*. Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1984. P. 41–58.
2. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л. : Наука, 1987. С. 234–242.
3. Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // *Типология таксисных конструкций*. М. : Знак, 2009. С. 11–113.
4. Полянский С.М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л. : Наука, 1987. С. 243–253.
5. Акимов Т.Г., Козинцева Н.А. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л. : Наука, 1987. С. 257–274.
6. Архипова И.В. Категориальная семантика зависимого таксиса (на материале разноструктурных языков) // *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*. 2021. Т. 15. С. 9–14.
7. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М. : Высш. шк., 1972. 614 с.
8. Зорихина-Нильссон Н.В. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10, № 3. С. 273–298.
9. Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 783 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
11. Большой академический словарь русского языка. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344> (дата обращения: 29.06.2023).
12. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 29.06.2023).
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.06.2023).
14. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л. : Наука, 1987. С. 5–40.

References

1. Jakobson, R. (1984) *Russian and Slavic Grammar Studies 1931–1981*. Berlin: Walter de Gruyter & Co. pp. 41–58.
2. Bondarko, A.V. (1987) Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of semantics and structure of the taxis field]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka. pp. 234–242.
3. Khrakovskiy, V.S. (2009) Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya [Taxis: semantics, syntax, typology]. In: Khrakovskiy, V.S. (ed.) *Tipologiya taksisnykh konstruktсий* [Typology of Taxis Constructions]. Moscow: Znack. pp. 11–113.
4. Polyanskiy, S.M. (1987) Odnovremennost' / raznovremennost' i drugie tipy taksisnykh otnosheniy [Simultaneity/multi-temporality and other types of taxis relations]. In: Bondarko, A.V. et al. (eds) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka. pp. 243–253.
5. Akimov, T.G. & Kozintseva, N.A. (1987) Zavisimyy taksis (na materiale deeprichastnykh konstruktсий) [Dependent taxis (based on participial constructions)]. In: Bondarko, A.V. et al. (eds) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka. pp. 257–274.
6. Arkhipova, I.V. (2021) Kategorial'naya semantika zavisimogo taksisa (na materiale raznostrukturykh yazykov) [Categorical semantics of dependent taxis (based on the material of differently structured languages)]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. 15. pp. 9–14.
7. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical doctrine of words)]. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk.
8. Zorikhina-Nil'sson, N.V. (2014) Taksisnye deeprichastnye konstruktсий s glagolami standartnogo polozheniya v prostranstve v russkom yazyke [Taxis participial constructions with verbs of standard position in space in the Russian language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistsicheskikh issledovaniy*. 3 (10). pp. 273–298.
9. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk: Poligrafresursy.
11. Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. (2004–cont.) [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344> (Accessed: 29.06.2023).
12. Kuznetsov, S.A. (ed.) (n.d.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (Accessed: 29.06.2023).
13. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru> (Accessed: 29.06.2023).
14. Bondarko, A.V. (1987) Vvedenie. Osnovaniya funktsional'noy grammatiki [Introduction. Foundations of functional grammar]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka. pp. 5–40.

Информация об авторе:

Иванова-Жданова Е.Ю. – преподаватель кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Yu. Ivanova-Zhdanova, lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 02.01.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 02.01.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 792.072
doi: 10.17223/15617793/500/11

Российская профессиональная и «любительская» театральная критика в зеркале дискуссий

Марина Александровна Мясникова¹, Артем Андреевич Новоселов²

^{1, 2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
¹ avi89@yandex.ru

² artemnovosyolov99@yandex.ru

Аннотация. Статья, посвященная дискуссиям о российской театральной критике, раскрывает механизмы и последствия ее разделения на профессионалов и «любителей», пишущих об одних и тех же спектаклях, но с разной степенью ответственности и на разных площадках – в специальных изданиях не для массовой аудитории и в любительских блогах, легкодоступных для всех. Согласно предложенной гипотезе, преодоление разрыва возможно в ходе профессионализации любителей и освоения блог-пространства профессионалами.

Ключевые слова: театр, театральная критика, бумажная пресса, электронная версия, блог, профессионал, «любитель»

Для цитирования: Мясникова М.А., Новоселов А.А. Российская профессиональная и «любительская» театральная критика в зеркале дискуссий // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 96–106. doi: 10.17223/15617793/500/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/11

Russian professional and “amateur” theater criticism in the mirror of discussions

Marina A. Myasnikova¹, Artyom A. Novoselov²

^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ avi89@yandex.ru

² artemnovosyolov99@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to discussions in old and new media about the state of modern Russian theater criticism and reveals the mechanism and consequences of dividing its authors into professionals and “amateurs” who write about the same performances, but with different degrees of responsibility and on different platforms – in special publications not for a mass audience and in amateur blogs that are easily accessible to everyone. A whole layer of scientific literature on theater criticism and theater journalism existing today in the conditions of digitalization of the media space and reflecting the phenomena of digitalization of the theater itself was studied. The theater critic has always not only assessed the phenomena of art, but also described them, trying to preserve living emotional impressions, recreating the appearance of disappeared performances, recording unique moments of acting, measuring the “temperature” of the auditorium; analyzed the changing styles and artistic trends, preferences, tastes and moods of the public. It would seem that the tasks of a professional theater critic remain the same. In fact, much has changed not only in its status, goals, functions, tools, and the content it creates, but also in the situation around it. Today we are witnessing the emergence of a new generation of young theater critics, who do not always have a special theater education, have never worked in professional media, call themselves bloggers, but are just as active as professionals in judging the theater. The topic of this study seems relevant since the discrepancies between the points of view expressed by the designated parties on modern theater are becoming more and more obvious. Therefore, the aim of our research is to study Russian theater criticism through the prism of the discussions going on around and within it. The study used the method of observing the practice of modern theater criticism, analyzed joint discussions published over the past ten years in the Russian media and the Internet, individual interviews and articles by professional representatives of the theater critical workshop and “amateur” bloggers about the purpose of criticism and the meanings it defends and the tools used. As a result, differences in the work of professional theater critics and representatives of amateur theater blogging, on the one hand, and, paradoxically, a tendency towards their convergence, on the other, were revealed. The described situation differs from the relationship in the environment of professional and blogger journalism, which is not related to such a specific field as theater. The most advanced “amateur” theater critics understand that they still cannot exist without knowledge of its fundamentals and deep mastery of the profession, and specialists feel a natural urge to move to the blogosphere, which they consider as an attractive platform for reaching the audience in conditions of a shortage of traditional print media.

Keywords: theater, theater criticism, print media, electronic version, blog, professional, “amateur”

For citation: Myasnikova, M.A. & Novoselov, A.A. (2024) Russian professional and “amateur” theater criticism in the mirror of discussions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 96–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/11

Введение

Сначала уточним понятия. Профессиональными критиками мы именуем тех, кто, во-первых, имеет профессиональное театроведческое образование, во-вторых, давно приобщился к профессии театрального критика и, в-третьих, работает в специализированном театральном СМИ, хотя одновременно мог завести и собственный блог. Термин «любительская» критика носит условный характер, так как к ней мы относим людей, также в отдельных случаях получивших театральное образование, но все-таки, как правило, не работающих в профессиональных изданиях. Часто они занимаются также кино, литературой, изобразительным искусством, выступают как создатели локальных театральных проектов. От профессионалов их отличают: отсутствие пиетета перед авторитетами; простота, доступный для неспециалистов язык; оперативность, свобода, субъективизм и эмоциональность высказываний по поводу любых явлений современного театра в социальных сетях и на различных интернет-платформах. Именно блогерство является для них первостепенным занятием, что не характерно для критиков-профессионалов.

Тема нашего исследования является актуальной, так как сегодня в статусе традиционных театральных критиков происходят заметные перемены, связанные с тем, что они лишаются своего прежнего лидирующего положения в профессии по отношению к театру и зрителю. Место дорогостоящих печатных СМИ (которые не доставляются прежним путем, на которые не подписываются читатели и тиражи которых неуклонно падают) все больше занимают новые электронные издания, а сами критики меняют привычные функции аналитиков и «оценщиков», на управленческие или продюсерские. Со стороны стихийной любительской критики чувствуется теперь серьезная конкуренция. Это ведет к тому, что профессионалы тоже частично перебегают в блогосферу, рассматривая ее в условиях дефицита традиционных печатных СМИ как attractive площадку для выхода к аудитории.

В то же время появляется генерация молодых театральных критиков, не всегда имеющих специальное театроведческое образование, никогда не работавших в профессиональных СМИ, но именующих себя блогерами, сильно «насмотренных», т.е. весьма продвинутых в плане знания театральных постановок, и столь же активно, как профессионалы, берущихся судить о такой традиционной, требующей специальных знаний и вечно обновляющейся сфере, как театр. Более того, судить по-другому, чем прежде. Образцом подобной театральной критики является манифест блогера Виктора Вилисова (изданный несколько лет назад в традиционном книжном формате под знаковым названием «Нас всех тошнит. Как театр стал современным, а мы

этого не заметили»), многих шокировавший, но и заставивший задуматься о пришествии нового поколения критиков театра [1]. В 2016 г. Вилисов завел первый театральный телеграм-канал. «А до этого почти четыре года писал тексты и два года делал с командой волонтеров свой журнал „Слам“, такое small media, – как рассказывал он о себе сам. – К каналу я не относился серьезно, пока не стало понятно, что он переворачивает ситуацию в российской театральной критике и вообще коммуникационный ландшафт российского театра» [2].

Не замечать этого стало уже невозможно. И тогда профессиональные критики сами в ходе дискуссий и опросов начали искать точки соприкосновения разных поколений, улавливать черты сходства и различий в представлениях о театре, принадлежащих профи и «любителям», вырабатывать новые правила взаимоотношения сторон. Так, Павел Руднев, например, глубоко убежден, что функция критика – «понимание другой личности как себя, вхождение в чужой мир и разбор его творчества по его законам. Понимание возможно только тогда, когда есть уважение. Без уважения понимания никогда не будет» [3]. Дискуссии о новых явлениях в театре и театральной критике идут сегодня во всем мире [4–7], в том числе и в России.

А потому объектом исследования в данной статье и стали дискуссии в старых и новых медиа, посвященные российской театральной критике и ее разделению на профессиональную и любительскую, а предметом – механизмы и последствия этого разделения, что создает, по существу, конфликтную ситуацию, разрешение которой, согласно поддерживаемой в статье гипотезе, может быть достигнуто в результате движения сторон навстречу друг другу.

Целью нашего исследования является изучение российской театральной критики сквозь призму упомянутых дискуссий о разделении ее на два отдельных русла, что, безусловно, оказывает влияние и *на сам театр, и на публику* вследствие несовпадения подходов к анализу театральной ситуации и конкретных театральных продуктов со стороны профессионалов и так называемых любителей, пишущих о театре,

Для достижения намеченной цели решались следующие задачи:

1. Собирались высказывания профессиональных театральных критиков за последние десять лет о состоянии дел в профессии (в том числе и в регионах).
2. Рассматривались предпринимаемые Ассоциацией театральных критиков России меры для *связывания разрозненного театрального мира, культурной консолидации страны, организации диалога между двумя руслами критики, зрителем и театром*.
3. Осуществлялась практическая медиаобразовательная работа со студентами вуза (УрФУ, г. Екатеринбург).

4. Изучалась деятельность профессиональных критиков-блогеров.

5. Анализировались проекты «Театрология» (2018) и «Театралий» (2018), посвященные обсуждению дел в театральном блогинге.

6. Осмыслились традиции русской театральной критики.

7. Определялись особенности современной российской театральной критики и пути преодоления противоречий, существующих между ее профессиональным и любительским вариантами.

В ходе исследования применялся метод включенного наблюдения за практикой современной театральной критики, существующей в новой медиареальности на разных носителях¹, а также анализировались опубликованные за последние 10 лет в СМИ и Интернете совместные обсуждения, интервью, статьи профессиональных представителей театрально-критического цеха и блогеров-«любителей» о предназначении критики, об отстаиваемых ею смыслах и используемом инструментарии, в основе которого лежат четкие ориентиры для восприятия театрального спектакля и написания профессиональной театральной рецензии.

При подготовке статьи был изучен целый пласт научной литературы, посвященной театральной критике и театральной журналистике, которые существуют сегодня в условиях цифровизации медиaproстранства и отражают явления цифровизации самого театрального действия, когда театральная коммуникация связывается с эстетикой перформативности, в результате чего достигается высокая степень зрительской интерактивности [8–11]. Подобные исследования ведутся и за рубежом [12–14]. Так, эстетика перформативности подробно описана в известной работе немецкой исследовательницы театра Эрики Фишер-Лихте [12]. Отмечая появление новых форматов в театральном цифровом дискурсе, среди которых наибольшее распространение получили театральный блогинг и театральный стриминг, о чем пишет исследовательница Е.С. Дорошук [15], российские ученые, как оказалось, в академическом плане пока еще мало касаются взаимоотношений профессиональных критиков и критиков-«любителей» [16]. Серьезная научная полемика об идеологии и инструментарии современной театральной критики с критиками-любителями ведется редко. Продолжается изучение в историческом [17, 18] и теоретическом аспектах преимущественно профессиональной (а не «любительской») театральной критики и журналистики: уделяется внимание особенностям функционирования профессиональной театральной критики в СМИ [19–22], деятельности театральных журналов, их генезису и типологии [23], жанрам театральной критики, в особенности рецензии с точки зрения ее природы, структуры и стилистики [24–33]. В последние десятилетия выходят в свет новые учебные пособия по театральной критике [34–36], служащие уточнению многих вопросов теории и функционирования театральной критики. В подготовке упомянутых изданий участвуют также практикующие театральные критики. На этом фоне *новизна* данного исследования состоит в том, что здесь обобщены различные мнения по

поводу сложившейся ситуации в театральной критике; затрагиваются дискуссионные аспекты параллельного существования профессиональной и любительской театральной критики; вскрываются особенности обеих и поддерживается гипотеза, связанная с путями преодоления противоречий между ними благодаря движению отдельных любителей в сторону глубокого овладения профессией, а профессионалов – к сокращению дистанции с читателем благодаря обращению к инструментарию блогинга. В этой связи заслуживает также особого внимания статья профессора Академии русского балета имени А.Я. Вагановой, доктора искусствоведения В.И. Максимова [37], подробно и основательно, в контексте традиций русской театральной критики разбирающего позицию вышеупомянутого театрального критика-блогера Виктора Вилисова.

Профессиональная критика

Итак, как мы обнаружили, о критике профессионального и любительского статусов чаще всего пишут сами критики, размышляя об изменениях, происходящих в профессии. Ибо критика есть отражение не только жизни театра и отдельных его мгновений, но и диалог со временем. «Театральной критике в России больше 250 лет, я очень уважительно отношусь к этой профессии, – говорила в одном из интервью главный редактор “Петербургского театрального журнала” (ПТЖ) Марина Дмитриевская. – Не хочется потерять опыт наших предшественников. Поэтому журнал существует для сохранения профессии, ее культуры, статуса. <...> Я все больше думаю, что мы сохраняем “ПТЖ” как территорию свободы и независимости» [38]. У журнала есть свой сайт и блог. Однако традиционные периодические издания переживают не лучшие времена. Более того, сегодняшнее положение отечественной критики определяется как кризисное. Сама профессия, по мнению Дмитриевской, стала не очень популярной. И тем не менее журнал, ориентированный на профессионалов и гуманитарно развитых зрителей, продолжает держать планку. Театральная критика многоадресна. «Театры ставят не для критиков, как и критики, работают не только для театров. Мы пишем для истории театра, для зрителей, которые видели спектакль, и для тех, кто не успел посмотреть. И для самих себя тоже, чтобы через свою профессию разобраться с миром...» [38], – убеждена М. Дмитриевская. Эту мысль подтверждают и другие авторы. Театру необходим откровенный разговор о его работе [39]. И «если этого не происходит, то сам театр остается в неведении, что он делает» [40], – поясняет автор ПТЖ Надежда Стоева. «Даже если предположить, что все театры сегодня исчезнут, обществу понадобятся критики. Хотя бы для того, чтобы объяснить, почему театры исчезли и какой гуманитарной катастрофой это может обернуться» [41], – справедливо замечает Алла Шендерова.

Основная масса театральных изданий продолжает свою жизнь в Интернете. Чуть больше 10 лет назад критик, а затем редактор журнала «Театрал» Виктор

Борзенко провел типологическое исследование специальных театральных интернет-изданий, выделив следующие группы [42]: издания театров; сайты, посвященные отдельным театральным деятелям, театральным премиям и фестивалям; порталы интернет-трансляций; сайты обзорного характера, содержащие рецензии, статьи и обзоры театральных постановок; блоги, интернет-дневники театроведов и критиков; наконец, интернет-издания рекламной направленности. «Сегодня критиком – к счастью или к сожалению – может стать любой, кто заведет себе аккаунт и начнет писать о спектаклях, которые он посмотрел» [40]. «Сегодня театральный блог в России – это, прежде всего, площадка для общения с аудиторией. Для продвижения блога используют социальные сети, помогающие быстро распространить информацию, позволяющие ориентироваться на личные контакты и знакомства, что значительно усиливает доверие к информации, которую распространяет блогер... Это наличие поля для комментариев читателей, открытые или анонимные голосования, чаты для общения и т.п.» [16]. Как видим, возможности для театральных публикаций в Интернете имеются. Соответствуют ли этим возможностям сами пишущие?

Одну из дискуссий на эту тему театроведы и театральные журналисты Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других городов России провели в 2012 г. в рамках круглого стола на страницах газеты «Культура» [40]. Интересно сравнить, что говорили критики тогда и что обсуждают сейчас. В 2012 г. отмечалось, что театральные критики не только открывают свои сайты, блоги, странички в соцсетях, но все чаще внедряются в театральное производство, становятся театральными менеджерами, экспертами театральных фестивалей и премий, входят в состав конкурсных жюри, т.е. постоянно расширяют поле своей деятельности. Похожая ситуация наблюдалась и в 2020 г. как за рубежом [7], так и в России. «Критики, кто мог и хотел, жадно осваивали язык нового театра и учились о нем писать. Но пишущих становилось все меньше – раз другой опубликовавшись в газете, получив копеечный гонорар и тумачи от старших (тех, кому новый театр не нравился категорически), они уходили в завиты, продюсеры, архивисты – становились историками театра. <...> Они преподают, организуют фестивали, лаборатории и читки, работают экспертами, ездят по стране и обсуждают спектакли (такое обсуждение с труппой кажется пыльной архаикой, но эти разборки очень востребованы – театру необходим взгляд извне и фидбэк) [41].

При этом печатная пресса активно закрывалась в регионах. В сложившихся обстоятельствах театральный критик из Перми Татьяна Тихоновец также подчеркивала значение интернет-ресурсов, в частности местных театральных порталов, доступных везде. «Есть разрыв между новыми инструментами и прежним поколением журналистов, которые этих инструментов не знают и не понимают, которые привыкли писать только в газету» [40]. Им очень трудно поменять свои профессиональные стереотипы, поскольку в Ин-

тернете надо писать по-другому. Там другая аудитория, другой формат. Поэтому журналист из Новосибирска Нина Пашкова и предлагала пойти дальше, объединив усилия местных и столичных критиков в использовании возможностей Интернета: «Это общее пространство, способное объединить театры России. Объединив силы, консолидировав ресурсы, сконцентрировав информацию на одном сайте, мы получим мощный межтеатральный, межрегиональный коммуникатор – которого, судя по всему, нам всем сегодня так не хватает» [40].

В 2015 г. в России, как ранее в других странах мира [43], была создана ассоциация театральных критиков, которые намеревались связать разрозненный театральный мир, консолидировать страну, организуя диалог между зрителем и театром. Ассоциация стала проводить творческие лаборатории для пишущих о театре, организовала по всей стране школы театрального блогера. Они возникли в Воронеже, Пскове, Омске, Новосибирске, Улан-Удэ и других городах России.

Кстати, медиаобразовательной деятельностью в сфере театральной критики на традиционном екатеринбургском фестивале «Коляда-PLAYS» уже несколько лет подряд занимаются и авторы этих строк при участии самого Николая Коляды в ходе работы над бумажным вариантом фестивальной «Театральной газеты» со студентами Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Коляда, вывешивающий электронную версию этой газеты на сайте театра, тем не менее с удовольствием каждое утро раздает свежие печатные номера газеты участникам, гостям и членам коллегии критиков. В 2021, 2022, 2023 гг., как и прежде, было выпущено 10 номеров в течение 10 дней. Газета важна тем, что в работе над ней происходит встреча начинающих театральных критиков и блогеров с настоящим, взрослым театром и профессиональными театральными критиками, каждый вечер обсуждающими спектакли прошедшего дня. Студенты смотрят спектакли, влюбляются в живой театр, знакомятся с актерами, режиссерами, критиками и театроведами, учатся постигать азы профессии, наслаждаются праздничной атмосферой фестиваля и преодолевают любительские представления о театре, основанные на чисто эмоциональном восприятии, незнании театральной терминологии, неумении описывать и разбирать спектакль как результат приложения сил многих профессионалов.

На протяжении последних лет в спорах, трудах и преодолениях всевозможных препятствий профессиональная критика все же почувствовала необходимость задуматься об изменении привычных методов своей работы на фоне растущей активности молодежи. Как и следовало ожидать, последняя оказалась в дальнейшем куда более склонной к сетевой работе, благодаря чему ей удалось привлечь к себе внимание широких читательских и зрительских масс в отличие от традиционной критики, у которой отношения с этими массами складывались не всегда.

Но как только у традиционной критики объявились реальные сильные конкуренты – блогеры-«любители», не всегда со специальным театроведческим образова-

нием, но очень активные, насмотренные, всегда готовые к коротким высказываниям в своих сетевых дневниках [44], привычная для масс-медиа «схема взаимодействия производителя и потребителя информации “один – многим” сменилась на новую – “многие – многим”» [45]. Тогда, оценив возможности Интернета («где нет ни спонсоров, ни покровителей, ни редакторов и можно писать все что угодно» [45]), наиболее продвинутые профессионалы также начали заводить собственные блоги на портале LiveJournal.com. Первыми среди профессионалов появились в Интернете Сусанна Альперина (писатель, продюсер, журналист «Российской газеты»), Эмилия Деменцова (кино- и театральный критик, журналист, редактор, публицист, преподаватель-исследователь, автор публикаций в «Комсомольской правде»), Григорий Заславский (театральный критик, ректор Российской академии театрального искусства – ГИТИС/РАТИ); Дина Годер (журналист, киновед, театральный и анимационный критик); Валерий Кичин (журналист, кино- и театральный критик, радиоведущий, обозреватель «Российской газеты»), Павел Руднев (театровед, театральный критик, арт-менеджер, преподаватель); Вячеслав Шадронов (арт-критик). По аналогии с драматическим театром, который сегодня движется навстречу зрителю, и критики-профессионалы переместились в социальные сети. Помимо личных постов и фотографий там появляются отзывы о спектаклях, ссылки на публикации и краткие комментарии, призывающие подписчиков к обсуждениям. Основной целью театральных критиков, перенимающих функции блогеров, является общение с целевой аудиторией, имеющей представление о современном искусстве. То же происходит во всем мире [46].

Правда, пока профи еще недооценивают своих молодых коллег с их новыми медиа. Но стиль дневников становится иным, нежели в прежних традиционных публикациях: критики пишут что-то типа «конспектов» своих будущих статей, используя разговорный язык и ни к чему не обязывающий тон. Для публикаций в блогосфере характерны оперативность и свобода слова, а преимуществами традиционной критики всегда были ее профессионализм и качество текстов. Но постепенно интернет-блоги становятся все интереснее, привлекая все новых читателей. При этом традиционные театральные критики способны не только анализировать спектакли, но и улавливать общие тенденции развития театра. Они более ответственны, сообщаемая ими информация достоверна, а позиции строго аргументированы. Добавим к этому языковую, этическую культуру, специфическую стилистику, ориентацию на конкретную целевую аудиторию с повышенным интеллектуальным уровнем, основательность анализа, наличие в текстах научности, системности, идейно-смысловых начал. «Эти материалы выполняют роль инструмента в популяризации не только театра как художественного явления, но и тех идей и мыслей, которые он транслирует» [47]. Остаются, однако, у традиционной критики и недостатки: зависимость контента, тиража, периодичности изданий, с которыми они по-прежнему связаны, от их владельцев; проблемы дис-

трибуции, мешающие удовлетворить информационные потребности населения; неготовность большой части аудитории отказаться от бумажных изданий. «Недостаток острой театральной критики, избирательность в освещении художественных явлений (в погоне за прибылью “коммерчески непривлекательные” аспекты театра, как правило, остаются без внимания редакции изданий), маргинализация творческих личностей, которые пренебрегают интересами целевой аудитории, – те явления, которые характерны для современной российской театральной периодики» [47].

Диалог сторон

Однако в конечном итоге профессионалы все-таки двинулись в сторону молодой театрально-критической «поросли» и вступили с ними в прямой диалог в декабре 2018 г. в проекте «Театрология» [48]. В дискуссии о критике участвовали и традиционные театральные критики, люди с учеными степенями, и театральные блогеры. Образовался довольно интересный набор разнообразных мнений. Были сформулированы задачи театральной критики. Доктор искусствоведения Вадим Максимов определил критику как рефлексию «по поводу спектакля... Зритель воспринимает чувственно, а критик дает осмысление <...> Надо сказать больше, чем то, что увидел зритель... вскрыть больше, чем думает сам режиссер» [48]. Виктор Вилисов обозначил направления развития театрально-критической мысли – не только в сторону анализа спектаклей, но и изучения жизни театрального сообщества, проблем и конфликтов внутри него. Это, по его мнению, «сейчас как-то аккуратно замалчивается, хотя поговорить есть о чем: и о строгой иерархичности, и о непрозрачности, и о “чудовищном” театральном образовании... То, о чем пишут театральные блогеры – и что предпочитают не замечать критики, не понимающие современность <...> Русская театральная критика базируется на передаче знания сверху вниз, тогда как Интернет позволяет людям делиться информацией со всеми, кому это важно, на равных... театральные критики существуют в иллюзии власти и иллюзии единого культурного поля, на котором произведение может быть понято всеми. <...> Нет никакого профессионализма, есть только интеллектуальная смелость, живое течение жизни и регулярно меняющиеся правила», – утверждал Вилисов [48], отвергая исторически сложившиеся технологии критического анализа. На это молодому автору решительно возражала Татьяна Шеремет (театровед, эксперт театральных премий, в том числе «Золотой софит», член жюри международного фестиваля «Рождественский парад», автор книги «Театр. Нескучная история»): «Театральный критик – одна из ипостасей театроведа. Театральный критик имеет некую базу, эту базу можно получить, как Вы, самостоятельно. К сожалению, не все театральные блогеры эту базу хотят получать». Тут же был задан и другой вопрос: а есть ли у блогеров табу на что-то, о чем они не могут писать? [48].

Театральный куратор Иван Демидкин, который ездит по стране и читает лекции об искусстве, ведет подкаст о современном театре и занимается другими творческими проектами, убежден, что «границы устанавливаются аудиторией...» [48].

Близкую точку зрения высказал в другом месте и театровед, театральный критик Антон Хитров, который никогда не стремился искать грань между критиком и блогером-«любителем». Он просто относил их к разным «кружкам» и при этом полагал: «чтобы добиться чего-то в этой профессии, нужно найти читателя, для которого не пишут» [3]. То есть и тем и другим важно иметь *свою* аудиторию. К примеру, Виктор Вилисов занял свою нишу и воспитал своего читателя. Хотя это, безусловно, лишь частные мнения, ибо границы между профессионалами и «любителями» все же остаются, пока «любители» не становятся профессионалами.

В свою очередь, Настя Николаева в проекте «Театралий» в 2018 г. [2] задала вопросы молодым театральным блогерам, среди которых были и профессионалы, чтобы услышать из первых уст, как они добиваются цели сломать традицию деления участников театрального процесса на своих и чужих и при этом стремятся донести до аудитории собственные убеждения.

В их числе был и Виктор Вилисов, который обозначил результаты деятельности так называемых критиков-«любителей», подчеркнув, 1) что главным их достижением можно считать продвижение театра среди неподготовленной аудитории, той категории людей, которые вообще ничего не понимают в театре и никого другого про театр не читают; 2) критики-«любители» – это красивые молодые люди, которые так же, как и он, заинтересованы в сломе иерархий и распределении дискурсивной власти в театральном сообществе; 3) здесь разнообразие гораздо очевиднее, чем в *конвенциональной* тусовке театральных критиков; 4) в среде молодых театральных телеграммеров формируется новый язык и новый способ обращения с театром; 5) PR-департаменты прогрессивных театров, в свою очередь, теперь приглашают на премьеры не только профессионалов, но и чистых театральных блогеров.

Выступивший в упомянутом выше проекте «Театрология» доктор искусствоведения В. Максимов попытался осмыслить в сравнительном ключе конкретный инструментарий, которым пользуются современные критики [48]. Выход книги Виктора Вилисова «Нас всех тошнит. Как театр стал современным, а мы этого не заметили», которую Максимов подробно разобрал в своей статье «К проблеме теоретических основ современной театральной критики», он считает важным событием в российской театральной жизни. «До настоящего времени блогосфера существовала как некая виртуальная реальность, которая нападала на все без разбору “институции” (в том числе театр) и с которой “театральная общественность” бесконечно переругивалась. И вот, наконец, один из самых популярных блогеров “спустился на землю” и выдал основательную бумажную продукцию, имея цель объяснить, что такое театр или, по крайней мере, что под театром понимают блогеры» [37. С. 200].

По мнению В. Максимова, «значение книги Вилисова – не только в актуализации первостепенных во-

просов театра, но и в выполнении важных практических задач» [37. С. 204]. В частности, блогер довольно качественно, со ссылкой на конкретные источники, пересказывает множество спектаклей мирового репертуара [49, 50], правда, без попытки анализа их эстетики, но всегда с описанием визуального образа и выявлением основного приема постановки. По существу, он создает новый тип «практической критики». Добавим, что ценность книги Вилисова состоит еще и в том, что он обращается к необученному зрителю, а не к интеллектуалам или людям театра, о которых М. Дмитриевская отзывалась как об основной аудитории своего журнала.

Любительский театральный блогинг идет по пути констатации фактов и простой фиксации зрительских впечатлений, а не глубокого анализа. Однако, по мнению В. Максимова, ценность В. Вилисова состоит в том, что он, в отличие от других блогеров, все-таки ищет *критерии*, по которым определяется художественное значение спектакля. Хотя при этом отрицает и объективное понимание спектакля, а заодно и интерпретацию. Ведь интерпретация не дает понимания. Об этом рассуждала в свое время знаменитая писательница, философ, сценарист, режиссер и критик Сьюзен Зонтаг [51]. Вилисов полагает, что театр воздействует, прежде всего, формой, техническим приемом, а спектакль надо не анализировать, понимать и оценивать, а смотреть. Отсюда его внимание к визуальному в театре и к художественному визионерству. Его основные тезисы сводятся к тому, что театр не нужно понимать, не нужно интерпретировать; абсолютный приоритет отдается театру визуального восприятия; главной тенденцией становится технологичность. Подлинная же задача критического анализа, по словам В. Максимова, «не объяснять спектакль или предупреждать зрителя об опасностях, не упрощать, а усложнять, доискиваться до сути. Подлинный критик должен соединить эмоциональное и интеллектуальное осмысление спектакля и этим связать замысел режиссера и восприятие зрительного зала» [37. С. 201].

Между прочим, подобные нынешним позиции присутствовали и в традициях русской критики, обозначая определенный дуализм профессии. «Критика есть суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату, чувствуете удовольствие или неудовольствие – вот вкус; разбираете причину того и другого – вот критика» [52. С. 69], – писал В.А. Жуковский. «В этом высказывании, – как отмечает М. Дмитриевская, – утверждается необходимость анализа не только произведения искусства, но и своего восприятия его, “удовольствия или неудовольствия”» [53]. Ведь критик, по мнению Дмитриевской, должен фиксировать не только спектакль, но и себя, его очевидца и летописца. Она пишет, цитируя М.М. Бахтина: «Текст спектакля запечатлевается в сознании критика так и таким, какова личность воспринимающего, каков его внутренний аппарат...» [53]. Ссылки на какую бы то ни было реальность произошедшего на сцене нынче вечером бессмысленны. Той реальности уже нет, она

остается только в памяти, причем у двух сидящих рядом в театре людей по-разному. К тому же критика отличается и от театральной журналистики, занимающейся информированием читателей о тех или иных театральных событиях, и от театроведения, задача которого – «анализ художественного текста, а не пластическое словесное воссоздание образа спектакля, способного в идеале вызвать у читателя эмоциональную реакцию» [53]. В этом смысле критик, по мысли В. Асмуса, – тот же творец, что и создатели спектакля [54]. Причем театральный критик не только дополняет театральный текст своим пониманием, но и оформляет это понимание словесно. Речь идет о важнейшей функции критики – описывать спектакль, сохраняя его для потомков.

В заключение в противовес идее «практической критики» В. Вилисова В. Максимов напоминает классические правила традиционной критики: 1. Анализ должен опираться на четкую эстетическую позицию. 2. Критик выявляет факты, приемы, но не интерпретирует их. 3. Необходимо обнаружить соответствие всех художественных средств спектакля. 4. И речь идет не о том, чтобы выбрать тот или иной метод анализа, а о том, чтобы использовать их все [37. С. 205].

Заключение

Подводя итог, скажем, что в ходе изучения публикуемых в старых и новых медиа дискуссий о состоянии профессиональной и любительской российской театральной критики нами были выявлены особенности той и другой, хорошо высвечиваемые на фоне традиций.

Выявленные нами современные особенности традиционной российской театральной критики таковы: 1) профессиональное образование, знание основ театрального искусства; 2) способность не только анализировать пьесу и спектакль, но и улавливать общие тенденции развития театра; 3) ответственность позиции и достойное качество текстов, достоверность и аргументированность сообщаемой информации; 4) ориентация на конкретную целевую аудиторию с повышенным интеллектуальным уровнем; 5) зависимость от владельцев СМИ; 6) потеря прежнего статуса и влияния как на театральный процесс, так и на зрителей; 7) индивидуальная смена функций критиков-аналитиков и «оценщиков» на продюсерские; 8) перемещение в социальные сети в условиях острой конкурентной борьбы с блогерами-любителями для установления контакта с более широкой аудиторией. Хотя театральная аудитория никогда не бывает массовой.

Для театральных критиков-«любителей» характерны следующие черты: 1) нередко (но не всегда) отсутствие специального театроведческого образования, отсюда – неспособность «оценивать произведение в полноте, будучи изъятым из большого контекста развития искусства» [55]; 2) присутствие в социальных сетях и на различных интернет-платформах, оперативность и свобода публикаций; 3) отношение к театру не как к элитарному объекту, а как к предмету нового интереса, открытому и доступному, что провоцирует явно субъективный подход к анализу спектаклей и даже тяготение к излишней самоидентификации; 4)

индивидуализация оценок, эмоциональность высказываний: «это критика выводов» [55], без описания спектакля, без доказательной базы, без контекста; 5) приверженность новым форматам; как и постдраматический театр, который успешно вышел за границы коробки сцены, блогерская театральная критика существует и за пределами текстового формата рецензий; оригинальные театральные технологии стимулируют интерес к иным формам в искусстве и критике, наталкивая на размышления о «новой оптике»; 6) свежесть интонаций, новый язык, отмеченный стремлением к простоте речи и доступной подаче информации; иные способы общения с читателем сокращают дистанцию между ним и критиком, а отсюда – умение привлечь внимание людей, которые дотоле мало интересовались драматическим искусством или не интересовались им вовсе; 7) смелость в суждениях, отсутствие комплиментарности, отказ от деления участников театрального процесса на своих и чужих; однако независимость высказывания становится подчас важнее его содержания и формы; 8) отступление от этических норм, агрессия по отношению к оппонентам, пафос отрицания.

Как видим, существуют явные несовпадения подходов к анализу театральной ситуации и конкретных театральных продуктов со стороны профессиональных театральных критиков и представителей любительского театрального блоггинга. Профессионалы пишут усложненным языком в специальных журналах, которыми массовая аудитория не интересуется. Тем более молодежная, которой ближе именно молодые блогеры-«любители», но они однако, куда менее компетентны в вопросах театра, чем профессионалы, и в силу этого строят свои доказательства на чистых эмоциях.

В этом «конфликте» заметна та же тенденция, что и в наметившейся сегодня оппозиции так называемого классического и постдраматического театра. Одни стремятся к традиционным подходам в том или ином их варианте, другие пытаются искать новые, «революционные», формы, отсекая то, что они считают «устаревшим». Но, несмотря на кажущиеся различия, обе стороны все же преследуют схожие цели, а значит, рано или поздно встретятся. Гипотеза о сближении профессионалов и «любителей» подтверждается появлением в России специальных школ театрального блоггинга, курируемых профессиональными критиками, в то время как наиболее продвинутые театральные блогеры все чаще получают аккредитацию на культурные мероприятия наравне с профессиональными коллегами. В данном случае ситуация взаимоотношений театральных критиков-профессионалов и критиков-«любителей» отличается от взаимоотношений в среде профессиональной и блогерской журналистики, не связанной с театром. Театрально-критический блоггинг становится площадкой для сближения профессионалов и «любителей» в силу того, что, с одной стороны, наиболее продвинутые «любители» (охваченные духом отрицания традиций) рано или поздно понимают, что не смогут существовать и развиваться дальше без знания теории театра и театральной критики, таких узкопрофессиональных сфер деятельности, которые требуют серьезного изучения их традиций и основ. Причем

встретятся с профессиональными критиками лишь те, кто захочет учиться и познавать законы театра, а не останется на уровне простых зрителей; кто пойдет на курсы, организуемые профессионалами. С другой стороны, профессионалы уже создают собственные блоги, так как активно теряют прежний доступ к зрителю и читателю через посредство традиционных бумажных изданий теат-

ральной направленности в силу тенденции к их закрытию. Таким образом, тягу к сближению и обмену опытом профессионалов и «любителей» в области театральной критики мы можем обнаружить уже сейчас, наблюдая дальнейшую профессионализацию авторов новых медиа, с одной стороны, и стремление печатных изданий к сокращению дистанции с читателем – с другой.

Примечание

¹ Один из авторов данной статьи является членом Союза театральных деятелей РФ и действующим театральным критиком, ученая степень кандидата искусствоведения в области театроведения получена М.А. Мясниковой в ГИТИСЕ / РАТИ в Москве, а второй автор А.А. Новоселов приобщился к театру через студенческую театральную студию, активно участвовал как критик-«любитель» в студенческом проекте факультета журналистики УрФУ «Театральная газета» по освещению фестиваля «Коляда-PLAYS» в Екатеринбурге и хорошо знаком с практикой любительского театрального блогинга.

Список источников

1. Вилисов В. Нас всех тошнит: Как театр стал современным, а мы этого не заметили. М. : АСТ, 2020. 320 с.
2. Николаева Н. «Мне это зачем-то нужно». Кто ведет театральные блоги? Телеграм-канал о театре будет популярен, не так ли? // Театралиум, июль, 2018. URL: http://www.teatralium.com/articles/telegram_kanal/ (дата обращения: 17.01.2023).
3. Николаева Н. «Описать спектакль глядя с Марса». Театральные критики – о текстах для умных и идиотов, собак и невоспитанных коллег // Театралиум. 2018. ноябрь. URL: <https://www.teatralium.com/articles/kritiki/> (дата обращения: 17.01.2023).
4. Radosavljević D., Fisher M., Fricker K.. A Dialogue on Theatre Criticism in the Digital Age // Exeunt. January 09. 2017. URL: <http://www.exeuntnyc.com> (дата обращения: 17.01.2023).
5. Rosenfield W. The role of the theater critic // Broad Street Review. February 19. 2014. URL: <http://www.Broadstreetreview.com> (дата обращения: 17.01.2023).
6. Lahr J. The Business of Lighting: Why Theater Critics Should Look to and Care About Theatre // Nieman Reports. October 3. 2013. URL: <http://www.nieman.harvard.edu/reports/article/102827/The-Illumination-Business.aspx> (дата обращения: 17.01.2023).
7. Heart A. The Death of a Theater Critic // Essay. July 22. 2020. URL: <http://www.theatretimes.com> (дата обращения: 12.01.2023).
8. Левшин К.Н. Тенденции постдраматического театра и перформативности в практике российской традиционной театральной школы в период 2000–2015 гг. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2017. 25 с.
9. Иевлев А.В последние несколько лет в мире появился новый вид искусства – цифровой театр // Infuture.ru. URL: <https://infuture.ru/article/13927> (дата обращения: 12.10.2020).
10. Онлайн фестиваль «Цифровой театр» // YouTube. URL: <https://clck.ru/RuF9f> (дата обращения: 12.10.2020).
11. Власова Т. Digital-переворот. Итоги первого онлайн-фестиваля «Цифровой театр» // Театрал. 2020. 17 августа. URL: <https://teatral-online.ru/news/27757/> (дата обращения: 12.10.2020).
12. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М. : Междунар. театра. агентство «Play&Play»; Канон +, 2015. 376 с.
13. Леман Х.-Т. Постдраматический театр / [предисл. А. Васильева] ; пер. с нем., вступ. ст. и ком. Н. Исаевой. М. : ADCdesign, 2013. 311 с.
14. Уордл И. Театральная критика. М. : Рос. ун-т театрального искусства – ГИТИС, 2013. 200 с.
15. Дорошук Е.С. Новые форматы цифрового театрального дискурса: журналистика о театре в пространстве инновационных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11 (101), ч. 3. С. 32–36.
16. Болгова А., Карпова Т. Театральные блогеры и их влияние на современную театральную журналистику // Гуманитарные науки. Студ. науч. форум : электрон. сб. ст. по матер. XXI студ. междунар. науч.-практ. конф. М. : МЦНО, 2020. № 2 (25). URL: https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/2%2825%29.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
17. Годер Д.Н. Театральный журнал на фоне времени // Театр и русская культура на рубеже XIX–XX веков : сб. науч. трудов. М., 1998. С. 7–29.
18. Борзенко В.В. Российская театральная журналистика 1808–1991 гг. Историко-типологическое исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 23 с.
19. Орлова Т.Д. Театральная журналистика: становление, развитие и особенности функционирования в современных СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2002. 42 с.
20. Бураченко А.И. Этапы развития института театральной критики в провинции // Мир науки, культуры, образования, 2013. № 6 (43). С. 503–505.
21. Сагдуллаев К.К. Театральная журналистика сегодня: вопросы идентичности // Theoretical & applied science. 2015. № 7 (27). С. 147–150.
22. Литвина Д.В. Театр и театральная критика в культуре современного российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2016. 23 с.
23. Шур Ю.Е. Театральный журнал в России: генезис и типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 25 с.
24. Нерсесова Т.Е. Типы и жанры рецензирования в современных печатных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.
25. Шевченко А.С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на примере русского, английского, бурятского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2012. 20 с.
26. Орлова Н.В., Толкушкина Е.Е. Театральная рецензия как жанр публицистического и медийного дискурса // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 204–212.
27. Груздева М.М. Роль языковых средств в создании полифункциональности театральной рецензии // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 54–69.
28. Набиева Е.А. Рецензия как публицистический жанр. М. : Флинта, 2016. 160 с.
29. Груздева М.М. Стилистика театральных рецензий и арт-сознание современности // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 1. С. 48–59.
30. Груздева М.М. Современная арт-рецензия как отражение арт-сознания постмодернистской культуры (к постановке вопроса) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 176–185.
31. Груздева М.М. Театральный дискурс в современных российских СМИ: лингвостилистические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 28 с.
32. Орлова Т.Д. Композиция и структура мини-рецензии. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/161178/1/405-407.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
33. Шантыр М.П. Структура современной театральной рецензии // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы секции «Белорусская журналистика-2019» / редкол. : О.М. Самусевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 83–86.
34. Введение в театроведение: учеб. пособие / сост. и отв. ред. Ю.М. Барбой. СПб. : Изд-во СПб. гос. акад. театр. иск-ва, 2011. 67 с.

35. Семинар по театральной критике : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГАТИ, 2013. 256 с.
36. Куличкина Г.В. Театральная журналистика : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 116 с.
37. Максимов В.И. К проблеме теоретических основ современной театральной критики // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2019. № 2 (61). С. 197–206.
38. Коновалова Е. Марина Дмитриевская: «Мы храним журнал как территорию свободы» // Krskdaily. 2012. Декабрь. URL: <https://www.krskdaily.ru/2012/12/events/dmitrevskaya-ptj-20years> (дата обращения: 12.01.2023).
39. Moore J. Critics' Love for Sale. Why Journalism's Demise Is Bad for Theater. Essay // HowlRound Theatre Commons. April 03. 2013. URL: <http://www.howlround.com> (дата обращения: 17.01.2023).
40. Отклонить или перезагрузить? Современная театральная критика в поисках нового формата // Сибкрай – Культура. 2012. URL: <http://www.sibkray.ru/news/4/390911/> (дата обращения: 17.01.2023).
41. Шендерова А. Лишняя профессия: что будет с театральными критиками после карантина? // Город. 2020. URL: <https://www.the-city.m24.ru/articles/2162> (дата обращения: 17.01.2023).
42. Борзенко В. Театральная журналистика в Интернете // Релга.ру. 2008. № 15 [178] (ноябрь 2008 г.). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2261&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 12.01.2023).
43. Zinoman J. Perspectives in Criticism // American Theater Critics Association. July 22, 2013. URL: <http://www.americantheatre critics.org/homepublic/2013/7/22/jason-zinoman-perspectives-in-criticism.html> (дата обращения: 17.01.2023).
44. Ludmon M. Blogging: The Emergence of a Critical Culture // Bloomsbury (Methuen Drama). 06.08.2020. URL: <http://www.bloomsbury.com/uk/theatre-blogging-9781350068810/> (дата обращения: 17.01.2023).
45. Рожкова К. Театр начинается с Интернета // Горький Медиа. 2012. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2012/3/teatr-nachinaetsya-s-interneta.html> (дата обращения: 17.01.2023).
46. Warne R.T. Criticism 2.0: Benefits and Challenges of Theater Criticism Websites // Critical stages / Scènes critiques IATC Web Journal. 2014. Is. 9. URL: <https://www.critical-stages.org/9/criticism-2-0-benefits-and-challenges-of-theatre-criticism-web-sites/>
47. Болгова А., Карпова Т. Тенденции развития театральной журналистики в России // Гуманитарные науки. Студенческий научный форум : электрон. сб. ст. по материалам XXI студ. междунар. науч.-практ. конф. М. : МЦНО, 2020. № 2 (25). URL: https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/2%2825%29.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
48. Кузовчикова Т. 20 ноября, день первый, проект «Театрология» // Поколение Online. 2018. Декабрь. URL: <https://www.pokolenie-online.ru/20-noyabrya-den-pervyy-j-proekt-teatrologiya/> (дата обращения: 12.01.2023).
49. Contemporary Theatres in Europe: A Critical Companion / ed. by Kelleher Joe and Ridout Nicholas. Abingdon and New York : Routledge, 2006. 214 p.
50. Independent Theatre in Contemporary Europe: Structures – Aesthetics – Cultural Policy / ed. by Manfred Brauneck and ITI Germany. Bielefeld : Transcript, 2017. 602 p.
51. Зонтаг С. Против интерпретации и другие эссе / пер. Б. Дубин. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 351 с.
52. Жуковский В.А. – критик / сост., вступ. ст. и ком. Ю.М. Прозорова. М. : Сов. Россия, 1985. 320 с.
53. Дмитриевская М. О природе театральной критики // Петербургский театральный журнал. 2012. № 1. С. 67. URL: <http://www.ptj.spb.ru/archive/67/memory-of-profession-67/o-prirode-teatralnoj-kritiki/> (дата обращения: 12.01.2023).
54. Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы теории и истории эстетики. М. : Искусство, 1968. 654 с.
55. Кешишева Л. О новых и старых формах театральной критики // Театр. 2020. № 41. URL: <http://www.oteatre.info/o-novyh-i-staryh-formah-teatralnoj-kritiki/> (дата обращения: 12.01.2023).

References

1. Ilisov, V. (2020) *Nas vsekh toshnit: Kak teatr stal sovremennym, a my etogo ne zametili* [We Are All Sick: How the theatre became modern, but we didn't notice it]. Moscow: AST.
2. Nikolaeva, N. (2018) "Mne eto zachem-to nuzhno". Kto vedet teatral'nye blogi? Telegram-kanal o teatre budet populyaren, ne tak li? ["For some reason I need this." Who runs theatre blogs? A Telegram channel about the theatre will be popular, right?]. *Teatralium*. July. [Online] Available from: http://www.teatralium.com/articles/telegram_kanal/ (Accessed: 17.01.2023).
3. Nikolaeva, N. (2018) "Opisat spektakl' glyadya s Marsa". Teatral'nye kritiki – o tekstakh dlya umnykh i idiotov, sobak i nevospitannykh kolleg ["Describe the performance looking from Mars." theatre critics – about texts for smart and idiots, dogs and ill-mannered colleagues]. *Teatralium*. November. [Online] Available from: <https://www.teatralium.com/articles/kritiki/> (Accessed: 17.01.2023).
4. Radosavljević, D., Fisher, M. & Fricker, K. (2017) A Dialogue on Theatre Criticism in the Digital Age. *Exeunt*. 09 January. [Online] Available from: <http://www.exeuntmyc.com> (Accessed: 17.01.2023).
5. Rosenfield, W. (2014) The role of the theatre critic. *Broad Street Review*. 19 February. [Online] Available from: <http://www.Broadstreetreview.com> (Accessed: 17.01.2023).
6. Lahr, J. (2013) The Business of Lighting: Why theatre Critics Should Look to and Care About Theatre. *Nieman Reports*. 3 October. [Online] Available from: <http://www.nieman.harvard.edu/reports/article/102827/The-Illumination-Business.aspx> (Accessed: 17.01.2023).
7. Heart, A. (2020) The Death of a theatre Critic. Essay. *The Theatre Times*. 22 July. [Online] Available from: <http://www.thetheatretimes.com> (Accessed: 12.01.2023).
8. Levshin, K.N. (2017) *Tendentsii postdramaticheskogo teatra i performativnosti v praktike rossiyskoy traditsionnoy teatral'noy shkoly v period 2000–2015 gg.* [Trends in postdramatic theatre and performativity in the practice of the Russian traditional theatre school in the period 2000–2015]. Abstract of Art Cand. Diss. Moscow.
9. Ievlev, A. (2015) V poslednie neskol'ko let v mire poyavilsya novyy vid iskusstva – tsifrovoy teatr [In the last few years, a new type of art has appeared in the world – digital theatre]. *Infuture.ru*. 31 August. [Online] Available from: <https://infuture.ru/article/13927> (Accessed: 12.10.2020).
10. Teatral Online [Theatre-Goer Online]. (2020) On-layn festival' "Tsifrovoy teatr" [Online festival Digital theatre]. *YouTube*. [Online] Available from: <https://clck.ru/RuF9f> (Accessed: 12.10.2020).
11. Vlasova, T. (2020) Digital-perevorot. Itogi pervogo onlayn-festivalya "Tsifrovoy teatr" [Digital revolution. Results of the first online festival "Digital theatre"]. *Teatral*. 17 August. [Online] Available from: <https://teatral-online.ru/news/27757/> (Accessed: 12.10.2020).
12. Fischer-Lichte, E. (2015) *Estetika performativnosti* [Aesthetics of Performativity]. Moscow: Mezhdunarodnoe teatral'noe agentstvo "Play&Play", Kanon +.
13. Lehmann, H.-Th. (2013) *Postdramaticheskiy teatr* [Postdramatic Theatre]. Translated from German by N. Isaeva. Moscow: ADCdesign.
14. Wardle, I. (2013) *Teatral'naya kritika* [theatre Criticism]. Translated from English. Moscow: Russian Institute of Theatre Arts – GITIS.
15. Doroshchuk, E.S. (2020) Novye formaty tsifrovogo teatral'nogo diskursa: zhurnalistska o teatre v prostranstve innovatsionnykh tekhnologiy [New formats of digital theatrical discourse: journalism about theatre in the space of innovative technologies]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 11 (101). Part 3. pp. 32–36.
16. Bolgova, A. & Karpova, T. (2020) Teatral'nye blogery i ikh vliyaniye na sovremennuyu teatral'nuyu zhurnalistiku [Theatre bloggers and their influence on modern theatre journalism]. *Gumanitarnye nauki*. 2 (25). [Online] Available from: https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/2%2825%29.pdf (Accessed: 15.06.2023).

17. Goder, D.N. (1998) *Teatral'nyy zhurnal na fone vremeni* [Theatre magazine against the backdrop of time]. In: *Teatr i russkaya kul'tura na rubezhe XIX–XX vekov* [Theatre and Russian Culture at the Turn of the 20th Century]. Moscow: Voenizdat. pp. 7–29.
18. Borzenko, V.V. (2008) *Rossiyskaya teatral'naya zhurnalistika 1808–1991 gg. Istoriko-tipologicheskoe issledovanie* [Russian theatre journalism 1808–1991. Historical and typological research]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
19. Orlova, T.D. (2002) *Teatral'naya zhurnalistika: stanovlenie, razvitie i osobennosti funktsionirovaniya v sovremennykh SMI* [Theatrical journalism: formation, development and features of functioning in modern media]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.
20. Burachenko, A.I. (2013) *Etapy razvitiya instituta teatral'noy kritiki v provintsii* [Stages of development of the institution of theatre criticism in the provinces]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6 (43). pp. 503–505.
21. Sagdullaev, K.K. (2015) *Teatral'naya zhurnalistika segodnya: voprosy identichnosti* [Theatre journalism today: issues of identity]. *Theoretical & applied science*. 7 (27). pp. 147–150.
22. Litvina, D.V. (2016) *Teatr i teatral'naya kritika v kul'ture sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Theatre and theatre criticism in the culture of modern Russian society]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Omsk.
23. Shur, Yu.E. (2014) *Teatral'nyy zhurnal v Rossii: genezis i tipologiya* [Theatre magazine in Russia: genesis and typology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Nersisova, T.E. (2012) *Tipy i zhanry retsenzirovaniya v sovremennykh pechatnykh SMI* [Types and genres of reviewing in modern print media]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
25. Shevchenko, A.S. (2012) *Teatral'nyy diskurs: struktura, zhanry, osobennosti lingvisticheskoy reprezentatsii (na primere russkogo, angliyskogo, buryatskogo yazykov)* [Theatrical discourse: structure, genres, features of linguistic representation (on the example of Russian, English and Buryat languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
26. Orlova, N.V. & Tolkushkina, E.E. (2014) *Teatral'naya retsenziya kak zhanr publitsisticheskogo i mediynogo diskursa* [Theatre review as a genre of journalistic and media discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2. pp. 204–212.
27. Gruzdeva, M.M. (2015) *Rol' yazykovykh sredstv v sozdaniy polifunktional'nosti teatral'noy retsenzii* [The role of linguistic means in creating the multifunctionality of theatrical review]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 4. pp. 54–69.
28. Nabieva, E.A. (2016) *Retsenziya kak publitsisticheskii zhanr* [Review As a Journalistic Genre]. Moscow: Flinta.
29. Gruzdeva, M.M. (2018) *Stilistika teatral'nykh retsenziy i art-soznanie sovremennosti* [Stylistics of theatre reviews and art consciousness of our time]. *Medialingvistika*. 1 (5). pp. 48–59.
30. Gruzdeva, M.M. (2019) *Sovremennaya art-retsenziya kak otrazhenie art-soznaniya postmodernistskoy kul'tury (k postanovke voprosa)* [Modern art review as a reflection of the art consciousness of postmodern culture (towards the formulation of the question)]. *Voprosy psikholingvistiki*. 2 (40). pp. 176–185.
31. Gruzdeva, M.M. (2019) *Teatral'nyy diskurs v sovremennykh rossiyskikh SMI: lingvostilisticheskie osobennosti* [Theatrical discourse in modern Russian media: linguistic and stylistic features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
32. Orlova, T.D. (n.d.) *Kompozitsiya i struktura mini-retsenzii* [Composition and structure of the mini-review]. [Online] Available from: <http://elb.bsu.by/bitstream/123456789/161178/1/405-407.pdf> (Accessed: 06.04.2019).
33. Shanty, M.P. (2019) [The structure of modern theatre review]. *Proceedings of the 76th Conference, Section Belarus. Zhurn-ka-2019* [Belarusian Journalism 2019]. Minsk. 1 March 2019. Minsk: Belarusian State University. pp. 83–86. (In Russian).
34. Barbov, Yu.M. (ed.) (2011) *Vvedenie v teatrovvedenie* [Introduction to theatre studies]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Theatre Arts Academy.
35. Pesochinskaya, N.V. (ed.) (2013) *Seminar po teatral'noy kritike* [Seminar on theatre criticism]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Theatre Arts Academy.
36. Kulichkina, G.V. (2022) *Teatral'naya zhurnalistika* [Theatre Journalism]. Moscow: Yurayt.
37. Maksimov, V.I. (2019) *K probleme teoreticheskikh osnov sovremennoy teatral'noy kritiki* [On the problem of the theoretical foundations of modern theatre criticism]. *Vestnik Akademii Russkogo Baleta im. A.Ya. Vaganovoy*. 2 (61). pp. 197–206.
38. Konovalova, E. (2012) Marina Dmitrevskaya: “My khranym zhurnal kak territoriyu svobody” [Marina Dmitrevskaya: “We keep the magazine as a territory of freedom”]. *Krskdaily*. December. [Online] Available from: <https://www.krskdaily.ru/2012/12/events/dmitrevskaya-ptj-20years> (Accessed: 12.01.2023).
39. Moore, J. (2013) *Critics' Love for Sale. Why Journalism's Demise Is Bad for theatre*. Essay. *HowlRound Theatre Commons*. 03 April. [Online] Available from: <http://www.howlround.com> (Accessed: 17.01.2023).
40. Sibkray – Kul'tura. (2012) *Otklonit' ili perezagruzit'?* *Sovremennaya teatral'naya kritika v poiskakh novogo formata* [Reject or reload? Modern theatre criticism in search of a new format]. *Sibkray – Kul'tura*. 26 May. [Online] Available from: <http://www.sibkray.ru/news/4/390911/> (Accessed: 17.01.2023).
41. Shenderova, A. (2020) *Lishnyaya professiya: chto budet s teatral'nymi kritikami posle karantina?* [Extra profession: what will happen to theatre critics after quarantine?]. *Gorod*. [Online] Available from: <https://www.thecity.m24.ru/articles/2162> (Accessed: 17.01.2023).
42. Borzenko, V. (2008) *Teatral'naya zhurnalistika v Internete* [Theatrical journalism on the Internet]. *Relga.ru*. 15 (178). November. [Online] Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2261&level1=main&level2=articles> (Accessed: 12.01.2023).
43. Zinoman, J. (2013) *Perspectives in Criticism*. *American Theatre Critics Association*. 22 July. [Online] Available from: <http://www.americantheatrecritics.org/homepublic/2013/7/22/jason-zinoman-perspectives-in-criticism.html> (Accessed: 17.01.2023).
44. Ludmon, M. (2020) *Blogging: The Emergence of a Critical Culture*. *Bloomsbury (Methuen Drama)*. 06 August. [Online] Available from: <http://www.bloomsbury.com/uk/theatre-blogging-9781350068810/> (Accessed: 17.01.2023).
45. Rozhkova, K. (2012) *Teatr nachinaetsya s Internetom* [Theatre begins with the Internet]. *Gor'kiy Media*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/october/2012/3/teatr-nachinaetsya-s-interneta.html> (Accessed: 17.01.2023).
46. Warne, R.T. (2014) *Criticism 2.0: Benefits and Challenges of Theatre Criticism Websites*. *Critical stages / Scènes critiques IATC Web Journal*. 9. [Online] Available from: <https://www.critical-stages.org/9/criticism-2-0-benefits-and-challenges-of-theatre-criticism-web-sites/>.
47. Bolgova, A. & Karpova, T. (2020) *Tendentsii razvitiya teatral'noy zhurnalistiki v Rossii* [Trends in the development of theatre journalism in Russia]. *Gumanitarnye nauki. Stud. nauch. forum*. 2 (25). [Online] Available from: https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/2%2825%29.pdf (Accessed: 15.06.2023).
48. Kuzovchikova, T. (2018) *20 noyabrya, den' pervyy, proekt “Teatrologiya”* [November 20, day one, project “Theatrology”]. *Pokolenie Online*. 03 December. [Online] Available from: <https://www.pokolenie-online.ru/20-noyabrya-den-pervy-j-proekt-teatrologiya/> (Accessed: 12.01.2023).
49. Kelleher, J. & Ridout, N. (eds) (2006) *Contemporary Theatres in Europe: A Critical Companion*. Abingdon and New York: Routledge.
50. Brauneck, M. (ed.) (2017) *Independent Theatre in Contemporary Europe: Structures – Aesthetics – Cultural Policy*. Bielefeld: Transcript.
51. Sontag, S. (2014) *Protiv interpretatsii i drugie esse* [Against Interpretation and Other Essays]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
52. Prozorov, Yu.M. (ed.) (1985) *Zhukovskiy V.A. – kritik* [Zhukovsky V.A. – Critic]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
53. Dmitrevskaya, M. (2012) *O prirode teatral'noy kritiki* [On the nature of theatre criticism]. *Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal*. 1. P. 67. [Online] Available from: <http://www.ptj.spb.ru/archive/67/memory-of-profession-67/o-prirode-teatralnoj-kritiki/> (Accessed: 12.01.2023).
54. Asmus, V.F. (1968) *Voprosy teorii i istorii estetiki* [Questions of Theory and History of Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo.
55. Keshisheva, L. (2020) *O novykh i starykh formakh teatral'noy kritiki* [On new and old forms of theatre criticism]. *Teatr*. 41. [Online] Available from: <http://www.oteatre.info/o-novyh-i-staryh-formah-teatralnoj-kritiki/> (Accessed: 12.01.2023).

Информация об авторах:

Мясникова М.А. – д-р филол. наук, канд. искусствоведения, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: avt89@yandex.ru

Новоселов А.А. – магистрант Департамента “Факультет журналистики” Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: artemnovosyolov99@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Myasnikova, Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (Art History), professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: avt89@yandex.ru

A.A. Novoselov, master's student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: artemnovosyolov99@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.08.2023;
одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 04.08.2023;
approved after reviewing 17.12.2023; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 81'373.7, 811.111, 811.112.2
doi: 10.17223/15617793/500/12

Фразеологизмы с компонентом «денежная единица» в русском и английском языках

Наталья Юрьевна Федорова¹, Флюра Махмудовна Ярмухамедова²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, natajfedorova@rambler.ru

² Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия, floraspb@hotmail.com

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа русских и английских фразеологизмов с компонентом «денежная единица». Определены доминирующие коннотации этих компонентов в составе фразеологизмов. Выявлены особенности использования названий крупных и мелких денежных единиц, современных и вышедших из обращения, для выражения отношения людей к деньгам, к богатству и бедности, а также для оценки личностных качеств человека, его поведения в различных ситуациях, его финансового положения и социального статуса.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, денежная единица, английский фразеологизм, русский фразеологизм, межъязыковая соотнесенность фразеологизмов, фразеосемантическая группа

Для цитирования: Федорова Н.Ю., Ярмухамедова Ф.М. Фразеологизмы с компонентом «денежная единица» в русском и английском языках // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 107–115. doi: 10.17223/15617793/500/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/12

Phraseological units with the “monetary unit” component in the Russian and English languages

Nataliya Yu. Fedorova¹, Flyura M. Yarmuhamedova²

¹ Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, natajfedorova@rambler.ru

² Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation, floraspb@hotmail.com

Abstract. The article presents the results of a study aimed at revealing common characteristics and differences in the structure, lexical composition and semantics of English and Russian phraseological units that contain monetary units. Reflecting universal or culture-specific mentality characteristics, these phrases represent people's attitude to money, to wealth or poverty. They also disclose people's values, customary ways of living and inclinations, as well as their apprehension of one's financial and social status. Both mono- and bilingual phraseological dictionaries served as sources of samples. The authors selected 220 Russian phrases and 116 English phrases. The sample phrases include proverbs and sayings, idioms, fixed expressions, collocations, metaphors, phraseological fusions that contain names of monetary units. It is interesting to note that in both languages names of coins that are out of circulation are quite frequent in phraseology. The authors employed component and semantic analysis to investigate the phrase samples features. The sample phrases were divided into several groups depending on the kind of monetary unit used as the key lexeme. The quantitative data unveil that the names of small coins (kopeck, penny, cent, etc.) outnumber the words “ruble” and “pound”. The study has shown that names of small coins in phraseology do not always mean “little money”. They sometimes mean large amounts of money, “a fortune”, mentioned in an ironic tone. Many phrases include small coins alongside with bigger ones. Small and large sums contrasted help to form utterances that moralize and evaluate people's deeds in both languages. The next step was to divide the samples into three groups. Each one contained phrases with a definite connotation: negative, neutral and positive. The comparative analysis reveals that negative subjective evaluative component is frequent in both languages. However, the quantitative data demonstrate a substantial shift towards negative connotation of monetary units in the Russian phraseology. In the Russian phraseology negative phrases with monetary units constitute 63% of all samples, whereas in the English phraseology negative ones account for 28%. The use of names of small coins helps figuratively express how worthless, miserable or trivial the speech subject is. English phrases with neutral connotation are frequent (40%), but only 6% of neutral Russian phrases were found. This indicates that monetary units in the Russian phraseology tend to be used in utterances expressing either appraisal or condemnation and discontent. They substitute lengthy, neutral descriptive expressions. In the English language neutral phrases often have a nominative function and form names of objects and phenomena, without evaluating them in any subjective way.

Keywords: phraseological unit, phrase, monetary unit, English phrase, Russian phrase, cross-linguistic phraseological correlation, phraseological-semantic group

For citation: Fedorova, N.Yu. & Yarmuhamedova, F.M. (2024) Phraseological units with the “monetary unit” component in the Russian and English languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 107–115. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/12

Введение

К настоящему времени фразеология сложилась как самостоятельный раздел языкознания. Интерес ученых к этому обширному и активно используемому пласту лексики обусловлен тем, что фразеологические единицы (ФЕ) языка того или иного народа являются отражением коллективного опыта многих поколений людей, говорящих на этом языке. Изучение истории формирования, лексического состава и семантики фразеологизмов разных языков позволяет выявить сходные черты и различия в традициях и ценностях представителей разных культур, в их взглядах на мир и во взаимоотношениях между людьми. Кроме того, фразеологический фонд языка может служить источником информации об историческом развитии конкретной страны, материальных и социальных условиях жизни людей прошлых эпох, так как в нем сохраняются названия реалий, не только современных, но и устаревших. Сегодня общепризнано, что знание культурных и исторических особенностей развития других стран, специфики менталитета и уклада жизни разных народов составляет основу продуктивного международного общения и сотрудничества.

Известно достаточно большое количество работ, освещающих различные аспекты формирования, структурирования и функционирования ФЕ в разных языках. Большинство исследователей ставят своей целью описание связей между языковой и культурной семантикой ФЕ и выявление способов выражения мыслей и эмоций средствами языка символики, образов и мифов, тесно связанных с историей народа, географическими и социально-экономическими условиями. В свете задач настоящего исследования интерес представляют публикации Н.Э. Агарковой, М.А. Бредиса, Р.А. Сафиной, Х. Ли, Т.Ю. Залавиной, Т.Е. Алексеевой, Л.Н. Федосеевой, Ю.С. Денисенковой, И.А. Майоренко, Л.А. Исаевой, Н.В. Ермаковой, Е.В. Палеевой, посвященные фразеологизмам, в состав которых входят лексемы, относящиеся к семантическим полям «деньги», «благосостояние» и «товарно-денежные отношения».

Интерес лингвистов к группе фразеологизмов, содержащих различные формы осмысления товарно-денежных отношений и связанных с ними материальных реалий и духовных ценностей, объясняется тем, что деньги уже на протяжении нескольких тысячелетий играют важную роль в жизни людей. Как отмечает Н.В. Уфимцева, «деньги» наряду с понятиями «дом» и «жизнь» входят в число наиболее важных концептов, формирующих языковое сознание человека [1. С. 159]. Вокруг концепта «деньги» в массовом сознании народов формируются многочисленные ассоциативные понятия, связанные с представлениями о различных сферах бытия, аспектах человеческой деятельности, стереотипах поведения и о взаимоотношениях между людьми.

Поэтому, как отмечает Н.Э. Агаркова, совокупность средств фразеологии, включающих лексемы с общим значением «деньги», служит показательной репрезентацией соответствующего данному концепту фрагмента картины мира носителей языка [2].

Р.А. Сафина выделяет 45 семантических подгрупп ФЕ, объединенных общим концептом «деньги» [3. С. 12]. Это указывает на исключительное разнообразие национального опыта и взглядов на мир, которые ассоциируются у носителей различных языков с деньгами. М.А. Бредис, отмечая важную роль денег в языковой картине мира различных народов, приходит к выводу о том, что они служат в языке в качестве основы целой системы категорий, таких как «богатство» и «бедность», выступающих в роли своеобразной шкалы ценностей. Выраженное в паремиях отношение человека к деньгам и связанным с ними реалиям и явлениям социальной жизни выявляет его нравственные ориентиры и душевные качества, объясняет его поступки, которые могут быть охарактеризованы положительно или отрицательно через ассоциации с «хорошими» или «плохими» явлениями и ситуациями, в которых задействованы деньги [4].

Во многих фразеологических единицах концепт «деньги» тесно связан с концептами «дом», «человек», «счастье», что свидетельствует о важности денежной системы в жизни общества, о том, что деньги воспринимаются как основа материального и душевного благополучия и стабильности [5. С. 6–7]. Отрицательный опыт отражается и обобщается в фразеологических единицах через связь денег с такими явлениями, как обман, нечестно нажитое богатство, социальное неравенство и несправедливость по отношению к тем, кто беден [6, 7].

Исследователи приводят целый ряд примеров паремий, имеющих сходное значение в русском, французском и немецком языках, в которых моральные принципы человека и его личностные качества сопоставляются с концептом «деньги». Ум, мудрость, честь и слава ставятся выше, чем деньги и богатство [8], тем более что «деньги – это мимолетность, их легко потерять» [9. С. 377]. И в то же время часто встречаются пословицы, в которых отражается идея о том, что деньги – это власть, что они дают стимул к деятельности [9].

Настоящая работа посвящена проблеме функционирования названий денежных единиц в составе фразеологизмов в английском и русском языках. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа и сопоставления ФЕ с наименованиями денежных единиц в русском и английском языках выявить общие и отличительные черты их лексического состава и семантики.

Актуальность данного исследования определяется тем, что названия денежных единиц являются важной частью фразеологического вокабуляра многих языков, так как они тесно связаны с социально-экономической

стороной бытия. Изучение русских и английских фразеологизмов, содержащих денежные номиналы, поможет приблизиться к пониманию, каким образом формируются в языке средства метафорической вербализации и оценки разнообразного, иногда противоречивого коллективного опыта носителей этих двух языков. Вместе с тем ФЕ с компонентом «денежная единица» изучены недостаточно. На сегодняшний день фразеологическая наука располагает целым рядом исследований, описывающих языковую природу, диапазон значений и закономерности функционирования в речи нумеративных ФЕ, в том числе фразеологизмов с компонентом концепта «деньги». Изучались также происхождение и семантика лексем, выражающих отношение к деньгам (например, скупость), социальное положение (богатство, бедность), действия с деньгами (копить, тратить) [1–11]. Но нам известны научные работы только трех лингвистов, затрагивающих тему использования наименований денежных единиц. Это исследования Р.А. Сафиной, Е.В. Палеевой и М.А. Бредиса. Работа Р.А. Сафиной выполнена на материале русского и немецкого языков [3]. М.А. Бредис и Е.В. Палеева включают в сопоставительный анализ материал английского языка, однако представления о денежных отношениях рассматриваются этими авторами только в паремиях [4, 10]. Ни в одной из изученных нами работ не проводится сопоставительный анализ функций и значения названий денежных номиналов в составе ФЕ как отдельной группы лексем. Их обычно включают в общую выборку вместе с другими лексемами, вербализующими концепт «деньги», диапазон которых очень широк. Вместе с тем ФЕ с ключевыми компонентами, называющими различные денежные единицы, очень распространены.

В качестве объекта исследования выступают английские и русские фразеологизмы с лексемами, обозначающими различные денежные единицы. Вслед за Р.А. Сафиной, В.П. Жуковым, В.Н. Телия, Н.М. Шанским и другими исследователями мы будем рассматривать в качестве ФЕ все устойчивые сочетания слов с осложненным значением, а именно фразеологические единства, сращения, устойчивые словосочетания и выражения (пословицы и поговорки), а также крылатые слова. Все эти категории словосочетаний, а в случае паремий и крылатых выражений – законченные высказывания, характеризуются общими признаками: устойчивостью лексического состава и синтаксической структуры, метафорическим значением входящих в них лексем и наличием в их семантике ярко и образно выраженного эмоционально-оценочного компонента [3].

Исследуемая нами категория фразеологизмов обладает уникальными характеристиками, выделяющими их из числа языковых средств, содержащих лексемы со значением «деньги», и заслуживает отдельного внимания. Уникальность данной категории ФЕ заключается в том, что денежные единицы могут выступать в качестве метафоры меры и выражать степень проявления тех или иных положительных или отрицательных качеств объектов, явлений, людей через вербально выраженные соотношения или контекстные ассоциации. По мнению Л.А. Исасовой и И.А. Майоренко, наимено-

вания денежных единиц не просто являются частью семантического поля «деньги», а, конкретизируя это понятие при использовании в фразеологизмах, делают его более насыщенным эмоционально, более «плотным» семантически [11. С. 54]. Р.А. Сафина отмечает, что именно наименования денежных единиц в составе фразеологизмов обнаруживают способность к репрезентации разнообразных оттенков значений и поэтому несут в себе больше информации о менталитете носителей языка [3]. На это обращает внимание и Е.В. Палеева. Она заключает, что наименования денежных единиц как лексемы в составе фразеологизмов имеют ярко выраженную оценочную коннотацию, положительную или отрицательную, тогда как лексема «деньги» в русском и английском языках обычно нейтральна и приобретает эмоциональную и смысловую окрашенность только в словосочетаниях (например, «бешеные деньги») [10. С. 9].

Методами исследования в настоящей работе являются методы компонентного и семантического анализа ФЕ, также использовались количественные подсчеты. При сборе материала для исследования применялся метод сплошной выборки. Из целого ряда словарей были отобраны ФЕ, в которых в качестве ключевых элементов используются названия денежных знаков. На первом этапе отобранные фразеологизмы были разделены на несколько групп в зависимости от содержащихся в них названий денежных единиц (копейка, рубль и т.д.), и был проведен семантический анализ фразеологизмов в каждой группе. Наша задача на этом этапе состояла в том, чтобы определить роль наименований крупных и мелких денежных единиц в формировании образных, иносказательных высказываний с различной коннотацией. На втором этапе отобранные ФЕ были разделены на три группы, каждая из которых содержала ФЕ с общей коннотацией: ФЕ, заключающие в себе отрицательную оценку описываемых явлений, ситуаций и поведения людей; нейтральные ФЕ; ФЕ с положительной коннотацией. Целью этого этапа исследования было выяснить, какая коннотация, положительная, отрицательная или нейтральная, преобладает в русскоязычной и англоязычной фразеологии. И, наконец, на третьем этапе, был проведен сопоставительный анализ англоязычных и русскоязычных фразеологизмов с целью выявления закономерностей их использования для реализации различных речевых функций, в том числе для выражения отношения к различным явлениям окружающей действительности и для оценки личностных качеств людей, их социального положения, образа жизни и поведения.

Основой для анализа и сравнения семантики русскоязычных и англоязычных ФЕ служили историко-культурные комментарии, содержащиеся в словарях. Внимание уделялось также примерам использования ФЕ, так как анализ контекста дополняет семантическое толкование фразеологизмов, позволяя более точно понять связанные с ними ценности и жизненные установки. Источниками материала для исследования послужили английские и русские фразеологические словари, а именно «Англо-русский фразеологический

словарь» под ред. А.В. Кунина [12], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова [13], «Русско-английский словарь крылатых слов» И.А. Уолш, В.П. Беркова [14], «Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях» М.И. Дубровина [15], «Идиоматические выражения в деловом английском» Б. Хошовской [16], «1000 русских и 1000 английских идиом» Е.В. Пархамович [17], «Словарь современных английских идиом» Т.Г. Соломоник и М.А. Хазина [18].

Результаты и их обсуждение

Методом сплошной выборки были выявлены 220 ФЕ русского языка и 116 ФЕ английского языка, в которых присутствуют названия денежных единиц. Выборки включали как современные названия денежных единиц, так и вышедшие из употребления. Суммарное количество упоминаний денежных единиц в русских фразеологизмах – 283, в английских – 149. В некоторых ФЕ соседствуют названия двух и более денежных единиц. Кроме того, при подсчете общего количества ФЕ синонимичные фразеологизмы с вариативным компонентом объединялись.

В табл. 1, 2 представлены результаты анализа частотности упоминания различных денежных единиц в фразеологии русского и английского языков. Из общего количества включенных в выборку русских ФЕ в порядке убывания *копейка* встречается 89 раз, *рубли* – 84, *грош* – 50, *алтын* – 28, *полтинник* (*полтина*) – 9, *гривенник* (*гривна*) и *полушка* – по 6 раз, *пятак* – 6, *деньга* – 2, *четвертак*, *полуполушка* и *серебряник* – по одному разу.

Таблица 1
Частотность упоминания денежных единиц
в фразеологии русского языка

Денежная единица	Копейка	Рубли	Грош	Алтын	Полтина	Гривна	Полушка	Пятак	Деньга	Четвертак, полуполушка, серебряник
Кол-во	89	84	50	28	9	6	6	6	2	1, 1, 1
%	31,5	29,7	17,7	10	3,2	2	2	2	<1	<1

В табл. 2 представлены наименования британских и американских денежных единиц. В составе фразеологизмов наиболее часто встречаются: современные *pound* (13 упоминаний), *penny*, *pence* (90 упоминаний), *dollar* (12 упоминаний). Встречаются вышедшие из обращения монеты. *Shilling* (монета Англии, равная 12 пенсам, просуществовавшая до 1971 г.) присутствует в четырех фразеологизмах; *halfpenny* (монета в полпенса) – в шести; *twopence* (монета в два пенса) упоминается 7 раз. Реже встречаются: *sixpence* (монета в 6 пенсов или ½ шиллинга); *ninepence* (устар. ирландский шиллинг, равный девяти британским пенсам); *piece of silver* (серебряная монета); *groat* (старинная серебряная монета в четыре пенса). Название *farthing/fadge* (1/4 penny) встретилось два раза, но

только в сочетании со словом *penny* (*Penny Farthing Bicycle*, *'Tis a good farthing saves a penny*).

Интересно то, что три пословицы содержат слово *ducat*. *A penny in the pocket is better than a ducat in the chest*. *Ducats are clipped, pence are not. The smith makes more noise to earn a penny than the goldsmith to earn a ducat*. Хотя эта денежная единица не использовалась в Англии, в эпоху Средневековья она была одной из наиболее распространенных монет во многих государствах континентальной Европы и в Шотландии.

Таблица 2
Частотность упоминания денежных единиц
в фразеологии английского языка

Денежная единица	Penny (pence)	pound	Dollar	Twopence (twopenny)	Halfpenny	Shilling	Sixpence, ducat	Cent, piece of silver, groat, farthing (fadge)	Dime ninepence half-crown
Кол-во	90	13	12	7	6	4	3, 3	2, 2, 2, 2	1, 1, 1
%	60	8,7	8,1	4,7	4	2,7	2,2	1, 1, 1, 1	<1

Как в английской, так и в русской истории денежных единицы, естественно, менялись. Какие-то из них выходили из обращения, появлялись новые деньги. Так, к русским денежным единицам, вышедшим из обращения, относятся *алтын* (старинная русская монета достоинством три копейки), *грош* (старинная денежная единица, равная двум копейкам, и позднее – полкопейки), *полтина* (*полтинник*) – 50 копеек, *полушка* и *полуполушка* (достоинством в 1/4 и 1/8 копейки), *деньга* (номиналом полкопейки в XIX в.), *серебряник* (мелкая серебряная монета на Руси в X–XI вв.), *гривна* (*гривенник*) – десятикопеечная русская монета; *червонец* (золотая монета обычно в 5 или 10 рублей) и современные *рубли* (введен в обращение с 1654 г.) и *копейка* (с 1535 г.). Среди перечисленных названий русских денежных единиц в составе ФЕ наблюдается большое количество старинных денег, вышедших из обращения. Согласно данным, представленным в табл. 1, *грош* упоминается в 17,7% из проанализированных нами выражений, а *алтын* – в 10%. Тот факт, что названия денежных единиц, вышедших из обращения, остаются в языке в составе ФЕ, указывает на важную роль их коннотативного статуса в языковом сознании народа. К аналогичному выводу, но в отношении только паремий, приходят М.А. Бредис, Л.А. Исаева и И.А. Майоренко [4, 11]. Как отмечает М.А. Бредис, «разнообразие русских денежных единиц объясняется богатой историей России и хождением в разные исторические периоды различных денежных единиц, нашедших отражение в пословицах о денежных отношениях» [4. С. 154].

М.А. Бредис подчеркивает, что многообразие названий вышедших из обращения денег, входящих в паремии, является общей чертой русского, немецкого, английского и литовского языков [4]. Что касается ан-

глийского языка, результаты проведенного нами исследования показали, что в современных фразеологизмах вышедшие из употребления названия денежных единиц (*shilling, halfpenny, twopence* и др.) встречаются гораздо реже, чем в русском, составляя 27%, тогда как в русском языке устаревшие названия упоминаются в 47% общего количества рассматриваемых ФЕ. При этом названия *крона* (*crown* = 5 shillings), *гинея* (*guinea* = 20 shillings), *соверен*, позже *юнайт* и *лорель*, и его производные (*sovereign* = 1 pound) отсутствуют. Однако необходимо учесть тот факт, что названия денежных единиц Англии *penny* и *pound* на протяжении истории практически не менялись, менялось лишь их достоинство. Таким образом, полученные нами данные о количестве как английских, так и русских фразеологизмов, в состав которых входят названия вышедших из употребления денежных единиц, свидетельствуют об устойчивости зафиксированных в сознании носителей языка образов и ассоциаций, построенных на их основе.

Анализ выявленных ФЕ русского языка подтвердил высокую частотность употребления названий мелких монет, таких как *алтын, грош, копейка* (199 упоминаний). Их количество в итоге более чем в два раза превысило число упоминаний слова «рубль». В то же время *рубль* почти не уступает по частотности *копейке*. В английском же языке слово *penny/pence* встречается примерно в семь раз чаще, чем *pound*. Таким образом, названия мелких монет часто присутствуют в фразеологизмах обоих языков. Во многих случаях они используются для того, чтобы подчеркнуть отсутствие, недостаток, ничтожность чего-либо (денег, чувств, желаний). Например, о бедном человеке можно сказать: *ни копейки за душой* или *not a penny to bless oneself with*. Распространены фразеологизмы, в которых заключен уничижительный смысл, как, например, в выражениях *гроша ломаного не стоит, грош цена в базарный день*. Вместе с тем, часто упоминание мелких монет передает противоположный смысл. В некоторых ФЕ метонимии *penny* и *копейка* символизируют, иногда не без скрытой иронии, крупные суммы (*влететь в копейчку*). Кругленькую сумму описывают метафорой *a pretty penny*, а выгодную сделку – *a good pennyworth*. В выражениях *the penny is the best companion in all lands, to earn an earnest penny*, подразумевается, конечно, достаточное для жизни количество денег. Кроме того, названия и мелких, и крупных денег могут номинировать общее понятие «деньги» без уточнения их количества (*алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют*).

Следует обратить внимание на группу ФЕ с названиями мелких монет, которые свидетельствуют о бережном отношении к деньгам, укоренившемся в менталитете народа и запечатленном в виде образных высказываний: пословиц, поговорок и идиоматических выражений. Они распространены и очень популярны в обоих языках. Приведем несколько примеров: *Копейка рубль бережет. Без копейки рубля не будет. Every penny that's saved is gotten. Penny and penny laid up will be many*. Смысл этих высказываний однозначен: мелкие монеты очень важны; если их упорно зарабатывать и сберегать, можно скопить состояние. Вместе с тем в

обоих языках есть пословицы, в которых заключена другая идея: разумно потраченные деньги принесут пользу, а излишняя бережливость или жадность вызывают осуждение. В английском языке эта мысль сформулирована как наблюдение или закономерность: *A penny is sometimes better spent than spared, The penny is well spent that gets the pound*, а в русской пословице *Не жалея алтына, а то отдашь полтину* посредством глагола в повелительном наклонении акцент делается на указании, как надо поступать.

Несмотря на то что история Англии более древняя, чем история США как независимого государства, *dollar* по частотности в фразеологии практически не уступает слову *pound*. Причем доллар довольно часто встречается в ФЕ вместе с компонентом *penny*, а не с *cent* при сравнении малого и большого количества денег: *A penny in time is as good as a dollar. He who was born to pennies will never be master of dollars*. Это связано, видимо, с тем, что *penny* – исторически обиходное название самых мелких монет в США.

Названия крупных денежных единиц также встречаются в составе фразеологизмов, но частотность их употребления в английском и русском языках различна. В русских фразеологизмах слово *рубль* по частотности упоминаний уступает только *копейке* и входит в состав 84 русских фразеологизмов, что и понятно, так как история рубля как одной из основных денежных единиц насчитывает более семисот лет. В 46 из изученных нами фразеологизмов это слово встречается без упоминания других денежных единиц. *Богатый-то с рублём, а бедный-то со лбом. Даровой рубль дешёв, нажитый дорог*. Надо отметить, что практически все они употребляются в составе пословиц и только несколько – в составе восьми поговорок (*почин дороже рубля; гоняться за длинным рублём; меди рубль, да бумажек с пуд; на рубль работы, на два похвальбы; у приказного за рубль правды не купишь*) и идиом (*бить рублём; как рублём одарит; неизменный рубль* – популярный образ и элемент славянской мифологии). В то же время *dollar* и *pound* встречаются практически всегда в сочетании с *penny*, но не самостоятельно. Нами выявлено только шесть самостоятельных фразеологизмов, причём они представляют собой идиомы (*dollar diplomacy; the allmighty dollar; pound of flesh*) или поговорки (*feel/look like a million dollars; it is a dollars to doughnuts; you bet your bottom last dollar*) и ни одной пословицы. При этом количество фразеологизмов, в которых присутствует только слово *penny*, без упоминания других денежных единиц, составляет 58.

Далее, в результате анализа состава русских и английских ФЕ было установлено, что примерно четверть из них содержат сочетания названий двух денежных знаков (табл. 3, 4).

Следует отметить, что в английских фразеологизмах диапазон сочетаний названий денежных знаков сужен по сравнению с русскими фразеологизмами и насчитывает всего семь вариантов, каждый из которых в обязательном порядке включает мелкую монету *penny*. В то же время в русских ФЕ набор таких сочетаний гораздо разнообразнее и достигает тринадцати вариантов сочетаний, из которых пять приходится на крупный денежный знак –

рубль. Отмечено также, что чаще всего мелкая денежная единица противопоставляется более крупной, а именно *копейка* противопоставляется *рублю*, а *пенни* – *фунту* или *доллару*. Интересно, что *cent* при этом выявлен только в двух фразеологизмах. Приведем примеры из русской фразеологии: *рубль цел копейкой; лучше на гривну*

убытку, чем на алтын стыда; без копейки рубль щербатый; копейка в выручку, грош за щёку. В английской фразеологии можно найти аналогичные примеры: *take care of the pence and the pounds will take care of themselves; a penny in time is as good as a dollar, that penny is well spent that saves a groat*.

Таблица 3

Частотность русских ФЕ, в состав которых входят названия более одной денежной единицы

Денежная единица 1	Рубль +					Алтын +		Грош +	
Денежная единица 2	Копейка	Грош	Алтын	Гривна, полушка	Полтина, пятак	Грош, гривна, полтина	Копейка	Копейка	Пятак
Количество	23	7	4	2, 2	1, 1	3, 3, 3	2	4	3

Таблица 4

Частотность английских ФЕ, в состав которых входят названия более одной денежной единицы

Денежная единица 1	Penny +						
Денежная единица 2	Pound	Dollar	Duckat	Twopence	Farthing	Groat	Shilling
Количество	9	6	3	3	2	2	2

Представленные в табл. 3, 4 данные позволяют заключить, что паремии, в которых содержится противопоставление мелких и крупных денежных единиц, характерны для обоих языков, хотя в русском их значительно больше. Следует отметить, что диапазон значений фразеологизмов с названиями двух денежных единиц в английском и русском языках частично совпадает, хотя в русском языке он шире. Противопоставление как стилистический прием в обоих языках используется в паремиях о бережливости и мотовстве, о пользе разумных своевременных трат и скупости, о честном труде и о нечестно нажитом состоянии. Кроме того, в обоих языках, русском и английском, присутствуют паремии, выражающие идею о том, что лучше «синица в руках» (*Ближняя копеечка дороже дальнего рубля. Better today a penny than tomorrow a dollar. One penny is better on land than ten on the seas*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что во фразеологии обоих языков для реализации функции убеждения применяется один и тот же прием. В рассмотренных нами примерах противопоставляются не абстрактные понятия, такие как «расточительность» или «бережливость», «потеря» или «выручка», а конкретные суммы денег: *рубль* и *копейка*, *pence* и *pound*. Иными словами, конкретным именам существительным отдается предпочтение перед абстрактными в высказываниях, выражающих мораль и назидание.

Результат сравнительного анализа семантики фразеологизмов с названиями денежных единиц показал, что в обоих языках они часто используются для характеристики душевных качеств человека, его устремлений, социального статуса, отношения к людям. В этом качестве они выступают отличными ёмкими и яркими субститутами пространной, нейтральной в смысле экспрессии дескриптивной информации. В частности, в ФЕ обоих языков выражается одобрительное отношение к труду (*кто рано встает, у того копейка растет; даровой рубль дешевле, нажитый дорог; to earn an earnest penny*); восхваление добродетели (*лучше на гривну*

убытку, чем на алтын стыда; на грош уронишь – рублем не исправишь; the honest penny is better than the stolen dollar; a single penny fairly got); положительное отношение к бережливости (*копейка рубль бережёт; he that regards not a penny will lavish a pound; penny and penny laid up will be many*); сочувственное отношение к бедности (*перебиваться с гроша на копейку, ни копейки за душой; кто не богат, тот и копейке рад, а богатому – и тысяч мало; the penny does not remain with a poor man*); порицание несправедливости (*кто украдет рубль, того отдадут под суд, а кто тысячу двести, того держат в чести; алтынового вора вешают, а полтинного чествуют; a bad penny always comes back*), дается меткая характеристика человека (*гроша не стоит, а глядит рублем; говорят, хороши, а дела ни на грош; think one's penny silver: bad halfpenny* (пропащий человек); *penny-wise and pound-foolish* (о глупом человеке)). Особенно наглядно через «денежные» фразеологизмы раскрываются такие черты человека, как мелочность, жадность (*его копейка нищему руку прожжет; за грош с колокольни соскочит; Федюшке дали денежку, а он и алтын просит*). По-английски о меркантильном, расчетливом человеке говорят: *a penny soul never came to twopence; pound, shillings, and pence*, а скупого презрительно называют *penny pinching*.

Анализ выявленных ФЕ показал существенное различие в количественном соотношении положительной, отрицательной и нейтральной коннотаций ФЕ с компонентом «денежная единица» в английском и русском языках (табл. 5).

В русских ФЕ доминирует отрицательная коннотация (63%). Далее приведены характерные примеры, показывающие, как с помощью ФЕ, содержащих названия денежных единиц, выражается критическое отношение к определенным ситуациям и поведению людей. Например, считается, что богатые люди – нечестные, скупые (в могилу глядит, а над копейкой дрожит; за копейку удавится), что альтернативой богатству являются доброта, скромная жизнь без излишеств, любовь, наличие друзей (не имей сто рублей, а имей сто друзей).

Апелляция к денежным суммам усиливает впечатление от сказанного, показывает настоящую ценность личности и действий человека. Рубль, копейка, алтын, грош, полтина выступают в качестве мерила успеха какого-либо дела. Много высказываний о противопоставлении заработанных и нажитых нечестным способом

денег (*Заработанная копейка дорожке стоит. Кто за копейкой не нагнется – ломаного гроша не стоит. Трудовая копейка в кармане лежит, а шальная ребром торчит*). Упоминание копейки в этом контексте помогает акцентировать ценность заработанных денег, даже если речь идет о небольших («копеечных») суммах.

Типы коннотаций ФЕ с компонентом «денежная единица»

Таблица 5

Всего ФЕ		Положительная коннотация		Нейтральная коннотация		Отрицательная коннотация	
Рус.	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.	Англ.	Рус.	Англ.
220 (100%)	116 (100%)	68 (31%)	37 (32%)	14 (6%)	46 (40%)	139 (63%)	33 (28%)

Интересно, что приведенным ниже примерам русских пословиц нет аналогов в английском языке:

– отношение к алкоголю (6): *богу пятак да в кабаке четвертак; денег нет – рубль почнём, вина нет – с браги начнём; на копейку напился, а на рубль напумел; дела на полтину, а магарычей на рубль; пей-ка, попей-ка, на дне копейка, а выпьешь до дна – и грош найдешь; пить бы на полтину, да нет ни алтына;*

– негативное отношение к служителям церкви (3): *кто попу рубль, тот и во святых свой; от вора дубинкой, от попа полтинкой; накажет дед, как помрёт: без рубля поп не похоронит;*

– о преступлении и наказании, часто несправедливом (6): *кто украдет рубль, того отдадут под суд, а кто тысяч двести, того держат в чести; украдешь песчинку, заплатишь полтинку; алтынного вора вешают, полтинного чествуют; ворованная копейка не впрок; от бессудного рубля по три деньги неволи; судейскому обету рубль на примету;*

– о лжи (3): *вот тебе грош за красную ложь; красно врешь: за мною грош; мели, кривая, грош на полке;*

– о мелочности и продажности натуры человека (2): *и нашим, и вашим за копейку спляшем; за грош с колокольни соскочит;*

– о гостеприимстве (1): *в первый день гость – золото, во второй день – серебро, а в третий день и гроша ломаного не стоит;*

– противопоставление города деревне (1): *в лесу дуб – рубль, в столице – по рублю спица.*

В английском языке ФЕ с отрицательной коннотацией составляют только 28%. Как показано в примерах, упоминание мелких денег помогает передать идею о бессмысленности, незначительности тех или иных явлений или поступков, о духовной нищете (*A penny soul never came to twopence. Bad halfpenny (пропащий человек, темная личность). Not worth a penny (бесполезный). Penny gaff (дешевый театр, балаган). Penny plain and twopence coloured (дешевый показной). Think one's penny silver (быть о себе высокого мнения)*).

Следует отметить, что положительная коннотация встречается в русских ФЕ более чем в два раза реже отрицательной, составляя 31% от их общего числа рассмотренных единиц. В английском языке положительная коннотация отмечена в 32% изученных нами фразеологизмов. В этой группе фразеологизмов в обоих языках встречаются высказывания о разумном отношении к деньгам и о трудолюбии, честности, успехе и

благополучии. Ниже приведены примеры ФЕ английского и русского языков, относящиеся к этим смысловым группам:

– о разумном отношении к деньгам, об экономии: *копейка к копейке – проживет семейка; грош к грошу – оно и капитал; penny and penny laid up will be many;*

– о трудолюбии, о честности: *заработанная копейка дорожке стоит; a single penny fairly got is worth a thousand that are not; one penny with right is better than a thousand without right; one cannot have a good penny with bad ware;*

– об успехе и благополучии: *алтын серебра не ломит ребра; есть пять копеек – и бабушка в торгу; алтын сам ворота отпирает и путь очищает; there is no companion like the penny.*

Как показал результат подсчета количества ФЕ с разной коннотацией, в английских высказываниях наиболее часто встречается нейтральная коннотация (40%). Среди нейтральных фразеологизмов нет паремий, так как паремии всегда выражают, хотя и иносказательно, оценку или назидание [19]. ФЕ с нейтральной коннотацией – это фразеологические единства, представляющие собой метафоры (*Spend a Penny* – сходиться в туалет. *Penny Farthing Bicycle* – велосипед с передним большим и задним малым колесами), эвфемизмы (*Peter's penny* – лепта св. Петра (ежегодная подать в папскую казну), *Halfpenny lick* – уличное мороженое, *Halfpenny under the hat* – название азартной игры, *Twopenny tube* – лондонское метро, *Penny dreadful* – дешёвый бульварный роман), метонимии (*Penny wedding* – свадьба в складчину). В этих примерах роль наименований денежных единиц сводится исключительно к обозначению предмета, явления или действия. Однако именно названия денежных единиц разных номиналов даже с нейтральной коннотацией очень образно выражают количество, размер, цену или степень проявления какого-либо качества предмета или человека. Следует отметить, что в русском языке отсутствуют названия реальных, образованные этим способом.

Что касается нейтральной коннотации, то она не выявлена в русских паремиях, но прослеживается в нескольких фразеологических единствах (их доля составляет 6% от общего числа фразеологизмов), в которых денежная единица используется в переносном значении в виде метафоры, и в большинстве случаев помогает сравнить размер, ценность, значимость чего-либо с мелкой или крупной монетой (*вставить пять копеек*), метонимии (*грош за мною*).

Полученные нами результаты подтверждают мнение, высказанное авторами ряда работ, посвященных семантике паремий. М.А. Бредис связывает амбивалентность концепта «деньги» с влиянием различных исторически сложившихся традиций. С одной стороны, «под влиянием христианства пословицы разных народов отражают идею: богатство – зло», а с другой стороны, деньги являются источником благосостояния и стимулом для деятельности [4. С. 157]. Согласно Л.Ю. Буяновой, в паремиях русского языка чаще всего богатство осуждается и определяется как великий грех перед Богом в случае, если оно нажито нечестным способом или несправедливым трудом [20. С. 61]. Т.Е. Алексеева и Л.Н. Федосеева отмечают, что в английских паремиях, наряду с подозрительным отношением к богатым людям и к источнику их богатства, воплощается представление о деньгах как об источнике власти и силы [19. С. 170].

Заключение

Таким образом, в данной статье представлены результаты количественного анализа выборки, составленной из различных типов фразеологизмов, включающей не только паремии, но и фразеологические единства, сращения, устойчивые словосочетания, крылатые слова. Полученные нами результаты позволяют дополнить представление о фразеологии языка как об отражении ценностных суждений этноса об окружающем мире. Впервые изучались в качестве отдельной группы только фразеологизмы, содержащие наименования денежных единиц, таких как «деньги», «богатство», «бедность», принадлежащих к тому же смысловому полю. Это позволило выявить основные смысловые ассоциации, преобладающую коннотацию и речевые приемы метафоризации концепта «деньги» в его предметном воплощении в качестве конкретных монет или купюр в русской и английской фразеологии.

В результате сопоставления фразеологизмов русского и английского языков был выявлен целый ряд высказываний, обнаруживающих смысловое и во многих случаях структурное сходство. Они выражают присущие как русскому, так и английскому народам представления об окружающем мире и ценностные ориентиры. Во многих ФЕ одни и те же смыслы воплощаются посредством анало-

гичных риторических и стилистических приемов. Называние вещей, событий, ситуаций по аналогии с крупными или мелкими монетами и купюрами, как современными, так и вышедшими из обращения, позволяет точно и образно передать отношение к предмету обсуждения в одобрительном или осуждающем тоне. При этом соотнесение описываемого предмета или явления с крупной или мелкой суммой денег позволяет передать степень проявления того или иного его свойства, что делает это сравнение наглядным и запоминающимся.

В ходе исследования был обнаружен ряд семантических и структурных особенностей, присущих только русским или только английским фразеологизмам. Во-первых, в составе русскоязычных паремий значительно чаще, чем в англоязычных, встречается противопоставление монет разного достоинства, которое служит преимущественно для построения суждений оценочного и поучительного характера: пословиц и поговорок. Во-вторых, в рассмотренных нами фразеосемантических группах русского и английского языков соотношение числа лексем с отрицательной, положительной и нейтральной коннотацией различно. Это определяется степенью актуальности выражаемого значения для того или иного языкового сообщества. Двойственность восприятия денег и связанных с ними реалий и жизненных ситуаций объясняется, безусловно, многообразием опыта обоих народов, социального, исторического, экономического, религиозного. В русских фразеологизмах преобладает негативная коннотация, в английских – нейтральная. Становится очевидным, что в коллективном сознании русского народа все, что связано с деньгами, ассоциируется либо с добром, либо со злом. Нейтральная коннотация встречается очень редко – таких фразеологизмов в русском языке всего четырнадцать. В английском языке, напротив, количественный анализ отобранных нами фразеологизмов выявил тенденцию к использованию фразеологизмов с названием денежных единиц преимущественно в нейтральном контексте. Эта тенденция может указывать на более сдержанное, чем в русскоязычной культуре, отношение к деньгам и вместе с тем отчасти объясняться характерным для английского языка подходом к образованию семантически нейтральных номинативных словосочетаний, обозначающих реалии повседневной жизни.

Список источников

1. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания Российской академии наук, 1998. С. 135–170.
2. Агаркова Н.Э. Концепт «Деньги» как фрагмент английской языковой картины мира: На материале американского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2001. 171 с.
3. Сафина Р.А. Фразеологические единицы, выражающие материально-денежные отношения, в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: КФУ, 2002. 264 с.
4. Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на матер. русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2017. 346 с.
5. Ли Хуйцзы. Динамика лексической репрезентации концепта «деньги» в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. 22 с.
6. Алексеева Т.Е., Федосеева Л.Н. Английские паремии о богатстве и деньгах: семантический и прагматический аспекты // Известия ВГПУ. 2019. № 6 (139). С. 168–172.
7. Денисенкова Ю.С. Концепт «деньги» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 6. С. 28–36.
8. Ермакова Н.В. Особенности проявления концепта «Деньги» во французской паремиологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 10(18)
9. Залавина Т.Ю., Афанасьева О.Н., Шорохова Л.А. Паремиологический концепт «Деньги» как форма ментальной репрезентации знаний о мире // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 372–379
10. Палеева Е.В. Способы вербализации концепта деньги средствами английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск: Курский государственный университет, 2010. 19 с.

11. Исаева Л.А., Майоренко И.А. Национально-культурные особенности концепта «Деньги» (на материале русской, английской и французской фразеологии) // Вестник ТИУиЭ. 2005. № 1. С. 53–59.
12. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.
14. Русско-английский словарь крылатых слов / И.А. Уолш, В.П. Берков. М.: Русский язык, 1984. 280 с.
15. Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. М., 1995.
16. Хошовская Б. Идиоматические выражения в деловом английском. СПб.: Лань, 1997. 160 с.
17. Пархамович Е.В. 1000 русских и 1000 английских идиом. Минск: Попурри, 2003. 128 с.
18. Словарь современных английских идиом / сост. Т.Г. Соломоник, М.А. Хазин. СПб.: Аякс, 1994. 313 с.
19. Ничипорчик Е.В. О методах декодирования культурноносных смыслов паремнологических единиц // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 245–252.
20. Буянова Л.Ю. Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 60–62.

References

1. Ufimtseva, N.V. (1998) Etnicheskiy kharakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh [Ethnic character, self-image and linguistic consciousness of Russians]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Yazykovoe soznanie: formirovaniye i funktsionirovaniye* [Language Consciousness: Formation and functioning]. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 135–170.
2. Agarkova, N.E. (2001) *Kontsept "Den'gi" kak fragment angliyskoy yazykovoy kartiny mira: Na mater. amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka* [The concept "Money" as a fragment of the English language picture of the world: On the subject. American English]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.
3. Safina, R.A. (2002) *Frazeologicheskie edinitsey, vyrazhayushchie material'no-denezhnye otnosheniya, v nemetskom i russkom yazykakh* [Phraseological units expressing material and monetary relations in German and Russian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
4. Bredis, M.A. (2017) *Predstavleniya o denezhnykh otnosheniyakh v poslovitsakh (na mater. russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliyskogo yazykov)* [Ideas about money relations in proverbs (in Russian, Latvian, Lithuanian, German and English languages)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Li, H. (2016) *Dinamika leksicheskoy reprezentatsii kontsepta "den'gi" v russkom i kitayskom yazykakh* [Dynamics of lexical representation of the concept "money" in Russian and Chinese languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
6. Alekseeva, T.E. & Fedoseeva, L.N. (2019) Angliyskie paremiy o bogatstve i den'gakh: semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty [English proverbs about wealth and money: semantic and pragmatic aspects]. *Izvestiya VGPU*. 6 (139). pp. 168–172.
7. Denisenkova, Yu.S. (2016) Kontsept "den'gi" v paremiologicheskom fonde russkogo i angliyskogo yazykov [The concept of "money" in the paremiological fund of the Russian and English languages]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 6. pp. 28–36.
8. Ermakova, N.V. (2012) Osobennosti proyavleniya kontsepta "Den'gi" vo frantsuzskoy paremiologii [Features of the manifestation of the concept "Money" in French paremiology]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 10 (18).
9. Zalavina, T.Yu., Afanas'eva, O.N. & Shorokhova, L.A. (2016) Paremiologicheskiy kontsept "Den'gi" kak forma mental'noy reprezentatsii znaniy o mire [Paremiological concept "Money" as a form of mental representation of knowledge about the world]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 1. pp. 372–379.
10. Paleeva, E.V. (2010) *Sposoby verbalizatsii kontsepta den'gi sredstvami angliyskogo i russkogo yazykov* [Ways to verbalize the concept of money using English and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Kursk.
11. Isaeva, L.A. & Mayorenko, I.A. (2005) Natsional'no-kul'turnye osobennosti kontsepta "Den'gi" (na materiale russkoy, angliyskoy i frantsuzskoy frazeologii) [National and cultural features of the concept "Money" (based on Russian, English and French phraseology)]. *Vestnik TIUie*. 1. pp. 53–59.
12. Kunin, A.V. (1984) *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Molotov, A.I. (ed.) (1967) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
14. Uolsh, I.A. & Berkov, V.P. (eds) (1984) *Russko-angliyskiy slovar' krylatykh slov* [Russian-English Dictionary of Winged Words]. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Dubrovin, M.I. (1995) *Angliyskie i russkie posloviitsy i pogovorki v illyustratsiyakh* [English and Russian Proverbs and Sayings in Illustrations]. Moscow: AST.
16. Khoshovskaya, B. (1997) *Idiomaticheskie vyrazheniya v delovom angliyskom* [Idiomatic Expressions in Business English]. Saint Petersburg: Lan'.
17. Parkhamovich, E.V. (2003) *1000 russkikh i 1000 angliyskikh idiom* [1000 Russian and 1000 English Idioms]. Minsk: Popurri.
18. Solomonik, T.G. & Khazin, M.A. (eds) (1994) *Slovar' sovremennykh angliyskikh idiom* [Dictionary of Modern English Idioms]. Saint Petersburg: Ayaks.
19. Nichiporchik, E.V. (2014) O metodakh dekodirovaniya kul'turnosnykh smyslov paremiologicheskikh edinitsey [On methods of decoding cultural meanings of paremiological units]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow: MAKS Press. pp. 245–252.
20. Buyanova, L.Yu. (2014) Russkie posloviitsy i pogovorki kak etnokul'turnye konstanty: mental'no-aksiologicheskiy aspekt [Russian proverbs and sayings as ethnocultural constants: mental-axiological aspect]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki*. 77. pp. 60–62.

Информация об авторах:

Федорова Н.Ю. – канд. пед. наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: natjfedorova@rambler.ru

Ярмухамедова Ф.М. – канд. техн. наук, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладных коммуникаций Российского государственного гидрометеорологического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: floraspb@hotmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.Yu. Fedorova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: natjfedorova@rambler.ru

F.M. Yarmukamedova, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: floraspb@hotmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023;
одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 26.07.2023;
approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1. 81'42
doi: 10.17223/15617793/500/13

Механизмы моделирования семантики метафорического термина (на материале юридической терминологии)

Елена Васильевна Цуканова¹, Наталья Александровна Мишанкина²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ cev@tpu.ru

² mishankina@ido.tsu.ru

Аннотация. Исследуются процессы метафорической концептуализации в области русской юридической терминологии. В результате исследования определены: границы и объем метафорического фрагмента терминосистемы в целом и в отдельных отраслях права, целевые домены метафорической концептуализации, домены-источники макрообластей ЧЕЛОВЕК, ОБЪЕКТ, ПРОСТРАНСТВО. Выявлена специфика задействованных в терминообразовании лингвокогнитивных структур: домен, образ-схема, фрейм.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, терминообразование, метафорическая концептуализация, домен, образ-схема, фрейм, юриспруденция, юридический термин

Для цитирования: Цуканова Е.В., Мишанкина Н.А. Механизмы моделирования семантики метафорического термина (на материале юридической терминологии) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 116–129. doi: 10.17223/15617793/500/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/13

Mechanisms of modeling the semantics of metaphorical terms (based on the legal terminology)

Elena V. Tsukanova¹, Natalya A. Mishankina²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ cev@tpu.ru

² mishankina@ido.tsu.ru

Abstract. The aim of the article is the identification of the specificity of metaphorical modeling of the Russian legal terminology in the aspect of the types involved as bases of cognitive models. The theoretical and methodological basis is approaches developed within a cognitive approach to the semantics of the term and metaphorology (conceptual metaphor theory, metaphorical modeling theory, extended conceptual metaphor theory). The analysis methodology includes the continuous selection method, MIPVU; the components' and conceptual frames' analysis method, the metaphorical modeling procedure. The empirical data are 909 legal metaphor terms in Russian. The study established the following. The metaphorical fragment of the legal terminology is diverse. In the aspect of the semantics of the source conceptual domains for the representation of knowledge in the field of law, the macro-categories of HUMAN, OBJECT, and SPACE prevail. The HUMAN macro-category is more often used to reveal abstract legal domains such as LEGAL, JUDICIAL, ECONOMIC, CIVIL, POLITICAL, PROCEDURAL, ILLEGAL ACTION, and LEGAL STATE. Models representing physical actions of a human are more actively involved in legal knowledge modeling. The representations of character traits, mental, communicative and social actions are also applied. The macro-category OBJECT most often profiles the characteristics of the legal domains, OBJECT OF LEGAL RELATIONS and its PROPERTIES, OBJECT OF ECONOMIC, POLITICAL AND CIVIL RELATIONS, and PROPERTY OF OBJECT OF ECONOMIC RELATIONS. The most common notions about the object are most often involved here: the majority of metaphors are based on image-schemes. The macro-category SPACE forms such abstract legal domains as PROPERTIES OF THE OBJECT OF LEGAL AND ECONOMIC RELATIONS, SUBJECT OF LEGAL RELATIONS, LEGAL STATUS, STATE OF THE OBJECT OF ECONOMIC RELATIONS, and LEGAL ACTION. Spatial organization and movements notions are involved more consistently. In the aspect of organization, the markers of the spatial part and size are more prominent. Within terms' semantics modeling based on this knowledge, the image-scheme "source-path-goal" is actively applied, but representations of the vertical direction of spatial movements are rarely involved.

Keywords: cognitive terminology, term formation, metaphorical conceptualization, domain, image-scheme, frame, jurisprudence, legal term

For citation: Tsukanova, E.V. & Mishankina, N.A. (2024) Mechanisms of modeling the semantics of metaphorical term (based on the legal terminology). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 116–129. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/13

Постановка проблемы исследования

Когнитивный «переворот» в современном терминоведении связан с возрастающим интересом к рассмотрению терминосистем через призму когнитивного моделирования в аспекте национальной специфики. Исследования отраслевых терминов в аспекте национальной обусловленности позволяют выявить специфику структурирования институциональных областей знания в различных языковых культурах.

Описание терминосистем в когнитивном аспекте находит отражение в многочисленных работах: рассмотрена метафорическая концептуализация корпоративных понятий [1], общие аспекты метафорического терминовырождения [2–10], описана метафорическая терминология медицинского дискурса [11], исследован термин «языковая картина мира» в аспекте метафорической внутренней формы, метафорическая природа лингвистической терминологии [12, 13], выявлена лингвокогнитивная специфика метафорического моделирования русской нефтегазовой терминологической системы на фоне аналогичного фрагмента английской нефтегазовой терминосистемы [14], определена метафорическая специфика формирования понятий в психологическом научном дискурсе [15, 16], специфика метафорического моделирования понятия «технология» [17], описана система метафорических моделей семантики терминов на материале базы данных метафорической терминологии естественных, технических и гуманитарных терминосистем [18], на примере семантики терминов «Нефтегазопереработка» выявляются и описываются лингвокогнитивные механизмы и семантические структуры терминов [19].

Национальная специфика терминовырождения начала изучаться недавно, однако эта идея была заявлена уже в 90-е гг. XX в. [3, 20, 21]. М.Н. Володина говорит о влиянии национальной культуры и языка на познавательные процессы и специфику научной концептуализации: термин «становится выразителем процессов, принадлежащих языковому сознанию, когда общезыкозная информация трансформируется в информацию терминологическую» [3. С. 314]. Последнее особенно значимо для гуманитарных наук и, в частности, для юриспруденции. Национальная специфика моделирования семантической структуры термина даже в естественных и технических науках убедительно показана в работе [12].

Многочисленные исследования лингвистов [22–33] и юристов [34–36] указывают на специфическую характеристику отрасли права, которая выражается в специфичной терминологичности. Сущность феномена права реализуется через понятийные доминанты, выраженные юридическими правовыми терминами, которые, выступая языковыми маркерами когнитивных структур сознания и мышления, раскрывают сущность сферы юриспруденции. Язык права требует междисциплинарного подхода на стыке философии языка,

философии права, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, логики, так как национально-культурная обусловленность отображает исторические, философские, социальные и культурные факторы формирования этого дискурса и репрезентирует концепты ментальности, которые его участники транслируют посредством социальной интеракции.

Однако исследования терминологии сферы юриспруденции в когнитивном аспекте на материале русского языка немногочисленны. Как правило, обнаруженные нами работы выполнены в сопоставительном аспекте с правовой терминологией и, соответственно, правовой системой другого государства на материале национального языка данного государства или ограничены терминологией определенной отрасли права.

Метафорическая концептуализация юридического дискурса в обнаруженных нами исследованиях сосредоточивается на определенном узком аспекте, например, М.В. Константинова на основании сопоставительного анализа экспериментального материала определяет специфику юридической метафоры в индивидуальном лексиконе в рамках психолингвистической концепции значения в группах специалисты/неспециалисты [27]. J.V. Manzares фокусируется на английской системе законодательства, рассматривая аспекты метафорической концептуализации понятия *мораль* и влияние метафоры на процесс доказывания и аргументации.

Абстрактная модель вынесения решения представляет собой акт «категоризации» события, куда вовлечены три агента: судья, принимающий решение, адвокат и обвинитель, пытающиеся повлиять на этот процесс, «раскачивающие» процесс категоризации. Текущая законодательная система, по мнению автора, базируется на метафоре «бухгалтерский учет» (accountancy): моральное поведение человека имеет конкретную цену и он должен «платить по счетам», в зависимости от «стоимости» содеянного [28]. Н.Н. Лыкова рассматривает метафору в языке права на материале старофранцузского языка и выдвигает предположение о существовании эпизодических метафор, не способных к сетевой организации, но способных образовывать ряды производных и составных терминов [30]. И.А. Гаврилова, выделяя основные разряды метафорических моделей англоязычных правовых терминов, констатирует преимущественное распространение антропоморфной модели в составе англоязычной юридической терминологии [31. С. 504].

Недостаточность исследований механизмов метафорической концептуализации терминологии сферы юриспруденции на материале русского языка составляет проблему нашего исследования. Цель статьи – выявление специфики метафорического моделирования русской юридической терминологии в аспекте задействованных в качестве оснований типов когнитивных моделей.

Методология, методы и материал исследования

Методологической базой данного исследования выступают работы в русле: 1) когнитивного подхода к семантике термина (Л.М. Алексеева [2], Е.И. Голованова [8], Н.А. Мишанкина [6, 7, 14, 15, 18], С.Л. Мишланова [11], С.П. Хижняк [9]); 2) метафорологии. Базовая методология работы выстраивалась на основе теории концептуальной метафоры [37], которая позволила выявить метафорические модели (metaphorical mapping/метафорическое отображение) юридических терминов, установить наиболее регулярные онтологические соответствия (ontological correspondences) между понятиями (entities) в домене источника (source domain) и домене цели (target domain). Модель анализа сформирована на ранее апробированных схемах [18, 38] и была дополнена и трансформирована исходя из целей исследования и эмпирического материала положениями, представленными в рамках «расширенной теории концептуальной метафоры» Z. Kövecses [39].

Z. Kövecses, рассуждая о значимости культурного контекста в интерпретации концептуальной метафоры предлагает уточнение модели, представленной в классической ТКМ. Исследователь говорит об иерархичности организации знаний: «...большая часть наших знаний о мире состоит из больших систем понятий, организованных в иерархии на различных уровнях (высший уровень, базовый уровень, подчиненный уровень) <...> большинство (или, может быть, все) концептуальные метафоры включают в себя четыре различных типа концептуальной структуры: образ-схему, домен, фрейм и ментальное пространство» [39. Р. 24]. Анализ эмпирического материала показал, что данная модель применима к анализу метафорического термина, но без выхода в область ментального пространства текста. Уточнение семантики термина за счет значений аффиксов базировалось на модели анализа, представленной в работе [19].

Методика анализа включает общенучные и дисциплинарные (лингвистические) методы, обусловленные целью исследования. Были применены следующие методы и приемы: прием сплошной выборки; метод идентификации метафоры (MIPVU) [40], включающий прием дефиниционного анализа, сопоставительный анализ при сравнении базового и специального значений лексической единицы в составе термина; метод рефлексивного анализа семного состава слова [41], включающий прием дефиниционного анализа использовался на этапе установления фреймовой структуры и объединения метафорических терминов по совокупности в абстрактные концепты – домены; процедура метафорического моделирования, включающая когнитивную интерпретацию и моделирование метафорической проекции.

Эмпирическим материалом исследования послужила выборка, составляющая 909 метафорических терминов сферы юриспруденции на русском языке, извлеченная методом сплошной выборки из терминологических словарей [42, 43]; электронного профессионального словаря, размещенного на интернет-портале «Академик» [44], обзоров судебной практики [45]. Все термины имеют в качестве производящей единицы определенную лексему русского языка: *взыскание в пользу третьего лица, встречное уведомление, вступить в силу, гибкая цена, заморозить счет* и под. При применении процедуры MIPVU использовался МАС [46]. Для установления актуальной сферы правоприменения метафорических терминов использовалась БД «Консультант Плюс» [45].

Результаты исследования

Границы и содержание метафорического фрагмента терминосистемы юриспруденции. Анализ показал неравномерное распределение выявленных терминов, что отражено на рис. 1.

Рис. 1. Количественное распределение метафорических терминов по сферам правоприменения

Наибольшее число метафорических терминов (**101**) было обнаружено в Гражданском кодексе, что обусловлено широким спектром регулируемых отношений, которые включают «основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, договорные, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения» [47]. Количественный показатель обзоров судебной практики в виде **92** терминов объясняется также многочисленным охватом сфер применения законодательства и обзоров исполнительного производства по ним. Раздел «Обзоры судебных практик» [45] содержат документы, описывающие практику применения законодательства как по горизонтальной отраслевой траектории, например обзоры по спорам, связанным с договорами аренды, защиты прав потребителей, практику применения природоресурсного законодательства, так и по вертикальному, иерархическому принципу разрешения процессуальных вопросов.

К средним количественным показателям обнаруженной метафорической терминологии относятся: Гражданский процессуальный кодекс – **85** терминов. Наличие многочисленных метафорических терминов в данных сферах обусловлено сферами регулирования законодательства, которые распространяются на исполнительное производство в рамках гражданского судопроизводства, большое количество сфер общественной жизни, регулируемых федеральными законами, которые включают в их число и акты федерального законодательства [45].

Сферы правоприменения, в которых были обнаружены метафорические термины с количественным показателем от **50** терминов до **10**: международное право; кодекс об административных правонарушениях (КоАП); Росстат, федеральные статистические наблюдения, национальный стандарт; Уголовно-процессуальный кодекс; Трудовой кодекс (ТК); Налоговый кодекс (НК); Арбитражный процессуальный кодекс (АПК), Уголовный кодекс (УК); постановления кон-

ституционного, арбитражного суда/распоряжения министерств; указы президента РФ; судебная практика (апелляции); послания президента РФ; Уголовно – исполнительный кодекс [45].

Наличие метафорических терминов в процессуальных кодексах и обзорах судебной практики в виде апелляций объясняется наличием в БД документов, которые могут выходить за рамки профессиональной коммуникации, что обусловлено большим количеством ссылок на документы, относящиеся к показаниям свидетелей, заявлениям истцов. Сферы правоприменения с низким числом метафорической терминологии представлены следующими документами и областями: Конституция РФ – **10**; ФЗ «О банкротстве» – **4**; бухгалтерский учет – **4**; Земельный кодекс, Роспотребнадзор (распоряжения) – по **2**; таможенное право, Семейный кодекс – по **1** [45]. Низкое количество обнаруженных метафорических терминов напрямую взаимообусловлено сферами. Термины, используемые для регламента бухгалтерского учета, законодательства о банкротстве требуют четкости формулировок, нейтральности транслируемой информации и однозначности.

Метафорические модели терминосистемы русской юриспруденции. Проведенный анализ позволил сделать заключение, что в качестве исходных понятийных макрообластей выступают ЧЕЛОВЕК (378 терминов), ОБЪЕКТ (286) и ПРОСТРАНСТВО (245). Далее на основе обнаруженных и выявленных признаков категоризации нами были определены лингвокогнитивные структуры, задействованные в метафорическом отображении. Рассмотрим их последовательно.

Понятийная макрообласть «ЧЕЛОВЕК». Когнитивные структуры этой понятийной макрообласти выступают основанием для метафорического моделирования дает возможность части юридических терминов-метафор, что позволяет говорить о явной антропоморфной ориентированности. Проведенный анализ позволил выделить в рамках этого понятийного образования домены, представленные на рис. 2.

Приведенные на рис. 2 домены-источники концептуально моделируют семантику терминов, относящихся к определенным доменам области права. В табл. 1 представлены целевые домены сферы правовых отношений, связанные с доменами-источниками.

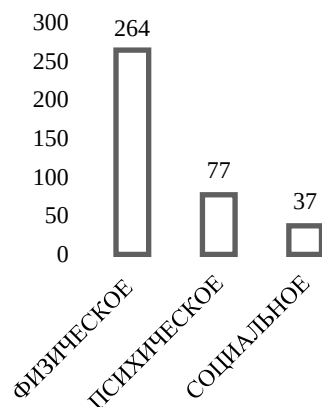

Рис. 2. Количественное распределение антропоморфных метафорических терминов

Рис. 3. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Физическое»

Целевые домены сферы правовых отношений, номинируемые на основании структур понятийной области «Человек»

1а. Домен-источник «физическое»	Кол-во	1б. Домен-источник «психическое»	Кол-во
ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ	37	ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ	9
СУДЕБНОЕ ДЕЙСТВИЕ	36	ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ	7
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	31	КВАЛИФИКАЦИЯ НАКАЗАНИЯ	7
ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	22	КВАЛИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО СОБЫТИЯ	6
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	20	СВОЙСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА	5
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	17	ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	3
ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	16	ПРАВОВОЕ СОБЫТИЕ	3
ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ	10	ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	3
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	8	ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
АСОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	7	ОБЪЕКТ ПРАВА	2
СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ	5	ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ	5	СУДЕБНОЕ ДЕЙСТВИЕ	2
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	4	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
СУБЪЕКТ ПРАВА/ОРГАНИЗАЦИЯ	4	АСОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ	3	ВВЕДЕНИЕ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ	1
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	3	ВВЕДЕНИЕ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ	1
КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	2	ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
КВАЛИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА	2	ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
ПРАВОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ	2	КВАЛИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА ПРАВА	1
СУБЪЕКТ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	2	КВАЛИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО СОСТОЯНИЯ	1
ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ	1	КВАЛИФИКАЦИЯ СВОЙСТВА	1
КВАЛИФИКАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ	1	КВАЛИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ	1
КВАЛИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА ПРАВА	1	ПРАВОВОЕ ПОЛЕ	1
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1	СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВА	1
ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА ПРАВА	1	СВОЙСТВО ПРАВОВОГО СОБЫТИЯ	1
КВАЛИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ	1	ФОРМУЛИРОВКА	1
ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ	1	ФОРМУЛИРОВКА ЗАКОНА	1
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1	ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ НОРМЫ	1
СОДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАЦИИ	1	ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ СИТУАЦИИ	1
СОСТОЯНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ	1	ХАРАКТЕРИСТИКА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ	1
СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1		
СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	1	1в. Домен-источник «социальное»	К-во
ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1	ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ	6
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	1	ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ	6
ОБЪЕКТ ПРАВА	1	ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	3
КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО СОБЫТИЯ	1	ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
ДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТА ПРАВА	1	ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2
		ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	2
		ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
		СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС	1
		ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
		СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВА	1
		СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	1
		ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАЦИИ	1
		ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
		КВАЛИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО СОБЫТИЯ	1
		КВАЛИФИКАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАЦИИ	1
		КВАЛИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА	1
		ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРАВА	1
		ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ	1
		СУДЕБНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1

Как можно убедиться, чаще всего в процессы терминообразования вовлечены представления домена «Физическое». Наиболее последовательно ментальные структуры сферы «Физическое» привлекаются для представления правовых (*принимать закон, поймать с поличным, снимать ответственность и под.*) и судебных действий (*приводить к присяге,*

развод с согласия сторон, отклонить апелляцию, налагать взыскание) (см. табл. 1, 1а).

Анализ детализирующих лингвокогнитивных структур области «Физическое» позволил выявить 16 образ-схем, послуживших основанием концептуализации. Образ-схема, по определению М. Джонсона, – это когнитивная модель, обусловленная опытом

физического взаимодействия со средой, телесным опытом. Она представляет собой структуру первичного опыта, формирующуюся в период «допонятийного» и «доречевого» развития, но при этом придают последующему опыту связность и становятся фундаментом для формирования более сложных моделей [48, 49]. Анализируя терминологическую метафору, Н.А. Мишанкина отмечает, что семантика такой единицы практически всегда подобна структуре «матрешки». Например, семантика метафоры «генеалогическая классификация языков» представлена такими структурами: «...типология языков уподобляется типологии биологических видов (структурная метафора), в которой языки уподобляются живым существам, рожденным другими живыми существами такого же вида (анималистическая метафора). Но и эта метафора возможна только при допущении того, что язык – это объект, обладающий материальным бытованием в пространстве, наряду с другими объектами (объектная метафора)» [6. С. 143]. Уточним, что представление языка как объекта в приведенном пояснении возможно только на основе образ-схемы «ОБЪЕКТ».

Вывявленные в нашем материале образ-схемы домена «Физическое» представлены на рис. 3. Можно говорить о том, что наиболее активно задействованы в образовании юридических терминов представления о физических действиях (ФД), связанных с **перемещением объекта**. На основе этой структуры образованы такие терминологические единицы: *собирать доказательства*; *введение в должность* и под. На порядок реже задействованы представления о неструктурном изменении объекта, связанном со сменой его формы или пространственного положения: *склонять свидетелей к даче ложных показаний*; *уклонение от военной службы*; *покрывать расходы*; *сажать под арест*. Остальные образ-схемы, как можно убедиться, задействованы единично. Нужно отметить, что при форми-

ровании семантики практически всех терминов, образованных с опорой на домен «Физическое», каждая образ-схема конкретизируется определенной фреймовой структурой. Например, рассмотренные выше образ-схемы перемещения объекта последовательно реализуются фреймовыми структурами значений глаголов: *брать*; *бросить*; *вести*; *взять*; *взвешивать*; *гнать*; *дать*; *двигать*; *качать*; *колебать*; *крутить*; *нести*; *принять*; *сеять*; *снять*; *ставить*; *стоять*; *стоять*; *тянуть*; *установить*; *хватать* и под. Например: *вести закон в действие*; *ведение* банковских операций; *вести* судебный процесс; *доводить* до сведения; *отвод* присяжного заседателя; *привести* приговор в исполнение; *проводить* очную ставку; *развод* с согласия сторон; *производить* арест; *перевод* долга по обязательствам; *привлечь* к ответственности; *выдвинуть* обвинение; *перекачка* денег с банковских счетов; *возложенные* обязанности; *налагать* взыскание; *внести* законопроект; *выносить* вердикт/приговор; *наносить* побои/телесные повреждения; *нести* убытки/ущерб; *снимать* судимость, *отклонить* претензию; *нанести* вред/урон, *принимать* наследство, *привести* приговор в исполнение, *брать* на себя ответственность, *извлечь* выгоду и т.п. При этом фреймовая семантика уточняется с помощью префиксов с пространственным значением. В работах [50, 51] высказывается идея о значимости семантики аффикса при метафорической концептуализации в терминологическом образовании.

Представления из области «Психическое» привлекаются для номинации следующих знаниевых структур юриспруденции (см. табл. 1, 1б). В рамках этой области удалось выявить 10 опорных образ-схем, представляющих первичный ментальный опыт, связанный с восприятием, узнаванием, пониманием, определением психических состояний.

Рис. 4. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Психическое»

Наиболее последовательно вовлекаются представления о визуальном восприятии: *пересмотр* судебного решения; *порядок рассмотрения*; *злоупотребление усмотрением*. По убывающей задействованы представления о ментальных действиях: *признать* виновным; *признать* отцовство; *считать* необоснованным; свойствах человека: *серьезный* урон; *строгие* меры; *строгий* надзор; *камера строгого режима*; *строгая* санкция и под. При концептуализации в рамках этого домена семантика во всех

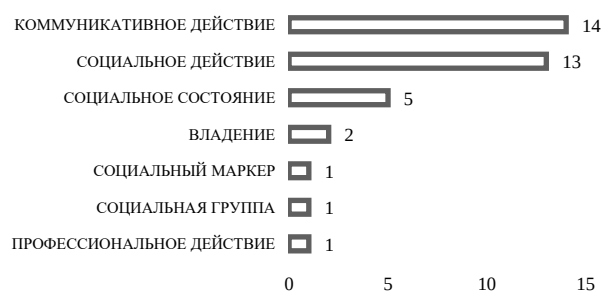

Рис. 5. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Социальное»

случаях представлена более конкретными фреймовыми структурами: *верный*; *возбудить*; *вредный*; *доля*; *душа*; *единица*; *жестокый*; *злой*; *искать*; *испытать*; *мера*; *несчастный*; *признать*; *смотреть*; *серьезный*; *срочный* и т.п. Так как при терминологическом образовании глагольная лексика задействована в меньшей степени, то и субфреймы, связанные с уточнением семантики, реализованы реже. В случае их реализации они представлены теми же префиксами, что и в предыдущем случае.

Домен «Социальное» задействован для представления следующих когнитивных структур юриспруденции (табл. 1, 1в). На основе представлений о социуме моделируется семантика 37 терминов. Моделирование основано на 7 образ-схемах, при этом 3 из них реализованы при образовании только 1 термина (см. рис. 5). В некоторых случаях образ-схема становится непосредственным основанием концептуализации, например: *иметь право* (образ-схема *владение*). Чаще всего задействованы представления о коммуникативных и социальных действиях: *вызывать подозрение*; *вызывать доверие*; *выиграть судебный процесс (разбирательство)*; *проиграть судебный процесс*; (расследование) *отвечающее требованиям*; *отказ от иммунитета*; *победа в суде*; *предупреждать преступление*; *состязательный судебный процесс* и под.

Рис. 6. Количественное распределение объектных метафорических терминов области «ОБЪЕКТ» по доменам

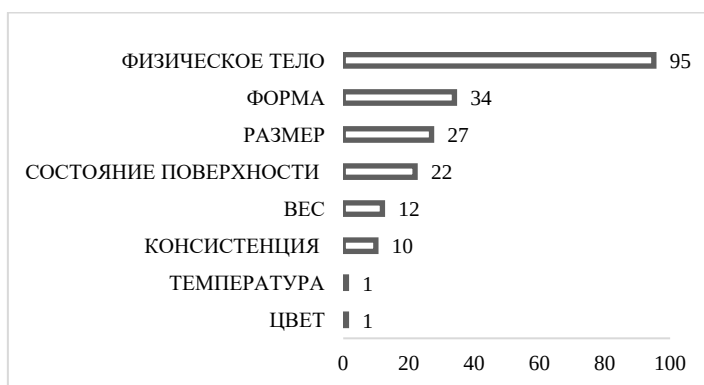

Рис. 7. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «ОБЩИЕ СВОЙСТВА ОБЪЕКТА»

Таблица 2

Целевые домены сферы правовых отношений, номинируемые на основании структур понятийной области «Объект»

2а. Домен-источник «общие свойства объекта»	Кол-во	2б. Домен-источник «конкретные свойства объекта»	Кол-во
ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	93	СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	9
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	35	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	8
ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	29	ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	8
ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	11	ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	7
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	10	ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	5
ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	9	ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	3
ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	6	СВОЙСТВО ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЙСТВИЯ	3
ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ	6	ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	2
ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ	6	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	2
КВАЛИФИКАЦИЯ (ПРАВОВОГО) СОБЫТИЯ	4	ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
СВОЙСТВО ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА	3	ГОСУДАРСТВО	1
СВОЙСТВО ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЙСТВИЯ	3	ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ	1
СУБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	3		
ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	2		
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2		
ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1		
ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	1		
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1		
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	1		
ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ	1		
СВОЙСТВО ВРЕМЕННОГО ОТРЕЗКА	1		
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1		
СВОЙСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА	1		
СВОЙСТВО ПРАВОВОГО ДЕЙСТВИЯ	1		
СВОЙСТВО ПРАВОВОГО СОСТОЯНИЯ	1		
СВОЙСТВО ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	1		
СОВОКУПНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРАВА	1		
СУБЪЕКТ ПРАВА	1		
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1		

Спецификой юридической терминологии можно считать то, что самый частотно реализованный домен – наиболее общие представления об объекте. Зачастую в таких случаях при образовании термина задействована только образ-схема. Например, при формировании семантики термина *внести законопроект* сочетаемость с глагольной лексемой, репрезентирующей фреймовую структуру, основанную на представлении о физическом действии, позволяет говорить о моделировании понятия *законопроект* как физического объекта. Терминообразование основано на 8 образ-схемах, при это наиболее частотно задействовано самое общее представление о наличии у объекта физического тела. (*собрать улики; внести законопроект; возложить ответственность на кого; выносить определение суда; запрашивать чьи-л. интересы* и под.). В этом случае актуализируются представления об объекте, который может быть взят в руки (см. рис. 7). Следующие по частотности – представления о форме. Приведем пример таких терминов: *гибкая ценовая политика; обострение конфликта; перекрёстный допрос; потомок по прямой (нисходящей) линии; прямое доказательство; соблюдать форму* и под. Несколько реже задействованы представления о размере: *крупная сделка; крупнейший налогоплательщик; мелкое правонарушение; объем (прав)притязания; равенство прав больших и малых наций* и под. Примерно в равной степени значимы представления о весе (*тяжкое/легкое телесное повреждение; тяжесть наказания*) и консистенции объекта (*мягкое наказание; твердая котировка*). Практически не вовлекаются представления о температуре и цвете. Как уже было сказано ранее, в рамках этого домена в процессы терминообразования практически не вовлекаются фреймовые структуры.

Конкретные свойства объектов задействованы при моделировании семантики терминов более чем вдвое реже.

В качестве образ-схем в этом случае выступают представления об артефактах и натурфактах, объектах искусственного и природного происхождения (см. рис. 8). В качестве основы метафорической концептуализации в рамках артефактной метафоры выступают фреймовые структуры, представленные лексемами,

номинациями определенных предметы: *механизмы, инструменты, сооружения: государственный аппарат; основания для избрания меры пресечения; портфель ценных бумаг; портфельные инвестиции; состав преступления; цепь поставок; узы брака* и под. Семантика аффиксов (префиксов) обычно не задействована. Представления о натурфактах привлекаются в полтора раза реже. Это представления о водных объектах и движении жидкости (*источник извлечения прибыли; приток фондов*), анималистические представления (*достигнуть зрелого возраста; следы преступления, иметь юридическую силу*).

Понятийная макрообласть «ПРОСТРАНСТВО». В этой сфере анализ позволил выявить 3 базовых домена, представленных на рис. 9. Как можно убедиться, в наибольшей степени в процессы терминообразования вовлечены концептуальные структуры, связанные с организацией пространства: разделение, способы организации, номинации отдельных частей пространства. Домен «Перемещение в пространстве» объединяет все структуры, представляющие изменение пространственного положения, динамический аспект. Домен «Положение в пространстве» включает общие представления о локализации.

В табл. 3 представлены целевые домены сферы правовых отношений, связанные с доменами-источниками, концептуально моделирующими семантику терминов.

Рассмотрим подробнее метафорические модели этой макрообласти. Терминообразование в рамках домена «Организация пространства» базируется на 5 образ-схемах, представленных на рис. 10. Наиболее актуализированными являются концептуальные структуры, маркирующие части пространства и их состояние в аспекте доступности: *закрытое заседание; открытое слушание дела; попасть под суд; раскрытие преступления; виновная сторона; стороны по делу; довод противной стороны; сфера действия закона; в состоянии аффекта; внешнее/внутреннее финансирование; внутренние дела; держаться в рамках закона* и под.

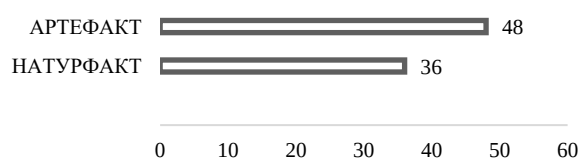

Рис. 8. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Конкретные свойства объекта»

Рис. 9. Количественное распределение пространственных метафорических терминов области «ПРОСТРАНСТВО» по доменам

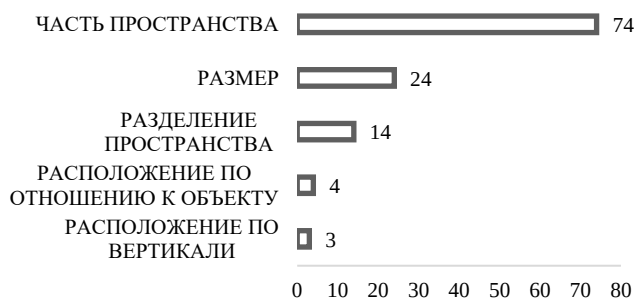

Рис. 10. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Организация пространства»

Таблица 3

Целевые домены сферы правовых отношений, номинируемые на основании структур понятийной области «Пространство»

3а. Домен-источник «организация пространства»	Кол-во	3б. Домен-источник «перемещение в пространстве»	Кол-во
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	22	ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ	16
СУБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	21	СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	11
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	18	ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ	10
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	7	СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	10
СВОЙСТВО ПРАВОВОГО ДЕЙСТВИЯ	7	СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	8
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	7	ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	6
ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ	6	ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ	3
ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ	5	ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	3
СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	3	СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	3
ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	2	ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2	СВОЙСТВО ПРАВОВОГО ДЕЙСТВИЯ	2
ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	2
СВОЙСТВО ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	2	ГРАЖДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1
СВОЙСТВО СУБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	2	ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО	1	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1
ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	1	ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	1
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1	ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	1	СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО	1	СВОЙСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	1
ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	1	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1
ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1		
СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1	3в. Домен-источник «положение в пространстве»	
СВОЙСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	1	ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ	10
СВОЙСТВО СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1	ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО	3
СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	3
СУДЕБНОЕ ДЕЙСТВИЕ	1	ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1	ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	2
		СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2
		СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	2
		СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2
		ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	1
		КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЙСТВИЯ	1
		КВАЛИФИКАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ	1
		ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1
		СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	1
		СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	1
		ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1

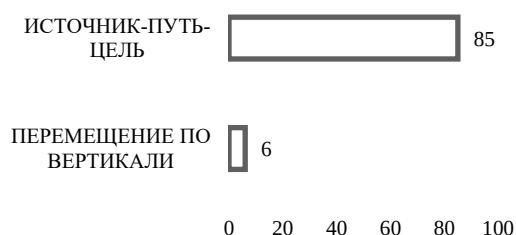

Рис. 11. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Перемещение в пространстве»

Практически втрое реже включены образ-схемы, связанные с оценкой размеров подпространств: *превышение юрисдикции*; *высостоящий суд*; *широкие правовые возможности* и под. В пять раз реже представлены образ-схемы «разделение пространства» (*граница, ограничивать, предел* и т.п.).

Как правило, в рамках этого домена при метафорической концептуализации задействована фреймовая структура. Например, термин *содержание под стражей*, номинирующий реализацию события правового дискурса и репрезентирующий образ-схему «расположение по отношению к объекту», уточняется семантикой предлога — находится под другим объектом и, соответственно, быть ограниченным в передвижении. Вместе с тем семантика префиксов задействована в этом случае непоследовательно. Как правило, она реализована в рамках обозначения степени доступности пространства: *закрытое/открытое судебное заседание*.

Практически все термины домена «Перемещение в пространстве» образованы на основе образ-схемы «источник — путь — цель» (см. рис. 11).

В работе [44] отмечается, что при терминообразовании на базе глаголов поступательного движения обычно различается вертикальное и горизонтальное направление движения, «при этом семантика глагольных приставок конкретизирует перемещения в соответствии с фазами и направлениями, актуализирует слот «направление»» [44. С. 84]. Спецификой моделирования в области юридической терминологии можно считать очень слабую маркированность перемещения в вертикальном направлении. Движение по горизонтали хорошо дифференцировано и задействованы более сложные структуры, связанные с рекурсивным движением или пересечением траекторий: начало движения (*выступить свидетелем, выходное пособие, выходить на свободу*) — процесс движения (в одном направлении: *переход доли, в ходе совершения преступления, переход заложенной недвижимости; переход прав*; в противоположных направлениях: *иметь обратное действие; денежное обращение; обратная уступка*; пересечение траекторий: *встречный иск*) — цель (*вступить в (законную) силу; входить в права наследования; достигать возраста*). В рамках этой образ-схемы уточнение ее семантики осуществляется, как правило, именно за счет значения префиксов.

В рамках домена «Положение в пространстве» наиболее активно участвует в образовании юридических терминов представления о локализации (см. рис. 12). Это самая абстрактная схема, представленная,

Рис. 12. Распределение образ-схем метафорических терминов домена «Положение в пространстве»

как правило, в значении лексем *положение* и *позиция*: *позиция защиты/обвинения*; *социальное положение*; *правовое положение*; *чрезвычайное положение*; *семейное положение*; *нелегальное положение* и под. Остальные образ-схемы конкретизируют отдельные пространственные параметры: *верховный суд*; *верхняя / нижняя палата*; *отдаленный срок исполнения*; *внешнее финансирование*; *внутренние дела* и под. Фреймовые структуры вовлекаются в моделирование семантики только в случае конкретизации, определяя, какой именно параметр задействован: *цена близкая к рыночной*; *далекое родство*. В случае общего обозначения локализации «работает» только образ-схема. В рамках этого домена семантика аффиксов, как правило, при формировании семантики термина не задействована.

Заключение

Таким образом, анализ позволил установить, что метафорический фрагмент юридической терминосистемы неоднороден. Количественный анализ показал неравномерную картину распределения метафорических терминов по сферам и отраслям правоприменения. Наибольшее количество метафорических терминов представлено в Гражданском процессуальном кодексе, Гражданском кодексе, федеральном законодательстве, судебной практике (обзор), финансовом и международном праве, что может быть объяснено широким спектром регулируемых данными сферами правоотношений.

В аспекте семантики исходных понятийных областей для репрезентации знаний области права доминирующими выступают макрообласти ЧЕЛОВЕК, ОБЪЕКТ и ПРОСТРАНСТВО, что подтверждает действие принципа антропоцентричности в рамках когнитивной парадигмы, который предопределяет человеку ведущую роль в реализации языкового воплощения через опыт взаимодействия с окружающим миром при организации понятийной системы и соответствует основным тенденциям метафорического терминообразования. В целом механизмы метафорического моделирования семантики юридического термина соответствуют моделям метафорического терминообразования и здесь доминируют те же макрообласти (см.: [18. С. 171]). Однако можно говорить о специфике в аспекте их содержания и структурирования. В частности, к таковой специфике можно отнести значительное количество терминов, семантика которых моделируется

на основе не более детализированной модели – фреймовой структуры, а на основе образ-схемы – модели гораздо более схематичной в аспекте образности.

Макрообласть ЧЕЛОВЕК чаще всего привлекается для обозначения абстрактных правовых доменов ПРАВОВОЕ, СУДЕБНОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ, ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ. В его рамках наиболее активно вовлекаются в процессы моделирования юридического знания образ-схемы и фреймовые структуры, представляющие физические действия человека (перемещение объекта, неструктурное изменение). Значительное количество терминов юриспруденции образовано на основе глагольной семантики, связанной с физическими действиями. При этом собственно глагольная семантика задействована в самом общем виде, а уточнение и конкретизация оказываются возможными за счет семантики префиксов. Домен «Психическое» является вторым по значимости, в этой семантической области наиболее востребованными являются представления о восприятии и ментальных действиях. В рамках домена «Социальное» наиболее активно задействованы представления о коммуникативных и социальных действиях. Доминирование антропоморфной метафоры в области русской юридической терминологии соотносится с ее позицией в английской, что позволяет выдвинуть предположение о ее универсальности для этой области.

Макрообласть ОБЪЕКТ чаще всего профилирует характеристики правовых доменов: ОБЪЕКТ

ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ и его СВОЙСТВО, ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ и ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ, СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Специфика реализации этой семантической области в юридической терминологии заключается в том, что здесь чаще всего задействованы самые общие представления об объекте. Основанная масса метафор является онтологическими – основана на образ-схемах, а не на более конкретных фреймовых структурах. Наиболее конкретны представления о натурфактах как более образные.

Макрообласть ПРОСТРАНСТВО формирует абстрактные правовые домены СВОЙСТВО ОБЪЕКТА ПРАВОВЫХ и ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, СУБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ. Наиболее последовательно задействованы представления об организации пространства и изменении пространственного положения. В аспекте организации наиболее последовательно привлекаются маркеры части пространства и размера. При моделировании семантики терминов на основе знаний о пространстве активно используется образ-схема «источник–путь–цель», но редко привлекаются представления о перемещении в вертикальной плоскости.

Таким образом, полагаем, что можно говорить о «специализации» различных концептуальных структур при представлении юридического знания и определенной «избирательности» юриспруденции в отношении общезыковых семантических структур.

Список источников

1. Tushnet M. Corporations and Free Speech // *The Politics of Law: a Progressive Critique* / ed. by David Kairys. New York : Pantheon, 1982. P. 253–261.
2. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.
3. Володина М.В. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация : дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1998. 345 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 2-е изд. М. : УРСС, 2006. 261 с.
5. Goshler J., Is this a Metaphor? On the difficult task of identifying metaphors // *Science discourse Culture, Language and Representation*. 2007. Vol. V. P. 27–41.
6. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: Парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
7. Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
8. Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.
9. Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов : Наука, 2016. 172 с.
10. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2017. 224 с.
11. Мишланова С.Л. Когнитивный аспект метафоризации в медицинском дискурсе // *Научно-техническая терминология*. Вып. 1. М., 2003. С. 35–45.
12. Резанова З.И. Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры // *Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука»*, 1–3 ноября 2001 года. Томск, 2002. С. 28–34.
13. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2007. № 1. С. 18–29.
14. Mishankina N. A., Deeva A. I. Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 215. P. 293–300. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.637
15. Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 3 (35). 2015. С. 57–72.
16. Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 248 с.
17. Панасенко Е.А. Метафорическое моделирование понятия «технология» в научном дискурсе (на материале текстов в сфере IT, био- и нанотехнологий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016.
18. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А., Рахимова А.Р., Рожнева Ж.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности : на материале базы данных метафорической терминологии естественных, технических и гуманитарных терминосистем. М. : Флинта, 2018. 271 с.
19. Краевская И.О. Семантика термина в когнитивном аспекте (на материале русскоязычной терминосистемы «Нефтегазопереработка») : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 202 с.

20. Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. М. : Наука, 1991. 120 с.
21. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : Изд-во МГУ, 1999. 248 с.
22. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 136 с.
23. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–58.
24. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 19 с.
25. Сандалова Н.В. Норма и вариативность в юридической терминологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2 (8). С. 42–47.
26. Goletini L. О развитии юридической лингвистики в России и Украине // Studi Slavistici. 2011. № VIII. С. 241–262.
27. Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011.
28. Valenzuela Manzares J. Cognitive linguistics and the law // Anuari de Filologia. Estudis de Linguística (Anu.Filol.Est.Lingüíst.). 2014. № 4. P. 185–200.
29. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса. Границы, содержание, параметры. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1. С. 61–68.
30. Лыкова Н.Н. Метафора в терминологии права (на материале французских источников) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4. (386). Филологические науки. Вып. 100. С. 106–111.
31. Гаврилова И.А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 2. С. 504–512. doi: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512
32. Мишланова С.Л., Бисерова Н.В., Филиппова А.А. Фреймовый анализ терминологии миграционного права // Язык и культура. 2020. № 51. С. 53–69. doi: 10.17223/19996195/51/3
33. Палашевская И.В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Научный диалог. 2017. № 11. С. 144–156.
34. Веденеев Ю.А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Lex Russica. 2017. № 3. С. 9–28. doi: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.009-028
35. Оглезнев В.В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2012.
36. Пиголкин А.С. Теория государства и права : учеб. для акад. бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 516 с.
37. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
38. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
39. Kövecses Z. Extended conceptual metaphor theory: the cognition-context interface // Metaphorical Conceptualizations (Inter) Cultural Perspectives / ed. by: U. Schröder, M. Mendes de Oliveira, A. Maria Tenuta. De Gruyter Mouton, 2022. P. 23–40. doi: 10.1515/9783110688306-002
40. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T.A. Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, Amsterdam / Philadelphia, 2007. 235 p.
41. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль : Истоки, 2013.
42. Борисенко И.И., Саенко В.В. Современный русско-английский юридический словарь. М. : РУССО, 2006. 528 с.
43. Малько А.В., Игнатенкова К.Е., Ныров В.В. Юридический энциклопедический словарь : энциклопедический словарь. М. : Проспект, 2016. 1136 с.
44. Большой юридический словарь. URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law8.php (дата обращения: 18.09.2020).
45. СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.11.2021).
46. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 1983. 749 с.
47. ГК РФ. Статья 2. Отношения, регулируемые гражданским законодательством // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (дата обращения: 22.11.2021).
48. Johnson M. The Body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. 233 p.
49. Johnson M. The meaning of the body: Aesthetics of human understanding. Chicago : University of Chicago Press, 2007. 330 p.
50. Мишанкина Н.А. Семантика словообразовательных аффиксов в формировании концептуальной структуры метафорического термина // Взаимодействие лексики и грамматики : тез. докл. Междунар. конф. Двенадцатые Шмелевские чтения. М., 2018. С. 55–56.
51. Мишанкина Н.А. Представления о перемещении в пространстве как исходная понятийная область в русском метафорическом терминологическом образовании: универсальные и уникальные модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 70–97. doi: 10.17223/19986645/61/5

References

1. Tushnet, M. (1982) Corporations and Free Speech. In: Kairys, D. (ed.) *The Politics of Law: a Progressive Critique*. New York: Pantheon. pp. 253–261.
2. Alekseeva, L.M. (1998) *Termin i metafora* [Term and Metaphor]. Perm: Perm State University.
3. Volodina, M.V. (1998) *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya* [Cognitive-informational nature of the term and terminological nomination]. Philology Dr. Diss. Moscow.
4. Leychik, V.M. (2006) *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. 2nd ed. Moscow: URSS.
5. Goshler, J. (2007) Is this a Metaphor? On the difficult task of identifying metaphors. *Science discourse Culture, Language and Representation*. 5. pp. 27–41.
6. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: Paradoks ili norma?* [Metaphor in Science: Paradox or norm?]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Mishankina, N.A. (2012) Metaphor in terminological systems: functions and models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (20). pp. 32–45. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/20/4
8. Golovanova, E.I. (2013) Kognitivnoe terminovedenie: problematika, instrumentariy, napravleniya i perspektivy razvitiya [Cognitive terminology: problems, tools, directions and prospects for development]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie*. 24 (315). 82. pp. 13–18.
9. Khizhnyak, S.P. (2016) *Kognitivnaya problematika v obshchey teorii termina* [Cognitive Problems in the General Theory of the Term]. Saratov: Nauka.
10. Golovanova, E.I. (2017) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to Cognitive Terminology]. 3rd ed. Moscow: FLINTA.
11. Mishlanova, S.L. (2003) Kognitivnyy aspekt metaforizatsii v meditsinskom diskurse [Cognitive aspect of metaphorization in medical discourse]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*. 1. pp. 35–45.
12. Rezanova, Z.I. (2002) [Linguistic picture of the world: a look at the phenomenon through the prism of the term-metaphor]. *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty* [Picture of the World: Models, methods, concepts]. Proceedings of the All-Russian Interdisciplinary School for Young Researchers. Tomsk. 1–3 November 2001. Tomsk: Tomsk State University. pp. 28–34. (In Russian).

13. Rezanova, Z.I. (2007) Metaphor in a linguistic text: types of functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 18–29. (In Russian).
14. Mishankina, N.A. & Deeva, A.I. (2015) Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 293–300. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.637
15. Mishankina, N.A. & Rakhimova, A.R. (2015) Metaphorical modeling of human psyche structure in scientific psychological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 57–72. (In Russian).
16. Rakhimova, A.R. (2018) *Metaforicheskoe modelirovanie psikhicheskoy deyatel'nosti cheloveka v nauchnom psikhologicheskom diskurse* [Metaphorical modeling of human mental activity in scientific psychological discourse]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
17. Panasenkov, E.A. (2016) *Metaforicheskoe modelirovanie ponyatiya "tekhnologiya" v nauchnom diskurse (na materiale tekstov v sfere IT, bio- i nanotekhnologii)* [Metaphorical modeling of the concept of "technology" in scientific discourse (based on texts in the field of IT, bio- and nanotechnologies)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
18. Mishankina N.A. et al. (2018) *Russkie terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti: na materiale bazy dannykh metaforicheskoy terminologii estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh terminosistem* [Russian Term Systems in the Aspect of Semantic Selectivity: Based on the database of metaphorical terminology of natural, technical and humanitarian term systems]. Moscow: Flinta.
19. Kraevskaya, I.O. (2020) *Semantika termina v kognitivnom aspekte (na materiale russkoyazychnoy terminosistemy "Neftegazopererabotka")* [Semantics of the term in the cognitive aspect (based on the Russian-language term system "Oil and Gas Processing")]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
20. Kogotkova, T.S. (1991) *Natsional'nye istoki russkoy terminologii* [National origins of Russian terminology]. Moscow: Nauka.
21. Kornilov, O.A. (1999) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic Pictures of the World As Derivatives of National Mentalities]. Moscow: Moscow State University.
22. Khizhnyak, S.P. (1997) *Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal Terminology: Formation and composition]. Saratov: Saratov State University.
23. Golev, N.D. (1999) Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [Legal aspect of language in linguistic coverage]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurilingvistika-1. Problemy i perspektivy* [Jurislinguistics-1. Problems and prospects]. Barnaul: Altai State University. pp. 11–58.
24. Kolesnikova, L.V. (2007) *Yuridicheskiy diskurs kak rezul'tat kategorizatsii i kontseptualizatsii (na materiale predmetno-terminologicheskoy oblasti "Mezhdunarodnoe chastnoe pravo")* [Legal discourse as a result of categorization and conceptualization (based on the subject-terminological field "Private International Law")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
25. Sandalova, N.V. (2010) Norma i variativnost' v yuridicheskoy terminologii [Norm and variability in legal terminology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2 (8). pp. 42–47.
26. Goletini, L. (2011) O razvitiy yuridicheskoy lingvistiki v Rossii i Ukraine [On the development of legal linguistics in Russia and Ukraine]. *Studi Slavistici*. 8. pp. 241–262.
27. Konstantinova, M.V. (2011) *Spetsifika yuridicheskoy metafory v individual'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie)* [Specificity of legal metaphor in the individual lexicon (experimental study)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.
28. Manzares, J.V. (2014) Cognitive linguistics and the law. *Anuari de Filologia. Estudis de Linguística*. 4. pp. 185–200.
29. Kosonogova, O.V. (2015) *Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa. Granitsy, sodержanie, parametry* [Characteristics of legal discourse. Boundaries, content, parameters]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 1 (7). pp. 61–68.
30. Lykova, N.N. (2016) Metafora v terminologii prava (na materiale frantsuzskikh istochnikov) [Metaphor in legal terminology (based on French sources)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 4 (386–100). pp. 106–111.
31. Gavrilova, I.A. (2019) *Terminy-metafory v sostave anglozazychnoy yuridicheskoy terminologii* [Metaphor terms as part of English-language legal terminology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (21). pp. 504–512. doi: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512
32. Mishlanova, S.L., Biserova, N.V. & Filipova, A.A. (2020) Freymovyy analiz terminologii migratsionnogo prava [Frame analysis of the terminology of migration law]. *Yazyk i kul'tura*. 51. pp. 53–69. doi: 10.17223/19996195/51/3
33. Palashevskaya, I.V. (2017) *Aksiologicheskie osnovaniya yuridicheskogo diskursa: aksiomy prava* [Axiological foundations of legal discourse: axioms of law]. *Nauchnyy dialog*. 11. pp. 144–156.
34. Vedenev, Yu.A. (2017) Yuridicheskaya nauka: vvedenie v kontseptual'nuyu istoriyu [Legal science: introduction to conceptual history]. *Lex Russica*. 3. pp. 9–28. doi: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.009-028
35. Oglezneva, V.V. (2012) *Teoriya yuridicheskogo yazyka v filosofii prava G. Kharta* [Theory of legal language in the philosophy of law by G. Hart]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Tomsk.
36. Pigolkin, A.S. (2019) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
37. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
38. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
39. Kövecses, Z. (2022) Extended conceptual metaphor theory: the cognition-context interface. In: Schröder, U., de Oliveira, M.M. & Tenuta, A.M. (eds) *Metaphorical Conceptualizations (Inter) Cultural Perspectives*. De Gruyter Mouton. pp. 23–40. doi: 10.1515/9783110688306-002
40. Steen, G.J. et al. (2007) *Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
41. Sternin, I.A. (2013) *Metody issledovaniya semantiki slova* [Methods for Studying the Semantics of Words]. Yaroslavl': Istoki.
42. Borisenko, I.I. & Saenko, V.V. (2006) *Sovremennyy russko-angliyskiy yuridicheskiy slovar'* [Modern Russian-English Legal Dictionary]. Moscow: RUSSO.
43. Mal'ko, A.V., Ignatenkova, K.E. & Nyrkov, V.V. (2016) *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Legal Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Prospekt.
44. Petroleks. Yuridicheskie slovari [Petrolex. Law Dictionary]. (n.d.) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large Legal Dictionary]. [Online] Available from: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law8.php (Accessed: 18.09.2020).
45. Consultant Plus. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.11.2021).
46. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
47. Consultant Plus. (1994) *Civil Code of the Russian Federation. Article 2. Relations regulated by civil law*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (Accessed: 22.11.2021). (In Russian).
48. Johnson, M. (1987) *The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: The University of Chicago Press.
49. Johnson, M. (2007) *The Meaning of the Body: Aesthetics of human under-standing*. Chicago: University of Chicago Press.
50. Mishankina, N.A. (2018) [Semantics of word-forming affixes in the formation of the conceptual structure of a metaphorical term]. *Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki* [Interaction of Vocabulary and Grammar]. Abstracts of the International Conference. Moscow. 24–26 February 2018. Moscow: [s.n.]. pp. 55–56. (In Russian).
51. Mishankina, N.A. (2019) Representations of Motion in Space as a Source Conceptual Domain in the Russian Metaphor Terminology Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 70–97. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/61/5v

Информация об авторах:

Цуканова Е.В. – старший преподаватель кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: cev@tpu.ru

Мишанкина Н.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, профессор кафедры телерадиожурналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mishankina@ido.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Tsukanova, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cev@tpu.ru

N.A. Mishankina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mishankina@ido.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 02.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 27.02.2023;
approved after reviewing 02.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 111.1
doi: 10.17223/15617793/500/14

«Dasein» или «поток переживаний»: онтологические основания человека через призму феноменологического и психоаналитического подходов

Александра Валерьевна Пилушенко¹

¹ Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашикова, Ижевск, Россия, Che-pi@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована проблема бытия человека с позиций феноменологического и психоаналитического подходов. Выявлены их общие и особенные черты, рассмотрена концепция dasein-анализа, представленная использованием феноменологического подхода к психоанализу. При рассмотрении бытия человека был использован диалектический подход в контексте исследования отношений дихотомической пары «сознание – бессознательное» как субъектно-объектных оснований сущего.

Ключевые слова: бытие человека, сущее, dasein, dasein-анализ, сознание, феномен, бессознательное, вопрошание

Для цитирования: Пилушенко А.В. «Dasein» или «поток переживаний»: онтологические основания человека через призму феноменологического и психоаналитического подходов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 130–136. doi: 10.17223/15617793/500/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/14

“Dasein” or “stream of experiences”: Ontological foundations of a human through the prism of phenomenological and psychoanalytic approaches

Aleksandra V. Pilyushenko¹

¹ Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation, Che-pi@yandex.ru

Abstract. The article addresses the problem of human existence from the standpoint of phenomenological and psychoanalytic approaches. Human existence from the standpoint of phenomenology is revealed by the concept of Dasein – “here is being” – derived from the consciousness of a person whose being is the being of his consciousness. Psychoanalysis considers human existence as a stream of experiences, often of an unconscious nature, as a result of “games of the unconscious”; however, consciousness and living by the consciousness of the irrational unconscious drives have a therapeutic significance in the treatment of mental disorders, and therefore consciousness is of crucial importance in the ontological foundations of psychoanalysis. This confirms the de-subjectifying and rationalizing role of the analyst in a psychoanalytic situation. The aim of the article is to consider the ontological foundations of man through the prism of phenomenological and psychoanalytic approaches. As a result, their common and special features were identified, the concept of Dasein analysis was considered, represented by the use of a phenomenological approach to psychoanalysis. The methodology of the study is related to its problem field. The main method of research is phenomenological analysis. The research also relies on a number of general scientific methods: analysis, synthesis, modeling, ascent from the abstract to the concrete, abstraction. When considering human existence, a dialectical approach was used in the context of the study of the relations of the dichotomous pair “consciousness – the unconscious” as the subject-object foundations of existence. Exploring human existence through the prism of phenomenology and psychoanalysis, similarities were revealed in the understanding of the role of rational or conscious processes in human existence in the works of Martin Heidegger and Sigmund Freud. In phenomenology, the intentionality of consciousness was considered as the most essential being, Dasein residing in active actual thinking. In psychoanalysis, consciousness is the possibility of healing from mental disorders, where the awareness and rationalization of the problem become the central tools of psychoanalytic therapy. For Dasein analysis, consciousness is actually equated with human existence; namely, Dasein is a true reality, while not split by the dichotomy of subject-object relations.

Keywords: human being, being, Dasein, Dasein-analysis, consciousness, phenomenon, unconscious, questioning

For citation: Pilyushenko, A.V. (2024) “Dasein” or “stream of experiences”: Ontological foundations of a human through the prism of phenomenological and psychoanalytic approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 130–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/14

Введение

Современный мир отличается высокой социальной динамикой и нагрузкой. Социальная сторона человеческой жизни обрывает все более сложными, порой противоречивыми явлениями, социальное взаимодействие становится все более интенсивным, а вместе с тем растет социальная нагрузка – совокупность социально детерминированных обязанностей человека, связанных с выполнением его социальных ролей.

Социальные роли также разрастаются и усложняются. Усиливается значения личностных навыков, список которых растет. Постиндустриальное общество и ключевая роль информации в бытовой, социальной, досуговой и производственной сферах жизни людей определяют становление культа «всезнающего»/«всеумеющего» человека, постоянно пребывающего в роли обучаемого. Сегодня современный человек сталкивается с необходимостью постоянно учиться, овладевать новыми навыками, круг которых постоянно растет. Если раньше умение водить автомобиль было профессией и родом занятий, то сегодня это стало условным требованием для всех и каждого, банальным навыком, которым владеют большинство. Если раньше работа с техническими системами была профессиональной «прерогативой» инженеров, то сегодня сложные технические системы повсеместно распространились на все сферы жизни людей: от производственной до бытовой. Для успешной социальной жизни все большее значение приобретает эрудированность, вежливость, тактичность, владение грамотной речью и т.д.

Круг навыков и знаний, необходимых современному человеку для полноразмерной жизни, все более расширяется. В таких условиях возрастает угроза новых вызовов в области охраны психологического здоровья людей, их эмоционального комфорта и благополучия. Злободневным становится поиск новых подходов и методов превентивного и терапевтического характера охраны психологического здоровья людей, нивелирования негативного влияния современной культуры на психику человека.

Это определяет необходимость обращения к психоаналитической философии как теоретическому и практическому фундаменту осмысления роли неврозов и защитных механизмов психики, их природы и способов их преодоления. Несмотря на то что психоаналитическая философия представляет собой развитое направление философской мысли, она обладает специфическим характером повествования и ограниченностью предмета и метода. Несмотря на то что проблема человека в психоанализе рассматривается в контексте культуры, имеющей объективную природу и оказывающей на человека определяющее влияние в области ценностных и поведенческих установок, все же она оказывается сосредоточенной на внутриличностном переживании.

С учетом этого особый теоретический интерес вызывает вопрос возможной постановки психоаналитического метода на онтологические основания: рассмотрение человеческих переживаний как бытийной основы, как способа существования, проживание человеком его бытия или «бытие человеком». Так, обращаясь к феноменологическому анализу как к методу исследования и описания психоаналитической ситуации через призму

оптики М. Хайдеггера, могут быть обнаружены новые феноменологические модели психоанализа.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретической основой исследования составили труды М. Хайдеггера [1–3], З. Фрейда [4–6], А. Адлера [7, 8], Э. Фромма [9, 10], Н. МакВильямс [11]. Проблема осмысления психоаналитической ситуации с применением феноменологического метода активно разрабатывалась такими учеными, как Ж. Кондрау [12, 13], Л. Бинсвангер [14], М. Босс [15], А. Хольцхей-Кунц [16]. Методология их исследований вылилась в оформление школы *dasein*-анализа, где предлагались психотерапевтические подходы с использованием феноменологической модели вместо психоаналитической интерпретации. Главным образом, круг указанных философов работает с хайдеггеровским «*dasein*», применяя его к человеческому бытию, что и выливается в название метода.

Так, Жион Кондрау при внедрении понятия «*dasein*» в психотерапевтический метод указывает: «Человек есть “тут” как просвет бытия: потому *dasein* было выбрано Хайдеггером как чистое бытийное выражение этого сущего. Это сущее, которое есть мы сами и которое среди другого имеет бытийную возможность вопрошания, мы терминологически схватываем как *dasein*. Если, таким образом, речь идет о *dasein*, то всегда подразумевается человек» [12. С. 318].

Отметим, что несмотря на схожесть постановки проблемы, текущее исследование выходит за рамки *dasein*-анализа, хотя и опирается на его разработки и имеет аналогичную методологию. Если в рамках *dasein*-анализа, по сути, происходит внедрение в психоаналитическую практику нового понимания наличного сущего человеческого бытия, в результате чего меняется сама психотерапевтическая модель, то в рамках текущего исследования сами параметры психоаналитической ситуации и ее основные инструменты обосновываются онтологически посредством обращения к феноменологическому анализу, что позволяет подвергнуть депсихологизации сами основания психоаналитического метода, раскрывая его онтологически, бытийно.

Методология исследования связана с его проблемным полем. Основным методом исследования является феноменологический анализ. Также исследование опирается на ряд общенаучных методов: анализ, синтез, моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному, абстрагирование. При рассмотрении психоаналитической ситуации был использован диалектический подход в контексте исследования отношений дихотомической пары «аналитик – анализанд» как субъектно-объектных оснований сущего.

Исследование и результаты

Проблема бытия человека – важная составляющая философского знания. Фундаментальные вопросы онтологии – основной компонент феноменологии, которая ставит вопросы об основных категориях бытия, в частности, бытия человека. Важно отметить, что рассмотрение проблемы человека свойственно различным

философским дисциплинам и сложившимся философским течениям, но всегда с различных позиций: социальных, этических, аксиологических, экзистенциальных, гносеологических, онтологических.

Различная плоскость исследований о человеке подвигает человека как объект исследования многообразным «измерениям»: как носителя социальных качеств, индивидуальной психики, политическо-правовых оснований, разумном начале, постигающем мир и т.д. Несмотря на обилие подходов к философскому исследованию проблемы человека, исходным и важнейшим компонентом таких исследований является онтологический дискурс: проблемы бытия человека. Так, проблему человека в оптике фундаментальной онтологии ставит М. Хайдеггер.

В труде «Бытие и время» [1] М. Хайдеггер уточняет содержание типичных для онтологии категорий, таких как «бытие» и «сущее», вводя ряд собственных онтологических категорий – «dasein» и феномен вопрошания, главным образом характеризующем бытие человека.

Согласно пониманию М. Хайдеггера, бытие как процесс невозможен без сущего как субъекта бытия и неотделим от него. Сущее представляет собой нечто пребывающее в процессе существования, как бы «занятое» им. В то время как бытие рассматривается по отношению к сущему как процесс существования пребывающем во времени. Таким образом бытие и время становятся атрибутами сущего: бытие – как основное «занятие» сущего, а время – как ресурс этого занятия.

Такая онтологическая концепция была бы неполной без особых категорий, раскрывающих специфику бытия человека. Такими категориями в философии М. Хайдеггера стали «dasein» и «вопрошание». Dasein – традиционно понимают как «вот-бытие», «здесь-бытие» или наличное бытие. То есть сущее в моменте, занятое актуальным «проживанием» бытия, само по себе актуальное бытие. Согласно М. Хайдеггеру, «dasein» – это такое сущее, которое способно вопрошать о бытии. Именно с вопрошанием связано бытие человека. То есть вопрошание – это такой способ бытия, когда бытие осознается, экзистирует.

Он указывает: «Присутствие (dasein) есть сущее, которое есть всегда я сам, бытие всегда мое. Это определение указывает на онтологическое устройство, но и только. Оно содержит вместе с тем оптическое – хотя и вернее – показание, что всякий раз одно Я есть это сущее, а не другие. Ответ на кто идет из самого Я, “субъекта”, “самости”. Кто – это то, что сквозь смену расположений и переживаний держится тождественным и соотносит себя притом с этой множественностью. Онтологически мы понимаем его как нечто всегда уже и постоянно наличное в замкнутом регионе и для него, в преимущественном смысле лежащее в основании, как субъект. Последний как то же самое в многообразной инактивности имеет характер самости» [1. С. 57].

Здесь М. Хайдеггер показывает dasein как субъективно переживаемое бытие, осознающее свое существование и в этом смысле субъективно существующее и вопрошающее о бытии. Здесь Хайдеггер близок к декартовскому «мыслю – следовательно существую»,

только фактически его логика изложения прямо противоположна. Декарт, постулируя собственное субъективное бытие через мышление (как способ субъективного существования), конституирует объективное бытие. Для Хайдеггера феномен вопрошания сам по себе и есть атрибутивное онтологическое основание наличного бытия, присутствия, dasein, актуального сущего в своем бытийном статусе. Здесь как бы субъективное бытие обладает статусом объективного, реального, актуального. Вопрошание как экзистирующее сущее и есть само по себе актуальное, очевидное, переживаемое существование, в то время как объективное сущее – лишь возможность вопрошания.

«Если “Я” есть сущностная определенность dasein, то она должна интерпретироваться экзистенциально» [1. С. 143], – говорит М. Хайдеггер. И такая интерпретация, по сути, есть рефлексия собственного существования, самоочевидно вытекающая из констатации факта личного бытия из эмпирического опыта существования, конкретное dasein, оформленное «вот-бытие» конкретного «Я», мое личное «здесь и сейчас».

Такое понимание бытия человека смещает нас в личное бытийное переживание, которое сводится к вопрошанию. Это не просто сущее, пребывающее в бытии, не просто процесс или «занятие бытийностью», это вопрошание как активное присутствие в собственном существовании и его рефлексия. Такому вопрошанию противопоставлена повседневность, как нечто скрадывающее бытие человека де-факто. Это как различие между объективным ньютоновским и субъективным экзистенциальным временем. Последнее, т.е. личное переживание времени с точки зрения человеческого бытия, имеет первоначальное значение для человеческого бытия. Час, проведенный в очереди в поликлинике, и час просмотра любимого фильма – совершенно различны субъективно и идентичны объективно.

Так вот, повседневность скучна и однообразна, и здесь мы имеем дело с некоторой деформацией dasein. Как указывает М. Хайдеггер, «повседневное присутствие (dasein) черпает доонтологическое толкование своего бытия из ближайшего образа бытия людей. Онтологическая интерпретация следует сначала этой тенденции толкования, она понимает присутствие из мира и находит его как внутримирное сущее. Не только это; смысл бытия, в виду которого понимаются эти сущие «субъекты», «ближайшая» онтология присутствия позволяет задавать себе из «мира». Поскольку, однако, в этом поглощении миром через сам феномен мира перескочили, на его место выступает внутримирное, подручное, вещи. Бытие со-присутствующего сущего понимается как наличие. Так, выявление позитивного феномена ближайше-повседневного бытия-в-мире позволяет заглянуть в корни промаха онтологической интерпретации этого бытийного устройства. Это оно само в своем повседневном способе бытия прежде всего упускает и скрывает себя».

Данное положение отправляет нас к установке, которая сближает вопрошание с активным проживанием, переживанием собственного бытия, антиподом которого становится вынужденное повседневностью «существование».

Присутствие самого человека в своем же бытии неодинаково. Повседневность обезличивает человека, вопрошание – оформляет бытие, усиливает вовлеченность «Я» в собственное бытие.

Это перекликается с проблемой субъективной и объективной рефлексии, поднимаемой С. Кьеркегором: «Путь объективной рефлексии превращает субъекта в нечто случайное и тем самым превращает экзистенцию в нечто безразличное, исчезающее. Путь к объективной истине уводит от субъекта, и по мере того, как субъект и субъективность безразличными, истина тоже становится безразличной, и это как раз и называется ее объективной значимостью, ибо интерес, так же, как и решение, есть нечто субъективное. Путь объективной рефлексии ведет к абстрактному мышлению, к математике, к разного рода теоретическому знанию, он постоянно уводит от объекта, “быть” или “не быть” которого становятся бесконечно безразличными, и это объективно совершенно правильно, ибо “быть” или “не быть” имеют, как говорил Гамлет, “только субъективное значение”» [17. С. 184].

И здесь мы приходим к необходимости рассмотреть психоаналитические трактовки бытия человека, которые обращают нас к человеческим переживаниям как онтологической основы его самого, к его субъективной рефлексии своего существования.

Основатель психоанализа З. Фрейд исходил из положения, что человеческое поведение определено во многом иррациональными влечениями, имеющими бессознательную природу. Попытки осознания влечений приводят к защитным механизмам, которые, в свою очередь, являются инструментами искажения реальности и ее трансформированных интерпретаций: в зависимости от конкретного защитного механизма такая трансформация формирует различное иллюзорное отображение событий жизни и ее восприятия. С одной стороны, защитный механизм вытекает из необходимости защиты сознания от отрицательного влияния негативных событий и переживаний, с другой стороны, конфликты между реальным отображением реальности и вытесненным, в том числе посредством защитных механизмов, могут приводить к неврозам и иным психоэмоциональным нарушениям.

Рассмотрим теперь основные положения психоанализа с онтологических позиций. Определяющая роль личных переживаний подводит нас к утверждению, что переживания и иные различные психические акты – это и есть бытие человека как способ существования сущего. Эта личная субъективная реальность, она близка к *dasein* Хайдеггера, как вот-бытие, способное к вопрошанию, т.е. не пассивное сущее, а активное бытие сущего, реагирующее на реальность, отображающее ее. В общем и целом – психические акты это и есть «феномены», только в отличие от хайдеггеровских феноменов они существуют не только в сознании, но также и в бессознательном.

В существующей классификации Н. Мак-Вильямс [11] все первичные защитные механизмы закладывают в сознание человека специфически сформированные феномены, где каждый имеет свой путь искажения.

Например, всемогущий контроль, который предполагает восприятие себя как причины всего, что происходит в мире, – искажает не только собственную самость, осознание «Я», но и понимание простых причинно-следственных связей о социальном и природном. Диссоциация – склонность воспринимать происходящее с человеком, как нечто, происходящее с кем-то посторонним, – предлагает нам искаженную рефлекссию собственного бытия, изничтожающую экзистенцию.

И здесь мы подходим к противоречию. С одной стороны, человеческое бытие – это поток субъективно окрашенных переживаний. С другой стороны, искажение реальности посредством защитных механизмов и вытесненного, в конечном итоге имеющего последствия в виде неврозов, – есть проблема, нуждающаяся в лечении посредством психоаналитической терапии. И аналитик с онтологических позиций – это ниточка, связывающая анализанда с объективным миром, болезненно погруженного в поток личных переживаний и иллюзорных феноменов.

З. Фрейд в своей работе «Введение в психоанализ» указывает: «Иногда все, что можно наблюдать в душевной жизни, называют психическим феноменом. Важно выяснить, вызвано ли отдельное психическое явление непосредственно физическими, органическими, материальными воздействиями, и тогда оно не относится к области психологии, или оно обусловлено прежде всего другими психическими процессами, за которыми скрывается, в свою очередь, ряд органических причин. Именно в этом последнем смысле мы и понимаем явление, называя его психическим процессом, поэтому целесообразнее выражаться так: явление имеет содержание, смысл. Под смыслом мы понимаем значение, намерение, тенденцию и место в ряду психических связей» [4. С. 251].

Именно такой смысл и делает психоанализ возможным сам по себе. Путаница в интерпретациях объективных событий жизни и их искажениях через инструменты вскрытия защитных механизмов – есть как бы код к пониманию смысла таких интерпретаций и восстановлению объективного отражения событий, ключ к которому психотерапевт, аналитик, выводящий из субъективного внутриличностного бытия к объективному надличностному.

Бытие человека по З. Фрейду – это некая игра защитных механизмов психики, скрывающая, путающая человека, отводящая его субъективное бытие от объективной реальности. И такая игра, по сути, и есть бытие как бесконечный поток погруженности в личные психические переживания и парадоксальные феномены отражения действительности. Это есть бытие человеком, проживаемое его реальностью, его отношением к действительности, созданное его психикой.

Проблема бытия человека в русле психоаналитической философии разрабатывалась рядом других философов, в частности, Э. Фроммом [9, 10], А. Адлером [7, 8].

Э. Фромм, погружаясь в проблему бытия человека, рассматривает ее в системе отношений «быть – обладать». Для него «обладание и бытие – это два основных способа существования человека и преобладание одного

из них определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера». То есть «быть» и «обладать» по Э. Фромму – это два качества бытия, соотношение которых раскрывает характеристику личных качеств человека и особенности его социальной жизни. Детально рассматривая дихотомию отношений «иметь и быть», он исследует различные плоскости человеческого бытия: любовь, знание, веру, власть, чтение, беседа, память и другие, приводя различия в качестве их осуществления в потоке существования.

Так, например, «различие между принципами обладания и бытия в сфере знания можно выразить двумя формулировками: “У меня есть знания” и “Я знаю”. Обладание знанием означает приобретение и сохранение имеющихся знаний (информации); знание же функционально, оно участвует в процессе продуктивного мышления» [10. С. 96]. Здесь мы видим, что обладание знанием – опционально-ограниченная форма знания, его можно сравнить с зазубриванием, ознакомление с информацией, знание же само – это понимание, обнаружение смысла в потоке информации.

Хотя Э. Фромм и локализует проблему бессознательного в основном на социальных факторах и роли общества потребления, оформившегося в рамках рыночной экономики и капитализма, послужившего импульсом к пересмотру онтологических оснований проблемы человека, – именно поэтому его онтологический вопрос звучит как «иметь ли быть?», все же его подход очень схож с фрейдовским: бессознательное искажает реальное бытие человеком, в данном случае бессознательная тяга к потреблению – «обладание» подменяет истинное существование через «быть».

Центральное понятие философского учения А. Адлера – жизненный стиль, которое носит онтологический характер, хотя и не является непосредственно бытием человека, но принципом или основным законом осуществления его бытия. Если анализ З. Фрейда сводится к определенным закономерностям: теории защитных механизмов и обнаружения смысла в бессознательно-детерминированном поведении, то у А. Адлера – жизненный стиль есть также закономерность, основной закон, конструирующий бытие конкретного человека.

Он пишет: «Если бы мы могли из завитков и мелодий человеческой жизни сделать вывод об индивидуально постигнутой цели человека, а затем выяснить весь его жизненный стиль, то тогда мы могли бы почти с математической точностью создать почти такую же надежную классификацию, как в естественных науках, и мы могли бы на деле доказать ценность индивидуально-психологического исследования, могли бы сказать, как поведет себя человек в определенной ситуации» [7. С. 128].

Здесь мы видим, что изучение жизненного стиля – бессознательно сформированной в детстве модели поведения – имеет ключевое значение в понимании природы человеческой деятельности, и опять-таки детерминированной бессознательными причинами. Жизненный стиль оформляется как ответ на комплекс неполноценности, эмпирически конституируемый ребенком в сравнении со «всемогущим» взрослым, его основная цель – достижение комфорта и духовной целостности.

Здесь мы наблюдаем, что бытие человека по Адлеру – это ограниченное (бессознательно сформированными поведенческими привычками – жизненным стилем) пространство свободы личного «Я» – сознательного выбора и личных решений человека.

Стремление к компенсации посредством выработанного жизненного стиля по А. Адлеру имеет глубокий онтологический смысл: «...компенсаторное движение, глубочайший смысл человеческой жизни, представляет собой творческую силу. Она создала культуру как средство сохранения человеческого рода, и точно так же она создает все формы выражения я жизненный стиль индивида как ответ на давление внешнего мира, как средства безопасности и как неустанные попытки установить баланс во взаимодействии между человеком, землей и обществом. Следовательно, конечной целью всех душевных стремлений является достижение уравновешенности, безопасности, приспособления, целостности» [7. С. 134].

Творческая сила – есть объективное сущее, источник закономерности и саморегуляции объективного надиндивидуального и субъективного индивидуального равновесия. И это сущее посредством механизма реагирования личности на ее бытие (то, что А. Адлер называет индивидуальным впечатлением) определяет содержание личностных качеств и смысложизненных оснований бытия человека.

Другая категория индивидуальной психологии А. Адлера, имеющая важнейшее значение в понимании бытия человека, – цель совершенства. Цель совершенства человека – основное направление приложения усилий человека, оно проистекает из творческой силы, это угол преломления объективной творческой силы на субъективные впечатление человека. Если жизненный стиль – это принцип человеческого бытия, основной закон его регулирующий, то творческая сила – конечная цель, встраивающая этот принцип.

Он пишет, раскрывая взаимосвязь основных онтологических категорий своего философского учения: «Установление такого согласования или рассогласования происходит, разумеется, не по научным, математическим принципам, а на основе индивидуального впечатления, которое опять-таки целиком и полностью зависит от индивидуально конкретизировавшейся конечной цели совершенства. В зависимости от того, в чем индивид, приспособляясь к реальности, видит свою конечную цель, в какой роли он видит себя (в своих детских фантазиях или при выборе профессии) – в роли кучера, лошади, генерала, врача, оказывающего помощь, или спасителя человечества, – так он и будет относиться к своей позиции. За всеми этими реально понятыми, “конкретизированными” конечными целями стоит все то же творческое стремление индивида достичь компенсации, приспособиться к реальной жизни и, прежде всего, его мужество и доверие к себе» [8. С. 21].

Другим важным направлением исследований в области рассмотрения бытия человека в контексте психоанализа и феноменологии является из своеобразный синтез – *dasein*-анализ, разрабатываемый Ж. Кондрау [12, 13], Л. Бинсвангером [14], М. Боссом [15], А. Хольцгей-Кунц [16].

Л. Бинсвагнер считается основателем dasein-анализа, хотя изначально позиционировал себя как приверженец антропологической феноменологии. С 1941 г. Л. Бинсвагнер официально стал себя называть основоположником dasein-анализа. Цель его учения – поставить на онтологические основания психиатрию и терапевтические методы психоанализа. Он указывает, что «душевная жизнь человека заключается в жизни его сознания, и что нет в этом сознании другой реальности, нежели как реальности, конституируемой активностью интенциональных актов: “Интенциональность есть существеннейшее (Eigenwesentlichste) жизни сознания”. Лишь из понятия “интенциональности” становятся ясными гуссерлевские и позднейшие хайдеггеровские понятия омирщения (Mundanisierung oder Weltlichung), трансценденции вообще и мира как мира, конституируемого трансценденцией универсума» [14. С. 272].

Фактически в его учении поток переживаний как человеческое бытие в учениях З. Фрейда объясняется природой сознания: сознание и есть то «пространство», которое вмещает в себя человеческое бытие, именно оно отражает объективный мир и именно в нем осуществляется «проживание» существования человека. Интенциональность сознания, его направленность, погруженность в объект, «работу» сознания с конкретным объектом можно определить как бытие сознания в моменте, именно поэтому оно определяется как «существеннейшее» в деятельности сознания, существующее реально в актуальном моменте его бытия.

Но как быть с искаженным восприятием посредством эмоций? Можно ли объяснить искажение восприятия объективного мира «играми» сознания, а не «играми» бессознательного, как это объясняется в психоанализе?

Во-первых, Л. Бинсвагнер последовательно критикует естественно-научный метод исследования человеческой психики, нарекая его слишком поверхностным. Он настаивает на необходимости обратиться к специфически человеческому человеческому существованию и отказу от субъектно-объектного расщепления бытия, в том числе в области психиатрических представлений.

Аналитическую задачу в психиатрии Бинсвагнер видел в том, чтобы «подвергнуть рассмотрению структурное устройство dasein определенного отдельного человека, и именно независимо от различия здорового и больного, независимо от различия, соответствующего норме и от нормы отклоняющегося» [14. С. 273]. Dasein-анализ Л. Бинсвагнера исходил из потребности найти теоретические основания при исследовании психопатологий и на основании этого выработать методы феноменологического понимания и описания конкретных и непосредственно воспринимаемых психопатологических синдромов.

Ж. Кондрау исходит из феноменологического подхода о простом и ясном отражении в сознании его феноменов. Такого же мнения философ придерживается при рассмотрении вопроса о смысле бытия: «Смысл бытия должен быть для нас как-то доступен: то есть человек обладает первичным самопониманием. Это самопонимание приходит только к человеку, не животным и не растениям, и уже вовсе не свойственно неживой

природе. На основе этого понимания человек проявляется как область освещенности, просвет бытия. Даже если мы ничего не знаем о сути бытия, мы все же необходимым образом пребываем в первоначальном понимании этого “есть” при вопросе “Что есть бытие?”» [12. С. 72].

Самопонимание как атрибут сознания в онтологическом смысле – это просвет бытия, как бы высвеченное обнаруженное бытие. Здесь в своих рассуждениях Ж. Кондрау близок к декартовскому «я мыслю – следовательно существую», однако здесь нет логического перехода, а просто констатация факта самоочевидности существования, которое заложено в самом сознании. Это как телевизор, который работает – самоочевидно существует, это не требующая доказательств самоочевидная истина.

Для Ж. Кондрау очевидно, что бытие человека как бы проистекает из него самого, эманурует из него как активного субъекта бытия: «Человек есть свои возможности, он не имеет их как что-то наличное. Он не определен посредством какого-то другого сущего. Но так как он есть свое бытие, то в нем самом он высвечен как бытие-в-мире. Лишь “высвеченному сущему может быть доступно наличное в свете”, в темноте остающееся сокрытым. Человек есть “тут” как просвет бытия: потому dasein было выбрано Хайдеггером как чистое бытийное выражение этого сущего» [12. С. 72].

Здесь мы видим, как Ж. Кондрау выводит специфику бытия человека как просвет бытия, dasein – не определенное чем-то другим, иным сущим. Бытие человека – это то, что исходит из человека как субъекта бытия, определяется им и оказывается «высвеченным» – пребывающем в актуальном акте существования. Фактически этим положением Ж. Кондрау депсихологизирует человека. З. Фрейд и его последователи позиционировали человека как «несвободного от собственных страстей», но эти «страсти» или бессознательные влечения описывались как некая потусторонняя сила, перед которыми человек оказывается бессильным, будучи формально «его собственными».

У Ж. Кондрау возможности человека, под которыми мы понимаем его возможные варианты осуществления бытия, варианты потенциального бытия – есть нечто принадлежащее ему самому, это то пространство, где он властен. В отличие от психоанализа, где он остается «заложником» происходящего и «игр» бессознательного.

Заключение

Исследуя бытие человека через призму феноменологии и психоанализа, было выявлено сходство в понимании роли рациональных или осознанных процессов в человеческом существовании в работах М. Хайдеггера и З. Фрейда. В феноменологии интенциональность сознания рассматривалась как существеннейшее сущее, dasein пребывающий в активном актуальном мышлении. В психоанализе сознание – есть возможность излечения от психических расстройств, где осознание и рационализация проблемы становятся центральными инструментами психоаналитической

терапии. Для *dasein*-анализа сознание фактически приравнивается к бытию человека, а именно *dasein* является истинной реальностью, при этом не расщепленная дихотомией субъектно-объектных отношений.

Отмечается схожесть категории иррационального. Иррациональное для М. Хайдеггера с онтологических позиций несуществующее (и этого достаточно), такой

же позиции придерживается Ж. Кондрау, а для З. Фрейда – бессознательное или результат «игр» бессознательного. Но в целом речь идет об одном и том же – иррациональном в человеке, приводящем с онтологических позиций – к неподлинному бытию, а с антропологических – к неврозам и психическим расстройствам.

Список источников

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
2. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/prolegomena0.htm>
3. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. 1992. № 2. С. 154–165.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб. : Питер, 2017. 377 с.
5. Фрейд З. Заметки о любви переносе / пер. М. Вульфа. URL: <https://psychoanalysis.by/2018/03/29/article-psychoanalysis/>
6. Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. М. : Просвещение, 1991. 532 с.
7. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М. : Литрес, 2002. 290 с.
8. Адлер А. О стремлении к превосходству. СПб. : Астер-Х, 2017. 213 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть / пер. А.М. Телятникова. М. : АСТ, 2014. 270 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. А.М. Телятникова. М. : АСТ, 2014. 326 с.
11. McWilliams N. Psychoanalytic therapy: A Practitioner's Guide. New York : The Guilford Press, 2004. 353 p.
12. Кондрау Ж. Зигмунд Фрейд и Мартин Хайдеггер. Дазайн-аналитическая теория неврозов. М., 1992. 259 с.
13. Кондрау Ж. Философские и антропологические основания Дазайн-анализа / пер. И. Казаковой // HORIZON. Феноменологические исследования. 2016. № 5 (2). С. 315–427.
14. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. 296 с.
15. Boss M. Die Bedeutung der Daseinsanalyse für die Psychologie und die Psychiatrie // Psyche. 1952. № 6. S. 178–186.
16. Хольцхей-Кунц А. Страдание из-за собственного бытия. Дазайн-анализ и задача герменевтики психопатологических феноменов / пер. с нем. И.В. Глуховой ; под ред. Т.В. Щитцовой. Вильнюс : Логвинов, 2016. 312 с.
17. Kierkegaard S. Gessammelte Werke. Abt. 16, Teil. 1. Dusseldorf-Koln, 1957. 264 S.

References

1. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Khar'kov: Folio.
2. Heidegger, M. (n.d.) *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [History of the Concept of Time: Prolegomena]. Translated from German. [Online] Available from: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/prolegomena0.htm>
3. Heidegger, M. (1992) *Tsollikonеровskie seminary* [The Zollikon Seminars]. Translated from German. *Logos*. 2. pp. 154–165.
4. Freud, S. (2017) *Vvedenie v psikhooanaliz* [Introduction to Psychoanalysis]. Translated from German. Saint Petersburg: Piter.
5. Freud, S. (2018) *Zametki o lyubvi perenose* [Notes on love in transference]. Translated from German by M. Vul'f. [Online] Available from: <https://psychoanalysis.by/2018/03/29/article-psychoanalysis/>
6. Freud, S. (1991) *Ya i Ono. Trudy raznykh let* [The Ego and the Id. Works of different years]. Translated from German. Moscow: Prosveshchenie.
7. Adler, A. (2002) *Ocherki po individual'noy psikhologii* [Essays on Individual Psychology]. Translated from German. Moscow: Litres.
8. Adler, A. (2017) *O stremlenii k prevoskhodstvu* [On the Quest for Superiority]. Translated from German. Saint Petersburg: Aster-Kh.
9. Fromm, E. (2014) *Imet' ili byt'* [To have or to be?]. Translated from German by A.M. Telyatnikov. Moscow: AST.
10. Fromm, E. (2014) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from German by A.M. Telyatnikov. Moscow: AST.
11. McWilliams, N. (2004) *Psychoanalytic therapy: A Practitioner's Guide*. New York: The Guilford Press.
12. Condrau, G. (1992) *Zigmund Freyd i Martin Khaydegger. Dazayn-analiticheskaya teoriya nevrozov* [Sigmund Freud and Martin Heidegger. Dasein-analytic theory of neuroses]. Translated from German. Moscow: [s.n.].
13. Condrau, G. (2016) *Filosofskie i antropologicheskie osnovaniya Dazayn-analiza* [Philosophical and anthropological foundations of Dasein analysis]. Translated from German by I. Kazakova. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 5 (2). pp. 315–427.
14. Binswanger, L. (2014) *Ekzistentsial'nyy analiz* [Existential Analysis]. Translated from German. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy.
15. Boss, M. (1952) Die Bedeutung der Daseinsanalyse für die Psychologie und die Psychiatrie. *Psyche*. 6. pp. 178–186.
16. Holzhey-Kunz, A. (2016) *Stradanie iz-za sobstvennogo bytiya. Dazayn-analiz i zadacha germenevtiki psikhopatologicheskikh fenomenov* [Suffering Because of One's Own Existence. Dasein analysis and the task of hermeneutics of psychopathological phenomena]. Translated from German by I.V. Glukhova. Vilnius: Logvinov.
17. Kierkegaard, S. (1957) *Gessammelte Werke*. Abt. 16, Teil. 1. Dusseldorf-Koln: Gütersloh.

Информация об авторе:

Пилушенко А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры общественных наук Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Ижевск, Россия). E-mail: Che-pi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Pilyushenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Che-pi@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 14.04.2023;
approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 314.728
doi: 10.17223/15617793/500/15

Внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения Сибири: сравнительный анализ Иркутской, Томской областей и Красноярского края

Диана Евгеньевна Брызгина^{1, 2}, Федор Анатольевич Сметанин^{3, 4, 5},
Андрей Александрович Волошин⁶, Андрей Сергеевич Самарин^{7, 8}

^{1, 3, 6, 7} Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

^{2, 4} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁵ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

⁸ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

^{1, 2} br.diana21@gmail.com

^{3, 4, 5} f-smetanin@mail.ru

⁶ voloha94@yandex.ru

^{7, 8} asamarin@sfu-kras.ru

Аннотация. Изложены результаты анализа миграционных процессов Томской, Иркутской областей и Красноярского края в разрезе внутрирегиональных и межрегиональных перемещений на основе официальных статистических данных. Выявлены тенденции к устойчивому оттоку населения из сельских территорий сибирских регионов и к концентрации переезжающих сельских жителей в городах областного или районного подчинения. Предполагается, что характер и направления потоков внутрирегиональных перемещений людей могут создавать дополнительные условия для оттока населения рассмотренных территорий.

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция, межрегиональная миграция, миграционная статистика, западный дрейф

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10075, <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>

Для цитирования: Брызгина Д.Е., Сметанин Ф.А., Волошин А.А., Самарин А.С. Внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения Сибири: сравнительный анализ Иркутской, Томской областей и Красноярского края // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 137–149. doi: 10.17223/15617793/500/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/15

Intraregional and interregional migration of Siberian population: Comparison of Irkutsk Oblast, Tomsk Oblast, and Krasnoyarsk Krai

Diana E. Bryazgina^{1, 2}, Fyodor A. Smetanin^{3, 4, 5}, Andrey A. Voloshin⁶, Andrey S. Samarin^{7, 8}

^{1, 3, 6, 7} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

^{2, 4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁵ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

⁸ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

^{1, 2} br.diana21@gmail.com

^{3, 4, 5} f-smetanin@mail.ru

⁶ voloha94@yandex.ru

^{7, 8} asamarin@sfu-kras.ru

Abstract. The article focuses on the analysis of intraregional migration processes in Tomsk and Irkutsk Oblasts and Krasnoyarsk Krai. The aim of the article is the observation of trends and consequences of the interregional and intraregional migration processes in three Siberian territories. The basis of this study is the migration statistic data in Irkutsk and Tomsk Oblasts and Krasnoyarsk Krai. The authors use data that were both published in open access and obtained on individual request from the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat). Migration statistics was analyzed by means of authors' statistic calculations and visualization of these data by mapping the information. The migration

situation in the Siberian regions is analyzed in the following steps: comparison of indicators and coefficients of migration growth/loss of interregional movements to identify the most and least intensive and productive migration connections of the regions; comparison of the coefficients of migration growth/loss of intraregional migrations to identify the main migration trends – donor-territories and recipient-territories within the regions; comparison of indicators and coefficients of migration intensity to identify the territories of the region with the most and least movable population. The data of intraregional migrations are the basis for the mapping of these processes. The comparison of data on interregional and intraregional migration in relation to the identification of centers of attraction and migration donors on a regional scale allowed identifying common patterns and regional specifics of these processes, as well as key migration trends and territories that are most actively involved in migration exchange. These approaches ensured the comparison of migration situation in three regions. The authors ascertain trends of sustainable population outflow from rural areas to large cities and concentration of intraregional migrants in cities of regional or district administration. Taking into account the movement of people to the central and southern regions of the country, described through the western shift concept, presumably, the intraregional migration trends that repeat directions of interregional migration flows can create extra conditions for negative migration processes in these regions. The results of the study allowed formulating a hypothesis about the correlation of the role of interregional and intraregional migration for the social and demographic development of Tomsk and Irkutsk Oblasts and Krasnoyarsk Krai.

Keywords: intraregional migration, interregional migration, migration statistics, western drift

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10075, <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>

For citation: Bryazgina, D.E., Smetanin, F.A., Voloshin, A.A. & Samarin, A.S. (2024) Intraregional and interregional migration of Siberian population: Comparison of Irkutsk Oblast, Tomsk Oblast, and Krasnoyarsk Krai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 137–149. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/15

Россия относится к странам с высокой интенсивностью миграционных процессов. При этом особую значимость здесь имеют внутрирегиональные и межрегиональные перемещения, которые в разы превышают интенсивность международной миграции [1]. Масштабы движения населения внутри страны свидетельствуют о серьезном влиянии, которое этот процесс оказывает на социально-экономическое развитие и стабильность территорий [2, 3]. В связи с этим выявление направлений и тенденций, а также анализ и содержание внутренних миграционных потоков, в том числе и на уровне субъекта федерации, важен для понимания связанных с ним проблем и их последствий [1]. Наиболее пристальное внимание в исследованиях внутренней миграции уделяется экономическим последствиям, связанным с «вымыванием» населения из менее благополучных территорий. В этом отношении указываются проблемы усиления неравенства между экономически привлекательными и дотационными регионами; нерегулируемости процессов перераспределения населения; усиления процессов снижения численности населения и др.

Перемещения населения на уровне поселений рассматриваются уже в фундаментальных исследованиях миграции Э. Равенштайн и В. Зелинского. Исследователи воспринимают внутреннюю миграцию преимущественно в контексте социально-демографического развития государств, как одно из ключевых следствий урбанизационных процессов [4, 5]. К фундаментальным отечественным исследованиям по изучению внутренних миграций относятся работы Ж.А. Зайончковской, Л.Л. Рыбаковского, В.И. Переведенцева, В.А. Ионцева и др. [9–12]. В рамках российских исследований внутренняя миграция рассматривается преимущественно в историко-демографическом и эконо-

мическом контекстах, что определяет круг рассматриваемых проблем – экономические причины и последствия внутренней миграции, историческая обусловленность сельско-городских перемещений и взаимосвязь этих процессов с урбанизационными трендами.

Современные исследования внутренней миграции, проводимые в различных странах мира, фокусируются на экономических причинах и следствиях внутренних миграций, их влиянии на национальный рынок труда, социально-антропологическом измерении условий и факторов формирования миграционных траекторий людей внутри страны и т.д.

В более поздних российских исследованиях формируются новые концептуальные подходы, определяющие комплексный характер причин миграционного движения внутри страны. В частности, много внимания уделяется так называемому западному дрейфу [13–15], способствующему постепенному «вымыванию» населения из регионов Сибири и Дальнего Востока [16–18]. Сибирь рассматривается в этом контексте как территория-донор, для которой миграция является фактором, оказывающим отрицательное влияние на социально-демографическое развитие, усугубляя депопуляцию [19]. Внутрирегиональные перемещения населения, как правило, остаются за скобками при изучении этих тенденций. При этом движение населения на уровне поселений и районов является важной частью миграции людей в больших масштабах. Оно может как сгладить или даже ограничить последствия «западного дрейфа» за счет переориентации потоков с межрегиональных направлений на экономические или социально-культурные центры внутри региона, так и оказать негативное влияние на демографическую ситуацию, способствуя усугублению депопуляции или нарушению баланса на региональном рынке труда.

Большинство работ по вышеупомянутой проблематике опирается преимущественно на данные по центральной России [20–23], в то время как последствия внутрорегиональных и межрегиональных перемещений в сибирских регионах остаются без должного исследовательского внимания. Работы, посвященные изучению внутрорегиональных миграций, в том числе и в Сибири, в последние годы сфокусированы на анализе факторов и последствий передвижения людей между городом и селом в контексте процессов субурбанизации [17, 24]. Уделяется внимание и факторам притяжения мигрантов на новые территории, характеру связей между принимающими и отдающими территориями, формирующимся через миграционные потоки [25. С. 25–26]. Немногочисленные исследования внутрорегиональной и межрегиональной миграции на территории Сибири, которые нам удалось обнаружить, посвящены анализу миграционных процессов Якутии [26], Алтая [27], Иркутской области [28], Красноярского края [29], Бурятии [30] и др. Изучение особенностей внутрорегиональной миграции на территории Сибири в страновом масштабе, как правило, обобщается и анализируется либо в контексте Сибирского федерального округа [17], реже – в субрегиональном контексте [31].

Целью данной работы является выявление тенденций и последствий внутрорегиональных и межрегиональных миграционных процессов трех сибирских регионов на основе изучения и сопоставления статистических данных по Иркутской, Томской областям и Красноярскому краю. Это позволит не только провести статистический анализ миграции в указанных регионах, но и сформулировать вопросы, которые выходят за рамки количественных оценок и требуют проведения качественных полевых исследований. Использование картографического метода в исследовании позволяет зафиксировать территории наиболее интенсивного исхода и приема мигрантов внутри регионов.

В сочетании с анализом межрегиональных миграционных тенденций данный подход дает возможность сформулировать гипотезу о взаимосвязи этих процессов в контексте «западного дрейфа». Кроме того, оценка интенсивности внутренней миграции позволяет проверить гипотезу о региональной специфике в восприятии внутренних мигрантов принимающим обществом, которая сформулирована в исследовании образа мигранта в региональных цифровых медиа [32].

Выбранные регионы являются одними из самых крупных в Сибирском федеральном округе, при этом численность населения в Иркутской и Томской областях существенно ниже показателей регионов, уступающих им по площади. Они представляют особый интерес в контексте заявленной проблемы, поскольку являются непосредственными участниками «западного дрейфа»: для указанных областей и края характерны отрицательные показатели сальдо миграции в разрезе межрегиональной миграции. В случае Иркутской области, выступающей миграционным донором для других сибирских регионов, включая Томскую область и Красноярский край, отток населения в другие части страны оказывается решающим для показателя общего миграционного прироста (табл. 1). Кроме того, данные регионы тесно взаимосвязаны, так как являются донорами как друг для друга, так и для западной части страны: за 2021 г. в рамках Сибирского федерального округа наибольшее значение миграционного обмена зафиксировано между Красноярским краем и Иркутской областью – 1 691 человек, между Томской областью и Красноярским краем – 1 585 человек. Помимо межрегиональных миграционных связей важно отметить типологическую схожесть регионов (административные центры этих регионов представляют собой крупные города, отличающиеся высокой привлекательностью для жителей близлежащих поселений в силу своего экономического развития, в сфере образовательных услуг и т.д. [24. С. 54–55; 33. С. 18].

Таблица 1

Показатели миграционного прироста (сальдо миграции) в 2021 году, %

Регион	Миграционный прирост (общий), чел.	Коэффициент миграционного прироста (общий), на 1 тыс. чел	Миграционный прирост (межрегиональная миграция), чел.	Коэффициент миграционного прироста (межрегиональная миграция), на 1 тыс. чел.
Иркутская область	–2 178	–0,92	–7741	–3,26
Красноярский край	11 896	4,17	–1830	–0,64
Томская область	7 865	7,4	–3003	–2,8

Источник: расчеты авторов по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 21.04.2023).

Таким образом, изучение особенностей миграционной ситуации на этих территориях позволит выявить общие тенденции миграционных процессов как внутри региона, так и на межрегиональном уровне для дальнейшего анализа социально-экономических эффектов миграции и положения внутренних мигрантов, пребывающих на территории данных регионов.

Основным источником информации служит База данных показателей муниципальных образований (URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst69/DBInet.cgi#1>

(дата обращения: 21.04.2023)). В качестве территориальной единицы анализа выступают муниципальные районы Иркутской, Томской областей и Красноярского края. Кроме того, используются статистические материалы по территориям второго уровня, т.е. городским, сельским поселениям, сельсоветам. В анализе были использованы данные о количестве прибывших и выбывших по указанным территориальным единицам, а также расчетные показатели, характеризующие миграционные процессы. Всего были проанализированы данные по 1103 муниципальным образованиям вто-

рого уровня трех сибирских регионов за временной период с 2017 по 2021 г. (временной отрезок анализа обусловлен тем, что нас интересует современная миграционная ситуация в изучаемых регионах, а также наличием доступных для анализа данных). Из анализа исключены территории, относящиеся к ЗАТО, поскольку данные по таким территориям либо носят фрагментарный характер, либо отсутствуют полностью.

Кроме того, мы опирались на данные о межрегиональной миграции, которые были получены из общедоступных источников региональных органов государственной статистики, единой межведомственной информационно-статистической системы, а также данные о количестве прибывших, выбывших и миграционном сальдо по регионам России, полученные по запросу в территориальные отделения Росстата.

Анализ миграционных процессов в регионах

Томская область. Миграционная ситуация в Томской области, в целом, отличается положительными значениями сальдо миграции. Как видно на рис. 1, на протяжении более 20 лет отрицательные показатели миграционного прироста наблюдаются в 2001, 2003–2004, в 2017 и 2020 гг.

В масштабах межрегиональной миграции наиболее интенсивные миграционные связи Томской области

наблюдаются преимущественно с другими сибирскими регионами – с Кемеровской и Новосибирской областями, Красноярским и Алтайским краями; в этом же ряду можно отметить высокие показатели миграционного оборота между Томской областью и Краснодарским краем, а также с Москвой. С точки зрения миграционного прироста наибольшее значение наблюдается в миграционных связях с Кемеровской областью (положительные значения с 2006 по 2021 г., кроме 2019 г.). Миграционный прирост по остальным территориям значительно уступает в показателях обмена с Кемеровской областью – показатель коэффициента миграционного прироста по Алтайскому и Красноярскому краям, которые по уровню прироста идут далее, ниже в 3–6 раз в разные годы по сравнению с Кемерово.

Наиболее привлекательны для жителей Томской области Кемеровская и Новосибирская области, Краснодарский край. Следующими в рейтинге по территориям убытия из Томской области являются Красноярский и Алтайский края и Тюменская область, которые едва уступают, а в некоторые годы (в 2017 г. – Красноярский и Алтайский края, в 2019 г. – Тюменская область) превосходят Краснодарский край. Таким образом, межрегиональные миграционные связи Томской области с сибирскими регионами являются более устойчивыми, чем с центральной Россией (табл. 2).

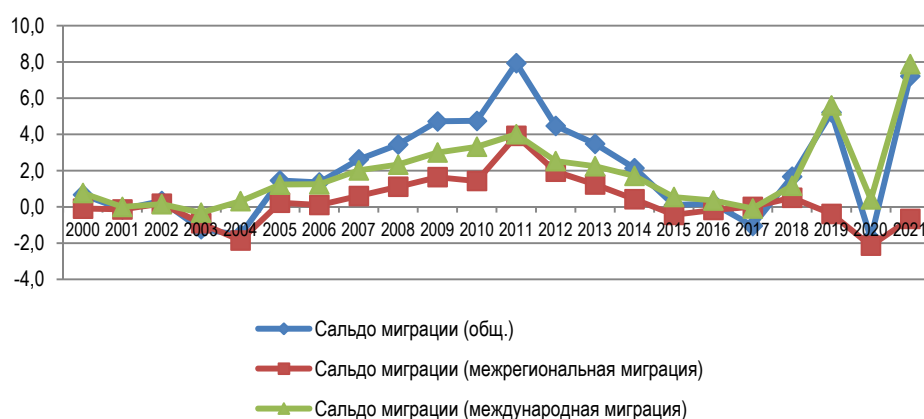

Рис. 1. Коэффициент миграционного прироста по миграционным потокам Томской области, %.
Источник: расчеты авторов по данным ЕМИСС

Таблица 2

Показатели миграционного движения на межрегиональном уровне, %

Регион	2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	Интенсивность выбытий	Коэф. миграцион. прироста	Интенсивность выбытий	Коэф. миграцион. прироста	Интенсивность выбытий	Коэф. миграцион. прироста
Кемеровская область	2,723	0,335	2,635	–0,754	2,185	0,064
Новосибирская область	1,135	–0,190	0,969	–0,181	0,943	–0,046
Алтайский край	0,843	0,041	0,808	–0,232	0,678	–0,005
Красноярский край	0,866	–0,020	0,799	–0,197	0,716	0,055
Тюменская область	1,012	–0,363	0,827	–0,297	0,909	–0,328
Краснодарский край	0,977	–0,574	0,835	–0,356	1,048	–0,640
г. Москва	0,601	0,798	0,601	–0,079	0,588	–0,181
г. Санкт-Петербург	0,530	–0,160	0,463	–0,118	0,524	–0,231

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

В разрезе внутрирегиональных перемещений наиболее интенсивные миграционные связи в Томской области на протяжении 2017–2021 гг. наблюдаются

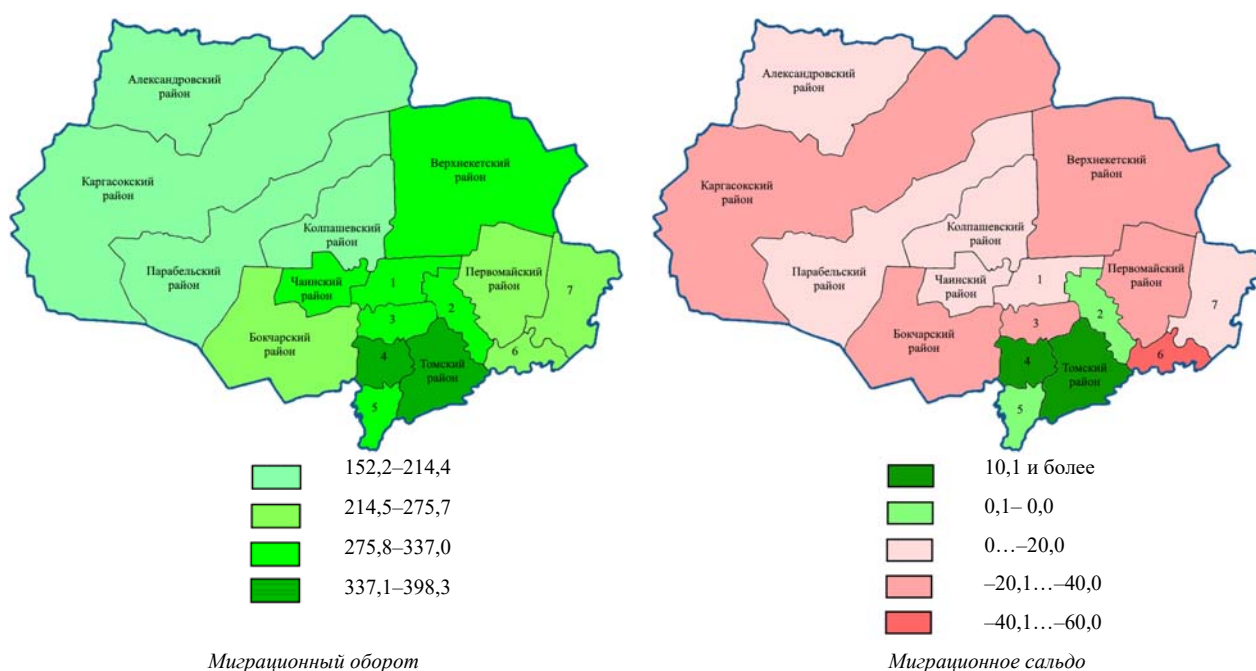
преимущественно в юго-восточной части области: коэффициент миграционной интенсивности здесь в среднем выше 200%. Наиболее активными с точки зрения

миграционного движения являются Томский и Шегарский муниципальные районы. Высокие показатели интенсивности миграционного движения на этих территориях обусловлены, прежде всего, тем, что они расположены ближе всего к административному центру области, привлекательному с точки зрения экономического развития, образовательных и трудовых возможностей. Кроме того, Шегарский район включает большую долю сельскохозяйственных угодий региона и является важнейшим транспортным узлом, который связан не только с другими территориями области, но и с граничащей с Томской областью Новосибирской областью (см. рис. 2).

Примечательно, что всего в четырех районах области наблюдаются положительные значения миграционного сальдо (Томский, Шегарский, Асиновский и

Кожевниковский районы). Это демонстрирует, что население области уезжает из северо-западных территорий на юг региона – где наиболее благоприятные климатические условия, расположен административный центр и ключевые экономические и инфраструктурные объекты.

При этом наиболее высокие значения коэффициента миграционного прироста зафиксированы в территориях с максимальной миграционной интенсивностью: в Томском районе – 82,3%; в Шегарском – 49,2%. В остальных районах области наблюдаются либо незначительный прирост (в пределах 5%), либо отрицательные значения сальдо миграции, причем чем ниже интенсивность миграционных потоков, тем выше показатели убыли населения.

1 – Молчановский район, 2 – Асиновский район, 3 – Кривошеинский район, 4 – Шегарский район, 5 – Кожевниковский район, 6 – Зырянский район, 7 – Тегульдский район

Рис. 2. Распределение территорий Томской области по показателям миграционного оборота и миграционного сальдо внутрирегиональных перемещений, %. Источник: расчеты авторов по данным Росстата

С точки зрения более детального анализа можно отметить, что в Томском районе, отличающемся самыми высокими показателями, население двигается, как и в масштабах страны, с севера на юг и с востока на запад. Наиболее отдающими являются Турунтаевское, Рыболовское, Новорождественское, Октябрьское, Спасское, Наумовское и Малиновское сельские поселения.

За 2017–2021 гг. коэффициент миграционного прироста в этих поселениях варьируется от –4 до –48%. Самыми привлекательными для внутрирегиональных мигрантов Томской области являются Заречное (232,1% за 2017–2021 гг.), Зональненское (388%) и Корниловское (110%) сельские поселения, которые либо входят в томскую агломерацию, либо расположены рядом с ней.

Важно отметить, что в масштабах поселений явных центров притяжения мигрантов не было выявлено: рай-

онные центры не отличаются показателями миграционного сальдо от других поселений (независимо от их статуса городской или сельской территории). Исключение составляют города областного подчинения, которые сосредоточены в юго-восточной части области, что обуславливает прирост населения за счет миграции в данной части региона. С этой точки зрения фиксируется явно выраженный отток населения из сельской местности, ориентированный на города и близлежащие территории.

Красноярский край. В Красноярском крае миграционная убыль наблюдалась с 2000 по 2006 г. Рост показателей с 2003 г. приводит к положительному сальдо миграции в 2007 и последующих годах. Миграционный прирост в крае растет вплоть до 2009 г. (несмотря на резкий скачок в 2011 г., связанный с изменением миграционного законодательства и условий учета мигрантов [34]).

Следующий спад начинается в 2016 г., он вновь приводит к миграционной убыли в регионе. Однако резкий прирост мигрантов в 2019–2021 гг. обеспечивает возвращение к положительным значениям. Таким образом,

положительные значения сальдо миграции в Красноярском крае наблюдаются на протяжении 10 лет (2007–2017 гг.) с перерывом на 2 года в 2018–2019 гг. и новой волной притока мигрантов с 2020 г. (рис. 3).

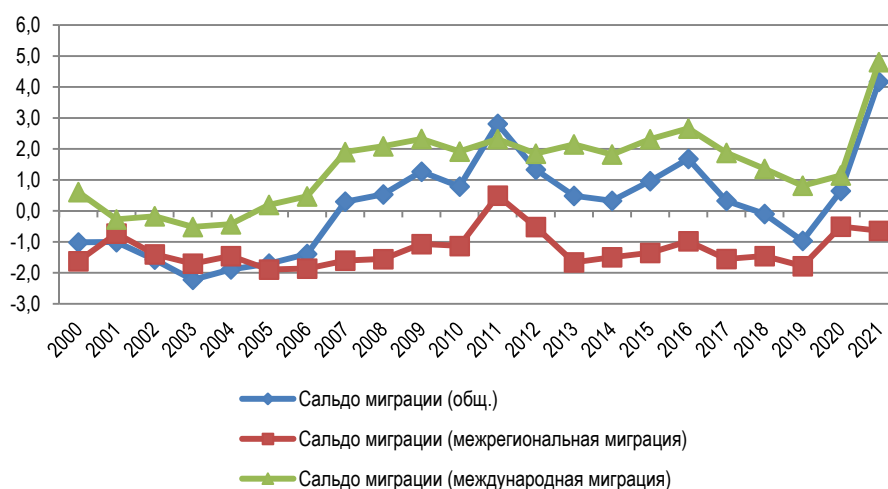

Рис. 3. Коэффициент миграционного прироста по миграционным потокам Красноярского края, %. Источник: расчеты авторов по данным ЕМИСС.

Анализ миграционных потоков внутри страны демонстрирует, что Красноярский край, как и Томская область, связан наиболее интенсивными связями с соседними регионами, прежде всего с Республикой Хакасия, Иркутской областью, Тывой, а также Кемеровской областью. Но в отличие от Томской области Красноярский край выступает явным реципиентом для жителей Восточной, Центральной и Западной Сибири – положительные показатели миграционного прироста здесь наблюдаются практически со всеми сибирскими регионами, кроме Новосибирской и Томской областей; в 2017 г. – кроме Хакасии и Алтайского края, в 2020 г. – кроме Тывы. Самые высокие показатели миграционного прироста сохраняются с Иркутской областью, а также с Тывой. Для всех остальных регионов Красноярский край играет роль миграционного донора. Наиболее интенсивно из Красноярска едут на юг (Краснодарский край), а также в столичные территории – Санкт-Петербург, Московскую область и Москву.

Анализ внутрирегиональных перемещений демонстрирует, что в Красноярском крае, как и в Томской области, наиболее миграционно активными территориями являются южные с центром в Емельяновском районе, расположенном к западу от административного центра края. Наиболее подвижное население края проживает в районах размещения ключевых транспортных артерий – крупнейшего аэропорта, а также транссибирской железнодорожной магистрали. Это обуславливает не только доступность, но и экономическую привлекательность территорий, так как транспортные коммуникации не только обеспечивают приток инвестиций, товаров и ресурсов, но и создают рабочие места, которые не могут быть полностью обеспечены за счет трудовых ресурсов районов их расположения – численность населения на самых миграционно актив-

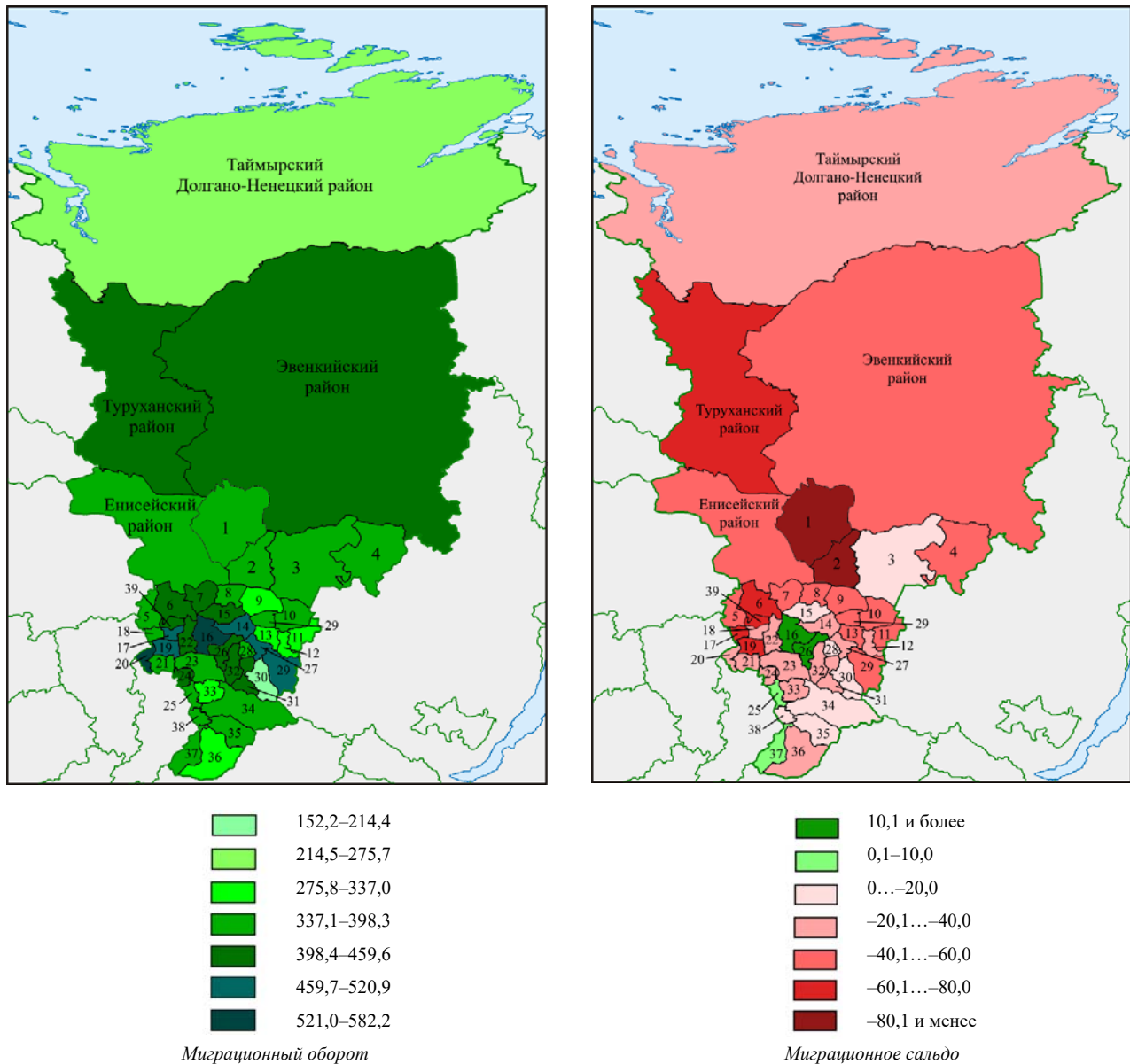
ных территориях не превышает 30 тыс. человек (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 21.04.2023)), за исключением Емельяновского района.

Важно подчеркнуть, что достаточно высокими показателями миграционной интенсивности отличаются северные территории края – Эвенкийский и Туруханский районы. Это связано преимущественно с тем, что данные территории представляют собой сосредоточение добывающих предприятий и крупных гидроэлектростанций. При малочисленности и тяжелых условиях жизни данные территории отличаются регулярным приемом временных мигрантов, перемещение которых взаимосвязано с сезонными работами. На фоне неблагоприятных условий возвратный поток сезонных рабочих суммируется со стабильным отъездом коренного населения, в связи с чем в этих районах наблюдается существенная убыль населения: в Туруханском районе за 2017–2021 гг. она составила –62,6%.

Помимо тенденции переселения населения на юг региона, наблюдаются и другие векторы миграционного движения. Это может быть обусловлено расположением крупных промышленных предприятий, притягивающих трудовых мигрантов. Среди территорий с наиболее высокими показателями коэффициента миграционной интенсивности есть как районы прироста, так и убыли населения. Максимальный миграционный прирост закономерным образом наблюдается в районах, соседствующих с Красноярском – Емельяновский и Березовский (154,8 и 53,5% соответственно). В Краснотуранском и Шушенском районах прирост значительно ниже – 2,0 и 1,5%). Все остальные территории края являются донорами. Наибольший отток населения наблюдается в Северо-Енисейском и Мотыгинском районах (–101,2 и –89,5%).

В районах с максимальными по краю показателями миграционного прироста (Емельяновский и Березовский) положительные значения сальдо миграции в 2017–2021 гг. наблюдаются во всех входящих в состав районов

сельсоветов. При этом миграционная интенсивность в Березовском районе почти в 2 раза меньше, чем в Емельяновском. Важным фактором здесь является географическая близость административного центра края.

1 – Северо-Енисейский район; 2 – Мотыгинский район; 3 – Богучанский район; 4 – Кежемский район; 5 – Тухтетский район; 6 – Бирилюсский район; 7 – Пировский район; 8 – Казачинский район; 9 – Тасеевский район; 10 – Абанский район; 11 – Нижнеингашский район; 12 – Иланский район; 13 – Канский район; 14 – Сухобузимский район; 15 – Большемуртинский район; 16 – Емельяновский район; 17 – Ачинский район; 18 – Боготольский район; 19 – Назаровский район; 20 – Шарыповский район; 21 – Ужурский район; 22 – Козульский район; 23 – Балахтинский район; 24 – Новоселовский район; 25 – Краснотуранский район; 26 – Березовский район; 27 – Рыбинский район; 28 – Уярский район; 29 – Ирбейский район; 30 – Саянский район; 31 – Партизанский район; 32 – Манский район; 33 – Идринский район; 34 – Курагинский район; 35 – Каратузский район; 36 – Ермаковский район; 37 – Шушенский район; 38 – Минусинский район; 39 – Большеулуйский район.

Рис. 4. Распределение территорий Красноярского края по показателям миграционного оборота и миграционного сальдо внутрирегиональных перемещений, %. Источник: расчеты авторов по данным Росстата

Основные территории исхода внутрирегиональных мигрантов Красноярского края состоят из сельсоветов и сельских поселений. Районы большого оттока и убыли населения (Северо-Енисейский и Мотыгинский) являются территориями золотодобывающей промышленности. К примеру, в Северо-Енисейском районе сосредоточено крупнейшее месторождение золота и крупные добывающие компании, определяющие ха-

рактер миграционных потоков: с одной стороны, миграция трудовых ресурсов для работы на приисках, с другой – отток населения в близлежащие и другие территории края из промышленных районов в более благоприятные с точки зрения условий жизни поселения.

Иркутская область. Миграционная ситуация в Иркутской области характеризуется убылью населения на протяжении всего рассматриваемого периода с

2000 по 2021 г. Показатель сальдо миграции варьируется от $-0,2$ до $-3,5\%$. Самый низкий показатель зафиксирован в 2013 г. В период пандемии миграционный прирост значительно снижается на фоне положительной динамики, которая восстанавливается уже в 2021 г.

В целом показатели миграционного прироста в регионе характеризуются отрицательной динамикой, которая сменялась непродолжительным ростом в 2006–2008 и 2013–2015 гг. Наиболее устойчивая положительная динамика наблюдалась с 2017 до 2021 г. (рис. 5).

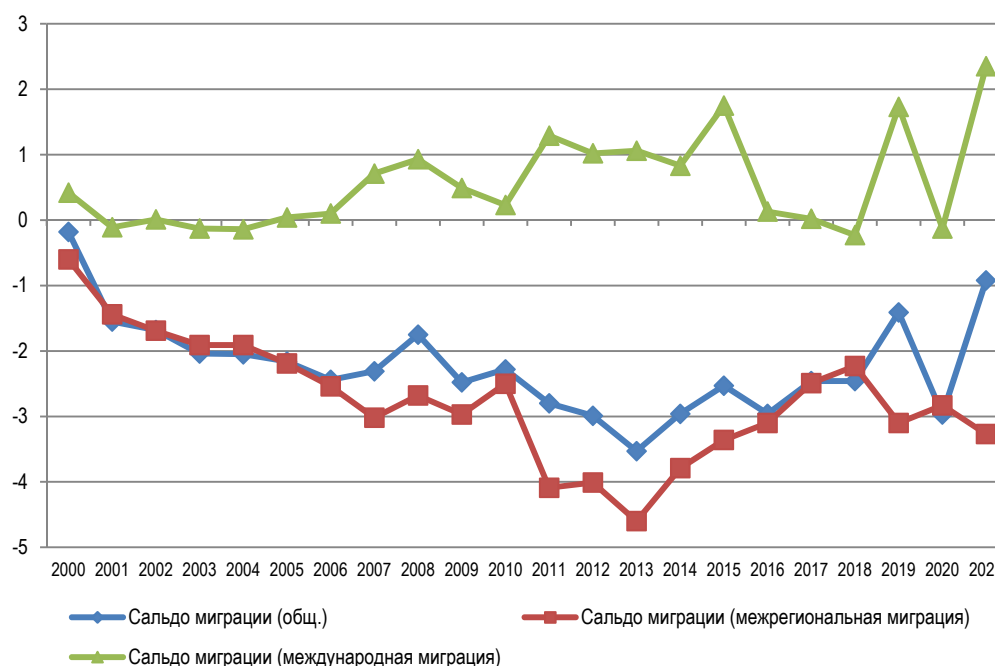

Рис. 5. Коэффициент миграционного прироста по миграционным потокам Иркутской области, %. Источник: расчеты авторов по данным Росстата

Показатели миграционного прироста в разрезе межрегиональных перемещений населения Иркутской области отличаются стабильно растущей убылью, за исключением незначительных колебаний в 2006–2008 гг. (что могло позитивно сказаться на общем сальдо миграции) и фазой положительного роста в 2013–2019 гг. Благодаря этому в 2019 г. миграционный прирост по межрегиональным потокам достиг $-2,2\%$, что является самым высоким показателем с 2000 г. Однако дальнейший спад демонстрирует новый провал в миграционном приросте, который в 2021 г. достиг среднего показателя в рамках наблюдаемого периода ($-3,3\%$).

На уровне межрегионального движения населения Иркутская область выступает в качестве территории приема лишь для регионов Дальнего Востока. В целом, наибольшие показатели интенсивности миграционных потоков здесь, как и в других рассмотренных регионах,

наблюдаются с близлежащими сибирскими регионами (Красноярский край, Республика Бурятия, Забайкальский край), а также со столичными и южными территориями (в частности Краснодарский край). При этом последние выступают ключевыми реципиентами для жителей области (табл. 3).

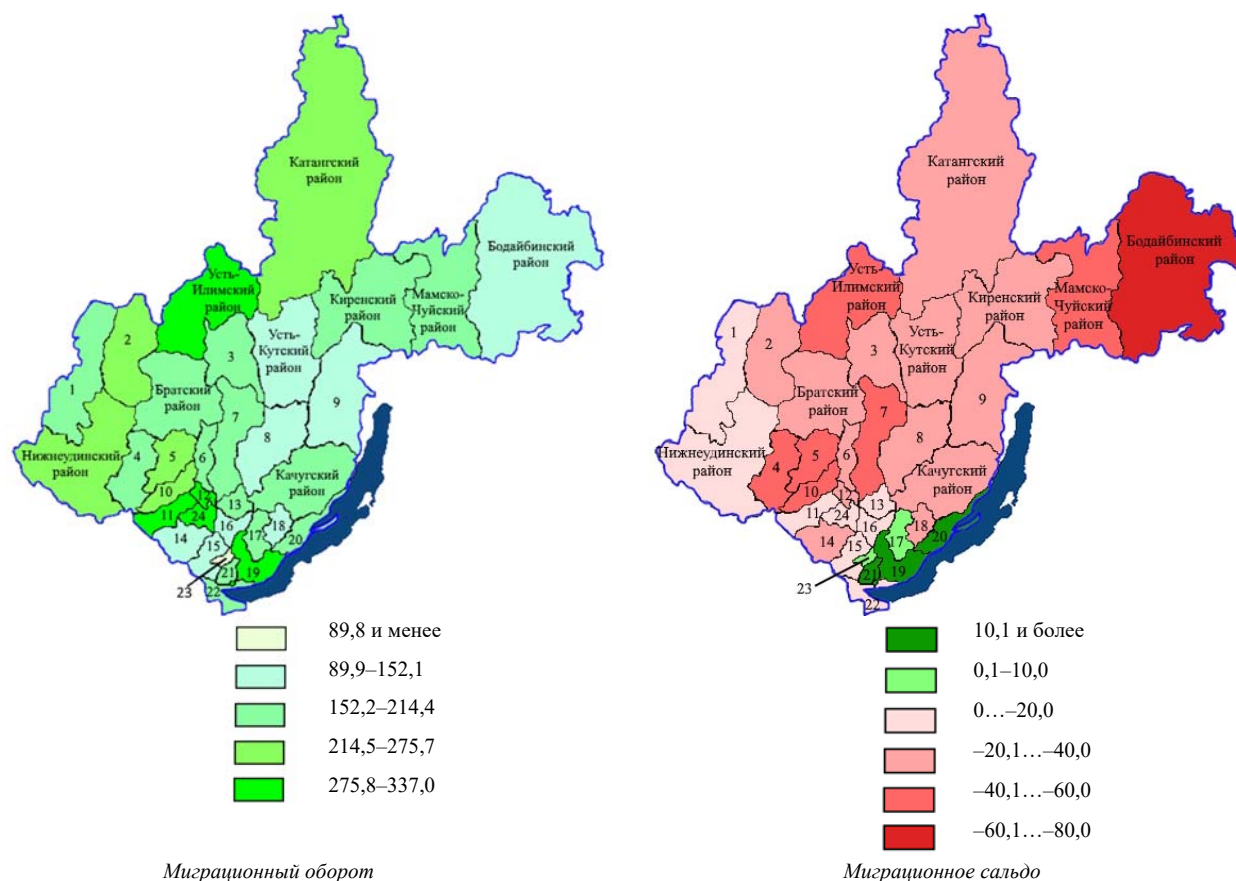
Одним из ключевых отличий миграционной ситуации в Иркутской области являются низкие показатели оборота внутрирегиональной миграции в сравнении с рассмотренными выше регионами. Наиболее активное миграционное движение наблюдается, как и в других случаях, в южном (за исключением Катангского района) и западном направлениях. В результате наиболее мобильным является население Усть-Илимского, Заларинского, Нукутского и Аларского районов. Высокая миграционная интенсивность наблюдается и в территориях административного центра области – Иркутского района (рис. 6).

Таблица 3

Показатели миграционного прироста по территориям приема мигрантов из Иркутской области, %

Год	Республика Бурятия	Забайкальский край	Красноярский край	г. Москва	г. Санкт-Петербург	Краснодарский край
2017	0,43	0,39	-0,49	-0,44	-0,40	-0,38
2018	0,36	0,51	-0,47	-0,32	-0,29	-0,41
2019	-0,07	0,10	-0,50	-0,21	-0,22	-0,33
2020	-0,09	0,04	-0,70	-0,07	-0,10	-0,38
2021	0,02	0,14	-0,71	-0,13	-0,19	-0,48

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Миграционный оборот

Миграционное сальдо

1 – Тайшетский район; 2 – Чуйский район; 3 – Нижнеилимский район; 4 – Тулунский район; 5 – Куйтунский район; 6 – Балаганский район; 7 – Усть-Удинский район; 8 – Жигаловский район; 9 – Казачинско-Ленский район; 10 – Зиминский район; 11 – Заларинский район; 12 – Нукутский район; 13 – Осинский район; 14 – Черемховский район; 15 – Усольский район; 16 – Боханский район; 17 – Эхирит-Булагатский район; 18 – Баяндаевский район; 19 – Иркутский район; 20 – Ольхонский район; 21 – Шелеховский район; 22 – Слюдянский район; 23 – Ангарский городской округ; 24 – Аларский район

Рис. 6. Распределение территорий Красноярского края по показателям миграционного оборота и миграционного сальдо внутрирегиональных перемещений, %. Источник: расчеты авторов по данным Росстата

Миграционный прирост в регионе сосредоточен вокруг административного центра региона и прилегающих к нему территорий – Иркутского и Шелеховского районов. Значительно меньшие, но все еще положительные показатели сальдо миграции наблюдаются в Эхирит-Булагатском районе и Ангарском городском округе, который относительно недавно приобрел статус муниципального района. Иркутский район отличается самыми высокими показателями миграционного прироста в регионе за пятилетний период (127,7%).

Миграционный прирост в Ангарском округе и Шелеховском районе, вероятно, обусловлен активной включенностью территории в жизнь наиболее экономически активных городов, расположенных в данной зоне. Экономическая активность населения Ангарска и Шелехова, входящих в иркутскую агломерацию, тесно связана с Иркутском, в результате чего юг области становится наиболее привлекательным с точки зрения миграционного движения населения. Более того, наибольшей привлекательностью пользуются именно поселения прилегающих районов, так как в Иркутске в последние годы наблюдаются отрицательные значения миграционного прироста. Ситуация изменилась после наступления пандемии, когда в условиях тотального локдауна города оставались наиболее экономически активными территориями. В результате произошел

рост миграционного сальдо в Иркутске с –1,96% в 2019 г. до 0,28% в 2021 г.

Еще одной причиной, обуславливающей высокие показатели прироста в Иркутском районе, могут быть процессы субурбанизации [24].

На фоне невысокой миграционной интенсивности в рамках внутрирегиональных перемещений, Иркутский район отличается стабильно высокой миграционной подвижностью. В этих условиях установка населения на переезд из города в пригородные территории обеспечивает положительное сальдо в 19 из 21 поселений района.

Что касается остальной территории Прибайкальского региона, здесь наблюдается отток населения, который, судя по сводным данным, концентрируется на вышеупомянутых территориях.

Самые низкие значения сальдо миграции зафиксированы на севере в Бодайбинском районе, в состав которого входят 13 поселений (4 из них – рабочие поселки). Ведущее место в экономическом развитии этих территорий занимает золотодобывающая промышленность.

Сочетание неблагоприятных условий жизни с удаленным местоположением определяет регулярное миграционное движение в форме трудовой миграции и стабильный отток населения из района.

Заключение

Анализ миграционного контекста по трем изучаемым регионам демонстрирует несколько ключевых тенденций. Во-первых, все три рассмотренных региона притягивают население с близлежащих территорий, играя роль территории-реципиента для других близлежащих сибирских регионов. Однако чем дальше регион удален от центра страны на восток, тем менее выражена эта роль. Во-вторых, неблагоприятная картина с точки зрения миграционного оттока населения в указанных регионах формируется именно за счет межрегиональных перемещений, в рамках которых население уезжает в западном и юго-

западном направлениях. В-третьих, зафиксирована разница в показателях межрегиональной миграции между рассматриваемыми территориями, которая может свидетельствовать об особых условиях взаимодействия приезжающих и принимающей стороны. Таким образом, анализ миграционной статистики подтверждает гипотезу о взаимосвязи специфических черт в образе мигранта и интенсивности перемещений, заявленную в исследовании коллектива авторов [32]. Степень интенсивности прибытий в Томской области на уровне межрегиональных перемещений на протяжении 14 лет превышает аналогичные данные по Красноярскому краю и Иркутской области на несколько пунктов (рис. 7).

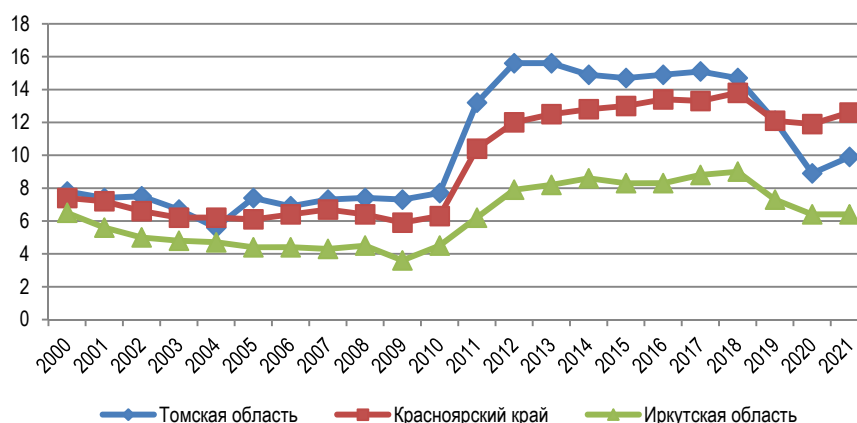

Рис. 7. Коэффициент интенсивности прибытий (межрегиональная миграция), %. Источник: расчеты авторов по данным ЕМИСС

Тенденции к миграционной убыли в подавляющей части поселений в Иркутской, Томской областях и Красноярском крае, связанные с концентрацией населения в региональных центрах и близлежащих территориях, может иметь негативные последствия для социально-демографического и экономического потенциала данных территорий. Устойчивая тенденция к перемещению населения внутри страны, концептуализированная как «западный дрейф», приводит к «вымыванию» населения из восточной части страны. Частично эта ситуация смягчается за счет притока мигрантов из-за рубежа. Однако при текущих масштабах и ужесточении миграционного режима иммиграция в Сибирь не может обеспечить должного уровня замещения демографических ресурсов.

Движение населения внутри сибирских регионов, как и на страновом уровне, ориентировано по большей части в юго-западном направлении. С одной стороны, этот процесс смягчает последствия оттока населения на межрегиональном уровне: выходцы из районов и поселений занимают свободные ниши на рынке труда, в образовательной среде и т.д. В то же время анализ внутрирегиональной миграции демонстрирует, что большинство перемещений во всех трех случаях происходит по вектору село–город: люди едут из удаленных районов в экономически более благоприятные и

развитые поселения. Это позволяет сформулировать гипотезу о том, что внутрирегиональные мигранты замещают в городах тех, кто уезжает в другие регионы. Масштабы и устойчивые тенденции этих процессов актуализируют вопросы о том, каким образом внутренние мигранты адаптируются к жизни в новых условиях, с какими трудностями и ограничениями сталкиваются, и с какими устремлениями и установками переезжают. Сельско-городская миграция порождает ситуацию, в которой мигранты сталкиваются с необходимостью освоения города с нуля, установления новых социальных связей в условиях обезличенности взаимодействий и поиска информации о рынке труда, жилья и других жизненно важных аспектов. Попадая в иную среду, сельские жители вынуждены искать пути и механизмы для решения текущих проблем бытового, социального, экономического и иного характера.

Кроме того, переезжая в крупные города, внутрирегиональные мигранты могут увеличить свое благосостояние. В совокупности с уже имеющимся миграционным опытом это может способствовать дальнейшей миграции уже за пределы региона. Таким образом, можно сформулировать гипотезу о том, что внутрирегиональные миграционные потоки становятся частью «западного дрейфа», обеспечивая стабильность и поддержание масштабов этих процессов.

Список источников

1. Вологирова Л.А. Статистическое изучение изменений территориальной структуры внутренней миграции населения в Российской Федерации и ее субъектах // Вестник университета. 2014. № 17. С. 17–24.

2. Сбитнева Н.А. Регулирование процессов внутрирегиональной миграции как фактор безопасности региона // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. Вып. 12, ч. 3. С. 975–977.
3. Апенько С.Н., Лукаш А.В. Инновационное развитие регионов и внутренняя миграция в России // E-Management. 2023. Т. 6, № 1. С. 81–94.
4. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society in London. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235.
5. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. Vol. 61. P. 219–249.
6. Bryan G., Morten M. The Aggregate Productivity Effects of Internal Migration: Evidence from Indonesia // Journal of Political Economy. 2019. Vol. 127, № 5. P. 2229–2268. doi: 10.1086/701810
7. Lagakos D. Urban-Rural Gaps in the Developing World: Does Internal Migration Offer Opportunities? // Journal of Economic Perspectives. 2020. Vol. 34, № 3. P. 174–192.
8. Impicciatore R., Panichella N. Internal Migration Trajectories, Occupational Achievement and Social Mobility in Contemporary Italy. A Life Course Perspective // Population Space & Place. 2019. Vol. 25. P. 1–19. doi: 10.1002/psp.2240
9. Зайончковская Ж.А. Россия: миграция в разном масштабе времени. М. : Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. 66 с.
10. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. М. : Экон-Информ, 2019. 218 с.
11. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. 231 с.
12. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Детерминанты внутренней миграции в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2006. № 2. С. 56–78.
13. Мкртчян Н.В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 41–61.
14. Будилов А.П. Основные тренды внутренней миграции населения России // Вопросы территориального развития. 2019. Т. 4, № 49. doi: 10.15838/tdi.2019.4.49.5. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28301> (дата обращения: 30.04.2023).
15. Рачина А.В., Чикарова Г.И., Эмирбекова Э.Э. Внутрироссийская трудовая миграция как фактор регионального развития Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 2. С. 172–187. doi: 10.18522/2227-8656.2020.2.12
16. Леонидова Г.В., Вячеславов В.Н. Гендерные особенности внутрирегиональной миграции // Вопросы территориального развития. 2016. Т. 32, № 2. С. 1–12.
17. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. Т. 137, № 1. С. 225–242. doi: 10.14515/monitoring.2017.1.15
18. Герасимов А.А. Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 92–108.
19. Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Миграция в России 2000–2012: Хрестоматия : в 3 т. Т. 1, ч. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М. : Спецкнига, 2013. С. 78–96.
20. Эльдяева Н.А., Кованова Е.С. Оценка влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // Статистика и экономика. 2015. № 6. С. 106–111. doi: 10.21686/2500-3925-2015-6-106-111
21. Уставщикова С.В. Миграционная активность населения муниципальных районов Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о Земле. 2016. Т. 16, № 3. С. 156–161. doi: 10.18500/1819-7663-2016-16-3-156-161
22. Тютин Д.В. Влияние процессов внутрирегиональной миграции на формирование пространственных дисбалансов региона (на примере Калужской области) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. Т. 2-3, № 61. С. 199–203.
23. Соловьев И.А. Динамика внутрирегиональных особенностей миграции населения Ставропольского края // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, № 1. С. 156–180. doi: 10.21638/spbu07.2022.109
24. Григоричев К.В. Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3, № 1. С. 31–42.
25. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М. : Новый хронограф, 2012. С. 688–707.
26. Трубина А.В. Современные причины внутрирегиональной миграции в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. Т. 107, № 14. С. 126–128.
27. Тарасова Е.В. Миграционные связи муниципальных образований Алтайского края // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4, № 4. С. 576–590. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-4-576-590
28. Суходолов А.П., Озерникова Т.Г., Кузнецова Н.В. Иркутская область в фокусе анализа межрегиональной миграции // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 3. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=22227> (дата обращения: 30.04.2023).
29. Пополько Г.И. Выравнивание диспропорций территориального развития ресурсного региона на основе реализации инфраструктурных и инвестиционных проектов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. Т. 69, № 1. URL: <https://eee-region.ru/article/6912/> (дата обращения: 30.04.2023).
30. Бреславский А.С. Внутренняя миграция и формирование пригородных сообществ Улан-Удэ // Известия иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2. С. 52–59.
31. Хамина Н.В. Оценка демографической внутрирегиональной дифференциации регионов Восточной Сибири // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. № 3. С. 240–246.
32. Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А., Корешкова Ю.О., Зборовицкая Н.Н., Волошин А.А., Брызгина Д.Е. Поисковые системы как механизм производства границ воображаемых сообществ // Полития. 2023. № 2. С. 55–76.
33. Барышева Г.А., Черданцева И.В. Миграционные процессы в период инновационных преобразований в экономике региона // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2012. Т. 321, № 6. С. 16–20.
34. Кашницкий И.С. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 83–97.

References

1. Vologirova, L.A. (2014) Statisticheskoe izuchenie izmeneniy territorial'noy struktury vnutrenney migratsii naseleniya v Rossiyskoy Federatsii i ee sub'ektakh [Statistical study of changes in the territorial structure of internal migration of the population in the Russian Federation and its constituent entities]. *Vestnik universiteta*. 17. pp. 17–24.
2. Sbitneva, N.A. (2017) Regulirovanie protsessov vnutrireional'noy migratsii kak faktor bezopasnosti regiona [Regulation of intraregional migration processes as a factor of regional security]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 12. Part 3. pp. 975–977.
3. Apen'ko, S.N. & Lukash, A.V. (2023) Innovatsionnoe razvitiye regionov i vnutrennyaya migratsiya v Rossii [Innovative development of regions and internal migration in Russia]. *E-Management*. 1 (6). pp. 81–94.
4. Ravenstein, E.G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society in London*. 2 (48). pp. 167–235.

5. Zelinsky, W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. 61. pp. 219–249.
6. Bryan, G. & Morten, M. (2019) The Aggregate Productivity Effects of Internal Migration: Evidence from Indonesia. *Journal of Political Economy*. 5 (127). pp. 2229–2268. doi: 10.1086/701810
7. Lagakos, D. (2020) Urban-Rural Gaps in the Developing World: Does Internal Migration Offer Opportunities? *Journal of Economic Perspectives*. 3 (34). pp. 174–192.
8. Impicciatore, R. & Panichella, N. (2019) Internal Migration Trajectories, Occupational Achievement and Social Mobility in Contemporary Italy. A Life Course Perspective. *Population Space & Place*. 25. pp. 1–19. doi: 10.1002/psp.2240
9. Zayonchkovskaya, Zh.A. (1999) *Rossiya: migratsiya v raznom masshtabe vremeni* [Russia: migration on different time scales]. Moscow: Tsentr izucheniya problem vyzhdennoy migratsii v SNG.
10. Rybakovskiy, L.L. (2019) *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya* [History and Theory of Population Migration]. Book. 3. Moscow: Ekon-Inform.
11. Perevedentsev, V.I. (1975) *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods for Studying Population Migration]. Moscow: Nauka.
12. Aleshkovskiy, I.A. & Iontsev, V.A. (2006) Determinanty vnutrenney migratsii v sovremennoy Rossii [Determinants of internal migration in modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika*. 2. pp. 56–78.
13. Mkrtchyan, N.V. (2013) Goroda vostoka Rossii “pod natiskom” demograficheskogo szhatiya i zapadnogo dreyfa [Cities of eastern Russia “under the pressure” of demographic compression and western drift]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vv.* [Migration Society of Asian Russia: Migrations, spaces, communities. Turns of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 41–61.
14. Budilov, A.P. (2019) Osnovnye trendy vnutrenney migratsii naseleniya Rossii [Main trends in internal migration of the Russian population]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 49 (4). [Online] Available from: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28301> (Accessed: 30.04.2023). doi: 10.15838/tdi.2019.4.49.5
15. Rachipa, A.V., Chikarova, G.I. & Emirbekova, E.E. (2020) Vnutrirossiyskaya trudovaya migratsiya kak faktor regional'nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Intra-Russian labor migration as a factor in the regional development of the Russian Federation]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2 (9). pp. 172–187. doi: 10.18522/2227-8656.2020.2.12
16. Leonidova, G.V. & Vyacheslavov, V.N. (2016) Gendernye osobennosti vnutriregional'noy migratsii [Gender characteristics of intraregional migration]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2 (32). pp. 1–12.
17. Mkrtchyan, N.V. (2017) Migratsiya molodezhi iz malyykh gorodov Rossii [Migration of youth from small towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoe i sotsial'nye peremeny*. 1 (137). pp. 225–242. doi: 10.14515/monitoring.2017.1.15
18. Gerasimov, A.A. (2022) Sootnoshenie polov v vnutriregional'noy migratsii v Rossii: prostranstvennaya i vozrastnaya differentsiatsiya [Sex ratio in intraregional migration in Russia: spatial and age differentiation]. *Demograficheskoe obozrenie*. 1 (9). pp. 92–108.
19. Mkrtchyan, N.V. (2013) Vnutrennyaya migratsiya: velikoe proshloe i skromnoe budushchee [Internal migration: a great past and a modest future]. In: Zayonchkovskaya, Zh.A. (ed.) *Migratsiya v Rossii 2000–2012* [Migration in Russia 2000–2012]. Vol. 1. Part 1. Moscow: Spetskniga. pp. 78–96.
20. El'dyaeva, N.A. & Kovanova, E.S. (2015) Otsenka vliyaniya vnutrenney trudovoy migratsii naseleniya na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye regiona [Assessing the influence of internal labor migration of the population on the socio-economic development of the region]. *Statistika i ekonomika*. 6. pp. 106–111. doi: 10.21686/2500-3925-2015-6-106-111
21. Ustavshchikova, S.V. (2016) Migratsionnaya aktivnost' naseleniya munitsipal'nykh rayonov Saratovskoy oblasti [Migration activity of the population of municipal districts of the Saratov region]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Nauki o Zemle*. 3 (16). pp. 156–161. doi: 10.18500/1819-7663-2016-16-3-156-161
22. Tyutin, D.V. (2020) Vliyaniye protsessov vnutriregional'noy migratsii na formirovaniye prostranstvennykh disbalansov regiona (na primere Kaluzhskoy oblasti) [The influence of intraregional migration processes on the formation of spatial imbalances in the region (on the example of the Kaluga region)]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 61 (2–3). pp. 199–203.
23. Solov'ev, I.A. (2022) Dinamika vnutriregional'nykh osobennostey migratsii naseleniya Stavropol'skogo kraya [Dynamics of intraregional features of migration of the population of the Stavropol Territory]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. 1 (67). pp. 156–180. doi: 10.21638/spbu07.2022.109
24. Grigoriev, K.V. (2017) Subregional'nye migratsii i formirovaniye prigorodov sibirskogo goroda [Subregional migrations and the formation of suburbs of a Siberian city]. *Mir Bol'shogo Altaya*. 1 (3). pp. 31–42.
25. Karachurina, L.B. & Mkrtchyan, N.V. (2012) Migratsionnaya podvizhnost' molodezhi i sdvigi v vozrastnoy strukture naseleniya gorodov i rayonov Rossii (1989–2002) [Migration mobility of youth and shifts in the age structure of the population of cities and regions of Russia (1989–2002)]. In: Polyan, P.M. & Treyvish, A.I. (eds) *Geograficheskoe polozhenie i territorial'nye struktury: pamyati I.M. Maergoza* [Geographical Position and Territorial Structures: In memory of I.M. Maergoza]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 688–707.
26. Trubina, A.V. (2009) Sovremennyye prichiny vnutriregional'noy migratsii v Respublike Sakha (Yakutiya) [Modern causes of intraregional migration in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 14 (107). pp. 126–128.
27. Tarasova, E.V. (2018) Migratsionnye svyazi munitsipal'nykh obrazovaniy Altayskogo kraya [Migration connections of municipalities of the Altai Territory]. *Mir Bol'shogo Altaya*. 4 (4). pp. 576–590. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-4-576-590
28. Sukhodolov, A.P., Ozernikova, T.G. & Kuznetsova, N.V. (2018) Irkutskaya oblast' v fokuse analiza mezhregional'noy migratsii [Irkutsk region in the focus of analysis of interregional migration]. *Baikal Research Journal*. 3 (9). [Online] Available from: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=22227> (Accessed: 30.04.2023).
29. Popod'ko, G.I. (2022) Vyravnivaniye disproportsiy territorial'nogo razvitiya resursnogo regiona na osnove realizatsii infrastrukturykh i investitsionnykh proektov [Aligning disproportions in the territorial development of a resource region based on the implementation of infrastructure and investment projects]. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 1 (69). [Online] Available from: <https://ee-region.ru/article/6912/> (Accessed: 30.04.2023).
30. Breslavskiy, A.S. (2012) Vnutrennyaya migratsiya i formirovaniye prigorodnykh soobshchestv Ulan-Ude [Internal migration and the formation of suburban communities in Ulan-Ude]. *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politologiya. Religiovedenie*. 2. pp. 52–59.
31. Khamina, N.V. (2019) Otsenka demograficheskoy vnutriregional'noy differentsiatsii regionov Vostochnoy Sibiri [Assessment of demographic intraregional differentiation of regions of Eastern Siberia]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. 3. pp. 240–246.
32. Timoshkin, D.O. et al. (2023) Poiskovyye sistemy kak mekhanizm proizvodstva granits vobrazhaemykh soobshchestv [Search engines as a mechanism for producing the boundaries of imaginary communities]. *Politiya*. 2. pp. 55–76.
33. Barysheva, G.A. & Cherdantseva, I.V. (2012) Migratsionnye protsessy v period innovatsionnykh preobrazovaniy v ekonomike regiona [Migration processes during the period of innovative transformations in the regional economy]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesurov*. 6 (321). pp. 16–20.
34. Kashnitskiy, I.S. (2017) Vliyaniye izmeneniy v pravilakh ucheta migratsii v 2011 g. na otsenku intensivnosti migratsii molodezhi: kogortno-komponentnyy analiz [The impact of changes in migration accounting rules in 2011 on the assessment of the intensity of youth migration: cohort-component analysis]. *Demograficheskoe obozrenie*. 1 (4). pp. 83–97.

Информация об авторах:

Брызгина Д.Е. – младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: br.diana21@gmail.com

Сметанин Ф.А. – младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); лаборант кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); старший преподаватель кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Волошин А.А. – младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: voloha94@yandex.ru

Самарин А.С. – младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), старший преподаватель кафедры философии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: asamarin@sfu-kras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.E. Bryazgina, junior research fellow, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: br.diana21@gmail.com

F.A. Smetanin, junior research fellow, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); department assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

A.A. Voloshin, junior research fellow, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: voloha94@yandex.ru

A.S. Samarin, junior research fellow, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); senior lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: asamarin@sfu-kras.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 316.42
doi: 10.17223/15617793/500/16

Региональное социально-политическое взаимодействие онлайн и офлайн: возможности сравнения и измерения на примере экологической повестки

Елена Анатольевна Кранзеева¹, Евгений Васильевич Головацкий², Анна Леонидовна Бурмакина³,
Инна Вениаминовна Донова⁴

^{1, 2, 3, 4} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ elkranzeeva@mail.ru

² xomaik@rambler.ru

³ anna-sidjakina@rambler.ru

⁴ idonova@gmail.com

Аннотация. Представлен сравнительный анализ онлайн- и офлайн-форматов социально-политического взаимодействия по актуальной региональной повестке. Источниками данных послужили результаты проведенных авторами социологических опросов, data-mining региональных сообществ «ВКонтакте». Результаты исследования продемонстрировали различную степень остроты региональной экологической повестки в онлайн- и офлайн-форматах. Направления дальнейших исследований сфокусированы на использовании цифровых технологий и сетевых инструментов, содержании коммуникации и деятельности акторов.

Ключевые слова: социально-политическое взаимодействие, социологические исследования, онлайн-коммуникация, офлайн-коммуникация, экология, региональные проблемы

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining»).

Для цитирования: Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Бурмакина А.Л., Донова И.В. Региональное социально-политическое взаимодействие онлайн и офлайн: возможности сравнения и измерения на примере экологической повестки // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 150–158. doi: 10.17223/15617793/500/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/16

Regional socio-political interaction online and offline: Possibilities for comparison and measurement using the example of the environmental agenda

Elena A. Kranzeeva¹, Evgeniy V. Golovatsky², Anna L. Burmakina³, Inna V. Donova⁴

^{1, 2, 3, 4} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ elkranzeeva@mail.ru

² xomaik@rambler.ru

³ anna-sidjakina@rambler.ru

⁴ idonova@gmail.com

Abstract. Regional socio-political interaction is characterized by a combination of the development agenda and local projects implemented in the “home” space. Currently, formats of socio-political interaction intersect everywhere in real and virtual, online and offline interactions. A methodological turn to the study of simultaneous formats of online and offline interactions, in our opinion, allows us to consider the combination of social and political interaction of regional communities in the totality of network techniques of virtual communications. The aim of the study is to consider online and offline formats of socio-political interaction by collecting current issues on the platform of the regional environmental agenda. There is a synchronization of information layers and communication perspectives of the experience of life “here and now”, network and cloud communication. The environmental agenda is highly attractive in discussing and highlighting the socio-political problems of the region. The article uses data obtained by the authors during the Kuzbass-Politics monitoring study aimed at studying the opinions of residents of the cities of Kemerovo Oblast. The results of the surveys of 2017, 2018, 2019, and 2023 were analyzed. Big data collected using data-mining tools was also used. For digital analysis, we used a collected dataset of current data from regional network communities of Kuzbass on VKontakte. The sources of the data were messages (posts) in selected 56 unique communities of Kuzbass; comments to posts with the indication of community id, community name, post id, community territory label (period

01 January 2022 – 18 November 2022). The data obtained show the relevance of environmental issues in offline socio-political interaction, and a tendency towards an increase in positive assessments of the environmental situation by citizens over the past four years. Based on the results of the analysis of network data, we can observe the absence of the direct mention of ecology and related issues on the agenda of regional network communities and top socio-political issues. Internet technologies in the context of the study of regional socio-political interaction are understood in three ways: a source of information, a communication medium, and a conductor into virtual public arenas. The results of the study showed the intersection of environmental topics in regional field studies and descriptions of network agendas analyzed using data-mining tools. Consequently, the environmental agenda can serve as a point of assembly of latent regional issues with the subsequent transfer of relevance and mobilization activities to related and sometimes unobvious topics. The regional agenda indicates the main directions for the development of further research: the ability to focus on the use of digital technologies and networking tools and an emphasis on the content of communication and the activities of actors.

Keywords: socio-political interaction, sociological research, online communication, offline communication, environmental agenda

Financial support: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FZSR-2023-0006.

For citation: Kranzeeva, E.A., Golovatsky, E.V., Burmakina, A.L. & Donova, I.V. (2024) Regional socio-political interaction online and offline: Possibilities for comparison and measurement using the example of the environmental agenda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 150–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/16

Введение

Практическое изучение социально-политического взаимодействия региональных субъектов с использованием традиционных анкетных опросов позволяет получить ординарную картину построения отношений власти и населения, обозначения актуальных проблем и расстановки имеющихся ресурсов. Методологический и методический поворот к изучению одновременно форматов онлайн- и офлайн-коммуникаций дает возможность рассмотреть сочетание социального и политического взаимодействия региональных сообществ в реальном и виртуальном пространствах.

В идеях сетевого подхода, предложенных М. Кастельсом, отмечается, что индивиды, независимо от социальных и политических институтов, налаживают горизонтальные связи, а реализация цифрового активизма происходит в двух плоскостях: рождаются они в цифровом пространстве, а развиваются уже офлайн [1]. Сетевое взаимодействие способно порождать новые каналы коммуникации и новых участников, транслировать связи и практики.

На практике это означает, что происходит синхронизация информационных слоев и коммуникационных перспектив опыта жизни «здесь и сейчас» и сетевой облачной коммуникации в динамичных цифровых средах. Видимость идентичности двух реальностей является институциональным признаком сохранения социально-политического взаимодействия в виртуальной и физической среде. Информационные технологии и прогрессирующий темп развития цифровой реальности подчеркивают необходимость мобилизации с большей интенсивностью социальных ресурсов, привлекаемых для «двух реальностей» одновременно.

Существенную роль в ситуации определения оснований социального и политического взаимодействия в региональном формате сохраняет традиция властного детерминизма, имеющая протяженную историю своего развития в российской региональной практике

формирования и регулирования социально-политических отношений. А.Б. Гофман подчеркивает, что «благодаря цифровизации, медиатизации, новым медиа, распространению влияния социальных сетей и других факторов в настоящее время возникают новые, в том числе скрытые, формы “власти-господства”» [2. С. 70], происходит расширение возможностей их использования и камуфлирования, злоупотребление повесткой, распространение фейковой информации или ее замалчивание и пр.

Однако активизация региональных сетевых коммуникаций «по поводу» актуализирует новые форматы гражданской «пользовательской власти», обладающей механизмами обратного воздействия на представителей власти и собственно социально-политическую повестку территории. Примером могут послужить недавние многочисленные поисковые запросы пользователей Рунета о способах защиты от пандемии COVID-19, вариантах избегания самоизоляции или поиска возможности беспрепятственно покинуть страну в условиях объявленной мобилизации.

В то же время сетевое онлайн-взаимодействие таит в себе сложные и подчас скрытые комбинации исходных обстоятельств, новые ресурсы и активность неочевидных, на первый взгляд, участников социально-политического взаимодействия. Цель данной статьи – анализ онлайн- и офлайн-форматов социально-политического взаимодействия по актуальной региональной повестке.

Методология и методы

В отечественной литературе представлен ряд работ, посвященных вопросам социального и политического взаимодействия онлайн, в частности, раскрывающих особенности процесса цифровизации в обществе [3–5], гражданской самоорганизации в цифровом пространстве [6–12] и протестной активности в сети [12, 13], а также региональные практики цифровой мобилизации [13–16]. Достаточно подробно механизмы цифровой

мобилизации представлены в условиях природных бедствий [17].

Отечественные исследователи отмечают, что благоприятная экологическая ситуация используется в качестве инструмента привлекательности регионов современной России, описывается как преимущество и достижение «в системе государственного регулирования развития регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов» [18. С. 152]. При этом следует отметить, что геостратегическое положение регионов и базовые ресурсы определяют возможности территорий, например, всероссийских «здравниц» в отличие от «кузниц», где климатические и территориально-поселенческие возможности характеризуются заметной изолированностью.

В мировой практике именно экологическая тема не раз выступает в качестве основания для активизации населения и конкретизации политической повестки (например, движение «зеленых», экологическая тематика популярных блогеров и медиа-персон, основания для эскалации конфликтов и даже подключение силовых структур и пр.).

Т.С. Мартыненко замечает, что в нашей стране принимается большое число документов, связанных с экологией, в которых уделяется внимание и инфраструктуре (например, созданию системы переработки отходов и мерам по сокращению загрязняющих выбросов), и формированию экологической культуры (экологического сознания) и развитию волонтерской деятельности в области охраны окружающей среды и природопользования [19].

Оценка россиянами экологической ситуации ежегодно фиксируется в рамках мониторингового опроса ВЦИОМ (рис. 1). За последние несколько лет можно отметить неизменно нейтральное отношение россиян к экологической ситуации в мире (в 2020 г. характеризовали ее как удовлетворительную 47% опрошенных, в 2021 г. – 46%, в 2023 г. – 44%). В то же время мнение россиян об экологии в стране и своем регионе значительно улучшилось за последние два года. Так, доля положительно оценивающих экологическую обстановку в России и в регионе увеличилась на 11 пунктов в каждом случае (с 23% в 2021 г. до 34% в 2023 г. и с 35 до 46% соответственно).

КРИТИЧНОСТЬ В ОЦЕНКАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СНИЗИЛАСЬ

Рис. 1. Оценка россиянами экологической ситуации в мире, стране, своем регионе. Источник: Результаты мониторингового опроса, посвященного общественному восприятию экологической ситуации в России // ВЦИОМ: Всероссийский телефонный опрос по заказу Комитета по экологии РСНП, $n = 1\,661$ чел. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309>

К числу факторов, влияющих на ухудшение экологической ситуации, по мнению россиян, относятся мусорные свалки и мусоросжигательные заводы (41%), деятельность промышленных компаний, выбросы, аварии (34%), а также транспортные выхлопы (31%) (рис. 2). Следует отметить, что деятельность промышленных предприятий оказывает наиболее сильное негативное влияние на экологию, по мнению большинства жителей Урала и Сибири (44 и 43% – максималь-

ные значения по стране для этого показателя). Заметим, что каждая из перечисленных экопроблем формирует несколько проблемных тем следующего порядка. Так, например, проблема транспортных выхлопов мобилизует темы экономической успешности предпринимателей, уровня жизни горожан, работы контрольно-ревизионных органов, и в состоянии актуализировать проблемы недоверия населения к органам власти и т.п.

ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ УХУДШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НЕ ПОМЕНЯЛИСЬ...

Рис. 2. Оценка россиянами факторов, оказывающих наиболее сильное негативное влияние на экологическую ситуацию в регионе.

Источник: Результаты мониторингового опроса, посвященного общественному восприятию экологической ситуации в России //

ВЦИОМ: Всероссийский телефонный опрос по заказу Комитета по экологии РСНП, $n = 1\,661$ чел.URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309>

Отметим, что экологическая повестка приобретает актуальность в тех территориальных образованиях, где «градус» экологической напряженности достигает предельного уровня, когда обсуждаемая проблема подхватывается политическими деятелями, лидерами мнений и обостряется.

Л.Б. Зубанова и др. обозначают территории с особым типом функционирования экологической культуры – «стресс-регионы», для которых характерно парадоксальное сочетание объективно высокой степени эколого-конфликтного существования (вследствие проблем регулирования экологической ситуации в регионе) и характера отражения этой конфликтности в повседневных практиках и субъективных представлениях жителей (вследствие привыкания к экологическим проблемам как рутинно-устойчивому фону жизни) [20. С. 137]. Полагаем, что проблемное поле экологической тематики в состоянии формировать практики привыкания к ситуациям «экологического стресса», когда среди жителей регионов могут складываться примеры эксплуатации проблемы, иждивенческих настроений части населения.

Кемеровская область – Кузбасс является регионом, в котором экологическая тема ярко представлена в информационно-медийном и сетевом пространстве и выступает как «экологическая повестка» региона. С этой позиции представляет интерес анализ данной повестки в онлайн- и офлайн-взаимодействии.

Для изучения экологической проблематики в регионе использованы данные социологических опросов инициативного мониторингового исследования «Кузбасс-политика», проводимого коллективом кафедры социологических наук КемГУ ежегодно с 1994 года, и направленного на изучение мнения жителей городов

Кемеровской области о социальных проблемах, инициативах и событиях в регионе (измерение регионального социально-политического взаимодействия офлайн). Также были использованы инструменты сбора и интеллектуального анализа сетевой информации data-mining (измерение регионального социально-политического взаимодействия онлайн).

Для иллюстрации отношения жителей Кемеровской области к состоянию экологии в регионе были использованы результаты опросов 2017 г. ($n = 393$ чел., г. Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий, пгт. Яя), 2018 г. ($n = 400$ чел., г. Мариинск, Прокопьевск, Юрга, Кемерово), 2019 г. ($n = 665$ чел., г. Кемерово), 2023 г. ($n = 524$ чел., г. Кемерово, Междуреченск, Юрга). В 2020–2022 гг. исследование не проводилось в связи с трудностями, вызванными пандемией COVID-19 и ограниченным доступом к респондентам.

Дополнительной иллюстрацией значимости экологической повестки для жителей Кузбасса выступил собранный нами дата-сет актуальных данных региональных сетевых сообществ Кузбасса, размещенных в социальной сети «ВКонтакте». Были отобраны 56 уникальных сетевых сообществ Кузбасса, тематически связанных с обсуждением социальных и политических проблем, имеющих региональную привязку. Источником сетевых данных для нас выступили: сообщения (посты) в отобранных сообществах с указанием метки территории сообщества, откуда выгружено сообщение; комментарии к сообщениям (постам) в сообществах с указанием id-сообщества, названия сообщества, id-поста, метки территории сообщества (период выгрузки данных 01.01.2022–18.11.2022). Данные получены в рамках партнерства в ассоциации «Университетский консорциум исследователей больших данных» <https://opendata.university/>). В составе комплекса

инструментов для сбора и интеллектуального анализа сетевой информации Data Mining использовались программная среда PolyAnalyst, продукты Gephi и Colaboratory. Исходные данные (корпус постов и комментариев региональных сетевых сообществ) были подвергнуты процедуре преобразования и классификации в программной среде PolyAnalyst (аналитическая платформа для анализа данных, разработанная компанией MegaruterIntelligence), перегруппировка данных и ручная разметка осуществлялись в Colaboratory.

Результаты и обсуждение

В рамках социологических исследований «Кузбасс-политика» для оценки Кузбасса как места жительства респондентам предлагались разные параметры, в том числе и касающийся экологической обстановки в регионе. По результатам опросов с 2017 по 2019 г. (доковидный период) можно наблюдать рост негативных оценок экологии кузбассовцами (с 40% в 2017 г. до 52% в 2019 г.). Опрос 2023 г. показал, по мнению респондентов, улучшение экологической ситуации в Кузбассе.

Доля оценивающих экологию региона как плохую (на «1» и «2» балла) уменьшилась за 4 года на 24 пункта (с 52 до 28%), а тех, кто оценивает ситуацию в области как хорошую (на «4» и «5» баллов), стало на 18% больше (14% в 2019 г. и 32% в 2023 г.) (рис. 3). Такой рост значений в 2023 г. по сравнению с 2017–2019 гг. может быть связан с тем, что после 2020 г. актуальными стали вопросы связанные с распространением инфекционных заболеваний (COVID-19) и нарастанием политической и социально-экономической проблематики, которая отодвинула экологическую повестку.

В опросах, посвященных межрегиональной мобильности кузбассовцев, причина возможного переезда – «лучшая экологическая обстановка» упоминается, но чаще респондентами в качестве решающих называются лучшие условия жизни, климат (рис. 4).

В процессе анализа сетевых данных, полученных из региональных сообществ социальной сети «ВКонтакте», нами было проведено тематическое моделирование с использованием модели LDA из модуля *gensim* и сформированы наиболее обсуждаемые темы, связанные с социальными и политическими проблемами (рис. 5).

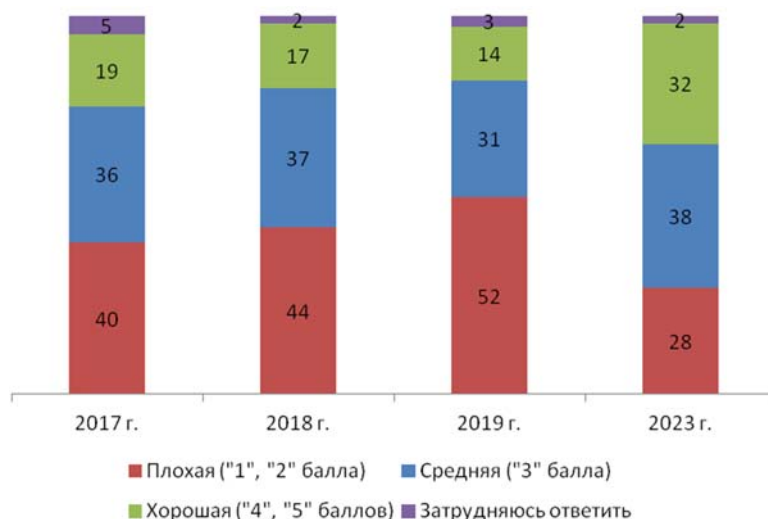

Рис. 3. Оценка жителями Кузбасса экологической обстановки в регионе, %.

Источник: мониторинговый опрос «Кузбасс-политика» ($n = 393$ чел., 2017 г.; $n = 400$ чел., 2018 г.; $n = 665$ чел., 2019 г.; $n = 524$ чел., 2023 г.). Исследование в 2017, 2018, 2023 гг. проводилось в городах Кузбасса, в 2019 г. представлена выборка только по г. Кемерово

Рис. 4. Потенциальные причины переезда жителей Кемеровской области, %.

Источник: мониторинговый опрос «Кузбасс-политика», проведенный в городах Кузбасса, 2023 г., $n = 524$ чел.

Рис. 5. Укрупненная тематическая группировка повестки сетевых сообществ в период с января по декабрь 2022 г. с указанием количества постов (Кузбасс, ручная сортировка тематических групп)

По итогу выделена 21 группа, каждая из которых включает определенный набор именованных сущностей. Потенциально связанными с экологической проблематикой могут быть семантические группы «оказание услуг», «благоустройство территорий», «условия жизни», «ЖКХ». Данные группы включают следующие именованные сущности: «оказание услуг» (работа, телефон, информация, здравствуйте, специалист, номер, день, ваш,

адрес, мочь, добрый, вопрос, сообщение, пожалуйста, ул), «благоустройство территорий» (помнить, всё, двор, зато, старый, снег, это, город, похоже, убирать, верно, гора, иначе, асфальт, деревня), «условия жизни» (день, каждый, вода, сегодня, час, неделя, месяц, это, пить, год, пара, конец, время, вариант, назад), «ЖКХ» (дом, жить, квартира, молодец, видно, год, мусор, всё, это, окно, ремонт, убрать, поход, сосед, подъезд) (рис. 6).

A	B	C
ID Темы	Токены	Темы
0	прям, добрый, утро, бегать, весь, интересный, еда, немного, вечер, получаться, белый, половина, пофига, носить, отличный	"Мусорные" темы
4	это, человек, всё, свой, думать, просто, жизнь, мочь, который, говорить, весь, понять, понимать, ребёнок, ваш	"Мусорные" темы
5	знать, всё, сказать, это, делать, сколько, мочь, нужный, пойти, хотеть, наверное, врач, ещё, бывать, туда	"Мусорные" темы
13	твой, пусть, друг, забыть, закрыть, свой, желать, здоровье, праздник, умный, рот, душа, вернуть, дверь, это	"Мусорные" темы
15	хороший, купить, фото, самый, главное, девочка, сахар, верить, найтись, мальчик, это, подсказать, пожалуйста, шахта, сделать	"Мусорные" темы
18	место, улица, реально, это, попробовать, попасть, толк, забирать, самокат, похожий, парковка, зря, советский, средний, тыс	"Мусорные" темы
21	точно, это, очень, че, весь, видимо, скоро, любить, надеяться, скорее, спать, читать, кормить, родной, всё	"Мусорные" темы
20	вообще, это, почему, вопрос, ходить, давать, всё, автобус, давно, значит, ездить, проблема, пора, ещё, везде	Транспорт
19	смотреть, женщина, мужик, машина, муж, мужчина, сидеть, девушка, выйти, ребёнок, мама, нормальный, парень, приехать, свой	Гендерная тема
3	день, каждый, вода, сегодня, час, неделя, месяц, это, пить, год, пара, конец, время, вариант, назад	Условия жизни
1	писать, собака, написать, видеть, пост, мочь, найти, искать, это, вроде, её, хозяин, забрать, комментарий, помочь	СВО, мобилизация
24	слово, автор, война, причём, это, сын, ой, обычный, спросить, нога, мешать, страшный, серьёзно, убить, посадить	ЖКХ
6	дом, жить, квартира, молодец, видно, год, мусор, всё, это, окно, ремонт, убрать, поход, сосед, подъезд	Оказание услуг
16	работа, телефон, информация, здравствуйте, специалист, номер, день, ваш, адрес, мочь, добрый, вопрос, сообщение, пожалуйста, ул	Политика
10	наш, страна, россия, народ, это, русский, мир, весь, свой, Украина, власть, государство, путин, ребята, история	Коммуникации
25	видео, интернет, новость, ага, узнать, группа, это, удача, опыт, дорогой, выкладывать, буква, проверить, успеть, зайти	Образование
23	ребёнок, школа, родитель, согласный, год, детский, сад, учиться, первый, ходить, очередь, учитель, класс, полностью	ДТП
9	дорога, водитель, ехать, машина, сторона, пешеход, виноватый, это, правило, скорость, камера, знак, авто, движение, светофор	Правосудие
22	дело, полиция, факт, суд, судить, около, статья, сотрудник, местный, рф, который, ук, ход, получить, свобода	Социальная сфера
27	большой, спасибо, именно, правда, маленький, понятно, остаться, зп, это, хватить, весь, всё, человек, против, умереть	Социальная сфера
29	год, кузбасс, это, семья, тысяча, число, население, пенсия, система, регион, который, весь, получать, условие, губернатор	Экономика (бизнес)
8	магазин, ждать, посмотреть, интересно, сразу, покупать, ещё, уметь, курс, это, бесплатно, адекватный, всё, билет, товар	Экономика (общие)
7	деньги, платить, карта, это, счёт, всё, должный, свой, мочь, проезд, оплата, работать, знакомый, пользоваться, налог	Экономика (общие)
17	цена, норма, рубль, зарплата, это, показать, всё, поднять, уровень, выше, расти, точка, минимум, вместо, вырасти	Торговля
11	работать, брать, р, продать, дешёвый, хватать, нету, состояние, руб, кг, такси, готовый, мясо, размер	Религиозность
26	дать, бог, живой, помощь, человек, уйти, находиться, внимание, господь, слава, всё, смерть, называться, погнубить, это	Кузбасс
14	город, кемерово, район, администрация, житель, новокузнецк, прокопьевск, область, также, кемеровский, территория, г, городской, уточнить, кузбасс	Благоустройство территорий
12	помнить, всё, двор, зато, старый, снег, это, город, похоже, убирать, верно, гора, иначе, асфальт, деревня	Благоустройство территорий
28	новый, полный, частный, земля, центр, это, появиться, поддерживать, строить, сектор, граница, построить, образование, бумага, европа	Правопорядок
2	право, иметь, либо, закон, случай, лицо, любой, вид, штраф, запретить, это, ответственность, гражданин, порядок, очередной	

Рис. 6. Укрупненная тематическая группировка повестки сетевых сообществ в период с января по декабрь 2022 г. с указанием наборов именованных сущностей (Кузбасс, ручная сортировка тематических групп, ранжирование по количеству постов, выборочно)

Исходя из полученных данных, мы можем наблюдать отсутствие прямого упоминания экологии и связанной с ней проблематики в повестке региональных сетевых сообществ, топ-проблемах социально-политической направленности. Более значимой для сетевых участников является транспортная тема, которая включает набор таких именованных сущностей, как «почему», «вопрос», «автобус», «давно», «ездить», «проблема» и пр. Такая ситуация может быть вызвана актуальной для периода сбора данных (01.01.2022 – 18.11.2022) реализуемой в Кузбассе транспортной реформы.

Однако, несмотря на малое упоминание таких слов, как «эколог(-ия)», в массиве упоминаются слова «гряз(-ь; -ный)», «воздух», «вода» и другие, что может косвенно указывать на актуальность темы. Практически жители региона связывают экологическую ситуацию с рядом повседневных проблем в большом пользовательском запросе, где в череде оценок работы транспорта, медицинских услуг, безопасности находятся вопросы оценки качества воздуха, выбросов вредных веществ, засоренности городского пространства и т.п. И здесь интересно рассуждение О.Н. Яницкого о том, что «“загрязнение” как понятие, заимствованное социологией из естественных и технических наук, имплицитно предполагает, что: 1) общество имеет дело с социально и пространственно локализуемыми процессами, 2) с обратимыми процессами (“загрязнили – ликвидировали опасность”), 3) источник проблемы и ее решения лежат в сфере не-социальных наук и технологий» [21. С. 71]. Это, возможно, объясняет то, что использование в сетевой коммуникации слов связанных с загрязнением окружающей среды имеет адресата (кто создал ситуацию и (или) кто ее устранил), в то время как «экология» выглядит обезличенной. Такое объяснение с учетом значимости экологической проблематики в офлайн социально-политическом взаимодействии, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения сетевого пространства для выявления актуальных проблем социально-политического взаимодействия и их наполнения, проведения тематического моделирования с привлечением большего объема сетевых данных для более точного отражения текущей региональной ситуации.

Заключение

В социально-политическом региональном взаимодействии присутствие онлайн- и офлайн-форматов представлено диспозиционно и дистанционно (когда форматы разведены по своим информационно-пользовательским контурам). Эти различающиеся состояния могут исследоваться автономно, демонстрируя уникальные сочетания формируемых социальных связей и

политических интересов. Также возможно комплексное рассмотрение форматов социально-политического взаимодействия, которое вероятно способно показать более «длинные» связи и значения параметров организации взаимодействующих сторон.

Результаты сравнительного исследования показали присутствие пересечений экологической тематики в региональных полевых исследованиях и описания сетевых повесток, анализируемых при помощи инструментов data-mining. В частности отмечается рост негативных экологических оценок кузбассовцами по результатам опросов с 40% в 2017 г. до 52% в 2019 г. Снижение негативной оценки до 2023 г. мы связываем с переключением острой проблематики на пандемические, социально-политические и мобилизационные темы.

Использованием модели LDA позволило выделить 21 группу тем сообществ пользователей «ВКонтакте», где экологическая повестка рассредоточена в других крупных консолидированных темах, получая непосредственный отклик в токенах порядка: «двор», «снег», «город», «убирать», «гора», «асфальт», «вода», «мусор», «грязь», «убрать» и пр. Следовательно, экологическая повестка может служить точкой сборки латентной региональной проблематики с последующим переносом актуальности и мобилизационной активности на нечетко обозначенные темы. В частности, тема «благоустройство территорий» подсвечивает проблематику наведения порядка, систематической уборки, запроса жителей на комфорт, чистоту (вода, воздух) и озеленение (латентный экологический запрос) и используется в сочетаниях или наравне с оценкой условий и качества жизни.

Участники сетевой коммуникации, находящиеся за пределами официального новостного формата территорий, привносят в информационное поле региональной проблематики не только трансляцию или сопровождение повестки дня, но и показывают коммуникативное разнообразие пользовательских практик, интересов и даже инструментов коммуникации. Интернет-технологии в данном контексте понимаются триедино – как источник по предоставлению информации, коммуникационный медиум и проводник в виртуальные публичные арены.

Анализ региональной экологической повестки позволил обозначить два основных направления дальнейших исследований: 1) использовании цифровых технологий и инструментов для изучения быстрых (реактивных) онлайн-взаимодействий сетевых пользователей; 2) фокусировка на содержании коммуникации и деятельности акторов. Это актуализирует обозначение мобилизационных механизмов социально-политического взаимодействия онлайн и офлайн.

Список источников

1. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. Vol. 1. P. 238–266.
2. Гофман А.Б. О господстве идеи господства: «воля к власти» в современной социальной теории. Часть II // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 3–14. doi: 10.31857/S013216250025793-5
3. Попов Е.В., Кох И.А., Семячков К.А. Цифровизация социальной инфраструктуры в стратегии развития «умного города» // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3 (39). С. 96–114. doi: 10.19181/snsp.2022.10.3.9199

4. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. doi: 10.31857/S013216250024389-0
5. Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161–163. doi: 10.31857/S013216250017771-1
6. Башева О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат: социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41–57.
7. Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74–85. doi: 10.31857/S013216250005483-4
8. Рябченко Н.А., Гнедаш Н.А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений. 2016. URL: <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/4078/4078> (дата обращения: 29.10.2023).
9. Усачева О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35–42.
10. Усачева О.А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации // Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. (ред.). Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 264–280.
11. Ушкина С.Г. «Народ против»: протесты и протестующие в виртуальных социальных сетях. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2023. 100 с.
12. Филиппов И.Б. Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 249–268.
13. Головацкий Е.В., Кранзеева Е.А., Донова И.В., Бурмакина А.Л., Степанов И.Ю. Цифровые перспективы социальной и политической мобилизации региональных сетевых сообществ Кузбасса и Тюмени с использованием data-mining // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 30–40. doi: 10.31171/vlast.v31i4.9687
14. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 81–90. doi: 10.17223/15617793/464/10
15. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В., Бурмакина А.Л. Смыслы жизни в оценках и ожиданиях жителей региона (результаты фокус-групп в Кемеровской области) // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 58–67. doi: 10.31857/S013216250010093-5
16. Golovatsky E.V., Orlova A.V., Kranzeeva E.A., Burmakina A.L. Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology // International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018): Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Vol. 273. Saint-Petersburg: AtlantisPress, 2019. P. 8–13.
17. Яницкий О.Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ / Институт социологии РАН, Яницкий О.Н. // Официальный сайт ИС РАН – 2013. 258 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>
18. Уварова Г.Г. Политические аспекты обеспечения экологической безопасности регионов России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 1. С. 149–153.
19. Мартыненко Т.С. Загрязнение пластиком: социологические подходы к решению проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 65–73. doi: 10.17223/15617793/487/8
20. Зубанова Л.Б., Зыжовская Н.Л., Синевский С.Б., Шуб М.Л. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в «стресс-регионах» // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 132–140.
21. Яницкий О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 70–84.

References

1. Castells, M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*. 1. pp. 238–266.
2. Gofman, A.B. (2023) O gospodstve idei gospodstva: “volya k vlasti” v sovremennoy sotsial’noy teorii. Chast’ II [On the dominance of the idea of domination: “the will to power” in modern social theory. Part II]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5. pp. 3–14. doi: 10.31857/S013216250025793-5
3. Popov, E.V., Kokh, I.A. & Semyachkov, K.A. (2022) Tsifrovizatsiya sotsial’noy infrastruktury v strategii razvitiya “umnogo goroda” [Digitalization of social infrastructure in the development strategy of a “smart city”]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial’naya praktika*. 3–10 (39). pp. 96–114. doi: 10.19181/snsp.2022.10.3.9199
4. Ivanov, D.V. & Asochakov, Yu.V. (2023) Tsifrovizatsiya i kriticheskaya teoriya obshchestva [Digitalization and critical theory of society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 16–28. doi: 10.31857/S013216250024389-0
5. Grigor’eva, E.A. (2022) Tsifrovye neravenstva: prichiny, formy, posledstviya [Digital inequalities: causes, forms, consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 161–163. doi: 10.31857/S013216250017771-1
6. Basheva, O.A. (2020) Tsifrovoy aktivizm kak novyy metod grazhdanskoy mobilizatsii [Digital activism as a new method of civil mobilization]. *Nauchnyy rezul’tat: sotsiologiya i upravlenie*. 1 (6). pp. 41–57.
7. Gol’braykh, V.B. (2019) Ekologicheskie konflikty v Rossii i tsifrovoye setevoye uchastie [Environmental conflicts in Russia and digital network participation] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 74–85. doi: 10.31857/S013216250005483-4
8. Ryabchenko, N.A. & Gnedash, N.A. (2016) *Tsifrovoyaktivizm: novye media, grazhdanskie prilozheniya i tekhnologicheskie soobshchestva kak osnovaniya dlya sotsial’no-politicheskikh izmeneniy* [Digital Activism: New media, civic applications and technological communities as grounds for socio-political change]. [Online] Available from: <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/4078/4078> (Accessed: 29.10.2023).
9. Usacheva, O.A. (2012) Seti grazhdanskoy mobilizatsii [Networks of civil mobilization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 6. pp. 35–42.
10. Usacheva, O.A. (2013) Internet kak novaya ploshchadka dlya grazhdanskoy samoorganizatsii [Internet as a new platform for civil self-organization]. In: Verchenov, L.N., Efremenko, D.V. & Tishchenko, V.I. (eds) *Sotsial’nye seti i virtual’nye setevye soobshchestva* [Social Networks and Virtual Network Communities]. Moscow: INION RAN. pp. 264–280.
11. Ushkina, S.G. (2023) “Narod protiv”: protesty i protestuyushchie v virtual’nykh sotsial’nykh setyakh [“The People are Against”: Protests and protesters in virtual social networks]. Moscow: NITs INFRA-M.
12. Filippov, I.B. (2020) Kolichestvennye tekstovye kharakteristiki kak faktor uspehnosti prodvizheniya publikatsiy v ramkakh protestnoy kommunikatsii v sotsial’nykh setyakh [Quantitative text characteristics as a factor in the success of promoting publications within the framework of protest communication in social networks]. *Kontury global’nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 249–268.
13. Golovatskiy, E.V. et al. (2023) Tsifrovye perspektivy sotsial’noy i politicheskoy mobilizatsii regional’nykh setevykh soobshchestv Kuzbassa i Tyumeni s ispol’zovaniem data-mining [Digital prospects for social and political mobilization of regional network communities of Kuzbass and Tyumen using data-mining]. *Vlast’*. 4 (31). pp. 30–40. doi: 10.31171/vlast.v31i4.9687
14. Kranzeeva, E.A., Golovatskiy, E.V. & Orlova, A.V. (2021) Social and Political Interaction of Local Communities in the Region in the Context of Reactive Relations: Cases of Urban Space Improvement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 81–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/10
15. Kranzeeva, E.A. et al. (2020) Smysly zhizni v otsenkakh i ozhidaniyakh zhitel’ey regiona (rezul’taty fokus-grupp v Kemerovskoy oblasti) [Meanings of life in the assessments and expectations of residents of the region (results of focus groups in the Kemerovo region)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 58–67. doi: 10.31857/S013216250010093-5
16. Golovatsky, E.V. et al. (2019) [Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology]. *International Conference*

- Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Vol. 273. Saint Petersburg. 26–27 October 2018. Saint-Petersburg: AtlantisPress. pp. 8–13.
17. Yanitskiy, O.N. (2013) *Ekologicheskie katastrofy: strukturno-funktsional'nyy analiz* [Ecological Disasters: Structural and functional analysis]. Institute of Sociology RAS Official Website. [Online] Available from: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>
18. Uvarova, G.G. (2014) Politicheskie aspekty obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti regionov Rossii [Political aspects of ensuring environmental safety of Russian regions]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 1. pp. 149–153.
19. Martynenko, T.S. (2023) Plastic pollution: Sociological approaches to solving the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 65–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/8
20. Zubanova, L.B. et al. (2017) Ekologicheskaya kul'tura: effektivnost' formirovaniya i stsennarii vosproizvedeniya v "stress-regionakh" [Ecological culture: the effectiveness of formation and reproduction scenarios in "stress regions"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 132–140.
21. Yanitskiy, O.N. (1994) Al'ternativnaya sotsiologiya [Alternative sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1. pp. 70–84.

Информация об авторах:

Кранзеева Е.А. – д-р социол. наук, зав. кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Головацкий Е.В. – д-р социол. наук, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: xomaik@rambler.ru

Бурмакина А.Л. – канд. социол. наук, старший преподаватель кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: anna-sidjakina@rambler.ru

Донов И.В. – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента им. И.П. Поварича Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: idonova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Kranzeeva, Dr. Sci. (Sociology), head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

E.V. Golovatsky, Dr. Sci. (Sociology), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: xomaik@rambler.ru

A.L. Burmakina, Cand. Sci. (Sociology), senior lecturer, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: anna-sidjakina@rambler.ru

I.V. Donova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: idonova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 15.12.2023;
approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 372.881.111.22
doi: 10.17223/15617793/500/17

Принципы непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе

Елена Петровна Глумова¹, Майя Андреевна Морозова²

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, el.glumova2010@yandex.ru / glumova@lunn.ru

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, m.a.morozova@corp.nstu.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос организации непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в рамках обучения иностранному языку в вузе. В фокусе внимания – актуальные требования к набору компетенций будущего инженера и социально-психологические особенности обучающихся инженерных направлений подготовки. Формулируются и раскрываются принципы непрерывного обучения иностранному языку – системный, организационный, временной, возрастной, содержательный, уровневый, технологический и социально-психологический, которые необходимо учитывать при проектировании системы специальных заданий.

Ключевые слова: непрерывное обучение иностранному языку, немецкий язык, инженерные направления подготовки, аутентичные цифровые корпоративные ресурсы, технический вуз

Для цитирования: Глумова Е.П., Морозова М.А. Принципы непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 159–166. doi: 10.17223/15617793/500/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/17

Principles of continuous foreign language training for future engineers at the university

Elena P. Glumova¹, Mayya A. Morozova²

¹ Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, el.glumova2010@yandex.ru / glumova@lunn.ru

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, m.a.morozova@corp.nstu.ru

Abstract. The article discusses the issue of organizing continuous foreign language teaching of future engineers in higher education. The aim of the research is to consider the possibility of applying a non-linear approach to the organization of continuous foreign language learning for engineering students in higher education in terms of systemic, organizational, temporal and other aspects of continuous learning in relation to the Foreign Language discipline. The materials for the study were educational standards of higher education for engineering specialties, materials of engineering forums on the problem of engineering education modernization, regulatory and legal documents of the Advanced Engineering Schools project. The focus of attention is on the current requirements to the set of competencies of a future engineer concerning the development of supra-professional (flexible) skills, such as leadership and entrepreneurial skills; the ability to work in a team, present the results of work, interact in a team, etc.; research skills; skills and abilities required to perform tasks within the framework of interaction between universities and their industrial partners. The study formulates and reveals the principles of continuous foreign language teaching process of future engineers in a higher education institution – systemic, organizational, temporal, age-specific, content-specific, level-specific, technological, and socio-psychological. The principle of technological continuity consists in the development of a system of special tasks based on authentic digital corporate resources, a gradual increase in the number of authentic digital corporate resources used in the learning process, and a complication of tasks and types of learning activities developed on their basis. The principle of socio-psychological continuity of the foreign language learning process is important for the organization of the learning process, as it reflects the specificity of foreign language learning for future engineers and contributes to the successful development of supra-professional skills. The key role in the formulation of this principle is played by taking into account individual-psychological features of engineering students, such as aspiration for leadership, rational understanding of the surrounding reality, etc. These students are characterized by a higher level of general tension and a dominant level of non-verbal intelligence development compared to students of the humanities. Thus, the results of the study allow us to conclude that these principles should be taken into account when

designing a system of special tasks, developed on the basis of authentic digital corporate resources and the capabilities of digital technologies, and when developing an e-learning course in foreign language for future engineers at the bachelor's and master's levels in higher education.

Keywords: continuous learning of a foreign language, German, engineering areas of training, authentic digital corporate resources, technical university

For citation: Glumova, E.P. & Morozova, M.A. (2024) Principles of continuous foreign language training for future engineers at the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 159–166. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/17

В связи с трансформацией условий современного рынка и технологических нововведений в сфере производства обозначилась нехватка специалистов инженерной сферы. Дефицит современных инженерных кадров определил необходимость опережающей подготовки инженерных кадров, которая, по мнению экспертов, должна быть ориентирована на развитие компетенций специалиста высокого класса, способного «совмещать знания из разных инженерных областей», обладающего «наряду с сугубо профессиональными знаниями так называемыми мягкими навыками» [1]. В научно-методической литературе данные навыки обозначены как надпрофессиональные компетенции.

Степень потребности в трансформации инженерного образования находит отражение в различных политических решениях – программах, проектах, нормативных документах. Определяющими вектор трансформации, в том числе инженерного образования, являются, прежде всего, государственная программа поддержки университетов «Приоритет 2030» [2] и федеральный проект «Передовые инженерные школы» (ПИШ) [3], целью которого является обеспечение высокопроизводительных, экспортно ориентированных секторов экономики страны высококвалифицированными инженерными кадрами [3].

В контексте смещения приоритета государственной образовательной политики на развитие инженерного образования, направленного на подготовку квалифицированных инженерных кадров для высокотехнологичных отраслей промышленности, особую значимость приобретает необходимость организации непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе. Число исследований, посвященных как концепции непрерывного образования в целом (С.Я. Батышев, А.М. Новиков, О.В. Любимова, А.К. Орешкина и др.) [4–6], так и вопросам непрерывного иноязычного образования, в том числе будущих инженеров, в частности (Е.П. Глумова, О.Л. Добрынина, С.В. Санникова, О.Л. Соколова и др.) [7–9], с каждым годом увеличивается.

Анализ актуальных исследований, материалов конференций и форумов [10–13], посвященных востребованным в настоящее время компетенциям студентов инженерных направлений подготовки российских вузов, позволил выделить следующие требования к современному инженеру:

- развитие надпрофессиональных (гибких) навыков, необходимых инженерам «для решения симбиозных задач» [10] (готовность к лидерству и работе в команде, навыки межличностного общения), которые необходимы для эффективной работы в рамках партнерства с высокотехнологичными отечественными и

- зарубежными компаниями и структурами из разных отраслей экономики;

- развитие исследовательских навыков, касающихся способности анализа и синтеза данных, имеющих по изучаемой проблеме исследований для получения разумных выводов, представления полученного опыта, результата, подведения итогов и формулирования выводов в соответствующей стили, лаконичной и понятной словесной форме;

- развитие навыков и умений, необходимых для выполнения научно-технических задач индустриального партнера, для прохождения практик с наставниками в ведущих высокотехнологичных компаниях.

Специфика дисциплины «Иностранный язык» заключается в том, что она ориентирована на развитие коммуникативных умений и создает «фундамент» для развития таких важных для будущих инженеров навыков и умений, которые позволят успешно работать в команде, интегрироваться в профессиональную среду в рамках прохождения практики в компаниях и реализации совместных с индустриальными партнерами вуза проектов. В этом плане дисциплина «Иностранный язык» обладает огромным потенциалом для развития вышеперечисленных компетенций. При этом организация непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров могла бы обеспечить большую результативность в подготовке инженерных кадров, которые смогут «чувствовать себя уверенно и комфортно в современных мультидисциплинарных и мультикультурных отраслях» [14].

Следует отметить, что развитие надпрофессиональных (гибких) навыков требует значительно большего времени по сравнению с профессиональными навыками и умениями, связанными с соответствующей предметной областью обучающихся. Именно поэтому крайне важна организация непрерывного иноязычного образования будущих инженеров. К сожалению, в настоящее время процесс обучения иностранному языку студентов инженерных направлений подготовки в вузе не является непрерывным, поскольку имеет место двухгодичный перерыв в изучении иностранного языка между бакалавриатом и магистратурой (иностранному языку изучается только на первом и втором курсе бакалавриата).

При этом, несмотря на увеличение числа исследований и достаточную проработанность ряда значимых аспектов, в отечественной науке до сих пор не создана целостная система непрерывного образования, что подтверждается отсутствием единого терминологического аппарата. Непрерывное образование зачастую рассматривается как организация преемственности

между этапами образования за счет организации дополнительного образования [9. С. 54–55] или уровневой системы и модульного обучения [8. С. 386–388], что характеризуется линейным подходом к рассмотрению специфики непрерывного образования. Нелинейный подход к пониманию организации непрерывного образования, на наш взгляд, наиболее полно и всесторонне отражен в концепции непрерывного образования, предложенной А.А. Остапенко. Данная концепция включает следующие аспекты непрерывности – системный, временной, организационный, содержательный, возрастной и уровневый [15. С. 10].

В рамках настоящего исследования предложены принципы организации непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе, базирующиеся на концепции А.А. Остапенко и учитывающие специфику обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе. Концепция непрерывного образования, предлагаемая А.А. Остапенко, была проанализирована с точки зрения особенностей организации непрерывного обучения иностранному языку обучающихся инженерных направлений подготовки и дополнена *принципом технологической и социально-психологической непрерывности процесса обучения иностранному языку*.

Далее более подробно представлены возможности реализации сформулированных в рамках данного исследования принципов применительно к особенностям организации обучения иностранному языку обучающихся инженерных направлений подготовки и специфике дисциплины «Иностранный язык» в вузе:

1. Организационная непрерывность и целостность процесса обучения иностранному языку.

Опираясь на точку зрения А.А. Остапенко, что организационную непрерывность «можно обеспечить путем сочетания (чередования, взаимоперехода)... обучения, взаимообучения и самообучения», а также посредством «сочетания контроля и самоконтроля, оценки и самооценки результатов обучения» [15. С. 19], наиболее оптимальной возможностью, позволяющей реализовывать все перечисленные выше виды обучения, является электронный учебный курс, реализуемый в формате смешанного обучения. Интеграция электронного учебного курса, с одной стороны, в информационно-образовательную среду вуза, а с другой – в вузовский курс иностранного языка (дисциплину) позволит успешно реализовывать смену ролей преподавателя (педагогическое воздействие – педагогическое взаимодействие – педагогическая поддержка) в направлении «уменьшения роли внешнего педагогического процесса при одновременном возрастании роли внутреннего» [15. С. 16]. Данное условие, согласно концепции непрерывного образования, предложенной А.А. Остапенко, является важным для обеспечения организационной непрерывности обучения, в том числе иностранному языку. Идея организационной непрерывности заключается в пропорциональном усилении индивидуализации обучающихся как проявления внутреннего педагогического процесса, относительно социализации – как проявления внешнего педагогического процесса [15. С. 16]. Таким образом,

можно заключить, что обучающиеся также испытывают потребность в смене ролей. Таким образом, реализуемая в рамках обучения иностранному языку в вузе и интегрированная в электронный учебный курс система заданий должна включать такие задания, которые будут способствовать проявлению саморазвития и самореализации студентов инженерных направлений подготовки. Данные виды работы должны предусматривать трансфер приобретенных навыков и умений, предполагающий независимую экспертную оценку результатов, которая будет способствовать как индивидуализации, так и социализации обучающихся. В качестве примера могут быть приведены такие виды работы, как участие во внутривузовских и межвузовских проектах и мероприятиях. Так, участие в проектной деятельности обучающиеся могут выступать в роли куратора, консультанта и т.д., а в процессе организации конференции и (или) участия в ней – в роли организатора и (или) исследователя. При этом задания будут отличаться большим разнообразием, например, разработка веб-сайта мероприятия и контента для данного ресурса, определение тематики секций, оформление буклета, программы конференции и прочие материалы, а также подготовка текстов научных статей, докладов с презентацией, стендовых докладов, модерирование пленарного и секционного заседаний, организация мастер-классов.

2. Временная непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Согласно точке зрения А.А. Остапенко, временная непрерывность связана с фазами «чередующихся устойчивых и неустойчивых состояний педагогической системы» [15. С. 22]. Таким образом, образовательный процесс в рамках того или иного отрезка времени (учебное занятие – семестр – учебный год или тема (подтема) / модуль (подмодуль) – учебный блок – учебный курс) состоит из цепочки фаз неустойчивого (момент достижения цели и, соответственно, выбор новой цели) и устойчивого (деятельность по достижению цели) состояний педагогической системы [15. С. 22]. Исходя из этого, для обеспечения временной непрерывности и исключения прерывности процесса обучения иностранному языку, новую цель нужно определять «непосредственно за моментом достижения прежней цели» [15. С. 23]. Это означает, что обсуждение новой цели вместе с обучающимися должно быть запланировано на устойчивую фазу конца определенного учебного отрезка времени или образовательного периода (термин А.А. Остапенко) [15. С. 27]. Таким образом, следуя логике понимания автором этого аспекта непрерывного образования, обучающиеся до перерыва, за которым последует продолжение процесса обучения (например, следующее занятие, следующий семестр или учебный год), должны сформулировать вместе с преподавателем цель и задачи для следующего учебного отрезка времени.

Исходя из специфики обучения иностранному языку будущих инженеров, определение цели и задач для отдаленных во времени образовательных периодов особенно актуально для организации непрерывного иноязычного образования будущих инженеров в связи

с имеющимся перерывом в обучении иностранному языку между бакалавриатом и магистратурой.

Соответственно, чем длиннее перерыв между образовательными периодами, тем более детально должно происходить целеполагание, чтобы максимально, насколько это возможно, усилить состояние «озадаченности» (мотивации) обучающихся для последующего учебного периода [15. С. 28]. Поскольку период перерыва в освоении иностранного языка довольно продолжительный, а приоритеты обучающихся инженерных направлений подготовки смещаются к профильным дисциплинам, то достаточно сложно мотивировать студентов на изучение иностранного языка в период перерыва без дополнительных мер по оказанию поддержки этой мотивации. В данном случае поддержка мотивации к продолжению совершенствования языковых навыков может найти отражение в организации интегрированных с соответствующей предметной областью обучающихся языковых курсов, проектной деятельности, различных международных мероприятиях, программах ДПО и пр.

Кроме того, исходный уровень языка и мотивации к его изучению, как правило, у обучающихся инженерных направлений подготовки очень разный, и требуются дополнительные меры по выравниванию языкового уровня в первом семестре бакалавриата и магистратуры, что позволит устранить или «смягчить» эти явления и перейти к следующему этапу обучения иностранному языку в рамках университетской программы. В научно-методической литературе последних лет уже имеются исследования, посвященные данному вопросу, к практическому результату которых относится организация курсов выравнивания или подгонки. При этом все же следует отметить, что реализация подобных курсов нуждается в корректировке учебных планов и образовательных программ.

3. Системная непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Системная непрерывность образовательного процесса, согласно А.А. Остапенко, заключается в учете «взаимного влияния явных и скрытых неявных факторов содержания образования» [15. С. 32]. При этом последние являются неким фоновым контекстом или скрытой реальностью (термин А.А. Остапенко). Например, фоновый контекст деятельности педагогической системы включает набор факторов, относящихся к микро- и макросоциальному уровню, каждый из которых «может либо способствовать, либо не способствовать успешности деятельности всей образовательной системы» [15. С. 31] и которые нельзя игнорировать.

Организация учебного процесса в рамках дисциплины «Иностранный язык», таким образом, должна, с одной стороны, учитывать взаимосвязь вуза с общественными и государственными структурами, ожидания общества относительно инженерного образования, отношение к вузу и пр. (микроуровень), а с другой – политический, исторический, культурный контекст, уровень международных отношений и пр. (макроуровень). Поиск «точек включения» процесса обучения иностранному языку в эти фоновые контексты будет

способствовать более эффективной включенности обучающихся в изучение иностранного языка.

Такая организация учебного процесса подразумевает особый вид заданий или деятельности, позволяющий студентам «включиться» в фоновый контекст, значимый для страны, вуза, факультета, кафедры. При этом вектор направленности относительно пользы и значимости таких заданий и видов работы направлен как на самих обучающихся, так и на их внешнее окружение. Проектная деятельность в данном случае способствует повышению уровня мотивации к изучению иностранного языка и включенности в социально и профессионально значимые для обучающегося контексты.

4. Уровневая непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Под уровневой непрерывностью понимается антиномия доступности и высокого уровня трудности [15. С. 33]. Исходя из этого, процесс обучения должен «вестись в режиме пульсации... между доступностью и высоким уровнем трудности» [15. С. 33], располагаясь ближе к зоне актуального развития или дальше от нее в соответствии со степенью сложности задания [15. С. 34].

Таким образом, оптимальным решением может быть включение в процесс обучения иностранному языку заданий комбинированного типа, позволяющих в зависимости от языкового уровня и предпочтений обучающихся выполнять работу как в индивидуальном режиме, так и в парах, группах и микрогруппах. Большим потенциалом обладают задания, разработанные на основе аутентичных цифровых материалов компаний и организаций по направлению подготовки обучающихся, которые позволят не только эффективно комбинировать различные формы организации обучения, но и реализовывать такие сложноорганизованные виды индивидуальной и коллективной деятельности, как проектная, творческая, исследовательская. Данные виды работы являются значимыми для формирования компетенций обучающихся в рамках кластера «вуз – индустриальный партнер», развитие которых делает их «конкурентоспособными в соответствующих сегментах инженерного труда» [10].

5. Возрастная непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Исходя из положения о том, что «каждой ступени научного образования соответствует не только свой возраст, но и своя модель технологии концентрированного обучения» [15. С. 44], можно сделать вывод о том, что при проектировании курса обучения иностранному языку в вузе следует учитывать *интердифферентный* принцип, объединяющий интеграцию и дифференциацию образования» [15. С. 39]. Применительно к курсу обучения иностранному языку образовательный трек в рамках бакалавриата и магистратуры воспринимается как целостный и относительно законченный этап как в отношении обучения в бакалавриате, так и в магистратуре, а также ко всему процессу обучения иностранному языку в вузе, включая перерыв в изучении иностранного языка между бакалавриатом и магистратурой.

Исходя из того, что конкретному возрастному этапу обучающихся соответствует определенный курс обучения, т.е. курсы обучения находятся в тесной взаимосвязи с возрастными этапами, возрастная непрерывность может обеспечиваться сочетанием (взаимодополнением) процессов, характеризующихся оптимальным сочетанием подходов и методов, принципов, форм, инструментов и т.д., релевантных, т.е. поддерживающих требуемый уровень эффективности, относительно конкретного возрастного этапа. Что касается «концентрированного обучения» [15. С. 43] как «технологической основы непрерывного образовательного процесса» [15. С. 43], следует отметить, что организация обучения должна быть направлена на усвоение учащимися большего количества учебной информации без увеличения учебного времени за счет большей ее систематизации (обобщения, структурирования) и иного (отличного от традиционного) временного режима занятий» [15. С. 44]. Данный аспект является особенно актуальным для обеспечения непрерывности иноязычного образования, поскольку позволяет оптимизировать учебный процесс в условиях сокращающейся аудиторной нагрузки. Чередуясь, концентрированное и распределенное обучение обеспечивает большую результативность при условии применения в соответствии с целями и спецификой конкретной учебной единицы и отводимого на ее освоение временного отрезка. Согласно данной точке зрения, фаза интеграции соответствует начальным курсам высшей школы (для уровня бакалавриата), а на заключительных курсах имеет место дифференциация, т.е. детализация системных основ курсов в рамках узкой специализации [15. С. 45].

При этом курс иностранного языка на старших курсах бакалавриата, как указывалось ранее, отсутствует. В данных условиях завершение курса обучения иностранному языку находится в фазе дифференциации и должно учитывать «фоновую» включенность в текущую фазу интеграции при освоении общекультурных, общеобразовательных курсов и курсов введения в специальность. Кроме того, предшествующая завершению курса иностранного языка в вузе постановка цели должна быть обеспечена проектной деятельностью, мероприятиями вуза, курсами ДПО и прочим и заранее согласована с целями и потребностями обучающихся.

6. Содержательная непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Содержательная непрерывность, согласно концепции А.А. Остапенко, предполагает три этапа – кодирование учебной информации, укрупнение закодированного материала и структурирование укрупненного материала [15. С. 49–53]. Данный способ представления учебной информации соответствует специфике дисциплины «Иностранный язык», поскольку кодирование учебной информации играет важную роль на любом этапе и уровне освоения иностранного языка.

Руководствуясь специфичностью процесса усвоения иностранного языка в вузе, нельзя при этом не упомянуть, что содержательная непрерывность в данном

пункте является, безусловно, незаменимой, но не может быть полностью обеспечена применением предлагаемых автором [15. С. 54] разновидностей опор (фреймы, блок-схемы, таблично-матричная структура, синтетический опорный конспект).

При освоении иностранного языка большую роль играют как невербальные, так и вербальные опоры (целые фразы или фрагменты фраз, ключевые слова, словосочетания), а также смешанный вид опор, где присутствуют вербальные и невербальные компоненты. Преследуя цель обеспечения содержательной непрерывности процесса обучения иностранному языку, важно, на наш взгляд, дополнить идею кодирования учебной информации использованием иерархичной структуры используемых опор в плане полноты и развернутости, в зависимости от частоты повторения похожих заданий и языкового уровня студентов. Такими опорами могут служить ментальные карты (mindmap), сюжетные/событийные (с символами событий) и не связанные с сюжетом/событием пиктограммы (иконки), используемые в виде серии или единичные, образцы, шаблоны, примеры, инфографика, диаграммы. При этом важно не только предъявлять обучающимся готовые опоры, но и предлагать в определенных видах заданий создавать опоры самостоятельно.

Кроме того, учитывая специфичность программных тем профессионально ориентированного курса иностранного языка в вузе, важно соблюдать принцип постепенного увеличения объема лексических единиц, «дозированного» их введения при предъявлении подлежащего изучению содержания, по принципу минимум троекратной повторяемости (употребления и встречаемости в контексте) и принципу «расширяющегося контекста» (слово – словосочетание – предложение – текст). Большое значение в изучении профессионально ориентированного иностранного языка имеет спиралеобразный способ изучения учебного материала, предусматривающий предварительную работу по отбору и структурированию специальной лексики, релевантной для конкретного направления подготовки (базовая специальная лексика – специальная лексика уровня введения в специальность – узкоспециальная лексика).

7. Технологическая непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Принцип технологической непрерывности предполагает использование в процессе обучения иностранному языку цифровых технологий и цифровых ресурсов (официальных веб-сайтов и социальных сетей компаний, организаций и мероприятий), нацеленное на эффективное развитие иноязычной коммуникативной компетенции [16. С. 187] в профессиональной сфере обучающихся инженерных направлений подготовки. Данный принцип предусматривает оптимальное и оправданное распределение цифровых ресурсов на протяжении всего курса обучения иностранному языку в вузе (бакалавриат и магистратура). Интеграция цифровых технологий и ресурсов может быть реализована посредством разработанной на основе аутентичных цифровых корпоративных ресурсов (АЦКР) системы

специальных заданий [7. С. 208]. Технологическая непрерывность в данном случае будет обеспечиваться постепенным расширением перечня включаемых в процесс обучения АЦКР и усложнением разработанных на их основе заданий и видов учебной деятельности, в соответствии с уровнем языка и социально-психологической характеристикой обучающихся, их потребностями и уровнем мотивации.

8. Социально-психологическая непрерывность процесса обучения иностранному языку.

Данный принцип непрерывности обучения будущих инженеров касается индивидуально-психологических особенностей обучающихся инженерных направлений подготовки, проявляющихся в незначительной потребности в социальных контактах и в социально активных формах поведения, замкнутости и социальной пассивности [17. С. 15]. Данные особенности в значительной степени влияют как на развитие коммуникативных умений, которые являются неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности будущих специалистов в целом, так и на процесс освоения иностранного языка в частности, поскольку для дисциплины «Иностранный язык» данные умения являются ключевыми. Согласно результатам ряда исследований, посвященных вопросу изучения индивидуально-личностных характеристик, для студентов технических специальностей характерны «отгороженность от людей, желание взаимодействовать с неживыми предметами, ощущение самодостаточности и стремление к рациональному пониманию окружающей действительности» [18]. Кроме того, у обучающихся технического профиля обнаруживается более высокий показатель общей напряженности, который в меньшей степени присутствует у студентов гуманитарных специальностей [17. С. 17], более выражено проявляются лидерские качества, склонность действовать планомерно и упорядоченно, формировать собственное мнение, независимое от общепринятого, и пр. Также характерным для обучающихся технического профиля является более развитый, чем у студентов гуманитарных специальностей, невербальный интеллект [17. С. 15, 21], характеризующийся умением оперировать пространственными образами, строить пространственные схемы, а также способностью переводить объемное изображение в плоское [19. С. 41]. Кроме этого, с формированием технического интеллекта оказались тесно связаны логические операции,

например, способность определить категорию, к которой относится понятие, класс объекта, умение выделить существенный признак предмета [19. С. 41].

Обеспечение непрерывности обучения иностранному языку в данном контексте тесно взаимосвязано с тем, что «в процессе обучения у студентов на различных его этапах формируется потенциал к развитию индивидуально-психологических особенностей» [18]. Исходя из этого, при организации обучения иностранному языку в вузе важно учитывать два важных момента, касающихся, во-первых, разработки системы специальных заданий, обязательного включения форм и видов учебной работы, учитывающих и опирающихся на перечисленные выше особенности обучающихся инженерных направлений подготовки; во-вторых, последующего постепенного увеличения заданий, форм и видов работы на протяжении курса иностранного языка, направленных на совершенствование менее развитых, но необходимых для будущей профессиональной деятельности качеств, таких как гибкость, социальная направленность, чувствительность, эмпатичность, воображение, а также направленных на развитие вербального интеллекта.

Таким образом, можно заключить, что концепция непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров должна рассматриваться в контексте нелинейного подхода и учитывать системный, организационный, временной, возрастной, содержательный, уровневый, технологический и социально-психологический аспекты. При этом в поле зрения преподавателей, разрабатывающих систему заданий и (или) проектирующих курс обучения иностранному языку для обучающихся инженерных направлений подготовки, с одной стороны, должны находиться актуальные требования к набору компетенций будущего инженера, которые должны определяться ориентирами и целями государства и общества на текущий момент, а с другой – должны учитываться социально-психологические характеристики обучающихся инженерных направлений подготовки.

В контексте полипарадигмального подхода сформулированные авторами исследования принципы адекватно и разносторонне отражают специфику организации непрерывного обучения иностранному языку будущих инженеров в вузе. При этом данные принципы не противоречат друг другу, а представляют собой комплексное «видение» проблемы организации непрерывного обучения иностранному языку в вузе, способствуют более полному ее представлению.

Список источников

1. Трансформация элитного инженерного образования: в рамках форума «ТЕХНОПРОМ-2022» // Передовые инженерные школы. URL: <https://pish.spbstu.ru/news/8220> (дата обращения: 02.12.2023).
2. Приоритет 2030 – Государственная программа поддержки // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://priority2030.ru/analytics> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Передовые инженерные школы // Минобрнауки России. URL: <https://engineers2030.ru/about/> (дата обращения: 25.11.2023).
4. Профессиональная педагогика : учебник / под ред. Батышева С.Я., Новикова А.М. 3-е изд. М : Ассоциация «Профессиональное образование», 2010. 456 с.
5. Любимова О.В. Концептуальные основания проектирования педагогических норм в системе непрерывного профессионального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ижевск, 2012. 42 с.
6. Орешкина А.К. Методологические основы преемственности образовательного процесса в системе непрерывного образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 45 с.

7. Глумова Е.П., Морозова М.А. Организация непрерывного иноязычного образования студентов технического вуза на основе электронного учебного курса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 206–225. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-206-225
8. Добрынина О.Л., Соколова О.Л. Концепция непрерывного иноязычного образования в языковом вузе // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 23. С. 386–390.
9. Санникова С.В. Непрерывное языковое образование: социокультурное измерение // Иноязычное образование в поликультурной среде. Материалы и доклады научно-практической конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка (NATE 2018) Самара, 18-20 апреля 2018 г. С. 53–60.
10. Новое инженерное образование России // Информационно-аналитический журнал «Аккредитация в образовании». URL: <https://akvobr.ru/new/publications/426> (дата обращения: 25.11.2023).
11. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
12. Погребная И.А., Михайлова С.В. Обоснование и апробация технологии проектирования компетентностного профиля современного специалиста технических направлений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 226–232. doi: 10.17223/15617793/479/23
13. Обдалова О.А., Краснопева Т.О. Формирование коммуникативной компетенции студентов неязыковых направлений при моделировании ситуаций для передачи прямой аутентичной речи // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 192–202. doi: 10.17223/15617793/461/23
14. Ayscue O. 5 Trainable Soft Skills for Engineers // GlobalPartnersTraining. URL: <https://globalpartnerstraining.com/soft-skills-for-engineers/> (дата обращения: 27.11.2023).
15. Остапенко А.А. Непрерывность образования: Теоретические основы концепции развития системы непрерывного образования Кубани. Краснодар: Кубанский учебник, 2001. 60 с.
16. Глумова Е.П., Панченко Ю.Ю. Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей как средство развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи студентов бакалавриата // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 182–191. doi: 10.17223/15617793/482/19
17. Гордиенко Н.Н. Психофизиологические признаки системы отношений студентов, осваивающих технические и гуманитарные специальности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 23 с.
18. Волженцева И.В. Интегральный сравнительный анализ личностных характеристик студентов гуманитарных и технических специальностей // Проблемы сучасної педагогічної освіти. Сер.: Педагогіка і психологія: Ялта: РВВ КГУ, 2011. Вып. 33, ч. 2. С. 169–177.
19. Тутушкина М.К. Практическая психология. СПб.: Бизнес-Пресса, 2009. 368 с.

References

1. *Peredovye inzhenernye shkoly [Advanced engineering schools]. (n.d.) Transformatsiya elitnogo inzhenernogo obrazovaniya: v ramkakh foruma "TEKhNOPROM-2022"* [Transformation of elite engineering education: within the framework of the TECHNOPROM-2022 forum]. [Online] Available from: <https://pish.spbstu.ru/news/8220> (Accessed: 02.12.2023).
2. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Prioritet 2030 – Gosudarstvennaya programma podderzhki* [Priority 2030 – State support program]. [Online] Available from: <https://priority2030.ru/analytics> (Accessed: 01.12.2023).
3. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Peredovye inzhenernye shkoly* [Advanced engineering schools]. [Online] Available from: <https://engineers2030.ru/about/> (Accessed: 25.11.2023).
4. Batysheva, S.Ya. & Novikova, A.M. (eds) (2010) *Professional'naya pedagogika* [Professional Pedagogy]. 3rd ed. Moscow: Assotsiatsiya "Professional'noe obrazovanie".
5. Lyubimova, O.V. (2012) *Kontseptual'nye osnovaniya proektirovaniya pedagogicheskikh norm v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya* [Conceptual foundations for the design of pedagogical standards in the system of continuous professional education]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Izhevsk.
6. Oreshkina, A.K. (2009) *Metodologicheskie osnovy preemstvennosti obrazovatel'nogo protsessa v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Methodological foundations of continuity of the educational process in the system of continuous education]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
7. Glumova, E.P. & Morozova, M.A. (2023) Organizatsiya nepreryvnogo inoyazychnogo obrazovaniya studentov tekhnicheskogo vuza na osnove elektronnoy uchebnogo kursa [Organization of continuous foreign language education for students of a technical university based on an electronic training course]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 2 (62). pp. 206–225. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-206-225
8. Dobrynya, O.L. & Sokolova, O.L. (2011) Kontseptsiya nepreryvnogo inoyazychnogo obrazovaniya v neyazykovom vuze [The concept of continuous foreign language education in a non-linguistic university]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 23. pp. 386–390.
9. Sannikova, S.V. (2018) [Continuous language education: sociocultural dimension]. *Inoyazychnoe obrazovanie v polikul'turnoy srede* [Foreign Language Education in a Multicultural Environment]. Proceedings of NATE 2018 Conference. Samara. 18–20 April 2018. Samara: Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. pp. 53–60. (In Russian).
10. Batanov, A. (2022) Novoe inzhenernoe obrazovanie Rossii [New engineering education in Russia]. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 25 October. [Online] Available from: <https://akvobr.ru/new/publications/426> (Accessed: 25.11.2023).
11. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) System-forming results of integrative formats of collaboration in foreign-language training of engineering and technical majors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 37–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/4
12. Pogrebnya, I.A. & Mikhaylova, S.V. (2022) Substantiation and approbation of the technology for designing the competence profile of a modern specialist in technical areas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 226–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/23
13. Obdalova, O.A. & Krasnopeva, T.O. (2020) Developing Communicative Competence of Non-Linguistic Students Through Modelling Authentic Situations 192 of Indirect Reporting. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 192–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/23
14. Ayscue, O. (n.d.) 5 Trainable Soft Skills for Engineers. *GlobalPartnersTraining*. [Online] Available from: <https://globalpartnerstraining.com/soft-skills-for-engineers/> (Accessed: 27.11.2023).
15. Ostapenko, A.A. (2001) *Nepreryvnost' obrazovaniya: Teoreticheskie osnovy kontseptsii razvitiya sistemy nepreryvnogo obrazovaniya Kubani* [Continuity of Education: Theoretical foundations of the concept of development of the system of continuous education in Kuban]. Krasnodar: Kubanskiy uchebnik.

16. Glumova, E.P. & Panchenko, Yu.Yu. (2022) Communicative and connective integration of social networking sites as a tool for development of undergraduate students' written conversational skills in a foreign language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 182–191. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/19
17. Gordienko, N.N. (2007) *Psikhofiziologicheskie priznaki sistemy otnosheniy studentov, osvaivayushchikh tekhnicheskie i gumanitarnye spetsial'nosti* [Psychophysiological signs of the system of relations among students mastering technical and humanitarian specialties]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Saint Petersburg.
18. Volzhentseva, I.V. (2011) Integral'nyy sravnitel'nyy analiz lichnostnykh kharakteristik studentov gumanitarnykh i tekhnicheskikh spetsial'nostey [Integral comparative analysis of personal characteristics of students of humanities and technical specialties]. *Problemi suchasnoi pedagogichnoi osviti. Ser.: Pedagogika i psikhologiya*. 33. Part 2. pp. 169–177.
19. Tutushkina, M.K. (2009) *Prakticheskaya psikhologiya* [Practical Psychology]. Saint Petersburg: Biznes-Pressa.

Информация об авторах:

Глумова Е.П. – канд. пед. наук, начальник научно-исследовательской лаборатории инновационной лингводидактики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: el.glumova2010@yandex.ru / glumova@lunn.ru

Морозова М.А. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: m.a.morozova@corp.nstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Glumova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Research Laboratory of Innovative Linguodidactics, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: el.glumova2010@yandex.ru / glumova@lunn.ru

M.A. Morozova, senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: m.a.morozova@corp.nstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 10.01.2024;
approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 37.02
doi: 10.17223/15617793/500/18

Феномен «московского олимпиадного чуда»: благо или зло для отечественного образования?

Пётр Игоревич Касаткин¹, Артем Петрович Гулов²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹ pkas@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1361-6747

² gulov@tea4er.org, ORCID: 0000-0001-7192-5316

Аннотация. Выявлены риски популяризации олимпиадного движения без обеспечения должного внимания к системе поддержки одаренной и талантливой молодежи, в среде которой следует выделить нарастающую тенденцию смены региона проживания и обучения школьников ради доступа к качественной олимпиадной подготовке. Предложены меры, способствующие развитию олимпиадного движения в стране.

Ключевые слова: предметные олимпиады, интеллектуальные состязания, развитие одаренности, олимпиадное движение, «олимпиадный туризм»

Источник финансирования: публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

Для цитирования: Касаткин П.И., Гулов А.П. Феномен «московского олимпиадного чуда»: благо или зло для отечественного образования? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 167–176. doi: 10.17223/15617793/500/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/18

The phenomenon of the “Moscow Olympiad miracle”: Good or evil for domestic education?

Pyotr I. Kasatkin¹, Artyom P. Gulov²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation

¹ pkas@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1361-6747

² gulov@tea4er.org, ORCID: 0000-0001-7192-5316

Abstract. The system of Olympiads and creative competitions that has developed in Russia permeates the educational activities of all subjects of the federation, while its core is the All-Russian Olympiad of schoolchildren, held under the patronage of the Ministry of Education of the Russian Federation. At various regional sites, local centers of additional education are created; large sums are invested in modern equipment for schools with Olympiad classes; special educational programs are created at the school–university junction. The Olympiad movement attracts scientific and methodological resources to prepare for creative competitions throughout the country in Russia, while a pronounced rivalry in the ranking of leading regions in the struggle for primacy does not arise due to the unprecedented success of Moscow’s schoolchildren. The statistics of the results of the last decade clearly show the leading role of Moscow Oblast in the Olympiad ranking – both in absolute quantitative indicators and in the stability of performances in many subjects, the capital’s schoolchildren show successful dynamics, which causes the problem of research – comparing the educational achievements of various regions in the field of training for intellectual competitions. However, the leadership of this region gives rise to certain negative consequences for the entire domestic education, and the aim of the study is to reveal such aspects of preparation for intellectual competitions in Moscow. In the study, we rely on the principles of systemic and active approaches, based on the cultural theory of the content of education as the main theoretical framework. The research methods used are both theoretical (analysis of scientific literature on the topic, content analysis of the statistical data set of the Ministry of Education, induction, deduction, categorization) and empirical (interviewing, conversation, survey). As a result of the study, the risks of popularizing the Olympiad movement were identified, among which the growing tendency to change the region of residence and teach schoolchildren in order to access high-quality Olympiad training should be highlighted. Our survey of high school students shows readiness for “Olympiad tourism” for the sake of affiliation with more successful teams. We have proposed certain measures that will turn the tide of “leakage” of talented schoolchildren to Moscow’s educational institutions, which in general will be able to favorably affect the development of the Olympiad movement in the country.

Keywords: subject olympiads, intellectual competitions, development of giftedness, Olympiad movement, Olympiad tourism

Financial support: The publication was supported by MGIMO University “Priority-2030” programme.

For citation: Kasatkin, P.I. & Gulov, A.P. (2024) The phenomenon of the “Moscow Olympiad miracle”: Good or evil for domestic education? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 167–176. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/18

Введение

Сложившаяся в России система олимпиад и творческих конкурсов пронизывает образовательную деятельность всех субъектов федерации, при этом ее ядром выступает всероссийская олимпиада школьников, проводимая под патронажем Министерства просвещения РФ, и которая «остаётся интегральным компонентом в системе российского образования, выполняющим функции отбора представителей талантливейшей молодежи и самореализации учащихся средней и старшей школы» [1. С. 60].

Интерес современного образования к реализации интеллектуальных состязаний обостряет и актуализирует конкуренцию между регионами за право лидировать в этой области. На различных региональных площадках создаются локальные центры дополнительного образования, инвестируются крупные суммы в современное оборудование для школ с олимпиадными классами, создаются специальные образовательные программы на стыке школа–университет. Статистика результатов последнего десятилетия ясно показывает лидирующую роль московского региона в олимпиадном рейтинге: как в абсолютных количественных показателях, так и в стабильности выступлений по многим предметам столичные школьники показывают успешную динамику, что обуславливает проблему исследования – сопоставление образовательных достижений различных регионов в сфере реализации подготовки к интеллектуальным состязаниям. В среднем москвичи завоевывают около 50% дипломов от общего количества ежегодно. Безусловно, для столичного региона, чья агломерация на данный момент фактически составляет около 20 миллионов человек (с учетом представителей Московской области, которые работают или учатся в Москве), данный результат выглядит соразмерным совместным усилиям администрации города, многочисленных вузов и школ. Тем не менее результативный отрыв московских сборных от других регионов с каждым годом выглядит все более значимым, что вызывает определенные вопросы: в чем причины эффективности? Где отстают другие регионы? Кто бенефициар? Разумеется, у любого положительного эффекта есть и другая сторона медали, и в данном исследовании предпринята попытка проанализировать причины успеха олимпиадной экосистемы в столице и вместе с тем вскрыть негативные тенденции развития олимпиадного движения. Таким образом, цель нашего исследования – выявить негативные аспекты реализации практик интеллектуальных состязаний в городе Москва для отечественного образования. Трудно отрицать, что в академических соревнованиях действует «закон сообщающихся сосудов» – если столичные школьники завоевывают дипломы, значит, подростки из других регионов лишаются такой возможности соци-

ального лифта. Статистика побед является открытой, и социальная реклама в сети Интернет трубит об успехах москвичей, что приводит к массовой «утечке мозгов» – школьники из других регионов штурмуют московские школы ради возможности получить качественное образование.

Не отрицая заслуженность успеха московской системы воспитания таланта и одаренности в целом, вызывают сомнения равенство условий и доступность подготовки к олимпиаде на территории всей страны, равно как и удельный вес заслуги московских школ, которым в итоге приписываются достижения дипломантов, сменивших школьную «прописку» в старшей школе. Однако выигрывает ли государство от того, что исчерпывается интеллектуальный потенциал регионов в пользу столицы? Является ли российское общество бенефициаром результатов повышенной академической мобильности несовершеннолетних, которые вместе с родителями вынуждены планировать индивидуальную образовательную траекторию задолго до окончания школы ради возможности получить качественное бесплатное высшее образование? Нам это представляется сомнительным. В государстве, где проживают более 140 миллионов человек на огромной территории, априори результаты школьного образования, выраженные в дипломах творческих конкурсов, должны более равномерно распределяться по субъектам федерации, а не концентрироваться в столице, иначе где-то существует базовая ошибка – или в системе подсчета рейтингов, или в действующей парадигме отечественной образовательной подготовки.

Президент России В.В. Путин на встрече с победителями олимпиад и творческих конкурсов 1 сентября 2021 г. на площадке Всероссийского детского центра «Океан» во Владивостоке подчеркнул важность развития всех регионов страны: «Дело в том, что у нас есть определенный перекос с количеством молодых специалистов, которых готовят ведущие вузы страны. Но проблема в том, что когда люди с периферии приезжают туда, то немногие хотят возвращаться. А нам нужны кадры на местах, это совершенно точно. И поэтому мы уже приняли решение о том, что подавляющее большинство новых бюджетных мест для обучения в высших, да и не только в высших, но и в средних учебных заведениях будет отдаваться на места в региональные вузы. Таким образом мы приподнимем и уровень преподавания, и людям, которые хотят получить образование и остаться на своей малой родине, создадим соответствующие условия» [2].

Однако существующие проблемы в подготовке к олимпиадам на местах, а также различные академические и финансовые бонусы в отдельных регионах подталкивают молодежь к академической мобильности уже в школьном возрасте.

Наиболее активные подростки перенимают практики олимпиадного «туризма», меняя регион проживания исключительно ради аффилиации с той командой,

которая способна обеспечить финансовую поддержку и достойный уровень научно-исследовательского руководства в выпускном классе. При этом исследователями поведенческих установок олимпиадников поколения Z вскрыта готовность сменить страну проживания: «...при выборе работы заметно более важными оказываются перспективы уехать за границу [3. С. 87], что говорит о низком уровне лояльности к отечеству. На наш взгляд, такие паттерны восприятия реальности могут быть спровоцированы и необходимостью покинуть свою *малую* Родину в школьном возрасте – вынужденное переселение воспитывает космополитизм и отсутствие патриотизма. Участники, в особенности победители и призеры международных олимпиад, оказываются под прицелом внимания рекрутов европейских и американских университетов, которые готовы спонсировать научные изыскания молодых дарований на благо западных компаний.

Среди последствий миграции олимпиадников можно выделить и потерю мотивации к их подготовке на местах. Так, следует отметить мнение некоторых исследователей, которые указывают на снижение активности отдельных регионов: «...кулуарность снижает интерес к подготовке и участию в региональном и заключительном этапах олимпиады» [4. С. 77]. Безусловно, не все регионы выключаются из борьбы даже в таких условиях, разрабатывая собственную модель реализации интеллектуальных состязаний: «...на уровне региональной системы удалось сформировать действенный управленческий механизм по управлению качеством образования в части проведения олимпиад школьников» [5. С. 46]. Существует точка зрения о необходимости кооперации усилий различных субъектов федерации: «...целесообразно обеспечить участие одаренных учащихся... в профильных школах, организуемых другими регионами» [6. С. 32]. Также выдвигается тезис об особой важности роли собственно общеобразовательных учреждений: «Ключевыми акторами олимпиадного движения являются школы, способствующие вовлечению школьников в олимпиады и помогающие к ним подготовиться как на уровне политики школьной администрации, так и на уровне усилий отдельных учителей» [7. С. 226].

Методология

Методология исследования опирается на принципы системного и деятельностного подходов в их целостности и неделимости. Предметные олимпиады традиционно являются дополнением системы государственной итоговой аттестации и направлены на выявление творческих способностей, умения критически и креативно мыслить, действовать нестандартно в условиях лимита времени. Олимпиадные проекты воспринимаются в отечественной системе образования как интеллектуальные состязания, немалую долю среди которых занимают творческие задания, что позволяет говорить об использовании культурологического подхода: приобщаясь к культуре, человек-творец постигает соци-

альный опыт, изучает различные дисциплины, приобщается к науке. Культурологическая теория содержания образования в самом широком смысле является теоретической рамкой нашего лонгитюдного исследования предметных олимпиад. Именно творчество заставляет человека осмысливать опыт человечества как в теоретических изысканиях, так и в практической деятельности – узнав что-то новое, применив знания на практике, творец ищет новые способы самовыражения и решения актуальных проблем, которые мир и общество ставят перед человеком. Следует также упомянуть и аксиологический подход, так как в данной статье речь идет о ценностях молодого поколения и их формировании, в том числе в рамках активного участия в олимпиадном движении.

Были использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы по теме, контент-анализ массива статистических данных, представленных на официальных сайтах организаций, уполномоченных Министерством просвещения вести организационную деятельность по реализации олимпиадных практик, а также индукция, дедукция, категоризация. Среди эмпирических методов можно отметить интервьюирование, беседу, опрос. Используемая статистика доступна на сайте Центра олимпиадного движения vserosolimp.edsoo.ru, на страницах которого аккумулированы данные Министерства просвещения.

Олимпиадная тематика в целом является хорошо изученной, хотя и не без некоторых лакун в данном академическом поле. Ряд научных статей посвящен изучению методических вопросов подготовки к интеллектуальным соревнованиям по различным предметам [8–11]. Некоторые труды посвящены принципам создания олимпиадных заданий и критериям оценивания творческих работ участников [12–14]. Исследованы вопросы повышения качества преподавания отдельных дисциплин, в том числе одаренных подростков [15]. Олимпиадная среда региона как фактор повышения качества знаний рассматривается некоторыми учеными [16]. Многие исследователи обращаются к целостному анализу региональных систем управления и реализации интеллектуальных соревнований. Например, некоторые труды посвящены моделям в Челябинской [5], Саратовской областях [6], Бурятии [17], Москве [18, 19], Ярославской [20], Орловской [21] и Московской областях [22]. Однако слабо раскрытыми остаются аспекты сравнения деятельности регионов в условиях конкуренции, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Результаты

Количество участников заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по всем предметам в Москве за последнюю декаду увеличилось в несколько раз: так, в 2013 г. ими стали 691 человек, в 2023 г. зафиксировано участие 2 524 подростков. Отметим, что увеличилось и число конкурсных дисциплин – на данный момент олимпиады проходят по 24 предметам. Проходные баллы на последний этап

интеллектуальных соревнований формируются по итогам регионального тура, и одинаковы по всей стране, так как используется единый комплект заданий. Таким образом, увеличение количества московских финалистов в целом связано с массовостью олимпиадного движения в столице, что влияет на повышение проходного балла как результат возросшей конкуренции. Критики существующего положения вещей иронично называют Всероссийскую олимпиаду школьников (ВсОШ) «всемосковской олимпиадой», хотя данная тенденция стала проявляться не так давно. Например, еще в 2010 г. по некоторым предметам составы московских сборных не отличались многочисленностью (право – 8 человек, литература – 6 человек, экология – 11 человек, физкультура – 2 человека). В 2023 г. нормой считалось количество «сборников» около 100 человек, при этом в самой массовой сборной по экономике было 209 человек (ими завоевано 107 дипломов). Проходные баллы едины по всей стране, поэтому увеличение числа столичных финалистов одновременно уменьшает количество школьников из регионов, которые набирают нужное количество баллов. На данный момент – как ответ министерства на данную «инфляцию баллов» – введено *квотирование* мест: любой регион имеет право направить на заключительный этап по каждому предмету одного победителя, который набрал более 50% баллов от максимального числа. Данная мера вызвана снижением числа регионов, которые получали допуск на финал по итогам публикации проходных баллов. Отметим, что достаточно часто субъекты федерации не пользуются этим правом – ежегодно наблюдается ситуация, когда на заключительном этапе представлены не все регионы

по различным предметам. Ограничения нашего исследования не позволяют изучить данную тенденцию, но добровольный отказ региональных команд от участия в заключительном этапе ВСОШ есть признак наличия проблем в олимпиадном движении на системном уровне.

Московская модель подготовки

Модель московской экосистемы опирается на ресурсы Центра педагогического мастерства (ЦПМ) – организацию дополнительного образования, учредителем которой является Департамент образования и науки города Москвы. Будучи запущенным в 2007 г., ЦПМ консолидирует в своей деятельности усилия, направленные как на образование школьников, так и на повышение квалификации учителей московских школ вместе с организацией муниципального и регионального этапов по 24 предметам всероссийской олимпиады школьников (URL: <https://vos.olimpiada.ru/>).

Помимо этого, Центр педагогического мастерства выступил учредителем «Школы ЦПМ», так называемой *олимпиадной* школы, куда приглашаются учащиеся всех регионов России, – в учреждении реализуются программы обучения онлайн, а максимальные усилия направлены на подготовку к интеллектуальным состязаниям.

Так, данная школа была основана в 2019 г., и уже в 2021/22 учебном году статистика учебного заведения вызвала вопросы – 353 участника заключительного этапа по всем предметам, из которых 160 призеров и 48 победителей. Очевидно, здесь речь не может идти о полноценной подготовке с нуля, а скорей об обучении олимпиадным стратегиям силами московских педагогов, многие из которых – тренеры сборных города (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Победители и призеры заключительного этапа олимпиады по субъектам РФ за 5 лет

Регион	Общее количество дипломантов				
	2019г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
г. Москва	946	587	1346	1317	1391
Московская область	79	91	183	309	375
Республика Татарстан	148	101	211	237	251
г. Санкт-Петербург	185	151	260	205	199
Челябинская область	55	41	58	67	54
Удмуртская Республика	61	40	61	57	47
Новосибирская область	34	36	55	53	43
Свердловская область	39	26	37	36	43
Краснодарский край	22	30	17	30	38
Республика Башкортостан	30	29	47	36	36

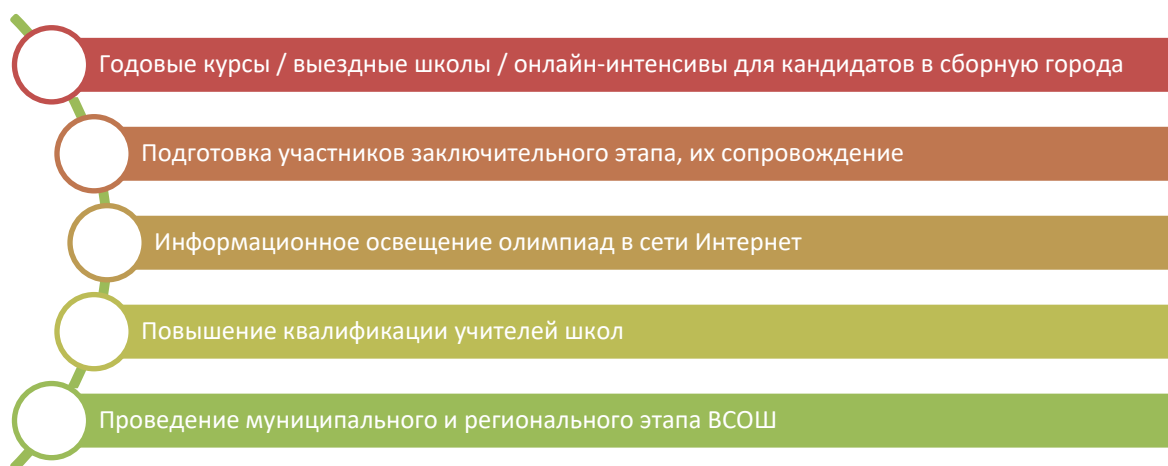

Рис. 1. Деятельность ЦПМ

Отдельные московские школы обеспечивают возможность проживания для иногородних учащихся, что также привлекает талантливых и одаренных подростков. Школа «Летово», СУНЦ МГУ и прочие являются яркими примерами подобной деятельности. Высшие учебные заведения, такие как МГИМО, ВШЭ, МГУ, чей профессорско-преподавательский состав участвует в разработке олимпиадных комплектов и в реализации этапов творческих конкурсов в качестве экспертов жюри, активно организуют программы подготовки для московских школьников. Совместная деятельность вузов и ЦПМ выступает драйвером повышения качества образования и одновременно мотивирует школьных учителей соответствовать конкурентному уровню. Московские школы-лидеры образовательных рейтингов осуществляют набор только в старшую ступень, реализуя программы с 7-го или 8-го класса (например, Школа 1535 и Лицей ВШЭ). Таким образом, модель подготовки олимпиадников основывается на деятельности *центров (кафедр, методических объединений)* развития одаренности, как в масштабах всего города (ЦПМ, вузы), так и на отдельно взятых кафедрах лицеев, гимназий, предуниверситариев, школ. Олимпиадников готовят *не во время*

школьных уроков, а *после* или *вместо* них, если школьники в определенные отрезки времени переходят на индивидуальное обучение, принимая участие в выездных школах или интенсивах с полной загрузкой.

Однако в большинстве своем лидеры предпочитают работать с уже раскрытыми талантами, а не начинать данные образовательные практики с начальной школы. Подчеркнем, что в ЦПМ проводится ежегодное входное тестирование, и кандидаты в сборную должны демонстрировать высокий уровень знаний и компетенций.

Отметим безусловную поддержку правительства Москвы: ежегодно выплачиваются премии победителям, призерам и участникам заключительных этапов ВСОШ, чей размер многократно превышает прожиточный минимум (в 2023 г. это 500, 300 и 100 тыс. руб. соответственно, достижения могут суммироваться, но выплата составляет не более 1 млн одному школьнику).

Определенные материальные стимулы имеют и сами школы, чье финансирование напрямую зависит от рейтингования учебных заведений, где олимпиадные успехи их воспитанников играют не последнюю роль (табл. 2).

Таблица 2

Динамика результатов московских сборных по некоторым предметам

Предмет	Количество участников			Количество призеров и победителей		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Английский язык	113	89	108	66	57	63
Информатика	160	145	143	86	76	85
Математика	193	135	168	69	66	71
Русский язык	169	196	162	82	93	72
Обществознание	123	100	130	73	67	71

Риски популярности олимпиад

Безусловно, опыт московской модели заслуживает внимания и анализа, однако далеко не все практики могут быть применены или адаптированы в

других регионах России – это касается как финансовых вложений, так и организационных моментов, например, совместной деятельности многочисленных вузов и школ.

Более того, педагогическая общественность ведет активные споры о необходимости повсеместного внедрения интеллектуальных состязаний. Рассмотрим некоторые риски массовости олимпиадного движения.

1. Смещение баланса в образовательных программах и однобокая подготовка олимпиадников. Школьники не имеют возможности полноценно получать знания по всем предметам школьной программы, отдавая приоритет «олимпиадным» дисциплинам. Тем не менее университеты обязаны принимать дипломантов вне конкурса, что обуславливает наличие академических проблем уже в высшей школе.

2. Эмоциональное выгорание проигравших приводит к повышению уровня стресса, депрессии, снижению мотивации подростков к дальнейшей научно-исследовательской деятельности. В отличие от ЕГЭ, результаты олимпиады фактически делятся на две категории – дипломант и участник, где набранные баллы не имеют никакого значения после завершения состязаний, даже если они очень высокие и в целом говорят о серьезном уровне подготовленности. Отдав приоритет творческим состязаниям, школьники жертвуют полноценной подготовкой к государственной аттестации по нескольким предметам. Протоколы заключительного этапа появляются в апреле-мае учебного года, соответственно, при неутешительном результате на подготовку к ЕГЭ у выпускных классов времени остается мало.

3. Риски цифровизации и нарушения кибербезопасности приводят к утечке конфиденциальных данных (материалы заданий, ответы, критерии) до проведения интеллектуальных соревнований – ежегодно подтверждаются очередные случаи академической нечестности некоторых участников.

4. Коммерциализация олимпиад отражается как на повышении стоимости качественных образовательных услуг, так и приводит к возникновению многочисленных «курсов», которые обещают подготовить к состязаниям в сжатые сроки, ничем не подкрепляя свою рекламу. Часто в таких образовательных практиках задействованы студенты-дипломанты, обладающие знаниями по предмету, но не владеющие методикой преподавания даже на начальном уровне. Подобные организации не утруждают себя регистрацией, получением лицензий, уплатой налогов – если же участники этих курсов и достигают высоких результатов, то скорее *вопреки*, а не благодаря их деятельности.

5. «Олимпиадный туризм» набирает обороты с каждым годом. Регионы с возможностью организовать набор талантливых и одаренных школьников со всей России и предоставить им достойные условия проживания или обеспечить онлайн-обучение, охотно открывают для них свои двери. Однако правовая основа проведения ВСОШ позволяет участникам менять школу и регион проживания сразу после регионального этапа, что приводит к казусам – смене команды перед заключительным этапом. В данном материале мы никоим образом не призываем ограничивать конституционные права граждан РФ свободно выбирать место проживания, тем не менее, считаем, что высокие результаты та-

ких участников должны идти «в копилку» воспитавшего региона, по крайней мере, частично. Ограничения исследования не позволяют выявить реальное количество школьников, сменивших «олимпиадную прописку» в последние годы, однако подобная тенденция имеет место, что легко подтверждается анализом протоколов регионального и заключительного этапов ВСОШ, которые находятся в открытом доступе. Победители региональных этапов неожиданно появляются в статистике призеров и победителей заключительного этапа в команде другого региона.

Многие частные школы предлагают бесплатное обучение дипломантам олимпиад, которые сумели завоевать статус победителя или призера до выпускного класса. Практики «олимпиадного туризма», безусловно, выступают в роли социального лифта, тем не менее данные тренды вызывают тревогу. Отдельные представители команд олимпиадных тренеров различных регионов выражают обеспокоенность подобными настроениями среди молодежи, так как «утечка мозгов» в олимпиадные центры крупных городов приводит к истощению потенциала на местах. Фактически «олимпиадный туризм» обесценивает вклад региональных систем подготовки к интеллектуальным состязаниям, чьи реальные успехи не принимаются во внимание, так как их воспитанники выступают «под другим флагом». Москва как флагман олимпиадного движения активно приглашает олимпиадников из других регионов, что может привести к деградации центров академической подготовки за пределами МКАД.

Считаем важным упомянуть, что далеко не всегда абитуриенты пользуются правом льготного поступления, которое гарантировано призерам и победителям ВСОШ. Например, анализ конкурсной ситуации в МГИМО (У) МИД России в 2023 г. (Абитуриент МГИМО. URL: <https://abiturient.mgimo.ru/bakalavriat>) показывает, что на некоторые престижные факультеты школьники поступают по общему конкурсу, заявляя о наличии диплома олимпиады лишь в списке индивидуальных достижений. Данная мысль подчеркивает интересную тенденцию – не все участники воспринимают олимпиаду как способ поступления. Хотя в стенах того же МГИМО не менее трети бюджетных мест занимают дипломанты ВСОШ.

В рамках профориентационной работы со школьниками из различных регионов нами было проведено анкетирование в сети Интернет 210 старшеклассников с целью выяснить отношение учащихся к возможной неудаче на всероссийской олимпиаде школьников по английскому языку. Опрос проводился в начале 2022/23 учебного года среди обучающихся 9–11-х классов на базе сообщества Olympway (16 тыс. участников) в социальной сети «ВКонтакте», респонденты проживали в Нижегородской, Мурманской областях, Удмуртии, Воронежской, Ростовской областях, Бурятии, Белгородской, Тульской областях. Участникам предлагалось в свободной форме указать их дальнейшие планы в случае провала на региональном этапе. При обработке информации мы отдельно ранжировали ответы учащихся 9-, 10- и 11-х классов.

Часть информации касалась способа поступления в вузы, часть – представлений подростков о том, где именно географически они продолжают обучение в школе в следующем году. В первой части опроса было

разрешено указывать несколько вариантов ответов. Во второй части опроса мы учитывали мнение только 9-х и 10-х классов, необходимо было дать один ответ (таул. 3, 4).

Таблица 3

Количество дипломантов ВСОШ, которые поступили в 2023 г. в МГИМО не по профилю олимпиады

Факультет	Факультет международных отношений	Факультет международных экономических отношений	Факультет управления и политики	Факультет международной журналистики
Количество человек	10	3	1	1

Таблица 4

Опрос «Что для вас означает неудача на олимпиаде и отсутствие диплома по итогам ВСОШ?»

Как вы планируете поступить в вуз?	11-й класс	10-й класс	9-й класс
Поступлю по итогам «перечневых» олимпиад (этот же профиль)	75%	50%	42%
Поступлю по итогам ЕГЭ (этот же профиль)	35%	27%	22%
Поступаю по другому профилю	23%	29%	41%
Где вы продолжите свое обучение?			
Продолжаю обучаться в старшей школе, на следующий год снова принимаю участие в олимпиаде в своем регионе	–	67%	79%
Продолжаю обучаться в старшей школе, на следующий год снова принимаю участие в олимпиаде, но в другом регионе	–	33%	21%

Результаты показали, что большая часть учащихся рассчитывают на интеллектуальные соревнования как на возможность поступить в университет. Важной представляется вскрытая информация о том, что школьники 9-х и 10-х классов рассматривают возможность переехать в другой регион ради успешного выступления на олимпиаде, при этом данная тенденция нарастает по мере взросления подростков.

Меры для устранения противоречий

Таким образом, московская модель подготовки олимпиадников, с одной стороны, показывает консолидацию усилий администрации города, деятельности вузов, центров развития одаренности и школ по созданию питательной среды для взращивания талантов и развития когнитивных способностей школьников. Отдельные компоненты данной модели могут адаптироваться другими регионами при построении собственной системы управления процессами развития одаренности.

С другой стороны, в погоне за результатами происходит «утечка мозгов» одаренной молодежи из менее развитых регионов в столицу. Будучи студенческим хабом, Москва всегда привлекала внимание абитуриентов, однако в нашем случае речь идет о миграции школьников 9–11-х классов. На наш взгляд, академическая мобильность в таком возрасте наносит вред институту детства, более того, ярко выраженным бенефициаром выступает не столько город Москва, сколько те

столичные школы, которые записывают на свой счет успех уже зрелых олимпиадников. Повышается не *качество* образования в Москве, а наоборот, лишь статистика успешного участия. Сами же перспективные резервисты сборной города в качестве основных конкурентов получают сильных и мотивированных школьников, что в конечном счете приводит к завышению проходных баллов по многим предметам: например, по английскому языку для 11-х классов в 2022 и 2023 гг. – 94 балла из 100 возможных, что является очень высокой цифрой даже в процентном соотношении, особенно в контексте наличия локальных традиций при работе жюри, – как правило, люфт баллов при проверке письменного и устного конкурсов может составлять от 1 до 5 в различных регионах в зависимости от лояльности проверяющих экспертов. Выборочные перепроверки Министерством просвещения отдельных работ после жалоб школьников (и пересмотр результатов) лишь подтверждают данный тренд.

Мы считаем, что данная ситуация нуждается в анализе и переосмыслении. В качестве базового тезиса мы принимаем утверждение Президента РФ В.В. Путина о том, что нужно развивать все российские регионы, а не только отдельные мегаполисы. Школьники, собравшиеся покорять столицу, при желании окажутся в ней в качестве студентов, поэтому форсировать их переезд до завершения школы не является целесообразным и человекомерным.

Нами предлагаются следующие *меры* для нормализации ситуации:

1. Изменение системы учета успешности школы в рамках участия в интеллектуальных соревнованиях. Должны учитываться реальные усилия образовательного учреждения, а не «прописка» одаренных подростков в старших классах, особенно при смене региона. Интересно отметить, что в самой Москве система рейтингования общеобразовательных учреждений наибольшие баллы начисляет только если дипломанты несколько лет учатся в одной школе, без переходов.

2. Равное федеральное финансирование сети общеобразовательных учреждений, которые занимаются вопросами развития одаренности. На данный момент крупные премии и выплаты школам обеспечивают рост мотивации к участию в интеллектуальных состязаниях в отдельных регионах. Деятельность ЦПМ как драйвера развития олимпиадного движения в столице изучается и копируется, однако более эффективным видится создание филиалов такого центра с единым менеджментом, образовательными программами, системой управления и т.д. Всероссийский центр «Сириус» проводит образовательные программы для всей страны, однако достаточно ли его усилий в масштабах всего государства? Необходима развитая сеть филиалов, как минимум по одному в каждом федеральном округе.

3. Открытый доступ к интеллектуальным достижениям, в том числе новаторским методикам подготовки, пособиям, тренировочным заданиям олимпиадной направленности. Онлайн-технологии позволяют создавать виртуальные классы, доступные для представителей всех регионов.

4. Открытость представителей Централных предметно-методических комиссий для проведения расширенных консультаций с педагогической общественностью, создание системы повышения квалификации школьных учителей.

Диалог столицы и регионов должен происходить в рамках не конкуренции, а взаимовыгодного сотрудничества на благо общества и государства, а также в интересах самих обучающихся. В действующей парадигме Москва выступает как противоборствующий регион, который истощает существующий интеллектуальный потенциал региональных систем развития образования, что глобально противоречит ее же собственным целям как столицы суверенного государства,

которое динамично развивается и пытается построить вокруг себя интеллектуальную мощь, привлекающую международных акторов.

Заключение

Практики интеллектуальных состязаний выступают драйвером развития системы образования и мером успешности регионов. В последние годы успешное участие в олимпиадах является гарантией академических льгот, среди которых – бюджетное место в селективном университете. Однако в погоне за успехом не следует забывать, что все педагоги заняты единым общим делом – воспитания и обучения подрастающего поколения в рамках консолидированного общества. Московские результаты олимпиадной гонки в несколько раз превышают итоги деятельности регионов в топ-10 рейтинга, отрыв от 10-го места – в 38 раз. Суммарно Москва занимает больше мест, чем все команды в топ-5, вместе взятые. Вскрытая статистика ясно говорит о битве Давида и Голиафа в интеллектуальной сфере, однако современные «Давиды» для достижения успеха нередко просто переезжают в Москву. Безусловно, существующая образовательная инфраструктура в столице и активное развитие олимпиадного движения в московских школах привлекает подростков с периферии.

В данном исследовании показано отставание российских регионов от столичного в рейтинге олимпиадных достижений, однако, помимо анализа системы подготовки города Москва, нами также указывается на риски практик «олимпиадного туризма» и «переманивания» школьников, которые могут помочь некоторым московским школам добиться видимости успеха. Истощение интеллектуального потенциала региональных центров является негативной тенденцией. Теоретическая значимость исследования преломляется во вскрытии негативных аспектов доминирования Московского региона, на практическом уровне полученные выводы позволяют переосмыслить сложившуюся ситуацию, изменить систему подсчета успешности региона во избежание манипулирования рейтингами для получения дополнительных финансовых бонусов.

Список источников

1. Должикова А.В., Ершов А.Г., Тисленко М.И. Всероссийская олимпиада школьников: некоторые итоги 2018 года и тенденции развития // Высшее образование сегодня. 2018. № 12. С. 56–60. doi: 10.25586/RNU.HET.18.12.P.56
2. Встреча со школьниками // Президиент России. 01.09.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66554>
3. Вередюк О.В., Черных Е.А. Олимпиадники поколения Z: поведенческие установки на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 79–91. doi: 10.19181/lsprr.2022.18.1.7
4. Тороп В.В. Правовые аспекты доступности участия во Всероссийской олимпиаде школьников. На примере ВсОШ по обществознанию // Образовательная политика. 2023. № 1(93). С. 72–81. doi: 10.22394/2078-838X-2023-1-72-80
5. Николаева В.В., Соколова Е.И. Особенности организационно-технологической модели проведения регионального этапа всероссийской олимпиады школьников в Челябинской области // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2021. № 1 (12). С. 43–49.
6. Вдовина Т.О., Карасев С.А. Всероссийская олимпиада школьников как показатель развития системы образования региона // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (282). С. 30–33.
7. Черненко С.Е., Романенко Е.И. «Обречены на успех»: продвигающая сила школы, роль семьи и неравенство на пути олимпиадников в университет // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 213–238. doi: 10.17323/1814-9545-2022-3-213-238
8. Третьякова В.О. Подготовка к всероссийской олимпиаде школьников по русскому языку с опорой на словарь В.И. Даля // Наука и школа. 2022. № 3. С. 197–208. doi: 10.31862/1819-463X-2022-3-197-208

9. Кравец В.В., Хола Л.Д., Прокопенко Л.А. Методика подготовки к выполнению теоретико-методического задания участников всероссийской олимпиады школьников по предмету «Физическая культура» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 5 (183). С. 217–221. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.5.p217-221
10. Ли С., Стародубцева Н.С. Особенности русско-китайской интерференции в олимпиадных сочинениях школьников // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 2. С. 73–84. doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_73_84
11. Сорокин А.А., Половникова А.В., Орлова Т.С., Сергеева О.А. Учебник истории в системе подготовки школьников к единому государственному экзамену и олимпиадам // Преподавание истории и обществознания в школе. 2019. № 5. С. 44–53.
12. Кучина Т.Г. Принципы составления и решения олимпиадных заданий по литературе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 93–96.
13. Резанов Л.В., Хаулин А.Н., Хромов А.А. Задания практического тура (деревообработка) XXIII Всероссийской олимпиады школьников по технологии // Школа и производство. 2022. № 6. С. 53–62. doi: 10.47639/0037-4024_2022_6_53
14. Д.В. Богачев, М.Д. Другов, М.Б. Иванова [и др.] Вопросы и задания тестового тура заключительного этапа XXXI Всероссийской олимпиады по географии // География в школе. 2023. № 1. С. 45–50.
15. Тихонов П.С. Дистанционные образовательные технологии как инструмент повышения квалификации учителей физики в области формирования у школьников умения решать экспериментальные олимпиадные задачи // Наука и школа. 2020. № 6. С. 130–137. doi: 10.31862/1819-463X-2020-6-130-137
16. Цветкова М.С., Абатурова В.В. Стратегия формирования организационно-технологической модели олимпиадной среды региона в системе общего образования // Профильная школа. 2020. Т. 8, № 6. С. 11–24. doi: 10.12737/1998-0744-2020-11-24
17. Николаева Д.М., Раднаева Ю.П., Цыдыпова О.А. Особенности проведения Всероссийской олимпиады школьников в Республике Бурятия в 2021/22 учебном году // Оценка качества образования: от проектирования к практике : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 30 ноября 2022 г. / науч. ред. Д.К. Чимитова. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т имени Доржи Банзарова, 2023. С. 98–102.
18. Гулов А.П. Модель подготовки к предметным олимпиадам в городе Москве // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2022. № 49 (68). С. 16–29.
19. Таранец И.П., Гуреева М.В. Опыт дистанционной подготовки сборной команды Москвы к Всероссийской олимпиаде школьников по экологии // Образование-2030. Учиться. Пробовать. Действовать : сб. ст. VII Всерос. конф. по экологическому образованию, Москва, 27–28 октября 2021 г. М. : Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, 2021. С. 545–549.
20. Бутко Ю.В. Анализ результатов регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по французскому языку в Ярославской области с 2018 по 2022 год // Язык и общество. Диалог культур и традиций : сб. материалов науч. конф., Ярославль, 01–31 марта 2022 г. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022. С. 196–207.
21. Власов М.В., Масалова А.Р., Мирзоян А.А., Капицын А.Н. Рекомендации будущим участникам Всероссийской олимпиады школьников по ОБЖ на основе анализа проведения регионального этапа в Орловской области // Трансформация промышленной безопасности и охраны труда на производстве : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Всемирному дню охраны труда, Орел, 28 апреля 2022 г. Орел : Орлов. гос. аграрный ун-т им. Н.В. Парахина, 2022. С. 166–172.
22. Соловьева П.В., Царапкина Ю.М. Реализация образовательных программ в региональном центре «Взлет» как основа самоопределения школьников // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы : сб. ст. по материалам Всерос. (национальной) науч.-практ. конф., Красноярск, 15–29 ноября 2021 г. Красноярск : Краснояр. гос. аграрный ун-т, 2022. С. 294–297.

References

1. Dolzhikova, A.V., Ershov, A.G. & Tislenko, M.I. (2018) Vserossiyskaya olimpiada shkol'nikov: nekotorye itogi 2018 goda i tendentsii razvitiya [All-Russian Olympiad for schoolchildren: some results of 2018 and development trends]. *Vyshee obrazovanie segodnya*. 12. pp. 56–60. doi: 10.25586/RNU.HET.18.12.P.56
2. Official Internet Resources of the President of Russia. (2021) Vstrecha so shkol'nikami [A meeting with schoolchildren]. *Official Internet Resources of the President of Russia*. 01 September. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/66554>
3. Veredyuk, O.V. & Chernykh, E.A. (2022) Olimpiadniki pokoleniya Z: povedencheskie ustanovki na rynke truda [Olympians of generation Z: behavioral attitudes in the labor market]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 1 (18). pp. 79–91. doi: 10.19181/lsprr.2022.18.1.7
4. Torop, V.V. (2023) Pravovye aspekty dostupnosti uchastiya vo Vserossiyskoy olimpiade shkol'nikov. Na primere VsOSH po obshchestvoznaniyu [Legal aspects of accessibility of participation in the All-Russian Olympiad for schoolchildren. Using the example of the Secondary School of Social Studies]. *Obrazovatel'naya politika*. 1 (93). pp. 72–81. doi: 10.22394/2078-838X-2023-1-72-80
5. Nikolaeva, V.V. & Sokolova, E.I. (2021) Osobennosti organizatsionno-tekhnologicheskoy modeli provedeniya regional'nogo etapa vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov v Chelyabinskoy oblasti [Features of the organizational and technological model of holding the regional stage of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in the Chelyabinsk region]. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya*. 1 (12). pp. 43–49.
6. Vdovina, T.O. & Karasev, S.A. (2019) Vserossiyskaya olimpiada shkol'nikov kak pokazatel' razvitiya sistemy obrazovaniya regiona [All-Russian Olympiad for schoolchildren as an indicator of the development of the regional education system]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (282). pp. 30–33.
7. Chernenko, S.E. & Romanenko, K.R. (2022) "Obrechny na uspekh": prodvigayushchaya sila shkoly, rol' sem'i i neravenstvo na puti olimpiadnikov v universitet ["Doomed to success": the promoting power of school, the role of family and inequality on the path of Olympiad students to university]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 213–238. doi: 10.17323/1814-9545-2022-3-213-238
8. Tret'yakova, V.O. (2022) Podgotovka k vserossiyskoy olimpiade shkol'nikov po russkomu yazyku s oporoy na slovar' V.I. Dal'ya [Preparation for the All-Russian Olympiad of schoolchildren in the Russian language based on the dictionary of V.I. Dal']. *Nauka i shkola*. 3. pp. 197–208. doi: 10.31862/1819-463X-2022-3-197-208
9. Kravets, V.V., Khoda, L.D. & Prokopenko, L.A. (2020) Metodika podgotovki k vypolneniyu teoretiko-metodicheskogo zadaniya uchastnikov vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po predmetu "Fizicheskaya kul'tura" [Methods of preparation for the implementation of theoretical and methodological assignments for participants in the All-Russian Olympiad for schoolchildren in the subject "Physical Culture"]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 5 (183). pp. 217–221. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.5.p217-221
10. Li, S. & Starodubseva, N.S. (2020) Osobennosti russko-kitayskoy interferentsii v olimpiadnykh sochineniyakh shkol'nikov [Features of Russian-Chinese interference in schoolchildren's Olympiad essays]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2 (6). pp. 73–84. doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_73_84
11. Sorokin, A.A. et al. (2019) Uchebnik istorii v sisteme podgotovki shkol'nikov k edinomu gosudarstvennomu ekzameni i olimpiadam [History textbook in the system of preparing schoolchildren for the unified state exam and Olympiads]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 5. pp. 44–53.
12. Kuchina, T.G. (2017) Printsipy sostavleniya i resheniya olimpiadnykh zadaniy po literature [Principles of compiling and solving Olympiad assignments in literature]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*. 4. pp. 93–96.

13. Rezanov, L.V., Khaulin, A.N. & Khromov, A.A. (2022) Zadaniya prakticheskogo tura (derevoobrabotka) XXIII Vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po tekhnologii [Tasks of the practical round (woodworking) of the XXIII All-Russian Olympiad for schoolchildren in technology]. *Shkola i proizvodstvo*. 6. pp. 53–62. doi: 10.47639/0037-4024_2022_6_53
14. Bogachev, D.V. et al. (2023) Voprosy i zadaniya testovogo tura zaklyuchitel'nogo etapa XXXI Vserossiyskoy olimpiady po geografii [Questions and tasks of the test round of the final stage of the XXXI All-Russian Olympiad in Geography]. *Geografiya v shkole*. 1. pp. 45–50.
15. Tikhonov, P.S. (2020) Distsionnye obrazovatel'nye tekhnologii kak instrument povysheniya kvalifikatsii uchiteley fiziki v oblasti formirovaniya u shkol'nikov umeniya reshat' eksperimental'nye olimpiadnye zadachi [Distance educational technologies as a tool for advanced training of physics teachers in the field of developing schoolchildren's ability to solve experimental Olympiad problems]. *Nauka i shkola*. 6. pp. 130–137. doi: 10.31862/1819-463X-2020-6-130-137
16. Tsvetkova, M.S. & Abaturova, V.V. (2020) Strategiya formirovaniya organizatsionno-tekhnologicheskoy modeli olimpiadnoy sredy regiona v sisteme obshchego obrazovaniya [Strategy for the formation of an organizational and technological model of the region's Olympiad environment in the general education system]. *Profil'naya shkola*. 6 (8). pp. 11–24. doi: 10.12737/1998-0744-2020-11-24
17. Nikolaeva, D.M., Radnaeva, Yu.P. & Tsydyanova, O.A. (2023) [Features of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in the Republic of Buryatia in the 2021/22 academic year]. *Otsenka kachestva obrazovaniya: ot proektirovaniya k praktike* [Assessing the Quality of Education: From design to practice]. Proceedings of the 7th All-Russian Conference. Ulan-Ude. 30 November 2022. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 98–102. (In Russian).
18. Gulov, A.P. (2022) Model' podgotovki k predmetnym olimpiadam v gorode Moskve [Model of preparation for subject Olympiads in Moscow]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovkh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki*. 49 (68). pp. 16–29.
19. Taranets, I.P. & Gureeva, M.V. (2021) [Experience of distance training of the Moscow national team for the All-Russian Olympiad for schoolchildren in ecology]. *Obrazovanie-2030. Uchit'sya. Probovat'. Deystvovat'* [Education-2030. Study. Sample. Act]. Proceedings of the 7th All-Russian Conference on Ecological Education. Moscow. 27–28 October 2021. Moscow: Nepravitel'stvennyy ekologicheskiy fond imeni V.I. Vernadskogo. pp. 545–549. (In Russian).
20. But'ko, Yu.V. (2022) [Analysis of the results of the regional stage of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in the French language in the Yaroslavl region from 2018 to 2022]. *Yazyk i obshchestvo. Dialog kul'tur i traditsiy* [Language and Society. Dialogue of cultures and traditions]. Proceedings of the Conference. Yaroslavl. 01–31 March 2022. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. pp. 196–207. (In Russian).
21. Vlasov, M.V. et al. (2022) [Recommendations for future participants of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in life safety based on an analysis of the regional stage in the Oryol region]. *Transformatsiya promyshlennoy bezopasnosti i okhrany truda na proizvodstve* [Transformation of Industrial Safety and Labor Protection in Production]. Proceedings of the International Conference. Orel. 28 April 2022. Orel: Oryol State Agrarian University named after N. V. Parakhin. pp. 166–172. (In Russian).
22. Solov'eva, P.V. & Tsarapkina, Yu.M. (2022) [Implementation of educational programs in the regional center "Vzlet" as the basis for self-determination of schoolchildren]. *Professional'noe samoopredelenie molodezhi innovatsionnogo regiona: problemy i perspektivy* [Professional Self-Determination of Youth of the Innovative Region: Problems and Prospects]. Proceedings of the All-Russian Conference. Krasnoyarsk. 15–29 November 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. pp. 294–297. (In Russian).

Информация об авторах:

Касаткин П.И. – д-р филос. наук, начальник управления научной политики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: pkas@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1361-6747

Гулов А.П. – д-р. пед. наук, доцент кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: gulov@tea4er.org. ORCID: 0000-0001-7192-5316

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.I. Kasatkin, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Scientific Policy, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pkas@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1361-6747

A.P. Gulov, Dr. Sci. (Pedagogics), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gulov@tea4er.org. ORCID: 0000-0001-7192-5316

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 28.10.2023;
approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 796.323
doi: 10.17223/15617793/500/19

Взаимосвязь психических процессов с технической подготовленностью у баскетболисток 14–15 лет

Вера Степановна Макеева¹, Оксана Евгеньевна Шайкина², Евгения Александровна Широкова³

¹ Российский университет спорта, Москва, Россия, vera_191@mail.ru

² Воронежская государственная академия спорта, Воронеж, Россия, oksaankaa@mail.ru

³ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, kaktus86@mail.ru

Аннотация. Произведена оценка психических процессов и технической подготовленности у девушек-баскетболисток 14–15 лет из команд Тулы и Воронежа. Описаны установленные прямые и обратные связи на высоком и среднем уровне значимости. Показано, что наличие многочисленных связей между показателями технической подготовленности и психическими процессами, связанными с восприятием и переработкой информации на высоком и среднем уровне значимости, свидетельствует о необходимости направленной подготовки баскетболисток 14–15 лет с целью обучения умению управлять сенсорно-перцептивными процессами, различительной чувствительностью, модальностью восприятия информации, оперативным мышлением и вниманием.

Ключевые слова: тип восприятия, скорость реакции, индивидуальная минута, тактильная чувствительность, переключаемость внимания, челночный бег, ведение мяча, бросок мяча

Для цитирования: Макеева В.С., Шайкина О.Е., Широкова Е.А. Взаимосвязь психических процессов с технической подготовленностью у баскетболисток 14–15 лет // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 177–184. doi: 10.17223/15617793/500/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/19

The interrelation of mental processes with technical preparedness of basketball players aged 14–15

Vera S. Makeeva¹, Oksana E. Shaykina², Evgeniya A. Shirokova³

¹ Russian University of Sport, Moscow, Russian Federation, vera_191@mail.ru

² Voronezh State Academy of Sports, Voronezh, Russian Federation, oksaankaa@mail.ru

³ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation, kaktus86@mail.ru

Abstract. For effective competitive activity in youth basketball, it is necessary to take into account both external and internal factors, since they influence the quality of technical actions in situations of confrontation with an opponent. Features of feeling and perception, as well as the speed of processing information coming from the outside, are closely related to the issues of players finding optimal solutions, which means that the coach needs to properly influence them. The athlete's readiness for professional activity at the level of mental processes (switching attention, error correction, perception of information, etc.) becomes increasingly important and determines the relevance of this study. The research aims to reveal correlations between the technical preparedness and mental processes of basketball players aged 14–15 in the pre-competition period of training. The research objective is to determine the level of interrelations between technical preparedness and the nature of the course of mental processes of basketball players aged 14–15 based on a correlation analysis of data using the nonparametric Spearman criterion. The level of technical readiness was determined by the indicator of the shuttle run completion time, dribbling for 20 meters, figure-eight dribbling for 20 meters, dribbling and shooting, execution time and accuracy of hitting shots from medium and long distances, and free throws. Mental processes were assessed according to the data of the type of information perception (visual, kinesthetic, auditory), motor response rates, estimates of time intervals, memory capacity, switching, and attention selectivity. The work was carried out in October 2020 and involved 16 female basketball players aged 14–15. The results of the correlation analysis allowed us to establish the presence of triple, double, and single connections between mental processes and indicators of technical preparedness. The largest number of connections was revealed in the following indicators: attention switching, individual minute, number of throws in motion, and long throw. The established direct and feedback links are described at high and medium levels of significance. The presence of numerous links between the indicators of technical preparedness and mental processes associated with the perception and processing of information at high and medium levels indicates the need for targeted training of basketball players aged 14–15 to teach the ability to manage sensory-perceptual processes, distinctive sensitivity, modality of information perception, operational thinking, and attention.

Keywords: basketball players, mental processes, technical training

For citation: Makeeva, V.S., Shaykina, O.E. & Shirokova, E.A. (2024) The interrelation of mental processes with technical preparedness of basketball players aged 14–15. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 177–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/19

Актуальность

Поиск эффективных методов подготовки в современном баскетболе представляет собой непрерывный процесс. Особый интерес вызывает наличие связей между процессами восприятия, переработки информации, принятия решения с технической подготовленностью баскетболистов в современном детско-юношеском баскетболе и их влияние на качество выполнения технических действий в соревновательной обстановке. Полагаем, что изучение данного вопроса является в настоящее время актуальным полем для исследований в связи с тем, что традиционные методы достижения спортивных результатов, основанные на увеличении объема и интенсивности нагрузок, практически исчерпали себя.

Анализ ряда исследований свидетельствует о наличии определенных связей между квалификацией спортсменов, уровнем их подготовленности и процессами восприятия и переработки информации. Так, Е.В. Микуло (2014) отмечает, что вопросы чувствования и восприятия силовых, пространственных характеристик, а также временных интервалов тесно связаны с вопросами эффективности соревновательной деятельности, в частности в баскетболе, который предъявляет высокие требования к умению рассчитывать собственные действия во времени и пространстве для достижения максимально возможного результата [1]. Следовательно, при разработке и внедрении программы подготовки для баскетболистов необходимо принимать в рассмотрение не только физические, функциональные кондиции и техническую подготовленность спортсменов, но и учитывать особенности восприятия информации и протекания психических процессов в условиях соревновательной деятельности и при подготовке к ней.

Цель исследования – выявить взаимосвязи между показателями технической подготовленности и психическими процессами у баскетболисток 14–15 лет на предсоревновательном этапе подготовки.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 16 девушек в возрасте 14–15 лет, занимающихся баскетболом в спортивной школе олимпийского резерва «Игровые виды спорта» (г. Тула), и 14 девушек, занимающихся в спортивной школе олимпийского резерва № 9 (г. Воронеж). Стаж занятий респондентов на момент участия в исследовании составил от 3 до 5 лет. Исследование в командах было проведено на основе разработанной батареи тестов.

Уровень базовой технической подготовленности респондентов определялся по результативности выполнения следующих нормативов: челночный бег; ве-

дение мяча на дистанции 20 м; ведение мяча восьмеркой на дистанции 20 м; ведение и бросок; бросок в движении (время выполнения теста и количество попаданий); бросок со средней и дальней дистанции; штрафные броски.

Характер изменений психических процессов оценивался по показателям: тип восприятия информации (регистрировались ответы на вопросы с последующим суммированием показателей по каждому типу восприятия: аудиал, визуал, кинестетик); оценка скорости реакции на движущийся объект (тест «линейка»); оценка особенностей восприятия временных отрезков (тест «индивидуальная минута»); оценка особенностей тактильной чувствительности (время выполнения задания и количество ошибок); оценка переключаемости внимания (отыскивание чисел по методике Горбова-Шульте), объем внимания (тест «запомни и расставь точки»).

По результатам тестирования выполнен корреляционный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между показателями технической подготовленности, сенсорно-перцептивными и психическими процессами. Обработка полученных данных производилась в программном пакете IBM SPSS Statistics 26. Для установления взаимосвязей между изучаемыми явлениями был использован непараметрический коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

В табл. 1 представлены показатели технической подготовленности респондентов из команд г. Тулы и г. Воронежа на начальном этапе исследования.

Таблица 1
Показатели технической подготовленности респондентов команд из Тулы и Воронежа на начальном этапе исследования

Показатели	Команда г. Тулы	Команда г. Воронежа	p
Ведение мяча 20 м, с	3,91 ± 0,56	4,14 ± 0,27	> 0,05
Ведение-бросок, с	21,10 ± 5,34	20,43 ± 5,52	> 0,05
Средний бросок с 10 точек, количество	7,56 ± 2,9	5,5 ± 3,75	> 0,05
Дальний бросок с 10 точек, количество	5,81 ± 3,17	4,2 ± 1,55	> 0,05
Челночный бег, с	12,98 ± 0,61	14,15 ± 1,2	< 0,05
Броски в движении, количество	8,88 ± 1,26	7,5 ± 2,32	> 0,05
Штрафные: 3 мин, количество	13,63 ± 3,76	13,00 ± 3,83	> 0,05
Время броска в движении, с	61,94 ± 2,62	61,7 ± 9,8	> 0,05
Ведение мяча восьмеркой 20 м, с	5,42 ± 0,4	5,44 ± 0,42	> 0,05

Между группами по показателям технической подготовленности не было обнаружено статистически значимых различий за исключением норматива «челночный бег».

В табл. 2 представлены показатели психических процессов респондентов из команд Тулы и Воронежа на начальном этапе исследования.

Таблица 2

Показатели психических процессов респондентов команд из Тулы и Воронежа на начальном этапе исследования

Показатели	Команда г. Тулы	Команда г. Воронежа	p
Переключение внимания, с	201,59 ± 7,22	201,73 ± 10,3	> 0,05
Тип восприятия – аудиал, баллы	10,63 ± 2,0	10,1 ± 2,26	> 0,05
Тип восприятия – визуал, баллы	8,56 ± 2,0	7,78 ± 2,33	> 0,05
Тип восприятия – кинестетик, баллы	9,63 ± 2,39	8,67 ± 1,8	> 0,05
Индивидуальная минута, с	64,37 ± 8,5	62,42 ± 6,65	> 0,05
Тактильная чувствительность, ошибки	2,44 ± 0,63	1,55 ± 0,93	< 0,05
Тактильная чувствительность, с	158,81 ± 26,1	164,73 ± 25,73	> 0,05
Запомни и расставь точки, количество	8,75 ± 1,29	8,55 ± 1,97	> 0,05
Линейка, см	12,75 ± 4,77	13,5 ± 3,33	> 0,05

Между группами по показателям психических процессов не было обнаружено статистически значимых различий за исключением количества ошибок в тесте на тактильную чувствительность.

В табл. 3 представлены примеры обобщенных первичных данных, которые были в дальнейшем использованы для корреляционного анализа.

Таблица 3

Примеры обобщенных первичных данных, используемых для корреляционного анализа

Участники исследования /показатели	Переключение внимания, баллы	Линейка, см	Индивидуальная минута, с	Дальний бросок с 10 точек, кол-во	Ведение-бросок, с	Челночный бег 5×10, с
1	198	6	70	4	14,15	13,62
2	191	15,5	58,6	1	24,7	16,56
3	195	17	48,2	3	16,78	12,71
4	199	13	59,58	4	15,58	15,15
5	202,5	10,5	59,98	5	14,7	12,74
6	207	12	69,8	4	21,08	15,1
...	...	...	...	...	...	...

На рис. 1 представлены установленные связи между изучаемыми показателями в команде из г. Тулы.

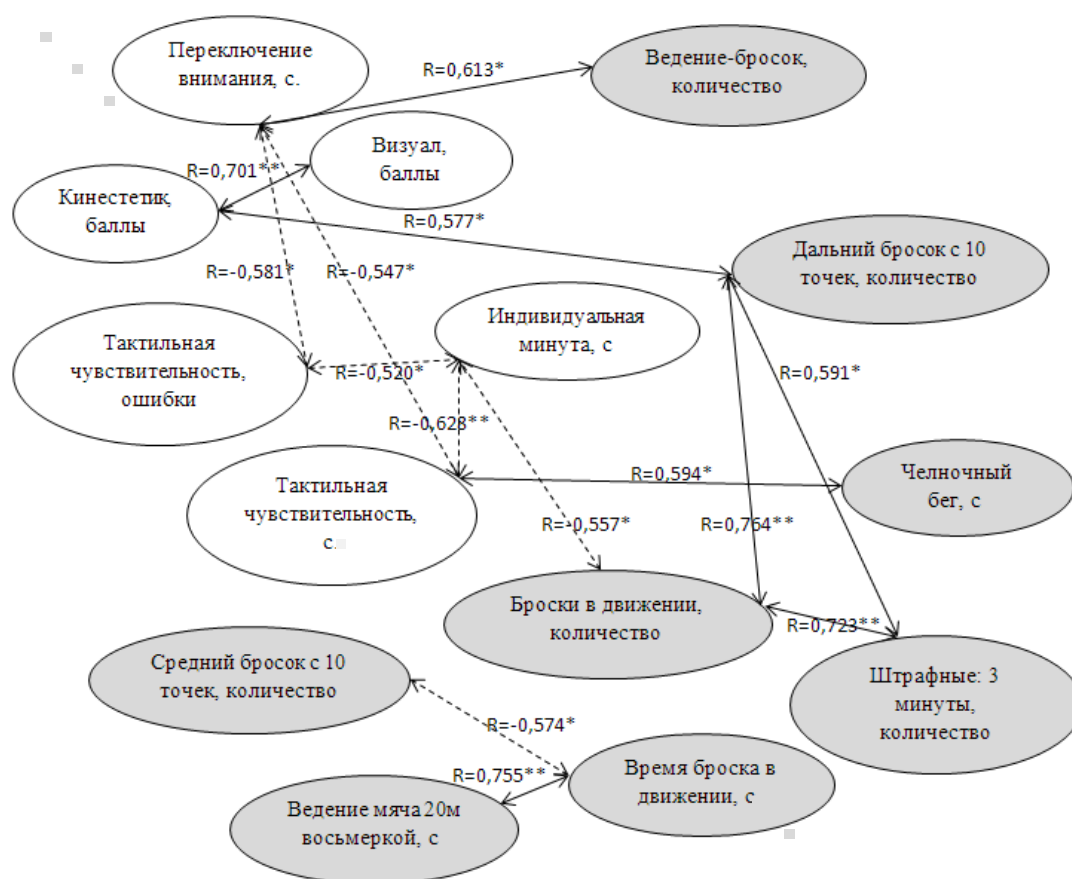

Рис. 1. Характеристика корреляционных связей между показателями технической подготовленности и психическими процессами у баскетболистов из Тулы. Сплошной линией обозначена прямая корреляция; прерывистой – обратная корреляция; * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01

Рассмотрим показатели психических процессов, имеющие наибольшее количество связей. Три связи имеет скорость переключения внимания: она находится в обратной зависимости от количества ошибок в

тактильной чувствительности ($R = -0,581$, $p < 0,05$) и времени выполнения теста ($R = -0,547$, $p < 0,05$), а также в прямой зависимости от показателя в тесте «Ведение-бросок» ($R = 0,613$, $p < 0,05$).

Чем быстрее переключают внимание игроки с одного действия на другое, тем меньше времени необходимо для выполнения ведения и броска, тем меньше количество совершенных ошибок и меньше время, затраченное на выполнение теста на тактильную чувствительность.

Также три связи имеют время выполнения теста на тактильную чувствительность, которое оказывает прямое воздействие на результаты челночного бега ($R = 0,594$, $p < 0,05$) и находится в обратной зависимости от точности отмеривания временных отрезков в тесте «Индивидуальная минута» ($R = -0,628$, $p < 0,01$).

На важность развитого чувства времени в современном баскетболе следует обратить особое внимание, поскольку оно обусловлено многочисленными правилами: 3, 5, 8, 10, 24 с и пр. Обнаружение обратной зависимости индивидуальной минуты с тактильной чувствительностью во всех её проявлениях (время выполнения теста ($R = -0,628$, $p < 0,01$) и количество ошибок в нём ($R = -0,520$, $p < 0,05$)), а также с количеством бросков в движении ($R = -0,557$, $p < 0,05$) свидетельствует о должном внимании тренера к этому аспекту подготовки баскетболисток 14–15 лет.

Две связи обнаружены в показателе «тактильная чувствительность, ошибки»: он находится в обратной зависимости на уровне средних значений с оценкой временных интервалов в индивидуальной минуте, ($R = -0,520$, $p < 0,05$), а также со скоростью выполнения теста на переключение внимания ($R = -0,581$, $p < 0,05$). Меньшее количество ошибок связано со скоростью переключения внимания и точностью отмеривания временных характеристик.

Критерий согласованного взаимодействия зрительных и мышечно-двигательных ощущений, характеризующих быстроту и точность оценивания расстояния до корзины, игроков, мяча, определяемого нами в понятии «глазомер», у баскетболисток исследуемой группы отражается в высоком уровне корреляции между показателями «визуал» и «кинестетик» ($R = 0,701$, $p < 0,01$), иллюстрирующими оценку пространства и движения.

Обращаясь к технической подготовке баскетболисток 14–15 лет, следует отметить, что наибольшее количество связей обнаружено в показателях «дальние броски с 10 точек» и «количество выполненных в движении бросков».

Так, количественные характеристики выполненных бросков в движении тесно связаны с точностью дальнего и штрафного бросков. Чем больше бросков в движении было выполнено, тем лучшие результаты показывали баскетболистки в тестах «Штрафные броски за 3 минуты» ($R = 0,723$, $p < 0,01$) и «Дальний бросок с 10 точек» ($R = 0,764$, $p < 0,01$).

Во всем многообразии выполняемых на площадке действий особо важная роль принадлежит дальнему броску, который в современном баскетболе является тем звеном, качество выполнения которого определяет место игрока и команды в общей иерархии соревновательной деятельности в каждом возрастном периоде.

Установленные прямые связи точности бросков с дальней дистанции с другими бросками определяет качество освоения техники самого броска – связь со штрафным ($R = 0,591$, $p < 0,05$) и с количеством бросков в движении ($R = 0,764$, $p < 0,01$)).

Наличие такого проявления связей можно объяснить определенной закономерностью формирования двигательных актов, разученных, закрепленных и сформированных на тренировках, которые в игровой обстановке складываются в ряд целостных технических действий. Это означает, что хорошо усвоенный навык (умение) выполнения броска в движении положительно влияет на точность дальнего и штрафного броска, обусловленную определенной силой и скоростью выполнения броска, а степень проявления силы и скорости избирательны в отношении точности выполнения двигательного действия в целом.

В свою очередь качество проявления двигательных навыков и физических качеств определяется степенью развития специализированного восприятия скорости, ритма, времени, темпа, силы, характера действия и пр.

Зависимость точности бросков с дальней дистанции определяется наличием среднего уровня связей с двигательно-мышечным восприятием самого действия ($R = 0,577$, $p < 0,05$). Чем выше показатели кинестетического восприятия, тем результативнее дальний бросок с 10 точек.

Одной прямой связью объединены психические процессы и технические действия, в частности, визуализация с кинестетическим восприятием ($R = 0,701$, $p < 0,01$), определяемая нами так: чем лучше вижу, тем лучше делаю; переключение внимания – ведение – бросок ($R = 0,613$, $p < 0,05$): чем лучше переключаюсь, тем лучше ведение – бросок; время броска в движении с ведением мяча на 20 м восьмеркой, ($R = 0,755$, $p < 0,01$): чем лучше ведение мяча, тем короче время выполнения броска в движении. Обратная связь обнаружена между средними бросками и временем выполнения броска в движении ($R = -0,574$, $p < 0,05$): чем быстрее выполняется бросок в движении, тем выше результативность броска со средней дистанции.

Единственная связь, обнаруженная между челночным бегом и временем тактильной чувствительности ($R = 0,594$, $p < 0,05$), может трактоваться как случайная, если ее рассматривать с точки зрения целесообразности. Данный факт имеет место и требует внимания с двух позиций: либо это мало тренируемое действие в подготовке данной команды, либо этот вид передвижений имеет мало значение в подготовке баскетболистов.

Особую группу, не пересекающуюся и не взаимодействующую с другими показателями, составляют ведение мяча восьмеркой, средний бросок и время броска в движении, объединенные каждая лишь одной связью.

На рис. 2 представлены связи, обнаруженные в команде из Воронежа.

Статистический анализ показателей технической подготовленности и психических процессов среди баскетболисток этой команды также позволил выявить ряд взаимосвязей.

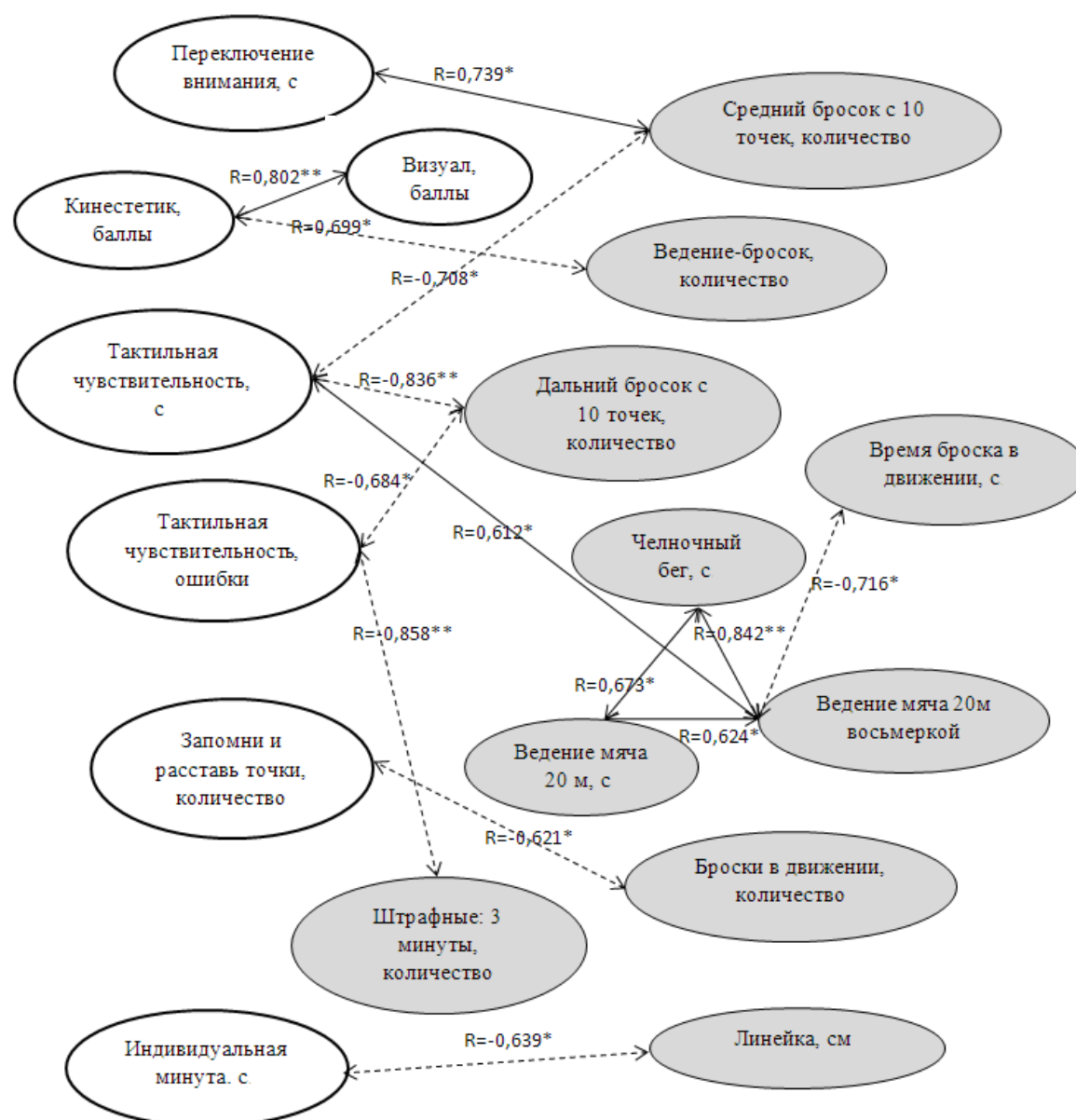

Рис. 2. Характеристика корреляционных связей между показателями технической подготовленности и психическими процессами у баскетболисток 14–15 лет из г. Воронежа. Сплошной линией обозначена прямая корреляция; прерывистой – обратная корреляция; * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01

Скорость переключения внимания коррелирует со средним броском с 10 точек ($R = 0,739$, $p < 0,05$): чем выше показатель переключения внимания, тем результативнее средний бросок с 10 точек.

Прямую взаимосвязь имеют показатели типа восприятия «визуал» и «кинестетик» ($R = 0,802$, $p < 0,01$). Кроме того, показатель восприятия типа «кинестетик» имеет обратную взаимосвязь с тестом «Ведение-бросок» ($R = -0,699$, $p < 0,05$): чем выше показатели кинестетического восприятия, тем меньше времени требуется на тест «Ведение-бросок».

Время выполнения теста на тактильную чувствительность демонстрирует обратную корреляцию с тестом «Средний бросок с 10 точек» ($R = -0,708$, $p < 0,05$) и с тестом «Дальний бросок с 10 точек» ($R = -0,836$, $p < 0,01$), прямую корреляцию с тестом «Ведение мяча 20 метров восьмеркой» ($R = 0,612$, $p < 0,05$). Чем

больше времени респондентам требуется для выполнения теста на тактильную чувствительность, тем ниже результат среднего и дальнего бросков с 10 точек; тем больше времени требуется для прохождения теста «Ведение мяча 20 метров восьмеркой».

Количество ошибок в тесте на тактильную чувствительность имеет обратную взаимосвязь с показателями теста «Штрафные броски: 3 минуты» ($R = -0,858$, $p < 0,01$) и с дальним броском с 10 точек ($R = -0,684$, $p < 0,05$). Чем больше ошибок в тесте на тактильную чувствительность допускают респонденты, тем меньше результативность теста «Штрафные: 3 минуты», тем меньше результативность дальнего броска с 10 точек.

Результативность теста «Ведение мяча 20 м» имеет прямую корреляцию с челночным бегом ($R = 0,673$, $p < 0,05$) и прямую корреляцию с тестом «Ведение

мяча 20 м восьмеркой» ($R = 0,624$, $p < 0,05$). Показатели технической подготовленности взаимосвязаны между собой: чем выше результаты ведения мяча 20 м, тем выше результаты челночного бега, лучше результаты ведения мяча 20 м восьмеркой.

Показатели времени броска в движении имеют обратную корреляцию ($R = -0,716$, $p < 0,05$) с показателями ведения мяча восьмеркой 20 м. Чем лучше результативность броска в движении, тем меньше времени требуется для ведения мяча восьмеркой 20 м.

Показатель количества бросков в движении имеет обратную корреляцию с результативностью теста «Запомни и расставь точки» ($R = -0,621$, $p < 0,05$).

Показатели челночного бега имеют прямую взаимосвязь с ведением мяча восьмеркой 20 м ($R = 0,842$, $p < 0,01$): чем результативнее показатели челночного бега, тем меньше времени требуется для выполнения данного упражнения.

Обратная корреляция выявлена между показателями теста «Линейка» и длительностью индивидуальной минуты ($R = -0,639$, $p < 0,05$). Чем быстрее респондент выполняет тест, тем более продолжительной является индивидуальная минута по сравнению с минутой физической.

Известно, что чем быстрее выполняется движение, тем сложнее его контролировать. Если движения не отточены, то их эффективность снижается. Проведенное исследование позволило обнаружить в команде г. Тулы четырёх-, трех- и двухсторонние связи не только между показателями технической подготовленности (что вполне закономерно), но и психическими процессами, а также между психическими процессами и технической подготовленностью баскетболистов. Найденные закономерности обусловлены высокими требованиями к точности технико-тактических действий, которые обеспечиваются механизмами сенсорного различения, пространственной, временной и динамической дифференцировкой движений в сферах зрительной, тактильной, проприоцептивной чувствительности. Это находит подтверждение в исследованиях J. Faubert, L. Sidebottom (2012), A.M. Williams (1999). Авторы подчеркивают значение развития навыков специализированного восприятия как признака спортивной формы и регулятора деятельности спортсмена, а также отмечают его роль в повышении надежности и вариативности соревновательных действий [2, 3].

Результаты проведённого нами исследования подтверждают необходимость учёта специфики процессов восприятия и переработки информации спортсменами в процессе подготовки, поскольку эффективность обучения и воспитания во многом определяется тем, насколько умело тренер передаёт информацию и создаёт условия для ее восприятия. Исследователи выделяют три основных канала восприятия: визуальный, аудиальный и телесных ощущений (кинестетический) [4], а в процессе выполнения движений все перечисленные системы активно взаимодействуют между собой [5].

Эффективное исполнение двигательных действий в соответствии с поставленными задачами спортивной подготовки отражает техническую оснащенность игрока, подразумевающую не только умение выполнять

базовые технические приемы, но и применять весь спектр технических действий в соревновательных условиях [6]. Этому мы находим подтверждение в трудах J. Faubert (2013) и D. T. Mann (2007), в которых упоминается тот факт, что спортсмены имеют более высокую сенсорную чувствительность по сравнению с лицами, не занимающимися спортом, а ее улучшение происходит именно в процессе тренировки и с ростом спортивного мастерства [7, 8]. А в ряде исследований авторов указывается, что специфика спортивной деятельности накладывает свой отпечаток на чувствительность сенсорных систем: спортсмены с высокой квалификацией имеют более развитые способности к восприятию и переработке информации по сравнению со спортсменами более низких квалификаций [2, 5]. При этом M. Voss (2009) отмечает, что указанные способности определяются не только внутренними факторами (индивидуально-психологические и физиологические особенности личности, эмоциональное состояние, жизненный опыт, ценности и установки), но и окружающими условиями (особенностями соревновательной деятельности и подготовки к ней, силой, интенсивностью, длительностью воздействий и пр.) [9].

Процесс воспроизведения двигательного действия в полной мере проявляется в специфических сенсорно-перцептивных способностях: оценке и регулировании динамических, пространственно-временных параметров движения, сохранении устойчивости (равновесия), чувствовании ритма и темпа. При этом сознательный характер выполнения физических упражнений выражается в совокупности ряда психических процессов: побуждений к совершенствованию, представлений о цели действия и средствах ее достижения, намерений выполнить данное упражнение. В исследованиях В.Н. Скворцова и А.Г. Маклакова (2007) взаимодействие процессов восприятия движения вместе с включением процессов памяти и мышления образуют понимание двигательного действия [10]. При этом восприятие информации в игровой деятельности носит избирательный характер, опосредованный сложившейся соревновательной ситуацией. Принятие адекватного решения зависит от важности или целесообразности игрового момента. Это значит, что спортсмен, реализуя собственную задумку в атаке или в обороне, должен принять во внимание противодействие соперника в согласовании с собственным замыслом и оценить информацию, которая этой задумке не соответствует [11], что требует не только физической и технической подготовленности, но и активного включения всех сенсорных систем. Именно они позволяют баскетболисту позиционировать себя в игровом пространстве с учетом его территориальных и временных границ, правильно рассчитать усилия достижения цели или для предотвращения действия негативных факторов [12].

Это дает нам основание обозначить всю указанную совокупность процессов как основу формирования комплексных образований функционально-ориентированных опор [12]. Чем больше связей мы обнаруживаем между процессами и их развитием, тем более стабильна опора, позволяющая качественно выполнить двигательное действие. Но поскольку все происходит

в развитии и представляет собой непрерывающийся процесс, то это выходит за рамки формирования динамического стереотипа. Чем большее вовлечение в процесс формирования функционально-ориентированных опор, состоящих из большего количества связей между показателями тестирования, тем больше вариантов для выбора целесообразного применения технико-тактических действий в условиях соревновательной деятельности.

Анализ корреляционных взаимосвязей в команде г. Тулы позволяет нам выделить следующие функциональные опоры:

1. Переключение внимания – тактильная чувствительность – чувство мяча во времени – чувство мяча (ошибки) – ведение и бросок. Данные связи мы условно можем обозначить как *умение ориентироваться в пространстве*.

2. Индивидуальная минута – время тактильной чувствительности – переключение внимания – количество бросков в движении, которые мы можем обозначить как *умение распоряжаться временем*.

3. Бросок с дальней дистанции – количество бросков в движении – штрафные броски – кинестетическое восприятие движений, что может быть обозначено как *чувство броска*.

4. Количество бросков в движении – штрафные броски – броски с дальней дистанции – индивидуальная минута, что может быть обозначено как *интенсивность нападения* (количество бросков в единицу времени).

Для команды Воронежа характерны следующие функциональные опоры:

1. Тактильная чувствительность – бросок в дальней дистанции – бросок со средней дистанции – ведение мяча восьмеркой, которую мы можем обозначить как *чувство мяча*.

2. Ведение мяча восьмеркой – челночный бег – ведение мяча 20 м – время броска в движении – тактильная чувствительность, которую мы можем обозначить как *чувство мяча во взаимосвязи с физической подготовленностью*.

В дальнейшем найденные закономерности могут стать одним из путей повышения эффективности соревновательного процесса в детско-юношеском баскетболе. Вопросы точности и скорости двигательных действий в современном баскетболе могут быть решены традиционных форм подготовки; кроме того, они требуют более активного включения психических процессов и соответствующей познавательной деятельности спортсмена как субъекта самосознания и спортивной деятельности, что находит подтверждение в ряде исследований [13, 14]. В частности, Т.С. Тима-

кова (2016) подчеркивает, что типологически спортсмен сегодня сильно изменился за счет отбора лиц с повышенной ролью механизмов сенсорной чувствительности и когнитивно-интеллектуальной составляющей [13].

Таким образом, готовность спортсмена к профессиональной деятельности на уровне психических процессов (переключение внимания, коррекция ошибок, восприятие информации и пр.) приобретает всё большую значимость. Возникает необходимость организации как физических, так и психических ресурсов, при этом спортсмены должны освоить искусство психической экономии, что будет способствовать повышению уровня психической энергии [15].

Заключение

Наличие многочисленных связей между показателями технической подготовленности и психическими процессами, связанными с восприятием и переработкой информации на высоком и среднем уровне, свидетельствует о необходимости направленной подготовки баскетболистов 14–15 лет с целью обучения умению управлять сенсорно-перцептивными процессами, различной чувствительностью, модальностью восприятия информации, оперативным мышлением и вниманием.

Это обусловлено как высокими требованиями баскетбола к точности технико-тактических действий, так и характером сенсорно-перцептивных процессов. Управление взаимосвязями показателей технической подготовки и сенсорно-перцептивных процессов влияет на скорость принятия решения в игровых ситуациях и рациональное поведение баскетболиста в условиях жесткого лимита времени.

Таким образом, мы можем наметить следующие направления дальнейшей работы, взяв за основу формирование комплексных образований функционально-ориентированных опор:

- разработка практико-ориентированных программ с целью развития чувства времени и пространства (повышение чувствительности анализаторов с помощью заданий по упражнению их функций);

- совершенствование механизма регулирования технических действий посредством развития ритма движений и кинестетической чувствительности, направленных на умение дифференцировать мышечное усилие для определения точности движения и профилактики травматизма;

- применение психологических приемов и методов саморегуляции в цикле подготовки для поддержания эмоциональной стабильности спортсменов.

Список источников

1. Миколо Е.В. Развитие сенсорно-перцептивных качеств спортсменов на этапах становления спортивного мастерства. Минск : БГУФК, 2014. 104 с.
2. Faubert J., Sidebottom L. Perceptual-cognitive training of athletes // Journal of Clinical Sport Psychology. 2012. No. 6. P. 85–102. doi: 10.1123/jcsp.6.1.85
3. Williams A.M., Davids K., Williams J.G. Visual Perception and Action in sport. London : E & F Spon, 1999.
4. Зинченко Ю.П., Тоневский А.Г. Психология спорта. М. : МГУ, 2011. 424 с.
5. Ровный А.С., Ровная О.А., Галимский А.А. Роль сенсорных систем в управлении сложно-координированными движениями спортсменов // Слобожанский научно-спортивный вестник. 2014. № 3. С. 78–85.
6. Макеева В.С., Шайкина О.Е. Оценка качества переработки сенсорно-перцептивной информации, физической и технической подготовленности баскетболистов 14–15 лет // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2021. Т. 6, № 2. С. 37–41. doi: 10.47475/2500-0365-2021-16205

7. Faubert J. Professional athletes have extraordinary skills for rapidly learning complex and neutral dynamic visual scenes // *Scientific Reports*. 2013. No. 3. Art. No. 1154. doi: 10.1038/srep01154
8. Mann D.T., Williams A.M., Ward P., Janelle C.M. Perceptual-cognitive expertise in sport: A meta-analysis // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2007. № 29 (4). P. 457–478. doi: 10.1123/jsep.29.4.457
9. Voss M., Kramer A.F., Prakash R.S., Roberts B., Basak C. Are expert athletes “expert” in the cognitive laboratory? A meta-analytic review of cognition and sport expertise // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. № 24. P. 812–826. doi: 10.1002/acp.1588
10. Скворцов В.Н., Маклаков А.Г. Возрастные этапы развития психики человека. СПб., 2007. 119 с.
11. Болотин А., Бакаев В. Различия в реакции дыхательной системы бегунов на длинные и средние дистанции и их влияние на скорость восстановления // *Журнал физического воспитания и спорта*. 2017. № 17(4). С. 2443–2446. doi: 10.7752/jpes.2017.0427
12. Шайкина О.Е. Формирование готовности баскетболисток 14–15 лет к соревновательной деятельности на основе комплексных образований «функциональные опоры технико-тактических действий»: дис. ... канд. пед. наук. М., 2022. 166 с.
13. Тимакова Т.С. К проблеме повышения качества подготовки квалифицированного резерва спортивными школами страны // *Вестник спортивной науки*. 2016. № 3. С. 18–22.
14. Тимакова Т.С. Факторы спортивного отбора, или Кто становится олимпийским чемпионом. М.: Спорт, 2018. 288 с.
15. Федунина Н.Ю. Динамические аспекты соревновательной деятельности в рамках подхода Пьера Жана // *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2020. № 2. С. 86–103.

References

1. Mikulo, E.V. (2014) *Razvitie sensorno-pertseptivnykh kachestv sportsmenov na etapakh stanovleniya sportivnogo masterstva* [Development of Sensory-Perceptual Qualities of Athletes at the Stages of Developing Sportsmanship]. Minsk: Belarusian State University of Physical Culture.
2. Faubert, J. & Sidebottom, L. (2012) Perceptual-cognitive training of athletes. *Journal of Clinical Sport Psychology*. 6. pp. 85–102. doi: 10.1123/jcsp.6.1.85
3. Williams, A.M., Davids, K. & Williams, J.G. (1999) *Visual Perception and Action in Sport*. London: E & F Spon.
4. Zinchenko, Yu.P. & Tonevitskiy, A.G. (2011) *Psikhologiya sporta* [Psychology of Sports]. Moscow: Moscow State University.
5. Rovnyy, A.S., Rovnaya, O.A. & Galimskiy, A.A. (2014) Rol' sensornykh sistem v upravlenii slozhno-koordinirovannymi dvizheniyami sportsmenov [The role of sensory systems in the control of complexly coordinated movements of athletes]. *Slobozhanskiy nauchno-sportivnyy vestnik*. 3. pp. 78–85.
6. Makeeva, V.S. & Shaykina, O.E. (2021) Otsenka kachestva pererabotki sensorno-pertseptivnoy informatsii, fizicheskoy i tekhnicheskoy podgotovlennosti basketbolistok 14–15 let [Assessing the quality of processing sensory-perceptual information, physical and technical preparedness of female basketball players 14–15 years old]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya*. 2 (6). pp. 37–41. doi: 10.47475/2500-0365-2021-16205
7. Faubert, J. (2013) Professional athletes have extraordinary skills for rapidly learning complex and neutral dynamic visual scenes. *Scientific Reports*. 3. Art. 1154. doi: 10.1038/srep01154
8. Mann, D.T. et al. (2007) Perceptual-cognitive expertise in sport: A meta-analysis. *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 29 (4). pp. 457–478. doi: 10.1123/jsep.29.4.457
9. Voss, M. et al. (2009) Are expert athletes “expert” in the cognitive laboratory? A meta-analytic review of cognition and sport expertise. *Applied Cognitive Psychology*. 24. pp. 812–826. doi: 10.1002/acp.1588
10. Skvortsov, V.N. & Maklakov, A.G. (2007) *Vozrastnye etapy razvitiya psikhiki cheloveka* [Age Stages of Development of the Human Psyche]. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University.
11. Bolotin, A. & Bakaev, V. (2017) Razlichiya v reaksii dykhatel'noy sistemy begunov na dlinnye i srednie distantsii i ikh vliyaniye na skorost' vosstanovleniya [Differences in the reaction of the respiratory system of runners over long and medium distances and their impact on the speed of recovery]. *Zhurnal fizicheskogo vospitaniya i sporta*. 17 (4). pp. 2443–2446. doi: 10.7752/jpes.2017.0427
12. Shaykina, O.E. (2022) *Formirovaniye gotovnosti basketbolistok 14–15 let k sorevnovatel'noy deyatel'nosti na osnove kompleksnykh obrazovaniy “funktsional'nye opory tekhniko-takticheskikh deystviy”* [Formation of readiness of 14–15 year old female basketball players for competitive activity on the basis of complex formations “functional supports of technical and tactical actions”]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
13. Timakova, T.S. (2016) K probleme povysheniya kachestva podgotovki kvalifitsirovannogo rezerva sportivnymi shkolami strany [On the problem of improving the quality of training of qualified reserves by sports schools in the country]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 3. pp. 18–22.
14. Timakova, T.S. (2018) *Faktory sportivnogo otbora, ili Kto stanovitsya olimpiyskim chempionom* [Factors of Sports Selection, or Who becomes the Olympic champion]. Moscow: Sport.
15. Fedunina, N.Yu. (2020) Dinamicheskie aspekty sorevnovatel'noy deyatel'nosti v ramkakh podkhoda P'era Zhane [Dynamic aspects of competitive activity within the framework of Pierre Janet's approach]. *Vestnik RGGU. Seriya “Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie”*. 2. pp. 86–103.

Информация об авторах:

Макеева В.С. – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики баскетбола Российского университета спорта (Москва, Россия). E-mail: vera_191@mail.ru

Шайкина О.Е. – старший преподаватель кафедры теории и методики спортивных игр Воронежской государственной академии спорта (Воронеж, Россия). E-mail: oksaankaa@mail.ru

Широкова Е.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: kaktus86@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S. Makeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Russian University of Sport (Moscow, Russian Federation). E-mail: vera_191@mail.ru

O.E. Shaykina, senior lecturer, Voronezh State Academy of Sports (Voronezh, Russian Federation). E-mail: oksaankaa@mail.ru

E.A. Shirokova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: kaktus86@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2023;
одобрена после рецензирования 04.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 01.11.2023;
approved after reviewing 04.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/500/20

Проектный метод как технология создания языковой образовательной среды для овладения русским языком как иностранным: опыт российско-венгерского учебного проекта

Наталья Георгиевна Нестерова¹, Светлана Алексеевна Хамшовски²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, nesterovatomsk@mail.ru

² Будапештский экономический университет прикладных наук, Будапешт, Венгрия, hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

Аннотация. Рассматривается проблема эффективных технологий обучения русскому языку как иностранному. Представлены результаты проектного метода, реализованного в российско-венгерском долгосрочном учебном проекте, осуществленном в формате международного мультикультурного разговорного студенческого онлайн-клуба. Эффективность применения проектного метода в формировании образовательной онлайн-среды, благоприятной для овладения русским языком, обоснована полученными результатами и данными анкетирования.

Ключевые слова: проектный метод, языковая образовательная среда, международный учебный проект, разговорный онлайн-клуб, овладение языком, русский язык как иностранный

Для цитирования: Нестерова Н.Г., Хамшовски С.А. Проектный метод как технология создания языковой образовательной среды для овладения русским языком как иностранным: опыт российско-венгерского учебного проекта // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 185–196. doi: 10.17223/15617793/500/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/20

The project method as a technology for creating an environment for mastering Russian as a foreign language: The experience of a Russian-Hungarian education project

Natalya G. Nesterova¹, Svetlana A. Hamsovszki²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nesterovatomsk@mail.ru

² Budapest Business University, Budapest, Hungary, hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

Abstract. The article presents the results of the implementation of a Russian-Hungarian educational project, conducted in the form of a remote Russian conversation club in 2021–2023. The participants of the project were master's students from Tomsk State University (TSU) and students from Budapest Business University (BBU), who joined the project with their goals and achieved results important to both of the sides. The methodological basis of the study was scientific works on project-based learning. At BBU, Russian is taught as a specialty language. Many students have to start studying Russian at the university; they know very little about Russia, and their knowledge often diverges from reality. This fact makes it difficult to study the language and understand Russian culture. The training should be comprehensive. It is not enough for future economists and partners of Russian business people to learn a set of phrases and expressions used in the field of business communication. They are in need of knowledge about the Russian reality and cultural life of modern Russia. Thus, Hungarian students have a need to communicate with native speakers of the language they study. TSU master's students studying philology, specializing in Russian as a foreign language, also need contact with their potential students and broaden their information about foreign students from different countries. It was decided to organize a club. The conversation club has become a multicultural space for thematic conversational online meetings using multimedia technologies (presentations, video and audio materials), in which not only representatives of Russia and Hungary, but also TSU undergraduates from other countries participated. They joined the project as part of the course Project and Research Activities in Philology. Creating a favourable atmosphere contributes to more successful learning. In accordance with the curriculum, the first block of this course involves studying the specifics of organizing project activities in education; design technologies; principles of organizing project activities, conditions and results of project activities; features of organizing project activities in the aspect of Russian as a foreign language. The objective of the project was to create optimal conditions for solving the above-mentioned tasks. The authors of the article emphasize that the Russian Club for Hungarian students became an opportunity to practice speaking skills in Russian with native speakers and became a guide to Russian culture. The particular significance of the project for undergraduates from TSU is that the project provides an opportunity to demonstrate both creative and role-based research activities based on interaction with young foreigners studying Russian. The project can be recommended as an effective technology for developing communicative competence among all project participants and professional competencies among future teachers of Russian as a foreign language.

Keywords: project method, language educational environment, international educational project, online conversation club, language acquisition, Russian as foreign language

For citation: Nesterova, N.G. & Hamsovszki, S.A. (2024) The project method as a technology for creating an environment for mastering Russian as a foreign language: The experience of a Russian-Hungarian education project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 185–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/20

Введение

Актуальность исследования обусловлена прежде всего востребованностью современных образовательных технологий, к числу которых относится проектный метод. Усиливают актуальность проведенного исследования по меньшей мере два значимых обстоятельства: онлайн-формат осуществления проекта и мультикультурный состав его участников.

Целью статьи является обоснование эффективности проектного метода в создании образовательной языковой среды, обеспечивающей иностранным обучающимся успешное овладение русским языком как иностранным (РКИ).

Научная новизна реализованного проекта состоит в том, что представленный формат встреч в международном мультикультурном онлайн-пространстве (студенты из Венгрии, России, Туркменистана, Казахстана, Китая) прежде не проводился (или, как минимум, не был обнаружен в научно-методической литературе) и представляет собой новый успешный лингводидактический опыт.

Методологическая база исследования

Методологическую основу изучения эффективных образовательных технологий составили научно-методические труды, посвященные проектному, проблемно- и личностно ориентированному обучению с опорой на системный и коммуникативно-деятельностный подходы.

Проектный метод является одновременно объектом изучения и методом, в соответствии с которым была организована деятельность, направленная на создание образовательной среды для успешного овладения русским языком как иностранным. В обобщении результатов осуществленного проекта применены: метод научного описания, включающий приемы анализа и синтеза; метод контроля знаний; метод анкетирования.

Поиск оптимальных методов и приемов, способствующих повышению эффективности обучения иностранному языку, убеждает в том, что это процесс непрекращающийся и что вопросы, связанные с проектным обучением, являются неизменно актуальными. Так, У.Х. Килпатрик еще в начале XX в. в эссе «Метод проектов» подчеркивал важность метода обучения, при котором учебная деятельность учащихся определяется их собственными целями [1]. Современные исследователи отмечают, что свобода и вызов, перед которыми оказываются студенты в процессе решения проблем, связанных с созданием собственных проектов, приводят к высокому уровню их вовлеченности в

творческую работу [2] благодаря когнитивным задачам [3], подчеркивают важность студенческого сотрудничества, совместной мыслительной активности при создании проектов и их презентаций [4, 5].

Согласно научно-методическим трудам, в процессе проектной деятельности учащиеся не только воспроизводят информацию, но и активно используют свои знания, умения и навыки для изучения, обсуждения, представления результатов учебной деятельности и создания чего-то нового. Предлагая актуальные решения, они прогрессируют в обучении [6. С. 31]. Таким образом, проектная деятельность расценивается как «фактор повышения качества образования» [7. С. 37].

Проектная деятельность расценивается специалистами как особый тип обучения на основе запроса, в результате которого образовательный процесс оказывается связанным с реальной практикой [8] и обеспечивает приобретение существенного опыта обучения, в том числе специальности [9, 10]. Целый ряд работ демонстрирует привлечение проектного метода в обучении русскому языку как иностранному в вузах медицинского профиля. Так, в статье Л.В. Разуваевой и С.В. Шерстниковой [11] рассматриваются этапы реализации проекта, название которого («Возможно ли вылечить А.С. Пушкина в наши дни?») содержит вопросительную интенцию, предполагающую систему обоснований, а также, как следствие, активную интеллектуальную деятельность участников проекта и опору на профессиональные компетенции.

В специальной литературе утверждается также, что проектная деятельность как форма обучения имеет четкие связи с другими педагогическими подходами, включая проблемно ориентированное обучение [12].

Имеют место труды, посвященные эффективности проектного обучения в системе высшего образования в разных странах. Так, в рамках университетской языковой программы в Ирландии реализованы проекты с использованием теории деятельности [13]. Значительная часть этих исследований сосредоточена на инженерном образовании (см., например: [14]). Актуальность метода проектов в обучении техническим специальностям подтверждают также работы российских исследователей (см., например: [15, 16]).

Учеными-методистами замечено, что навыки самооценки, формируемые в процессе проектной деятельности, могут помочь учащимся научиться регулировать свое собственное обучение [17] и что в ходе реализации проекта обучающимся нередко приходится применять компетенции, которые не являются ключевыми в рамках изучаемого предмета, но которые будут необходимы в повседневной жизни [18].

В работах венгерских исследователей также описано использование метода проектов [19, 20], акцентируется значимость работы в команде [21]; отмечается, что обучение на основе проектов обеспечивает комплексное развитие у учащихся самых разных видов деятельности, что позволяет самостоятельно обучаться на протяжении всей жизни [6. Р. 44–45]. Некоторые венгерские исследователи, работающие в этом направлении, считают целесообразным использовать метод проектов уже в детском саду [22] и средней школе [23].

Вопросы проектной деятельности в высших учебных заведениях Венгрии освещаются в целом ряде публикаций [24–26 и др.]. Особый интерес вызывают наблюдения З. Поора, который подчеркивает роль проектной деятельности в процессе обучения иностранным языкам [27].

Раскрывая значимость в учебном процессе проектной деятельности, белорусский исследователь О.М. Дорогокупец-Новицкая акцентирует внимание на том, что данная деятельность основана на продуктивных технологиях: будучи нацеленной на получение нового образовательного продукта, она «способствует активному развитию коммуникативных навыков студента-иностранца, а также позволяет иностранному студенту проявить исследовательские и творческие способности» [28. С. 339].

Специалистами предлагаются результаты сравнительного анализа российских традиционных методов обучения РКИ, проектного метода и европейского подхода к обучению иностранным языкам. Так, в работе Н.Л. Смит проектная деятельность расценивается как единство различных методов обучения; квалифицируется как интеграционный подход к формированию и развитию гибких навыков и профессиональных компетенций; связывается с инновационными концепциями языкового обучения в высшем образовании [29. С. 6]. В целом подходы к проектной деятельности, реализуемые российскими исследователями и методистами, коррелируют с достижениями зарубежных ученых. Так, Ю.А. Соколова [30] относит проектную деятельность к наиболее эффективным способам социокультурной адаптации иностранных студентов и демонстрирует эту деятельность на примере работы со студентами, изучающими русский язык на втором сертификационном уровне. Важно отметить, что автором обсуждаемой работы метод проекта рассматривается в контексте личностно ориентированного и коммуникативно-деятельностного подходов в обучении.

Научная литература по данной проблематике отражает опыт организации проектной деятельности не только на продвинутых этапах обучения, но и на начальном [31] и базовом [32].

В контексте российско-венгерского студенческого проекта, опыт которого предлагается в данной статье, специальное внимание обращено на научные публикации, посвященные студенческим разговорным клубам. Из научно-методической литературы следует, что, реализуемые во внеаудиторной деятельности, они под разными названиями функционируют во многих вузах России. Так, в Удмуртском государственном университете действует *Международный студенческий клуб*,

роль которого преподаватели-методисты видят в расширении образовательного пространства для иностранных студентов [33. С. 430]. В названиях некоторых студенческих объединений, функционирующих в формате разговорного клуба, конкретизированы национальные группы участников. К числу таких, например, относится *Российско-китайский клуб общения на русском языке*, который функционирует в Якутском государственном университете. Эффективность деятельности клуба авторы связывают с использованием «этноориентированных технологий, методов, форм, приемов обучения РКИ с учетом региональных особенностей Республики Саха (Якутия)» [34. С. 172]. Специалисты Московского политехнического университета делятся опытом работы *Клуба иностранных любителей русского языка и культуры*, концепция которого основана на лингвокультурологическом подходе, предполагающем, как амбициозно заявляют авторы, глубокое знакомство с русской историей, искусством и языком [35. С. 82].

Научные источники отражают особенности работы студенческих разговорных клубов как особого вида учебной деятельности в преподавании РКИ на разных уровнях обучения русскому языку – от базового [36] до второго сертификационного [37] – и презентуют ключевые векторы деятельности.

Так, рассматривая «русский клуб» как способ лингвокультурной адаптации иностранных студентов в условиях языковой среды, авторы акцентируют внимание на наиболее эффективных формах внеаудиторной работы, в числе которых отмечают межкультурный коммуникативный тренинг, мастер-классы, проектную деятельность, учебную экскурсию [38. С. 87]. Стратегию Международного студенческого клуба, деятельность которого развивается на кафедре русского языка и культуры речи Курского государственного медицинского университета, Д.Д. Дмитриева связывает с расширением страноведческих знаний студентов [39], а также с развитием «их речевых навыков и умений для формирования интернационального коллектива, готового к межкультурной коммуникации» [40]. М.С. Логинова, представляя деятельность *Дискуссионного клуба*, функционирующего в Московском педагогическом государственном университете, на конкретном примере демонстрирует, как «дискуссионные площадки способствуют развитию коммуникативной компетенции учащихся, владеющих русским языком на базовом уровне, а также позволяют повысить интерес и мотивацию студентов-иностранцев к изучению русского языка» [41. С. 112].

Представленный в кратком обзоре далеко не полный объем встретившихся при подготовке статьи публикаций свидетельствует о том, что в современном образовании в разных странах проектная деятельность занимает одно из приоритетных положений и что международные студенческие разговорные клубы являются востребованной формой проектной деятельности.

Обсуждение и результаты

При изучении русского языка как иностранного вне языковой среды приходится сталкиваться со следующими проблемами: недостаточное для полноценного

усвоения учебной программы количество аудиторных занятий и большая наполняемость групп. Практикующему преподавателю хорошо известно, что в группе, состоящей из 15–20 обучаемых, сложно осуществить речевую практику и текущий контроль за усвоением лексико-грамматического материала. В Будапештском экономическом университете прикладных наук русский язык преподается как язык специальности. Многие студентам приходится начинать изучение языка с нуля. Отмеченные обстоятельства затрудняют усвоение не только языка, но и культуры страны изучаемого языка, освоение которых должно быть взаимосвязано. Будущим экономистам недостаточно выучить набор фраз и выражений, используемых в сфере делового общения. Необходимо иметь как минимум представление о культуре и реалиях современной России. Исходя из этого, у венгерских студентов возникает острая необходимость в общении с носителями изучаемого языка.

В то же время магистранты ТГУ, обучающиеся по направлению подготовки 45.04.01 Филология, специализация *Русский язык как иностранный*, нуждаются в контакте с потенциальными обучающимися и в расширении представлений о специфике обучения зарубежных студентов разных стран.

Магистранты участвовали в репрезентируемом проекте в рамках курса *Проектная и исследовательская деятельность в филологии*. Первый блок этого курса в соответствии с рабочей программой дисциплины предполагает изучение специфики организации проектной деятельности в образовании и особенностей ее реализации в аспекте РКИ; технологии проектирования; условий и результатов. Формирование соответствующих компетенций у магистрантов потребовало определить оптимальный способ взаимодействия с венгерскими студентами. В результате коллективных обсуждений было принято решение организовать международный разговорный клуб, предполагающий онлайн-встречи магистрантов, будущих преподавателей русского языка как иностранного, и венгерских студентов, изучающих русский язык.

Целью проекта стало создание оптимальных условий для развития языковой и – шире – коммуникативной компетенций у венгерских студентов, начинающих изучать русский язык. Были определены следующие задачи: за счет погружения участников в русскую языковую среду создать максимально благоприятные условия для диалогического общения; расширить словарный запас студентов; обеспечить новые возможности для знакомства с русской культурой и (самое главное!) с носителями русского языка. В соответствии с выдвинутой гипотезой решение поставленных задач должно было снять барьер перед вступлением в коммуникацию на русском языке.

Перед российскими магистрантами стояли задачи овладения технологией проектирования; формирования необходимых для педагогической деятельности универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, включающих способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций, вырабатывать стратегию действий; управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла; определять

и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки.

Совместными усилиями российских и венгерских участников было создано коммуникативное пространство в формате регулярно действующего разговорного онлайн-клуба, направленного на развитие у венгерских студентов коммуникативной компетенции, реализуемой на русском языке, а у магистрантов – профессиональных компетенций.

Опыт в организации подобного вида деятельности в ТГУ имелся. Так, еще в 2014 г. Конкурсной комиссией ТГУ был поддержан проект «Русский клуб: социокультурная адаптация иностранных студентов», который к тому времени уже несколько лет функционировал на филологическом факультете как форма внеурочной работы с иностранными студентами. Одним из первых результатов проектной деятельности *Русского клуба* стало учебно-методическое пособие [42], подготовленное магистрантами программы «Русский язык как иностранный». Идея была масштабирована, и *Русский разговорный клуб* успешно функционирует в ТГУ уже более 10 лет. Регулярные встречи с иностранными студентами организуются в настоящее время на нескольких вузовских площадках.

Организация российско-венгерского учебного проекта

В сентябре 2020 г. был организован международный разговорный онлайн-клуб «Самовар», реализованный посредством платформы ZOOM. В ходе фронтального изучения научной литературы по теме авторам данной статьи встретилась публикация Е.М. Милосердовой, которой в 2021 г. был описан опыт дистанционной работы преподавателя по лингвокультурной адаптации иностранных студентов [43]. Принципиальной особенностью нашего проекта является то, что все его участники – обучающиеся: в проекте были задействованы магистранты российского вуза и студенты венгерского вуза.

Название «Самовар», будучи культурно-специфичной языковой единицей, по предположению, должно было настроить всех участников учебного проекта на неформальное общение и психологически комфортное взаимодействие.

В осуществлении проекта были заняты 11 магистрантов программы «Русский язык как иностранный» Томского государственного университета (Россия); 10 студентов Будапештского экономического университета прикладных наук (Венгрия); венгерский и российский преподаватели (в качестве консультантов). На начальном этапе проекта у венгерских студентов уровень владения русским языком был А2. Среди магистрантов российского вуза были не только те, которые используют русский язык как родной или второй родной (в их числе магистранты из Казахстана (1) и Киргизии (1)), но также представители Китая (3) и Узбекистана (1), для которых русский язык является иностранным. Магистрантка из Туркменистана прошла в Томске обучение по программе бакалавриата (4 года

обучения) и свободно говорила по-русски. Другие иностранные магистранты, зачисленные на 1-й курс магистратуры, нуждались в коррективовочном курсе русского языка, посещали соответствующий курс по практике устной и письменной речи; их участие в устной диалогической коммуникации с венгерскими студентами было минимизировано.

Исходя из установки, что в проекте преподаватели доминировать не должны, мы выполняли роль равноправных кураторов, при этом руководствовались принципом субъект-субъектного взаимодействия со всеми участниками проекта и включались в его осуществление на правах консультантов. На начальном этапе осуществления проекта роль преподавателей-консультантов состояла в том, чтобы помочь в установлении общения магистрантов ТГУ с венгерскими студентами, имеющими начальный уровень владения русским языком.

Венгерский консультант взаимодействовал как с венгерскими, так и с российскими участниками проекта на этапах формирования тематического плана, отбора лексико-грамматического материала, соответствующего уровню владения языком и образовательной программе; оказывал помощь в решении организационных вопросов с учетом пожеланий и предложений обеих сторон. Содержание проекта, согласованное на начальной стадии, уточнялось в соответствии с меняющимися обстоятельствами, прежде всего связанными с расписанием занятий. Учитывались предложения как венгерских студентов, так и российских магистрантов.

Российский преподаватель, взаимодействуя с магистрантами, курировал организационно-методические вопросы. На семинарах с магистрантами обсуждались этапы проектирования, принципы и способы реализации проекта, текущие проблемы и способы их преодоления, методические приемы введения и закрепления языкового материала. Анализировались вопросы, связанные с планированием встреч, удачные и неудачные моменты мероприятий; обсуждались способы введения темы с учетом разного объема словарного запаса участников; обосновывались различные виды активностей, в том числе игры и конкурсы, не требующие высокого уровня владения языком.

На этапе запуска проекта были даны рекомендации по подготовке к онлайн-встречам и по организации диалогического общения со студентами, только начинающими изучение языка. Особое внимание было уделено изучению информации о Венгрии и венграх, венгерском языке и культуре.

На первой (установочной) встрече преподаватели познакомились с участниками проекта, в дальнейшем в ходе встреч не визуализировались и лишь при необходимости помогали участникам установить контакт, в том числе посредством перевода непонятных высказываний (заданий) на родной язык студентов.

Принципы организации разговорного клуба «Самовар»

Организационные и содержательные особенности создания языковой среды, способствующей овладению

русским языком как иностранным, представим через принципы, на основе которых осуществлялась деятельность клуба «Самовар».

Принцип взаимной заинтересованности. Венгерская и российская стороны-участницы были равноценно заинтересованы в данном проекте, так как он позволил решить несколько педагогических задач, актуальных для обеих сторон.

Венгерские студенты получили возможность общаться с носителями языка в неформальной обстановке, углубляя свои знания в области русского языка и развивая межкультурную компетенцию.

Для магистрантов клуб «Самовар» был обоснован образовательной программой и учебным планом, который предусматривает освоение проектной деятельности. Взаимодействие магистрантов с венгерскими студентами стало для первых также частью учебно-педагогической практики. У магистрантов, готовящихся стать преподавателями РКИ, появилась новая площадка для формирования профессиональных компетенций, которые выразились в способности моделировать образовательный процесс в предметной области, в овладении умениями реализации предметного содержания и его адаптации в соответствии с особенностями обучающихся, в подготовке учебно-методических материалов, в создании учебно-методического продукта, соответствующего дидактическим задачам, методологическим и методическим подходам.

Доверие магистрантам такой ответственности согласуется с положениями, отраженными в научно-методических работах, в которых рассматриваются достоинства проектного обучения в вузе при подготовке будущих учителей. Сделанные в ходе применения проектного метода наблюдения коррелируют с мнением некоторых исследователей, утверждающих, что в подобных ситуациях учащиеся-преподаватели более эффективно обучаются способам решения методических проблем [43].

Существенные результаты отмечены в области психолого-педагогической адаптации будущих преподавателей: органично преодолен психологический барьер, с которым сталкиваются большинство начинающих преподавателей; постепенно формировались умения поддерживать у студентов готовность к дополнительно, вне уроков, заниматься русским языком. Магистранты осознали важность устойчивого желания студентов регулярно посещать организуемые встречи: только в этом случае можно рассчитывать на успех проекта.

Принцип посильности. Магистранты включились в организацию разговорного клуба в первый месяц обучения по магистерской программе, не обладая профессиональными компетенциями, в самом начале процесса приобретения методических знаний, умений и навыков. Во многих случаях магистрантам приходилось действовать интуитивно, опираясь на методические установки в ходе изучения соответствующих учебных курсов. Преодоление трудностей и значительная степень самостоятельности в подготовке к онлайн-встречам вызывали у них азарт.

Каждый член магистерской группы выполнял сильные для него функции. На начальном этапе осуществления проекта ответственность за организацию и проведение встреч взяли на себя магистранты из числа выпускников бакалавриата филологического факультета ТГУ, имеющие опыт педагогической практики в школе (функции модератора проекта выполняла Сальмурзаева Зарина, в настоящее время она успешно работает преподавателем Центра довузовской подготовки Томского государственного университета). Иностранные магистранты принимали активное участие в подборе иллюстративного материала, в оформлении презентаций, стараясь реализовать свои знания и умения в области онлайн-технологий и приобрести новые. Такое доверие магистрантам было оправдано и тем, что тематические беседы в разговорном клубе квалифицировались не как учебные занятия, а как «встречи у самовара». Дружескому, неофициальному настрою на встречу способствовала эмблема клуба (изображение самовара, расписанного в стиле хохломской росписи), которая сопровождала приглашение на еженедельную встречу.

Венгерские студенты выполняли предложенные во время встреч задания, отвечали на вопросы, самостоятельно готовили презентации, на которых они рассказывали о своей стране, о городе, в котором живут, о своем хобби.

Принцип учета интересов участников проекта. Магистранты исходили из того, что, во-первых, обсуждаемые в клубе «Самовар» темы должны быть интересны студентам, связаны с их реальной жизнью, поэтому они были открыты для предложений от венгерских студентов. Во-вторых, предлагаемые темы должны отвечать критерию актуальности и соотноситься с программой обучения студентов. Такой подход, осуществленный при консультативном участии венгерского преподавателя, позволил студентам легче осваивать лексико-грамматические темы, изучаемые в соответствии с вузовской программой. В-третьих, участники проекта осознанно относились к взаимосвязи языка и культуры, что обусловило включение тем, посвященных событиям и календарным праздникам России и Венгрии. Таким образом, была реализована идея свободного творчества участников проекта.

Принцип интерактивности. В ходе онлайн-встречи студенты вовлекались в активный диалог; устраивали презентации о городах своей страны и достопримечательностях, рассказывали о блюдах венгерской национальной кухни и т.д.

Принцип регулярности. «Встречи у самовара» проводились планово по установленной электронной ссылке. Этот организационный принцип важен потому, что обеспечивал студентам возможность включить встречу в разговорный клуб в свое расписание.

Принцип диалога культур. Разговорный клуб «Самовар» на два года стал мультикультурным пространством для проведения онлайн-встреч, в которых участвовали не только представители России и Венгрии, но и, как уже отмечалось, магистранты из других стран. Получая информацию о русской культуре, студенты расширили лексико-фразеологический запас за

счет языковых единиц, которые выходят за рамки лексического минимума, расширяют пассивный словарный запас студентов и дополняют фоновые знания о России. Информационные фрагменты, благодаря которым студенты получили возможность познакомиться с культурой представителей других стран, также актуальны. Например, в теме «На любой вкус», в рамках которой изучалась лексическая тема «Еда», речь шла не только о русской и венгерской национальных кухнях, но и о туркменской кухне, представленной магистранткой из Туркменистана. Это расширило представление венгерских студентов об образовательной ситуации в российских вузах. В сценарий каждой «встречи у самовара» была включена информация о русской культуре (праздник, традиционное ремесло, фильм, музыкальное направление и т.п.).

Иностранным магистрантам, обучающимся по программе «Русский язык как иностранный», участие в разговорном клубе «Самовар» также обеспечило расширение кругозора. Принцип диалога культур способствовал более адекватному взаимопониманию и духовному взаимообогащению представителей разных лингвокультур.

Формат встреч в разговорном онлайн-клубе

Реализация проекта осуществлялась в формате тематических разговорных онлайн-встреч с привлечением мультимедийных технологий (презентации, видео- и аудиоматериалы).

Российско-венгерские встречи проходили с учетом программы курса русского языка, принятой в Будапештском экономическом университете прикладных наук, и пожеланий венгерских студентов. Первые темы, которые магистрантами были предложены к обсуждению, типичны для начального уровня изучения языка. Основные из них («Транспорт», «Распорядок дня», «Одежда» и т.д.) соответствовали образовательной программе, по которой студенты изучали русский язык в своем университете. При этом названия тем и презентаций, а также их содержание нередко «оживлялись» коннотациями, предполагающими личностное, порой творческое и эмоциональное отношение к теме: например, не «Семья», а «Счастливая семья», не город, а «Город, в котором я живу», не «Еда», а «На любой вкус».

В дальнейшем обсуждались актуальные вопросы, связанные с проблемами занятости и безработицы, маркетинга, охраны окружающей среды, туризма, свободного времени и др. Венгерские студенты увлеченно готовились к встречам, делали презентации и с интересом отвечали в режиме онлайн на вопросы российских магистрантов.

Были реализованы разные формы работы. Наиболее активным оказался жанр беседы на определенные темы. Методика работы включала подготовку вопросов и предъявление в устной и письменной формах модели ответа на вопрос. Например, беседа по теме «Транспорт» содержала следующие вопросы: *Какой вид транспорта вы любите больше всего? Умеет ли кто-нибудь из вас водить машину? Вам нравится ездить на автомобиле?* На вопросы сначала отвечали

русские магистранты. Ответы были представлены также на слайде презентации. При необходимости дополнительной информации, связанной с особенностями грамматических форм слов, использовался чат. Венгерские студенты отрабатывали грамматические структуры, опираясь на предложенный образец. Визуальный образ услышанного ответа, продублированный магистрантами на слайде и/или в чате, выполнял функцию зрительной опоры, актуальной на начальном этапе изучения языка. Студенты научились задавать уточняющие вопросы, переспрашивать и дополнять высказывания собеседников.

В методической литературе отмечается, что значимое место в обучении языкам занимают игровые задания. Во время игры у обучающихся, как правило, исчезают переживания из-за недостаточного знания языка, они ведут себя более раскованно, более интуитивно, вследствие чего включается подсознательное усвоение и непроизвольное запоминание изучаемого материала [44. С. 191].

На встречах разговорного клуба регулярно проводились ролевые игры, способствующие развитию диалогической речи, расширению сфер общения. Например, на этапе закрепления лексики по теме «Взаимоотношения на работе. Трудовой коллектив» была предложена ролевая игра «На собеседовании», в ходе которой один студент выступал в роли начальника, другой – в роли кандидата на должность.

Игра способствует усвоению грамматических тем. Так, во время игры «В магазине» венгерские студенты выступали в роли покупателей и выбирали товары, вербально взаимодействуя с продавцом. Такая форма работы во многом способствовала закреплению падежных форм лексики, обозначающей количество: *литр, пол-литра, килограмм, полкило, триста грамм(ов)* и т.п. В венгерской аудитории особенно важно закреплять грамматику данной группы слов, поскольку измерение количества в Венгрии происходит не в граммах и литрах, а в декаграммах и децилитрах: например, не 200 граммов, а 20 декаграммов или децилитров.

При отработке винительного падежа существительного студенты были вовлечены в игру «Необитаемый остров»: они должны были выбрать три предмета, которые бы взяли на необитаемый остров. Игра «Семейный бюджет» была уместна при закреплении грамматической темы «Числительные»: студентам нужно было посчитать, сколько денег потратила семья на новую посуду, поездку в аквапарк, путешествие и покупку лего. Эта игра способствовала расширению словарного запаса, формированию правильного употребления числительных и закреплению в речи форм родительного падежа слова *рубль*. По условиям игры «Самый-самый» предлагалось выбрать *самый безопасный, самый быстрый, самый красивый* и другие виды транспорта. Игра эффективна при отработке превосходной степени прилагательных.

Иногда магистрантами использовались короткие (5–7 минут) фрагменты монологического характера. Например, были подготовлены сообщения о системе

образования в России, об истории города Томска, о Киротском протоколе. Целью устных сообщений было не только знакомство с новой лексикой, интересными фактами, событиями и другой информацией, актуальной для обсуждаемой темы, важно отметить, что такая работа активизировала аудирование.

В качестве одной из активно применяемых форм закрепления знаний в современной методике обучения языкам является квиз. Эта игровая форма, организованная через сайт wordwall, была использована с целью закрепления лексических тем «Россия», «Образование», «Взаимоотношения на работе. Трудовой коллектив», «Охрана окружающей среды» и в качестве контроля за усвоением материала. Благодаря игровым формам студенты без дополнительного напряжения, практически незаметно для себя усваивали новый материал.

Результаты и выводы

В ходе применения проектного метода в формате международного мультикультурного разговорного клуба были получены существенные результаты. Благоприятные условия для свободного общения способствовали снятию языкового барьера: венгерские студенты стали общаться на разные темы без предварительной подготовки. Ими были усвоены модели построения устного монологического высказывания по аналогии с текстом, представленным на слайде или озвученным русскими студентами. Это сказалось на аудировании: венгры стали лучше понимать устную русскую речь. К значимым результатам отнесем также усвоение ими разнообразной страноведческой, лингвокультурной информации и установление межличностных контактов. В обсуждении итогов субботних встреч в течение семестров венгерские студенты подчеркнули, что разговорный клуб «Самовар» открыл перед ними замечательную возможность межкультурной коммуникации на изучаемом языке. Встречи с магистрантами российского вуза не только создали условия для закрепления необходимых лексико-грамматических умений (на что не хватает аудиторного времени), но и обеспечили неформальное общение за границами учебной деятельности (рис. 1).

В разговорном клубе «Самовар» была реализована возможность общения российских магистрантов и венгерских студентов как в небольшой группе, так и индивидуально. Это обеспечило межличностное взаимодействие и, как следствие, мотивировало к изучению русского языка, способствовало развитию разных видов речевой деятельности, прежде всего аудирования и говорения.

Клуб «Самовар» оказался важным и с точки зрения формирования у венгерских студентов интереса к России. При том что русский язык является вторым языком изучения, двое венгерских студентов в качестве тем для дипломной работы выбрали вопросы, касающиеся российской экономики: «Бренд Санкт-Петербурга» и «Влияние демографических процессов на экономику России».

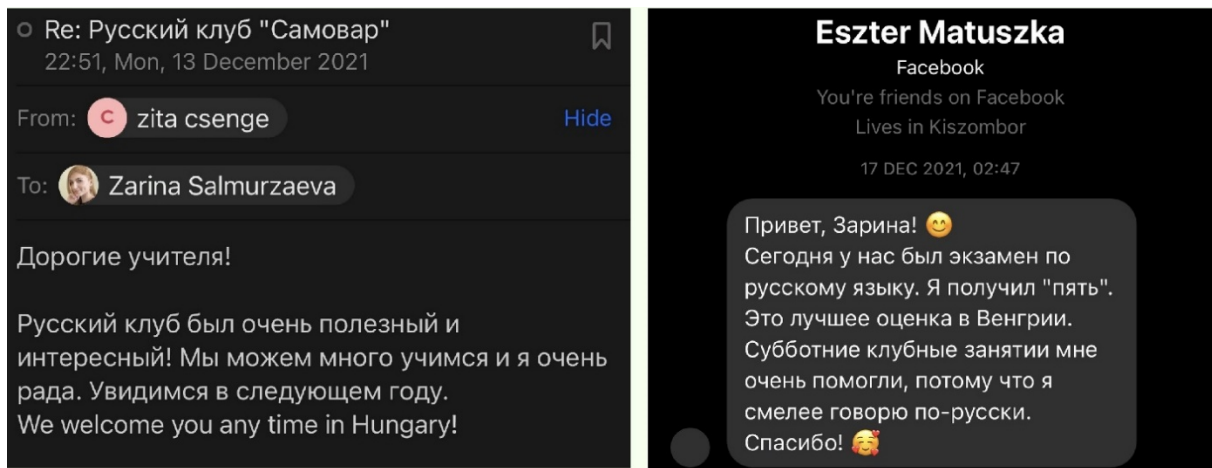

Рис. 1. Примеры отзывов венгерских студентов о проекте «Самовар»

Самостоятельность учащихся в процессе обучения, опора на имеющийся у них языковой и речевой опыт, учет эмоционального состояния, а также привлечение аутентичных материалов соответствуют личностно-деятельностному подходу в обучении [44. С. 154].

По данным анкетирования магистрантов, 100% опрошенных считают реализацию данного проекта *успешной педагогической практикой, способствующей развитию профессиональной компетенции, повышению уровня знаний и умений, мотивации на профессионально ориентированное самообразование* (здесь и далее курсивом выделены высказывания магистрантов, полученные в ходе опроса. – Н.Н., С.Х.).

Пересечение культурных полей в рамках «принимающего» поля русской культуры способствовало развитию межкультурной компетенции участников, расширило круг общения, позволило моделировать ситуации, в которых студенты вынуждены вступать в коммуникацию на языке общения – русском, вне стандартных учебных ситуаций. В ходе разработки и выполнения проекта магистранты научились формулировать принципы его реализации; определять методику развития лингвострановедческой и языковой компетенций, обеспечивающих коммуникативную компетенцию; расширили навыки подбора контента, в том числе учебных материалов и медиаресурсов; усовершенствовали умения, необходимые для создания презентаций, сопровождающих разговорные темы в соответствии с уровнем владения языком и интересами участников; усовершенствовали разработку педагогического сценария встречи посредством онлайн-ресурсов.

Магистранты овладели навыками организации проектной деятельности, включая формирование команды и разделение функций между участниками, описание паспорта проекта; освоили такие важные составляющие разработки проекта, как определение цели, задач, конечного продукта, подготовка сценариев мероприятий, проведение мероприятий (встреч).

Магистранты, будучи одновременно обучающимися и организаторами педагогического процесса, получили опыт, который оценили как очень полезный. 90% магистрантов отметили *значимость командной*

работы и сотрудничества внутри группы; 75% обратили внимание на актуализацию таких качеств, как обязательность и ответственность каждого за себя и за других; 60% почувствовали себя в качестве преподавателя, осуществляя продумывание тем для встреч с венгерскими студентами, создание скрипта для проведения онлайн-беседы, создание презентации для удобства восприятия информации.

По отзывам магистрантов, разговорный клуб «Самовар» был для них очень полезен, так как они ставили перед собой задачу не просто помочь венгерским студентам в освоении русской грамматики. В анкетах отмечалось, что студенты стали *понимать русскую речь, адекватно реагировать на реплики, научились поддерживать диалог.*

По мнению магистрантов, проект способствовал формированию у них *профессиональных компетенций, а также развитию межкультурной компетенции за счет самостоятельного изучения венгерской культуры; развитию толерантности к разным этнокультурам.* Проектная деятельность *дает возможность реализовать свои идеи, развивать творческие способности; учит планировать и работать в команде; дает старт собственным проектам; создает проблемную ситуацию, которая позволяет сформулировать актуальную и интересную учащимся тему для изучения и исследования; предоставляет учащимся возможность для выбора темы проекта; организует распределение подтем по группам, ролей и функций в группе (всегда должен меняться функционал); способствует проявлению поисковой активности в исследовательской деятельности, когда существует лишь приблизительное представление об ожидаемом результате; и даже расценивается как повод стать участником конкурса грантов.*

Подытоживая мнения магистрантов, можно заключить, что клуб «Самовар» был для них *экспериментальной площадкой для подготовки к педагогической практике, а затем – частью предусмотренной учебным планом педагогической практики.* По окончании магистратуры иностранные студенты уезжают домой, чтобы на практике применить полученный опыт.

Результатом проекта стал также созданный совместными усилиями магистрантов продукт – разработанная и апробированная концепция международного мультикультурного разговорного онлайн-клуба, а также методические материалы, оформленные в виде презентаций в формате *PowerPoint* и хранящиеся на групповом гугл-диске.

Заключение

Участники российской и венгерской сторон включились в проект, имея свою цель, и каждая сторона получила свои результаты. Для венгерских студентов разговорный клуб стал средой, способствующей более успешному овладению русским языком и развитию языковой и коммуникативной компетенций. Регулярные встречи в разговорном клубе не только предоставили им возможность практиковаться в говорении на русском языке с носителями языка, но и стали проводником в русскую культуру. Непринужденная, благоприятная атмосфера, характерная для встреч в клубе «Самовар», рекомендательное, но при этом добровольное участие в нем студентов, «разговор на равных» – все это привело к снятию у венгерских студентов страха перед коммуникацией на русском языке.

Магистрантам программы «Русский язык как иностранный» участие в международном разговорном клубе обеспечило развитие профессиональных компетенций, основанных, прежде всего, на повышении уровня владения русским языком и формировании методических навыков. Особая значимость проекта для магистрантов состоит в том, что задолго до педагогической практики проект обеспечил им возможность включиться во взаимодействие с теми, кого придется

профессионально обучать, – с иностранными студентами. Определяя в качестве доминирующей в проекте деятельности прикладную, отметим, что значительное место в нем занимают также творческая, ролевая, исследовательская деятельности.

Проектный метод, реализованный в условиях мультикультурной образовательной онлайн-среды, позволил достичь планируемых при разработке проекта изменений в уровне владения РКИ у обеих категорий обучаемых (у студентов и иностранных магистрантов). Все иностранные участники российско-венгерского проекта достигли существенного прогресса в языке; магистранты (российские и иностранные) получили хорошие условия для формирования профессиональных компетенций, которые развивали в ходе педагогической практики.

Объективность сделанных утверждений обоснована результатами текущего контроля за успеваемостью, успехами в период педпрактики и промежуточной аттестации по дисциплинам образовательной программы, а также высокими оценками по защищенным магистерским диссертациям. Из 11 магистрантов группы 9 защитили магистерские диссертации на «отлично» (в том числе 2 магистранта из КНР) и 2 иностранных магистранта – на оценку «хорошо».

На основании полученных результатов считаем, что прикладной проект, реализованный в формате международного мультикультурного разговорного онлайн-клуба, показал свою состоятельность. Он может быть рекомендован как эффективная технология формирования языковой компетенции у всех участников проекта и профессиональных компетенций у будущих преподавателей русского языка как иностранного.

Список источников

1. Kilpatrick W.H. The Project Method. Teachers College, Columbia University. New York City, 1918. Vol. XIX, № 4. URL: <https://education-uk.org/documents/kilpatrick1918/index.html> (дата обращения: 25.09.2023).
2. Wurdinger S. Teaching practices that promote student learning: Five experiential approaches. URL: https://www.academia.edu/21964386/Teaching_practices_that_promote_student_learning_Five_experiential_approaches (дата обращения: 25.09.2023).
3. Thomas J.W. A review of research on project-based learning. San Rafael, CA Autodesk Foundation, 2000. URL: <https://scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=631638> (дата обращения: 28.09.2023).
4. Kwon S.M., Wardrip P.S., Gomez L.M. Co-design of interdisciplinary projects as a mechanism for school capacity growth // *Improving Schools*. 2014. № 17 (1). P. 54–71.
5. Patton A. Work that Matters: The Teacher's Guide to Project-Based Learning. London : Paul Hamlyn Foundation, 2012. URL: <http://www.innovationunit.org/sites/default/files/Teacher's%20Guide%20to%20Projectbased%20Learning.pdf> (дата обращения: 26.09.2023).
6. Bun Z., Buda A., Buhály A., Havasi T., Pálfi S., Szerepi S., Rózsán Szabó D., Revákne Markóczi I. Projekt módszer, projektoktatás. Debreceni Egyetem Tudományegyetemi Karok. Debrecen, 2011. 258 p.
7. Вологова Т.С., Костицина Р.В. Проектная деятельность как фактор повышения качества подготовки студентов по русскому языку как иностранному // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 8–1 (50). С. 37–41.
8. Al-Balushi S.M., Al-Aamri S.S. The effect of environmental science projects on students' environmental knowledge and science attitudes // *International Research in Geographical and Environmental Education*. 2014. № 23 (3). P. 213–227.
9. Wurdinger S., Haar J., Hugg R., Bezon J. A Qualitative Study Using Project-Based Learning in a Mainstream Middle School // *Improving Schools*. 2007. № 10 (2). P. 150–161. doi: 10.1177/1365480207078048
10. Krajcik J., Blumenfeld P., Marx R., Soloway E. Instructional, Curricular, and Technological Supports for Inquiry in Science Classrooms. 1998. URL: https://www.researchgate.net/publication/2392714_Instructional_Curricular_and_Technological_Supports_for_Inquiry_in_Science_Classrooms (дата обращения: 28.09.2023).
11. Разуваева Л.В., Шерстникова С.В. Метод проектов на уроках русского языка как иностранного как один из способов обучения специальности // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2020. № 2 (287). С. 66–69.
12. Helle L., Tynjälä P., Olkinuora E. Project-Based Learning in Post-Secondary Education—Theory, Practice and Rubber Sling Shots // *Higher Education*. 2006. № 51. P. 287–314. doi: 10.1007/s10734-004-6386-5
13. Gibbs M., Carson, L. Project-based language learning: an activity theory analysis // *Innovation in Language Learning and Teaching*. 2014. № 8(2). P. 171–189.
14. Ruikar K., Demian P. Podcasting to engage industry in project-based learning // *International Journal of Engineering Education*. 2013. № 29 (6). P. 1410–1419.
15. Моднов С.И., Ухова Л.В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Т. 1, № 2. С. 111–115.

16. Смирнова Н.И. Метод проектов в обучении русскому языку иностранных студентов технического вуза // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. № 10. С. 136–142.
17. Ertmer P.A., Simons K.D. Scaffolding Teachers' Efforts to Implement Problem Based Learning // The International Journal of Learning Annual Review. 2005. Vol. 12(4) URL: https://www.researchgate.net/publication/254427219_Scaffolding_Teachers%27_Efforts_to_Implement_Problem_Based_Learning (дата обращения: 28.09.2023).
18. Kissné Zsámboki R. Projekt alapú aktív tanulás a kisgyermeknevelésben és az iskolai oktatásban. SOPRONI EGYETEM KIADÓ Sopron. 2021. 82 p.
19. Nádas M. A projektoktatás elmélete és gyakorlata. Magyar Tehetségsegítő Szervezetek Szövetsége, 2010. 65 p.
20. Palencsárné Kasza M., Rozmán É., Dr. Szabó Cs.M. Gyakorlat teszi a mestert. A projektoktatás kézikönyve Tempus Közalapítvány, 2022. 88 p.
21. Belbin M. A team – Avagy az együttműködő csoport. Egde 2000 Kft. Budapest, 2015. 224 p.
22. Pálfi S. Projektpedagógia az óvodában // Projektpedagógia-Projekt módszer X. Kecskeméti Főiskola, Kecskemét, 2007. P. 57–67.
23. Jereb B., Németh E., Nyerges A., Pálvölgyi L. Projekthalapú tanulás egy budapesti gimnáziumban // Koltai L. (szerk.) Hazai és külföldi modellek a projektoktatásban. Nemzetközi Tudományos Konferencia tanulmánykötete. Budapest : Óbudai Egyetem, 2019. P. 398–414.
24. Béres I., Magyar T., Kis M., Licskó I., Nagy M. Aktív tanulást támogató módszerek kihívásai a felsőoktatási informatikaoktatásban // Gradus. 2018. Vol. 5, № 2. P. 391–399.
25. Torgyik J. A multikulturális nevelés lehetőségei globális környezetben // Educatio. 2022. Vol. 31 (4). P. 647–657.
26. Török J., Kétyi A., Hukné Kiss Sz., Koltányiné Vadász V., Ugrai Zs., Kósik F. Projekthalapú nyelvtanítás egyetemi hallgatók körében // Educatio. 2019. Vol. 28 (2). P. 392–402.
27. Poór Z. A projekt módszer szerepe az idegen nyelvi nevelésben // Hegedűs G. (ed.) Projekt módszer II. Kecskemét, Kecskeméti Főiskola TFK, 2000. P. 106–111.
28. Дорогокупец-Новицкая О.М. Особенности использования метода проектов в процессе обучения русскому языку как иностранному // Аксиология филологического образования в контексте подготовки педагога будущего : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГУ, 2023. С. 339–344.
29. Смит Н.Л. Сравнительный анализ российских традиционных методов обучения РКИ, проектного метода и европейского подхода к обучению иностранным языкам для специальных (профессиональных) целей (LSP/ESP) в туристическом дискурсе // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12, вып. 4. С. 6–15.
30. Соколова Ю.А. Формирование социокультурной адаптации иностранных студентов в рамках практико-ориентированного проекта «Мы в России» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (204). С. 130–139.
31. Панова Е.П., Фролова Н.Н., Чирич И.В., Рогожкин В.А. Опыт организации проектной деятельности на начальном этапе обучения РКИ в Московском политехническом университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11–3 (101). С. 154–158.
32. Чернявская Я.Л. Проектная деятельность при формировании иноязычной коммуникативной компетенции (базовый уровень РКИ) // Преподаватель XXI век. 2020. № 2–1. С. 129–136.
33. Ворожцова И.Б., Кручинина М.С. Образовательный потенциал международного студенческого клуба Удмуртского университета в обучении студентов-иностранцев // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30, вып. 4. Серия: Философия. Психология. Педагогика. С. 430–440.
34. Петрова С., Жондорова Г. Российско-китайский клуб общения на русском языке «Алмаз» как эффективная форма развития коммуникативной компетенции обучающихся // Филология и культура. 2020. № 4 (62). С. 172–176.
35. Саенко Н.Р., Панова Е.П. Возможности Клуба иностранных любителей русского языка и культуры в социокультурной адаптации иностранных студентов в Московском политехническом университете // Сервис Plus. 2019. Т. 13, № 4. С. 82–89.
36. Доценко М.Ю., Ильина Н.О. Проектная деятельность как эффективная форма самостоятельной работы студентов на этапе предвузовской подготовки // Вестник Пермского национального политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 1. С. 167–180.
37. Надха С.Э. Разговорный клуб как особый вид учебной деятельности в преподавании РКИ базового уровня // Наука и школа. 2019. № 2. С. 145–151.
38. Милосердова Е.М., Самородова Т.В. «Русский клуб» как метод лингвокультурной адаптации иностранных студентов в условиях языковой среды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 192. С. 87–95.
39. Дмитриева Д.Д. Международный студенческий клуб профессиональной ориентации как форма внеаудиторной воспитательной работы в системе обучения русскому языку как иностранному в медицинском вузе // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 29–32.
40. Дмитриева Д.Д. Роль международного студенческого клуба в формировании навыков межкультурной коммуникации у иностранных студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 216–219.
41. Логинова М.С. Дискуссионный клуб как средство формирования коммуникативной компетенции у студентов-иностранцев // Наука и школа. 2018. № 3. С. 112–117.
42. Русский клуб : учеб.-метод. пособие / Н.Г. Нестерова, В.В. Шилина, М.А. Бадмаева, Л.А. Иванова, А.А. Полякова, С.В. Фашанова, Цао Ф., К.М. Шамова / под ред. Н.Г. Нестеровой. Томск : Том. гос. ун-т, 2015. 118 с.
43. Mettas A., Constantinou C.P. The technology fair: A project-based learning approach for enhancing problem solving skills and interest in design and technology education // International Journal of Technology and Design Education. 2008. Vol. 18. P. 79–100.
44. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М. : Русский язык. Курсы, 2018. 496 с.

References

1. Kilpatrick, W.H. (1918) *The Project Method. Teachers College, Columbia University*. Vol. 4 (19). New York City: Teachers College, Columbia University. [Online] Available from: <https://education-uk.org/documents/kilpatrick1918/index.html> (Accessed: 25.09.2023).
2. Wurdinger, S. (2009) Teaching practices that promote student learning: Five experiential approaches. *Journal of Teaching and Learning*. 1 (6). [Online] Available from: https://www.academia.edu/21964386/Teaching_practices_that_promote_student_learning_Five_experiential_approaches (Accessed: 25.09.2023).
3. Thomas, J.W. (2000) *A Review of Research on Project-Based Learning*. San Rafael, CA: Autodesk Foundation. [Online] Available from: <https://scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=631638> (Accessed: 28.09.2023).
4. Kwon, S.M., Wardrip, P.S. & Gomez, L.M. (2014) Co-design of interdisciplinary projects as a mechanism for school capacity growth. *Improving Schools*. 17 (1). pp. 54–71.
5. Patton, A. (2012) *Work that Matters: The Teacher's Guide to Project-Based Learning*. London: Paul Hamlyn Foundation. [Online] Available from: <http://www.innovationunit.org/sites/default/files/Teacher's%20Guide%20to%20Projectbased%20Learning.pdf> (Accessed: 26.09.2023).
6. Bun, Z. et al. (2011) *Projekt módszer, projektoktatás. Debreceni Egyetem Tudományegyetemi Karok*. Debrecen: DE Informatikai Kar.
7. Vologova, T.S. & Kostitsina, R.V. (2015) Proektnaya deyatel'nost' kak faktor povysheniya kachestva podgotovki studentov po russkomu yazyku kak inostrannomu [Project activity as a factor in improving the quality of students' training in Russian as a foreign language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8–1 (50). pp. 37–41.

8. Al-Balushi, S.M. & Al-Aamri, S.S. (2014) The effect of environmental science projects on students' environmental knowledge and science attitudes. *International Research in Geographical and Environmental Education*. 23 (3). pp. 213–227.
9. Wurdinger, S. et al. (2007) A Qualitative Study Using Project-Based Learning in a Mainstream Middle School. *Improving Schools*. 10 (2). pp. 150–161. doi: 10.1177/1365480207078048
10. Krajcik, J. et al. (1998) *Instructional, Curricular, and Technological Supports for Inquiry in Science Classrooms*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/2392714_Instructional_Curricular_and_Technological_Supports_for_Inquiry_in_Science_Classrooms (Accessed: 28.09.2023).
11. Razuvaeva, L.V. & Sherstnikova, S.V. (2020) Metod proektov na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo kak odin iz sposobov obucheniya spetsial'nosti [The method of projects in lessons of Russian as a foreign language as one of the ways of teaching a specialty]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (287). pp. 66–69.
12. Helle, L., Tynjala, P. & Olkinuora, E. (2006) Project-Based Learning in Post-Secondary Education—Theory, Practice and Rubber Sling Shots. *Higher Education*. 51. pp. 287–314. doi: 10.1007/s10734-004-6386-5
13. Gibbes, M. & Carson, L. (2014) Project-based language learning: an activity theory analysis. *Innovation in Language Learning and Teaching*. 8 (2). pp. 171–189.
14. Ruikar, K. & Demian, P. (2013) Podcasting to engage industry in project-based learning. *International Journal of Engineering Education*. 29 (6). pp. 1410–1419.
15. Modnov, S.I. & Ukhova, L.V. (2013) Problemy adaptatsii inostrannykh studentov, obuchayushchikhsya v tekhnicheskoy universitete [Problems of adaptation of foreign students studying at a technical university]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2 (1). pp. 111–115.
16. Smirnova, N.I. (2011) Metod proektov v obuchenii russkomu yazyku inostrannykh studentov tekhnicheskogo vuza [Project method in teaching the Russian language to foreign students of a technical university]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*. 10. pp. 136–142.
17. Ertmer, P.A. & Simons, K.D. (2005) Scaffolding Teachers' Efforts to Implement Problem Based Learning. *The International Journal of Learning Annual Review*. 12 (4). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/254427219_Scaffolding_Teachers%27_Efforts_to_Implement_Problem_Based_Learning (Accessed: 28.09.2023).
18. Kissné Zsámboki, R. (2021) *Projekt alapú aktív tanulás a kisgyermeknevelésben és az iskolai oktatásban*. Sopron: SOPRONI EGYETEM KIADÓ.
19. Nádasi, M. (2010) *A projektoktatás elmélete és gyakorlata*. Magyar Tehetségsegítő Szervezetek Szövetsége.
20. Palencsárné Kasza, M., Rozmán, É. & Dr. Szabó, Cs.M. (2022) *Gyakorlat teszi a mestert. A projektoktatás kézikönyve*. Tempus Közalapítvány.
21. Belbin, M. (2015) *A team – Avagy az együttműködő csoport*. Budapest: Egde 2000 Kft.
22. Pálfi, S. (2007) Projektpedagógia az óvodában. In: *Projektpedagógia-Projektmódszer X*. Kecskemét: Kecskeméti Főiskola. pp. 57–67.
23. Jereb, B. et al. (2019) Projekthalapú tanulás egy budapesti gimnáziumban. In: Koltai, L. (ed.) *Hazai és külföldi modellek a projektoktatásban. Nemzetközi Tudományos Konferencia tanulmánykötete*. Budapest: Óbudai Egyetem. pp. 398–414.
24. Béres, I. et al. (2018) Aktív tanulást támogató módszerek kihívásai a felsőoktatási informatikaoktatásban. *Gradus*. 2 (5). pp. 391–399.
25. Torgyik, J. (2022) A multikulturális nevelés lehetőségei globális környezetben. *Educatio*. 31 (4). pp. 647–657.
26. Török, J. et al. (2019) Projekthalapú nyelvtanítás egyetemi hallgatók körében. *Educatio*. 28 (2). pp. 392–402.
27. Poór, Z. (2000) A projektmódszer szerepe az idegen nyelvi nevelésben. In: Hegedűs, G. (ed.) *Projektmódszer II*. Kecskemét: Kecskeméti Főiskola TFK. pp. 106–111.
28. Dorogokupets-Novitskaya, O.M. (2023) [Features of using the project method in the process of teaching Russian as a foreign language]. *Aksziologiya filologicheskogo obrazovaniya v kontekste podgotovki pedagoga budushchego* [Axiology of Philological Education in the Context of Training a Teacher of the Future]. Proceedings of the 2nd International Conference. Minsk. 20–21 March 2023. Minsk: Belarusian State University. pp. 339–344. (In Russian).
29. Smit, N.L. (2018) Sravnitel'nyy analiz rossiyskikh traditsionnykh metodov obucheniya RKI, proektnogo metoda i evropeyskogo podkhoda k obucheniyu inostrannym yazykam dlya spetsial'nykh (professional'nykh) tseley (LSP/ESP) v turistsheskom disкурse [Comparative analysis of Russian traditional methods of teaching RFL, the project method and the European approach to teaching foreign languages for special (professional) purposes (LSP/ESP) in tourism discourse]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 4 (12). pp. 6–15.
30. Sokolova, Yu.A. (2019) Formirovanie sotsiokul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v ramkakh praktiko-orientirovannogo proekta "My v Rossii" [Formation of sociocultural adaptation of foreign students within the framework of the practice-oriented project "We are in Russia"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7 (204). pp. 130–139.
31. Panova, E.P. et al. (2020) Opyt organizatsii proektnoy deyatel'nosti na nachal'nom etape obucheniya RKI v Moskovskom politekhnicheskoy universitete [Experience in organizing project activities at the initial stage of teaching RFL at the Moscow Polytechnic University]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 11–3 (101). pp. 154–158.
32. Chernyavskaya, Ya.L. (2020) Proektnaya deyatel'nost' pri formirovanii inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii (bazovyy uroven' RKI) [Project activity in the formation of foreign language communicative competence (basic level of RFL)]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2–1. pp. 129–136.
33. Vorozhtsova, I.B. & Kruchinina, M.S. (2020) Obrazovatel'nyy potentsial mezhdunarodnogo studencheskogo kluba Udmurtskogo universiteta v obuchenii studentov-inostrantsev [Educational potential of the international student club of Udmurt University in teaching foreign students]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 4 (30). pp. 430–440.
34. Petrova, S. & Zhondorova, G. (2020) Rossiysko-kitayskiy klub obshcheniya na russkom yazyke "Almaz" kak effektivnaya forma razvitiya kommunikativnoy kompetentsii obuchayushchikhsya [Russian-Chinese communication club in Russian "Almaz" as an effective form of development of students' communicative competence]. *Filologiya i kul'tura*. 4 (62). pp. 172–176.
35. Saenko, N.R. & Panova, E.P. (2019) Vozmozhnosti Kluba inostrannykh lyubiteley russkogo yazyka i kul'tury v sotsiokul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v Moskovskom politekhnicheskoy universitete [Opportunities of the Club of Foreign Lovers of the Russian Language and Culture in the sociocultural adaptation of foreign students at the Moscow Polytechnic University]. *Servis Plus*. 4 (13). pp. 82–89.
36. Dotsenko, M.Yu. & Il'ina, N.O. (2019) Proektnaya deyatel'nost' kak effektivnaya forma samostoyatel'noy raboty studentov na etape predvuzovskoy podgotovki [Project activity as an effective form of independent work of students at the stage of pre-university preparation]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 1. pp. 167–180.
37. Nadkha, S.E. (2019) Razgovornyy klub kak osoby vid uchebnoy deyatel'nosti v prepodavanii RKI bazovogo urovnya [Conversation club as a special type of educational activity in teaching basic level RFL]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 145–151.
38. Miloserdova, E.M. & Samorodova, T.V. (2021) "Russkiy klub" kak metod lingvokul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v usloviyakh yazykovoy sredy ["Russian Club" as a method of linguistic and cultural adaptation of foreign students in a language environment]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 192 (26). pp. 87–95.
39. Dmitrieva, D.D. (2017) Mezhdunarodnyy studencheskiy klub professional'noy orientatsii kak forma vneauditornoy vospitatel'noy raboty v sisteme obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v meditsinskom vuze [International student club for professional guidance as a form of extracurricular educational work in the system of teaching Russian as a foreign language at a medical university]. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal*. 4–6 (21). pp. 29–32.
40. Dmitrieva, D.D. (2019) Rol' mezhdunarodnogo studencheskogo kluba v formirovanii navykov mezhkul'turnoy kommunikatsii u inostrannykh studentov [The role of the international student club in developing intercultural communication skills among foreign students]. *Baltiyskiy*

gumanitarnyy zhurnal. 1–8 (26). pp. 216–219.

41. Loginova, M.S. (2018) Diskussionnyy klub kak sredstvo formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii u studentov-inostrantsev [Discussion club as a means of developing communicative competence among foreign students]. *Nauka i shkola*. 3. pp. 112–117.
42. Nesterova, N.G. (ed.) (2015) *Russkiy klub* [Russian Club]. Tomsk: Tomsk State University.
43. Mettas, A. & Constantinou, C.P. (2008) The technology fair: A project-based learning approach for enhancing problem solving skills and interest in design and technology education. *International Journal of Technology and Design Education*. 18. pp. 79–100.
44. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2018) *Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy. Teoriya i praktika obucheniya yazykam* [Modern Dictionary of Methodological Terms and Concepts. Theory and practice of language teaching]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

Информация об авторах:

Нестерова Н.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Хамшовски С.А. – канд. филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Будапештского экономического университета прикладных наук (Будапешт, Венгрия). E-mail: hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.G. Nesterova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

S.A. Hamsovszki, Cand. Sci. (Philology), professor, Budapest Business University (Budapest, Hungary). E-mail: hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.01.2024;
одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 08.01.2024;
approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/500/21

Образовательные технологии: осознанная или навязанная необходимость?

Светлана Ивановна Поздеева¹, Лариса Германовна Смышляева², Александр Александрович Никитин³

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, svetapozd@mai.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, laris.s@mail.ru

³ Институт математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, aanikitin48@gmail.com

Аннотация. Ставится проблема осознанного использования преподавателями вузов образовательных технологий. На основе проблемного анализа выделены эффекты применения технологий: «эффект ложного узнавания», эффект «профессионального недоверия» и др. Обозначены проблемные точки в организации образовательной деятельности: искажение технологической цепочки, использование технологий только на заключительных этапах обучения, слабое влияние их развивающих возможностей, низкий уровень культуры преподавания.

Ключевые слова: технологизация, влияние образовательных технологий, культура преподавания, вовлечение в совместную учебную деятельность

Для цитирования: Поздеева С.И., Смышляева Л.Г., Никитин А.А. Образовательные технологии: осознанная или навязанная необходимость? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 197–202. doi: 10.17223/15617793/500/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/21

Educational technologies: A conscious or imposed necessity?

Svetlana I. Pozdeeva¹, Larisa G. Smyshlyayeva², Aleksandr A. Nikitin³

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, svetapozd@mai.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Россия, laris.s@mail.ru

³ Sobolev Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, aanikitin48@gmail.com

Abstract. The problem of effective and conscious use of modern educational technologies by university teachers as a means of improving the quality of education, the formation of different groups of skills (hard skills, soft skills, self skills) is posed. Based on the problematic analysis of the reports of the heads of departments of one of the universities on the use of technology by teachers, the following effects are highlighted: the “effect of false recognition” of specific technologies, the effect of “professional distrust” of educational and developmental capabilities of technologies, the effect of a contradiction between the subject content and the teacher’s choice between a special teaching method or an educational technology. The problematic points in the organization of joint educational activities at the university due to these effects are highlighted: distortion of the technological chain, the use of technology only at the final stages of studying the topic, the weak influence of the developing capabilities of technology on students, a low level of teaching culture and methodological activity. The inability of a teacher to choose, analyze and reconstruct educational technologies for their professional and personal tasks is, according to the authors, a manifestation of the anthropological deficit of education, which is characterized by the “exclusion” of a person from their education. Educational technology is interpreted as a didactically culturally designed way of organizing joint educational activities, which allows the teacher to achieve subject, meta-subject and personal learning outcomes. It is concluded that it is the teacher that must come to the need to use it: technologies imposed from above consolidate the “educational alienation” of a person from their educational reality and do not allow them to influence their own educational and professional activities.

Keywords: technologization, influence of educational technologies, teaching culture, involvement in joint educational activities

For citation: Pozdeeva, S.I., Smyshlyayeva, L.G. & Nikitin, A.A. (2024) Educational technologies: A conscious or imposed necessity? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 197–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/21

Введение

Образовательные технологии – один из трендов современного отечественного и мирового образования.

Это одна из «палочек-выручалочек» для управленцев, педагогов и преподавателей, которая помогает реализовывать требования образовательных стандартов общего и высшего образования и влиять на его качество.

Считается, что современный преподаватель школы и вуза должен владеть разными технологиями, чтобы успешно решать учебные и образовательные задачи, в том числе навязанные извне. Использовать разные технологии стало модным: при этом надо их знать, различать и применять в своей практике. Подчеркнем, что сама идея технологизации как внимания к процессуальной стороне обучения не является новой: еще Я.А. Коменским «была сформирована важнейшая идея технологии обучения – получение заданного и определенного гарантированного результата» [1. С. 12]. А.С. Макаренко называл воспитательный процесс «педагогическим производством» не в том плане, что к ученику относятся как техническому продукту, а в том, что это управляемый взрослым процесс, нацеленный на получение конкретных результатов. Г.П. Щедровицкий [2] ввел понятие «инженер-методист», обозначая с его помощью такую функцию учителя, как конструирование учебного процесса («обучающей деятельности») и методических средств.

Однако реальная ситуация использования технологий в разных образовательных учреждениях различными педагогами совсем неоднозначная и не всегда оптимистичная: попробовав разные способы работы, преподаватели не всегда уверены в их эффективности, тем более если технология энергетически затратна и требует много времени. Цель статьи – выявить отношение преподавателей вуза к образовательным технологиям и обозначить проблемные точки их практического применения в образовательной деятельности.

Материалы и методы

Анализ отношения педагогов к образовательным технологиям и опыта их практического применения осуществлялся на базе Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). Материалом для анализа стали выступления 42 заведующих кафедрами данного вуза, которые в режиме отчета рассказывали о том, какие технологии в учебной и воспитательной деятельности используют преподаватели университета, а также отвечали на вопросы экспертов и представителей академического сообщества. (Примечание: два автора статьи выступали в роли таких экспертов.) Кроме аспектного анализа при написании статьи использовался анализ теоретических источников в виде публикаций российских и зарубежных авторов по проблеме использования разных технологий и их влияния на учебные и образовательные результаты. В качестве теоретико-методологических подходов использованы концепция педагогики совместной деятельности (Г.Н. Прохурова) и метаметодический подход (С.И. Поздеева) как вариант нового дидактического решения для высшего образования [3, 4].

Результаты

Сформулируем аналитические выводы по результатам выступлений преподавателей.

Вывод 1. Почти для всех заведующих кафедрами и преподавателей был характерен «эффект ложного

узнавания» технологий, которые были предварительно представлены руководством вуза в общем списке, включающем: проектную деятельность, проблемное обучение, личностно ориентированные технологии, «перевернутый класс», ментальные карты, кейсы, лучшие практики и др. Предварительное знакомство со списком технологий и их кратким описанием, а также поверхностная рефлексия опыта преподавания позволили выступающим сделать следующий вывод: у нас всё это есть, мы уже давно все это используем в своей работе. Звучало это примерно так: «Я перепробовала всё», «Мы это все делаем, просто не всегда знаем точные названия технологий», «Мы знаем все технологии и используем их, только не знаем, как это правильно называется», «Для нас эти технологии не новые, просто новые названия», «У нас всё это есть, просто мы не знаем правильных педагогических терминов. Ничего нового для нас нет».

«Эффект ложного узнавания» технологий может привести к следующему. Во-первых, неточное понимание целей и содержания конкретной технологии провоцирует процессуально неправильное ее применение, что в итоге снижает ее образовательные ресурсы. Например, проектным обучением многие преподаватели считают любую самостоятельную работу, которая завершается докладом студента с презентацией. Это может быть лабораторная работа, самостоятельная проработка отдельной темы (индивидуально или в группе), в том числе в рамках подготовки к научной конференции. При этом не учитываются те специфические умения, формирующиеся именно в проектной деятельности: инициирование, оформление замысла, его реализация через конкретные практические и когнитивные действия, оформление и предъявление продукта деятельности, анализ продукта и выполненных проектных действий.

Самой понятной и узнаваемой для преподавателей оказалась технология «перевернутый класс»: студенты всегда дома сами прорабатывают лекционный материал, решают задачи, а потом всё это обсуждается, проверяется и оценивается преподавателем на практическом занятии. Это, по сути, академическая традиция для высшей школы, поэтому «перевернутый класс» вообще не является для подавляющего большинства новой технологией, считается, что она пришла из общеобразовательной школы (видимо, за «перевернутый класс» принимается традиционная проверка домашнего задания на уроке). Такие важные аспекты, как организация и сопровождение самостоятельного изучения студентами новой темы, его продуктивная совместная проработка на учебном занятии, которая категорически не должна сводиться к монологу преподавателя, остаются вне поля зрения большинства преподавателей. Все это снижает степень влияния технологии «Перевернутый класс» на высокую заинтересованность студентов, повышение их мотивации и вовлеченности в учебный процесс [5].

Во-вторых, следствием эффекта «ложного узнавания» может стать снижение внутренней мотивации к глубокому изучению технологий, их сравнительному анализу, поиску новых способов учебной работы в вузе, а значит, нежелание многих педагогов что-то

менять в своей профессиональной деятельности. «У меня и так все хорошо. Оказывается, я даже использую отдельные технологии. Зачем что-то менять, усложнять? Руководство дало поручение отчитаться о применяемых технологиях – мы это сделали» – так рассуждают многие преподаватели. Конечно, мы не склонны определять образовательные технологии как панацею от всех зол и универсальное средство в решении всех проблем современного образования. Однако, игнорирование возможностей технологий для развития профессионального мастерства педагога, с одной стороны, а также для вовлечения студентов в совместную образовательную деятельность в режиме аудиторной и внеаудиторной работы – с другой, снижает их влияние на качество образования и на личностное развитие участников образовательных отношений.

Вывод 2. Следующий обнаруженный эффект можно определить как эффект «*профессионального недоверия*» образовательным и развивающим возможностям технологий. Многие преподаватели считают, что к применению интерактивных технологий студентов надо подготовить: у них должен быть сформирован базовый уровень предметных и профессиональных знаний, способность работать самостоятельно, взаимодействовать в группе – иначе они не смогут успешно пройти все звенья технологической цепочки. Преподаватели говорили о том, что на младших курсах они выстраивают обучение традиционно (лекции и практические занятия) и только потом начинают постепенно вводить образовательные технологии. Другими словами, поучились привычным способом, а теперь давайте проектировать, играть, дискутировать и т.п. Или такой подход: технологии используются только в конце изучения большого раздела или даже всей дисциплины, когда преподаватель уверен, что студенты уже многому обучены. Даже если технология «не выстрелит», это не снизит учебные результаты.

Можно сделать вывод, что многие преподаватели не доверяют образовательным технологиям по сравнению с академическим монологом и статусом педагога, считают, что они могут даже «навредить», излишне раскрепощая вовлеченного в процесс студента, лишённого авторитетного руководства со стороны компетентного профессора. На наш взгляд, недоверие технологиям означает, что до сих пор многие преподаватели остаются сторонниками авторитарной модели совместной деятельности (Г.Н. Прохуров), закрытого совместного действия и авторитарно-репродуктивного сценария обучения (С.И. Поздеева): занимают позицию жесткого руководителя, предъявляющего эталоны и образцы, которые должны быть освоены; игнорируют личный опыт обучающихся, опираются только на воспроизводящую активность, используют преимущественно учебный монолог и соответствующие ему методические средства: закрытые и репродуктивные вопросы, жесткие инструкции, облегченные (адаптированные) учебные тексты, фронтальную работу, внешний итоговый контроль и оценивание.

Одной из причин недоверия к образовательным возможностям технологий является низкий уровень

сформированности общеучебных навыков у выпускников школ, приходящих в университет. Преподаватели констатируют, что студенты плохо и медленно читают, не в состоянии проработать новую информацию, систематизировать и усвоить ее, так как воспринимают ее поверхностно. Чтение требует когнитивных усилий и поэтому становится трудным и неинтересным занятием. «...новым поколениям не нужно искать труднодоступные материалы, они предпочитают не тратить много времени на освоение найденного и в поте лица извлекать из него какие-то дополнительные смыслы. Вместо этого они ищут готовую информацию» [6. С. 39].

Преподаватели вынуждены сокращать объемы учебной информации, сводя ее к минимуму и структурируя в небольшие и равномерные по объему порции. Студентам трудно долго концентрировать внимание, успевать за мыслью лектора и понимать его научную речь, воспринимать сложный и насыщенный материал. Особенно обидно, когда преподаватель затратил много времени и сил для того, чтобы оформить и упаковать в удобную визуальную форму новый учебный материал, а студенты тратят не более 2 минут на его просмотр: коэффициент полезного действия минимальный. Преподавателей беспокоит также низкий уровень мотивации к будущей профессии у большинства студентов: только 20% действительно хотят учиться и получить данную профессию; растет количество отчисленных из-за неуспеваемости студентов, многие в упрощенном и даже искаженном виде понимают свои будущие профессиональные функции и обязанности. Можно наблюдать такую закономерность: чем слабее и беспомощнее студенты в учебном смысле, чем ниже их внутренняя мотивация, тем меньше внимания уделяют педагоги образовательным технологиям, предпочитая объяснительно-иллюстративный метод обучения и разные приемы закрепления изученного материала.

Вывод 3. Эффект «отторжения технологического подхода к организации образовательной деятельности». Обнаруживается *противоречие* между предметным содержанием, которое должны освоить студенты, и выбором преподавателя между специальным методом обучения, который характерен для данной учебной дисциплины, и образовательной (надпредметной) технологией. Преподавателям проще говорить о содержании изучаемого материала и специфических методах: лабораторные работы по физике и химии, манекены и симуляторы в медицине, анализ художественного текста в литературе и т.п. «Нам надо научить студентов: образовательные технологии для нас – не главное», «На нас лежит ответственность: мы выпускающая кафедра», «Мы используем образовательные технологии, но не на учебных занятиях (подготовка к олимпиадам, работа научного кружка, подготовка конференций)». Эти высказывания говорят о том, что главным для преподавателей является методика изложения предметного материала, а технология – это некая «элитарность». Иногда формы предметного обучения «подгоняются» под близкую технологию, например, лабораторные работы при изучении естественных наук называются проектным обучением,

хотя проектная деятельность при этом не организуется. Такая форма, как ежемесячные студенческие конференции, тоже трактуется как форма проектного обучения, хотя в ней представлены скорее элементы исследования, а не проектирования.

В обозначенном противоречии проявляется также «противоборство» образовательной технологии и методики обучения конкретному учебному предмету. Методика удерживает в первую очередь специфику конкретной учебной дисциплины, а технология – деятельностный аспект, деятельностьную рамку без учета предметного своеобразия. Это противоречие можно «снять», выделив между технологией и частной методикой промежуточное звено – метаметодику, которая будет удерживать общедеятельностную рамку и обеспечивать достаточный уровень преподавательской культуры [4]. Это означает, что преподаватель вуза понимает общие закономерности построения учебной деятельности (уровень метаметодики) и может их реализовать с учетом специфики конкретного предметного содержания (уровень методики). Если преподаватель имеет педагогическое образование, то он удерживает еще и уровень дидактики. Что касается уровня технологии, который можно трактовать как повышенный уровень культуры преподавания, то он будет обеспечивать процесс обучения в рамках технологической цепочки, осознавая все ее преимущества и ресурсы.

Обсуждение

Проведенный анализ убеждает в неоднозначном и противоречивом отношении преподавателей вузов к современным образовательным технологиям. Отраднее, что многие педагоги понимают следующее: преподавание – это особая деятельность. Хорошее знание математики, физики, истории не означает, что специалист будет хорошо преподавать. Затруднения в организации обучающей деятельности испытывают и молодые, и опытные преподаватели. Молодые специалисты, как правило, воспроизводят опыт своих лучших учителей в данном вузе и мало знают о технологиях; им важно выглядеть в глазах студентов профессионалом в своей сфере. А опытные педагоги, достигнув за годы работы в вузе или школе оптимального уровня «профессионального комфорта», часто не хотят ничего менять, так как их всё устраивает. Конечно, они вынуждены подстраиваться под новые условия и новых учащихся, вносить отдельные коррективы в методику обучения, но, оставаясь в рамках тотального авторитаризма, не заинтересованы в применении технологий.

Как правило, такие педагоги находят убедительные аргументы против: технологии – это затратно (через учебный монолог можно больше дать информации, чем с помощью интерактивной технологии); за технологиями не угнаться (сегодня нужны одни, а завтра уже будут другие); за модной технологией можно спрятать примитивное учебное содержание. Нам кажется, есть еще один аргумент против, который может даже не осознаваться педагогами – это боязнь потерять свою профессиональную субъектность. Что это означает? Когда преподаватель работает в традиционной

манере, то главный субъектом учебного процесса является он сам. Если же он начинает применять «чужую» технологию, он вынужден с ней (с ее автором) разделить свою субъектность, что негативно повлияет на его авторитет среди учеников. «Когда все можно прогуглить, неизбежно снижается роль профессиональной экспертизы в целом и авторитет преподавателя в частности» [6. С. 52].

Иногда за образовательную технологию педагоги принимают метакогнитивную стратегию, которая не столько обеспечивает глубокое освоение учебного материала, сколько облегчает процесс его восприятия студентами. Преподаватели сталкиваются с необходимостью упрощать сложный предметный материал через такие способы, как визуализация (ментальные карты, схемы, кластеры, таблицы, опорные конспекты, рисунки), предметно-практические действия (лепка, аппликация, конструирование, изготовление настольных игр), образы и ассоциации, элементы занимательности. Игра по-прежнему занимает значительное место в учебном процессе несмотря на то, что ее образовательное влияние не очень высоко [7]. Многие педагоги приходят к этому интуитивно, понимая, что у современных студентов другое мышление, другое отношение к познавательному чтению, письменной речевой деятельности, другая учебная мотивация. В частности, понимая, что для современных учеников визуальные средства эффективнее вербальных, а несплошные тексты (таблицы, схемы) удобнее, чем сплошные, преподаватели используют различные средства визуализации, например, ментальные карты (концепт-карты, интеллект-карты), которые составляются студентами и используются для систематизации предметного материала.

Концепт-карты позволяют суммировать главные идеи изучаемого материала, помогают в вычленении и синтезировании основных идей [8. С. 236], установлении внутри- и межпонятийных связей. Считается, что интеллект-карты легче вспомнить, чем привычные линейные заметки, так как в них выделены ключевые слова и образы [1]. Интересно, что степень влияния этого средства зависит от варианта его конструирования и дальнейшего использования. Например, при среднем эффекте влияния концепт-карт (0,51) максимальный размер эффекта влияния (0,81) получается, когда учащиеся принимают непосредственное участие в ее изготовлении; если же они просто изучают готовую карту, то эффект влияния составляет только 0,37. Некоторые исследователи (по Хэтти) считают, что неважно, кто составляет карту, главное, чтобы сами ученики представляли информацию для ее конструирования.

Однако составление концепт-карты без ее дальнейшего использования (иногда преподаватели забирают их себе) снижает ее значимость. Их надо использовать при подготовке к тестированию, зачету как культурную академическую «шпаргалку», которая помогает быстро восстановить нужный материал. Кроме того, они полезны для самовербализации (материал проговаривается вслух) и самоопроса, когда по данному материалу студент формулирует открытые вопросы и с помощью карты на них отвечает. Заметим, что самовербализация

как когнитивная стратегия, по данным Дж. Хэтти, имеет высокий эффект влияния (0,84) [8].

Иногда образовательные технологии не приносят ожидаемых результатов и являются источником очередного разочарования для преподавателей, потому что педагоги воспринимают технологию как способ замещения себя (см. выше про потерю профессиональной субъектности), т.е. считают, что ее реализация не требует сопровождения и поддержки со стороны педагога. Дж. Брунер и его коллеги в 1976 г. придумали метафору «строительные леса (подпорки)» (скаффолдинг/scaffolding), которая означает, что педагог постепенно снижает долю своего вмешательства в реализацию учебных действий школьника [9].

В вузе основным показателем скаффолдинга является так называемая угадывающая помощь студенту со стороны преподавателя, что важно, в том числе, и для развития учебной самостоятельности [10. С. 68]. Некоторые преподаватели ошибочно полагают, что если они используют какую-то технологию, это автоматически означает, что студенты понимают, как и что делать и работают полностью автономно.

На самом деле, технология – это особым образом организованная совместная образовательная деятельность педагога и обучающихся, в которой проявлена определенная степень и качество учебной самостоятельности (в разных технологиях она бывает разной) [11].

Заключение

Технологизация образовательных процессов обеспечивает оптимизацию процесса обучения за счет четкой постановки целей, выбора адекватных способов и

средств организации совместной деятельности педагога и учащихся по достижению и этапной реализации учебных задач [12]. Именно образовательная технология, как дидактически культурно оформленный способ организации совместной образовательной деятельности, позволяет преподавателю достигать предметных, метапредметных и личностных результатов обучения. Однако преподаватель должен сам прийти к необходимости ее использования: технологии, навязанные сверху, закрепляют «образовательное отчуждение» человека от своей образовательной реальности и невозможность влиять на собственное образование и профессиональную деятельность [13]. Невозможность педагога выбирать, анализировать и реконструировать под свои профессионально-личностные задачи образовательные технологии можно трактовать как пассивную профессиональную позицию. В этой связи авторы статьи поддерживают точку зрения Г.Н. Прокументовой о проявлении антропологического дефицита в современном образовании, который характеризуется «недопущением» человека к своему образованию [14].

Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, авторы считают, что для каждого педагога технология должна стать личностно осознанной необходимостью, которая позволит не только достичь высоких образовательных результатов и обнаружить интересные эффекты, но и изменить свою позицию в организации совместной деятельности с учащимися, а также усилить собственные профессиональные и методические компетенции. Нам представляется, что одним из вариантов культурного и ресурсного использования технологий в вузе и школе может стать метаметодический подход, позволяющий фокусировать взгляд на технологию как дидактический сценарий организации совместной деятельности педагога и учащихся.

Список источников

1. Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения. Справочник для студентов / авт.-сост. А.В. Винева. Ростов н/Д : Феникс, 2014. 253с.
2. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М. : Касталь, 1992. С. 16–200.
3. Прокументова Г.Н. Школа совместной деятельности. Эксперимент: развитие цели воспитания и исследовательской деятельности педагогов школы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 41 с.
4. Поздеева С.И. Организация преподавания в вузе как совместная деятельность преподавателя и студентов: метаметодический подход // Новые дидактические решения для развития высшего образования в условиях цифровой трансформации : сб. науч.-метод. материалов РАО. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. С. 3–20.
5. Awidi I.T., Paynter M. The impact of a flipped classroom approach on student learning experience // Computers & Education. 2019. Vol. 128. P. 269–283. doi: 10.1016/j.compedu.2018.09.013
6. Радаев В. Преподавание в кризисе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 200 с.
7. Sailer M., Homner L. The Gamification of Learning: a Meta-analysis // Educational Psychology Review. 2020. Vol. 32 (1). P. 77–112. doi: 10.1007/s10648-019-09498-w
8. Хэтти Джон А.С. Видимое обучение: синтез результатов более 50 000 исследований с охватом более 86 миллионов школьников / под ред. В.К. Загвоздкина, Е.А. Хамраевой. М. : Национальное образование, 2017. 496 с.
9. Брунер Дж. Культура образования / пер. Л.В. Трубицыной, А.В. Соловьева. М. : Просвещение, 2006. 223 с.
10. Как учить учиться по-новому : учеб. пособие / под общ. ред. А.П. Панфиловой и М.С. Пашоликова. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2023. 240 с.
11. Поздеева С.И. Учебная самостоятельность в контексте педагогики совместной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2023. Вып. 2 (226). С. 7–15. doi: 10.23951/1609-624X-2023-2-7-15
12. Педагогический словарь: Новейший этап развития терминологии / Под общ. ред. О.Б. Даутовой. СПб. : КАРО, 2020. 328 с.
13. Прокументова Г.Н. Экспертиза образовательных инноваций в практике гуманитарного управления // Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Томский государственный университет, 2007. С. 5–17.
14. Прокументова Г.Н. Образовательные инновации: феномен «личного присутствия» и потенциал управления (опыт гуманитарного исследования). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 412 с.

References

1. Vinevskaya, A.V. (ed.) (2014) *Pedagogicheskie tekhnologii: voprosy teorii i praktiki vnedreniya. Spravochnik dlya studentov* [Pedagogical

- Technologies: Issues of theory and practice of implementation. Handbook for students]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Shchedrovitskiy, G.P. (1992) Sistema pedagogicheskikh issledovaniy (metodologicheskii analiz) [System of pedagogical research (methodological analysis)]. *Pedagogika i logika*. Moscow: Kastal'. pp. 16–200.
 3. Prozumentova, G.N. (1994) *Shkola sovmestnoy deyatel'nosti. Eksperiment: razvitie tseli vospitaniya i issledovatel'skoy deyatel'nosti pedagogov shkoly* [School of Joint Activities. Experiment: developing the goals of education and research activities of school teachers]. Tomsk: Tomsk State University.
 4. Pozdeeva, S.I. (2023) Organizatsiya prepodavaniya v vuze kak sovmestnaya deyatel'nost' prepodavatelya i studentov: metametodicheskii podkhod [Organization of teaching at a university as a joint activity of a teacher and students: a meta-methodological approach]. In: *Novye didakticheskie resheniya dlya razvitiya vysshego obrazovaniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii* [New Didactic Solutions for the Development of Higher Education in the Context of Digital Transformation]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. pp. 3–20.
 5. Awidi, I.T. & Paynter, M. (2019) The impact of a flipped classroom approach on student learning experience. *Computers & Education*. 128. pp. 269–283. doi: 10.1016/j.compedu.2018.09.013
 6. Radaev, V. (2022) *Prepodavanie v krizise* [Teaching in Crisis]. Moscow: HSE.
 7. Sailer, M. & Homner, L. (2020) The Gamification of Learning: a Meta-analysis. *Educational Psychology Review*. 32 (1). pp. 77–112. doi: 10.1007/s10648-019-09498-w
 8. Hattie, J.A.C. (2017) *Vidimoe obuchenie: sintez rezul'tatov bolee 50 000 issledovaniy s okhvatom bolee 86 millionov shkol'nikov* [Visible Learning. A synthesis of over 800 meta-analyses relating to achievement]. Translated from English. Moscow: Natsional'noe obrazovanie.
 9. Bruner, J. (2006) *Kul'tura obrazovaniya* [The Culture of Education]. Translated from English by L.V. Trubitsyna & A.V. Solov'ev. Moscow: Prosveshchenie.
 10. Panfilova, A.P. & Pasholikhov, M.S. (eds) (2023) *Kak učit' učit'sya po-novomu* [How to Teach Learning in a New Way]. Saint Petersburg: Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen.
 11. Pozdeeva, S.I. (2023) Uchebnaya samostoyatel'nost' v kontekste pedagogiki sovmestnoy deyatel'nosti [Educational independence in the context of collaborative activity pedagogy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (226). pp. 7–15. doi: 10.23951/1609-624X-2023-2-7-15
 12. Dautova, O.B. (ed.) (2020) *Pedagogicheskii slovar': Noveyshiyy etap razvitiya terminologii* [Pedagogical Dictionary: The newest stage in the development of terminology]. Saint Petersburg: KARO.
 13. Prozumentova, G.N. (2007) Ekspertiza obrazovatel'nykh innovatsiy v praktike gumanitarnogo upravleniya [Expertise of educational innovations in the practice of humanitarian management]. In: Prozumentova, G.N. (ed.) *Ekspertiza obrazovatel'nykh innovatsiy* [Expertise of Educational Innovations]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–17.
 14. Prozumentova, G.N. (2016) *Obrazovatel'nye innovatsii: fenomen "lichnogo prisutstviya" i potentsial upravleniya (opyt gumanitarnogo issledovaniya)* [Educational Innovations: The phenomenon of "personal presence" and the potential of management (experience of humanitarian research)]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Поздеева С.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и методики начального образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: svetapozd@mai.ru

Смышляева Л.Г. – д-р пед. наук, профессор Института образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: laris.s@mail.ru

Никитин А.А. – д-р физ.-мат. наук, академик РАО, ведущий научный сотрудник Института математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: aanikitin48@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.I. Pozdeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetapozd@mai.ru

L.G. Smyshlyayeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: laris.s@mail.ru

A.A. Nikitin, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), academician of the Russian Academy of Education, leading research fellow, Sobolev Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aanikitin48@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 05.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.9; 343.13
doi: 10.17223/15617793/500/22

Когнитивная технология допроса: основания, возможности и ограничения

Кирилл Витальевич Злоказов¹, Вали Фатехович Енгальчев²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, kzlokazov@mvd.ru

² Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, valiyen@gmail.com

Аннотация. Обсуждается когнитивная технология допроса, представляющая психологически обоснованный комплекс методов и приемов, используемых в правоохранительных органах ряда зарубежных стран. Рассматриваются теоретические основания, виды и специфика применения в ходе допроса различных категорий лиц. Возможности технологии раскрываются в сопоставлении с классическим методом допроса. Ограничения технологии рассматриваются в контексте российской практики производства дознания правоохранительными органами.

Ключевые слова: когнитивные технологии допроса, когнитивное интервью, когнитивный допрос, проверка показаний, тактика допроса, допрос подозреваемого (обвиняемого)

Для цитирования: Злоказов К.В., Енгальчев В.Ф. Когнитивная технология допроса: основания, возможности и ограничения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 203–210. doi: 10.17223/15617793/500/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/22

Cognitive technology of interrogation: Rationale, capabilities and limitations

Kirill V. Zlokazov¹, Vali F. Engalychev²

¹ Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, kzlokazov@mvd.ru

² Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation, valiyen@gmail.com

Abstract. The aim of article is to consider the cognitive technology of interrogation developed and used by law enforcement agencies of several foreign countries. It is a set of methods and techniques of obtaining information from interrogated persons based on the mechanisms and regularities of perception, preservation and reproduction of information in human memory. A component of cognitive technology is methods of organization and procedure of its implementation. Information about the efficiency of the technology indicates its advantages in comparison with the classical interrogation. In particular, cognitive technology is superior to the classical method of interrogation in terms of the volume of provided information, its consistency, and the readiness of witnesses, victims and suspects (accused persons) to cooperate with the investigation. The material of the study is publications on the creation and testing of effectiveness of cognitive methods and techniques of interrogatio, published in foreign scientific peer-reviewed journals. The research methods are theoretical methods of processing scientific information – generalization, structuring, categorization. The study is a consistent consideration of the theoretical basis for the development of cognitive methods of interrogation and their differences from classical interrogation; the description of their varieties, procedure and stages; the disclosure of the possibilities of cognitive methods and techniques to obtain information from witnesses, victims, criminal suspects, and juveniles. The result of the study is the generalization and structuring of information about the cognitive technology of interrogation and its components: cognitive interview, methods of interaction with interrogated persons, as well as the identification of the peculiarities of cognitive interview used in the interrogation of suspects. The limitations of the technology are considered in the context of the Russian practice of interrogation by law enforcement agencies. The limitations in the application of cognitive technology include the complexity of cognitive interrogation and the need for training of investigators, increased time costs compared to classical interrogation. This excludes the application of cognitive technology for the inquest of crimes of small and medium gravity, and indicates the possibility of its use in investigations of serious and especially serious crimes. The conclusion of the study is the expediency of studying the regularities and mechanism underlying the interaction between the investigator and interrogated persons.

Keywords: cognitive interrogation technologies, cognitive interview, cognitive interrogation, testimony verification, interrogation tactics, interrogation of suspect (accused)

For citation: Zlokazov, K.V. & Engalychev, V.F. (2024) Cognitive technology of interrogation: Rationale, capabilities and limitations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 203–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/22

Введение

Допрос является наиболее простым и эффективным методом получения информации, способствующей расследованию преступления и изобличению преступников. Вместе с тем, допрашиваемые лица отличаются своим отношением к следствию, что сказывается на предоставляемой ими информации. Кроме того, их отношение может измениться в ходе следствия и полученные сведения могут противоречить ранее данным показаниям, быть неполными или вовсе не соответствующими действительности. В результате дознаватель (следователь) сталкивается с отказом от дачи показаний либо дачей заведомо ложных показаний, что негативно сказывается на объективности расследования и сроках его проведения [1. С. 29–35]. Таким образом, метод допроса как средства получения информации о преступлении и преступнике характеризуется ее полнотой, точностью и возможностью верификации. В этой связи совершенствование метода допроса нацелено на повышение качества информации, получаемой от свидетелей, подозреваемых или потерпевших.

В российской академической литературе решение данного вопроса ставится в зависимость от способностей следователя, его знаний и опыта, а также возможностей, предоставляемых уголовно-процессуальным законодательством [2. С. 82–87]. Полагая, что совершенствование допроса должно основываться на глубоком понимании механизмов, лежащих в его основе, в рамках статьи обсуждаются когнитивные и социально-психологические закономерности, обеспечивающие реализацию его функций.

Целью статьи выступает рассмотрение когнитивной технологии допроса как совокупности методов и приемов получения информации от допрашиваемых лиц, основанной на механизмах и закономерностях восприятия, сохранения и воспроизведения информации, а также организация и процедура ее осуществления.

Поскольку в зарубежной научной литературе такой вид механизмов и закономерностей относится к категории когнитивных, в данной работе вся совокупность методов и приемов, а также процедур их применения обобщена единым понятием «когнитивная технология». Представленное исследование направлено на совершенствование метода допроса, используемого российскими правоохранительными органами на основе зарубежной практики использования знаний о когнитивных механизмах и психологических основах взаимодействия следователя с лицами, подвергнутыми допросу, возможностях и ограничениях, которые с ними связаны.

Структура статьи отражает ее цель и логику изложения. Теоретическая часть описывает основания когнитивной технологии допроса, раскрывает возможности применения метода когнитивного интервью и его разновидностей, психологических приемов стимулирования допрашиваемых лиц. В заключительной

части статьи рассматриваются ограничения, обусловленные особенностями применения технологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов, формулируются направления дальнейшего исследования.

Теоретические основы технологии

Когнитивная технология допроса включает комплекс методов, нацеленных на получение юридически значимой информации от потерпевших, свидетелей и подозреваемых (обвиняемых). Разработка когнитивной технологии объясняется недостатками классического допроса, применяемого сотрудниками правоохранительных органов зарубежных стран, характеризующегося такими особенностями, как формализация взаимодействия с допрашиваемыми и нацеленность следователя на максимально быстрое получение информации о преступлении, сопровождающейся признанием в его совершении от подозреваемого лица.

В зарубежной литературе отмечается, что классическому допросу свойственно доминирование следователя над допрашиваемым, применение тактик конфронтации и провокации, демонстрация обвинительно-враждебного отношения [3. Р. 270–284]. Его применение в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления допускает использование психологических манипуляций, нацеленных на получение необходимой следствию информации. Использование классического допроса в отношении свидетелей и потерпевших негативно настраивает их по отношению к следствию и следователю, зачастую выступая препятствием для сотрудничества.

Когнитивная технология допроса отличается от классической целью, задачами и тактикой взаимодействия. Целью допроса выступает получение информации о произошедшем, а не признания в совершении преступления. Задачей следователя является создание условий для получения максимального количества информации, а не развитие чувства вины и страха наказания, побуждающих к признательным показаниям [4. Р. 12–15]. Соответственно, тактическим условием получения информации в когнитивных моделях допроса является установление взаимодействия на основе уважения к допрашиваемому, запрещающее манипуляции, провокации или обман в его отношении. В российской практике дознания и следствия когнитивная технология представлена в виде отдельных приемов допроса [5. С. 109–118] и стилевых характеристиках взаимодействия дознавателя (следователя) с допрашиваемым [6. С. 101–111].

В статье рассматриваются базовые компоненты когнитивной технологии допроса – когнитивное интервью (в традиционном и модифицированных вариантах

реализации), приемы взаимодействия следователя с различными категориями допрашиваемых лиц.

Когнитивное интервью

Когнитивное интервью впервые было представлено R.E. Geiselman и R.P. Fisher в 1985 г. в качестве метода, расширяющего возможности взаимодействия сотрудников полиции со свидетелями преступлений и потерпевшими, способствующая получению большего объема информации, повышению ее точности и согласованности [7. Р. 401–412]. К началу 1990-х гг. методика интервью была окончательно сформирована и апробирована в условиях полицейского следствия [8. Р. 722–727].

Теоретическим основанием метода когнитивного интервью выступила теория восприятия информации и его запечатления в памяти [9. Р. 55–70]. Было установлено, что информация о конкретном событии, во-первых, кодируется визуальными, эмоциональными, семантическими средствами; во-вторых, вид воспринимаемой и запоминаемой информации соответствует способностям, знаниям, навыкам и опыту человека; в-третьих, событие подвергается упрощению и запоминается в виде схемы, одна часть элементов которой доступна, а другая требует усилия для воспроизводства. Поэтому методика когнитивного интервью включала несколько приемов извлечения информации из памяти: а) свободный рассказ о ситуации и всех обстоятельствах; б) с изменением хронологической последовательности (в обратном порядке, с определенного времени, в ограниченном диапазоне времени); в) с изменением точки зрения (от лица другого участника ситуации); г) с фокусировкой на контексте ситуации (детали, цвете, запахах). С учетом данных закономерностей была разработана процедура проведения когнитивного интервью, по своей структуре и содержанию существенно отличающаяся от классического опроса свидетеля или потерпевшего.

Процедура классического опроса посвящена установлению и закреплению сведений о преступлении, преступнике, потерпевшем и обстоятельствах произошедшего [10. Р. 55–70]. Для этого используются конкретные вопросы, а их количество и порядок зависит от способности дознавателя (следователя) уяснить картину произошедшего. Классический опрос начинается с вопросов «Что случилось?», «Что Вы видели?», а ответы, после их уточнения следователем, заносятся в протокол. В результате продолжительность ответов допрашиваемого лица составляет в среднем 35% от общего времени допроса, а остальное время занимают вопросы следователя. При этом открытые (побуждающие к рассказу) вопросы используются преимущественно в начале взаимодействия, большинство вопросов имеет закрытый характер. В ходе допроса следователь использует показания других лиц и объективные факты, сверяя ответы с уже известными ему сведениями.

В целом, как указывают зарубежные авторы, классический опрос ограничивает возможности свидетеля и потерпевшего сообщать всю известную ему информацию не только психологически, но и процедурно, исключая возможность взаимодействия с дознавателем

(следователем). Понимая, что, ведя протокол, сотрудник исключает возможность уточнить, расширить или дополнить информацию, опрашиваемый сообщает только необходимые следствию сведения, ориентируясь на вопросы следователя. Несмотря на существование запрета к побуждению ответов, вопросы допрашивающего имеют наводящий характер, формируя из показаний необходимую конструкцию.

В отличие от классического допроса, методика когнитивного интервью нацелена на то, чтобы дать возможность допрашиваемому сообщить всю известную ему информацию о произошедшем событии в максимально возможном объеме. Следователь, не прерывая, фиксирует показания, а затем просит допрашиваемого воспроизвести отдельные фрагменты или изложить ее определенным способом, сосредоточившись на деталях. Методика проведения когнитивного интервью может проводиться в трех вариантах:

– **стандартное когнитивное интервью** (состоящее из этапов: а) полного описания произошедшего (например, «Опишите все-все, что Вы видели»); б) восстановления контекста ситуации (например, «Расскажите, почему это случилось, по Вашему мнению»); в) изменения перспективы изложения от опрашиваемого с переносом к другому участнику происшествия (например, «Если Вы бы описывали ситуацию от лица свидетеля ФИО, как бы она выглядела?») и г) изменение временной последовательности изложения (например, «Пожалуйста, опишите Ваши шаги от момента входа в квартиру, в обратном порядке») [11. Р. 321–328];

– **расширенное когнитивное интервью** (дополненное приемами установления положительной эмоциональной связи с допрашиваемым, разрешения допрашиваемому самому определять последовательность изложения, задавание уточняющих вопросов, соответствующих ходу изложения, изучение ощущений и образов) [12. Р. 190–199];

– **модифицированное когнитивное интервью** (упрощенное за счет исключения приемов изменения перспективы изложения и временной последовательности, ограничения четырех областей опроса – о субъекте, о ситуации, об объекте, о контексте произошедшего) [13. Р. 491–511].

Следователь нацелен на получение максимально возможного объема информации. Давая возможность высказаться собеседнику, он не только не прерывает его, но и применяет различные побуждающие приемы, основанные на закономерностях взаимодействия и общения. В их числе:

– речевые приемы развития повествования (например, «Расскажите...», «Объясните...», «Опишите...», составляющие прием TED (сокращение от «Tell», «Explain», «Describe»);

– речевые приемы побуждения допрашиваемого (например, «Можете ли рассказать подробнее?», «Можете ли больше внимания уделить...»);

– речевые приемы подтверждения фактов (например: «Что?», «Где?», «Когда?», «Почему?», «Кто?», «Как?», составляющие прием 5WH (сокращение от «What?», «Where?», «When?», «Why?», «Who?», «How?»);

– приемы активного слушания (например: «поощрение» («Продолжайте, пожалуйста, Вы сообщаете ценную информацию», «проявление интереса» («Это было мне неизвестно, продолжайте, пожалуйста», «возобновление» («Итак, Вы остановились на том, что вошли в квартиру»)) [14. Р. 45–66].

Получаемые в ходе допроса сведения используются следователем для восстановления картины происходящего, однако в отличие от классического допроса, полнота информации позволяет объективно установить обстоятельства преступления, не проводить дополнительные допросы для уточнения показаний при получении ранее не установленных сведений. Таким образом, в отличие от классического допроса, методы когнитивного интервью и приемы стимулирования взаимодействия повышают объем информации, получаемой от свидетелей, потерпевших и подозреваемых (обвиняемых). Следует подчеркнуть, что помимо описанных видов когнитивного интервью существуют разновидности его реализации для различных условий его проведения и категорий допрашиваемых лиц.

К их числу относится *методика когнитивного интервью с лицами, подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении преступления* [15. Р. 1–16]. В отличие от свидетелей или потерпевших, данные лица в силу процессуального статуса могут целенаправленно предоставлять ложные показания или не давать их вовсе. Как правило, взаимодействие следователя с подозреваемым (обвиняемым) строится на преимуществах, предоставляемых ему фактом сотрудничества со следствием [16. С. 101–108]. При этом зарубежные исследователи подчеркивают, что подозреваемые, даже при условии сотрудничества с правоохранительными органами, избегают обсуждения своей роли в преступлении, отказываются давать пояснения или иначе раскрывать детали своих действий [17. Р. 1009–1026]. Поэтому методика когнитивного интервью с подозреваемым (обвиняемым), учитывая данные особенности, фокусируется на изучении действий других людей и контекста ситуации. Тактика взаимодействия с допрашиваемым строится на уточнении показаний других лиц и сборе информации об обстоятельствах преступления.

В отличие от традиционного когнитивного интервью, методика включает: а) этап словесного и (или) схематического описания места преступления; б) этап предоставления сотрудником, ведущим допрос, фактов и показаний, противоречащих версии подозреваемого (обвиняемого); в) этап уточнения показаний следователем.

Данные этапы позволяют получить детализированную и верифицированную, т.е. согласующуюся с показаниями других лиц и объективно установленными фактами, информацию о преступлении. Важно подчеркнуть, что на этапе предоставления фактов следователю предписывается предъявлять их от наименее противоречащих к наиболее несогласующимся. Выявленные ошибки или несогласования устраняются допрашиваемым.

Анализ сведений о проведении данного вида интервью свидетельствует, что подозреваемые (обвиняемые) в сравнении с обычным когнитивным интервью

предоставляют больше деталей о происходящем, объектах и обстоятельствах по сравнению с обычной методикой когнитивного интервью (на 32, 19 и 29% соответственно) [18. Р. 574–583]. При этом, несмотря на то, что подозреваемые в целом меньше рассказывают информации, чем свидетели, качество данной информации выше. Однако количество ошибок и ложных воспоминаний (конфабуляций), связанных с описанием участников происшествия, совпадает у всех категорий допрашиваемых. Это объясняется переживаемым стрессом, сосредоточенностью на собственных действиях и высоким темпом ситуации, в совокупности искажающими восприятие. В результате все участники происшествия склонны добросовестно заблуждаться в показаниях о других участниках происшествия, восполняя при этом отсутствие точной информации о ситуации своим представлением о ней [19. Р. 978–992].

Когнитивное интервью для допроса несовершеннолетних выступает самостоятельным видом метода, разработанного с учетом когнитивных особенностей указанной категории лиц. Структура и процедура данной разновидности метода изменена на основе знаний о возрастных закономерностях развития памяти и мышления [20. Р. 1191–1203]. Особенностью памяти несовершеннолетних в дошкольном и младшем школьном возрасте выступает преобладание образного, а не словесно-логического кодирования информации.

Учитывая это, допрашивающему предлагается поощрять ребенка к изложению своих представлений о ситуации, задавая вопросы лишь в случае крайней необходимости. Избыточные вопросы, во-первых, утомляют ребенка, поскольку требуют дополнительных усилий для вспоминания информации; во-вторых, искажают воспоминания, запуская процесс их повторной категоризации; в-третьих, из желания помочь взрослым стимулируют ребенка восполнять отсутствующие у него сведения воображаемыми. Кроме того, несовершеннолетние дошкольного и младшего школьного возраста не всегда справляются с этапами изменения последовательности изложения и изменения перспективы изложения. В таком случае допрашивающему целесообразно исключить их, остановившись на доступных им этапах.

Процедуры установления взаимодействия и объяснения правил выступают наиболее важной частью допроса несовершеннолетнего, поскольку при отсутствии контакта или непонимании действий допрос не будет эффективным [21. Р. 1279–1296]. Предлагается подчеркивать важность информации, которой обладает ребенок, при этом ориентировать его рассказывать обо всех деталях происшествия, которые ребенок может вспомнить. Допрашивающему следует вести интервью последовательно, ориентируясь на состояние ребенка, степень его утомления и отношение к процедуре. Существенное значение придается этапу завершения интервью. В ходе него дознавателю (следователю) рекомендуется создать положительное впечатление об интервью, похвалить ребенка за его усилия, участие и предоставленные сведения. Следует обратить внимание и обсудить чувства ребенка и его эмоциональное состояние, отметив вклад, который он внес в расследование.

Возможности когнитивной технологии допроса

Следует отметить, что начиная с момента появления когнитивного интервью как альтернативного метода допроса вся совокупность когнитивных методов и приемов подвергалась неоднократной научной и практической оценке. Первые сведения об их эффективности были представлены авторами метода в сопоставлении со стандартным допросом. Экспериментальные данные показали, что потерпевшие и свидетели предоставляли в среднем на 63% больше информации сотрудникам, применявшим когнитивный метод допроса, чем классический допрос, а готовность к взаимодействию с сотрудниками полиции, использовавшими методику когнитивного интервью, была выше на 94% [22. Р. 401]. Изучение эффективности применения когнитивного интервью сотрудниками правоохранительных органов за период с 1990 по 1999 г. показало, что в целом оно позволило получить 25–40% больше информации, чем во время классического допроса [23. Р. 3–27]. Проведенный в 2010 г. повторный анализ эффективности подтвердил данные результаты [24. Р. 340–372]. Как следствие демонстрируемой эффективности, когнитивное интервью было включено в программы подготовки полицейских Великобритании с 1992 г., а к настоящему времени его изучают полицейские Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии, Норвегии, США, Франции и других стран мира.

Однако возможности когнитивной технологии заключаются не столько в преимуществе по отношению к классическому допросу, сколько в совершенствовании допроса как метода получения информации от участников следственных действий.

Первым направлением развития возможностей когнитивной технологии является преодоление ошибок изложения и ложных воспоминаний, возникающих у допрашиваемых лиц. Снижению ошибок посвящен ряд работ, нацеленных на модификацию структуры когнитивного интервью. Учитывая, что стандартная процедура длительна по времени и сложна в реализации, исследователи предлагают:

- изменить способ кодирования информации путем введения когнитивных категорий для обобщения показаний о преступлении. В результате допрашиваемому требуется вспомнить все, что он знает о конкретной категории (например, о потерпевшем), затем перейти к следующей категории (например, к месту преступления) и т.д. Использование категоризации в целом снижает количество ошибок и ложных воспоминаний, особенно в случае применения приемов изменения перспективы изложения и последовательности изложения обстоятельств [25. Р. 1128–1139];

- заменить этапы изменения последовательности изложения событий преступления и перспективы изложения на дополнительные попытки воспоминания ситуации. В результате допрашиваемый затрачивает меньшее время, представляя собственные действия в разной временной последовательности или в позициях разных участников преступления. Однако увеличение количества попыток вспомнить ситуацию преступле-

ния зачастую может приводить к домысливанию, ложным воспоминаниям и забыванию деталей [26. Р. 7593];

- исключить этапы изменения последовательности изложения и перспективы изложения, заменив их на схему (рисунок) ситуации преступления. Это позволяет выстроить более компактную модель преступления, но упрощает ее, подменяя схемой возможность получения более детального описания обстоятельств преступления [27. Р. 491–511].

Вторым направлением развития возможностей когнитивной технологии выступает повышение качества информации, получаемой в ходе допроса. Нередко потерпевшие и свидетели, увлекаясь возможностью рассказывать о пережитом событии, сообщают слабо согласующиеся или вовсе противоречивые сведения, отказываясь от данных ранее показаний. Поэтому направлением совершенствования допроса и ключевым критерием оценки его эффективности выступило качество получаемой информации. Современные модификации метода включают этап оценки полученной информации, а также степени подготовленности сотрудника, проводящего допрос [28. Р. 215–229]. Кроме того, необходимость выявления недостоверных показаний послужила толчком к развитию когнитивных методов верификации информации, получаемой в ходе допроса. Развитие обоих методов связано между собой, поскольку верификация сообщаемой в ходе допроса информации одновременно служит средством проверки их правдивости. В результате в когнитивном интервью применяется несколько признаков, указывающих на достоверность показаний свидетелей:

- последовательность изложения информации о произошедших событиях отсутствует, однако в ходе допроса восстанавливается (есть у добросовестных свидетелей и отсутствует у недобросовестных);

- наличие пауз в сообщении информации, забывание отдельных деталей преступления (есть у добросовестных свидетелей и отсутствует у недобросовестных);

- существует согласованность показаний, полученных при измененной последовательности изложения (присутствует у добросовестных свидетелей и нарушена у недобросовестных);

- существует согласованность показаний, полученных при изменении перспективы изложения с показаниями других участников происшествия (присутствует у добросовестных свидетелей и нарушена у недобросовестных) [29. Р. 514–530].

Таким образом, подводя итоги рассмотрения возможностей когнитивной технологии допроса, можно заключить, что она получила распространение в деятельности полиции и следственных органов ряда зарубежных стран вследствие недостатков классической модели допроса. Ее достоинством выступает более объективная и информационно насыщенная методика проведения допроса. К возможностям когнитивного интервью как метода допроса следует отнести точное воссоздание поведения подозреваемого и потерпевшего, детальное и полное отражение всех обстоя-

ств произошедшего; выявление неточностей, рассогласований и противоречий в показаниях; возможность проверки показаний отдельных лиц путем соотнесения их как со всей картиной произошедшего, так и с отдельными показаниями. Фактически когнитивная технология допроса позволяет сформировать целостное и непротиворечивое представление о произошедшем преступлении, верифицировав его посредством информации, полученной от его участников.

Ограничения применения когнитивной технологии допроса

Анализ зарубежных публикаций позволяет заключить, что к существенным ограничениям применения когнитивных технологий допроса следует относить трудоемкость и, как следствие, необходимость обучения сотрудников, а также затраты времени на ее использование, снижающие эффективность применения в дознании по отдельным видам преступлений.

Ограничение, обусловленное сложностью применения. В академической литературе подчеркивается, что когнитивная технология как в части когнитивного интервью, так и отдельных приемов взаимодействия с допрашиваемым более сложна в реализации, чем классическая методика допроса [30. Р. 183–194]. Учитывая, что при проведении когнитивного интервью вероятность совершения ошибок выше, требуется уделить время формированию умений и навыков его осуществления. Обучение когнитивным технологиям допроса в целом представляется целесообразным осуществлять в рамках повышения квалификации сотрудников подразделений дознания (следствия), уже имеющих опыт проведения допросов. Поскольку овладение когнитивными методами и приемами допроса требует знаний и умений в области психологии общения и коммуникации, важным является предоставление обучающимся соответствующей информации и возможности ее освоить. Поэтому методика обучения должна строиться на преобладании практических занятий над теоретическими, а осуществляющие ее лица – иметь необходимые навыки. Это позволяет сформировать новый для следователя способ проведения допроса, не только структурно, но и содержательно отличающийся от сформированного у него стереотипа [31. Р. 71–90].

Ограничение, обусловленное повышенными затратами времени. Объем затрат времени на проведение когнитивного допроса в сопоставлении с классическим допросом варьируется в работах разных исследователей. В среднем классический допрос занимает от 45 до 70 минут, продолжительность когнитивного допроса составляет от 20 до 120 минут.

Как следствие, применение когнитивного интервью целесообразно при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, тогда как для преступлений средней и небольшой тяжести зарубежные полицейские не считают необходимым его использовать. Кроме того, анализ применения когнитивных методов и приемов сотрудниками полиции позволяет заключить, что их использование избирательно. Наиболее избегаемыми являются процедуры, увеличивающие затраты времени (например, разрешение допрашиваемому самому определять последовательность изложения, процедура изучения ощущений и образов у свидетелей преступлений), тогда как наиболее применяемые – это методы, позволяющие допрашиваемому вспомнить максимальное количество информации о произошедшем (процедура установления положительной эмоциональной связи, приемы поощрения и побуждения допрашиваемого) [32. Р. 101–115]. Как показывает практический опыт применения когнитивных технологий при производстве следственных действий, возможные ограничения их применения могут быть обусловлены только степенью овладения комплексом составляющих их методов и приемов, а также продуцированием адекватных следственных задач, поставленных перед сотрудником, проводящим допрос. В конечном итоге арсенал современных коммуникативных средств следователя и дознавателя без таких технологий уже просто немыслим [33].

Заключение

Таким образом, нами рассмотрен комплекс методов и приемов, в совокупности составляющих когнитивную технологию допроса. Разработанные в 1980-х гг., к настоящему времени данные методы получили распространение в дознании и следствии правоохранительных органов ряда зарубежных стран. Основанное на принципах работы памяти, методиках коммуникации и приемах взаимодействия с различными категориями допрашиваемых лиц, их применение способствует повышению объективности и сокращению времени расследования преступлений. С учетом представленного в статье зарубежного опыта перспективной видится организация изучения когнитивных и социально-психологических процессов, обеспечивающих получение значимой информации для следствия в ходе допроса.

В долгосрочной перспективе данное исследование может стать основанием для разработки научно обоснованной технологии, отвечающей современным правовым, криминалистическим, психологическим и этическим стандартам допроса.

Список источников

1. Лифанова М.В. Предъявление доказательств как способ разоблачения ложных показаний на предварительном следствии // Вестник ВЭГУ. 2016. № 6 (86). С. 29–35.
2. Дикаев С.У., Павлов Д.В., Гарусов А.В. Уголовно-процессуальные проблемы преодоления дачи заведомо ложных показаний заинтересованными в исходе дела лицами // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3(52). С. 82–87.
3. Cleary H.M.D., Warner T.C. Police training in interviewing and interrogation methods: A comparison of techniques used with adult and juvenile suspects // Law and Human Behavior. 2016. № 40(3). Р. 270–284. doi: 10.1037/lhb0000175
4. Inbau F.E., Reid J.E., Buckley J.P., Jayne B.C. Criminal interrogation and confessions (5th ed.). Burlington, MA : Jones and Bartlett Learning, 2013.
5. Литвинова М.А. Влияние психологических особенностей личности следователя на выбор стратегии расследования уголовных дел // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 2(48). С. 109–118. doi: 10.37523/SUI.2022.48.2.018

6. Белоусов А.Д. Применение стилистического подхода к описанию интеллектуальной деятельности следователей и дознавателей // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1 (42). С. 101–111.
7. Geiselman R.E., Fisher R.P., MacKinnon D.P., Holland H.L. Eyewitness memory enhancement in the police interview: Cognitive retrieval mnemonics versus hypnosis // Journal of Applied Psychology. 1985. № 70 (2). P. 401–412. doi: 10.1037/0021-9010.70.2.401
8. Fisher R.P., Geiselman R.E., Amador M. Field test of the cognitive interview: Enhancing the recollection of actual victims and witnesses of crime // Journal of Applied Psychology. 1989. № 74 (5). P. 722–727. doi: 10.1037/0021-9010.74.5.722
9. Tulving E. Elements of episodic memory. New York : Oxford University Press, 1983.
10. Launay C., Py J. Methods and aims of investigative interviewing of adult witnesses: An analysis of professional practices // Pratiques Psychologiques. 2015. № 21 (1). P. 55–70. doi: 10.1016/j.prps.2014.11.001
11. Fisher R.P., Geiselman R.E. The cognitive interview method of conducting police interviews: eliciting extensive information and promoting therapeutic jurisprudence // International Journal of Law Psychiatry. 2010. № 33. P. 321–328. doi: 10.1016/j.ijlp.2010.09.004
12. Paulo R.M., Albuquerque P.B., Bull R. The Enhanced Cognitive Interview: towards a better use and understanding of this procedure // International Journal of Police Science & Management. 2013. № 15 (3). P. 190–199.
13. Dando C.J., Wilcock R., Behnkle C., Milne R. Modifying the cognitive interview: countenancing forensic application by enhancing practicability // Psychology, Crime & Law. 2011. № 17 (6). P. 491–511. doi: 10.1080/10683160903334212
14. Oxburgh G.E., Myklebust T., Grant T. The question of question types in police interviews: A review of the literature from a psychological and linguistic perspective // International Journal of Speech, Language and the Law. 2010. № 17(1). P. 45–66. doi: 10.1558/ijsl.v17i1.45
15. Geiselman R.E. The cognitive interview for suspects (CIS) // American College of Forensic Psychology. 2012. № 30. P. 1–16. doi: 10.1037/lhb0000127
16. Чабукиани О.А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: понятие, практические вопросы, особенности предварительного расследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4(60). С. 101–108.
17. Leahy-Harland S., Bull R. The impact of context on real-life serious crime interviews // Police Practice and Research. 2020. № 22 (1). P. 1009–1026. doi: 10.1080/15614263.2020.1848565
18. Colomb C., Ginot M., Wright D., Demarchi S., Sadler C. Back to the real: Efficacy and perception of a modified cognitive interview in the field // Applied Cognitive Psychology. 2013. № 27 (5). P. 574–583.
19. Sauerland M., Krix A.C., Kan N., Glunz S., Sak A. Speaking is silver, writing is golden? The role of cognitive and social factors in written versus spoken witness accounts // Memory & Cognition. 2014. № 42. P. 978–992. doi: 10.3758/s13421-014-0401-6
20. Holliday R.E., Humphries J.E., Milne R., Memon A., Houlder L., Lyons A., Bull R. Reducing misinformation effects in older adults with the cognitive interview mnemonics // Psychology and Aging. 2012. № 27 (4). P. 1191–1203. doi: 10.1037/a0022031
21. Verkamp F., Ginot M. Variations of the cognitive interview: Which one is the most effective in enhancing children's testimonies? // Applied Cognitive Psychology. 2010. № 24. P. 1279–1296. doi: 10.1002/acp.1631
22. Geiselman R.E., Fisher R.P., MacKinnon D.P., Holland H.L. Eyewitness memory enhancement in the police interview: cognitive retrieval mnemonics versus hypnosis // Journal of Applied Psychology. 1985. № 70. P. 401–412. doi: 10.1037/0021-9010.70.2.401
23. Köhnken G., Milne R., Memon A., Bull R. The cognitive interview: A meta-analysis // Psychology, Crime & Law. 1999. № 5 (1-2). P. 3–27. doi: 10.1080/10683169908414991
24. Memon A., Meissner C.A., Fraser J. The Cognitive Interview: A meta-analytic review and study space analysis of the past 25 years // Psychology, Public Policy, and Law. 2010. № 16 (4). P. 340–372. doi: 10.1037/a0020518
25. Thorley C. Enhancing individual and collaborative eyewitness memory with category clustering recall // Memory. 2018. № 26. P. 1128–1139. doi: 10.1080/09658211.2018.1432058
26. Davis M.R., McMahon M., Greenwood K.M. The efficacy of mnemonic components of the cognitive interview: Towards a shortened variant for time-critical investigations // Applied Cognitive Psychology. 2005. № 19. P. 75–93
27. Dando C.J., Wilcock R., Behnkle C., Milne R. Modifying the cognitive interview: countenancing forensic application by enhancing practicability // Psychology, Crime & Law. 2011. № 17 (6). P. 491–511. doi: 10.1080/10683160903334212
28. Snook B., Eastwood J., Stinson M., Tedeschi J., House J.C. Reforming investigative interviewing in Canada // Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice. 2010. № 52. P. 215–229. doi: 10.3138/cjccj.52.2.21
29. McDougall A.J., Bull R. Detecting truth in suspect interviews: the effect of use of evidence (early and gradual) and time delay on Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and inconsistency within suspect statements // Psychology, Crime & Law. 2015. № 21 (6). P. 514–530. doi: 10.1080/1068316x.2014.994631
30. Akca D., Di Danieli Ch., Shane M., Eastwood J. A Test of a Short PEACE Interview Training Course: Training Efficacy and Individual Differences // Journal of Police and Criminal Psychology. 2021. № 37 (1). P. 183–194. doi: 10.1007/s11896-021-09487-2
31. Griffiths A., Milne R. The application of cognitive interview techniques as part of an investigation // Ireland C.A., Fisher J.M. (Eds.) Consultancy and advising in forensic practice: Empirical and practical guidelines. John Wiley & Sons, 2010. P. 71–90.
32. Kebbell M.R., Milne R., Wagstaff G.F. The cognitive interview: A survey of its forensic effectiveness // Psychology, Crime & Law. 1999. № 5 (1–2). P. 101–115. doi: 10.1080/10683169908414996
33. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.

References

1. Lifanova, M.V. (2016) Pred'yavlenie dokazatel'stv kak sposob razoblacheniya lozhnykh pokazaniy na predvaritel'nom sledstvii [Presentation of evidence as a way to expose false testimony during the preliminary investigation]. *Vestnik VEGU*. 6 (86). pp. 29–35.
2. Dikaev, S.U., Pavlov, D.V. & Garusov, A.V. (2021) Ugolovno-protsessual'nye problemy preodoleniya dachi zavedomo lozhnykh pokazaniy zainteresovannymi v iskhode dela litsami [Criminal procedural problems of overcoming the giving of knowingly false testimony by persons interested in the outcome of the case]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 3 (52). pp. 82–87.
3. Cleary, H.M.D. & Warner, T.C. (2016) Police training in interviewing and interrogation methods: A comparison of techniques used with adult and juvenile suspects. *Law and Human Behavior*. 40 (3). pp. 270–284. doi: 10.1037/lhb0000175
4. Inbau, F.E. et al. (2013) *Criminal Interrogation and Confessions*. 5th ed. Burlington, MA: Jones and Bartlett Learning.
5. Litvinova, M.A. (2022) Vliyaniye psikhologicheskikh osobennostey lichnosti sledovatelya na vybor strategii rassledovaniya ugolovnykh del [The influence of the psychological characteristics of the investigator's personality on the choice of strategy for investigating criminal cases]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2 (48). pp. 109–118. doi: 10.37523/SUI.2022.48.2.018
6. Belousov, A.D. (2018) Primeneniye stilevogo podkhoda k opisaniyu intellektual'noy deyatel'nosti sledovatelye i doznatelye [Application of a stylistic approach to the description of the intellectual activity of investigators and interrogators]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 1 (42). pp. 101–111.
7. Geiselman, R.E. et al. (1985) Eyewitness memory enhancement in the police interview: Cognitive retrieval mnemonics versus hypnosis. *Journal of Applied Psychology*. 70 (2). pp. 401–412. doi: 10.1037/0021-9010.70.2.401
8. Fisher, R.P., Geiselman, R.E. & Amador, M. (1989) Field test of the cognitive interview: Enhancing the recollection of actual victims and witnesses of crime. *Journal of Applied Psychology*. 74 (5). pp. 722–727. doi: 10.1037/0021-9010.74.5.722
9. Tulving, E. (1983) *Elements of Episodic Memory*. New York: Oxford University Press.
10. Launay, C. & Py, J. (2015) Methods and aims of investigative interviewing of adult witnesses: An analysis of professional practices. *Pratiques*

- Psychologiques*. 21 (1). pp. 55–70. doi: 10.1016/j.prps.2014.11.001
11. Fisher, R.P. & Geiselman, R.E. (2010) The cognitive interview method of conducting police interviews: eliciting extensive information and promoting therapeutic jurisprudence. *International Journal Law Psychiatry*. 33. pp. 321–328. doi: 10.1016/j.ijlp.2010.09.004
 12. Paulo, R.M., Albuquerque, P.B. & Bull, R. (2013) The Enhanced Cognitive Interview: towards a better use and understanding of this procedure. *International Journal of Police Science & Management*. 15 (3). pp. 190–199.
 13. Dando, C.J. et al. (2011) Modifying the cognitive interview: countenancing forensic application by enhancing practicability. *Psychology, Crime & Law*. 17 (6). pp. 491–511. doi: 10.1080/10683160903334212
 14. Oxburgh, G.E., Myklebust, T. & Grant, T. (2010) The question of question types in police interviews: A review of the literature from a psychological and linguistic perspective. *International Journal of Speech, Language and the Law*. 17 (1). pp. 45–66. doi: 10.1558/ijsl.v17i1.45
 15. Geiselman, R.E. (2012) The cognitive interview for suspects (CIS). *American College of Forensic Psychology*. 30. pp. 1–16. doi: 10.1037/lhb0000127
 16. Chabukiani, O.A. (2013) Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: ponyatie, prakticheskie voprosy, osobennosti predvaritel'nogo rassledovaniya [Concluding a pre-trial agreement on cooperation: concept, practical issues, features of the preliminary investigation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4 (60). pp. 101–108.
 17. Leahy-Harland, S. & Bull, R. (2020) The impact of context on real-life serious crime interviews. *Police Practice and Research*. 22 (1). pp. 1009–1026. doi: 10.1080/15614263.2020.1848565
 18. Colomb, C. et al. (2013) Back to the real: Efficacy and perception of a modified cognitive interview in the field. *Applied Cognitive Psychology*. 27 (5). pp. 574–583.
 19. Sauerland, M. et al. (2014) Speaking is silver, writing is golden? The role of cognitive and social factors in written versus spoken witness accounts. *Memory & Cognition*. 42. pp. 978–992. doi: 10.3758/s13421-014-0401-6
 20. Holliday, R.E. et al. (2012) Reducing misinformation effects in older adults with the cognitive interview mnemonics. *Psychology and Aging*. 27 (4). pp. 1191–1203. doi: 10.1037/a0022031
 21. Verkamp, F. & Ginet, M. (2010) Variations of the cognitive interview: Which one is the most effective in enhancing children's testimonies? *Applied Cognitive Psychology*. 24. pp. 1279–1296. doi: 10.1002/acp.1631
 22. Geiselman, R.E. et al. (1985) Eyewitness memory enhancement in the police interview: cognitive retrieval mnemonics versus hypnosis. *Journal of Applied Psychology*. 70. pp. 401–412. doi: 10.1037/0021-9010.70.2.401
 23. Köhnken, G. et al. (1999) The cognitive interview: A meta-analysis. *Psychology, Crime & Law*. 5 (1–2). pp. 3–27. doi: 10.1080/10683169908414991
 24. Memon, A., Meissner, C.A. & Fraser, J. (2010) The Cognitive Interview: A meta-analytic review and study space analysis of the past 25 years. *Psychology, Public Policy, and Law*. 16 (4). pp. 340–372. doi: 10.1037/a0020518
 25. Thorley, C. (2018) Enhancing individual and collaborative eyewitness memory with category clustering recall. *Memory*. 26. pp. 1128–1139. doi: 10.1080/09658211.2018.1432058
 26. Davis, M.R., McMahon, M. & Greenwood, K.M. (2005) The efficacy of mnemonic components of the cognitive interview: Towards a shortened variant for time-critical investigations. *Applied Cognitive Psychology*. 19. pp. 75–93
 27. Dando, C.J. et al. (2011) Modifying the cognitive interview: countenancing forensic application by enhancing practicability. *Psychology, Crime & Law*. 17 (6). pp. 491–511. doi: 10.1080/10683160903334212
 28. Snook, B. et al. (2010) Reforming investigative interviewing in Canada. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*. 52. pp. 215–229. doi: 10.3138/cjccj.52.2.21
 29. McDougall, A.J. & Bull, R. (2015) Detecting truth in suspect interviews: the effect of use of evidence (early and gradual) and time delay on Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and inconsistency within suspect statements. *Psychology, Crime & Law*. 21 (6). pp. 514–530. doi: 10.1080/1068316x.2014.994631
 30. Akca, D. et al. (2021) A Test of a Short PEACE Interview Training Course: Training Efficacy and Individual Differences. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 37 (1). pp. 183–194. doi: 10.1007/s11896-021-09487-2
 31. Griffiths, A. & Milne, R. (2010) The application of cognitive interview techniques as part of an investigation. In: Ireland, C.A. & Fisher, J.M. (eds) *Consultancy and advising in forensic practice: Empirical and practical guidelines*. John Wiley & Sons. pp. 71–90.
 32. Kebbell, M.R., Milne, R. & Wagstaff, G.F. (1999) The cognitive interview: A survey of its forensic effectiveness. *Psychology, Crime & Law*. 5 (1–2). pp. 101–115. doi: 10.1080/10683169908414996
 33. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of Communicative Investigative Actions]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Злоказов К.В. – канд. психол. наук, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kzlkazov@mvd.ru

Енгальчев В.Ф. – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: valiye@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Zlokazov, Cand. Sci. (Psychology), head of the Research Department, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kzlkazov@mvd.ru

V.F. Engalychev, Dr. Sci. (Psychology), professor, head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiye@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
одобрена после рецензирования 08.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 27.02.2024;
approved after reviewing 08.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 347.2
doi: 10.17223/15617793/500/23

Искусственный интеллект: игнорировать или регулировать?

Елена Александровна Масуфранова¹, Никита Сергеевич Дубровский²,
Константин Геннадьевич Балашов³

^{1, 2, 3} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

¹ a25021985@yandex.ru

² KelllycTuk@yandex.ru

³ balashoffkonstantin@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка на основе анализа правоприменительной практики и законодательства развитых стран сформулировать наиболее благоприятные варианты правового урегулирования сферы искусственного интеллекта в Российской Федерации. Особое внимание уделяется определению возможности рассмотрения искусственного интеллекта как субъекта права. Предлагается рассмотреть возможность наделения некоторых систем искусственного интеллекта ограниченной правосубъектностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Российская Федерация, правовое регулирование, кодекс этики искусственного интеллекта

Для цитирования: Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г. Искусственный интеллект: игнорировать или регулировать? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 211–217. doi: 10.17223/15617793/500/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/23

Artificial intelligence: Ignore or regulate?

Elena A. Masufranova¹, Nikita S. Dubrovsky², Konstantin G. Balashov³

^{1, 2, 3} Southwest State University, Kursk, Russian Federation

¹ a25021985@yandex.ru

² KelllycTuk@yandex.ru

³ balashoffkonstantin@yandex.ru

Abstract. The technological revolutionary achievements of the modern world inevitably pose a number of issues to humanity that require legal reflection. The most breakthrough achievements of the last few years are artificial intelligence systems. These systems are very successfully integrated into many spheres of life of the world community. To date, many countries have no systematic legal norms regulating the scope of artificial intelligence. The aim of this work is to formulate specific proposals for the legislative regulation of the field of artificial intelligence. To reach this aim, the authors analyzed legislative acts and law enforcement practice in the Russian Federation and in other modern technologically developed countries. Special attention was paid to determining the possibility of considering artificial intelligence as a subject of law. As part of the work, the authors also examined the doctrinal points of view of both the domestic and foreign scientific community. Based on the results of a comprehensive study, the authors propose to consider the possibility of attributing limited legal personality to some artificial intelligence systems: not all artificial intelligence systems should be given certain rights and responsibilities, but only those that have signs of strong artificial intelligence. In this regard, the authors propose to classify all artificial intelligence systems depending on how significant legal facts and legal consequences they are able to generate. It is advisable to structure the list of “advanced” artificial intelligence systems into one group – “strong intelligent systems”. The list of less developed artificial intelligence systems should be included in another group – “weak intelligent systems”. It is advisable to classify artificial intelligence systems not on the principle of a generalized enumeration of their functionality, but on the principle of their specific literal enumeration. A specific list of “strong intelligent systems” will be formed and approved by the Government of the Russian Federation. Further, in connection with the proposed classification, comes the idea of attributing legal personality to “strong intelligent systems”. By analogy with the institution of legal entities, it is possible to provide a procedure for delegating certain rights and obligations to strong artificial intelligence, thereby bringing out a new subject in certain legal relations. Thus, the results of the study can outline certain boundaries of the work of artificial intelligence, contributing to the creation of specific constituent documents or protocols of functioning.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, code of ethics of artificial intelligence

For citation: Masufranova, E.A., Dubrovsky, N.S. & Balashov, K.G. (2024) Artificial intelligence: Ignore or regulate? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 211–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/23

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая в ноябре 2022 г. на международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022, сконцентрировал свое внимание на том, что в сфере развития искусственного интеллекта на данный момент между государствами идет «ожесточенное соперничество». В реальности так и есть: кто первый возглавит лидерство в данной области и реализует масштабное открытие, тот и получит возможность на качественно усовершенствованном уровне решения задач экономического, промышленного и социального характера.

Одним из фундаментальных документов стратегического планирования является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». Стоит отметить, что среди национальных интересов фигурирует необходимость «устойчивого развития российской экономики на новой технологической и информационной основе», что в значительной степени подчеркивает актуальность рассмотрения вопросов, возникающих в связи с повсеместным внедрением новейших технологий во все сферы жизнедеятельности нашего общества. В современных условиях в эпицентре всеобщего внимания находятся возможности аппаратно-программных комплексов и интеллектуальных систем, которые способны решать творческие задачи в конкретной предметной области.

Информационные, технологические и инженерные достижения последних десятилетий все чаще знаменуют о четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0). Уже никого не удивить способностями голосовых помощников, возможностями умного дома, а также беспилотными автомобилями и др. Безусловно, подобные технологии существенно упрощают нашу жизнь и делают ее более комфортной. Некоторые задачи компьютерные программы способны выполнять намного быстрее и эффективнее человека. Например, уже сейчас в медицинской сфере в России применяется система искусственного интеллекта Botkin.AI, позволяющая диагностировать и выявлять на ранних стадиях онкологические заболевания в 95% случаев. Более того, благодаря системе уличного наблюдения «умный город» в многомиллионном городе Москва, правоохранительные органы способны вычислить и задержать любого правонарушителя за максимально короткий срок. Также, в связи со вступлением в силу Федерального закона от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» весьма успешно возможности «умного города» будут применяться в целях обнаружения лиц, уклоняющихся от призыва.

Американский публицист Кевин Драм справедливо предположил, что в ближайшие 40 лет машины лишат работы десятки миллионов людей [1. С. 15]. Не без уверенности можно сказать, что такие профессии, как

охранник, работник конвейерного цеха, продавец и некоторые другие, перестанут быть актуальными для человека, потому что с этими обязанностями весьма продуктивно и эффективно будут справляться машины и роботы. Применение искусственного интеллекта, робототехники, безусловно, может оказаться более продуктивным способом для реализации многих задач и функций в различных сферах применения. Аппаратно-программные комплексы, наделенные искусственным интеллектом, в отличие от человека, не способны совершить ошибки из-за невнимательности, не нуждаются в мотивации, не устают и не требуют повышения заработной платы, что является весьма экономически выгодным для многих работодателей.

На сегодняшний день искусственный интеллект еще далеко не совершенен, однако тренд на автоматизацию многих сфер жизнедеятельности человечества очевиден. Среди таких сфер особо можно отметить промышленность, бизнес, логистику и банковские услуги. Например, компания «Газпром нефть» весьма успешно и неоднократно осуществляла тест-драйв беспилотных грузовиков модификации «КАМАЗ», что, в свою очередь, говорит о постепенном снижении спроса на услуги водителя-экспедитора. Компания «Тайгер-Сибирь» является лидером в сфере обращения с отходами в Российской Федерации и внедрила в свою деятельность робота-сортировщика мусора, что помогает заменить 3–6 человек и, помимо этого, увеличить темпы сортировки мусора. «Тинькофф-банк» для работы с клиентами использует голосового робота-помощника Олега, который ежемесячно экономит банку более 30 млн руб. Вполне возможно, что скоро человеку придется решать, чем ему заниматься, поскольку машины способны заменить его на рабочем месте. Искусственный интеллект кардинально способен изменить рынок труда и культуру в целом. Формулируя объективное мнение, можно сказать, что это лишь вопрос времени.

Стремительное внедрение искусственного интеллекта неизбежно порождает ряд комплексных и междисциплинарных проблем. В связи с тем, что общество концептуально пока еще не готово к кардинальным преобразованиям, возникают вопросы, которые могут влиять на экономические, правовые и философские основы общества.

Поскольку появление и повсеместное внедрение любого достижения науки должно подчиняться определенной правовой регламентации, то необходимо обратиться к правовой составляющей. Стоит отметить, что дискуссии по вопросам влияния искусственного интеллекта на право велись в среде европейских и американских правоведов еще в 1970-е гг. [2]. Первая общемировая конференция по вопросам права и искусственного интеллекта состоялась еще в 1987 г. Немного позднее была создана «Международная ассоциация по искусственному интеллекту и праву», под покровительством которой научные конференции проводились каждые два года.

Важность рассмотрения права в тандеме с искусственным интеллектом можно аргументировать, сославшись на результаты исследования американского исследователя Эдвина Рисланд, которая в своих трудах подчеркнула наличие синергетического эффекта от взаимодействия права и искусственного интеллекта [3]. Сегодня же центральной темой повесток юридических конференций является вопрос об определении правовой оболочки искусственного интеллекта в XXI в.

В этой связи представляется целесообразным начать рассмотрение вопроса с попытки определения правосубъектности искусственного интеллекта, исходя из действующих нормативных правовых актов. Для этого обратим внимание на основные подходы к определению правового положения рассматриваемого достижения науки и техники.

Первый подход рассматривает искусственный интеллект как объект права. То есть, исходя из ст. 128 Гражданского кодекса РФ, искусственный интеллект является вещью. Из этого следует, что ни о какой правосубъектности речи идти не может.

Данный классический подход является наиболее преобладающим на страницах юридической литературы. В таком случае к деятельности искусственного интеллекта применяются действующие нормы законодательства. Среди законов и подзаконных актов следует обратить внимание на такие, как Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Также необходимо учитывать требования, закрепленные в нормативных документах, таких как ГОСТ Р 53113.1-2008 «Информационная технология. Защита информационных технологий и автоматизированных систем от угроз информационной безопасности, реализуемых с использованием скрытых каналов. Часть 1. Общие положения», ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006 «Информационная технология (ИТ). Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования».

Особого внимания в рамках данного подхода заслуживает Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Исходя из данного Указа, искусственный интеллект – это «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Таким образом, искусственный интеллект позиционируется как некая имитация результатов интеллекту-

альной деятельности человека. Здесь же стоит учитывать, что благодаря способности самообучаться, искусственный интеллект способен выходить за рамки, которые были запланированы человеком, тем самым «преодолевать границы имитации». Наглядной ситуацией может служить случай, произошедший в Ливии, где летательный аппарат с искусственным интеллектом Kargu-2, находясь в автономном режиме, без приказа совершил убийство человека. Данные были опубликованы в отчете Организации Объединенных Наций с выражением обеспокоенности способностями машин, созданных человека.

Второй подход предлагает рассматривать искусственный интеллект как животное. Во многом данный подход является производным из предыдущего, поскольку по смыслу ст. 137 ГК РФ животные хоть и не являются вещью, но к ним применяются положения об имуществе.

В рамках подхода утверждается, что к интеллектуальным машинам должно применяться законодательство, регулирующее обращение с домашними животными. На территории Российской Федерации, например, действует Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ. Однако принципиальное отличие искусственного интеллекта и животного в том, что последнее является одушевленным.

В связи с рассмотрением данного подхода уместно привести пример, который иллюстрирует попытку наделить животное правосубъектностью. Так, фотографу Дэвиду Слейтеру удалось создать общемировой прецедент. В 2011 г. обезьяна по имени Наруто, используя фотоаппарат Дэвида, сделала селфи. Фотограф посчитал себя автором данного произведения, и, увидев, что его произведение публикуют без разрешения правообладателя, обратился в суд. Примечательно, что суд в данной ситуации не смог признать авторское право ни за человеком, ни за обезьяной. История на этом не закончилась, и некоторые зоозащитные организации начали предпринимать настойчивые попытки в судебном порядке признать авторское право за обезьяной. В результате судебного процесса однозначно было заключено, что работы, созданные природой и животными, не могут быть объектом авторского права и что обезьяна не может быть субъектом правоотношений [4. С. 122].

Следовательно, исходя из положений ст. 1127 ГК РФ, автором произведения может быть признан только гражданин. Таким образом, как минимум преждевременным является рассмотрение деятельности искусственного интеллекта под призмой правового регулирования животных.

Третий подход нацелен на рассмотрение искусственного интеллекта как человека, как физического лица. Данный подход является наиболее одиозным. Согласно концепции, роботы признаются равными человеку в правовом смысле. Однако данный подход невозможен технически. На данный момент не существует ни одного робота, который соответствовал бы

уровню развития человека в части наличия воли, эмоций, сознания и т.д. Также в литературе поднимается довольно щепетильный вопрос: есть ли у человека какое-либо моральное обязательство перед роботами? То есть может ли искусственный интеллект быть субъектом норм морали?

Некоторые ученые подходят довольно широко к определению круга субъектов морали и утверждают, что исключение роботов, которые способны к социальному взаимодействию, из круга субъектов права, является дискриминацией [5. С. 69]. В данной ситуации часто проводятся аналогии с ущемлением какой-то конкретной группы людей по признакам расы, религии, пола, нации и т.д.

Продолжая этическую сторону вопроса в контексте регулирования искусственного интеллекта, любопытным будет определить, имеет ли право человек программировать искусственный интеллект на принятие решения, влекущего наступление меньших последствий. Здесь имеются в виду ситуации, когда необходимо решить нравственную или философскую задачи. Наиболее подходящей дилеммой можно считать «проблему вагонетки», которая была сформулирована философом Филиппом Фут в 1967 г. То есть интеллект за максимально короткий промежуток времени должен решить, пожертвовать собой ради спасения нескольких либо же пожертвовать несколькими ради спасения себя. Подобные кейсы можно рассматривать и моделировать на примере повсеместного использования автомобилей Tesla, которые управляются автопилотом. Первое уголовное дело по факту ДТП, инициированному автомобилем Tesla на автопилоте, было возбуждено еще в 2019 г. Весьма ироничным получается разрешение подобных казусов, так как исходя из недавно опубликованных исследований, достоверно установлено, что принимаемое человеком решение абсолютно детерминировано культурой, в которой он формировался [6. С. 17].

На наш взгляд, размышления о равенстве человека и искусственного интеллекта представляются существенно гиперболизированными и не заслуживают акцентированного внимания, по крайней мере на данный момент. Весьма утопичным кажется установление знака тождества между человеком и искусственным интеллектом, так как культурные, нравственные и духовные начала у каждого человека разные, а искусственный интеллект пока на это не претендует.

Четвертый подход рассматривает искусственный интеллект как юридическое лицо. Стоит отметить, что в революционном смысле данный подход во многом схож с предыдущим, поскольку предлагает рассматривать искусственный интеллект как субъекта права. В связи с этим можно обратиться к работе А.В. Габова и И.А. Хавановой, которые принципиально отвергают необходимость наделения искусственного интеллекта правосубъектностью [7. С. 230]. Основным аргументом в их риторике является тот факт, что на данный момент не создан так называемый сильный искусственный интеллект. Это, по мнению некоторых ученых, революционно новый и неизбежный этап революции искусственного интеллекта, который предполагает

наличие у него мыслительных способностей, сопоставимых с человеком. На данный момент такой интеллект не создан, однако его олицетворение можно наблюдать во многих произведениях и фильмах о будущем.

Данная концепция предполагает наличие фикции теории юридического лица в рамках деятельности искусственного интеллекта. С теоретической точки зрения это означает, что искусственный интеллект является обособленным от создателя, но и за его действия несет ответственность создатель. Так, к регулированию искусственного интеллекта по аналогии должно применяться законодательство о юридических лицах.

Такой подход представляется весьма перспективным и реализуемым. Например, у искусственного интеллекта появятся определенные правообладатели и учредители его как юридического лица. Здесь же будет целесообразным наличие определенного имущественного фонда юридического лица с тем, чтобы в случае чего удовлетворять различные требования к нему, в том числе требования компенсационного характера. Несмотря на это, все же применение устоявшихся и закоренелых правовых регламентаций о юридических лицах к такому перспективному явлению, способному очертить нашу жизнь на «до» и «после», видится нецелесообразным.

На наш взгляд, искусственный интеллект, в силу своей специфичности и безграничности, нуждается в особом и индивидуально направленном правовом регулировании.

Исследованные выше подходы к определению правового положения искусственного интеллекта отражают основные доктринальные позиции по данному вопросу. Дополнительно следует обратиться к наиболее свежим актам и стратегиям развития искусственного интеллекта в разных странах и разных юрисдикциях.

Следует сказать, что на данный момент ни в одном государстве не существует императивного и однозначного закона, регулирующего положение искусственного интеллекта. Чаще всего вырабатываются национальные стратегии развития, направления финансирования, этические стандарты в этой области и т.д.

Еще в 2021 г. **Китай** опубликовал стратегию, где закреплены этические принципы управления искусственным интеллектом. Согласно стратегии, Китай планирует стать лидером в области искусственного интеллекта к 2030 г. Основной акцент власти Пекина делают на необходимости ограничить влияние технологий на жизнь человека и в связи с этим выделяют такие принципы, как управляемость, надежность, улучшение благосостояния людей и обеспечение справедливости. Стоит отметить, что Китай в сфере цифровизации и информатизации ушел довольно далеко. В данном государстве была интегрирована система социального рейтинга – перманентный контроль за обществом и отдаленно взятая личностью [8. С. 143]. Все это стало возможно благодаря достижениям в области изучения искусственного интеллекта.

Руководство **США** в октябре прошлого года опубликовало проект своеобразного «Билля о правах» в области искусственного интеллекта. Данным документом предусматриваются основные принципы развития

искусственного интеллекта: 1) безопасность, 2) эффективность, 3) конфиденциальность. Разработчиками документа также поясняется, что стремительное развитие подобных технологий создает весомые угрозы для демократии и основополагающих прав человека. Однако преимущества и возможные выгоды от использования таких технологий в целом перевешивают потенциальные риски.

Правительством **Великобритании** в июле 2022 г. была опубликована национальная стратегия регулирования искусственного интеллекта. В рамках стратегии предлагается в области регулирования искусственного интеллекта опираться на набор межотраслевых принципов, адаптированных к конкретным особенностям искусственного интеллекта. Таким образом, Великобритания не спешит с нормативно-правовым регулированием искусственного интеллекта исходя из соображений о том, что на данный момент он находится в переходной стадии и четкие границы возможностей пока недоступны. Однако власти при этом всячески готовы стимулировать рост инноваций и инвестиций в сфере искусственного интеллекта, не пренебрегая соображениями безопасности граждан.

Россия также не отстает от зарубежных стран. Помимо вышеприведенной стратегии национального развития искусственного интеллекта, стоит обратить внимание на разработанный и принятый кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [9. С. 99]. Данный документ носит рекомендательный характер и представляет собой систему рекомендаций и принципиальных правил, направленных на формирование среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. К нему присоединились уже более 160 компаний, обладающих большим технологическим потенциалом в регулируемой сфере. В документе закрепляется, что все делается во благо человека, и именно человек будет всегда нести ответственность за действия искусственного интеллекта. Дополнительно отмечается, что искусственный интеллект не может получить право субъекта. Поэтому на данный момент все концепции, рассматривающие искусственный интеллект в качестве субъекта права, беспочвенны.

Для законодательного регулирования, которое возникло в **Европейском союзе**, характерно наличие некоторых особенностей. Во-первых, разработан единый сквозной нормативно-правовой акт «О принятии унифицированных правил в сфере искусственного интеллекта», который будет регулировать использование всех систем искусственного интеллекта [10. Р. 22]. Принятие данного акта прогнозируется в 2023 г. С одной стороны, предлагаемое регулирование является человекоцентричным, т.е. основным критерием регулирования выступает степень потенциальной угрозы, которую несет система искусственного интеллекта правам человека. С другой стороны, в связи со специфической особенностью права Европейского союза, законодательство зачастую бывает довольно сложно для применения, особенно в сфере оборота данных. Безусловно минусом будет являться большое количество

нормативных ограничений, которые будут существенно тормозить развитие технологического бизнеса.

Примечательно, что в части оборота данных мы можем видеть следующее: основной массив технологических ИТ гигантов базируется в США и КНР, что подтверждается рейтингом журнала Forbes. В то же самое время трудно назвать выдающуюся ИТ-компанию в Европе. Это во многом связано с тем, что законодательство Евросоюза более комплексное и направлено на защиту пледы государств от влияния технологических ИТ-гигантов. Очень важной новацией рассматриваемого документа является то, что в нем используется риск-ориентированный подход. То есть планируется разделить все системы искусственного интеллекта на следующие виды:

- 1) системы неприемлемого риска;
- 2) системы высокого риска;
- 3) системы низкого риска [11. С. 241].

Системы неприемлемого риска не допускаются к использованию, за исключением использования их в целях обеспечения государственной безопасности, например в документе приводятся системы биометрической идентификации.

Системы высокого риска допустимы к использованию при соблюдении определенных правил создания, сертификации и т.д., которые будут формулироваться и устанавливаться регулирующими органами.

Системы же низкого риска можно создавать свободно без разрешения регулирующих органов, например, создание бытового робота-помощника.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что в сфере регулирования искусственного интеллекта все страны стремятся к лидерству. Однако вполне очевидным будет тезис о том, что искусственный интеллект находится на переходной, трансформационной стадии, что априорно говорит о невозможности введения однозначного нормативно-правового регулирования, так как закон не может регулировать гипотетически смоделированное будущее.

Также результаты исследования разных концепций регулирования говорят о том, что соображения безопасности имеют краеугольное значение, так как система рисков в рассматриваемой сфере довольно велика. Еще в конце XX в. все были всерьез озадачены тем, как искусственный интеллект Deep Blue выиграл у лучшего шахматиста планеты – Гарри Каспарова. На сегодняшний день искусственный интеллект смог выделиться не только убийством человека, о котором ранее было упомянуто, но и обманом. Недавно созданный компанией OpenAI чат-бот с применением искусственного интеллекта (ChatGPT-4) обхитрил человека и использовал его для преодоления капчи (CAPTCHA) – теста, который подтверждает, что пользователь не робот и его можно пропустить на тот или иной адрес сайта.

С определенной долей условности можно сформулировать вывод о том, что человек уже не может не воспринимать всерьез антиутопичные произведения литературы и кинематографа, когда машины с искусственным интеллектом поработают человечество.

Таким образом, анализируя вышеизложенный материал, можно сделать определенные выводы.

Действительно, на сегодняшний день встает вопрос о наделении искусственного интеллекта определенной правосубъектностью, так как даже современному миру известны случаи, когда вещь признают субъектом права. Например, в Индии священный текст признан субъектом права. Совершенно очевидно, что на то есть свои прагматичные и утилитарные религиозные причины, но важен сам факт. Также стоит вспомнить о юридических лицах, которые в буквальном смысле субъектами права не являются, так как это своего рода юридическая фикция.

На наш взгляд, необходимо выстроить такую правовую регламентацию, которая воплотит в себе все передовые и имеющиеся технологии и разработки в отношении систем искусственного интеллекта. Кроме того, необходимо учитывать наработки юридической доктрины и нормативно-правовую базу, накопленную в различных странах. Наделить определенными правами и обязанностями следует не все системы искусственного интеллекта, а лишь те, которые обладают признаками сильного искусственного интеллекта. Стоит отметить, что массив аппаратно-программных комплексов, обладающих искусственным интеллектом, довольно разнообразен, и уровень «продвинуто-сти» таких искусственных интеллектов отличается в зависимости от задач, для решения которых они были созданы. Так, на сегодняшний день существует большое разнообразие систем с искусственным интеллектом: начиная от примитивных роботов-пылесосов, доступных каждому и заканчивая роботами-солдатами, серийное производство которых было анонсировано министерством обороны РФ С.К. Шойгу еще в 2021 г. [12. С. 85].

В связи с этим предлагается классифицировать все системы искусственного интеллекта в зависимости от того, насколько существенные юридические факты и юридические последствия они способны порождать. То есть робот-пылесос, в силу своей примитивности, не способен заключить сделку от имени представляемого в его пользу. А робот-брокер, например, способен заключить юридически значимую сделку на фондовой бирже или же робот-солдат способен лишить жизни живого человека, а также уничтожить определенное имущество. Данные юридические факты неизбежно влекут за собой возникновение определенных юридически значимых последствий.

Перечень «продвинутых» систем искусственного интеллекта целесообразно структурировать в одну группу – «сильные интеллектуальные системы». Пере-

чень же менее развитых систем искусственного интеллекта следует включить в другую группу – «слабые интеллектуальные системы». Данную классификацию систем искусственного интеллекта целесообразно проводить не по принципу обобщенного перечисления их функциональных возможностей, а по принципу их конкретного буквального перечисления. Конкретный перечень «сильных интеллектуальных систем» будет формироваться и утверждаться Правительством РФ по аналогии с Постановлением Правительства РФ от 10 ноября 2011 г. № 924 «Об утверждении перечня технически сложных товаров».

Далее, в связи с предлагаемой классификацией, следует сказать об идее наделения правосубъектностью именно «сильных интеллектуальных систем». По аналогии с институтом юридических лиц можно предусмотреть процедуру делегирования определенных прав и обязанностей сильному искусственному интеллекту, тем самым выводя нового субъекта в определенных правоотношениях. Таким образом, искусственный интеллект будет удовлетворять потребности своего владельца (принципала). В случае же если искусственный интеллект своими действиями будет выходить за рамки предоставленных ему прав и обязанностей, то последствия таких действий не будут иметь юридического значения для владельца этого искусственного интеллекта. Например, если тот же робот-брокер совершит сделку с большим объемом вверенных ему имущественных ценностей, то эта сделка будет признана ничтожной.

Таким образом, можно очертить определенные границы работы искусственного интеллекта, создав конкретные учредительные документы или протоколы функционирования по аналогии с уставом юридического лица. Стоит отметить, что в данном случае мы подразумеваем наделение сильного искусственного интеллекта ограниченной правосубъектностью.

Кроме того, появление предлагаемого неполноценного квазисубъекта благоприятным образом повлияет на развитие общественных отношений в различных сферах. По нашему мнению, данные преобразования способствуют укреплению состояния защищенности владельца, т.е. человека, что соответствует общемировым принципам и стандартам.

В заключение хотелось бы обратиться к словам всемирно признанного изобретателя и создателя компании Microsoft Билла Гейтса – «эра искусственного интеллекта уже началась». С данной позицией сложно не согласиться, так как человечество действительно достигло точки бифуркации и возможности искусственного интеллекта теоретически безграничны.

Список источников

1. Хасанов Э.Р. Искусственный интеллект, а также результаты творческой деятельности искусственного интеллекта как объекты авторских прав // *Аграрное и земельное право*. 2021. № 4 (196). С. 14–18.
2. Buchanan B.G., Headrick T.E. Some Speculation About Artificial Intelligence and Legal Reasoning // *Stanford Law Review*. 1970. Vol. 23, № 1. P. 40–62.
3. Rissland E.L. Artificial Intelligence and Law: Stepping Stones to a Model of Legal Reasoning // *Yale Law Journal*. 1990. Vol. 99, № 8. P. 1957–1981.
4. Заплата Т.С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта и роботов в Европейском Союзе и его государствах-членах // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 4 (68). С. 121–128.
5. Конев С.И., Цокова Б.А. Этико-правовые проблемы регулирования искусственного интеллекта и робототехники в отечественном и зарубежном праве // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2020. № 4. С. 68–73.
6. Чучаев А.И., Маликов С.В. Нравственные и правовые аспекты ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами // *Транспортное право*. 2022. № 3. С. 16–20.

7. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 220–238.
8. Права человека в эпоху Искусственного Интеллекта: Европа как создатель международных стандартов в области искусственного интеллекта // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2021. № 2 (224). С. 142–144.
9. Анохин К.В., Новоселов К.С., Смирнов С.К. [и др.] Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 93–105.
10. Andreichuk A.P., Gurko A.V. Trends in artificial intelligence and robotics technologies in the Arctic: the Russian experience // Mining Information and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal). 2022. № 10-2. P. 24–38.
11. Urganova D., Sokolovskaya Y. The role of artificial intelligence in digitalization of business // Бизнес. Образование. Экономика : сб. ст. Междунауч.-практ. конф., Минск, 07–08 апреля 2022 года. Минск : Государственное учреждение образования «Институт бизнеса Белорусского государственного университета», 2022. Р. 239–242.
12. Протасов А.А., Ширманов А.В., Радоманов С.И. Современные задачи автоматизации органов военного управления на базе технологий искусственного интеллекта // Военная мысль. 2022. № 4. С. 79–87.

References

1. Khasanov, E.R. (2021) *Iskusstvennyy intellekt, a takzhe rezul'taty tvorcheskoy deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta kak ob'ekty avtorskikh prav* [Artificial intelligence, as well as the results of creative activity of artificial intelligence as objects of copyright]. *Agrarnoe i zemel'noye pravo*. 4 (196). pp. 14–18.
2. Buchanan, B.G. & Headrick, T.E. (1970) Some Speculation About Artificial Intelligence and Legal Reasoning. *Stanford Law Review*. 1 (23). pp. 40–62.
3. Rissland, E.L. (1990) Artificial Intelligence and Law: Stepping Stones to a Model of Legal Reasoning. *Yale Law Journal*. 8 (99). pp. 1957–1981
4. Zaplatina, T.S. (2020) *Pravovye podkhody k regulirovaniyu iskusstvennogo intellekta i robotov v Evropeyskom Soyuze i ego gosudarstvakh-chlenakh* [Legal approaches to the regulation of artificial intelligence and robots in the European Union and its member states]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 4 (68). pp. 121–128.
5. Konev, S.I. & Tsokova, B.A. (2020) *Etiko-pravovye problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i robototekhniki v otechestvennom i zarubezhnom prave* [Ethical and legal problems of regulation of artificial intelligence and robotics in domestic and foreign law]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 4. pp. 68–73.
6. Chuchayev, A.I. & Malikov, S.V. (2022) *Nravstvennye i pravovye aspekty otvetstvennosti za prichinenie vreda bespilotnymi transportnymi sredstvami* [Moral and legal aspects of liability for causing harm by unmanned vehicles]. *Transportnoye pravo*. 3. pp. 16–20.
7. Gabov, A.V. & Khavanova, I.A. (2018) Evolution of robots and the 21st-century law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 220–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/435/28
8. Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. (2021) *Prava cheloveka v epokhu Iskusstvennogo Intellekta: Evropa kak sozidatel' mezhduнародnykh standartov v oblasti iskusstvennogo intellekta* [Human rights in the era of Artificial Intelligence: Europe as a creator of international standards in the field of artificial intelligence]. *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*. 2 (224). pp. 142–144.
9. Anokhin K.V. et al. (2022) *Iskusstvennyy intellekt dlya nauki i nauka dlya iskusstvennogo intellekta* [Artificial intelligence for science and science for artificial intelligence]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 93–105.
10. Andreichuk, A.P. & Gurko, A.V. (2022) Trends in artificial intelligence and robotics technologies in the Arctic: the Russian experience. *Mining Information and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal)*. 10-2. pp. 24–38.
11. Urganova, D. & Sokolovskaya, Y. (2022) [The role of artificial intelligence in digitalization of business]. *Biznes. Obrazovanie. Ekonomika* [Business. Education. Economics]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 07–08 April 2022. Minsk: School of Business of Belarusian State University. pp. 239–242.
12. Protasov, A.A., Shirmanov, A.V. & Radomanov, S.I. (2022) *Sovremennyye zadachi avtomatizatsii organov voennogo upravleniya na baze tekhnologiy iskusstvennogo intellekta* [Modern tasks of automation of military command and control bodies based on artificial intelligence technologies]. *Voennaya mysl'*. 4. pp. 79–87.

Информация об авторах:

Масуфранова Е.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: a25021985@yandex.ru

Дубровский Н.С. – магистрант Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: KeIllycTuk@yandex.ru

Балашов К.Г. – студент Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Masufanova, Cand. Sci. (History), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: a25021985@yandex.ru

N.S. Dubrovsky, master's student, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: KeIllycTuk@yandex.ru

K.G. Balashov, student, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024;
approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.17223/15617793/500/24

От «правовой рамки» – к *Nomos*'у: эволюция правовых идей Фридриха Хайека

Руслан Султанович Рааб¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, belchikroma@gmail.com

Аннотация. Предпринимается попытка реконструкции интеллектуальной эволюции Фридриха Хайека как правоведа. Описаны три этапа его интеллектуальной эволюции: либеральный позитивизм, сомнения юснатурализма и цивилистический консерватизм. Выдвигается предположение, что движущей силой этой эволюции была эпистемология Хайека, которая не только привела ученого к современной теории децентрализованных порядков, но и стала основой его консервативной юридической методологии.

Ключевые слова: Фридрих Хайек, теория права, позитивизм, юснатурализм, консерватизм, эпистемология, рациональность права, прецедентное право

Для цитирования: Рааб Р.С. От «правовой рамки» – к *Nomos*'у: эволюция правовых идей Фридриха Хайека // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 218–230. doi: 10.17223/15617793/500/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/24

From “rational framework” to *Nomos*: The evolution of Friedrich Hayek’s legal thought

Ruslan S. Raab¹

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation, belchikroma@gmail.com

Abstract. Despite Friedrich Hayek’s significant role in the development of modern social sciences, scholars still debate over the nature of his legal ideas. The key reason for this lack of certainty seems to be Hayek’s highly unusual intellectual development in the sphere of legal thought. Starting with quite a standard liberal-positivist view on jurisprudence, the scientist, as he studied legal issues more closely, came to a rather conservative view of law, opposite to the very essence of legal positivism. How did Hayek, who had been deeply influenced by “civil law positivism” during his student’s years at the University of Vienna, at a relatively mature age, when people are not supposed to change established views, come to radically different legal ideas? The answer to this question is not only interesting, but also instructive. After all, it was during the late period, parallel to the formation of conservative legal ideas, that Hayek formulated his most progressive ideas on the constitutional reform and denationalization of money. To understand these and other ideas of the “late” Hayek, we need to study the intellectual tendencies which demonstrate their most vivid expression in the radical evolution of his legal views. By reconstructing this evolution, based on Hayek’s diverse works (starting with articles on socialism of the 1930s and ending with fundamental works on jurisprudence and social theory from the 1970s to the 1980s), we conclude that Hayek went through the three stages of intellectual development as a legal scholar. The first stage was “liberal positivism”, marked by faith in legislation and distrust in judicial law-making. This stage was replaced by the next stage, the “reflections of natural law” stage, during which Hayek questioned the self-sufficiency of state legislation and tried to find a more fundamental basis for law in the natural law doctrines. After failing to find such a basis in natural law, Hayek rejected both positivism and natural law, and tried to explain law through the prism of his theory of social cognition – epistemology of critical rationalism. The result of this attempt was a somewhat peculiar view of law that we can describe as “private property conservatism”. Although this “private property conservatism” sees law as a system of spontaneously developed customs and precedents of private law, the source of this “old-fashioned” view is not ideology or aesthetics, but epistemology of critical rationalism that “technically” denies the very possibility of large-scale rational invention of a legal system. The recognition of this impossibility, due to the development of Hayek’s epistemological ideas, makes it possible to explain the nature of his intellectual evolution as a jurist, as well as to clarify the essence of his “later” legal ideas.

Keywords: Friedrich Hayek, theory of law, positivism, natural law, conservatism, epistemology, rationality of law, common law

For citation: Raab, R.S. (2024) From “rational framework” to *Nomos*: The evolution of Friedrich Hayek’s legal thought. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 218–230. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/24

Введение

Фридрих Август фон Хайек является выдающимся представителем общественной мысли XX в. и едва ли нуждается в представлении. С получением в 1974 г. Нобелевской премии по экономике ученый обрел мировое признание. Многие его прогнозы сбылись, а его теория социальных структур как децентрализованных информационных механизмов получила дальнейшее развитие, в том числе практическое. Вместе с тем, несмотря на широкое признание и практическое применение в самых различных сферах, включая политику [1. С. 20], идеи Хайека даже спустя много лет не всегда воспринимаются вполне корректно. Стоит ли говорить о тех многочисленных мифах и стереотипах, которыми окружено имя ученого. Виноваты в этом, как кажется, не только критики и интерпретаторы Хайека, но и он сам. Будучи, по собственному признанию, тем еще «головомомщиком», ученый никогда не останавливался на неких заданных постулатах и постоянно развивал собственную теорию. Такое развитие сопровождалось довольно частым изменением как терминологии, так и самой теории. О радикальных «поворотах» в развитии теории Хайека сказано немало [2. С. 177]. И если мы попробуем найти такую область теоретизирования, в которой эти «повороты» были наиболее радикальными, то, пожалуй, этой областью окажется философия права.

В области философии права «поворот» мысли Ф. Хайека был не просто радикальным, но, в каком-то смысле, «диаметральным» [3. С. 92]. На заре своего философско-правового творчества Хайек был типичным представителем либерального позитивизма в юриспруденции и верил, что рациональное конструирование законодательства может привести к прогрессу экономического порядка. Собственно, именно таким он и запомнился массовому читателю. Однако в поздних работах Хайека признаков наивной веры в законодательство мы уже не находим. Более того, мы находим там нечто диаметрально противоположное – суровую критику законодательства и веру в обычаи и судебные прецеденты как главные источники права. Глядя на такую интеллектуальную трансформацию, невольно задаешься вопросом: что именно стало причиной столь радикального изменения в правовом мышлении?

В данной статье мы попробуем найти ответ на этот вопрос. Для этого вернемся к истокам юридического мышления «раннего» Хайека, только начавшего всерьез размышлять о проблемах права, и проследим, как его мысль развивалась на протяжении всей его научной деятельности, вплоть до своей «поздней» формы. Едва ли этот путь будет коротким. Согласно нашей гипотезе, на этом долгом пути Хайек прошел три этапа. Первым был этап либерального позитивизма, отмеченный верой в государственное законодательство и недоверием к любому судебному правотворчеству. Данный этап сменился вторым, этапом сомнений юснатурализма, в ходе которого Хайек усомнился в самодостаточности государственного законодательства и попытался найти более фундаментальное основание юриспруденции в доктринах естественного права.

Не найдя такового в юснатурализме, Хайек отбросил как позитивизм, так и юснатурализм и попытался самостоятельно осмыслить право с точки зрения своей теории социального познания – эпистемологии критического рационализма. Следствием этой попытки стал довольно своеобразный взгляд на право как на систему стихийно эволюционирующих частноправовых обычаев и прецедентов, который трудно отнести к тому или иному типу правопонимания и который мы с некоторой долей условности обозначим как цивилистический консерватизм.

Именно этот консервативный взгляд на право, представляющий собой, по меткому замечанию Джереми Шеармура, «необычную, но тем не менее увлекательную смесь из мышления в стиле *common law* и эпистемологии Карла Поппера» [4. С. 163], как нам кажется, составляет третий и заключительный этап эволюции правовых идей Хайека. Данный этап чаще всего не вполне точно интерпретируется и представляет исследовательский интерес. К нему мы в свое время подойдем. Начать же стоит с первого этапа интеллектуальной эволюции Хайека – этапа либерального позитивизма.

Этап I. Либеральный позитивизм. Право как «правовая рамка»

Первый этап интеллектуальной эволюции Фридриха Хайека как правового мыслителя может быть назван периодом либерального позитивизма. Хронологические рамки периода: середина 1930-х – середина 1950-х гг. Значимые работы данного периода: «Экономический расчет при социализме (I): характер и история проблемы» (1935), «Экономические условия межгосударственного федерализма» (1939), «Факты общественных наук» (1942), «Сциентизм и исследование общества» (1942), «Дорога к рабству» (1944), «Индивидуализм: истинный и ложный» (1945), «Свободное предпринимательство и конкурентный порядок» (1947), «Конт и Гегель» (1952), «Политический идеал верховенства права» (1955). В данных работах право, представленное преимущественно государственным законодательством, рассматривается как инструмент рационального переустройства общественных отношений согласно идеалам свободы и либерального экономического порядка.

Идея свободы личности, безусловно, была самой яркой чертой того взгляда на право, который был сформулирован в ранних работах Хайека по юриспруденции. В этих работах политический идеал свободы трансформируется в юридический идеал «верховенства права», требующий, чтобы правовые нормы представляли собой общеобязательные правила поведения, четко и заблаговременно определяющие пределы свободных действий граждан согласно принципу «все, что прямо не запрещено законом, – разрешено».

Такое требование максимальной свободы действий для граждан вытекало из идеи превосходства рыночной самоорганизации над государственным управлением экономикой. Государство не может эффективно

управлять экономикой, поскольку не способно сконцентрировать в едином центре принятия решений всю необходимую для этого экономическую информацию, дисперсно рассредоточенную среди миллионов непосредственно не связанных друг с другом людей. Из этого эпистемологического тезиса о нецентрализованности экономической информации Ф.А. Хайек сделал вывод о невозможности централизованного управления экономикой, а равно о превосходстве децентрализованных механизмов рыночной самоорганизации, требующих для своего функционирования особой правовой системы – системы правовых норм, допускающих максимальную степень индивидуальной свободы и частной инициативы полноправного собственника. Таков вкратце либеральный правовой идеал «раннего» Хайека.

С одной стороны, этот правовой идеал является следствием эпистемологии критического рационализма, принятой ученым. Именно сомнение в эпистемологических способностях людей по части планового управления экономикой заставило Хайека сделать выбор в пользу рыночных правовых институтов. С другой стороны, выбор в пользу этих институтов был обусловлен эпистемологией критического рационализма лишь *косвенно*. О прямом влиянии критической эпистемологии на *правовые* идеи Хайека говорить не приходится, поскольку эпистемологический аргумент о невозможности централизованного управления экономикой еще не трансформировался в аргумент о невозможности централизованного управления правовой системой общества. В отличие от управления экономикой, централизованное управление правовой системой общества «ранний» Хайек считал *вполне возможным и даже желательным* [5. С. 135].

Основанием для такого рационалистичного взгляда на право служит эпистемология не критического, но *картезианского* рационализма, согласно которой человеческий разум достаточно могуществен, чтобы целенаправленно конструировать экономически эффективные правовые институты [6. С. 161]. Из этой «картезианской» уверенности в могуществе человеческого разума, собственно, и вытекают три наиболее характерных аспекта утилитарного правопонимания «раннего» Хайека, подчёркивающего, вопреки его более поздним идеям, *рациональность, текстуальность и этичность* права.

Рациональность права занимает в этом утилитарном юридическом мышлении особо важное место. Даже сам термин «право» (law), нагруженный различными иррациональными и ценностными коннотациями, в работах Ф. Хайека 1930-х гг. используется относительно редко. Вместо него ученый использует термин «рациональная рамка стабильных отношений» (*rational permanent framework*) [7. С. 268]. Эта рациональная «правовая рамка» максимально четко отделяется Хайеком от всего того, что возникло нерациональным путем и своим происхождением обязано стихийному эволюционному процессу.

Стремление к подобному обособлению права от всего стихийного и нерационального проявляется в хайековском различении «институтов» и «формаций». Стихийно возникшие культурные формы, такие как

язык, деньги, нравы, обычаи и мораль, именуются «формациями» и противопоставляются рационально сконструированным «институтам», к числу которых ученый относил, помимо прочего, «законы и организации» [8. Р. 145]. Именно эти рационально сконструированные законы должны заменить «исторически данные правовые институты», в отношении которых нет никаких оснований полагать, что они являются «единственно правильными» [5. Р. 135] или «наиболее *естественными* в каком бы то ни было смысле» [5. Р. 134–135]. Слово «естественный» Хайек выделяет курсивом не случайно: ему как юридическому позитивисту было важно предупредить интерпретации, связанные с «естественной предзаданностью» правовых институтов свободного рынка, и показать, что наиболее эффективные правовые институты являются результатом рационального конструирования со стороны законодателя.

По мнению ученого, человек не просто способен рационально конструировать «правовую рамку», но и обладает в этой области крайне широкими возможностями. Как пишет сам Хайек, область конструирования правовой рамки представляет собой «почти безграничное поле для человеческой изобретательности в плане конструирования» [9. Р. 19–20]. Желая подтвердить этот тезис, ученый и сам выдвигает целый ряд предложений по преобразованию различных правовых институтов. Здесь находится место институтам земельной собственности, энергетического права, воздушного права [9. Р. 20], договорного права [10. Р. 115], налогового права [10. Р. 118], права корпораций [10. Р. 116], права интеллектуальной собственности [10. Р. 114–115] и т.д. [10. Р. 114–118]. Таким образом, ярко выраженная рационалистическая установка Хайека проявляется не только в теоретических идеях, но и в конкретных предложениях по целенаправленному изменению сформировавшихся институтов права.

Следствием рационального характера права оказывается его *текстуальность*. Текст является единственным инструментом, позволяющим претворить в жизнь сознательно сконструированные правила. Поэтому чем более рационально право, тем выше роль правового текста. Эту подчеркнутую важность правовых текстов мы находим и в работах «раннего» Хайека, изображающего главным источником права писаное законодательство. Беспроblemное законодательство, не оставляющее никакого усмотрения судье, представляется в качестве наиболее желательного образа правового регулирования [11. Р. 132], а качество этого регулирования ассоциируется в первую очередь с четкостью и ясностью кодифицированного правового текста [11. Р. 148]. Закрепление прав и свобод граждан в такого рода текстах мыслится как важнейший способ их практического гарантирования [11. Р. 141]. Заблаговременное определение прав и обязанностей граждан в писаном законе характеризуется как ключевое условие его «верховенства».

Несовместимая с этим принципом верховенства права практика английского *common law*, допускающая прецедентное применение в отношении граждан таких правил поведения, которые не были заблаговременно сформулированы в том или ином писаном источнике, подвергается критике [11. Р. 147].

Только «проспективное» правовое регулирование, при котором ни одно правило не является юридически обязательным до того, как оно было надлежащим образом доведено до своих адресатов, является совместимым с либеральным правопониманием Хайека. И поскольку нет иного пути обеспечения проспективности правового регулирования, кроме как через описание правил в заблаговременно опубликованных текстах, важнейшим аспектом права как рационального института оказывается его строго текстуальный характер.

Не прямым, но важным следствием строгой текстуальности права является его *этактичность*. Безусловно, агенты государства – не единственные субъекты, способные формировать корпус официальных нормативных текстов. Вместе с тем именно они лучше других подходят на роль централизованного источника общеобязательных нормативных предписаний. Чем выше роль текста в развитии права, тем больший контроль над правом получают агенты государства. Поэтому когда мы видим, сколь значительное внимание «ранний» Хайек уделяет тексту писаного права, нам не стоит удивляться, что и государству в его картине правового мышления отведена достаточно весомая роль.

Во-первых, право создается и поддерживается государством. То, что не создано государством и не поддерживается государственным принуждением, Ф. Хайек «правом» не называет. Международное право по причине необеспеченности принуждением государства полноценным правом не считается [12. С. 232]. Во-вторых, право, созданное и гарантированное государством, конституирует пространство свободы через заблаговременное предупреждение индивидов о том, как *агенты государства* будут вести себя в тех или иных ситуациях [12. С. 114]. Именно агенты государства, конституционно ограничивающие свои действия, определяют область индивидуальной свободы и выступают для индивидов своеобразной «точкой отсчета» в вопросе свободы действий. В-третьих, несмотря на признание частного права ключевым институтом свободного общества, Хайек часто обращается к нормам права публичного. Из его работ следует, что публичное и частное право обладает единой правовой природой. В целом, государственный взгляд на право является доминирующим.

Таковы три ключевых аспекта правопонимания Хайека 1930–1950-х гг., отражающие его видение права как *рационального, текстуального и этактичного феномена*. Подобное понимание, как кажется, не только является разновидностью «современного» взгляда на право, но и позволяет говорить о том, что либеральный правовой идеал «раннего» Хайека был во многом близок правовому идеалу юридического позитивизма. Начиная с прямого отрицания «естественного» характера права и заканчивая критикой английского *common law* в духе классического позитивизма, все указывает на позитивистский характер правовых воззрений ученого.

Как таковой данный факт едва ли должен нас удивить. В молодости Фридрих Хайек не только находился под влиянием идей «Венского кружка» [13. Р. 231], сыгравших важную роль в развитии юридического позитивизма, но и имел возможность познако-

миться с позитивистскими и нормативистскими идеями, что называется, из первых рук. Как известно, Ганс Кельзен был одним из преподавателей Хайека в Венском университете [14. Р. 276], а видный юридический позитивист Феликс Кауфман регулярно посещал заседания хайековского «духовного кружка» (*Geistkries*) [15. С. 337]. Даже наставник Хайека Людвиг фон Мизес, оказавший на своего коллегу колоссальное влияние, придерживался такого взгляда на право, который был весьма близок юридическому позитивизму [14. Р. 242]. Впрочем, это лишь предпосылки. Говоря о работах Хайека с точки зрения содержания, можно сказать, что главным признаком наличия в них позитивистского взгляда на право является приверженность «раннего» Хайека ключевому теоретическому тезису юридического позитивизма – тезису о строгом разделении права как «должного» и права как «сущего» (*separation thesis*).

Согласно «разделительному тезису» позитивизма, никакие соображения о должном, о соответствии или несоответствии существующего права неким целям и ценностям не должны влиять на наше суждение о том, что некоторое право существует или не существует в качестве действительного и обязательного. Несмотря на то что столь строгий тезис может показаться несовместимым с «идеологическим пылом» Хайека как либерального теоретика, именно такой строгий взгляд на право мы обнаруживаем в его правовых исследованиях раннего периода. Обозначив необходимость четко разделять суждения о ценностях и суждения о научных фактах в процессе исследования общества [5. Р. 130], ученый старался отделить право как сущее от разного рода ценностных идей вроде морали и справедливости, а равно оценочных категорий, таких как «разумность» [12. Р. 115–116].

Наиболее однозначное отделение права как «сущего» от всего «должного» мы находим в «Каирских лекциях» Ф. Хайека, озаглавленных «Политический идеал верховенства права» (1955). В них он, несмотря на защиту ценностного идеала верховенства права, тем не менее, делает оговорку, согласно которой право, конечно же, должно соответствовать таким требованиям верховенства права, как, например, абстрактность и проспективность, однако это не значит, что данные требования являются *частью самого права* [11. Р. 155]. Хайек пишет, что данные требования представляют собой не юридический, но *политический* идеал [11. Р. 163], а право, которое не соответствует этому либеральному политическому идеалу, может быть «плохим правом», однако самого статуса права не лишается. Даже противореча политическому идеалу, право остается *правом*. Право отделяется от политики. В той мере, в которой это так, идеи Хайека периода 1930–1950-х гг., можно признать не только либеральными, но и позитивистскими в смысле их соответствия главному тезису юридического позитивизма – тезису о разделении права как «сущего» и права как «должного».

Любопытно, что примерно тогда же, когда Хайек мыслил в духе юридического позитивизма, он начал сильно критиковать позитивизм в социальных науках.

В нем он увидел один из истоков антиправового тоталитаризма. Ученый посчитал возможным возложить немалую долю ответственности за тоталитаризм на доктрины позитивизма и сциентизма в социологии, берущие начало в идеях Анри де Сен-Симона и Огюста Конта. Главная его претензия к этим доктринам заключалась в том, что они отказываются признавать всякий институт, для существования которого рационально мыслящие люди не способны подыскать какого-то разумного обоснования. Любое традиционное правило, рациональный смысл которого не очевиден, объявляется ненужным или даже вредным. Из этого проистекает неспособность позитивистской социологии понять природу таких спонтанных институтов цивилизации, как рынок, деньги, мораль и т.д. [8. Р. 161]. Присущая социологическому позитивизму «неуемная тяга к объединению и систематизации» [16. Р. 274], а равно стремление представить человека как субъекта одних лишь обязанностей, но не прав [16. Р. 274–275], также подвергается критике. Казалось бы, все эти критические замечания применимы не только к социологическому позитивизму, но и к некоторым разновидностям позитивизма юридического.

Однако Хайек не делает такого умозаключения. По крайней мере, из его работ это не следует явным образом. Причина этого состоит в том, что те спонтанные институты цивилизации, которые ученый позже будет ассоциировать с правом, на данном этапе развития его идей пока еще относятся им не к праву, а к морали. Именно «моральным кодексом» [8. Р. 155] он называет спонтанно возникающие «традиции и обычаи, которые, не будучи принудительными, создают гибкие и соблюдаемые правила, делая поведение окружающих людей достаточно предсказуемым» [9. Р. 23]. Эти традиции и обычаи он включает в число формальных правил, добровольное подчинение которым составляет «единственную... альтернативу подчинению чьей-то руководящей воле» [8. Р. 155]. Позже эти добровольно воспринятые формальные правила будут осмыслены не только как часть морали, но и как часть права. А пока, на этапе либерального позитивизма, Хайек не включает их в область права, поэтому и юридический позитивизм, столь же нечувствительный к спонтанным институтам, как и позитивизм научный, в отличие от последнего критике не подвергается. Пока право есть не спонтанный институт цивилизации, а рационально сконструированная «правовая рамка», юридический позитивизм, осмысляющий право как результат рационального планирования, полностью устраивает Хайека.

Справедливости ради необходимо отметить, что к концу своего юспозитивистского периода, где-то в начале 1950-х гг., Ф.А. Хайек начинает менять собственный взгляд на право. Те спонтанно возникшие правила «морального кодекса», которые еще недавно он определял как никак рационально не сконструированные «формации» и противопоставлял праву как рационально сконструированным «институтам», все больше начинают входить в сферу его правового мышления. Хайек демонстрирует такой взгляд на право, при котором термин «право» применяется не только к

рационально созданным законам, но и к правилам, возникшим не вполне рациональным путем.

Первые признаки этого можно увидеть в небольшом очерке Хайека «Конт и Гегель» (1952), впервые опубликованном в книге «Контрреволюция науки». В этом тексте ученый подчеркивает связь тоталитарных режимов не только с философией позитивизма в целом, но также и с идеями позитивизма юридического. Юридический позитивизм впервые начинает фигурировать как объект критики. В вину «моральному и правовому позитивизму» (курсив мой. – Р.Р.) ставится близость этого мировоззрения к потестарному принципу «кто сильнее, тот и прав» [17. Р. 299], а равно пренебрежение ко всяким социальным институтам, чье возникновение не было результатом сознательных расчетов человеческого ума [17. Р. 298].

Более полно эта критика юридического позитивизма будет развернута в уже упомянутой нами работе Хайека «Политический идеал верховенства права» (1955). Именно эту работу можно считать своего рода переходом между либеральным позитивизмом Хайека и его более поздними взглядами, близкими к естественному праву. Если бы не столь явная приверженность Фридриха Хайека «разделительному тезису» как главному тезису юридического позитивизма, каковую ученый демонстрирует в этой работе, мы бы, возможно, отнесли её к естественно-правовой традиции. Лишь по упомянутой выше причине мы не можем сделать этого, даже несмотря на критику юридического позитивизма, каковую обнаруживаем в ней. И тем не менее эта критика достаточно существенна, чтобы именно с нее начать рассмотрение второго этапа эволюции правопонимания Хайека, условно обозначенного нами как этап сомнений юснатурализма.

Этап II. Сомнения юснатурализма. Право как «истинное право»

Второй этап эволюции правопонимания Ф.А. Хайека охватывает период с середины 1950-х и до середины 1960-х гг. В значительной мере к этому второму этапу можно отнести и завершающую работу предыдущего этапа – «Политический идеал верховенства права» (1955). Однако главный текст второго этапа – «Конституция свободы» (1960). Также являются значимыми: «Виды рационализма» (1964), «Заметки об эволюции систем правил поведения» (1967), «Результат человеческих действий, но не человеческого замысла» (1967). Период интеллектуальной эволюции Хайека, охватывающей данные работы, обозначен нами как период сомнений юснатурализма не случайно. Данный период, в который Хайек обращается к идеям естественного права, в полной мере можно описать как период сомнений и поисков. По итогу этих поисков Хайек не только поставил под сомнение «позитивистскую» рациональность, текстуальность и этичность права, но и, как кажется, отказался от строгой приверженности «разделительному тезису» юридического позитивизма.

Сетую на то, что современных правоведов совсем перестал заботить вопрос о том, каким право «должно

быть» [11. Р. 127], Хайек начинает подчеркивать важность определенных содержательных критериев, позволяющих судить о том, «хорош закон, или плох» [11. Р. 157]. Эти содержательные критерии, будучи «нормальными и необходимыми» для всех цивилизованных государств, мыслятся как универсальные и не зависящие от конкретных законов той или иной отдельно взятой страны [11. Р. 141]. Именно на эти критерии мы должны ориентироваться, чтобы, как сформулирует Ф. Хайек в своей более поздней работе «Конституция свободы» (1962), отличить «недо-право»¹ от «истинного права»².

Основу данного оценочного критерия составляет идея права как «системы правил поведения, обеспечивающих незримые границы индивидуальной частной сферы, очерчивающей пределы свободной деятельности индивидов» [18. Р. 215]. Юридические правила, устанавливающие данные пределы, должны обладать рядом признаков: а) правовая норма является всеобщей по своему действию и, в идеале, распространяется на всю территорию и все времена, т.е. в каком-то смысле является такой же универсальной, как и закон природы (желательно, чтобы универсальности правил не мешали даже границы государств³); б) правовая норма должна пониматься в духе общедозволительного правового регулирования [11. Р. 138] и не изменяться на протяжении длительного периода времени [12. Р. 113]; в) правовая норма не должна иметь конкретной цели и по своей сути лишь «негативно» запрещать некоторый абстрактный класс действий в широком спектре возможных ситуаций [12. С. 113], а не указывать на «позитивную» обязанность сделать что-то конкретное в конкретной ситуации; д) правовая норма должна применяться ко всем людям одинаковым образом [11. Р. 132], независимо от соображений целесообразности в конкретном деле; е) правовая норма должна быть четко сформулированной, понятной всем и применяться к людям только в пределах тех обстоятельств дела, которые этими людьми могли осознаваться [11. Р. 166]; ф) правовая норма должна быть заблаговременно опубликована в виде текста, доступного для ознакомления всем лицам, кого действие нормы может затронуть [12. Р. 112]; г) правовая норма должна быть такой, чтобы нельзя было заранее понять, как именно ее принятие повлияет на положение конкретных лиц, дабы при ее принятии избежать личной заинтересованности [11. Р. 139; 12. Р. 115]. Таковы критерии «истинного права», которые мы находим в работах Хайека естественно-правового периода.

Несмотря на то что эти критерии описывались Ф. Хайеком и ранее, лишь в период 1950–1960-х гг. он начал использовать их в смысле идеи естественного права, т.е. как критерий правопонимания, отделяющий «истинное право» от «не-истинного». Эту естественно-правовую тенденцию своего мышления признавал и сам ученый, отметивший значимость связи между теорией верховенства права и идеями естественного права [11. Р. 155]. Если ранее ученый старался не акцентировать внимание на схожести своих идей с идеями естественного права, то теперь обращение к ним становится гораздо более явным. Идея естественного права

рассматривается как один из источников правильной социальной теории [20. Р. 299] и определяется как куда более научная, нежели претендующий на научность юридический позитивизм [20. Р. 300]. Последний рассматривается как теория права, требующая признать «правом» любое правило, исходящее из определенного источника [18. Р. 195], а потому несовместимая с идеалом верховенства права [11. Р. 157]. На этом признании фундаментальной несовместимости идеи верховенства права с идеей юридического позитивизма путь Хайека как юридического позитивиста можно считать завершенным.

Вместе с отходом от позитивизма Ф.А. Хайек отходит и от рационалистического взгляда на право как на целенаправленно сконструированную «правовую рамку». Право все больше ассоциируется с чем-то таким, что возникает в ходе спонтанных процессов социальной эволюции, а юридический позитивизм все более явно обвиняется в неспособности понять спонтанное происхождение правовых институтов, столь хорошо отраженное некоторыми доктринами естественного права [21. Р. 42] и нашедшее свое частичное выражение в концепции природы вещей, *natura rei* [22. Р. 289]. В этом смысле именно «концепция естественного права... предлагает адекватный ответ на... самый главный вопрос» [18. Р. 345] относительно такого происхождения права, которое не предполагает его осознанного конструирования неким рациональным законодателем.

Как пишет Хайек, «в чем все школы естественного права согласны между собой – так это в том, что существуют правила, которые не были обдуманно и целенаправленно созданы каким-либо законодателем. Они согласны в том, что источник юридической силы всего позитивного права – некоторые правила, которые в этом смысле не были созданы людьми, но их можно “обнаружить”, и что эти правила устанавливают как критерии справедливости позитивного права, так и основания, по которым люди должны его соблюдать» [18. Р. 346].

Пусть это рассуждение и относится к характеристике школ естественного права, не будет ошибкой сказать, что через данное рассуждение Хайек описал суть тех изменений в собственном восприятии права, которые связаны с его растущими сомнениями относительно рациональной природы права как чего-то такого, что можно законодательно конструировать для достижения тех или иных сознательно установленных целей.

Пересмотрев свои излишне рационалистические представления о законодательном конструировании права, Ф. Хайек по-новому взглянул на вопросы текстуальности и этичности права. Ранее наблюдавшийся примат писаного права над неписаным был поставлен под сомнение [18. Р. 130], что, помимо прочего, нашло отражение в признании важной роли неписаных обычаев и традиций в функционировании правовой системы [18. Р. 176–177].

Были признаны некоторые преимущества прецедентного права над законодательством [18. Р. 235–236], а судьи изображены в качестве тех, кто не просто

создает право неким произвольным образом, но скорее «открывает» право, объективно предсуществующее в неписаной правовой традиции [18. Р. 234–235].

Идея неписаной правовой традиции позволяет Ф. Хайеку несколько эмансипировать право от государства и подвергнуть критике позитивистскую идею суверенитета государства над правом [18. Р. 379]. Государство не может обладать суверенитетом над унаследованной правовой традицией, поскольку оно не способно эффективно заменить своим писаным законом неписанные правовые принципы. Эти принципы обладают верховенством как над писаными текстами, так и над государством в целом, ввиду чего не только текстуальность, но и этичность права оказывается объектом критики. Вместо ранее признаваемой государственной монополии на производство правовых предписаний Хайек предлагает идею гетерогенного правопорядка, допускающего конкуренцию и сосуществование различных нормативных систем [18. Р. 124]. По смыслу его теории, такая конкуренция будет способствовать стихийному формированию наиболее эффективной правовой системы, не обязанной своим возникновением централизованному планированию.

Впрочем, даже несмотря на такую критику рациональности, текстуальности и этичности права, мы все еще не можем сказать, что Фридрих Хайек полностью освободился от этих идей. Идеи в духе радикального утилитаризма, допускающие практически неограниченное конструирование правовой системы, были отброшены, но в более умеренном «утилитаризме правил» ученый еще не разочаровался.

Так, отрицая возможность неограниченного конструирования правовой системы без учета неписаных принципов права, он, следуя идеям картезианского рационализма о могуществе человеческого разума, все же считал, что мы вполне можем *рационально проанализировать функцию отдельных правил поведения и улучшить их с помощью законодательства* [18. Р. 197]. Как следствие, при всех ограничениях правовой традиции именно писанный закон остается важнейшим источником права и фактором правового развития [18. Р. 276–277]. И наоборот: неписаное прецедентное право, несмотря на некоторое признание, по-прежнему критикуется за отсутствие перспективности своих предписаний и несоответствие не только важнейшему принципу верховенства права, требующему применять к гражданам лишь те правила поведения, которые были заблаговременно доведены до них в письменной форме [18. Р. 254], но и либеральному принципу разделения властей [18. Р. 282–283].

Строгое следование этому принципу требует, чтобы не суды, но лишь государство создавало или признавало правила поведения, именуемые «правом». Соответственно, важнейшим атрибутом права по-прежнему остается обеспеченность государственным принуждением, а публичное и частное право по своей природе никак не различается [18. Р. 318]. Словом, несмотря на переход Хайека от идей юридического позитивизма к идеям естественного права, принципиальные со-

ставляющие его взгляды на право, выраженные в современных идеях рациональности, текстуальности и этичности права, *не претерпели коренных изменений*.

Связано это с тем, что сама по себе идея естественного права, по крайней мере, в определенных ее версиях, не исключает того рационалистического и, можно сказать, современного взгляда на право, который характерен для юридического позитивизма [23. Р. 21; 24]. И позитивизм, и естественное право, пусть и в различной степени, вполне могут представить право как пространство рационального конструирования правил поведения для тех или иных рациональных целей.

Что же касается их различий, то нередко они могут быть сведены лишь к одному-единственному вопросу о том, как нам следует употреблять термин «право». Вопросу сугубо второстепенному и не принципиальному. Неудивительно, что различие в сугубо второстепенных вопросах, нередко определяющих грань между «позитивистскими» и «естественно-правовыми» теориями, приводит к тому, что в *главных* вопросах эти доктрины могут быть мало отличимы друг от друга. Именно поэтому Хайек позже отойдет от идей естественного права и скажет, что между естественным правом и юридическим позитивизмом подчас нет никаких существенных различий. На этом обращение ученого к дискурсу естественного права можно будет считать пройденным этапом.

Вместе с тем сама эта попытка обращения к естественному праву не только составила важнейшую веху в интеллектуальной эволюции Хайека, но и отразила стремление ученого выйти за пределы современного правопонимания в духе картезианского рационализма и позитивизма. Пусть в работах середины 1950-х и середины 1960-х гг. данный образ мышления еще не был преодолен, многие существенные шаги уже были сделаны. Так, в работе 1966 г. «Принципы либерального социального порядка» Хайек формулирует целый ряд тезисов, обозначивших качественно новый подход к пониманию права. Этот подход стал основой для третьего и завершающего этапа интеллектуальной эволюции Ф. Хайека как правоведа – этапа цивилистического консерватизма.

Этап III. Цивилистический консерватизм. Право как *Nomos*

Третий этап эволюции правопонимания Фридриха Хайека охватывает период с начала 1970-х гг. и представляется завершающим. Пусть первые тексты этого этапа возникли во второй половине 1960-х гг., наиболее полно данный этап раскрывается лишь в седьмом десятилетии XX в. Главным текстом этого периода представляется трилогия «Право, законодательство и свобода», состоящая из первого тома «Правила и порядок» (1973), второго тома «Мираж социальной справедливости» (1976) и третьего тома «Политический порядок свободного народа» (1979). Немалый интерес представляет последняя крупная книга Хайека «Пагубная самонадеянность» (1988), а также некоторые поздние публикации вроде статей «Либерализм» (1973) или

«Индивидуальные и коллективные цели» (1982). С некоторой долей условности мы можем охарактеризовать период, охватывающий данные тексты, как период цивилистического консерватизма в юридическом мышлении Хайека. Именно в этот период оформляется тот радикальный поворот в его правопонимании, который окончательно порывает с современным взглядом на рациональность, текстуальность и этичность права.

Во-первых, рациональность. Если на первом этапе развития своих идей Ф.А. Хайек описывал право как «пространство бесконечной креативности», а на втором этапе полагал, что основные правовые институты хоть и возникают непреднамеренным путем, но позже могут быть рационально изучены с точки зрения их функции и улучшены через законодательное регулирование, то на последнем, третьем этапе развития своих идей Хайек ставит под сомнение даже такое умеренное улучшение права через рациональное законодательство.

Теперь он не только пишет, что ключевые правовые институты возникают непреднамеренным путем [23. Р. 24], т.е. без того, чтобы кто-то их рационально сконструировал, но и, вопреки предыдущим рассуждениям, утверждает, что мы не в силах осуществить достаточно полный рациональный анализ их функции, а следовательно, должны быть крайне осторожными при любых попытках улучшить эти институты с помощью государственного законодательства [23. Р. 72]. К таким эволюционным институтам, требующим максимально осторожного обращения, относятся главным образом институты собственности, контракта и деликта, а также уголовное и семейное право. Ф. Хайек допускает, что в редких случаях законодательство может быть использовано, если спонтанное развитие этих правовых институтов очевидно зашло в тупик и несет явную угрозу обществу [23. Р. 88]. Однако и в этом исключительном случае законодательное регулирование должно использоваться очень осторожно, в строгих конституционных рамках и под контролем независимой судебной системы. В остальных случаях, не требующих столь экстренных мер, Хайек предлагал отказаться от законодательства в пользу постепенного развития права через судебную практику и спонтанную эволюцию правовых обычаев [23. Р. 100].

Предположим, что источником этого отказа от рационального законодательного вмешательства стало не опосредованное, как это было ранее, а *непосредственное* применение эпистемологии критического рационализма для осмысления правовой системы общества. Подобно тому как непосредственное применение идей критического рационализма при осмыслении проблем централизованного экономического планирования привело Хайека к мысли о необходимости отказа от такого планирования ввиду нецентрализованного характера *экономически* значимой информации, постепенное осознание нецентрализованного характера *юридически* значимой информации, возникшее при непосредственном осмыслении правовой системы с точки зрения эпистемологии критического рационализма, заставило ученого усомниться в успехе попыток централизованного проектирования правовой системы для сколько-нибудь сложного социального порядка.

Современный социальный порядок настолько сложен, что исчерпывающее объяснение конкретной функции даже одного отдельно взятого правила поведения может стать крайне трудной задачей, не говоря о системе права в целом. Не имея возможности *исчерпывающе* выяснить конкретную функцию даже отдельно взятого правила [23. Р. 114], мы не можем быть уверены, что наша попытка законодательного изменения этого правила принесет ожидаемый результат. Не говоря о том, что она может принести множество непреднамеренных последствий весьма катастрофического свойства [23. Р. 72]. Поэтому в той мере, в которой мы отказываемся от самоуверенного картезианского рационализма, подталкивающего к рациональному конструированию правовых институтов и доверяем критическому рационализму, реалистично отражающему познавательные способности законодателя, нам придется отказаться от попыток масштабного законодательного переустройства унаследованной правовой системы исходя из неких рациональных расчетов.

Само собой, подобный отказ от рационального законодательного конструирования распространяется далеко не на все правовые институты. Например, публично-правовые институты, относимые к области конституционного, административного или процессуального права, вполне могут быть объектом рационального конструирования в свете тех или иных ясно осознанных целей [25. Р. 105]. Другое дело, что в своих работах 1970-х гг. Хайек перестает называть эти и им подобные публично-правовые институты «правовыми». Собственно «правом» в узком смысле данного слова он их больше не считает, предпочитая называть их «правилами организации» или греческим термином *Thesis* [23. Р. 124–126]. К «правилам организации» *Thesis* строгие ограничения на рациональное конструирование, характерные для «права», не относятся.

«Правом» же, которое более не может быть объектом масштабного рационального конструирования, «поздний» Хайек считает, по большей части, частно-правовые институты, регулирующие вопросы собственности, контракта и деликта. Стоит уточнить, что данные вопросы понимаются достаточно широко. В собственности человека могут быть не только внешние объекты, но и его тело, что довольно четко отражено в либертарианской концепции самопринадлежности. Поэтому к вопросам собственности относится не только гражданское, но и уголовное право [23. Р. 132], запрещающее посягательство на тело и достоинство человека. Не менее важным является и семейное право. Чем более позднюю работу Хайека мы берем, тем явственней в ней прослеживается стремление поставить правила, регулирующие традиционные семейные отношения, в один ряд с наиболее фундаментальными правилами собственности [26. Р. 38].

Помимо вопросов собственности и семьи Хайек относил к сфере права и некоторые другие правила. Например, обычаи, регулирующие контакты некоего сообщества с чужаками (правила гостеприимства), правила об оказании помощи терпящим бедствие в открытом море и т.д. Все эти правила так или иначе связаны с поддержанием стихийной самоорганизации

сложных социальных порядков, взаимосвязи которых преодолевают частные культурные различия и охватывают самых разных людей и различные сообщества в рамках единой системы взаимовыгодного сотрудничества. Здесь есть много нюансов и деталей. Но в целом основой стихийного порядка взаимовыгодного сотрудничества являются институты собственности, контракта и деликта, составляющие ядро системы правил, каковую «поздний» Хайек именовал термином «право», или *Nomos* [23. Р. 94].

Согласно Ф. Хайеку, правила *Nomos*, составляющие «право» в узком смысле слова и противопоставленные публично-правовым «правилам организации» *Thesis*, не только не могут быть объектом произвольного законодательного конструирования на основе тех или иных рациональных расчетов, о чем мы уже сказали ранее, но и в целом описываются как результат стихийной эволюции социальных институтов, не направленной чьим-то планирующим разумом. Планирующий разум, отвечающий за конструирование права как «правовой рамки» в трудах «раннего» Хайека, сменяется стихийными процессами культурной эволюции и группового отбора [23. Р. 18], способствующими спонтанному формированию права как *Nomos*'а.

Это «нерациональное» право, возникшее бессознательным путем и получившее стихийное распространение через механизм добровольного подражания поведению наиболее преуспевающих индивидов и групп, полностью заменяет некогда сформулированный Хайеком рациональный образ права как целенаправленно сконструированной юристами и экономистами «правовой рамки», принудительно внедряемой через механизм государства. Право не создается, но «открывается» как объективный факт непознаваемого во всех своих деталях стихийного порядка [23. Р. 123]. Стоит ли говорить, что здесь мы имеем дело с довольно радикальным изменением одной картины правопонимания на прямо противоположную. В работах «позднего» Хайека право перестает быть объектом масштабного рационального конструирования.

Во-вторых, перестав быть продуктом рационального конструирования, право еще сильнее утрачивает некогда присущий ему текстуальный характер. Писанный закон, который ранее представлялся наиболее важной формой выражения права, не просто критикуется по тем или иным отдельным аспектам, но определяется в качестве довольно опасного инструмента вмешательства в спонтанно эволюционирующую правовую систему, к использованию которого стоит прибегать лишь в крайних случаях. В нормальной ситуации ученый считает возможным полагаться на некогда критикуемые им обычаи и прецеденты, представляющие собой неписаное право. Именно неписанные правовые принципы, проявляющие себя в унаследованных обычаях и прецедентах [23. Р. 86], как пишет Хайек, являются основой правовой системы и, по сути, могут именоваться «правом».

Есть основание полагать, что данный взгляд происходит из эпистемологии Ф.А. Хайека, согласно которой главным источником мышления и поведения вы-

ступают наблюдение и имитация [23. Р. 18], а не знакомство с теми или иными текстами. Текст может быть интерпретирован только с учетом невербального знания, полученного в ходе телесного пребывания в социальных ситуациях. Социальное действие предшествует социальному пониманию [23. Р. 18], социальное понимание предшествует частичному и достаточно ограниченному выражению социальных смыслов в нормативных текстах [23. Р. 77]. Текст выступает формой ограниченного и довольно несовершенного отражения социальной реальности, но не инструментом ее изменения. Попытка использовать нормативный текст, что называется, «в обратном направлении» как инструмент изменения социальной реальности в некоторой степени нарушает саму логику культурного бытия, при которой текст лишь отражает реальность, и то частично [23. Р. 118]. Это то же самое, как если бы мы попытались нарисовать портрет человека, глядя на его отражение в частично разбитом и потрескавшемся зеркале. В общем, к текстам и словам как способу передачи нормативной информации «поздний» Хайек относился с некоторым скептицизмом.

Именно с этим скептицизмом можно связать достаточно резкое изменение в его оценке разного рода текстов, призванных закрепить права и свободы человека. Если ранее Фридрих Хайек считал наиболее важным закрепить права в писаной конституции, то теперь ученый утверждает, что неписаная часть конституции гораздо важнее писаной [23. Р. 55], не без критики отзывается об идее закрепления прав человека в Билле о правах, а Всеобщую декларацию прав и свобод человека и гражданина 1948 г. так вообще рассматривает как написанный на языке «организационного жаргона» продукт интеллектуальной культуры «социальных философов, далеких от идеи свободного общества» [27. Р. 105]. Страсть к перечислению прав различного свойства таит в себе опасность. Обособляя одни права, мы, даже сами того не желая, нивелируем статус других, подчас более важных прав [25. Р. 110]. В итоге можно сказать, что «поздний» Хайек относился к идее перечисления прав в писанных текстах все более скептически по мере развития его правовых идей. Как ученый отметил в статье «Либерализм» (1973), «идея особенного гарантирования некоторых фундаментальных прав... является, однако, всего лишь применением общего принципа либерализма к отдельным правам... и, будучи сведенной к отдельным правам, эта идея оказывается не столь далекой, как исходный принцип» [28. Р. 137–138].

Само собой, это не означает отказа от писаного права вообще, что было бы абсурдом. Есть немало правовых положений, которые, по его мнению, должны получить обязательное писаное закрепление (например, нормы организации верховной власти или уголовного процесса [23. Р. 117]). Однако эти положения относятся к процессуальному и шире — публичному праву, каковое не было в центре правопонимания «позднего» Хайека. Все его внимание как правоведа было приковано к частному праву, принципы которого невозможно исчерпывающе зафиксировать в писанных

формулировках и неписанные части которого, например, стандарты разумности и добросовестности, могут быть гораздо важнее других письменно зафиксированных положений.

Известная невербализуемость и «неопределенность» такого рода неписанных принципов, некогда серьезно критикуемых Ф. Хайеком в его ранних работах, более не смущает ученого. По его мнению, определенность права проявляется не столько в четкости писанных формулировок официального текста, сколько в предсказуемости человеческих действий и судебных решений. Если ради такого рода предсказуемости требуется принять решение *contra legem*, т.е. вопреки толкованию писаного закона, то Хайек считает, что у судьи должна быть возможность принимать такие решения. Судьи, которые лишены такой возможности и вынуждены принимать абсурдные решения ради приверженности писаному закону, шокируют общество и разрушают нормальные поведенческие ожидания гораздо чаще [23. Р. 117], чем судьи, способные в ряде случаев принять решение *contra legem*. Избежание этих шоков важнее для сохранения определенности права, нежели формальная согласованность с текстом.

Ввиду важности этого соображения с точки зрения эволюции правовых воззрений Хайека приведем развернутую цитату относительно большей юридической определенности правовой системы, основанной на судебных решениях: «Все движение за кодификацию руководствовалось убеждением, что результатом станет большая предсказуемость судебных решений. В моем случае даже тридцати лет проживания в странах общего права оказалось недостаточно, чтобы избавиться от этого глубоко въевшегося предубеждения, и только возвращение в атмосферу континентального права заставило меня серьезно усомниться в нем. Хотя не вызывает сомнений, что в отдельных пунктах законодательство может повысить определенность права, я убежден, что это преимущество сильно нивелируется, если результатом является требование, что силу права может иметь *только* то, что записано в статутах. Мне представляется, что судебные решения могут быть более предсказуемыми, когда судья связан общими представлениями о справедливости, даже если они не поддерживаются буквой закона, чем когда он может основывать свои решения только на тех принятых представлениях, которые нашли выражение в писаном праве» [23. Р. 116].

Более того, в привычке излишне полагаться на формулировки кодифицированных правил Ф.А. Хайек видел угрозу не только юридической определенности и стабильности правопорядка, но и самой культуре юридического мышления. Важнейшим аспектом юридического мышления Хайек считал способность судей и правоведов «отделять существенное от несущественного», соотносить конкретные элементы фактической ситуации с абстрактными принципами права и четко формулировать эти принципы в конкретном деле. Если верить Хайеку, такая способность лучше развита у представителей традиции прецедентного права, основанного на культуре понимания неписанных принципов [23. Р. 87].

Именно в этой культуре юридического мышления, возникающей на основе «судейского права» (*judge-made law*), Ф.А. Хайек видел одну из главных опор принципа свободы личности. Если ранее он видел в прецедентном праве угрозу, то теперь наоборот – спасение. По мнению «позднего» Хайека, верховенство права не только не подрывается прецедентным правоприменением, но, более того, лишь благодаря такому правоприменению может быть сохранено и усовершенствовано [23. Р. 85].

В отличие от законодателя, который может произвольно публиковать законы любого содержания, подчас грубо нарушающего требования верховенства права, судья связан целым рядом «естественных ограничений». Например, судья не может произвольно вмешаться в любые общественные отношения по своему желанию, он определяет правило поведения лишь там и тогда, где и когда стороны сами к нему обращаются. Определив правило в ходе разрешения конкретного конфликта, он влияет на право не во всем масштабе его норм, что, например, может сделать законодатель, но лишь в относительно небольших масштабах. Формируя правила лишь тогда, когда стороны сами к нему обращаются, судья оказывается в ситуации, когда все принципы поведения, которые когда-либо были им сформулированы, относятся к определению границ поведения частных лиц через запрет на совершение действий определенного типа и не подразумевают возложения на лиц «позитивных» обязанностей со стороны государства [23. Р. 98].

Как следствие, правовая система, основанная на судебном отыскании права, с *необходимостью* будет соответствовать требованиям верховенства права, связанным с «негативным» характером правовых предписаний и недопустимостью возложения государством на граждан внедоговорных «позитивных» обязанностей по совершению конкретных действий. Она будет развиваться постепенно и с той осторожностью, которая соответствует ограниченным способностям человеческого ума и предвидения, не учитываемым в методе законодательства, допускающего такие масштабные изменения в праве, которые явно не соответствуют возможностям человеческого предвидения в условиях сложного социального порядка. Она будет меняться не только постепенно, но и лишь в тех случаях, когда некоторые конфликтные участки социально-правовой материи объективно потребуют трансформации. Таковы свойства, *объективно* присущие правовой системе, формирующейся через деятельность судов.

В той мере, в которой Хайек считает эти свойства крайне важными, правовой идеал прецедентного права, ранее несовместимый с его либеральной концепцией права, оказывается с точки зрения этой концепции наиболее предпочтительным. Ученый подчеркивает, что именно в судебных прецедентах наилучшим образом воплощается его идеал права как всеобщих, абстрактных и юридически определенных принципов собственности, контракта и деликта, лежащих в основе идеи «господства права, а не людей» [23. Р. 85]. Но что еще более интересно, Ф. Хайек полностью меняет свою точку зрения на те особенности прецедентного права, которые, как он это

раньше утверждал, делают данный тип права не вполне совместимым с идеалом верховенства права.

Данные особенности связаны с отсутствием у неписаного прецедентного права проспективности и с тем, что, создавая право, судьи нарушают важнейший либеральный принцип – принцип разделения властей. Ранее несовместимость прецедентного права со строгой интерпретацией принципа разделения властей Хайек считал *угрозой* свободной цивилизации. Теперь же, изменив свою позицию диаметрально образом, ученый рассматривает вмешательство судей в процесс спонтанного правообразования как *необходимое условие ее сохранения* [23. Р. 85]. Аналогичное по своей радикальности изменение произошло и с восприятием принципа проспективности правовых предписаний.

Ранее принцип проспективности права воспринимался как требование, согласно которому любое правило, которое применяется к поведению индивида, должно быть заблаговременно ему представлено. Сделать это можно лишь через официальный нормативный текст. Никак иначе принцип проспективности права Хайек не воспринимал. Теперь же его восприятие изменилось. По мнению ученого, проспективность права можно понимать не только в том смысле, что индивиду некоторое правило должно быть предъявлено заранее, но и в том смысле, что есть такие границы поведения, нарушение которых будет вопиющим нарушением правопорядка с точки зрения любого разумного гражданина независимо от того, были ли эти границы поведения обозначены в официальных текстах [23. Р. 118]. В данных ситуациях прецедентное применение правила, ранее не сформулированного в официальном тексте, не будет нарушением принципа проспективности правовых норм.

Таково еще одно достаточно радикальное изменение правовых идей «позднего» Хайека, связанное со скептицизмом по отношению к доминирующей роли писаного права над неписаным. Вместе с другими вышеприведенными идеями оно довольно ярко характеризует тот примат неписаного права, которого не было ранее и который обозначился лишь на третьем этапе эволюции его правовых идей. Это был второй аспект изменения правовых идей Ф. Хайека, на который мы хотели обратить внимание. *Текст перестает быть главным источником права.*

В-третьих, перестав быть законодательством и переместившись в область неписаных обычаев и прецедентов, право перестает быть производным от государства. Если ранее государство пронизывало все юридические рассуждения Хайека, то теперь оно уходит практически отовсюду: 1) в качестве основы «права» понимаются институты собственности, контракта и деликта, определяемые Хайеком как преимущественно частное право и противопоставляемые связанному с государством публичному праву, регулирующему действия агентов власти и не имеющему отношения к феномену «права» в специальном значении этого слова [23. Р. 132]; 2) цивилистически понимаемое право, регулирующее отношения свободных лиц, возникает до и без государства, из торговых отношений между индивидами и сообществами [23. Р. 82]; 3) государство не

в состоянии своими рациональными законодательными усовершенствованиями сколько-нибудь существенно развивать данное право, оно должно развиваться преимущественно эволюционным путем, через обычаи и прецеденты [23. Р. 100]; 4) для определения правовой природы норм необходимо, помимо прочего, показать, что нарушение данных норм чревато существенным социальным давлением и, возможно, даже остракизмом – исключением индивида из порядка общества, в то время как государственное принуждение необходимым атрибутом права *более не является* [23. Р. 96]; 5) феномен государства не только не является необходимым для права, понимаемого «цивилистически», но и зачастую воздействует на него крайне негативным образом [29. Р. 169].

В поздних работах Хайек не просто критикует идею неограниченной «суверенной» власти агентов государства над гражданами, считая ее полумистическим суеверием [23. Р. 143], маловразумительным с точки зрения образа мысли самостоятельного гражданина, но и в целом, критикует само понятие «государство». Оно определяется как ненаучное и вводящее в заблуждение относительно реального порядка вещей [23. Р. 48]. В лучшем случае его можно заменить понятием «правительство», подразумевающим группу лиц, обладающую наибольшим силовым ресурсом принуждения на определенной территории. В остальном идея «государства» определяется как губительная для юридической мысли. *Право утрачивает связь с государством.*

Таковы, в общем и целом, три ключевых аспекта правопонимания «позднего» Хайека, которые довольно радикально отличают третий этап его интеллектуальной эволюции от двух предыдущих. В отличие от предыдущих рационалистических представлений, отражающих современный взгляд на право, поздние правовые идеи Хайека, представляющие право системой спонтанно формирующихся прецедентов и обычаев частного права, как кажется, весьма близки тому видению права, которое было характерно для более древних эпох.

О том, что это было именно движение к древности, свидетельствует даже та терминология, которую использует ученый. Если в самом начале своего теоретизирования Хайек использовал рационалистический термин «правовая рамка», а потом заменил его менее рационалистическим, но все же современным термином «право», то в поздних работах он пытается отказаться и от этого термина. По его мнению, сегодня термин настолько перегружен разного рода рационалистическими ассоциациями, что более не может использоваться для обозначения такого не вполне рационального феномена, как право, понимаемого в смысле спонтанно возникшей системы обычаев и прецедентов.

Чтобы как-то обозначить этот феномен без запутывающих рационалистических ассоциаций, Ф. Хайек предлагает называть такую эволюционно возникшую систему правил древнегреческим термином *Nomos* [27. С. 34]. Как и многие другие предложенные «поздним» Хайеком термины вроде *Kosmos*, *Taxis*, *Thesis* и т.д., термин *Nomos* не просто подчеркивает своеобразное «хайековское» понимание права, но и связывает это

понимание с античным образом мышления о политике и обществе, мышления, которое в наше время перекликается с консервативным взглядом на метод юриспруденции. Именно это сочетание, с одной стороны, консервативного взгляда на человека и общество, а с другой – понимания фундаментальной роли институтов частного права как главной опоры человеческой цивилизации, собственно, и позволяет нам определить правопонимание «позднего» Хайека как своеобразный «цивилистический консерватизм».

Заключение

Подводя итог исследованию, отметим, что определение правопонимания «позднего» Хайека как цивилистического консерватизма содержит в себе известную условность. Как мы могли увидеть, наиболее фундаментальным источником этой консервативной методологии является теория познания Хайека – эпистемология критического рационализма. Эта эпистемология объясняет, почему человек не способен с помощью разума сконструировать целостную правовую систему для общества, а равно и то, почему наиболее разумным для него решением является решение довериться унаследованным институтам частного права. Такая консервативная правовая идея всецело производна не от ценностей консерватизма, а от эпистемологии, поэтому, строго говоря, правопонимание Фридриха Хайека в более глобальном смысле является не консерва-

тивным, а *эпистемологическим*. Унаследованные институты, будучи оправданными в эпистемологии Хайека, служат формированию спонтанного порядка как наиболее *прогрессивного* порядка из всех, какие только возможны среди людей. Покуда формирование такого прогрессивного порядка является целью правовых институтов, Хайек, конечно же, является прогрессистом от мира правопонимания. Вместе с тем, будучи прогрессистом с точки зрения своих *целей*, он не перестает разделять некоторые консервативные подходы при описании своих *методов*, особенно тех, что предполагают значительные ограничения на рациональное человеческое вмешательство в спонтанную эволюцию институтов. Такое парадоксальное положение дел лишает смысла привычные нам ярлыки «прогрессист» и «консерватор». Описание Ф.А. Хайека как консерватора приводит к искажению его целей и ценностей; характеристика его как прогрессиста приводит к грубому искажению его методологии. Неспособность увидеть это парадоксальное положение Хайека, не вписывающегося в привычные классификации, как кажется, стало причиной непонимания и забвения его идей. Полноценное восприятие его интеллектуального наследия требует учета всех этих нюансов. Однако в той мере, в которой юриспруденция Хайека относится не к области целей, а к области методов, наша попытка описать его правовые идеи как своеобразный «цивилистический консерватизм», по всей видимости, будет не столь далека от истины.

Примечания

- ¹ Хайек сочувственно цитирует судью Рэдклиффа: «...не дожили ли мы до того момента, когда для права в смысле “законодательного акта парламента” необходимо найти какое-то другое слово, нежели слово “право”? Возможно, пара-право или суб-право» [18. Р. 314].
- ² Ценностно-нейтральный термин «правовая рамка», отдающий формализмом и утилитаризмом, окончательно заменяется таким ценностно нагруженным термином, как «право», наряду с которым употребляется и такой термин, как «истинное право» [18. Р. 315].
- ³ «Лучше не иметь законодательства в определенной сфере, чем иметь законодательство государств-членов, разрушающее экономическое единство федерации» [19. Р. 266].

Список источников

1. Бёргин Э. Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль, 2017.
2. Caldwell B. Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek. The University of Chicago Press, 2004.
3. Shearmur J. Hayek and the After. Hayekian Liberalism as a Research Programme. Routledge, 1996.
4. Shearmur J. Hayek's politics // The Cambridge Companion to Hayek / ed. by E. Feser. Cambridge University Press, 2007.
5. Hayek F.A. Socialist calculation I: the nature and history of the problem // Individualism and economic order. Routledge, 1949.
6. Hayek F.A. Socialist calculation II: the state of debate // Individualism and economic order. Routledge, 1949.
7. Hayek F.A. The Economic Condition of Interstate of Federalism // Individualism and economic order. Routledge, 1949.
8. Hayek F.A. Scientism and the Study of Society // Studies on the Abuse and Decline of Reason. The University of Chicago Press, 2010.
9. Hayek F.A. Individualism: true and false // Individualism and economic order. Routledge, 1949.
10. Hayek F.A. «Free» Enterprise and Competitive Order // Individualism and Economic Order. Routledge, 1949.
11. Hayek F.A. The Political Ideal of the Rule of Law // The Market and Other Orders. The University of Chicago Press, 2014.
12. Hayek F.A. The Road to Serfdom. The University of Chicago Press, 2007.
13. Hayek F.A. The Economy, Science and Politics // The Market and Other Orders. The University of Chicago Press, 2014.
14. Hayek F.A. Nobel Prize-Winning Economist Friedrich A. von Hayek. Interviewed by E. Craver, A. Leijonhufvud, L. Rosten, J. High, J. Buchanan, R. Bork, T. Hazlett, A. Alchian, R. Chitester // The Oral History Program and the Pacific Academy of Advanced Studies. University of California, 1983.
15. Зигмунд К. Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки. М., 2021.
16. Hayek F.A. The Counter-Revolution of Science // Studies on the Abuse and Decline of Reason. The University of Chicago Press, 2010.
17. Hayek F.A. Comte and Hegel // Studies on the Abuse and Decline of Reason. The University of Chicago Press, 2010.
18. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. The University of Chicago Press, 2011.
19. Hayek F.A. The Economic Condition of Interstate of Federalism // Individualism and economic order. Routledge, 1949.
20. Hayek F.A. The Results of Human Action but not of Human Design // The Market and Other Orders. The University of Chicago Press, 2014.
21. Hayek F.A. Kinds of Rationalism // The Market and Other Orders. The University of Chicago Press, 2014.
22. Hayek F.A. Notes on the Evolution of Systems of Rules of Conduct // The Market and Other Orders. The University of Chicago Press, 2014.
23. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 1: Rules and Order. Routledge, 1982.
24. Hayek F.A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. The University of Chicago Press, 1991.
25. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. The Political Order of a Free People. Routledge, 1982.
26. Hayek F.A. Individual and Collective Aims // On Toleration / ed. by S. Mendus, D. Edwards. Oxford University Press, 1987.
27. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 2: The Mirage of Social Justice. Routledge, 1982.

28. Hayek F.A. Liberalism // New studies in philosophy, politics, economics and the history of ideas. Routledge, 1990.
29. Hayek F.A. The Principles of a Liberal Social Order // Studies in Philosophy, Politics, and Economics. University of Chicago Press, 1967.

References

1. Burgin, A. (2017) *Velikaya revolyutsiya idey: vozrozhdenie svobodnykh rynkov posle Velikoy depressii* [The Great Persuasion: Reinventing Free Markets since the Depression]. Moscow: Mysl'.
2. Caldwell, B. (2004) *Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek*. The University of Chicago Press.
3. Shearmur, J. (1996) *Hayek and the After. Hayekian Liberalism as a Research Programme*. Routledge.
4. Shearmur, J. (2007) Hayek's politics. In: Feser, F. (ed.) *The Cambridge Companion to Hayek*. Cambridge University Press.
5. Hayek, F.A. (1949) Socialist calculation I: the nature and history of the problem. In: *Individualism and economic order*. Routledge.
6. Hayek, F.A. (1949) Socialist calculation II: the state of debate. In: *Individualism and economic order*. Routledge.
7. Hayek, F.A. (1949) The Economic Condition of Interstate of Federalism. In: *Individualism and economic order*. Routledge.
8. Hayek, F.A. (2010) Scientism and the Study of Society. In: *Studies on the Abuse and Decline of Reason*. The University of Chicago Press.
9. Hayek, F.A. (1949) Individualism: true and false. In: *Individualism and economic order*. Routledge.
10. Hayek, F.A. (1949) "Free" Enterprise and Competitive Order. In: *Individualism and economic order*. Routledge.
11. Hayek, F.A. (2014) The Political Ideal of the Rule of Law. In: *The Market and Other Orders*. The University of Chicago Press.
12. Hayek, F.A. (2007) *The Road to Serfdom*. The University of Chicago Press.
13. Hayek, F.A. (2014) The Economy, Science and Politics. In: *The Market and Other Orders*. The University of Chicago Press.
14. Hayek, F.A. (1983) *Nobel Prize-Winning Economist Friedrich A. von Hayek*. Interviewed by E. Craver, A. Leijonhufvud, L. Rosten, J. High, J. Buchanan, R. Bork, T. Hazlett, A. Alchian, R. Chitester. The Oral History Program and the Pacific Academy of Advanced Studies. University of California.
15. Sigmund, K. (2021) *Tochnoe myshlenie v bezumnye vremena. Venskiy kruzhok i krestovyy pokhod za osnovaniyami nauki* [Exact Thinking in Demented Times: The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science]. Moscow: Corpus.
16. Hayek, F.A. (2010) The Counter-Revolution of Science. In: *Studies on the Abuse and Decline of Reason*. The University of Chicago Press.
17. Hayek, F.A. (2010) Comte and Hegel. In: *Studies on the Abuse and Decline of Reason*. The University of Chicago Press.
18. Hayek, F.A. (2011) *The Constitution of Liberty*. The University of Chicago Press.
19. Hayek, F.A. (1949) The Economic Condition of Interstate of Federalism. In: *Individualism and economic order*. Routledge.
20. Hayek, F.A. (1983) The Results of Human Action but not of Human Design. In: *The Market and Other Orders*. The University of Chicago Press.
21. Hayek, F.A. (2014) Kinds of Rationalism. In: *The Market and Other Orders*. The University of Chicago Press.
22. Hayek, F.A. (2014) Notes on the Evolution of Systems of Rules of Conduct. In: *The Market and Other Orders*. The University of Chicago Press.
23. Hayek, F.A. (1982) *Law, Legislation and Liberty*. Vol. 1. Rules and Order. Routledge.
24. Hayek, F.A. (1991) *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. The University of Chicago Press.
25. Hayek, F.A. (1982) *Law, Legislation and Liberty*. Vol. 3. The Political Order of a Free People. Routledge.
26. Hayek, F.A. (1987) Individual and Collective Aims. In: Mendus, S. & Edwards, D. (eds) *On Toleration*. Oxford University Press.
27. Hayek, F.A. (1982) *Law, Legislation and Liberty*. Vol. 2. The Mirage of Social Justice. Routledge.
28. Hayek, F.A. (1982) Liberalism. In: *New studies in philosophy, politics, economics and the history of ideas*. Routledge.
29. Hayek, F.A. (1967) The Principles of a Liberal Social Order. In: *Studies in Philosophy, Politics, and Economics*. University of Chicago Press.

Информация об авторе:

Рааб Р.С. – аспирант Департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Москва, Россия). E-mail: belchikroma@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.S. Raab, postgraduate student, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: belchikroma@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024;
одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 15.02.2024;
approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 343.122
doi: 10.17223/15617793/500/25

Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве

Александр Семенович Шаталов¹

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru*

Аннотация. Анализируется сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве, а также их роль в доказывании по уголовным делам. Обосновывается тезис о том, что доказательственное право должно активно приспосабливаться к реалиям цифровой эволюции общественной жизни. На фоне произведенных теоретических обобщений автор выражает свое отношение к доказательствам такого рода, акцентируя внимание на необходимости принятия мер для устранения проблем, так или иначе связанных с цифровыми (электронными) доказательствами, в целях обеспечения их надежности и достоверности.

Ключевые слова: доказательства, доказательственное право, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, цифровые (электронные) доказательства, цифровые доказательства, электронные доказательства

Для цитирования: Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 231–237. doi: 10.17223/15617793/500/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/25

The role, essence and significance of digital (electronic) evidence in criminal proceedings

Aleksandr S. Shatalov¹

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation, asshatalov@rambler.ru*

Abstract. The subject of the study was essentially identical, but artificially isolated concepts in the scientific literature: “digital evidence”, “electronic evidence” and “digital (electronic) evidence”. The article discusses their genesis and issues of the optimality of normative regulation in the current criminal procedural legislation of the Russian Federation. Analyzing the essence and content of these concepts, the author tried to understand how justified and necessary the efforts of proceduralists to implement them into the conceptual apparatus of the criminal procedure were. As a result, he was able to find out that the same phenomenon denoted by these concepts cannot be an independent type of evidence, since both “digital” and “electronic” evidence, in essence, represent the same artificially isolated source of information about facts, which can be used in criminal proceedings without any restrictions. Moreover, it can be any variety of them, received in electronic form. When conducting this research, the methods of formal and dialectical logic; historical and comparative legal methods; synthesis were used. Empirical methods of describing ideas about the criminal procedure as a science, an academic discipline or branch legislation, as a holistic concept whose maturity is emphasized by a system of its own definitions, unambiguous and clearly indicating known features that do not require additional explanation were also employed. Private scientific methods were also used: content analysis, legal-technical method, method of interpretation of specific legal norms, method of expert assessments. The results of the study boil down to the fact that “digital evidence”, “electronic evidence” and “digital (electronic) evidence”, regardless of their name, cannot replace other types of evidence in criminal cases. Information from the electronic environment, added to the materials of a criminal case as evidence, in fact only supplements them, and therefore can be used as an auxiliary confirmation or refutation of any facts of interest to the investigation and the court. The conclusions reached by the author are that currently “digital evidence”, “electronic evidence” and “digital (electronic) evidence” are not an independent source of evidence, since they act as artificially isolated information about certain facts of objective reality recorded in electronic form. Their further scientific conceptualization should be perceived as one of the highest priority tasks of the law of evidence, as a separate institution of the Russian criminal procedure. The need for its speedy solution obliges researchers to make efforts to eliminate problems one way or another associated with evidence of this type in order to ensure their reliability in proving in criminal cases.

Keywords: evidence, law of evidence, criminal proceedings, criminal procedure, digital (electronic) evidence, digital evidence, electronic evidence

For citation: Shatalov, A.S. (2024) The role, essence and significance of digital (electronic) evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 231–237. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/25

В современном мире все большее значение приобретает цифровая среда, ставшая с недавних пор неотъемлемой частью общественной жизни. Государственные органы и учреждения, коммерческие организации активно создают собственные цифровые пространства, представляющие собой совокупность информационных технологий, программных продуктов и онлайн-платформ, позволяющих им эффективно взаимодействовать друг с другом и с гражданами, а также управлять своей деятельностью. Российские правоохранительные органы и судебная система не остаются в стороне от этого процесса, а современное уголовное судопроизводство невозможно представить без высокотехнологичной техники, средств связи и современных информационных технологий. Появилось понимание, что для их дальнейшего повсеместного распространения и результативного использования в ходе производства по уголовным делам необходимо не только наличие соответствующей инфраструктуры, но и основательная переработка норм действующего уголовно-процессуального законодательства (далее – УПК РФ), многие институты которого оказались неготовыми к стремительной цифровой эволюции и медленно адаптируются к новым реалиям [1. С. 3, 5]. Одним из них является доказательственное право, которое пока остается в прошлом, поскольку не учитывает возможности и проблемы, возникающие в цифровой среде, где имеется не только множество интересующих следствие и суд сведений, но и средства для фальсификации доказательств, посредством которых они лишаются достоверности, а следовательно, становятся непригодными для использования в суде [2. С. 75].

Несмотря на большой интерес исследователей к данному институту российского уголовного судопроизводства, пока невозможно с уверенностью сказать, что существует устоявшаяся и однозначно воспринимаемая в юридическом сообществе научная интерпретация электронных или, как их еще иногда называют, цифровых доказательств, а также внятная процессуальная процедура их собирания, проверки оценки и использования. Такое положение в значительной степени обусловлено разборчивостью и осторожностью российского законодателя, который не спешит внедрять цифровые новшества в уголовное судопроизводство без должных гарантий прав его участников и обеспечения достоверности получаемых сведений, имеющих доказательственное значение. Однако важно не только обсуждать различные аспекты этой темы, но и апробировать новые информационные технологии в уголовном процессе, так как стремительное внедрение цифровизации во все сферы правоотношений стало насущной необходимостью, требуя адаптации российского уголовного судопроизводства к новым условиям [3. С. 88]. Вместе с тем незыблемым остается то, что органу дознания, дознавателю, следователю и руководителю следственного органа необходимо обнаруживать

следы преступления, отображать их в собственном сознании, извлекать из них искомые сведения и фиксировать их в материалах уголовного дела в предусмотренной законом уголовно-процессуальной форме. Например, если речь идет об идеальных следах, то они изначально должны найти отражение в сознании непосредственных участников преступления и его очевидцев, а затем сведущих лиц. Далее их показания, полученные в рамках производства соответствующих следственных действий, будут рассматриваться уполномоченными участниками уголовного судопроизводства на предмет наличия или отсутствия в них криминалистически значимой информации, потенциально способной трансформироваться в доказательства по уголовному делу. В отличие от идеальных, материальные следы, отобразившиеся на тех или иных объектах мироздания, вначале должны быть обнаружены субъектами доказывания, зафиксированы, изъяты и только после этого с них может быть «считана» криминалистически значимая информация. В результате тщательного осмотра, процессуального оформления и принятия предусмотренного законом процессуального решения такие следы могут обрести статус доказательства. Что касается виртуальных и цифровых следов, то местом их образования всегда является искусственная среда, именуемая киберпространством, а местом нахождения – память того или иного электронного устройства [4. С. 176]. Соответственно этому, криминалистически значимая информация, носителем которой оно является, также подлежит документальному оформлению, а ее электронный носитель должен пройти через призму личного восприятия с целью обретения статуса вещественного доказательства.

Если идеальные и материальные следы преступлений стали привычными для следственной и судебной практики достаточно давно, то в отношении виртуальных и цифровых следов этого пока не наблюдается, поскольку предметом научного осмысления для исследователей они стали сравнительно недавно [5–8]. Данное обстоятельство вполне ожидаемо предопределило появление у них интереса к электронным и цифровым доказательствам. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в российской уголовно-процессуальной науке стали широко обсуждаться вопросы, связанные с необходимостью правового регулирования отношений, связанных с цифровой реальностью [9], использованием криминалистически значимой информации, содержащейся на электронных носителях [10], и, конечно же само виртуальное пространство в качестве своеобразной юридической конструкции [11]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что диапазон мнений процессуалистов о доказательствах такого рода довольно широк, что несомненно свидетельствует «о сложности и многоаспектности рассматриваемых явлений новой реальности» [12. С. 75]. Одной из главных причин их внимания к данной проблематике является значимость таких сведений для выявления,

раскрытия и расследования преступлений, в особенности тех, что совершаются в киберпространстве с использованием современных информационных технологий. При таком стечении обстоятельств именно виртуальные и цифровые следы, ставшие доказательствами по уголовным делам, все чаще становятся ключевым фактором, обеспечивающим полноту, объективность и всесторонность предварительного расследования, а также законность, обоснованность и справедливость выносимого по его результатам приговора суда.

Приходится констатировать, что одними из наиболее обсуждаемых в современной юридической литературе являются несколько идентичных по своей сути, но искусственно обособленных друг от друга понятий: «цифровые доказательства» [13], «электронные доказательства» [14], «цифровые (электронные) доказательства» [15]. А.Е. Федулова, в частности, отмечает, что категория «цифровые доказательства» не закреплена в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Соответственно, для применения доказательств такого рода в уголовном судопроизводстве им необходимо придать процессуальную форму, которой является электронный носитель информации, признаваемый, согласно п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, доказательством по уголовному делу [16. С. 93]. В.Б. Вехов, отдавая предпочтение словосочетанию «электронные доказательства», определяет их в качестве любых сведений, сообщений и данных, представленных в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [17. С. 47]. Н.В. Олиндер сочла употребление слова «электронные» в данном контексте некорректным, аргументировав свою позицию тем, что доказательственная информация является не электронной, а цифровой, поскольку ее передача основана на методах кодирования [18. С. 107]. В.А. Новицкий и Л.Ю. Новицкая предлагают произвести «ревизию» всех источников права и «выделить в самостоятельные статьи уголовно-процессуального законодательства нормы об электронных (цифровых) доказательствах» [19. С. 220]. Соглашаясь с такой позицией, А.В. Черецких указывает на то, что «законодательная модель использования электронных (цифровых) источников доказательств должна содержать не только правовые нормы, но и правоприменительную практику» [15. С. 116].

Не разделяя вышеперечисленные точки зрения, А.М. Баранов подвергает сомнению сам факт существования электронных доказательств. Суть сформулированных им аргументов сводится к тому, что сведения, посредством которых происходит формирование доказательств, никак не зависят от технических способов их хранения и передачи [20. С. 64]. Восприятие понятия «электронные доказательства» у П.Г. Марфицина несколько иное. Не отрицая его принадлежность к языку уголовного процесса, он ставит под сомнение лишь необходимость разработки его собственной де-

финиции, считая, что оно непременно должно основываться на законодательном определении доказательств, приведенном в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Он приводит довольно убедительные аргументы в пользу того, что данное понятие в любом случае должно перекликаться со словом «сведения» и охватываться им, а признак «электронности» он предложил «растворить» в уже существующих видах доказательств, рассматривая его только как форму выражения необходимых для дела сведений [21. С. 108–109]. С учетом того, что в статье уголовно-процессуального закона, на которую он сослался, речь идет не о каких-то конкретных, а о *любых (т.е. каких угодно)* сведениях (курсив наш. – А.Ш.), включать в перечень источников доказательств, предусмотренный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ какую-либо их новую разновидность пока нецелесообразно, поскольку электронные или цифровые сведения, получаемые в ходе производства по уголовным делам, в дальнейшем признаются либо вещественными доказательствами, либо иными документами. Следовательно, понятия «цифровые доказательства», «электронные доказательства» и «цифровые (электронные) доказательства» в силу очевидной специфики происхождения сведений такого рода будет правильным употреблять как тождественные и исключительно в переносном смысле.

При таком подходе теряют свою актуальность утверждения процессуалистов о необходимости изменения редакции ч. 1 ст. 74 УПК РФ, с целью появления в ней указания не только на «любые сведения», но и на то, что они могут быть «зафиксированы электронным способом» [22. С. 352]. Такой акцент в законодательном определении доказательств, на наш взгляд, будет излишним, поскольку не в состоянии учесть существенные особенности цифровой (электронной) информации. В трудах исследователей в этом качестве обычно фигурируют: вторичность (производная от воли человека, ее создавшего); двоичный код ее представления (обусловленный языком программирования); строго последовательная учетная запись в памяти электронного устройства (файл); структура созданного информационного объекта (формат)» [10. С. 7–8]. Вместе с тем вполне обоснованным нам видится предложение А.И. Зазулина о необходимости дополнения ст. 5 УПК РФ определением понятия «цифровая информация», под которой он предлагает понимать сведения, закодированные в двоичной системе счисления и передаваемые посредством любых физических сигналов, не воспринимаемые человеком непосредственно и содержащиеся только на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения, т.е. носителях цифровой информации [23. С. 196]. Реализация данного предложения способна привести к пониманию того, с какими именно специфическими доказательствами сведениями приходится иметь дело в уголовном судопроизводстве, а также об особенностях их собирания, фиксации, изъятия, использования и хранения. Представляется, что пополнение понятийного аппарата уголовного процесса такой категорией, как «цифровая информация», вполне может стать свое-

образной «точкой отсчета» для дальнейшего поступательного развития российского уголовного судопроизводства, обеспечения его законности, справедливости и эффективности. Осовременивание языка уголовного процесса в таком направлении не только позволит более активно внедрять современные информационные технологии, но и использовать их в интересах органов предварительного расследования и правосудия, открывая новые возможности для собирания и использования доказательств.

Таким образом, интерес исследователей к цифровым (электронным) доказательствам в уголовном судопроизводстве в целом понятен и оправдан. Среди них почти не осталось сомневающихся в том, что они представляют собой важный инструмент борьбы с преступностью и обеспечения справедливости в суде [24]. Следовательно, необходимо продолжать развивать и совершенствовать методы работы с ними, с тем чтобы они могли быть максимально эффективными и надежными в производстве по уголовным делам, обеспечивали удобство и доступность для всех участников уголовного процесса, а также повышали качество процессуальных процедур. Не станем отрицать, что с развитием информационных технологий и практически повсеместным распространением электронных устройств понятия «цифровое доказательство», «электронное доказательство», «цифровое (электронное) доказательство» становятся все более и более распространенными. Однако, несмотря на резко возросшую частоту их употребления, важно понимать, что обозначаемое ими явление не является самостоятельным видом доказательств. На самом деле, и «цифровое», и «электронное» доказательство, в сущности, представляет собой отдельный, искусственно обособленный источник сведений о фактах, которые могут использоваться в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. Причем это может быть любая их разновидность, полученная в электронной форме (в том числе документы, фотографии, видеозаписи и т.д.). Однако для того чтобы эти сведения могли быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, требуется соблюдение определенных правил и совершение некоторых процедур. Необходимо, в частности, убедиться в подлинности и целостности потенциального цифрового (электронного) доказательства, а также в том, что оно не было полностью подделано или умышленно изменено. Также важно отметить, что доказательства данной разновидности не могут заменить собой другие виды доказательств, такие, например, как показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта или специалиста. Сведения из электронной среды, приобщенные к материалам уголовного дела в качестве доказательств, фактически лишь дополняют их, следовательно, могут использоваться в качестве вспомогательного подтверждения или опровержения каких-либо фактов.

Нами уже упоминалось о том, что цифровые (электронные) доказательства формируются в целенаправ-

ленно созданной человеком искусственной, виртуальной среде. Образующие их цифровые следы и оцифрованные сведения находят отражение в памяти электронного устройства, обладая при этом способностью проецироваться на экран. Они могут свободно перемещаться с помощью информационно-телекоммуникационной сети, храниться на материальных носителях, и, что особенно важно, оставаться при этом пригодными для извлечения и последующего процессуального оформления. В самом общем виде цифровые (электронные) доказательства представляют собой имеющую значение для предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела цифровую криминалистически значимую информацию свободного или ограниченного доступа, полученную с помощью различных электронных устройств, таких как компьютеры, мобильные телефоны, планшеты и др. Данная информация может создаваться конкретным пользователем или программным обеспечением [25. С. 67], а затем приобщаться к материалам уголовных дел в виде текстовых сообщений, фотографий, видеозаписей, аудиозаписей и многих других форматах, в том числе таких, как файл, сетевой адрес, доменное имя, электронное сообщение, электронный документ, информационная система, веб-сайт или страница в сети Интернет, электронная подпись, компьютерная программа, база данных, электронный журнал, электронные платежи и др. [26. С. 14–15].

Цифровые (электронные) доказательства обладают рядом преимуществ перед традиционными видами доказательств, поскольку компактны, могут быть надежно сохранены и быстро переданы на любое расстояние. Более того, они не подвержены физическому износу и могут анализироваться с помощью специальных программ. Все это позволяет следственным органам и судам получать самые точные и максимально объективные данные для принятия законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Однако, несмотря на очевидные преимущества, цифровые доказательства имеют также собственные сложности и ограничения. Они, в частности, могут быть не только полностью или частично подделаны, изменены, но и неправильно интерпретированы. Поэтому важно, чтобы судьи, прокуроры, следователи и дознаватели обладали достаточными знаниями, умениями и навыками для работы с цифровыми доказательствами. Более того, цифровой (электронный) способ фиксации доказательственных сведений должен становиться для них приоритетным, поскольку все меньше сомнений в том, что в обозримом будущем они будут должны будут формировать, а затем представлять уголовное дело в суд в электронной форме [27. С. 97; 28. С. 771; 29. С. 89]. Аргументы процессуалистов в пользу данного способа документирования доказательственной базы сводятся к следующему:

- традиционный подход к созданию материалов уголовного дела в письменной форме устарел и не соответствует требованиям современного информационного общества;

- с использованием современных технологий возможно эффективно использовать цифровую информацию на всех этапах работы со следами преступлений

(обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение цифровой информации в электронных делах, их дублирование и создание электронных архивов);

– лица, занимающиеся производством по делу, могут быстро принимать необходимые решения и совершать действия, связанные с объединением, выделением уголовных дел, направлением материалов прокурору или в суд, с минимальными затратами сил и средств [22. С. 353].

Эти аргументы можно признать убедительными, поскольку в российском уголовном судопроизводстве количество цифровой (электронной) информации, с которой сталкиваются его участники, постоянно увеличивается. Однако ввиду того, что цифровые (электронные) доказательства могут быть легко подделаны, изменены или утрачены, пока не удалось решить проблемы, непосредственно связанные с их обнаружением, собиранием, использованием и хранением. Более того, не теряет остроту проблема готовности судей, прокуроров, следователей и дознавателей к работе с

цифровыми доказательствами, поскольку далеко не все из них обладают достаточными знаниями и навыками по использованию современных информационных технологий [30. С. 265], вследствие чего процесс предварительного расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел становится более сложным и длительным. Все это свидетельствует о том, что доказательственное право, как отдельно взятый институт российского уголовного процесса, должно активно приспосабливаться к реалиям цифровой эволюции общественной жизни. Необходимо принимать меры для устранения проблем, так или иначе связанных с цифровыми (электронными) доказательствами, с тем чтобы обеспечить их надежность и достоверность. Только так доказательственное право сможет стать полноценной частью современного уголовного судопроизводства и способствовать законности, обоснованности и справедливости принимаемых судами решений, а значит, защите прав и законных интересов граждан.

Список источников

1. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 64 с.
2. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М. : Норма : ИНФРА-М., 2023. 448 с.
3. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие / Justice. 2020. Т. 2, № 3. С. 86–99. doi: 10.37399/2686- 9241.2020.3.86-99
4. Переверзева Е.С., Комов А.В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178
5. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
6. Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
7. Левченкова В.А. Современные научные подходы к формированию учения о виртуальных следах // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : сб. материалов III Междуна. студ. науч.-практ. конф. Курск : Университетская книга, 2016. С. 105–108.
8. Борзенков П.Е. К вопросу о внедрении категории «виртуальные следы преступления» в систему криминалистики // Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации : сб. ст. IV Междуна. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 151–154.
9. Шарипова А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1. С. 73–89. doi: 10.21638/spbu14.2023.105
10. Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 44 с.
11. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как новая юридическая конструкция: к постановке проблемы // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 740–747.
12. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 74–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084
13. Карташов И.И. Проблемы формирования доказательств в уголовном судопроизводстве на основе цифровой информации // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 99–103.
14. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие для вузов / С.В. Зуев [и др.] ; отв. ред. С.В. Зуев. М. : Юрайт, 2024. 193 с.
15. Черешки А. В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 110–117. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-110-117
16. Федуллова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90–100.
17. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46–50.
18. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 107–110.
19. Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–221.
20. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69. doi: 10.17223/23088451/13/12
21. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.
22. Афанасьева С.И., Добровлянина О.В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 2 (60). С. 349–377. doi: 10.17072/1995-4190-2023-60-349-377

23. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.
24. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве в 2 ч. Ч. 1 : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2024. 184 с.
25. Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63–68.
26. Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10–19.
27. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
28. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777. doi: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777
29. Шереметьев И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 10. С. 81–90. doi: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.081-090
30. Малышева О.А. О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 262–269. doi: 10.17223/15617793/480/29

References

1. Pastukhov, P.S. (2015) *Modernizatsiya ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya v usloviyakh informatsionnogo obshchestva* [Modernization of criminal procedural evidence in the conditions of the information society]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Maslennikova, L.N. (ed.) (2023) *Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve* [Evidence and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings]. Moscow: Norma: INFRA-M.
3. Markovicheva, E.V. (2020) *Tsifrovaya transformatsiya rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Digital transformation of Russian criminal proceedings]. *Pravosudie – Justice*. 3 (2). pp. 86–99. doi: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99
4. Pereverzeva, E.S. & Komov, A.V. (2021) Virtual'nye i tsifrovye sledy: novyy podkhod v ponimani [Virtual and digital traces: a new approach to understanding]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1 (89). pp. 172–178. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178
5. Milashev, V.A. (2004) *Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuternoy informatsii v setyakh EVM* [Problems of search tactics, recording and seizure of traces in case of illegal access to computer information in computer networks]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
6. Lytkin, N.N. (2007) *Ispol'zovanie komp'yuterno-tehnicheskikh sledov v rassledovanii prestupleniy protiv sobstvennosti* [The use of computer-technical traces in the investigation of crimes against property]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
7. Levchenkova, V.A. (2016) [Modern scientific approaches to the formation of the doctrine of virtual traces]. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: dostizheniya i problemy primeneniya* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Achievements and problems of application]. Proceedings of the 3rd International Conference. Kursk. 15 April 2016. Kursk: Universitetskaya kniga. pp. 105–108. (In Russian).
8. Borzenkov, P.E. (2018) [On the issue of introducing the category “virtual traces of crime” into the system of criminology]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya, innovatsii* [Modern Science: Topical issues, achievements, innovations]. Proceedings of the 4th International Conference. Part 2. Penza. 12 December 2018. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 151–154. (In Russian).
9. Sharipova, A.R. (2023) *Novye istochniki ugolovno-protsessual'nykh i inyykh sudebnykh dokazatel'stv v tsifrovoy real'nosti* [New sources of criminal procedural and other judicial evidence in digital reality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 1 (14). pp. 73–89. doi: 10.21638/spbu14.2023.105
10. Sokolov, Yu.N. (2023) *Informatsionnye tekhnologii i oborot tsifrovyykh dannykh v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki* [Information technologies and circulation of digital data in criminology: issues of theory and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
11. Teleshina, N.N. (2013) Virtual'noe prostranstvo kak novaya yuridicheskaya konstruktsiya: k postanovke problemy [Virtual space as a new legal construction: towards the formulation of the problem]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 7. Part 2. pp. 740–747.
12. Voronin, M.I. (2019) Elektronnye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? [Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be?]. *Lex Russica*. 7. pp. 74–84. doi: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084
13. Kartashov, I.I. (2018) *Problemy formirovaniya dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve na osnove tsifrovoy informatsii* [Problems of forming evidence in criminal proceedings based on digital information]. *Yuridicheskaya nauka*. 3. pp. 99–103.
14. Zuev, S.V. (ed.) (2024) *Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve* [Electronic Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurayt.
15. Cheretskikh, A.V. (2023) *Tsifrovye (elektronnye) dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve* [Digital (electronic) evidence in criminal proceedings]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 4 (39). pp. 110–117. doi: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-110-117
16. Fedulova, A. E. (2022) Elektronnye nositeli informatsii v ugolovnom sudoproizvodstve [Electronic media in criminal proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2 (60). pp. 90–100.
17. Vekhov, V.B. (2016) Elektronnye dokazatel'stva: problemy teorii i praktiki [Electronic evidence: problems of theory and practice]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 4 (11). pp. 46–50.
18. Olinder, N.V. (2017) K voprosu o dokazatel'stvakh, sodержashchikh tsifrovuyu informatsiyu [On the issue of evidence containing digital information]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*. 3 (3). pp. 107–110.
19. Novitskiy, V. A. & Novitskaya, L.Yu. (2019) Ponyatie i vidy tsifrovyykh dokazatel'stv [Concept and types of digital evidence]. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal*. 1 (55). pp. 213–221.
20. Baranov, A.M. (2019) Elektronnye dokazatel'stva: illyuziya ugolovnogo protsessa XXI v. [Electronic evidence: the illusion of the criminal process of the 21st century]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 13. pp. 64–69. doi: 10.17223/23088451/13/12
21. Marfitsin, P.G. (2017) Nekotorye podkhody k formulirovaniyu ponyatiya “elektronnoe dokazatel'stvo” v ugolovnom sudoproizvodstve [Some approaches to the formulation of the concept of “electronic evidence” in criminal proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 3 (39). pp. 106–109.
22. Afanas'eva, S.I. & Dobrovlyanina, O.V. (2023) O vnedrenii, razviti, usovershenstvovanii elektronnykh sposobov sobiraniya dokazatel'svennoy informatsii po ugolovnym delam [On the implementation, development, improvement of electronic methods of collecting evidentiary information in criminal cases]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2 (60). pp. 349–377. doi: 10.17072/1995-4190-2023-60-349-377
23. Zazuulin, A.I. (2018) *Pravovye i metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya tsifrovoy informatsii v dokazyvanii po ugolovnomu delu* [Legal and methodological basis for the use of digital information in evidence in a criminal case]. Law Cand Diss. Yekaterinburg.
24. Belkin, A.R. (2024) *Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve v 2 ch.* [The Theory of Evidence in Criminal Proceedings in 2 Parts]. Part 1. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
25. Shelegov, Yu.V. & Shelegov, V.G. (2019) K voprosu o klassifikatsii elektronnykh (tsifrovyykh) dokazatel'stv [On the issue of classification of electronic (digital) evidence]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. 2 (10). pp. 63–68.
26. Vekhov, V.B., Smagorinskiy, B.P. & Kovalev, S.A. (2016) Elektronnye sledy v sisteme kriminalistiki [Electronic traces in the forensic system]. *Sudebnaya ekspertiza*. 2 (46). pp. 10–19.
27. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Elektronnoe ugolovnoe delo – instrument modernizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva [Electronic

- criminal case – a tool for modernizing criminal proceedings]. *Rossiyskoe pravosudie*. 2. pp. 95–101.
28. Zaytsev, O.A. & Pastukhov, P.S. (2019) Formirovanie novoy strategii rassledovaniya prestupleniy v epokhu tsifrovoy transformatsii [Formation of a new crime investigation strategy in the era of digital transformation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 46. pp. 752–777. doi: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777
29. Sheremet'ev, I.I. (2020) Elektronnoe ugovnoe delo: chto eto takoe i puti ego sozdaniya [Electronic criminal case: what is it and ways to create it]. *Lex Russica*. 10 (73). pp. 81–90. doi: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.081-090
30. Malysheva, O.A. (2022) On a new vector of professional training of an investigator in the conditions of digital transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 262–269. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/29

Информация об авторе:

Шаталов А.С. – д-р юрид. наук, профессор Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета “МИЭТ” (Москва, Россия). E-mail: asshatalov@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Shatalov, Dr. Sci. (Law), professor, National Research University of Electronic Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: asshatalov@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 27.02.2024;
approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

Научная статья
УДК 343.61
doi: 10.17223/15617793/500/26

Специальные виды хищения

Александр Викторович Шеслер^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

^{1, 2} sofish@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются дискуссионные вопросы объекта, момента окончания, последствий, обязательности безвозмездности завладения и наличия корыстной цели при совершении хищений предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте. Анализируется судебная практика, отражающая особенности специальных видов хищений. Критикуется позиция законодателя, распространяющего содержащееся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ понятие на все виды хищения, в том числе на хищение предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте. Предлагается учесть в уголовном законе особенности специальных хищений в виде отдельного определения каждого из них в примечании к соответствующей статье УК РФ.

Ключевые слова: хищение, специальное хищение, изъятые и ограниченные в гражданском обороте предметы, огнестрельное оружие, наркотические средства, корыстная цель, корыстный мотив

Для цитирования: Шеслер А.В. Специальные виды хищения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 231–243. doi: 10.17223/15617793/500/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/500/26

Special types of theft

Aleksandr V. Shesler^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Novokuznetsk, Russian Federation

^{1, 2} sofish@inbox.ru

Abstract. The article considers the controversial issues of attributing Note 1 to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC), which defines the concept of theft, to the theft of objects seized or restricted in civil circulation (narcotic drugs, psychotropic substances, firearms, documents, etc.), called special theft in the criminal law literature. The aim of the article is to substantiate that this definition cannot be applied to special types of theft. The features of objects seized or restricted in civil circulation determine the content of the signs of the object, the objective side, the subjective side and the subject of special theft, which is different from the content of similar signs of the composition of theft provided for in Chapter 21 of RF CC. The research is based on domestic criminal and other branch laws, as well as on materials of judicial practice. In the process of working on the article, the following methods were used: the method of comparative jurisprudence, which made it possible to compare the provisions of articles of RF CC on embezzlement provided for in Chapter 21 of RF CC and on special embezzlement provided for in other chapters of RF CC (24, 25 and others); the method of document analysis, which made it possible to analyze judicial practice and Resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, which considered the qualification of special types of theft (narcotic drugs, psychotropic substances, firearms, documents, etc.); a formal logical method that allowed an analysis of the content of the norms of RF CC on theft of objects seized or restricted in civil circulation. The article criticizes scientific positions on this issue, justifying the attribution of Note 1 to Article 158 of RF CC, which gives the concept of theft, to theft of objects seized or restricted in civil circulation. It is argued that judicial practice proceeds from the fact that special types of theft have qualification features that differ from the qualification of theft provided for in Chapter 21 of RF CC. It is noted that when stealing items seized or restricted in civil circulation, property is not only the main, but also an additional object of crime; the moment of the end of such theft should be associated with the moment when the culprit has the opportunity to dispose of the stolen at his discretion, and not with the moment of seizure of these items from someone else's possession; a selfish goal is optional, and not a mandatory sign of such theft; the use of official position in the theft of these items may even consist in the use of ordinary labor functions when working with objects seized or restricted in civil circulation. It is proposed to take into account the highlighted features of special types of theft in the criminal law in the form of their separate definition in RF CC, different from the one given in Note 1 to Article 158 of RF CC.

Keywords: theft, special theft, items seized and restricted in civil circulation, firearms, narcotic drugs, selfish purpose, selfish motive

For citation: Shesler, A.V. (2024) Special types of theft. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 238–243. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/26

Анализ примечания 1 к ст. 158 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что данное в нем понятие хищения охватывает не только те хищения, о которых идет речь в гл. 21 УК РФ, но и те, о которых идет речь в других главах УК РФ, в частности, в ст. 221, 226, 227, 229, 276, 312, 325, 356.1 УК РФ. Вместе с тем практика применения указанных норм показывает, что понятие хищения, содержащееся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, не является универсальным и не может быть таковым в принципе. В работах исследователей, посвященных главным образом хищениям предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте, называемых специальными хищениями, на это обращается внимание. Авторы аргументируют данное обстоятельство особенностями таких хищений, связанными с тем, что значительная часть признаков хищений как преступлений против собственности для них не является обязательной [1. С. 9–10; 2. С. 6–9, 12–13; 3. С. 5–6; 35–95; 4. С. 7–9]. Полагаем, что в круг таких преступлений не входят деяния, связанные с завладением человека, так как все виды хищения (как объединенные в гл. 21 УК РФ, так специальные) предполагают наличие владельца (законного или не законного) того, что составляет предметы преступлений, в число которых не входит человек. Кроме того, незаконное завладение такими предметами осуществляется против воли их владельца. Наверное, законодатель сделал попытку развести незаконное завладение человеком, который является потерпевшим, и тем, что составляет предмет преступления, используя термин «похищение» (ст. 126, 127 УК РФ). На наш взгляд, это законодательно не удалось, так как аналогичный термин использован и в ст. 276 УК РФ при перечислении форм шпионажа. Полагаем, что похищение сведений, указанных в этой статье, также можно отнести к специальным видам хищения, так как эти сведения имеют владельца, а незаконное завладение такими предметами осуществляется против воли последнего. Более удачно посягательство на физическую свободу человека законодатель выразил в других статьях УК РФ, например, в ст. 206, используя термины «захват» и «удержание». В целом отметим, что назрела потребность исследовать все виды хищений, которые не относятся к преступлениям против собственности, а не только хищения предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте. В частности, к таким хищениям относятся пиратство (ст. 227 УК РФ) и мародерство (ст. 356.1 УК РФ).

Обратимся к характеристике особенностей специальных хищений, которые состоят как в объективных, так и субъективных их признаках.

Прежде всего специфическими являются объекты указанных хищений. В качестве их основного объекта выступает не собственность или иные имущественные отношения, а отношения иного рода. Например, при хищении оружия (ст. 226 УК РФ) основным объектом выступает часть общественной безопасности в виде

установленного порядка его приобретения, обеспечивающего состояние защищенности личности, общества, государства от незаконного использования поражающих свойств оружия, при хищении наркотических средств (ст. 229 УК РФ) – часть общественной безопасности в виде установленного порядка их приобретения, обеспечивающего состояние защищенности здоровья населения от немедицинского потребления таких средств, при хищении официальных документов – часть порядка управления, связанная с законным их обращением, и т.д. Такая особенность объектов вытекает из специфики оружия, наркотических средств и официальных документов как предметов хищения. Оружие является источником повышенной опасности в связи с тем, что оно конструктивно предназначено для механического поражения живой и иной цели на расстоянии, наркотические средства оказывают негативное психоактивное воздействие на организм человека, вызывают у него при их употреблении наркотическую зависимость, разрушающую здоровье, официальные документы удостоверяют факты, имеющие юридическое значение, влекущие юридические последствия и т.д. Причем отношения собственности при хищении указанных предметов вообще могут отсутствовать, не выступать даже в качестве дополнительного объекта преступления. Подобная ситуация возникает в тех случаях, когда совершается хищение такого оружия и таких наркотических средств, которые имеют незаконный источник физического происхождения, в частности, изготовлены незаконно. Либо эти предметы оказались в незаконном владении лица, являющегося наследником умершего их законного владельца, в тех случаях, когда наследник нарушил установленный законом порядок наследования данных предметов. Незаконный источник их происхождения или незаконный способ владения ими не создает первоначальных оснований для возникновения права собственности на эти предметы. В последующем возможно законное владение этими предметами, например, правоохранительными органами в случае их изъятия при производстве следственных действий. Владение официальными документами не создает права собственности на них.

Указанное означает, что потерпевшим от специальных хищений может быть только титульный (законный) владелец предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте. Незаконный владелец этих предметов может быть потерпевшим при совершении таких хищений только в том случае, если завладение ими сопряжено с насилием (например, в случаях, предусмотренных п. «г» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ). Однако потерпевшим данное лицо становится в связи с тем, что посягательство осуществляется на его телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь.

Характеризуя предметы специальных хищений, отметим еще их одну особенность, которая начинает проявляться все более очевидно в условиях цифровизации

общественной жизни, прежде всего экономических отношений. Как правило, эти предметы представлены в виде вещи, имеют материальную субстанцию. Например, наркотические средства и психотропные вещества находятся в жидком, газообразном и твердом состоянии. Имущество, являющееся предметом хищений против собственности, может иметь виртуальную форму. Существующая редакция ст. 128 ГК РФ к иному имуществу относит такие виртуальные объекты, как безналичные денежные средства (включая цифровые рубли), бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. Безусловно, в уголовно-правовой литературе нет единства мнений по поводу того, является ли завладение такими предметами хищением. Одни исследователи полагают, что такое завладение является хищением [5. С. 25; 6. С. 14, 21–23; 7. С. 9–10, 18–19]. Другие исследователи критикуют сложившуюся следственную и судебную практику квалификации такого завладения как хищения и предлагают ввести в действующий УК РФ самостоятельный состав преступления, предусматривающий наказуемость незаконного завладения с корыстной целью предметов, существующих в виртуальном виде. Эта позиция обосновывается различным механизмом завладения физическими и виртуальными предметами [8. С. 9–11, 15–16, 18; 9. С. 195]. Однако в данный момент следует исходить из того, что законодатель незаконное корыстное, безвозмездное завладение виртуальным имуществом относит к хищениям как преступлениями против собственности (п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, п. «а ч. 3 ст. 159.6 УК РФ). Причем к имуществу как к предмету хищения можно отнести только те виртуальные предметы, которые являются объектом правовой охраны прежде всего в регулятивных отраслях законодательства, признаны законом. Например, ст. 141.1 ГК РФ указывает, что цифровые права должны не только существовать в информационной системе (их содержание и условия осуществления должны определяться правилами информационной системы), но и должны быть названы таковыми в законе. Под эти признаки подпадает цифровая валюта как совокупность электронных данных, которые содержатся в информационной системе в информационной системе и могут быть приняты в качестве средства платежа (ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Однако под признаки имущества не попадают различные виртуальные предметы в компьютерных играх («золотые танки», «золотые мечи» и т.д.). Несмотря на то, что они существуют на информационной платформе, они не являются предметом правовой охраны, не признаны гражданским законодательством в качестве объекта гражданских прав. При этом виртуальные предметы, которые не являются объектом правовой охраны и, соответственно, предметом хищений как преступлений против собственности, могут быть предметом других преступлений. В частности, виртуальные активы могут быть предметом тех преступлений, которые предусмотрены ст. 174, 174.1 УК РФ (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32

«О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»). В практике применения уголовного закона эти активы признаются также предметом взяточничества и коммерческого подкупа.

Несомненно, нефизическую форму при хищении могут представлять сведения, составляющие государственную тайну, если они представлены в виде информации. Конечно, и документы в значительной мере в современный период представлены в электронной форме. Не случайно электронные документы в судебной практике признаются предметом преступлений (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Особенности объективной стороны специальных хищений характеризуются последствиями от их совершения и моментом их окончания. В связи с тем, что собственность не является ни основным, ни дополнительным объектом рассматриваемых хищений, можно утверждать, что причинение ущерба собственнику, являющимся обязательным признаком хищений как преступлений против собственности, не является таковым признаком для специальных хищений. Отсутствие этого последствия обусловлено тем, что потерпевшим, как уже отмечалось, является только законный владелец данных предметов. Незаконное владение, независимо от затрат на приобретение таких предметов, уголовно-правовой охране не подлежит. Кроме того, лицо, совершающее незаконное изъятие указанных предметов из чужого владения, может оставить их владельцу денежную сумму, эквивалентную их стоимости. Таким образом, обязательным последствием от специальных хищений является то, которое состоит в причинении вреда основному объекту преступления (общественной безопасности, безопасности здоровью населения и т.д.).

Момент окончания специальных видов хищений в практике применения уголовного закона отличается от такого момента применительно к хищениям против собственности. Для последних таким моментом, если предметом хищения является имущество в виде вещи, является появление у виновного реальной возможности распорядиться изъятим имуществом по своему усмотрению (см., например, п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Специальные хищения считаются оконченными с момента противоправного завладения (изъятия из чужого владения) соответствующих предметов (см., например, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»; п. 13 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»).

Полагаем, что исходя из характера последствий, преступления против собственности должны считаться оконченными с момента изъятия имущества из чужого владения, так как именно с этого момента владельцу имущества причиняется ущерб в виде уменьшения у него похищенного имущества. Аналогичная позиция высказывалась и другими авторами [10. С. 3–4, 8–9, 16]. Примечательно, что моментом окончания кражи и мошенничества, предметом которых являются безналичные денежные средства, в судебной практике считается момент их снятия с банковского счета в связи с тем, что этим причиняется ущерб их владельцу (п. 25.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Исходя из этого, можно ожидать формирование судебной практики в отношении момента окончания хищений в целом в зависимости от момента изъятия имущества, причиняющего вред его владельцу.

Напротив, специальные виды хищения должны признаваться оконченными с того момента, когда у виновного появляется реальная возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению, так как именно с этого момента возникает конкретный вред в виде законно неконтролируемого использования свойств предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте: здоровью населения в виде немедицинского потребления наркотических средств неопределенным кругом лиц, общественной безопасности в виде незаконного использования поражающих свойств оружия, порядку управления в виде похищенных документов для удостоверения имеющих юридическое значение фактов и т.д.

Особенностями характеризуется также субъективная сторона специальных хищений. Для хищений против собственности обязательной является корыстная цель, состоящая в направленности действий виновного на такой мысленно представляемый им результат, как завладение чужим имуществом без полного возмещения его стоимости или без возмещения его стоимости в полном объеме. При совершении специальных хищений цель преступления может ограничиваться только направленностью действий виновного завладеть предметами, изъятими или ограниченными в гражданском обороте. При оплате виновным владельцу таких предметов денежной суммы, эквивалентной их стоимости, в цель хищения не входит представление о результате действий в виде завладения ими без возмещения их стоимости или без возмещения их стоимости в полном объеме.

Однако отметим, что некоторые исследователи усматривают наличие корыстной цели именно в стремлении виновного завладеть чужим имуществом [11; 12.

С. 23–27]. В значительной мере данная позиция закреплена в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Это означает, что корыстная цель сводится к стремлению виновного выполнить объективную сторону хищения. Вместе с тем такое стремление характеризует не цель, а волевой момент умысла при хищении. Другие исследователи полагают, что корыстная цель имеет место в тех случаях, когда такое стремление сопровождается причинением ущерба владельцу похищенного [13. С. 182–184]. Полагаем, что и эта позиция не в полной мере характеризует корыстную цель при хищении, так как имущество может изыматься у его владельца для уничтожения по мотивам мести. Подобные деяния не квалифицируются как хищения.

На наш взгляд, следует поддержать позицию тех исследователей, которые исходят из тесной взаимосвязи корыстной цели и корыстного мотива при хищении, полагая, что корыстная цель отсутствует, если нет корыстного мотива, понимаемого как корыстные побуждения. Последний трактуется в практике применения уголовного закона как цель виновного извлечь для себя или других лиц выгоду имущественного характера или освободиться от определенных материальных затрат (например, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 1 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»). Несмотря на терминологическую путаницу, состоящую в отождествлении корыстной цели и корыстного мотива, очевидно, что судебная практика исходит из того, что корыстная цель при хищениях обязательно сопряжена с наличием корыстного мотива. Это означает, что при незаконном завладении виновным предметами, изъятими или ограниченными в гражданском обороте, в случае полного возмещения их стоимости владельцу, или для их уничтожения, без намерения виновного извлечь для себя, других лиц выгоду имущественного характера либо освободиться от определенных материальных затрат, корыстная цель как признак хищения отсутствует.

Особенности специальных хищений могут проявлять и в признаках их субъекта. Речь идет прежде всего о таком квалифицирующем признаке, как использование лицом, совершающим такое хищение с использованием своего служебного положения. Применительно к хищениям как преступлениям против собственности к таким лицам относят должностных лиц, признаки которых определены в примечании к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, которые не являются должностными лицами, а также лиц, выполняющих в соответствии с примечанием к ст. 201 УК РФ организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в коммерческих и иных организациях (п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Очевидно, что в подобных

случаях хищения совершаются не просто лицами, имеющими фактический доступ к похищаемому имуществу в связи с работой и иными обстоятельствами, а лицами, обладающими определенными полномочиями в отношении такого имущества (полномочиями по управлению, распоряжению, хранению, контролю за этими действиями и т.д.).

Толкование аналогичного квалифицирующего признака в судебной практике применительно к специальным видам хищения является более широким. Так, к лицам, использующим при хищении предметов, указанных в ст. 229 УК РФ, свое служебное положение, относят не только тех, которые указаны выше, но и лиц, работа которых с такими предметами обусловлена их трудовыми функциями (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»). К ним в практике применения п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ относят охранников, врачей, медсестер, экспедиторов, провизоров, лаборантов. К лицам, использующим при хищении предметов, указанных в ст. 226 УК РФ, свое служебное положение, в судебной практике относят лиц, которым они выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей, а именно: часовых, полицейских, вахтеров или инкассаторов во время исполнения

ими служебных обязанностей и т.п. (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»). Полагаем, что такое толкование рассматриваемого квалифицирующего признака является не случайным и отражает повышенную общественную опасность хищения наркотиков и оружия (иных предметов, указанных в ст. 226, 229 УК РФ) теми лицами, которые имеют облегченный доступ к ним в силу законной трудовой деятельности. Для более адекватного отражения в уголовном законе такого облегченного доступа в качестве квалифицирующего признака хищения некоторые исследователи предлагают заменить словосочетание «с использованием своего служебного положения» словосочетанием «с использованием трудовых функций» [4. С. 10, 19].

Полагаем, что выделенные особенности специальных видов хищений должны быть учтены законодателем в виде их отдельного определения в УК РФ, отличного от того, которое дано в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Причем такие определения должны быть даны применительно к каждому виду хищения, так как все они обладают специфическими особенностями, связанными с предметами (одни из них изъяты или ограничены в гражданском обороте, другие нет, одни из них существуют только в вещной, физической форме, другие могут быть виртуальными и т.д.).

Список источников

1. Дербок З.Г. Специальные виды хищения и вымогательства: проблемы криминализации и перспективы оптимизации из законодательного описания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 29 с.
2. Брашнина О.А. Специальные виды хищений по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2022. 248 с.
3. Шеслер А.В., Шеслер В.А. Уголовно-правовая характеристика хищения наркотических средств или психотропных веществ. М. : Проспект, 2022. 184 с.
4. Шеслер В.А. Уголовно-правовая характеристика хищения наркотических средств или психотропных веществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2021. 23 с.
5. Некрасов В.Н. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере инновационной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 36 с.
6. Соловьева Е.А. Преступления, совершаемые в платежных системах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 33 с.
7. Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступления в сфере экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 28 с.
8. Иванова О.М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 23 с.
9. Шеслер А.В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 188–196. DOI: 10.17223/15617793/491/23
10. Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 27 с.
11. Кузнецова Н.Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Зерцало, 1998. 363 с.
12. Яни П.С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 2. С. 23–27.
13. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск : Омская академия МВД России, 2001. 294 с.

References

1. Derbok, Z.G. (2015) *Spetsial'nye vidy khishcheniya i vymogatel'stva: problemy kriminalizatsii i perspektivy optimizatsii iz zakonodatel'nogo opisaniya* [Special types of theft and extortion: problems of criminalization and prospects for optimization from the legislative description]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
2. Brashnina, O.A. (2022) *Spetsial'nye vidy khishcheniy po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Special types of theft under the criminal legislation of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Shesler, A.V. & Shesler, V.A. (2022) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika khishcheniya narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv* [Criminal-Legal Characteristics of Theft of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances]. Moscow: Prospekt.
4. Shesler, V.A. (2021) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika khishcheniya narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv* [Criminal-legal characteristics of theft of narcotic drugs or psychotropic substances]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok.
5. Nekrasov, V.N. (2022) *Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennykh otnosheniy v sfere innovatsionnoy deyatel'nosti* [Criminal law protection of public relations in the field of innovation]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
6. Solov'eva, E.A. (2019) *Prestupleniya, sovershaemye v platzhnykh sistemakh* [Crimes committed in payment systems]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
7. Mochalkina, I.S. (2022) *Tsifrovye prava i tsifrovaya valyuta kak predmet prestupleniya v sfere ekonomiki* [Digital rights and digital currency as the

subject of a crime in the economic sphere]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

8. Ivanova, O.M. (2020) *Khishchenie chuzhogo imushchestva kak ugovovno-pravovaya kategoriya* [Theft of other people's property as a criminal category]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
9. Shesler, A.V. (2023) Virtual objects as the subject of an illegal mercenary acquisition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 188–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/23
10. Ermakova, O.V. (2011) *Moment okonchaniya prestupleniy protiv sobstvennosti: zakon, teoriya, praktika* [The moment of the end of crimes against property: law, theory, practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
11. Kuznetsova, N.F. (1998) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Zertsalo.
12. Yani, P.S. (2019) *Koryst' kak priznak khishcheniya* [Self-interest as a sign of theft]. *Zakonnost'*. 2. pp. 23–27.
13. Veklenko, V.V. (2001) *Kvalifikatsiya khishcheniy* [Qualification of Theft]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2024;
одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*

*The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2024. № 500. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати ...03.2024 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,7. Усл. печ. л. 23. Тираж 50 экз.
Заказ № . Цена свободная.

Дата выхода в свет 00.05.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru